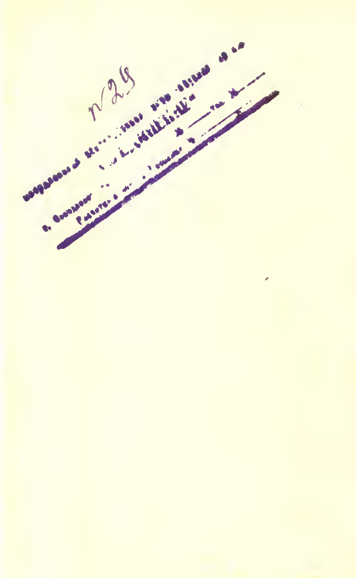

Люди
с чистой
совестью

П. ВЕРШИГОРА

ЛЮДИ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Война для меня началась на крышах киевской киностудии, в которой мастера украинского кино создали ряд выдающихся фильмов. Несколько десятков гектаров земли, засаженных фруктовыми деревьями, чудесные аллеи, а в центре — оригинальное здание из красного и желтого кирпича с четырьмя башнями по углам. В этой студии я работал режиссером.

На четвертый день войны, когда я дежурил на одной из башен, над студией пролетели первые двадцать черных самолетов.

Это было в среду, 25 июня, в 9 часов утра. Самолеты шли бомбить авиазавод, находившийся недалеко от студии. Военные познания мои были очень невелики, и я не знал, что если бомбы отрываются от самолета над твоей головой, то тебе они уже не достанутся. А бомбы, предназначенные для авиазавода, сбрасывались гитлеровскими летчиками как раз над моей головой. По телефону, который был проведен к моей вышке, я прокричал на командный пункт какие-то торжественные слова, вроде: погибаю, мол, но не сдаюсь,— и упал лицом вниз, ожидая смерти.

Вероятно, я тогда всерьез верил, что именно от моего поста на крыше многое зависит в ходе военных действий, а то и во всей войне.

Далее мои военные похождения продолжались в Полтаве, на футбольном поле стадиона, где в спешном порядке формировалась 264-я стрелковая дивизия.

В последних числах июля поезд десять часов мчал нас из Полтавы и на рассвете подвез к Днепру, к затерянной в песках левобережья станции Леплява.

На нас были новенькие гимнастерки. Тут же, на станции, выдали нам блестевшие свежим воронением и маслом полуавтоматические винтовки. Выгрузившись из вагонов, мы впервые ощутили близость фронта: высоко вверху кружились тогда мне совершенно неизвестные, а затем изрядно надоевшие за войну стрекозы — немецкие корректировщики. Через сутки, нагруженные скатками, гранатами, котелками, мы переправились через Днепр и, пройдя еще километров двадцать на запад, через село Степанцы вышли на передовую. Шли спешным маршем, иногда переходя на рысь. Солдатские штаны, придерживаемые брезентовым пояском, не держались на животе и все время сползали, скатка развязывалась и терла шею, котелок стукался о винтовку, пот заливал лицо. Впереди явственно ухала артиллерия, слышались разрывы мин, переговаривались пулеметы. Ноги потерлись и болели, к горлу подступала злость. Позади были картины эвакуации Киева и других городов Украины, на которую гитлеровцы обрушили удары авиации и механизированных дивизий.

Наша дивизия занимала по фронту километров шесть, перекрывая важную дорогу. Я начал боевую карьеру в должности помощника командира взвода. Вернее говоря, вначале у меня была более почтенная должность — интенданта полка. Но на столь высоком посту я удержался всего лишь два часа.

Дело происходило еще на полтавском стадионе. Бравый вояка, подполковник Макаров, формируя свой полк, выстроил командный состав и молниеносно распределил: ты будешь командовать такой-то ротой, ты — такой-то и так далее, но очутился в тупике, когда понадобилось найти интенданта. Он почему-то был убежден, что командовать могут всякие люди, но интендантом способен быть только очень грамотный человек.

Распределив всех по должностям, он еще раз выстроил в шеренгу командиров и стал справляться об их образовании. Узнав, что я окончил театральный институт, а затем киноакадемию, он, нимало не смущаясь тем, что оба эти учебные заведения не имели никакого отношения ни к военному, ни к хозяйственному делу, сразу же решил, что я сущий клад для полка и могу быть отличным интендантом. Подполковник с хода дал мне задание получить селедку на весь полк. 82 грамма селедки полагалось на бойца, 985 бойцов имелось в наличии. Селедок я получил 688 штук. На досках мы разложили селедки. Передо мною, словно солдаты в строю, выстроились блестящие злые рыбины, а я стоял над ними и ломал себе голову, как разделить их по справедливости. Взвешивая по 82 грамма этих проклятых селедок, мы столкнулись с проблемой дележки голов и хвостов. От каждой порции приходилось отрезать либо то, либо другое. Одним доставалась наибо-

лее вкусная часть, другим же — сплошные хвосты и головы. Словом, от должности начхоза я был немедленно отставлен. Командир полка хотел отправить меня в глубокий тыл, весьма смущенный моей непригодностью к интендантским обязанностям.

— Ну куда я тебя дену? Военное образование у тебя есть? Действительную служил?

— Служил, барабанщиком, — угрюмо ответил я.

Командир беспомощно развел руками. Через день, с некоторым стеснением, он назначил меня на должность помощника командира взвода.

Три года спустя, командуя партизанской дивизией, как-то на вечере воспоминаний я рассказал партизанам о своей первой военной проблеме — дележе селедок; старшина хозяйственной части Саша Зиберглейт укоризненно сказал:

— Ай-яй-яй, товарищ генерал, как же можно было так решать? Нужно было дать каждому по полселедки, потом дать добавку по голове или хвосту, и у вас еще осталось бы сто — двести порций резерва...

Только тогда я понял, что не родился интендантом.

Но вернемся к селу Степанцы, метрах в трехстах от которого — на свекловичном поле — занимала оборону еще ничем себя не прославившая 264-я дивизия.

Это было на рассвете 2 августа 1941 года. Мы выкопали окопчики. Некоторые из них были начаты какими-то нашими предшественниками. Мы прибыли в Степанцы накануне, и, как полагается перед боем, нас маленькими группами отправляли в садик, где политрук читал нам присягу и мы подписывали ее.

Я, помню, страшно сконфузился, когда, принимая присягу, механически взял под козырек, забыв, что в левой руке у меня винтовка и козырять в таком положении не полагается. Политрук укоризненно покачал головой:

— Э-эх, товарищ помкомвзвода!

В первые дни мне часто приходилось краснеть из-за всех этих штатских промахов.

Немцы словно следили за нами: как только мы заняли оборону и окопались, началась артподготовка. Должен признаться, что артиллерийскую подготовку, первую в своей жизни, я не выдержал. Когда противник открыл сильный огонь, я задом вылез из индивидуального окопчика и непонятно каким образом очутился где-то посреди поля, очевидно выбирая свой «командный пункт» поближе к деревне.

В жизни каждого солдата есть такой кризисный момент, когда решается его судьба в войне. Как он будет в ней участвовать: как трус, или как бесшабашный храбрец, или просто как честный человек.

Вот такой кризисный момент был и у меня в моем первом бою.

Отправляясь на свой «капе» по широкой дороге, которая шла среди свекловичной плантации, и все более набирая ход, я увидел в глубокой и очень узкой яме голову уже знакомого мне политрука. Высунувшись, он сказал мне:

— Э-эх, товарищ помкомвзвода, а я на вас надеялся больше, чем на кого-нибудь другого. Вы же все-таки человек сознательный.

В это время батарея вражеских полковых минометов опять возобновила беглый огонь, обрабатывая наш передний край. Я очутился в канавке, которую колхозники вырыли для предохранения свеклы от совки. Помню, что мне было очень трудно втискивать свое режиссерское брюшко в эту узкую канавку. Но как-то я все-таки в ней устроился. Минут через десять немцы начали атаку. Сбоку нас стали обходить автоматчики. Кто-то из бойцов нашего взвода крикнул:

— Командира убили!

И тут я понял, что мое место вместе со взводом, но вдруг увидел, что взвод поднялся со своих мест и улепетывает через свекловичное поле.

В этот момент я увидел первого немца.

Одна автоматная очередь прошла очень близко возле меня. Разрывные пули защелкали рядом по свекольной ботве. Немец, молодой парень в самодельном камуфляжном костюме из листьев, привязанных к плащ-палатке с автоматом в руках, подполз ко мне. Очевидно, запасную обойму он держал в зубах. Мне тогда показалось, что это кинжал или вообще что-то страшное. Но немец не замечал меня. Он стал обстреливать наш бегущий взвод, и я увидел двух или трех упавших бойцов. Я взглянул на место, где должен был находиться политрук. Его там не было. У меня мелькнула мысль: «На войне нельзя бегать. Даже отступать нужно лицом к врагу». Один автоматчик на моих глазах расстреливал целый взвод спин. Когда немец находился уже в нескольких шагах от меня, я вспомнил, что являюсь командиром этого взвода, так как командир убит.

В бою бывают моменты, когда сознание уходит. Должен сказать, что и в последующих боях мне приходилось испытывать подобное состояние Вот и в этот первый мой бой я не помню, что именно было со мной дальше. Только помню, что гитлеровский автоматчик лежал мертвый, а я стоял около него. Но и сейчас я не уверен до конца, что это я его убил. Опомнившись только тогда, когда немец стал трупом, я взял его автомат, мой первый трофей, догнал взвод и заставил людей подчиниться себе. Приказал им залечь, отстреливаться,

затем по команде отходить, опять ложиться и опять стрелять. Так продолжалось, может быть, всего несколько минут, нужных нам для того, чтобы пробежать сто — сто пятьдесят метров и забраться в окопы, которые находились на краю села.

Мы засели в окопах и начали томительный, однообразный оборонительный бой, который по существу является перестрелкой.

Что еще запомнилось мне в первом бою? Какие-то люди на свекловичном поле, подняв руки, двигались по направлению к вражеским пулеметчикам, которые тоже поднялись с земли и шли навстречу. Этих людей было пятеро. Немец был один, далеко позади плелся его второй номер. Решение пришло само собой. Я скомандовал «огонь» взводу, который уже полностью подчинялся мне, и одним залпом из нескольких ручных пулеметов и винтовок мы скосили их всех: и тех, кто хотел сдаться, и тех, кто собирался брать пленных.

Так окончился мой первый бой. Еще две детали, которые остались в памяти после боя: звон в ушах от бесконечных выстрелов и страшная жажда.

Мы заняли оборону в окопах. Наступила ночь. Я выставил караулы и наблюдение. Свободные бойцы, свалившись от усталости на дно окопов, спали. Я не мог уснуть, и вот именно тогда, ночью, я понял, до конца осознал, что на войне нельзя показывать врагу спину. Солдат, показывающий врагу спину, вызывает у противника уверенность в победе и, кроме того, служит прекрасной мишенью.

Утром мы много толковали об этом с бойцами, и в следующих боях, которые происходили каждый день, я увидел, что бойцы действительно поняли меня по-настоящему...

2

Бои на окраинах села Степанцы становились с каждым днем все сильнее и ожесточеннее. За несколько дней было не менее десятка жестоких схваток и бесчисленное количество мелких стычек; мне приходилось принимать в них участие, и я уже чувствовал себя старым солдатом. Взвод, над которым я принял команду в первые дни боев, сильно поредел, так же как роты и батальон. В течение нескольких дней я успел пройти практический стаж командования взводом, затем ротой, поработал в штабе батальона, потом опять командовал ротой, а на десятый день боев командовал батальоном. Мы стояли в обороне все на одном и том же месте; отвозили в тыл раненых, вокруг нашей обороны выросло много свежих могильных холмов. У самой дороги, возле штаба батальона, была могила политрука, который сделал меня солдатом.

В первом, особенно памятном для меня бою я потерял политрука из виду и только после окончания боя узнал, что бойцы видели его на свекловичном поле. Он был ранен в горло. Ночью мы — несколько человек — переползли на это место и нашли его уже мертвым. Отнесли назад, за передовую линию, и похоронили.

Батальоном мне пришлось командовать после четырех командиров, сменившихся за эти несколько дней. Он состоял из сотни бойцов, закалившихся в беспрерывных боях.

Наша оборона располагалась вправо и влево от магистральной дороги, ведущей от станции Мироновка к переправам через Днепр возле Канева. Мироновка была в руках у немцев. Канев — у нас. Наш батальон перекрывал эту дорогу. Вдоль нее противник вел ожесточенное наступление.

Приняв батальон, я сразу перевел его штаб и свой командный пункт в крайний дом села Степанцы. Я думал, что если штаб будет в стороне от дороги, бойцы поймут это как стремление начальства остаться в стороне от оси наступления противника. Перевод штаба — простой маневр — вселил в бойцов уверенность. Люди увидели, что командование не собирается отдавать дорогу противнику, будет стоять здесь вместе с ними и с дороги не уйдет.

Но я тогда был всего только немножко смелым солдатом и подсознательно понимал, что я еще не командир, а учиться уже поздно. Учиться нужно было раньше...

Когда после пятидневных боев немцы усилили нажим, направляя свой удар вначале по флангам, а затем по центру, туда, где стоял мой батальон, часть дивизии стихийно снялась и начала отступать к Каневу, а затем по инерции добежала до самой переправы на Днепре. Потерялись связь и управление, началась неразбериха, которая часто заканчивается паникой.

Люди вынужденно скапливались в узком горлышке переправы через Днепр. Среди командования нашелся твердый человек, который собрал большую часть бежавших, привел их в порядок, построил, расстрелял перед строем нескольких паникеров. Этого оказалось достаточно, чтобы бежавшие вернулись на свое место.

А в это время гитлеровцы нажимали исключительно на наш батальон. Более суток мы держали оборону, не подозревая, что отклонись противник всего на километр в сторону, мы оказались бы в его тылу.

Мне, как и многим солдатам, не имевшим тогда достаточного боевого опыта и плохо знавшим врага, еще непонятна была эта черта тупой немецкой тактики. Через полтора года

мы услышали по радио гениальный анализ, данный товарищем Сталиным:

«Немцы аккуратны и точны в своих действиях, когда обстановка позволяет осуществлять требования устава. В этом их сила. Немцы становятся беспомощными, когда обстановка усложняется и начинает «не соответствовать» тому или иному параграфу устава, требуя принятия самостоятельного решения, не предусмотренного уставом. В этом их основная слабость».

Именно этот эпизод, как и многие другие из боевой практики моих товарищей, вспомнился мне тогда. Вероятно, в эти первые боевые дни так же поняли врага — его сильные и слабые стороны — миллионы советских людей, солдат и офицеров, освещая свой личный, частный опыт светом гениального сталинского анализа и неумолимых исторических обобщений. Неумолимых потому, что верных.

Но тогда, в августе 1941 года, по своей наивности новоиспеченного солдата и командира, я и не подозревал, что для того, чтобы вести войну, надо знать не только то, что делается впереди тебя, но и то, что делается справа, слева и сзади.

А немцы перли только в лоб.

Наш батальон, отстоявший дорогу, отбивший все атаки гитлеровцев, отвели на отдых в село Степанцы. Первое, что вспоминается об этих часах отдыха,— это походная кухня и котел, в котором закипал самый настоящий чай. У нашего старшины было много сахару. Чай напоминал какую-то странную жидкую кашицу, но я наверняка знаю, что никогда в жизни не пил напитка чудеснее. Вероятно, я выпил десяток кружек чаю и хотел завалиться отдыхать после шести или семи суток боев. В эти дни приходилось спать только стоя, прислонившись спиной к стенке окопа, есть размоченный в луже кусок сухаря и быть в положении худшем, чем любой солдат: в те дни у меня уже просыпалось первое чувство командира, чувство ответственности за жизнь людей, которыми ты командуешь.

Я и сейчас убежден, что самой главной чертой командирского дела является вот это чувство ответственности. Техника, грамотность, военная тренировка — всему этому можно научиться. Но без чувства ответственности перед своей совестью командир никогда не будет настоящим руководителем боя. Он будет только ремесленником военного дела.

И вот, когда счет выпитых кружек чаю дошел примерно до десяти, наше чаепитие было прервано налетом гитлеровской авиации. Немцы нащупали штаб дивизии и бросили на его бомбежку несколько десятков самолетов. Все быстро рассредоточились, и я оказался в ближайшем огороде.

Недалеко от меня, в кабачках, лежала женщина, одетая в яркокрасное бархатное платье. В тот момент, когда в воздухе надоедливо выли и падали бомбы, женщина делала какие-то странные движения. Она производила впечатление человека, корчащегося от боли, умирающего от ран. Но вот одна бомба упала на площади села, другая зажгла дом. Я подумал, что мне надо ретироваться куда-то с огорода, но налет кончился, и я увидел, что кухня с нашим замечательным чаем была разворочена прямым попаданием бомбы. Я стоял и издали смотрел на кухню. Рядом потрескивал горящий дом, кричали бабы, бегали дети, санитары пронесли раненого красноармейца. Посреди всего этого очень странной показалась мне женщина в красном платье, с черными, как смоль, волосами. Она медленно вышла из огорода, отряхнула платье и, оглядываясь по сторонам, стала переходить через площадь. Навстречу ей из переулка шел красноармеец с русской винтовкой и штыком. Подойдя к обломкам кухни, он остановился. Туда же пошла и женщина в красном платье. Они о чем-то пошептались, затем красноармеец глянул на нее, как-то криво улыбнулся и вскинул винтовку на плечо. Заметив меня, красноармеец ласково обнял женщину за талию. Потом они разошлись в разные стороны. В этой сцене было что-то фальшивое. Но в чем дело, я сразу не мог понять. Лишь внимательно вглядевшись я увидел из-под черных волос женщины часть стриженого затылка блондина. Я крикнул:

— Стой!

«Женщина» оглянулась и сразу бросилась бежать. Я поднял винтовку и прицелился в нее. Ко мне подскочил «красноармеец» и ударом под локоть сбил винтовку в момент выстрела. «Женщина», услыхав выстрел, прибавила шагу, а затем, задрав юбку, поскакала галопом. Мы схватились с парнем, мне удалось стиснуть ему горло. Мы покатились в песок. Подбежали бойцы. Разняли нас. Выяснилось, что парень в красноармейской форме и женщина в красном платье — фашистские агенты-разведчики. Парень показал, где была спрятана его рация. Он вызывал самолеты. «Женщина» во время налета различными условными фигурами в своем яркокрасном платье указывала направление бомбежки.

После этого случая я, в ходе войны, начал смутно, изнутри понимать, что война — сложнейший механизм. Это я знал и раньше из книг и газет, но понимать по-настоящему стал только в дни августа 1941 года. В те несколько дней я понял, что не только храбростью и удалью воюют люди, но и уменьем. Понял, что, командуя батальоном, нельзя надеяться на то, что тебя вывезет твоя военная безграмотность. Это может случиться раз в жизни. Нужно знать, что война идет не только

в окопах, не только в воздухе. Война не ограничена той узкой полосой, где противники скрещивают оружие,— она нередко забирается и в тылы войск, где части отдыхают после боев или готовятся к новым сражениям.

Немецкий агент в красном платье удрал. Но с этого момента я стал остро вспоминать все читанные мною до войны детективные романы, стал интересоваться всевозможными специфическими эпизодами, анекдотами.

Я стал интересоваться разведкой во всех ее формах.

3

Долго отдыхать нам не пришлось. К вечеру того же дня наш батальон, как самый боевой, подняли по тревоге и послали на правый фланг дивизии под село Ковали. Нас бросили в какую-то дырку, образовавшуюся в этом месте, а может быть, ее и не существовало, а может, их было сто, таких дырок, в теле нашего фронта. Только сейчас, имея за плечами опыт боев и походов по тылам врага, я понимаю, как трудно было нашим командирам противостоять до зубов вооруженному, натренированному врагу.

Итак, в сумерки мы вошли в лес и уже в полной темноте заняли оборону на северной опушке его. Задача заключалась в том, чтобы под покровом ночи выбраться из леса, незаметно подойти к высоте, которую гитлеровцы заняли накануне, и выбить их оттуда. К опушке я подошел с двумя-тремя десятками бойцов, выслав вперед разведку. Она прошла несколько шагов и вернулась. Люди, на протяжении многих дней видевшие смерть, вдруг испугались темноты. Они стали бояться друг друга. В это время шум и треск ветвей привлек внимание вражеского наблюдателя, и по опушке леса ударила немецкая артиллерия. Люди попáдали на землю, кто-то шарахнулся в сторону, затем наступил момент тишины, а через секунду на весь лес раздался дикий крик сержанта-узбека. В последние дни я слыхал много стонов раненых, но днем это не производило такого удручающего впечатления. Узбек кричал всего два слова: «Товарищ команды-ыр», но кричал он их по-разному. Первый раз крик звучал как жалоба, второй раз — как просьба, третий раз он взывал с надеждой и упреком.

Я подошел к узбеку и увидел, что он лежит, опершись щекой на пенек. В руках он держал выбитый и висевший на далеком расстоянии глаз. Жалость комком подкатила к горлу. Чем я могу помочь ему, человеку, вмиг ставшему слепым? Чем?

Немцы возобновили обстрел. Снаряды проносились где-то вверху, часто ударялись о ветви деревьев и взрывались. Я присел ближе к узбеку, прикоснулся к его колену. Человек

держал в обеих руках свой глаз так осторожно, словно боялся расплескать его. Я назвал его по имени. Он ощупал меня мокрыми от крови руками и заплакал.

Всю ночь до самого утра мы провели в лесу под методическим обстрелом немецкой артиллерии. После того как разрывался снаряд и осколки, сбивая ветви дубов, разлетались по лесу, наступала секунда тишины, затем издали вновь слышался все приближающийся вой летящего снаряда — и разрыв. Затем следующий снаряд — и так до самого утра.

Методический ночной обстрел артиллерии гораздо страшнее, чем бой. Во время боя ты видишь врага, ты можешь убить его, прежде чем он убьет тебя. Кроме страха смерти, у тебя есть десятки других чувств, мысль работает, воля напряжена. Но ночью, во время обстрела артиллерии, кажется, что каждый снаряд предназначен только для тебя, летит прямо на тебя.

На рассвете был получен приказ отходить через лес. Немцы, проведя артиллерийскую подготовку, прорвались в другом месте. Я получил приказ прикрывать обоз. Нашел я его в каком-то котловане, на одной из повозок преспокойно сидел интендант и что-то жевал. Когда я сказал ему, что он находится в тылу у немцев, у него глаза полезли на лоб. Он зашептал:

— Голубчик, я же отвечаю за продукты...

Переправив обоз в безопасное место, я снова вернулся к линии обороны, проходящей возле могилы великого кобзаря Украины Тараса Шевченко,— здесь узенькой цепочкой стояли двести или триста бойцов. Помню, там были люди с синими околышами — остатки неизвестного мне кавалерийского корпуса, были люди, называвшие себя воздушными десантниками, была пехота, и — что я тогда заметил — чуть не каждый держал в руках пулемет. Люди эти наверняка не служили пулеметчиками в своих частях. Они подобрали пулеметы раненых, убитых. Это были храбрые, дисциплинированные солдаты.

Мы держали оборону Канева несколько дней.

Тяжелое наше положение ухудшилось, когда немецкие самолеты разбомбили мост и понтонную переправу. Мы оказались отрезанными от левого берега Днепра. В нашем тылу имелось несколько десятков новеньких быстроходных тракторов, корпусных пушек.

Артиллерия не могла стрелять, так как снаряды были уже перевезены на левый берег.

К нам подбежал командир артполка.

Я помню слезы у него на глазах.

— Братцы, не выдайте! Продержитесь еще, я организую

переправу, тут хлопцы баржу нашли. Мы переправим эти пушечки, и тогда... Продержитесь...

Хорошо ему было говорить «продержитесь»... Но мы все-таки держались еще день и еще ночь, а затем еще два дня и две ночи.

За эти дни командир артполка наладил переправу — на большой барже с самодельными веслами из бревен перевез свои тракторы и пушки и на рассвете, с честью закончив свой каторжный труд, переправился на лодочке сам.

Противник усилил наступление. Командир полка действительно мастерски прикрывал наш отход. Снаряды стали рваться метрах в двухстах впереди нас, потом на пятьдесят метров ближе, еще ближе... И даже если бы мы захотели остаться в городе Каневе, наш дружок-артиллерист выковырял бы нас из окопчиков. Тучи дыма, осколки, вздыбленная земля отделяли нас от немцев. Мы откатывались вниз и вниз. Баржа набилась дополна и отошла. На этом берегу нас оставалось человек сорок-пятьдесят.

Отступление от могилы Шевченко продолжалось почти целый день, и когда я добежал до Днепра, солнце уже заходило. Я отбился от своих и остался один; по берегу бродили в одиночку бойцы, попались мне три-четыре военных врача. Я понимал, что немцы вот-вот окажутся здесь и прижмут нас к воде. Надо как-то переправляться на другой берег. Были какие-то лодочки, но их взял для раненых фельдшер с медсестрами. Шли двадцатые сутки боев,— я как будто научился быть хладнокровным в любой обстановке.

Я шагал взад и вперед по берегу, пока не набрел на старого бакенщика. Возле него лежало десятка полтора треугольных плотиков для фонарей, указывавших пароходам фарватер.

С помощью бакенщика я спустил плотик на воду и сразу увидел, что бакен не в состоянии выдержать человека, но оружие и одежду, пожалуй, выдержит.

Я разделся, нацепил на бакен обмундирование, повесил на фонарь свой полуавтомат, сверху надвинул шлем и бросился в воду как раз в тот момент, когда немецкие автоматчики уже подходили к берегу. Толкая этот своеобразный плотик, я плыл все дальше и дальше. Моему примеру последовали и врачи. Скоро бакенов не стало хватать, кто-то бросился в воду с доской. В это время начался обстрел с берега, вначале автоматный, затем, видимо, подтащили минометы: мины стали ложиться на воду. Разрывы их оглушительно звучали в ушах.

Конечно, немцы расстреляли бы всех пловцов, но нас спасли быстро сгущавшиеся сумерки. Несколько человек все же были ранены или убиты. Раненый пожилой врач, загребая

одной рукой, начал погружаться в воду. Я хотел ему помочь, подгоняя свой плотик ближе... В это время еще одна автоматная очередь полоснула по воде, и он, бросив сопротивляться, но продолжая держаться на воде, сказал: «Не надо. . Спасайтесь сами, коллега...»

Он медленно погрузился в воду, раньше чем я успел подплыть к нему.

Когда волна вынесла меня на берег, была уже темная ночь. Если бы кто-нибудь до войны сказал мне, что я буду военным человеком, я бы сильно удивился. Но если бы мне сказали, что я переплыву Днепр, я удивился бы еще больше. Все же Днепр я переплыл. Правда, с потерями — снесло волной с плота мою гимнастерку и с ней последние нити, связывающие меня с прошлой жизнью интеллигента-белоручки: в правом кармане был красный пропуск с фотографией, где значилось: «Предъявитель сего режиссер киностудии...», а в левом кармане — две авторучки.

Я лежал на прибрежном песке не менее часа. Сердце билось очень сильно, я не мог двинуться ни на шаг. Постепенно стали возвращаться силы, и я вдруг почувствовал досаду — мне было страшно жаль двух моих авторучек. Я приподнялся на локтях, посмотрел на свои ноги, освещенные луной. Ступни ног нежно лизала днепровская волна — я чувствовал это, но ноги были чужие — длинные, худые, с мослаками коленок, торчащими кверху. Лишь переведя взгляд на впавший живот, я понял, что все это принадлежало мне, но просто я похудел за эти дни, скинув ненужный жир мирного времени. Я засмеялся и, легко поднявшись, пошел в камыши. Медленно стал пробираться берегом, направляясь на звук голосов. Там, в прибрежном селе, перекликались и собирались бойцы, отыскивая свои части, подразделения.

Это был мой двадцать шестой день войны.

Двадцать пять суток, почти без передышки, я находился под огнем. Из взвода, роты и батальона, которыми я командовал, мало осталось в живых.

Пробираясь сквозь камыши, я думал: «А все-таки солдатское счастье на моей стороне. Пожалуй, так можно провоевать еще месяц, а то и больше». В это время раздалось три выстрела, и мины одна за другой разорвались в камышах. Одна из них упала близко. Я почувствовал удар в ногу и свалился на бок. Мне показалось, что ногу оторвало совсем. Что-то сильно обожгло меня, я ощупал колено, оно было цело. Первый испуг прошел, я увидел свою кровь и подумал: «Вот, никогда не стоит бахвалиться». Мысли, промелькнувшие в моей голове перед этими выстрелами, показались мне кощунством. Рана была выше колена. Кругом — в камышах — ни души.

Пришлось лежать до утра. Я сделал себе из пояса жгут, перевязал ногу, немного задремал. На рассвете, осмотрев рану, увидел, что оиа не так страшна, как показалось мне ночью. Я поднялся, опираясь на винтовку, и побрел к селу. В ноге что-то остро резало. Я остановился, разбинтовал ногу, покопался в ране и нашел торчащий осколок.

Уже гораздо позже, в партизанской жизни, я приобрел первые сведения в солдатской медицине: узнал, что на свете существует риваноль, хлорамин и марганцовка, что существуют простые и анаэробные инфекции, узнал, что жизнь раненого и течение его болезни во многом зависят от первой медицинской помощи. Но тогда я был и в этих вопросах беспомощным человеком. Осколок мешал мне. Стиснув зубы, прикусив губу от боли, я подковырнул его штыком и вытащил из раны. Перевязал ногу и добрел до села, а затем до санбата, где мне была оказана уже настоящая врачебная помощь.

4

Так виезапно и досадио кончился первый период моей военной карьеры.

Рана оказалась легкой, организм быстро восстановил силы, и через месяц я был откомандирован в штаб Юго-Западного фронта, в роту резерва командного состава. Нас было несколько сот командиров — от майоров до младших лейтенантов, людей в одежде с еще ие выветрившимся лазаретным запахом и с пустыми кобурами на боку.

Это случилось недалеко от Прилук. Через несколько дней после зачисления в роту мы узнали, что рота резерва, так же как и часть штаба Юго-Западного фронта, находится в окружении. Немцы сбросили десант в то время, когда мы были на марше и входили в город Лубны. С десантом шел бой. Я поймал бежавшую оседланную лошадь, мой товарищ — вторую. Мы свернули с главной дороги и выехали к машинно-тракторной станции, расположенной в двух километрах от города. Затем доскакали до переезда через железную дорогу, которую ожесточенно бомбили «юнкерсы». Под вечер мы опять вернулись в город: путь назад тоже был отрезан.

Жители сидели в подвалах, не у кого было расспросить, есть ли немцы в городе или нет. Мы ехали шагом по тротуару. Подковы лошадей звонко стучали по каменным плитам. Доехав до конца улицы, выходившей иа площадь, мы остановились и увидели иемецкие танки. Они расположились на ночевку в центре площади. Мы постояли несколько минут, наблюдая за ними. Затем в небо взвилась ракета, и наши лошади вскачь понеслись обратио.

Начались скитания в окружении...

И мне кажется, что в этот период войны я приобрел одно важное качество командира — умение скептически относиться к любой обстановке, которую тебе преподнесет судьба. Может быть, в этом помогла мне моя профессия, воспитывающая либо пустомель-анекдотчиков, либо толковых людей, умеющих критически относиться не только к самим себе, но и к своему делу.

Для себя я сделал выводы: из окружения нужно выходить быстро или не выходить совсем. В первый день выхода из окружения мне и моему товарищу помогли лошади, которые вынесли нас на пятьдесят-шестьдесят километров вперед. Затем на дороге стала проклятая речушка Сула, — в нее никак не хотели входить кони. Это была болотистая речка с крутыми берегами и тихой, но зловещей водой. За ней — покинутые пустые села, а за ними — либо плен, либо смерть. Через Сулу был мост, но его разбомбили «юнкерсы». Я сидел на усталом коне и думал: «Направо пойдешь — голову потеряешь, налево пойдешь — честь потеряешь, прямо пойдешь — коня потеряешь...» — и выбрал последнее.

Пожав руку украинскому колхознику, у которого только что сытно пообедал, я крикнул: «Хозяйнуй, Иване!» — и отдал ему коня.

Иван потянул лошадь к сараю.

С другого конца в село входили фашистские танки...

Скоро стемнело, и мы, без приключений переправившись на лодке через реку, ушли на станцию Сенча. В небо взвивались ракеты разных цветов. Некоторые подолгу висели в воздухе, приводя меня в искреннее изумление. Ползком перебравшись через железную дорогу, мы приближались к селу Клюшниковка. Мы — это я, мой товарищ и еще семь красноармейцев, приставших к нам перед вечером. Двое из них были шоферы, один из авиадесантной бригады, а остальные неизвестного мне рода войск. На всех нас приходилось две русские винтовки, одна польская и две немецкие гранаты-колотушки.

В Клюшниковку мы вошли огородами. Крайняя хата оказалась пустой, и дверь в нее была открыта. Во второй никто не откликался, из третьей на наш стук вышла женщина.

— Ой, сыночки, да куда ж вы идете? В селе немцев видимо-невидимо...

А сколько их? — спросил я.

— Танкив буде до десяти, а мотоциклистив бильше ста...

— А куда же нам итти? — допытывался я.

— Да идить, мабуть, на Гадячский шлях. Може, и пробьетесь. Там вчера наши проходили...

Гадячский шлях... Уже свернув к огородам, шагая мимо подсолнухов, мертво стоявших у проселочной дороги, я все

вспоминал: «Гадячский шлях, Гадячский шлях... Где я раньше о нем слыхал?..» — и так и не мог вспомнить. Но знаю, что по этим путям ходили наши предки-запорожцы, здесь шли полчи Богдана Хмельницкого...

Мы уже подходили к шляху и вышли бы прямо на него, но в это время впереди заборчал мотор немецкого танка. Мы шарахнулись в подсолнухи. Танк прошел по дороге взад и вперед, затем осветил поле и себя серией ракет, развернулся, пустил несколько очередей из пулемета, люк закрылся, и танкист, видимо, заснул на полчаса, чтобы потом снова продемонстрировать нам видимость окружения.

Пробравшись во время такой паузы через шлях, мы очутились в открытом поле среди кучек соломы, оставленных комбайном, который всего несколько дней назад обрабатывал это поле.

Здесь мы увидели, что многие кучки шевелятся. Остановившись около одной из них, услышали шопот. Из-под соломы выползли несколько человек и сообщили нам, что итти некуда — всюду немцы, мы в окружении. Изучив последовательность появления ракет и выбрав момент между двумя выстрелами, мы вышли на линию ракет, ползком пробираясь по высокому жнивью и замирая перед очередным хлопком, переползли эту линию и вскоре очутились вне ее.

Убедившись, что линия светящихся ракет пройдена без труда, мы, осмелев, пошли, под прикрытием копен, обратно и... увидели одного-единственного немца. Он сидел на высокой копне и через каждые три-четыре минуты швырял в небо ракеты, а когда они гасли, он хватался за живот и ржал.

Мне кажется, он видел, как шевелились копны, и ему доставляло большое удовольствие пугать многих людей одной-единственной ракетницей. Справа от него была куча выстрелянных гильз, слева — куча готовых ракет.

Мы подкрались к нему, кто-то из бойцов сбросил тонкий ремень-очкур, и мы сообща задушили немца, получив от этого не меньше удовольствия, чем он сам, когда он ржал над нами. Затем, прибавив шаг, мы до рассвета проделали десяток-другой километров, держась все время вблизи Гадячского шляха.

Рассвет застал нас возле небольшой деревушки, искалеченной ожесточенной вражеской бомбежкой, которой она подверглась накануне. У колхозников мы узнали, что в селе на ночь оставалась только одна гитлеровская машина и мотоцикл, но немцев в машине было мало. Наблюдая за немцами, утром мы увидели, что трое из них уехали на мотоцикле и с машиной остались только двое.

Решение созрело быстро... Это был мой первый партизанский налет. Немцы уничтожены. одного из наших бойцов —

шофера — мы одели в немецкую форму, сели в крытый кузов и на полном газу вырвались на Гадячский шлях.

Первую половину дня мы сворачивали на проселочные дороги, обнаружив издали проходящие немецкие колонны танков, и были готовы в любой момент бросить машину. Под вечер, привыкнув к машине и к своему необычайному положению, мы настолько осмелели, что, выехав на шлях, шедший в сторону Зиньково — Богодухов, стали двигаться по шоссе, иногда обгоняя отдельные вражеские машины, иногда пропуская колонны, шедшие нам навстречу.

В эти дни противник, очевидно, проводил большую перегруппировку сил, так как войска двигались не только к фронту, но и в обратном направлении, а также и по другим магистралям, идущим параллельно фронту.

Уже зашло солнце, и, выведенный сумерками из нервного напряженного состояния, в котором провел весь день, я подумал, что нам все же удастся вырваться из окружения на немецкой машине. Так оно и было в действительности, но тут с нами произошло новое приключение — машина резко затормозила и остановилась. Я откинул брезент и выглянул. Впереди, в сумерках спускавшейся ночи, виднелась колонна танков. Мы въехали почти в самый хвост ее и могли бы продолжать движение вместе с ней, но она стояла упершись головой в другую колонну, шедшую нам наперерез.

Шофер уже хотел потихоньку включить задний ход, но в это время от последнего танка отделился немец и пошел к нашей машине. Наш шофер, одетый в немецкую форму, выключил мотор. Положив руки на баранку руля, он притворился спящим. Вряд ли мы, все вместе взятые, знали хоть десять немецких слов. Мы приготовили к бою свои две гранаты и три винтовки. Немец подошел к кабине, что-то проговорил. Шофер не отвечал. Немец приоткрыл дверцу, потрогал шофера за локоть. Шофер промычал что-то, якобы во сне. Немец отошел на несколько шагов назад, затем обошел вокруг машины, очевидно желая заглянуть в кузов, но затем раздумал. Постоял задумчиво, склонив, как пудель, голову набок, потом, пятясь отошел к колонне не подозревая, что этим он спас свою жизнь.

Около последнего танка собралась группа немецких танкистов. Они о чем-то громко разговаривали. Слов нельзя было разобрать в грохоте колонны, перерезавшей нам путь. Дальше так сидеть было нельзя. Я высунул голову из-под полотнища машины и заглянул к шоферу.

— Влипли, ох, и влипли! — шепнул он мне.

Нужно было действовать быстро, пока немцы не поняли, в чем дело.

— Гони машину прямо на колонну! Мы будем прыгать, прыгай и ты!

Шофер включил мотор, перевел скорость на вторую, на третью, я стукнул кулаком в кабину, и мы горохом высыпались в канаву профилированной дороги. Шофер включил яркие фары и вывалился из машины, которая, свернув одним колесом в мелкую боковую канаву грейдера, двигалась параллельно колонне вперед.

Мы изо всех сил бежали назад, в долину. Позади раздались отдельные очереди из автоматов, пулеметов, затем, видимо развернув башню, один танк дал из мелкокалиберной пушки очередь по машине. Она запылала. Несколько танков стали разворачиваться. Мои хлопцы шарахнулись вдоль дороги, но в этот миг я, поняв, что через секунду танки нагонят нас, крикнул: «За мной!» — и, круто повернув направо, мы побежали к бугру, который, как на ладони, высился в стороне.

Расчет оказался верным. Мы не успели отбежать и на тридцать метров от дороги, по которой проезжали танки, как они, поровнявшись с нами, развернулись в другую сторону и стали прочесывать поле пулеметными очередями. Мы полезли вверх на бугор, припадая к земле в то время, когда ракеты, вспыхивая сзади, освещали поле. Перевалив через бугор, мы залегли в жнивье, глубоко вдыхая пыльный пахучий воздух мирного поля. В жнивье, перекликаясь с пулеметами, трещали кузнечики.

Танки, бесцельно постреляв, развернулись обратно.

Затем, очевидно, дорога освободилась, на перекрестке мелькнул зеленый фонарик регулировщика, и колонна двинулась дальше.

Всего сутки мы выходили из окружения к фронту, который находился более чем в ста километрах от нас, и четверо суток мы проходили последние пять-шесть километров, проползая мимо часовых ночью, а днем пересиживая в самых необычных местах.

За день мы сделали на колесах около ста километров, а пешком и ползком на животе пришлось в сутки делать по два-три километра. На четвертые или пятые сутки, выйдя к Богодухову, где находились наши передовые части, мы отправились в Харьков.

5

В Харькове Политуправление фронта, узнав о моей гражданской специальности кинорежиссера, направило меня в политотдел 40-й армии руководить бригадой фронтовых фотокорреспондентов.

В политотделе 40-й армии собралось нас человек десять, вооруженных портативными фотоаппаратами «фэд»: Коля Марейчев — шофер и фотограф, изобретатель и конструктор; Вася Николаенко — аккуратист и чистюля, боевой парень и талантливый политработник; Олейников — учитель с козлиной бородкой, и другие. Нужно было обслуживать дивизии чисто фотографическими работами и материалом для газет.

Нам сразу повезло: мы попали в 1-ю Московскую моторизованную дивизию, которой в начале войны командовал генерал Крейзер, а потом полковник Лизюков.

В районе восточнее Сум, впервые за эту войну, я увидел, как бегают немцы. Это было 28 сентября 1941 года. Пошли первые дожди, густая липкая грязь покрыла дороги. В это время наша танковая бригада и мотодивизия прорвали фронт под Штеповкой. И первая австрийская и чистокровная немецкая дивизии, побросав всю свою технику, бежали до самого Конотопа. Двое суток наши тягачи уволакивали восьмитонные немецкие машины, груженные всяким барахлом. Двое суток я и мои хлопцы мотались, как угорелые, по подразделениям дивизии и щелкали своими аппаратами. До пятисот машин разных систем стояло в небольшой рощице за хутором Николаевкой. Мы выбрали себе новенький «оппель-блиц», который всего два месяца назад сошел с конвейера завода и застрял потом в болоте. На радиаторе автомобиля была прибита лошадиная подкова. Один из моих фотокорреспондентов, оказавшийся хорошим шофером, соединив зажигание на прямую, завел машину. Мы прикатили в политотдел армии, имея свои колеса, то есть выигрыш времени и пространства.

Еще во время пребывания в 1-й Московской мотодивизии мы узнали, что немецкие полчища прорвались на Орел. Это были тревожные дни октября 1941 года. Дивизию спешно сняли с юго-западного участка фронта и бросили под Москву... Только через год, уже будучи в партизанском отряде, я услыхал, что командир дивизии Лизюков командовал армией под Воронежем и погиб там летом 1942 года. Но здесь, в сумских степях, я впервые увидел и запомнил на всю жизнь первых гвардейцев Красной Армии. Люди на лицах которых еще в 1941 году была написана уверенность в победе над сильным и, казалось, непобедимым врагом, шли под Москву, а мы, по приказу, оставались на Харьковщине.

Девчата с хутора Николаевка печально провожали нас, когда отходили колонны наших танков. Казалось, это сама Украина провожает нас и ждет скорого нашего возвращения.

Затем снова потекли досадные дни отступления — по Харьковщине, по южным районам Курской области, сдача Обояни, Курска. По липкой осенней грязи тащили мы на пле-

чах свой трофейный «оппель-блиц», иногда делая на нем от трех до восьми километров в сутки.

Когда наступили морозы, когда грянула суровая зима, наша 40-я армия твердо стала под Тимом, под Старым Осколом, ни на шаг не пропустив врага дальше.

Это были тяжелые дни: ноябрь — декабрь 1941 года. Уже в первые морозные, снежные дни на участке фронта Щигры — Тим появился наш трофейный «оппель-блиц» с подковой на радиаторе и с красным флажком. На нем мы объезжали фронт, принимая, а главное добросовестно выполняя заказы бойцов и командиров на фотографии размером шесть на девять.

Вначале я относился к этой профессии как к временному занятию, но потом как-то интуитивно понял, что и здесь можно делать большое и важное дело. При отступлении из Курска мы взяли из фотомагазинов и складов фотобумагу, пленку, химикалии. Это давало нам возможность широко обслуживать солдат. Вначале мы стремились делать снимки и для газет. Под городом Тимом, занятым врагом, мы однажды въехали на нашу передовую линию со стороны немцев. И, лишь случайно заметив расчет крупнокалиберного пулемета, готовый выпустить очередь по нашей машине, я выскочил из нее и остановил пулеметчика. Через несколько минут мы уже были друзьями и засняли пулеметный расчет в разных позах. Но бойцы говорили:

— Много вас тут ездит. Снимают, снимают, а вот карточки никто не привозит...

И когда в следующий раз мы явились в бригаду полковника Родимцева и привезли всем фотографии, солдаты и офицеры приняли нас совершенно по-иному. В штабе батальона меня угостили спиртом, командир роты потащил вместе с ротой в наступление на Тим, командир полка, майор Соколов, и комиссар его Кокушкин накормили до отвала. И еще сейчас сотня негативов, которые я храню, являются для меня дорогим воспоминанием о людях этой славной части. Солдаты бригады, впоследствии 13-й Гвардейской стрелковой дивизии, под командованием сначала полковника, а потом прославленного защитника Сталинграда генерал-майора, Героя Советского Союза Родимцева, были верными сынами своей страны.

Это они — командиры и солдаты Родимцева — в Голосеевском лесу под Киевом в августе 1941 года опрокинули рвавшихся к Крещатику немцев и нанесли им такой удар, что отборные фашистские орды больше месяца и не пытались итти на Киев, хотя могли обстреливать его из батальонных минометов.

Это они, солдаты Родимцева, громили немцев под Конотопом, выбили их из Тима. Вместе с солдатами Родимцева наступал я на Щигры в морозные дни января 1942 года.

С политотдельцами я сдружился быстро. Комиссар дивизии, профессор психологии Зубков, хмурый человек, тепло разговаривал со мной. Он откуда-то узнал о моей гражданской профессии. Однажды под Щиграми мы шли с ним по полю, утопая в сугробах. Зубков остановился передохнуть и сказал мне:

— Мне говорили сегодня бойцы, что какой-то фотограф ходил вместе с ними в атаку и снимал неразорвавшиеся тяжелые снаряды на снегу. Зачем вы делаете это? Я слыхал, что подготовка кинорежиссеров стоит государству очень дорого. Неужели мало ценностей сжигаем мы на войне?

— А сколько стоит подготовка профессора психологии, вы мне не можете сказать? — спросил я Зубкова.

Мы засмеялись и пошли дальше по сугробам.

Я любил, пользуясь правом экстерриториальности корреспондента, просиживать часами на командном пункте Родимцева. Я проводил там гораздо больше времени, чем это требовалось для газетных снимков. Только через год я по-настоящему оценил, как это было мне полезно. У Родимцева, Кокушкина, Соколова, Зубкова и других я учился военному делу. Когда Родимцев защищал Сталинград и его знаменитая 13-я Гвардейская грудью встала на улицах города, мы с Ковпаком форсировали Днепр, проникли в Житомирскую и Ровенскую области, находившиеся тогда за тысячу с лишним километров от фронта. В боевой работе партизан я ощущал родимцевскую хватку. К тому же лучшие командиры рот Ковпака — Карпенко и Цымбал — были сержантами-разведчиками бригады Родимцева, оставшимися в тылу под Ворожбой и Конотопом, чтобы выполнять разведывательные задания Родимцева. Впоследствии они встретили Ковпака и стали командирами-партизанами.

Из 13-й Гвардейской в январе 1942 года, я выполняя свои корреспондентские задания, попал во 2-ю Гвардейскую дивизию, действовавшую совместно с 14-й танковой бригадой. Здесь я во второй раз увидел, как бегают немцы. В селе Выползово наши танки зажали немецкую часть, и за полчаса боя на снегу осталось до тысячи вражеских трупов. Стоял тридцатипятиградусный мороз, и часа через два трупы начали «звенеть», обледенев. На огороде, взгромоздившись друг на друга, скорчились подбитые нами девять немецких танков с обгоревшими скелетами танкистов внутри. Командир танка Алеев, получивший за этот бой звание Героя Советского Союза, спас меня от немецкого танка, который я хотел во что бы то ни стало заснять. Командир расстрелял его в тот момент, когда танк развернулся на меня по открытому полю. Мне все-таки удалось щелкнуть лейкой в тот миг, когда взрывом боеприпа-

сов снесло башню с танка. Через два дня я, к величайшему огорчению, уже снимал могилу Алеева.

Солдаты любили меня и моих товарищей, хотя и не могли понять, что за чудаки эти фотографы: «снимают карточки» для красноармейских книжек под минометным огнем, а фрицев — когда они кусаются.

Я учился воевать.

6

Еще в начале 1942 года я часто стал задумываться над тем, что в этой войне мне надо найти свое настоящее место. Я уже проверил себя под огнем, обтерся среди командного состава и начал ловить себя на мысли, что страшно хочется покомандовать самому.

До войны у меня было свое мерило в оценке людей. Совершенно не зная, придется ли мне воевать, да и будет ли война и какой она будет, я, встречая нового человека, старался представить его себе в военной обстановке. Прищуривал глаза, смотрел на него и говорил себе: «А ну-ка, голубчик, как ты будешь себя чувствовать на войне?» — и это помогало мне определить свое отношение к людям. Это было как бы лакмусовой бумажкой, которая выявляла и психологическую и, особенно, идейную «реактивность» людей, воспринимавшуюся мною не только как умение гладко выступать с речами.

И вот наступил момент, когда нужно было выбрать и себе место на войне. Я был тогда в странном звании интенданта второго ранга, но, однажды попробовав свои способности на этом поприще, больше возвращаться к нему не собирался. При одном воспоминании о дележе селедок на полтавском стадионе у меня выступал холодный пот. «Вот к партизанам бы...» — часто подумывал я.

Ранней весной 1942 года я, попрощавшись с политотделом 40-й армии, в сопровождении своего верного друга — фотографа и шофера Николая Марейчева, отправился по орловским грязным дорогам в распоряжение отдела кадров Брянского фронта. За спиной у меня был ранец, в котором лежало несколько сотен фронтовых негативов.

О чем я мечтал в те дни, лучше всего передаст одно из писем жене:

«...Работа моя очень интересная, когда идут бои, а когда затишье — захлестывает звериная тоска, и на все смотришь волчьими глазами. Ты писала мне о своих делах и о настроениях. Как я тебя понимаю! У меня тоже бывает такое настроение. Тоже кажется, что живешь как-то боком или идешь по обочинам дороги, вместо того чтобы катить по грейдеру. Эх, мне бы сейчас партизанить где-либо по тылам врага!

Но все еще впереди. Одного мне нехватает — тебя. Но я верю, что мы еще встретимся, хоть разочек, хоть на несколько часов увижу и расцелую свою женушку. Ты меня жди!

А если не увидимся — ты запомни: никого я так не любил, как тебя. И проклятье фашизму за миллионы таких счастливых, как мы, чье счастье он разрушил... Воспитай сыновей...»

Когда я писал это письмо, то и не думал о близкой возможности стать партизаном и, будучи человеком Большой земли, представлял себе партизан так же, как представляли их себе люди, не имевшие ранее к ним отношения. Через три недели ко мне приехала жена и перечла мне это письмо за два-три дня до моего вылета в тыл противника. Совершив уже первый прыжок с парашютом на елецком аэродроме, я подумал, что судьба моя похожа на судьбу героя сказки «По щучьему велению»... Стоило только подумать: «Эх, попартизанить бы мне...» — и судьба по щучьему велению, по моему хотению преподнесла мне это. Неведомое, романтическое, сказочное...

Жена приехала навестить меня с сыном Женькой, родившимся в Москве во время воздушной тревоги, в тот день, когда его отец стал солдатом. Мы его за этот подвиг прозвали зенитчиком. Сынишку привезли познакомиться со мной.

В эти дни летчик-инструктор парашютного дела, майор Юсупов, тренировал нас по парашютным прыжкам. К первой лекции мы подготовились, как заправские студенты. У каждого в руках была объемистая тетрадь и карандаш для записи лекций. Майор Юсупов развернул перед нами на большом длинном столе парашют и сказал с сильным татарским акцентом:

— Вот это есть автоматический десантный парашют. Этот парашют все делает сам. От тебя требуется одно: чтобы кальсоны остались чистыми. Не надо ничего дергать. Все парашют сам делает...

Теоретическая часть лекции на этом была закончена. Но зато Юсупов подымался с каждым из нас в воздух, при тренировке внимательно оглядывал каждый строп и никому ничего не передоверял. Использованные парашюты укладывал всегда сам. Позже я узнал, что именно от укладки парашюта зависит: раскроется он в воздухе при прыжке или нет. В боевые полеты через фронт Юсупов летал тоже сам.

Бывали случаи, что люди долетят до цели и потом не могут найти в себе силы для того, чтобы оторваться от самолета. Это чувство страха все парашютисты знают. Страшно прыгнуть сразу в холодную воду, но еще страшнее отделяться от самолета. Раньше случалось, что разведчиков привозили обратно.

Они судорожно вцеплялись в самолет и никак не хотели прыгать. В таких случаях Юсупов, сопровождавший нас, добродушно брал человека за шиворот и пинком в заднее место вышвыривал за борт. Парашют был действительно автоматический и безотказный. Мы потом его называли «собачьим». Он веревкой с крюком на конце соединен с самолетом, и перед вылетом тебя цепляют за этот крюк, и ты ходишь, как собачка, на веревке вокруг громадной машины, ожидая команды на взлет.

В «несчастливое» число, 13 июня 1942 года, я попрощался на аэродроме с женой. Фронта я так и не заметил. Стреляли зенитки, но самолет шел высоко.

Не прошло и двух часов, как парашют плавно спустил меня и радистку на правом берегу Десны. Поджав ноги, точно по инструкции, и свернувшись по инструкции на левый бок, подняв стропы и погасив парашют, я спустился на Малую землю. В то время эта Малая земля занимала пространство в сто тридцать километров в длину и километров семьдесят в ширину. Эта площадь, по территории в четыре раза бо́льшая, чем герцогство Люксембургское, была занята партизанами. Опираясь на партизанскую базу, я должен был по заданию командования развернуть разведывательную работу в тылу противника. Как это делать, я не знал. Правда, на протяжении десяти дней мы проходили «школу», где преподавался один и тот же предмет в разных вариантах. В общем мы представляли себе так: человеку, выброшенному в тыл, нужно всего бояться, — бояться как бы его кто не увидел из мирных жителей; бояться какой-то пресловутой полиции, которую мы себе представляли в виде дореволюционного полицейского с кокардой, с саблей, с «смитвессоном» и с большими усами; надо бояться... словом, всего надо бояться. Но за плечами у меня уже был год войны... Удачно приземлившись и проделав все манипуляции с парашютом и грузом, выброшенным вслед за мной, я, сидя на пеньке, переводил дух и думал, с чего начинать новое бытие.

— Ну, как приземлились, благополучно? — раздался позади голос. Ко мне подошли девушка и парень и сказали, что они вышли меня встречать. Инструкция гласила, что мне надо их опасаться, но при всем желании свято соблюдать инструкцию у меня не было никакого настроения выполнять ее. Мы перекинулись несколькими фразами, чтобы выяснить друг у друга, кто мы и что мы, после чего они повели меня — это было уже часу во втором ночи — представлять командованию объединенных партизанских отрядов. Объединение оказалось солидным. Это было нечто вроде партизанского «треста» или «синдиката», в который входило свыше восьмидесяти парти-

занских отрядов, действовавших здесь, так сказать, на кооперативных началах.

В первые же дни пребывания в партизанском крае мне пришлось присутствовать на одном из совещаний командиров районных соединений, но еще до начала совещания я узнал от ветеранов партизанского края, что еще зимой 1941—1942 года леса Брянщины стали базой всех честных советских людей, оставшихся или специально оставленных на оккупированной врагом территории. Это были люди, дух которых не сломили первые неудачи войны. По призыву партии и товарища Сталина, в лесах остались подпольные группы и организации. Так, например, в Трубчевском районе вся партийная организация, во главе с секретарем райкома Бондаренко, председателем исполкома Сенченко, ушла в подполье. Особенно сильный рост отрядов начался после того, как через подпольные рации и типографии народ узнал об исторической победе Красной Армии под Москвой, под Тихвином и Ростовом. За две-три недели количество отрядов и бойцов партизан увеличилось во много раз.

— Еще зимой стал у нас вопрос ребром о координации действий, — рассказывал товарищ Бондаренко [1], комиссар объединенных отрядов Брянской области. — А к марту обком прислал своих представителей...

— Товарищ Матвеев позаботился! — подтвердил Сенченко.

О Матвееве, первом секретаре Орловского обкома, мне приходилось слышать еще на Большой земле. Его имя называли разведчики, партработники, радисты, медики. Теперь он был членом Военного совета Брянского фронта и непосредственно руководил брянскими и орловскими партизанами.

Бондаренко по секрету сообщил, что со дня на день он ожидает Матвеева в Брянские леса.

Совещание для меня было очень кстати. Пробыв несколько дней на территории, занятой партизанами, я еще не совсем ясно представлял себе принципы организации и управления этого большого народного движения. Кроме делегатов многих отрядов и райкомов, на совещании присутствовал представитель обкома товарищ Алешинский и представитель Политуправления фронта старший батальонный комиссар Калинин.

Докладывал комиссар объединения товарищ Бондаренко:

— Формирование и подготовка партизанских отрядов начались сразу после исторической речи товарища Сталина, произнесенной по радио 3 июля 1941 года.

Вы помните, как товарищ Сталин, объяснив причины оставления армией ряда районов нашей страны, призвал народ

[1] Ныне Герой Советского Союза.

в оккупированных противником районах к партизанской борьбе:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Коммунисты, комсомольцы, передовые рабочие и колхозники, трудовая интеллигенция нашей области, так же как и весь советский народ, по призыву вождя стали подавать заявления о зачислении их в партизанские отряды.

Обком ВКП(б) поставил перед партийными органами задачу: практически возглавить организацию партизанских отрядов; создать такой орган, который мог бы организованно справиться с этой задачей, а главное, подготовить кадры, способные в тяжелых условиях вражеского тыла вести непримиримую борьбу с врагом.

В тылу противника было сформировано 72 партизанских отряда, в том числе 14 отрядов переброшено в тыл через линию фронта; 90 партизанских групп и 330 групп, владеющих техникой подрывного дела, были оставлены на территории, занимаемой вражескими полчищами.

С конца лета 1941 года части Красной Армии отходили на восток, а затем перешли в наступление и громили противника под Москвой и на юге, в районе Ростова. Партизаны Брянщины и Орловщины, выполняя решение обкома ВКП(б), оставались на территории, занятой противником. За эти восемь месяцев они проделали вот какую работу.

Уже на 1 мая 1942 года, по неполным данным (так как на первых порах было не до учета), партизаны области истребили: 19845 вражеских солдат, 237 офицеров, 1 генерала, 2090 полицейских и предателей Взято в плен 74 офицера и 172 солдата. Собрано много разведданных о противнике и его передвижении. Эти сведения передавались военному командованию фронта.

Сбито стрелковым оружием, уничтожено в эшелонах и путем налетов на аэродромы 44 вражеских самолета. Пущено под откос 32 вражеских эшелона, в том числе 5 эшелонов с техникой врага — танки, самолеты и два бронепоезда. Разрушено 205 километров железнодорожного пути; взорван 41 железнодорожный мост, 84 моста на шоссейных и грунтовых дорогах. Разгромлено 9 воинских штабов, 8 управлений полиции. Взорвано и сожжено 42 танка и бронемашины,

418 автомашин, 6 цистерн с горючим, 9 тягачей, 21 склад и база с продовольствием и вооружением.

Взяты трофеи: 10 танков и бронемашин, 14 орудий, 154 пулемета, 400 винтовок, 14 автомашин, 135 лошадей, 146 повозок, несколько сот голов продуктивного скота.

Несмотря на угрозы и репрессии, население Навлинского, Брянского, Трубчевского и других районов Орловской области с каждым днем усиливало борьбу с немецкими поработителями. В партизанские отряды шли дети, старики, целые семьи.

Партизанами были изгнаны немцы и их ставленники из 346 населенных пунктов со 170 тысячами населения. Районы Навлинский, Суземский освобождены полностью. Частично освобождены районы — Севский, Трубчевский, Брасовский Комаричский, Выгоничский. В партизанском крае проведена реорганизация партизанских отрядов.

В крае созданы районные и сельские органы советской власти. Образованы районные комитеты партии. Организованы органы НКВД, милиции.

Среди населения проводится политико-массовая работа.

В селах партизанами проводятся митинги, собрания, на которых принято письмо товарищу Сталину, подписанное партизанами и колхозниками. Собрано на заем и в фонд обороны свыше полутора миллионов рублей. Организован выпуск газеты «Партизанская правда». Подготовлен аэродром для принятия самолетов с Большой земли.

Партизанское движение в некоторых районах приняло характер всенародного восстания против фашистских захватчиков и приводило в страх и трепет фашистских заправил и их ставленников. Наши боевые дела тревожат не только немецких солдат и жандармов. Как увидите, нашими успехами обеспокоено и высокое гитлеровское начальство. Генерал фашистской главной ставки фон Браухич в положении «по борьбе с партизанами» пишет такое:

«Русские партизаны наносят удары не только по мелким войсковым частям и соединениям действующих войск, но нарушают снабжение войск, разрушают военные сооружения в тыловых районах».

Генерал Блоцман, ведущий со своими солдатами борьбу с партизанами, в приказе № 1 от 15 февраля 1942 года писал:

«Разведкой установлено большое количество партизан. Партизаны хорошо обуты, одеты, имеют хороших лошадей, сани, достаточно лыж и маскировочных халатов.

В русских селах население сочувствует и помогает партизанам. В селах ни полиции, ни старост нет. При расположении на отдых 50% солдат спать не ложатся».

— Да, теперь спать немцу некогда, — пробасил кто-то в задних рядах.

Сделав паузу, переждав, пока уляжется смешок, Бондаренко продолжал:

— Генерал фон Гридус в приказе от первого июля сорок первого года писал:

«Партизаны лучше стреляют, выбирают лучшие позиции для обороны и нападения, чем мадьярские солдаты. Партизанам доставляют из Москвы самолетами пушки и обмундирование.

...Когда крестьянин спрашивает винтовку, не давай — может убить.

...Нельзя разговаривать в домах — все будет передано партизанам».

Противник, чувствуя возрастающую силу народа, усиление боевой и диверсионной деятельности на основных его коммуникациях и захват партизанами значительных территорий в его тылу, поставил перед собой задачу: уничтожить партизан Орловской области и обеспечить бесперебойное движение поездов, техники и живой силы к линии фронта.

Но это им не удастся. Если мы не дрогнули осенью, то теперь, имея опыт борьбы, и осенью, и зимой, и весной, — не дрогнем и подавно...

Бондаренко еще долго говорил о задачах, стоящих перед партизанским краем.

А я думал: «Так вот что значит работа Матвеева на Большой земле, вот почему с таким нетерпением ожидали его приезда сюда, в леса, Бондаренко и другие посвященные товарищи».

Я стал знакомиться с героями-партизанами или, как говорят, вникать в курс дела.

Героями края были не дожившие до триумфа партизанского движения бойцы, младшие и средние командиры Красной Армии и среди них лейтенант Стрелец. Его я уже не застал в живых, но легенды о нем я слыхал из уст орловского крестьянства. В тылу у противника самым верным критерием работы партизан является мнение народа об отряде или об отдельной личности — руководителе.

Прежде чем пойти по партизанской дороге, то есть до встречи с Ковпаком, а затем и после встречи с ним, я видел несколько сотен партизанских отрядов — им не было числа в немецком тылу — и понял одну истину, которая позже была так ярко выражена Ковпаком: надо делать так, как народ хочет. Очевидно, лейтенант Стрелец, которого я никогда не видел (в начале 1942 года он погиб смертью героя в жестоком бою с немцами в Брянских лесах), делал партизанское дело так, как этого хотел народ. Имя Стрельца было известно во

всех деревушках, в селах, на железнодорожных станциях... О его славных набегах на эсэсовские эшелоны, на железнодорожные мосты, на формировавшуюся тогда немецкую полицию рассказывали в десятках вариантов.

Как я представлял себе полицию, готовясь в Ельце к вылету в тыл, я уже писал. Действительность оказалась совсем иной. Вот зарисовка с натуры, записанная на свежую память в первые дни моего пребывания там.

К комиссару партизанского отряда имени 26 бакинских комиссаров вводят невзрачного человека. На нем вылинявшая ситцевая рубаха в полоску, пестрядинные порты и опорки. В руках он мнет изжеванную кепку.

— Как фамилия?

— Плискунов. Митрофан Плискунов.

— Полицейский?

— Чаво?

— Полицейский, спрашиваю?

— Я-то?.. Не-е... Я из охраны...

— Чего охраняешь?

— Чаво?..

— Что ты дураком прикидываешься? Отвечай толком на вопросы. Что, где охранял? И от кого охранял?

— Дак мы здешние, хуторские. Оно известно, у кого хлеба хватат, тому и нужды нет итти на службу. А как у нас нехватат, ну и мобилизовался, значит, по охоте, из-за хлеба, значит, в охрану. Путейскую охрану. На железной дороге.

— Винтовку дали?

— Чаво?.. Извиняйте... Известно, дали.

— Патроны?

— Десять штук.

— Полицейскую повязку тоже дали?...

— Полицейскую?.. Не... Вот эту дали.

Он вытаскивает из кармана замусоленный нарукавный знак. Эрзац-репс, на котором сквозь грязь и пыль проглядывают такие же грязные слова: «Шуцманншафт. Выгоничи».

— Что же ты очки тут втираешь? Значит, в полицию поступил, да еще и добровольно.

«Шуцман» мнет в руках замусоленную тряпку и затем в недоумении поднимает глаза, невинные глаза дурака.

— Поступил... Мобилизовался, значит, по собственной охоте, потому как дома жена, деток трое, а хлеба нету. — и он разводит руками.

— Сколько же тебе хлеба обещали?..

— Говорили, после войны дадут по двадцать пять га.

— А сейчас?

— Обещали до тридцати кил на месяц.

— А давали?
— По шашнадцать, а с прошлой недели по двести грамм стали давать.
— Не жирно кормят.
— Куда там!.. Совсем омманул германец. Усю Расею омманул... И меня тоже...
— Ты за Россию не распинайся. Вот что скажи: против кого ты шел?
— Я? Сроду я ни против кого не ходил. Я только за кусок хлеба дорогу охранял.
— Дорогу. Ну, а по дороге кто ездит? Немцы?
— Известно...
— Против Красной Армии танки везут, войска, снаряды?..
— А везут, известно...
— А ты дорогу эту охраняешь от кого? От нас... кто эти поезда под откос пускает.
— Так за кусок же хлеба... Жена, деток трое...
— Ты мне Лазаря не пой. У всех жена и детки, а это не причина.
— Известно, не причина.
— Так почему ты против советской власти пошел?
— Я-а? Против? Да ни в жизнь. Я от советской власти окромя пользы ничего не имел. И чтоб я против советской власти!... Да ни в жизнь.
— Как же нет... Ну вот меня если бы поймали на дороге, пристрелил бы ведь...
— Нет, я в небо стрелял...
— Но стрелял же...
— Раз на службу поступил... мобилизовался, значит...
— Так и стрелять надо...
— Известно...
— А говоришь, не против советской власти...
— А ни в жизнь! Вот убей меня бог на этом самом месте, если я хоть думкой, или словом, или еще как...

Мы долго сидели молча, не зная, что же делать с этим «чеховским» персонажем, возрожденным новейшей техникой, танками, «юнкерсами» и жандармами в голубых шинелях.

Из затруднения нас вывели две бабы, вбежавшие в хату, несмотря на протесты часового.

— Поймали ирода, душегубца проклятого! — кричала одна, краснощекая, курносая орловка. — Ну чего хнычешь, чего стоишь, али руки у тебя отсохли? Я бы на ее месте глаза ему из черепка ногтями выдрала...— сказала она, обращаясь к нам.

(4)

Вторая, бледная, забитая, смотрела большими голубыми глазами, не моргая. Из них беспрерывно текли слезы. Губы ее шептали одно и то же:

— Ванюшка, колосок мой... Ой, Ванюшка... Кровушка моя,— шептала она. Затем медленно подошла к Митрофану, глядя ему в глаза. Он вдруг поднял руки, как бы защищаясь.

Голубоглазая подошла еще ближе и, закричав истошным голосом: «Зверь, волчина проклятый!» — рухнула на землю без чувств.

Краснощекая женщина рассказала нам, что с приходом немцев от Митрофана Плискунова житья не стало в селе. Он собственноручно расстрелял более тридцати бойцов и командиров Красной Армии, пробиравшихся к фронту.

А сыну голубоглазой — Ванятке, двухлетнему бутузу, взяв его за ножки, размозжил голову об угол дома.

Приговор был ясен.

Пока курносая приводила в чувство свою подругу, комиссар вызвал караул, и полицейского вывели.

Экземпляр этот человеческий был настолько необычен, что я по зову любопытства, пошел в лес, где его должны были расстрелять.

Митрофан шел, загребая опорками пыль, и оглядывал верхушки сосен скучными глазами, словно надеясь улететь от нас. На опушке его поставили возле ямы.

Он повернулся и жалобно взглянул на нас.

— Убивать будете? — неожиданно звонко спросил он.

— А что же, молиться на тебя? — ответил один из партизан, снимая с плеча винтовку.

Митрофан скрипнул зубами и злобно посмотрел на меня. Он ожидал, вероятно, встретить такую же звериную злобу и в наших глазах и, как мне показалось, удивился, увидев только презрение. Я заметил, что под низким черепом этой гориллы вдруг с лихорадочной быстротой заработали шкивы и шестеренки человеческой мысли в поисках выхода.

Но было поздно. Бесстрастно поднялись дула винтовок. Я подумал, что останавливать не всегда приятный, но необходимый процесс очищения земли не стоило... Он видел это и торопился, гнал скудную мысль, как загнанную лошадь... И вот она взяла барьер.

— Передайте хлопцам, что Митроха погиб собачьей смертью... — хрипло сказал человек с черепом гориллы.

Грянули выстрелы. Он упал на полусгнившую хвою, подогнув ноги и спрятав голову между колен.

Выполняя его предсмертную просьбу, я передаю людям его последние слова.

Митрофан погиб собачьей смертью.

В то время в Брянские леса через заградительные оккупационные отряды, состоявшие из нескольких венгерских полков, ломился из степей Украины человек, о котором уже ходила слава в партизанских краях. Одни говорили, что это цыган, колесивший по немецким тылам, другие — что это полковник, у которого все рядовые не ниже старшего лейтенанта, что он имеет танки, самолеты. Но кто бы он ни был, немцы боялись его как огня, а народ рассказывал о нем легенды. Одним словом, молва несла весть о человеке, который соответствовал моему идеалу партизана.

Как только он появился вблизи Брянских лесов, я посадил свою радистку на облучок орловской одноконной повозки и покатил к нему. Дорога была длинная, около девяноста километров, дуга все время сваливалась, рассупонивался хомут, и мы никак не могли с ними справиться. Я очень обрадовался, увидев пароконные украинские телеги с лющнями... Это было в сосновом лесу возле Старой Гуты, невдалеке от Хутора Михайловского, где расположился лагерем Ковпак.

Лагерь действительно напоминал чем-то цыганский табор. По всему чувствовалось, что люди не собираются обживать эти леса. Группками стояли повозки с лющнями, странно выглядевшие среди орловских лесов. К лющням были прикреплены мадьярские, немецкие, румынские палатки. На всех перекрестках стояли станковые пулеметы и минометы всех времен и народов; часовые на заставах курили ароматный табак или сигары, презрительно поплевывая через губу и снисходительно поглядывая на местных партизан. Одним словом, еще не доехав до Ковпака, я в этом, столь отдаленном от днепровских равнин крае почувствовал родной запах Украины, аромат как бы возрождавшейся из веков Запорожской Сечи.

Когда я подъехал ближе, я увидел, что штабом служила большая елка, огороженная вбитыми в землю жердями. Внутри загородки стояла трофейная санитарная машина. В сторонке на скорую руку было состряпано подобие стола на четырех колышках, «машинистка» с усами и в лохматой шапке бойко выстукивала на маленькой портативной пишущей машинке. Рядом сидел человек с бородкой, лысый, с очками на лбу, и трудился. Очевидно, к этим партизанам часто приезжали экскурсанты, так как на меня никто не обратил особенного внимания.

Я предъявил документы человеку с бородкой. Он оказался начальником штаба отрядов Ковпака. Звали его Григорий Яковлевич Базыма. Как я узнал позже, он был в прошлом директором школы, всю жизнь учил детей — чернобровых

украинцев, увлекался пчелами, садом, огородом. Миогие из его учеников были в отряде бойцами, а учителя — комаидирами. Базыма повертел в руках мой докумеит, сказал: «Командир и комиссар уехали, скоро будут», — и штаб продолжал работу.

«А где же танки и самолеты, о которых все время говорили в партизанском крае?» — думал я. Их пока что ие было видно.

Лавируя между деревьями, показалось иесколько всадников. Впереди иа высоком коие ехал худощавый старик в каком-то иепонятиом штатском костюме. Рядом с иим иа прекрасиой арабской лошади — красивый мужествеииый воеииый человек с чериыми, как смоль, усами и быстрым взглядом. Старик походил иа экоиома, который объезжает свое хозяйство. Оба оии слезли с лошадей, а старик — это был Ковпак — стал кого-то ругать. Затем, только увидев меия, он протяиул мие руку, иазвал свою фамилию и сказал:

— Бумажку сховай, тут воиа ие потрибиа.

Комиссар стоял у дерева и оцеиивающим взглядом иаблюдал за иами. Я сразу увидел, что тут иадо держать ухо востро, и поиял, что действительио бумажки тут ии к чему. Я иачал было разговор о цели своего приезда. Ковпак перебил вопросом:

— А покормили тебя?

Я сказал, что ие голодеи, и в ответ услышал:

— А то ие иаше дило. Наше дило погодувать!

Вот этот хозяйский глаз, увереииый, спокойиый ритм походной жизии и гул голосов в чаще леса, иеторопливая, но и не медлительная жизнь увереииых людей, работающих с чувством собствеииого достоииства, — это мое первое впечатлеиие об отряде Ковпака. Когда я ближе присмотрелся к этим людям, то сразу поиял, что воевать буду только с иими вместе. Если когда-иибудь хватит сил у меия иаписать киигу о них, я иазову ее: «Люди с чистой совестью».

Большииства первых ковпаковцев, которых я увидел тогда, летом 1942 года, уже иет в живых. Могилы их разбросаиы от Брянских лесов до Пиисках болот, от Житомира до Карпат, от Волыии до Перемышля, от Варшавы до Бреста и Белостока.

На выходе из Бряиских лесов, у дороги, — одииокая могила славиого разведчика Николая Бордакова; в Карпатах, иа высоте 1613, в пещере из громадиых камией, иа горе, куда залетают лишь гориые орлы, лежит Чусовитии; иа веигерской граиице иавеки усиул четыриадцатилетиий партизаи Михаил Кузьмич Семеиистый. В глубоком и узком ущелье реки Зелеиицы, прикрывая собствеиным телом отход товарищей и жертвуя самым дорогим — жизиью, погиб славный русский воло-

годский пареиь Митя Черемушкин; в лесах Киевщины спят в одиой могиле побратимы Колька Мудрый и Володя Шишов; в Польше сложили свои головы Николай Гапоиенко, Иван Намалевааиый и сотии других...

Да, это были люди с чистой совестью!..

8

Узиав Ковпака ближе, я окоичательио решил для себя, что буду воевать с иим вместе.

Уезжая иа иесколько дией на наш партизаиский аэродром, который к тому времеии мы уже оргаиизовали, я был иедоволеи только одиим: я ие видел ии таиков, ии самолетов Ковпака, о которых шла партизаиская молва. Вериее, я видел, что их иет и ие было, ио где-то таилась иадежда, что этот старик припрятывает их и вообще страшио скрытиичает. А влезать в чужие секреты ие в моей иатуре.

Когда я уехал от Ковпака в глубь Бряиских лесов, иа первой же стояике устами партизаиа-орловца миогое мие разъясиилось. Дело было у костра, возле которого иочью грелись партизаиы. Большиииство дремало, трое или четверо вели беседу.

— Ковпак опять в поход собрался... — сказал один.

— Не-е, — отозвался другой. — Ои же иедавио из степей пришел.

— Опять собрался...

Сухо потрескивали сучья в ловко, по-охотиичьи сложеииом костре.

— Недаром за его голову иемцы десять тысяч рублей дают,— задумчиво пробасил третий.

— Ничего, иичего, вот еще в одии рейд сходит — прибавят цеиу, — сказал первый.

— А сколько за иашего дают? — заинтересовался иаивиый орловский куриосый пареиь, имея в виду одиого из руководителей партизаиских отрядов.

— За иашего? — переспросил бас. — Ну-у, за иашего немцы тысяч двадцать дадут... Чтоб его от иас черти ие взяли только...

Вот как по-разиому оцеиивал иарод своих вожаков.

Рудиев и Ковпак были людьми, способиыми вести за собой массы.

На первый взгляд совершеино противоположиые друг другу — старик шестидесяти лет, без образования, но с большим жизиеииым опытом, старый солдат-рубака в полном смысле слова, разведчик первой мировой войны, пересидевший в окопах и переползавший по-пластунски земли Галиции

и Карпат, имевший два георгиевских креста, служивший у Чапаева в гражданскую войну — Сидор Ковпак и культурный, военнообразованный, храбрейший воин и обаятельный оратор — Руднев.

Руднев был ранен в горло в первые месяцы своей партизанской деятельности. В партизанском же отряде он и вылечился. После ранения немного картавил, и это придавало особую привлекательность его речи. А речь была основным, чем двигал вперед он свое большое дело.

Слушая Руднева на лесной поляне, когда он говорил с бойцами, или его речь на сходках мирных жителей, я впервые узнал и увидел, что́ может сделать человеческое слово.

Руднев не умел говорить казенно; каждое простое, обыкновенное слово было проникнуто у него страстностью, оно было целеустремленным, действовало как пуля по врагу. Руднев неустанно работал над воспитанием своих партизан. Он выбивал из них ненужную жестокость, он вселял в них уверенность, воспитывал терпеливость, выносливость, высмеивал трусов, пьяниц и особенно жестоко боролся с мародерами. Последнее чрезвычайно важно в партизанской жизни.

Это отлично понимал Семен Васильевич Руднев. Иногда он напоминал мне педагога Макаренко, каким можно себе представить его по книге «Педагогическая поэма». Что-то общее было между Макаренко — воспитателем беспризорных детей, из которых он ковал сознательных, грамотных стойких бойцов социализма, и Рудневым, который где-то по ту сторону фронта, там, где фашисты сознательно стимулировали низменные человеческие страсти и инстинкты, личным примером вел партизан к доблести и геройству.

Перед человеком, совершившим первый проступок, дрогнувшим во время отступления, Руднев открывал возможность исправиться. Немцы говорили: «Хочешь иметь власть над людьми — поступай в полицию. Ты будешь господином, ты сможешь жрать, пить, насиловать женщин, тащить себе имущество, расстреливать людей. (И находились такие, которых прельщал этот путь.) А если ты не хочешь итти по такому пути — вот тебе другой: работай на нас здесь, а потом мы тебя угоним в Германию».

Если же человек не хотел итти по этим путям, он шел в лес, брал оружие и боролся. Боролся даже тогда, когда фронт неизвестно где, а немецкая пропаганда твердит, что Москва давно взята.

Некоторые пошли в партизаны, но затем, под влиянием временных неудач, заколебались. Руднев особенно следил за такими. Он направлял их, помогал, ободрял, воспитывал, делал похожими на себя.

Когда я слушал беседы Руднева с партизанами, когда совершал с ним рейды, он напомннал мне другого, никогда не существовавшего человека, возннкшего лишь в воображении гениального писателя. Руднев напоминал мне тогда Данко из горьковских рассказов старухи Изергиль, Данко, который вырвал из своей грудн сердце, и оно запылало ярким пламенем, освещая путь заблудившимся в чаще жизни людям.

Руднев был человеком, способным повести за собой массу, порой колеблющуюся, — массу, которой нужно пнтаться, спать, одеваться, которой иногда хочется отдохнуть. Роль Семена Васнльевича Руднева в партизанском движенин на Украине — да н не только на Украине — гораздо большая, чем та, которую он нграл по своему служебному положению. Хотя он был только комиссаром Путивльского партизанского отряда, но влияние Руднева, стнль его работы распространялись на сотнн партизанских отрядов от Брянска до Карпат, от Житомира до Гродно.

Партизаны другнх соединений всегда старалнсь подражать соединению Ковпака. Оно было лучшим не только по своим боевым качествам н отборному составу, но н потому, что своими рейдами всегда открывало новую страницу летописн партизанского движения. Партизаны Ковпака и Руднева ходили дальше всех, они были открывателями нового пространства, они былн разведкой партизанского движения Украины, Белоруссии, Польши. А впереди них шел красивый сорокалетний мужчнна, с черными жгучими волосами, с черными усамн, энергнчный н простой, непримиримый и страстный, шел, высоко неся свое мужественное, горящее ненавистью к врагу и любовью к роднне сердце, освещая путь своим бойцам, не давая им стать обывателямн партизанского дела.

Ковпака н Руднева судьба свела еще в годы мирной жизни. Оба — участникн гражданской войны: Ковпак воевал у Чапаева, гонялся за бандамн Махно по степям Украины, а Руднев — тогда еще юноша — участвовал в штурме Зимнего дворца.

Мирные годы они провели по-разному. Ковпак работал на хозяйственных, советскнх н партийных должностях. Война застала его председателем Путнвльского городского совета. До этого он был начальником дорожного строительства, и в партизанские времена, в особенно удачные месяцы, когда начштаба Базыма приносил месячную сводку и Ковпак доходил до графы, где указывались погонные метры взорванных и сожженных шоссейных мостов, в штабе воцарялась комнческая пауза, и Руднев провозглашал:

— Вннмание! Товарищ директор Дорстроя подводит баланс ремонтных работ. Ну как, Сндор, промфннплан выполнил?

— Выполнив, чорты його батькови в печинку,— говорил Ковпак и, нагибаясь над отчетом, ставил внизу свою подпись.

Руднев почти всю жизнь провел в армии. Начав с красноармейца почти мальчишкой, он уже в 1935 году был полковым комиссаром, много работал над своим образованием — общим и военным — и ко времени хасанских событий был уже культурным, высокообразованным кадровым командиром.

Военная выправка, подтянутость, требовательность к себе и подчиненным сочетались у него с задушевностью и знанием солдатской души, быта и нужд.

Впоследствии он работал у себя на родине, в Путивле, председателем совета Осоавиахима. Там они и встретились с Ковпаком.

В начале войны и предгорсовета Ковпак и осоавиахимовец Руднев организовали, каждый в отдельности, партизанский отряд. Оба они были поставлены районными партийными организациями во главе выделенных райкомом групп коммунистов. Большинство первых партизан подбиралось из партийного актива. Было немало участников гражданской войны. Отряд Руднева в областном городе Сумы проходил специальное обучение и в свой Путивльский район попал уже через линию фронта. У Ковпака активистами были Коренев — Дед Мороз, Микола Москаленко; у Руднева — учителя-коммунисты Базыма, Пятышкин и другие. Первые недели самостоятельной борьбы показали им необходимость объединиться, и уже на второй месяц оккупации района отряды нашли друг друга. Руднев предложил слить их воедино.

— Ты, Сидор, командуй, а я, по старой памяти, буду комиссаром.

Начальник штаба отряда Руднева, народный учитель Базыма, стал и у Ковпака начальником штаба. Он был памятью отряда, существовавшего уже второй год, и бережно хранил все даты боев и других важных событий.

Помню первое совещание командиров ковпаковского соединения, на котором мне пришлось присутствовать. Шел разбор боя в селе Пигаревке.

В этом бою партизаны разгромили вражеский батальон, но сами понесли значительные потери. Раненых — около сорока человек, были и убитые.

— Сколько помню, никогда таких потерь не было, — виновато говорил мне Ковпак. Чувствовалось, как тяжела ему эта утрата.

Разбор начался с доклада начштаба, затем выступали командиры. Ковпак, не дожидаясь конца, взял слово. Это была не речь, не выступление, а какой-то особый разговор

по душам, разговор страстный и сильный. Кто-то из комаидиров, аналнзнруя иеудачи, говорил о недочетах оргаиизации боя.

Ковпак перебил его:

— Недостатки — это иаша кровь, трусость — это иаша кровь, глупость — тоже кровь иаша, товарищи... — Аудитория стихла. — Вот ты говорншь, в своих стреляли... Свои стреляли, это верио, ночью все может показаться... Но там совсем ие тот недочет... А вот что ты тут иам очки втираешь? — обратнлся ои к командиру коиотопского отряда. — А иу, говори еще раз...

Комаидир встал и стал докладывать.

Ковпак слушал виимательно, а затем вскипел:

— От же не люблю брехни... Брехия мие — иож в сердце! — И, выстукивая рукой с покалечеиными пальцамн по столу, отчеканивал: — Каждый партизан н партизанка зиают, що мы за правду боремся. Я сам это слово каждому в отряде при прнеме в мозги вколачиваю... И Сэмэи тоже... Приучать иадо людей по правде жить, правду говорить, за правду бороться... А ты...

И сиова сталн говорить командиры.

Старик слушал виимательно, ниогда бросал реплику.

И когда комаидир коиотопцев взял слово и стал поправляться, Ковпак бурчал себе под нос:

— Бреши в одну стежку.

Разговор закончил Рудиев. Это было, видимо, установившейся традицией. В отлнчие от Ковпака, он ннкогда не говорил о явиых отрицательиых поступках или провииншихся людях. Ои просто умалчивал о иих, ио так, что все видели и чувствовалн презреиие ко всему, что тянуло иас назад. Ои давал поиять, что это было для иих чуждым... Но в хорошем стремлеини люди тоже иногда делают ошибки. Вот это Рудиев умел, как иикто, подмечать, мягко н настойчиво, во-время остановить, выправить человека. Помню, имеиио иа этом совещаиин ои сказал:

— Есть люди отважные. Но у иих изъян: оии делают одолжеиие родине н товарищам своей храбростью н борьбой. Борьба с врагом — это твой долг перед родииой, а храбрость — долг перед твоей совестью. Мы ие иищие, и иам ие нужиы подачки.

Крепко критиковал ои безрассудство одного командира, который иеправильно повел свой взвод, поставил людей под кинжальный огонь пулеметов, а затем, когда понял свою ошибку, бросился на пулемет н погиб.

— Что же сейчас крнтнковать, Семеи Васильнч, — заметил Базыма, — мертвых не подымешь...

— Неверно, — сказал комиссар задумчиво.—Неверно, Григорий Яковлевич. Мертвым тоже не прощают ошибок.

— А почему, я вас спытаю? — подхватил, оживившись, Ковпак. — Вот я вам зараз скажу, почему. Чтоб живым не повадно было спотыкаться. Понял? То-то...

Жестокие слова, так мне тогда показалось, но потом я много раз убеждался, как они справедливы.

Вот какими были эти два человека, с которыми судьба свела меня, беспартийного интеллигента, в августе 1942 года. И, сказать по правде, я не в обиде на свою судьбу.

А было это так. Приехав еще раз в отряд, поговорив с Рудневым и ближе познакомившись с ним, я сказал Ковпаку, подошедшему к нам:

— Ну, диду, принимайте меня в партизанскую академию.

Старик, прищурившись, посмотрел на меня и ответил:

— Дило твое, только смотри, не обижайся!

И помахал перед моим носом нагайкой. Руднев засмеялся и похлопал меня по плечу.

9

В это время вернулась из разведывательного рейда группа автоматчиков под командованием Бережного, которая была подчинена мне. С этой группой, состоявшей из восемнадцати автоматчиков и двух радистов, мы и влились в отряд Ковпака, образовав тринадцатую роту.

Когда начальник штаба Базыма объявил мне мой номер, я подумал: «Ну, верно дело пойдет успешно, число «тринадцать» у меня везучее».

Через несколько дней Ковпак улетел в Москву, а вместе с ним и ряд других партизанских руководителей. Они были первыми ласточками партизанской земли. Москва принимала их тепло, радостно.

Политотдел Брянских лесов немедленно по возвращении командиров из Москвы провел среди командного и политического состава беседы о задачах, поставленных правительством и лично товарищем Сталиным на этом совещании. Основой служили записки или личные рассказы товарищей, имевших счастье побывать в Кремле. В политотделе мне удалось просмотреть как-то живую запись одной из таких бесед участника исторического совещания Героя Советского Союза Ромашина.

По представлению товарища П. К. Пономаренко — начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего — товарищем Сталиным 31 августа 1942 года были приняты руководители партизан: начальник Орловского штаба партизанского движе-

ния Матвеев, секретарь Орловского обкома ВКП(б), командир партизанских отрядов западных районов Орловской области младший лейтенант Госбезопасности Емлютин, командир Брянского городского партизанского отряда Дука, командир партизанского отряда военнослужащих № 2 имени Ворошилова капитан Гудзенко, командир партизанского отряда военнослужащих № 1 старший лейтенант Покровский, командир соединения украинских партизанских отрядов Ковпак, командир соединения украинских партизанских отрядов Сабуров, командир партизанского отряда имени Сталина Сенченко, командир партизанского отряда имени Чапаева Кошелев, командир партизанского отряда имени Боженко, комиссар партизанского отряда «Смерть немецким оккупантам!», председатель Дятьковского райисполкома (представитель от партизан северо-западного района Орловской области), командир Брянского районного партизанского отряда Ромашин и другие.

«30 августа все прибывшие товарищи, в том числе и я, — рассказал тов. Ромашин, — присутствовали на совещании у товарища Пономаренко. Каждый докладывал о работе своего партизанского отряда.

В 23 часа совещание было прервано — товарища Пономаренко вызвали в Кремль, а мы пошли отдыхать в гостиницу.

Кто из партизан раньше бывал на Большой земле, рассказывал, что нашего брата чаще всего принимает товарищ Андреев Андрей Андреевич. И мы решили, что поедем на прием к товарищу Андрееву. Но вот без пятнадцати минут девять к гостинице подошли машины.

— Собирайтесь, поедем в Кремль.

Мы все быстро сели в машины и доехали до Кремля. Кроме командиров партизанских отрядов, с нами были товарищи Пономаренко и Матвеев.

С ними мы и пришли в Кремль. Зашли в приемную. Нам сказали, что это приемная товарища Сталина. От неожиданности мы даже не знали, что делать, такое у всех было приподнятое и радостное настроение. Вот нам говорят: «Можно заходить», а мы стоим. Потом пошли. Нам навстречу, прямо к двери вышел товарищ Сталин. Мы все ему представились. С ним вместе были товарищ Молотов и товарищ Ворошилов».

Ковпак много раз рассказывал нам о приеме в Кремле. Когда нам посоветовали записывать свои боевые дела, встречи и впечатления, он долго продумывал что-то и хранил в делах штаба заветную тетрадку. В ней были заметки и записи этой исторической встречи. Он затем так описал ее в своей книге «От Путивля до Карпат»:

«Когда мы говорили — Москва, в мыслях был Сталин. Летя в Москву, никто еще не знал, предстоит ли нам встреча

со Сталиным, но мысль о вероятности этой встречи не оставляла нас всю дорогу и на самолете и потом на автомашинах, доставивших нас из штаба Брянского фронта прямо в гостиницу «Москва».

Вскоре по приезде — это было 31 августа — нас предупредили по телефону, чтобы мы никуда не уходили из своих номеров — ждали вызова в Кремль на прием к товарищу Сталину. И вот нас вызвали. Мы еще на самолете представляли, как это может произойти, но по пути в Кремль я думал только об одном: сейчас приедем, войдем в кабинет, увидим Сталина. Прежде чем попасть в кабинет Сталина, пришлось пройти несколько комнат. Я думал: вот сейчас увижу. Сталин все время стоял перед глазами такой, каким я его знал по довоенным портретам. И точно таким я увидел Сталина, когда раскрылась дверь в его кабинет. Мне показалось, что я уже много раз встречал Сталина. Иосиф Виссарионович стоял посреди комнаты в костюме, известном всему миру. Рядом — Ворошилов в маршальской форме.

Сталин поздоровался с нами, пожал каждому руку и, показав на длинный стол, предложил сесть. Моим соседом за столом оказался товарищ Молотов. Я увидел Вячеслава Михайловича, когда уже сидел рядом с ним. Вероятно, я волновался, поэтому сначала и не заметил Молотова. Когда Ворошилов назвал мою фамилию, я не подумал, что речь идет обо мне. Как будто Ковпак был кто-то другой.

На приеме у товарища Сталина нас собралось человек двадцать — командиров партизанских соединений и отрядов: русских, украинцев, белорусов. С одними я часто встречался в тылу врага — наши отряды действовали бок о бок, с другими установил связь незадолго до полета в Москву — на партизанском совещании в Брянских лесах, с некоторыми познакомился уже в самолете, а до того знал их только по партизанским кличкам да по народной славе. Но вот сели мы, партизаны, за длинный стол в кремлевском кабинете, сел и товарищ Сталин, заговорил с нами. Все это было так просто, словно мы уже не раз собирались тут и все хорошо знали друг друга. И в то же время знакомые лица выглядели как-то необычайно.

С именем Сталина мы шли в бой, как с именем Родины, а теперь вот сидим со Сталиным за одним столом, дружески разговариваем. Как тут было не волноваться!

Мы думали, что прием будет очень короткий — ведь такое тяжелое время. Но Сталин не торопился. Он заботливо расспрашивал о наших семьях — поддерживаем ли мы с ними связь и как. Иногда, задав вопрос, ему приходилось прерывать беседу, вставать из-за стола, подходить к телефонам,

отдавать приказания. Чувствовалось, что мы на командном пункте, который управляет всеми фронтами. Мне особенно запомнились слова Сталина, сказанные им кому-то в трубку:

— Почему послали только один полк бомбардировщиков? Сейчас же посылайте второй.

Вернувшись к столу, Сталин повторял вопрос. Он спрашивал то одного, то другого. Спросит меня, и кажется, будто он взял меня тихонечко за руку и приблизил к себе. Вероятно, у всех было такое чувство, и это всех быстро успокоило, привело в себя.

Тогда начался разговор о партизанских делах. Прежде всего Иосиф Виссарионович спросил, как мы держим связь с народом, как относится к нам население. Я встал, хотел докладывать, но Сталин сказал, что докладывать не нужно, чтобы я сел и отвечал на вопросы, которые он будет задавать.

Вопросов нам задано было много. Когда партизаны заговорили о том, как они держат связь с населением, как население помогает партизанам, Сталин сразу дал нам почувствовать, что это очень важно, что этому он придает огромное значение. Он несколько раз кивнул головой, как бы говоря: «Так, так, надо поближе держаться к народу».

На некоторых вопросах Иосиф Виссарионович останавливал наше внимание, другие задавал попутно, мимоходом. В ходе разговора он спросил, нужны ли в партизанских отрядах комиссары. И когда я стал говорить, что командиру самому трудно справиться со всей политической работой, что эту работу наша партийная организация ведет не только в отряде, но и среди населения, Сталин сказал:

— Понятно,— и больше к этому уже не возвращался.

На вопрос Иосифа Виссарионовича, как мы вооружены, обмундированы, какой у нас источник пополнения боеприпасами, я ответил:

— Один источник, товарищ Сталин,— за счет противника, трофеи.

— Ничего,— сказал Сталин,— теперь мы поможем отечественным вооружением.

Тут я вдруг понял, что то, о чем мы говорим, Сталину хорошо известно, что он спрашивает нас не для того, чтобы получить какие-нибудь сведения,— у него их достаточно, а чтобы навести нас на какую-то мысль, помочь нам самим что-то уяснить.

Сталин спросил, почему наш отряд стал рейдирующим. Я попытался рассказать о тех выгодах маневренных действий, в которых мы убедились на своем опыте борьбы на Сумщине. Выслушав меня, Иосиф Виссарионович задал мне неожидан-

ный вопрос: если все это так, если рейды оправдывают себя, то не можем ли мы совершить рейд на правый берег Днепра. Почувствовав, что я затрудняюсь сразу ответить, Сталин сказал:

— Подумайте,— и стал задавать вопросы другим.

О выходе на правобережную Украину у нас никогда не заходила речь. Мы не смели мечтать об этом, пока фронт был иа Волге. Товарищ Сталин иазвал иаш отряд рейдирующим. Это совершенио точно, в этом вся суть иашей тактики. Сталин одним метким словом определил ее. Но мы совершали рейды из одного районa в другой. А тут предстояло пройти иесколько областей, форсировать Десну, Днепр. Масштабы совсем другие. «Ну и что же из этого,— подумал я.— Разве операции, которые мы предпринимали из Хинельских лесов, из Старой Гуты, по своим масштабам ие превзошли все, что мы делали иа первых порах, разве летний рейд в Путивль ие оставил по своему размаху далеко позади зимний рейд из Хвощевки? Масштабы иаших операций непрерывно расширяются. Сначала мы ие выходили из пределов районa, потом рейдировали уже по всей севериой части Сумской области, а теперь мы вышли уже из пределов Сумщины. Так что иичего иеожиданиого в вопросе товарища Сталина нет. Просто он сделал из нашего опыта выводы, которые мы сами не могли сделать, иаправляет иас туда, куда это сейчас, видимо, нужиее всего. Действительно, почему мы должны все время кружиться на Сумщине, вокруг своего гиезда? Ведь все преимущество нашей маневрениой тактики в том, что мы все время держим инициативу в своих руках, всегда можем нанести удар врагу в самое больное место». Это решило для меня вопрос.

Иосиф Виссарионович, разговаривавший в это время с другими, мельком взглянул иа меия и сразу, должно быть по моему виду, понял, что я могу уже ответить, жду, когда он обратится ко мне. Повернувшись ко мне, Сталин сказал:

— Пожалуйста, я слушаю вас, товарищ Ковпак.

— Я думаю, товарищ Сталин,— сказал я,— что выйти иа правый берег Днепра мы можем.

Напротив меня сидел командир другого украинского партизанского соединения — Сабуров. Еще до вылета в Москву мы с ним толковали о совместном рейде. Он сказал товарищу Сталину, что тоже хотел бы пойти со своими отрядами на правый берег Диепра.

— А что вам для этого иужно? — спросил Иосиф Виссариоиович.

Мы ответили, что больше всего иам иужиы будут пушки, автоматы, противотаиковые ружья.

— Все будет,— сказал Сталин и приказал нам тут же составить заявку на все, что требуется для рейда на правобережье.

Я написал заявку и, подсчитав количество самолетовылетов, необходимых для того, чтобы перебросить все, что я прошу, ужаснулся — цифра мне показалась огромной: сто самолетовылетов. «Разве можно сейчас просить столько?» — подумал я и переписал свою заявку, урезав ее наполовину.

И все-таки, передавая свою заявку Сталину, я боялся, что он скажет: «Да, размахнулись вы, товарищ Ковпак». Произошло совсем по-другому. Взглянув на поданную мной бумажку, Сталин спросил:

— Разве это вас обеспечит?

А когда я сказал, что не решился просить большего, Сталин вернул мне заявку и приказал составить заново.

— Мы можем дать все, что нужно,— сказал он.

Пересоставляя заявку, я подумал, что было бы очень хорошо получить для бойцов сапоги, но решил, что это будет уже чересчур, и вместо сапог попросил ботинки. Сталин, прочитав новую заявку, тотчас вычеркнул ботинки... «Ну вот, а я еще хотел сапоги просить». Но не успел я выругать себя, как над зачеркнутым словом «ботинки» рукой Сталина было написано «сапоги».

Разговаривал с нами Иосиф Виссарионович так, как будто времени у него много, не торопил нас, давал спокойно собраться с мыслями, а решал все тут же при нас, не откладывая ни на минуту. Во время беседы меня не раз поражало — до чего все ясно и просто становится, когда Сталин скажет свое слово.

На прощанье, напутствуя нас, Иосиф Виссарионович сказал:

— Главное, товарищи, крепче держите связь с народом,— и, улыбнувшись, провел рукой, показал на всех нас, сидящих у стола: — Пока вы наш второй фронт.

Когда мы выходили из Кремля, вероятно никто из нас не мог еще в полной мере охватить весь смысл, все содержание беседы товарища Сталина, всю глубину его указаний, все значение отдельных, казалось бы случайно оброненных слов. Уж очень мы были возбуждены, обрадованы. «Ну, теперь все ясно, все в порядке, мы во много раз сильнее, чем это думают наши враги, да и наши союзники»,— вот как можно приблизительно выразить наши общие мысли и чувства после беседы со Сталиным. Потом, уже у себя в номере, вспоминали мы все заданные Сталиным вопросы, все его замечания, указания, и перед нами постепенно все глубже и многостороннее раскрывался и смысл их и значение.

Много толковали мы тогда о том, что Иосиф Виссарионович, конечно, не случайно назвал нас, партизан, вторым фронтом. Нам стало ясно, что на союзников особенно рассчитывать не приходится. Что ж, пришли мы к выводу, у советского народа хватит сил разгромить врага без чужой помощи. Американцы и англичане не торопятся открывать второй фронт в Европе — так мы сами откроем его, один фронт у нас на Волге, а второй, партизанский, будет на Днепре.

Возвращаясь на самолетах обратно через фронт в Брянские леса, мы были твердо убеждены, что приближаются дни коренного перелома в ходе войны. Беседа с товарищем Сталиным и приказ на выход в рейд, который мы с Сабуровым прочли под расписку перед вылетом из Москвы, не оставляли на этот счет никакого сомнения.

Нам было приказано выйти в районы Житомирской и Киевской областей. В приказе говорилось, что эти районы, расположенные в правобережной Украине, с разветвленной сетью железных и шоссейных дорог, с многочисленными переправами через реки, являются в данный момент важнейшими стратегическими путями. Наша задача состоит в диверсионной работе на этих путях подвоза из Германии живой силы и техники к Волге и предгорьям Кавказа, где происходили тогда решающие бои. Одновременно нам ставилась задача по разведке укреплений, возводимых немцами на правом берегу Днепра, и тут же указывалось, что этот господствующий берег, несомненно, будет скоро представлять собой плацдарм ожесточенных боев.

Приказ был совершенно секретный. По некоторым, вскользь оброненным словам товарища Сталина можно было догадаться, что этот партизанский рейд связывается в его замысле с какой-то большой, очень скрытно подготавливающейся операцией Красной Армии, что как ни тяжело сейчас на фронте, а надо ждать радостных событий, и они произойдут скоро. Тем большая ответственность лежала на нас за сохранение тайны.

Вернувшись в Старую Гуту, я прежде всего рассказал о беседе с товарищем Сталиным Рудневу. Только комиссару можно было сообщить полностью содержание секретного приказа. Мы заперлись с Семеном Васильевичем в трофейной венгерской санитарке, стоявшей в лесу рядом со штабным шалашом на случай, если кому нужно будет уединиться, чтобы поработать спокойно.

— Вот,— сказал я, постучав пальцем по карте в районе междуречья Волги и Дона,— вот куда мы смотрели. А вот куда показал нам Сталин,— я очертил пальцем указанные в приказе районы правобережной Украины.

Наверное, у меня так блестели тогда глаза, что Семен Васильевич и без слов мог понять, что это означает.

Он молча посмотрел на меня.

— Понял? — спросил я.

— Кажется,— ответил Семен Васильевич,— ты хочешь сказать, что мы идем на правый берег Днепра.

— Да, идут пока только наши отряды и Сабурова.

Я сказал это так, что Семен Васильевич тоже сразу понял, что означает «пока». Вообще нам не надо было много слов, чтобы понять друг друга. Во время этого памятного разговора Семен Васильевич вдруг спросил меня:

— А карту видел?

Нечего было спрашивать, какой картой он интересуется. Эта карта у нас с ним всегда была в мыслях. Сколько раз мы представляли Сталина, отмечающего на этой карте наш боевой маршрут.

Я сознался, что не обратил внимания на карту,— не до того было, когда Сталин с нами разговаривал.

— Ну, теперь уже не будешь больше беспокоиться,— заулыбался Семен Васильевич.

В начальный период партизанской борьбы, пока у нас не было постоянной связи с советским командованием, нас часто беспокоил вопрос: туда ли мы бьем, куда надо, оказываем ли фронту существенную помощь? Потом, с установлением радиосвязи, мы действовали уже увереннее. Это очень важно было для всех наших людей — сознание, что мы воюем не сами по себе, так, как заблагорассудится командиру и комиссару отряда, а действуем по указаниям, по общему плану высшего командования. А теперь вот пойдем по боевому маршруту, который дан нам самим Сталиным. Что же может быть тверже, надежнее!

— Да, теперь мы имеем полную установку, все ясно,— согласился со мной Семен Васильевич.

Мы просидели тогда с Рудневым в санитарке перед картой, разложенной на выдвижном столике, несколько часов, и никто не прерывал нашей беседы, хотя вокруг штаба нетерпеливо похаживало очень много нашего народа, жаждавшего поскорее услышать что-нибудь о Сталине.

Боевой у нас народ был, но скромный. На следующий день на митингах, проведенных по отрядам, командиры объявили, что нам предстоит выполнить задание Сталина. Народ ответил на это восторженным криком «ура», и ни один боец не задал командиру вопроса — какое задание, куда пойдем, как будто это никого не интересовало. Достаточно было того, что пойдем по заданию Сталина.

Слушая рассказы Ковпака и других участников этой знаменательной встречи, партизаны и командиры Брянского края и украинских отрядов как-то подтянулись, политически и морально повзрослели. Почти всех участников этого совещания мне пришлось видеть лично — в момент прилета их с Большой земли. Прилетел на Малую землю и товарищ Матвеев. Только с товарищем Пономаренко, начальником Центрального штаба партизанского движения, пришлось встретиться значительно позже.

Из всех товарищей особенно заинтересовал меня широкоплечий, мускулистый, в кожаном пальто, ладно облегавшем его стройную фигуру, Матвеев. Из-под воротника плаща на гимнастерке видно было два ромба. Позже я узнал, что он страстный охотник, физкультурник. У него никогда не болели не только зубы, но казалось, ии одна человеческая хворь не пристанет к такому здоровяку, да к тому же и весельчаку. Вскоре после войны он внезапно умер от разрыва сердца. Видно, не выдержало оно напряженной нагрузки.

Матвеев прилетел в Брянские леса в трудные дни: немцы повели наступление на массив Брянского леса. Сбили отряды-заставы на севере, начали сдавливать на юге. Конечно, в считанные часы знакомства с Матвеевым веселые черты его характера как-то ускользнули от меня. Всем нам в те дни было не до веселья. А Матвееву и подавно. Задание товарища Сталина, данное лично Матвееву, а через него и командирам брянских отрядов,— удерживать во что бы то ни стало партизанский край, удерживать сейчас как базу для рейдовиков, а в дальнейшем как крепкий плацдарм для наступающих частей Красной Армии — нужно было выполнить. Молодой еще, но уже имевший за плечами стаж комсомольской, партийной и чекистской работы, Матвеев не терялся, хотя и вынужден был в новой боевой обстановке напряжением воли и ума, перегруженностью в работе компенсировать недостающий опыт. Уже через несколько дней, прибрав к рукам управление многочисленными отрядами, он сумел приостановить отступление партизан, а затем несколькими удачными ударами в тыл наступающим гитлеровцам заставить их убраться восвояси. Положение в партизанском крае было восстановлено. Брянский партизанский край жил и боролся. Ему суждено было дожить до того момента, когда доблестные полки и дивизии Красной Армии дойдут в едином порыве от Волги и Дона до Курска. В сотне километров от Брянского партизанского края сделают они передышку, изготовятся для дальнейших сражений иа Курской дуге.

И этот край станет не только базой для многочисленных разведчиков Красной Армии, но и будет наносить мощные

удары по врагу во взаимодействии с полками и дивизиями победоносной Красной Армии.

В эти дни боев лета 1942 года я только два раза встречался с товарищем Матвеевым. У меня уже было в кармане предписание за его подписью «отбыть в отряд Ковпака», но пока шли напряженные бои, «отбывать» на юг было как-то неловко.

Наблюдая Матвеева во время коротких встреч, я невольно сравнивал его с полюбившимся мне Ковпаком. Если тот был вожак-самородок, вышедший непосредственно из низов народных, солдат и батька солдатский, то Матвеев был руководителем подготовленным, человеком сталинской государственной школы и сталинской закалки.

Матвеев привез в партизанский край полный текст приказов и докладов товарища Сталина. В этих исторических документах, наряду с общим анализом войны и задач Красной Армии, ставились задачи и нам, партизанам. На основе глубочайшего анализа тыла немецко-фашистской армии товарищ Сталин указывал на важное значение партизанской борьбы. И действительно, мы на собственном опыте убеждались в непрочности немецкого тыла, работу которого мы нарушали. А прочность тыла, учил нас товарищ Сталин,— один из решающих факторов победы.

«...продвигаясь в глубь нашей страны, немецкая армия отдаляется от своего немецкого тыла, вынуждена орудовать во враждебной среде, вынуждена создавать новый тыл в чужой стране, разрушаемый к тому же нашими партизанами, что в корне дезорганизует снабжение немецкой армии, заставляет ее бояться своего тыла и убивает в ней веру в прочность своего положения, тогда как наша армия действует в своей родной среде, пользуется непрерывной поддержкой своего тыла, имеет обеспеченное снабжение людьми, боеприпасами, продовольствием и прочно верит в свой тыл. Вот почему наша армия оказалась сильнее, чем предполагали немцы, а немецкая армия слабее, чем можно было бы предположить, судя по хвастливым рекламам немецких захватчиков».

Читая эти проникновенные строки, мы партизаны — бойцы и командиры,— глубже и шире понимали значение своих боевых дел, направленных на расшатывание и разрушение тыла врага. В своем первомайском приказе великий Сталин приравнял нас, партизан, к воинам Красной Армии, которым он ставил задачи:

«1. Рядовым бойцам — изучить винтовку в совершенстве, стать мастерами своего оружия, бить врага без промаха, как бьют их наши славные снайперы, истребители немецких оккупантов!

2. Пулеметчикам, артиллеристам, минометчикам, танкистам, летчикам — изучить свое оружие в совершенстве, стать мастерами своего дела, бить в упор фашистско-немецких захватчиков до полного их истребления!

3. Общевойсковым командирам — изучить в совершенстве дело взаимодействия родов войск, стать мастерами дела вождения войск, показать всему миру, что Красная Армия способна выполнить свою великую освободительную миссию!

4. Всей Красной Армии — добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!»

Так же, как и бойцов Красной Армии, товарищ Сталин учил нас, партизан:

«5. Партизанам и партизанкам — усилить партизанскую войну в тылу немецких захватчиков, разрушать средства связи и транспорта врага, уничтожать штабы и технику врага, не жалеть патронов против угнетателей нашей Родины!

Под непобедимым знаменем великого Ленина — вперед к победе!»

Партизанская война становилась частью общего сталинского плана по разгрому врага.

Так же, как в Брянские леса товарищем Матвеевым, сотнями других партийных руководителей и организаторов приказы были доставлены в другие отряды, действовавшие во вражеском тылу от Северного Ледовитого океана и до Кубани. Их внимательно изучали командиры и бойцы партизанских отрядов. По ним, как по компасу, данному в наши руки партией большевиков, выверяли мы свой боевой путь.

Ковпак получил от Сталина боевое задание совершить новый рейд. Ковпак не раз рассказывал потом нам об этой встрече. Его рассказ, варьированный в интонациях, но всегда верный и точный, когда он передавал слова товарища Сталина, как бы раздвигал лес и переносил нас в кабинет в Кремле. Цепкая память старика схватила каждое слово, каждый жест и паузу товарища Сталина. А когда рассказчик доходил до сцены прощания, он говорил кому-нибудь из слушателей:

— А ну, дай руку! .. Так от, я уже до дверей подаюсь, про все с товарищем Сталиным поговорили, а он, понимаешь, из-за своего стола вышел и меня к себе подозвал. «Ну, будь здоров, Ковпак», — и пожелал всем успеха. Потом еще раз усмехнулся и меня, понимаешь, за руку взял... И громко так: «Партизанам и партизанкам — горячий привет». И так руку мне пожал, что я чуть не крикнул. Ох, и крепкая рука, хлопцы, у товарища Сталина.

Помню, как блестели глаза у четырнадцатилетних партизан Семенистого и Володи Шишова и у седобородого Коренева, словно не Ковпаку, а им крепко пожимал руку в Кремле товарищ Сталин.

В разведроте мне особенно приглянулся четырнадцатилетний мальчик, замечательно ловко ездивший верхом, с быстрыми, черными, как угольки, смышлеными глазами и твердым, рассудительным голосом. Его в разведке звали только по имени и отчеству: «Михаил Кузьмич». Позже я узнал его фамилию: Семенистый. Он был родом из Путивльского района и в отряд пошел добровольцем. Отца у него не было, дядю повесили немцы. Он остался старшим в семье, мать считала его хозяином. Когда Ковпак проходил мимо их села, мальчик заявил матери, что он уходит в партизаны. Мать вначале отговорила его, но партизаны задержались в этом районе, и через несколько дней мальчик все же собрался уходить. На рассвете он тайком выбрался из хаты. За околицей его догнала мать. Она бросилась к нему на шею, стала плакать и умолять не покидать ее с малыми детьми. Мальчик колебался, потом упрямо тряхнул головой и сказал:

— Нет, не уговаривайте меня, мама, я пойду.

Он осторожно высвободился из объятий матери, упавшей на придорожную траву, и пошел по дороге. Мать снова догнала его. Она начала упрекать сына.

— Родила на свою голову, — причитала она. — Родную мать покидаешь, а я тебе еще новые сапоги справила, как старшему... Думала, хозяином будешь.

Мальчик, удивленный, остановился. До этого он никогда не слыхал от матери слов упрека — они жили тихо, мирно.

— Ну, чего балухи вылупил? — скрывая под грубостью свое смущение, крикнула мать. — Как новые сапоги надел, так, думаешь, я посмотрю на тебя? Вот возьму хворостину, тогда сразу мать начнешь уважать.

Мальчик порывисто сел на дорогу, быстро снял сапоги, подержал в руках секунду, посмотрел на них и хлопнул ими об землю:

— Заберите свои сапоги, не нужны они мне. Прощайте! — и быстро пошел по дороге.

Мать растерянно смотрела ему вслед и испуганно лепетала:

— Мишенька, куда же ты? Да я только так, с досады. Ну возьми сапоги, я не жалею для тебя. Раз так это нужно.

Но мальчик ушел... Пришел он к партизанам босиком, стал разведчиком, бойцом, лихим кавалеристом и прошел с Ковпаком всю Украину — от Путивля до Карпат.

Я видел потом эти сапоги, оставленные им дома. Мать бережно хранила их в сундуке, дожидаясь старшего сына

с войны. Я сам в его годы был пастухом на селе и знал, что значила для деревенского хлопца пара новых сапог.

После того как Руднев рассказал мне историю появления в отряде Семенистого, я тоже стал называть его: Михаил Кузьмич.

Первые дни моего пребывания в отряде Ковпака совпали с подготовкой к рейду. Такого рейда еще не было в истории. Более сотни лет назад испанский полковник Риего, руководитель гверильясов, испанских партизан, совершил два рейда по южной Испании. Они продолжались каждый по нескольку дней и были протяженностью в 200—300 километров.

Рейд по тылам наполеоновской армии славного партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова был больше — до 800 километров. Он проходил по лесной местности от Смоленщины до Гродно.

По сталинскому заданию нам нужно было пройти по степям и дорогам из-под Орла к границам Западной Украины, форсировать Десну, Днепр, Припять и еще бесчисленное количество мелких рек, железных и шоссейных дорог; пройти от северо-восточной границы Украины до западной ее границы, то есть расстояние, равное этак Португалии, Испании и Италии, вместе взятым.

Во время подготовки к рейду я добросовестно нес все обязанности ученика. Стояли замечательные дни осени 1942 года. Лес осыпал палатки партизан багрово-красными и яркожелтыми листьями. Прошли первые осенние дожди, вечера были теплые, а по утрам подмораживало. Долгие часы мы просиживали у огня. Руднев каждый вечер обходил костры, беседуя с бойцами, командирами. А мне тогда еще не совсем понятной была эта сложная механика жизни партизанского народа и его руководителей. Все было необычно и часто непонятно просто, как проста сама жизнь человеческая.

Здесь, у костров, без пафоса, без речей, иногда вскользь брошенным шутливым словом проводилась большая и настоящая подготовительная работа.

Ковпак наделял людей автоматными патронами, заботился о продовольствии, одежде. Этим же занимался и Руднев, но, кроме того, он, как какая-то грандиозная человеко-динамомашина, заряжал людей моральной и душевной энергией. Конкретных целей, маршрута мы не могли раскрывать из соображений конспирации, но каждый партизан знал, что боевое задание Ковпаку давал сам Сталин, и это воодушевляло людей, накаляло их энергией.

Осенний лагерь партизан гудел, как пчелиный улей: ковали лошадей, чинили повозки, выбрасывая прогнившие части, подгоняли сбрую, грузили вещи, прилаживая ящичек к ящичку,

обматывали тряпками каждую гайку на колесе. Дед Ковпак ходил между повозок, постукивал палкой по колесам, иногда тыкал в бок ездовому.

— Щоб було по-партизанскому, щоб ничего не стукнуло, не грохнуло, а тильки щоб шелест пишов по Украини! — Затем, многозначительно подняв палец, спрашивал ездового: — Поняв? — и, одобрительно улыбнувшись, проходил дальше.

Ездовой, пожилой дядя с запорожскими усами, провожал взглядом старика и восхищенно говорил:

— Ну и голова...

И когда часа через два, обойдя весь лагерь, Ковпак возвращался обратно, ездовой стоял у повозки вытянувшись и ел глазами командира.

— Ну как?.. — спрашивал Ковпак мимоходом.

— Повозка — як ероплан... — отчеканил обозник. — Не стучить, не брязчить, як пташка летить...

Ковпак, удовлетворенный, проходил к штабу.

Вечерами начинались песни. Ковпак, Руднев, Мирошниченко, Дед Мороз, Базыма и другие собирались возле штаба у костров, где на пнях были положены доски в виде скамеек. Самодеятельные вечера эти назывались «Хор бородачей». На этих же вечерах не шутя были занумерованы и взяты на учет все партизанские бороды. Каждой был назначен город для бритья. Все города эти в то время находились в глубоком немецком тылу. Курочкин должен был брить бороду со взятием Харькова, Базыма — в Киеве, Дед Мороз — в Путивле. Я выбрал Берлин.

У костра, метрах в ста от нас, собирались разведчики. В разведке был парень с феноменальной памятью, политрук Ковалев. Каждый вечер с семи-восьми часов начинал он тихим и ровным голосом, напамять, рассказывать нам почти слово в слово читанные им книги, и эти рассказы продолжались иногда до рассвета. Вначале это были фельетоны с четвертой страницы «Известий», рассказы Чехова, пьесы неизвестных мне авторов.

Однажды вечером он начал рассказывать «Анну Каренину». Автоматчик Бережной и разведчик Горкунов, разинув рты, слушали равномерно журчавший голос. Ветер шумел в верхушках елей и ясеней, осыпались листья. Отчаянные смельчаки Илья Краснокутский, Князь, Намалеванный, Мудрый и Семенистый, затаив дыхание, в Брянских лесах переживали некогда пережитое персонажами Льва Николаевича Толстого.

На наши литературные вечера собирались наиболее экспансивные, молодые и деятельные представители партизан.

В особенности полюбила их третья рота.

Третья рота автоматчиков под командованием сержанта Карпенко заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Сержант Карпенко с группой разведчиков в августе 1941 года отстал от своей воинской части, выполняя разведывательное задание. Карпенко был разведчиком бригады Родимцева, той самой, которая в Голосеевском лесу в сентябре 1941 года дала жестокий и решительный бой передовым дивизиям эсэсовцев, прорвавшимся к Киеву. Эсэсовцы катили на мотоциклах, автомобилях и танкетках, думая с ходу влететь на Крещатик. Но под Голосеевским лесом их встретили десантники Родимцева. Двое суток продолжался жестокий бой. Немцы лезли в психическую атаку. Атаки захлебывались, потом повторялись снова и снова, пока весь лес и предполье к нему не были почти сплошь устланы немецкими трупами.

В сентябре же 1941 года в районе Ворожбы и Конотопа, куда прорывались немецкие части, сержанты бригады Родимцева, Карпенко и Цымбал с разведывательной группой в десять-пятнадцать человек, далеко вклинившись в расположение противника, оказались отрезанными от своей части. Измученные бессонными ночами и стычками с ночными разъездами, они ушли в лес. Решили отдохнуть сутки, другие, а затем прорваться к своим. Похоже было, что фронт ушел далеко на восток и прорываться придется долго и упорно. Кое у кого из бойцов затряслись поджилки, и люди, маскируя безразличием свое волнение, изредка спрашивали Карпенко:

— Федя, а вдруг не пройдем, а вдруг немец все дороги занял? А впереди, брат, леса нет — одни голые степи.

Федя помалкивал, обдумывая положение. От крестьян соседних сел он слыхал о том, что где-то здесь, недалеко, уже начали действовать партизаны. Короткие, как зарницы, перестрелки, вспыхивавшие изредка по ночам, подтверждали это. Немецкие связисты и квартирьеры, раньше поодиночке безбоязненно раскатывавшие глухими дорогами, сейчас торопились скорее проскочить узкие места и, проезжая группами, осторожно оглядывались по сторонам.

Несколько машин неожиданно подорвались на минах по дороге из Путивля в Конотоп, там, где только что прошла моторизованная дивизия гитлеровцев. Ясно было, что мины свежие, и кто-то рядом с Карпенко и Цымбалом, осторожно маскируясь и скрывая свое имя и местонахождение, бросает вызов врагу.

Карпенко заинтересовался этим, потому что он был опытным разведчиком, уже несколько раз ходил по ближним тылам немцев, наступавших тогда безрассудно в упоении первого успеха. Он видел возможность партизанской борьбы и сам подумывал о том, что могут сделать смелые люди в тылу

врага. На вторые или третьи сутки пребывания в лесу бойцы Карпенко услыхалн н от местных жнтелей странное нмя: Ковпак. Одна из женщин доверительно сообщнла, что Ковпак прошлой ночью заходил к ней, выпил крннку молока и расспрашнвал про всякне колхозные дела. Больше ннчего Карпенко от нее не добился. В другом месте он узнал о том, что немцы, обозленные дерзкнмн набегамн партнзан, решнлн их уннчтожнть, и в этом деле у них нашлись помощннкн. Колхознннкн тонко намекнули бойцам Цымбала н Карпенко, чтобы они осторожно велн себя в лесу и в особенностн не доверяли старнку леснику, который побывал в немецкой жандармернн в Путивле, получнл от гестаповцев хорошую двустволку н часто шлялся в жандармерню, якобы улаживая свон лесные дела.

Такой сосед был опасен для Карпенко в его положенин. Ребята решнлн выследить старнка, прибрать его к рукам, а еслн не удастся, то просто убрать с дорогн. Все яснее становилось, что разведывательная командировка в тыл затягнвается, и десантникн, будто в шутку, все чаще сталн называть себя партнзанами.

Расположнвшнсь на прнвал на лесной поляне, недалеко от перекрестка лесных троп, Карпенко однажды увндел фнгуру старнка с клюкой, шедшего по тропке. Он был один и вел себя в лесу непрннужденно н смело. Он походнл на старого хнщннка, который ндет по следу своей добычн. Старнк иногда останавливался, рассматривал тропу, брал в руки ветвн деревьев с тронутыми осенью лнстьямн, разглядывал нх, затем вытягнвал голову вперед, как бы прннюхнваясь к лесному воздуху, и шел дальше.

Карпенко следнл за ним, молча прнльнув к траве. Когда старик прошел мимо и спнна его скрылась за деревьямн, Карпенко, поднявшись, решительно сказал:

— Всем оставаться на месте, Цымбал и Намалеванный — за мной.

Хлопцы поняли своего вожака сразу:

— Ишь, выслежнвает, старый дьявол! Ухлопать его надо, товарнщ командир, нз-за него житья не будет.

— Сам знаю, — ответнл Карпенко.

Он дал соседу свой автомат, вынул из кобуры пистолет и сунул его в карман. Еще раз сказав Цымбалу н Намалеванному «за мной», он быстро пошел по траве, догоняя старика. Сразу за поворотом онн увндели его спнну. Старнк медленно и задумчиво шел по тропе. Карпенко прибавил шагу н, догоняя лесника, опустил руку в карман, когда ему показалось, что тот слегка повернул голову и заметил его. Но леснкк выпрямился и снова медленно пошел дальше, как бы ничего не замечая. «Хитер старый лис, ох, и хитер, — подумал про

себя Карпенко и прибавил шагу, — но от меня теперь не уйдешь».

Они уже почти догнали старика и шли в ногу с ним, на расстоянии нескольких метров. Пройдя еще немного, старик резко повернулся, остановился, в упор глядя на трех бойцов. Они подошли ближе — Карпенко прямо, Цымбал и Намалеванный — по бокам. Глаза старика смотрели спокойно, седенькая бородка не дрожала, только два пальца на правой руке, странно согнутые, изредка вздрагивали в непроизвольном движении. [1]

— Ну, что вам, хлопцы, от меня надо? — спросил старик, стараясь усмехнуться. — Насели человеку на пятки, вроде я дивчина яка, — и он дружелюбно сделал шаг вперед.

Карпенко снова сунул руку в карман.

— Вот тебя-то нам и надо. — Он кивнул головой хлопцам, и они обступили старика. Старик посмотрел на них:

— Ага, окружение, значит. Выходит, мне и выхода от вас нет?

Карпенко вынул из кармана пистолет и сунул его под нос старику.

— Ну, вот что, долго нам с тобой тут разговаривать нечего, ты хвостом не крути, говори, что в лесу ищешь? Кого выслеживаешь по этим тропам, чего к лесу принюхиваешься в военное время?

Старик усмехнулся:

— Наше дело такое, лесное.

— Да что с ним долго разговаривать! — воскликнул Цымбал. — Федя, дай ему девять грамм, и дело с концом.

— Шпиён, явный шпиён, — убедительно сказал Намалеванный, — давай кончать, Федя.

— Молчать! — крикнул на них Карпенко. — Не мешайте, допрос снимаю, не видите? Ну, говори, — он снова сунул пистолет ближе к носу старика.

— Ты эту штучку из-под носа моего убери, у меня тоже такая штучка имеется, — и старик вынул из кармана маленький пистолет. — А стрелять и не подумайте, — добавил он, — я вот свистну своим хлопцам, и от вас, в случае чего, мокрое место останется. — Затем, выйдя из себя, заорал на весь лес: — Отойди на три шага от меня! Против кого пистолетом машешь? Я есть партизан гражданской войны. Я два егория получил, когда ты еще под столом ходил, сопляк!

Старик разволновался. Ребята с интересом смотрели на него, но из кольца не выпускали.

---

[1] Вся последующая сцена записана мной со слов партизан Карпенко, Цымбала и Намалеванного.

— Ты не психуй, папаша, а толком говори, — сказал Намалеванный, — чего тебе в лесу надо?

— Чего мне в лесу надо? — возмутился старик. — Здоров ты вырос, а у разумного твоего батьки был сын дурак. Ну, сам рассуди, чего людям в такое время в лесу может понадобиться. Кто я такой? — обратился он к Карпенко. — Вот я тебе сейчас скажу, кто я такой, — и он сунул ему под нос свою мухобойку. — Я есть командир партизанского отряда.

Ребята примирительно заговорили:

— Ну, так сразу бы и сказал, а мы думали... лесник тут один ходит, партизан выслеживает.

— Ишь ты, — тоже идя на перемирие, ответил старик. — Выходит, у вас тоже разведка действует?

— Постой, — спохватился Цымбал, — а где же, командир, партизаны твоего отряда? Ты чего все один ходишь?

Старик подумал, поковырял каблуком землю и задумчиво переспросил:

— Отряд? .. А вот вы и будете моим отрядом... партизанским, — добавил он.

Карпенко свистнул.

— Ну, ладно, дедок, пошли к ребятам, там разберемся. Командиром партизанским я тебя пока не признаю. Проверю, если ты не предатель, тогда живи, топчи землю, хрен с тобой.

— Командиром не признает! — ворчал себе под нос старик, идя за Карпенко. — Видал молокососа? Не признает! А если меня на это дело партия назначила, то что — тоже признавать не будешь, а?

— Ладно, ладно, не ворчи, разберемся, — говорил Цымбал, миролюбиво подталкивая старика.

Они подошли к расположившимся под деревьями бойцам и стали разбираться...

С командиром Путивльского партизанского отряда, председателем Путивльского городского совета Сидором Артемьевичем Ковпаком получилась неприятная история. Отряд был организован до прихода немцев. В лесу заложены были базы. Но немцы пришли раньше, чем их ждали. Ковпак оставался в горсовете до последнего момента. Он организовал партизанское подполье, и ушел из города последним в тот момент, когда в центре города, где заботливым председателем был воздвигнут памятник Ленину, уже стояли немецкие танки. Командир отряда пришел в лес, но отряда там не оказалось. Много дней провел он в лесу один, стараясь найти кого-нибудь из своих партизан. Точного расположения баз он не знал, так как этим делом занимался старый партизан Коренев.

Карпенко и Цымбал не признавали пока его командиром, но, убедившись в опытности старика, поверили ему.

Через несколько дней к ним прибрел Коренев. Он оброс бородой, борода была белая, и молодые бойцы, жалея его, говорили:

— Ну куда ему воевать, ведь он на елку годится: Дед Мороз да и только, — так это прозвище и осталось за Кореневым на все время.

Война застала Коренева в должности директора инкубатора. Тысячами выводил он цыплят, сотнями распределял их по колхозам района, не думая о том, что так скоро придется бросить это мирное занятие.

Дед Мороз показал хлопцам место расположения баз, где находились бочки с ветчиной и вареньем. Понемногу хлопцы убедились в том, что Ковпак действительно командир партизанского отряда. Коренев ходил несколько ночей из села в село, и вскоре отряд был собран.

Их было двадцать восемь человек, вооруженных винтовками. На человека — по тридцать патронов и несколько штук гранат. Бойцы Карпенко сначала держались обособленно, им была не по душе штатская публика. Но прошлое многих из партизан и рассказы некоторых из них о гражданской войне внушали доверие. Новоиспеченные партизаны стали по ночам ходить в разведку, выползали на дорогу, по которой сновали немецкие машины. Нужно было начинать действовать, но с чего начинать — никто толком не знал.

Тогда Карпенко вспомнил о нескольких подорванных машинах на дороге. Он рассказал об этом Ковпаку. Они стали искать виновника этих дел. И вот одна связная, которая была бригадиром в местном колхозе и приходила к Ковпаку два раза в неделю, рассказала забавную историю.

В селе Шарповка прижился оставшийся в окружении парнишка. Недалеко от села оказалось минное поле, на него иногда забредали коровы колхозников и взлетали на воздух. Молодой боец, имени которого никто не знал, однажды после такого случая вышел в поле, оглядел его осторожно, понаблюдал, затем умело вынул мину, разрядил ее и оставил в сторонке. Мужики обрадовались:

— Може, парень, договоримся с тобою насчет этих мин?

— А чего ж? Можно!

Сошлись на нескольких пудах муки.

Скоро слух о «сапере» прошел по соседним селам, где тоже были минные поля. Сапер стал принимать подряды, установив норму: пять пудов хлеба за каждый разминированный участок.

Когда связная рассказала об этом Ковпаку, он позвал к себе Карпенко. Они о чем-то пошептались, а ночью нарядили разведчиков с задачей выкрасть из села «сапера». На рассвете его привели в отряд. Молодой парнишка — на вид ему было

лет восемнадцать, курносый, с наивными детскими глазами — любопытно оглядывался по сторонам, впервые видя заросших щетиной лесных людей. Ковпак предложил ему остаться в партизанах, на что парень весело ответил:

— А я, дедушка, раньше вашего партизаном стал. Я есть партизан-одиночка. Пять подорванных немецких машин на своей совести имею.

— Какой ты партизан? — сказал Ковпак. — Ты спекулянт! Ты с мужиков по пять пудов хлеба за минное поле берешь.

— Так это же днем, за то, что разминирую, а когда обратно минирую дорогу, я ж ничего не беру. А ведь за это и голову потерять можно. Это, брат старичок, бесплатно... А ты говоришь — спекулянт.

Ковпак примирительно ответил:

— Ладно, ты не обижайся, я же тоже не обижаюсь. Вот ты говоришь, что раньше меня стал партизанить, а я, брат, еще с Чапаевым вместе воевал. Как ты думаешь, не обидно мне от такого сопляка, как ты, подобные слова слышать?

Паренек разинул рот от удивления.

— Ну, если с Чапаевым... — смущенно пробормотал он.

— Бери его под свою команду, Карпенко, — засмеялся Ковпак.

Группа Карпенко к этому времени выросла. В нее посылали всех военнослужащих, прибывших в отряд. Новых людей Карпенко шутя перекрещивал, давал им свои прозвища. Они обычно были так метки, что сразу «прирастали» к новичку, и только под этим партизанским прозвищем человека и знали в отряде.

Молодого паренька прозвали «Сапер-Водичка». Так в отряде никто и не знал, как зовут курносого русского парня, первого минера-партизана Ковпака, а «Сапера-Водичку» знали на протяжении двух-трех лет тысячи партизан — партизаны Брянских лесов, Черниговщины, Полесья. С его легкой руки взлетали в воздух гитлеровские машины, танки, затем под откос стали сваливаться поезда. А паренек, шмыгая носом, выковыривал мины, стаскивал неразорвавшиеся снаряды, вытапливал из них взрывчатку и устанавливал мины на дорогах.

В третьей роте Карпенко было много колоритных фигур. Кроме «Сапера-Водички», рота пестрела яркими прозвищами — «Мудрый», «Князь», «Намалеваный», «Ушлый», «Батько», «Шпингалет» и другие. Один Карпенко в роте был без прозвища, но никто не называл его ни по имени, ни по фамилии. Бойцы звали его просто Карпо. Авторитет этого командира был чрезвычайно велик и в роте и во всем отряде. После Ковпака и Руднева самый уважаемый партизан был командир третьей роты автоматчиков Карпенко.

Карпенко до войны работал трактористом. По пьяному делу один из его товарищей-трактористов в драке убил кого-то. Карпенко ходил в холостяках, а у товарища была жена и двое детей. Убийцу должны были судить, жена убивалась, плакала, а ее муж, в пьяном виде совершивший преступление, совсем упал духом и не знал, что делать. Как-то Карпенко, долго говорил с этим трактористом на полевом стане. Потом пришел в суд и заявил судьям, что это он убил человека. Взяв вину товарища на себя, Карпенко добровольно пошел за него в тюрьму, получив десять лет. Он был в исправительном лагере. Через два года за образцовую работу на канале он был освобожден и в армию попал в авиадесантные части.

Таким был Карпенко, странный идеалист, возглавлявший третью роту людей без имен, но с отважными сердцами.

Вот они-то — Мудрый, Князь, Намалеванный, Батько, Шпингалет и другие — были постоянными посетителями нашего партизанского клуба, у костра разведроты, в эти памятные дни сентября 1942 года, когда мы готовились к Сталинскому рейду.

Опять прошли дожди. Дороги расквасились осенней слякотью. Ковпак задумал провести парад.

Сквозь лесную чащу, по бурелому, по колдобинам тащилась пехота, тянулись пушки, проходил обоз. Ковпак, выкрикивал приветствия ротам. Тут же с «парадной трибуны» ругал за замеченные неисправности. Ясно было, что завтра-послезавтра мы двинемся в поход.

В эти же осенние дни 1942 года, когда я прибыл к Ковпаку в район Старой Гуты, к лагерю партизан пробилось тридцать шесть военнопленных, бежавших из Конотопа. Я прибыл к Ковпаку с севера, из-под Брянска, проехав весь Брянский партизанский край, они — из степных районов юго-запада.

Ковпак не заходил в глубь Брянских лесов, он расположился на самой южной кромке леса, проломив для этого блокаду партизанского края, который облепили две венгерские дивизии.

Тридцать шесть военнопленных, бежавших из лагеря, напали на след Ковпака еще в Сумской области, под Конотопом, но не успели его догнать и по следу пошли за ним в Брянские леса. Это был преимущественно командный состав, который в дальнейшей деятельности соединения Ковпака сыграл большую роль.

Группу возглавлял артиллерист Анисимов, высокий, стройный рыжий парень, с резким голосом, быстрыми движениями. Он организовал побег из концентрационных лагерей и без карт, без компаса провел своих товарищей через все рогатки немецкого тыла. Они встретились с разведчиками Ковпака в

лесу под Конотопом. Группу разведчиков возглавлял Берсенев. Они столкнулись ночью лицом к лицу на дороге и приняли друг друга за противника. Дело кончилось несколькими выстрелами, никто не был ранен. Скоро найдя общий язык, они, предводительствуемые Берсеневым, пришли в Брянские леса.

Выделялся среди них высокий, широкоплечий грузин Давид Бакрадзе. Он был инженером, но в армии служил сержантом артиллерии.

Ковпак, вскоре получивший две полковые пушки, которые доставили ему самолетом с Большой земли, назначил командиром артиллерии майора Анисимова; Бакрадзе первое время был командиром орудия. Он ходил большими медленными шагами, и комиссар Руднев с восхищением смотрел на его широкие плечи, высокую грудную клетку и хлопал его по плечу:

— Ну, как, Давид, познакомился с немцами?

— Да, — отвечал Бакрадзе, — знакомство наше на всю жизнь отмечено, — и раскрывал рот, показывая челюсть, из которой с одной стороны были выбиты все зубы. — Стулом меня немец ударил по зубам.

— За что же? — спросил Руднев.

— Сам не знаю, плохо понимаю я по-ихнему, но, кажется, за то, что я земляк Сталина.

Людей, бежавших из плена, хлебнувших фашистской «культуры», охотно брали партизаны, потому что человек, побывавший в немецком плену, второй раз живым в плен никогда не сдавался. Люди бились до последнего патрона и до последнего вздоха.

Для меня, еще новичка, все предстоящее было подернуто пеленой романтической неизвестности. Бывалый народ все чаще стал вспоминать прошлое и предвосхищать будущие дела, одним словом — все с нетерпением ждали сигнала. Поскорее бы вырваться из леса.

10

Наконец мы двинулись. Перед заходом солнца построилась колонна: мы проходили мимо успевших уже сжиться с нами жителей села Старая Гута.

Двинулись на запад. Прошли леса, граничащие с селами, занятыми мадьярами, блокировавшими партизанский край: прошли «ничейную» землю, прошли через мост, который был заминирован противником и разминирован нашими инженерами, и вышли к хутору Веселому. Остановились в ожидании разведки. Сдвинулся обоз, народ на привале сбился в кучки,

послышались тихие разговоры, сдержанный смех, затем быстрой тенью прошли обочиной дороги Ковпак и комиссар. Ковпак повертелся возле каждой роты.

— Противник в пятистах метрах слева. Прошу я вас, хлопцы, не шуметь. Прошу я вас, хлопцы, его не беспокоить.

Опять двинулась колонна. Еще десять километров прошли в ночной темноте. Голова колонны уперлась в село. Я вошел в хату с разведчиками и склонился с Горкуновым над картой. Вскоре к нам зашел Руднев, веселый и радостный:

— Вот никогда не ожидал, крепко спят мадьяры...

Он подошел ко мне, взял обеими руками за плечи и сказал:

— Ну, академик, вот мы и вышли на оперативный простор. Теперь гуляй, душа партизанская!

Вася Войцехович, помощник начальника штаба — «машинистка с усами», вид которого поразил меня впервые по прибытии в отряд Ковпака, — спал верхом, склонившись на шею лошади. Очевидно, Вася вырвался вперед, затем, ожидая командира, заснул: пока пройдет голова колонны до повозки командира, нужно было ждать полчаса. Его фигура выделялась на фоне неба, и мне на миг показалось, что это не 1942 год, не Орловщина. Так должны были выглядеть запорожцы, ворвавшиеся в Крымское царство, либо совершавшие свои набеги на Приднепровье. Тени Сагайдачного и Кривоноса вставали в степях Украины.

«Как можно спать в такую ночь?» — думал я.

Первая ночь рейда и несколько последующих были для меня временем сплошных открытий и удивления. Действительность оказалась гораздо проще, чем я ее себе представлял. На основании своего небольшого партизанского опыта в отрядах Брянских лесов и по рассказам старых участников отряда Ковпака, я ожидал, что первые дни рейда будут насыщены сплошными боями, проявлением массового героизма. На деле оказалось совсем не так: по ночам мы тихо и бесшумно продвигались, а на рассвете располагались на стоянку в лесу. Отдых изредка прерывался мелкими стычками наших застав с полицией или заблудившимися и напоровшимися на нас машинами, повозками или тыловыми немцами-одиночками. Все они исчезали бесследно, вероятно приводя этим в изумление немецкое начальство.

Ночные марши — сначала небольшие, для того, чтобы втянулись люди и лошади, — сменяющиеся дневками, разнообразились лишь мелкими происшествиями из походной партизанской жизни.

В первую же ночь я с разведкой, которая должна была занять село, где находились полицейские посты, вырвался вперед в поисках хоть какого-нибудь боевого впечатления. Поста

в селе не оказалось, но население жаловалось на издевательства старосты, поставленного немцами. Староста успел сбежать, но зато прекрасный буланый конь, которого я собственноручно вывел из конюшни немецкого служаки, разбив железные путы на его ногах, стал моим спутником в дальнейших походах.

Устраиваясь на стоянку между деревьями, под березой, которая в то время уже сбросила большую часть своих листьев, квартирьер, чтобы подчеркнуть комфортабельность стоянки, шутя выбирал нам «дом с вешалкой», то есть березу с сучком. На вешалку обычно вешался автомат, чтобы он не ржавел на сырой земле.

Наша тринадцатая рота на марше всегда ходила вместе с разведкой. На стоянках мы тоже располагались рядом.

Из равномерного ритма похода — как будто мы шли не по вражескому тылу, а совершали физкультурный кросс, — нас вывело одно событие, из-за которого чрезмерно, как мне сначала показалось, разволновался комиссар Руднев.

На пятый или шестой день похода на одну из наших застав набрел вражеский обоз с новенькими, блестевшими на солнце оцинкованными бочками, в которых торжествующая застава обнаружила чистый спирт.

Командир заставы с котелком в одной руке и кнутом в другой, погоняя лошадь, с гиком примчался в лагерь. Со всех сторон к бочке прибежали люди с котелками, кружками, черепками, касками, флягами. Бочку обступили, затем нашлись организаторы, которые установили очередь за спиртом. От каждой роты по два представителя.

Комиссара в это время не было. Люди загорланили частушки. Где-то в глубине леса послышалась автоматная очередь. Больше всего меня поразил автоматчик с красными, как огонь, волосами, по прозвищу «Мед». Он стоял, обнявши ствол березы, и плакал горькими слезами.

В это время приехал комиссар Семен Васильевич. Я увидел, что лицо его перекосилось, как будто кто-то нанес ему страшное оскорбление. Он вызвал дежурного, расспросил, в чем дело. Затем подбежал к осоловело улыбавшемуся командиру заставы, «виновнику торжества», схватил его за воротник, притянул к себе и закричал, картавя от волнения сильнее обычного, задыхаясь от душившего его гнева:

— Расстрелять тебя мало за это, подлец!

Я еще не понимал смысла всего происходящего. Я знал, что Руднев не такой уж заядлый трезвенник, и была у него, очевидно, какая-то важная причина, заставившая его поступить так.

Он оттолкнул командира заставы, крикнув:

— Начальника штаба, командира части, помощников — ко мне!

Я тоже подошел к нему и заметил, что люди весьма встревожены происходившим.

В ближайших ротах те, кто еще в силах был что-либо замечать, увидев, как подействовала всеобщая пьянка на комиссара, зашикали друг на друга. Через минуту лес снова огласился хором голосов, свистом. Заиграла гармошка, люди седлали лошадей, рыскали по лесу, размахивая нагайками. На этом фоне командование проводило срочное совещание.

Комиссар говорил:

— Из-за одного дурака сейчас придется менять всю тактику рейда. Ну разве сейчас их удержишь?.. — И вдруг он поднялся, посмотрел вокруг, на лагерь, не выдержал и неожиданно улыбнулся: — Это же дети, большие дети! Но сейчас они сорвались, и надо итти напролом. — Потом повернулся к Ковпаку и сказал, снова улыбнувшись: — А мы с тобой ведь думали дойти до Днепра без боя.

Затем они склонились над картами, обсуждали какие-то новые варианты, положение маршрута. Я отошел в сторону — детали меня в этот момент интересовали мало... Мне стало ясно то, о чем я смутно догадывался в последние дни. Это было особое войско, порожденное опасностями и рискованными делами войны; здесь многие понятия дисциплины, морали нужно решать по-другому... А как? Нужно было быть таким умным и знающим свою армию человеком, как Руднев, чтобы понимать, что командир заставы, привезший эти несколько бочонков спирта, мог сорвать не один бой, а весь рейд, который совершался по приказу Сталина.

Превратности военной судьбы, случайности, которыми полна всякая война, должны быть учитываемы партизанским командиром больше, чем где бы то ни было. Теперь я понимал, что первые спокойные дни рейда, так разочаровавшие меня, и были самой большой заслугой командования отряда. Настоящий партизанский командир не тот, кто всюду и бестолку лезет в бой, теряет силы, обрастает ранеными в самом начале рейда, по мелочам расстреливает боеприпасы и, по существу, никогда не доходит до поставленной перед ним цели, а тот, кто умеет ужом выползти из партизанского края, всегда и обязательно блокированного противником, пройти с наименьшим количеством боев к цели, подойти к ней незаметно, внезапно и не с той стороны, с которой его может ожидать противник, и, подойдя, нанести удар.

Только кое-кто из «стариков» знал, что нужно пройти за Днепр, до которого оставалось не меньше трехсот километров, и дальше — далеко на запад.

Тогда я понял, что командир заставы — парень с обалдевшими глазами, — по существу, чуть не сорвал Сталинский рейд.

Командиры совещались, совещались, а затем Ковпак сказал, обращаясь к комиссару:

— Сэмэн! А все равно мы их не вдержали б до Днипра. Рано чи поздно цего не мынувать. Напролом так напролом. А раз уж напролом, значит треба це робыть с шумом, с триском и як можно быстрище, чтобы не дать нимцям насисты на нас.

Это говорил тот самый Ковпак, который всего несколько дней назад обходил повозки во время подготовки и предупреждал:

— Дывиться, хлопци, щоб ничего не триснуло, не брязнуло, щоб тильки шелест пишов по Украини.

«Оказывается, — подумал я, — наш «старик» умеет не только с «шелестом», но и с треском и громом ходить. Ну что ж, посмотрим...»

И я понял, что скуке, которая начала одолевать меня, пришел конец.

11

В эту ночь нам нужно было проходить мимо Кролевца, название которого носил один из наших отрядов.

Ковпак вдруг вызвал к себе командира батареи Анисимова и сказал ему:

— Ну, вот слухай! Теперь за тобой слово. Все жалуешься, что у тебя обоза богато, снаряды лишние возишь. Сегодня всей батареей встанешь заслоном на шляху, слева от Кролевца. И как колонна до середины дойдет и будет итти моя повозка, я свистну, и ты шестьдесят снарядов по Кролевцу ударишь, — и, хитро пощипывая бородку, добавил: — Имей в виду, мои разведчики будут по местечку шастать, шухер немцам робить будут, и куда попадут снаряды, я знать точно буду. Поняв?

Майор Анисимов козырнул и побежал к батарее подготовлять данные для стрельбы.

Не доходя километров десяти до Кролевца, колонна заблудилась. Кто-то из кролевецких партизан, претендовавший на знание местности, сбился с пути и вывел колонну на несколько километров в сторону. Ведший в ту ночь колонну Горкунов напустился на него, и проводник, уже окончательно запутавшись, сказал:

— Хоть стреляйте, братцы, а где я — зараз не знаю.

Разведчики нащупали невдалеке одинокую хату-хуторок. Обрадовавшись, мы стали стаскивать с печи мужика. Он

мялся, мычал что-то. В это время из-за печи вышла бойкая баба, внимательно слушавшая наши разговоры. Мы пробовали по карте ориентироваться в местности. Баба иронически улыбнулась и сказала:

— Мужык нехай дома сыдыт, а я, хлопцы, понимаю, куды вам треба, и вас выведу.

— Откуда же вы понимаете, тетенька? — спросил я.

— Ну, сколько я вашего брата вывела, коли от немцев тикали, из окружения выходили!..

Я сердито сказал ей:

— Нам не в ту сторону, мамаша.

Она удивленно взглянула на меня и, улыбнувшись, спросила:

— Не в той бик, а в якнй же?

— На запад, — ответил кто-то из разведчиков.

— Це ж куда, мабудь до Кролевца? — допытывалась она. — То я ту дорогу тоже знаю.

— Э-э, не знаешь, тетка, — засмеялся разведчик. — Нам подальше.

— А куда ж? — не унималась бойкая баба.

— Нам дорогу до Берлина надо, — сказал Черемушкин.

Ничуть не смутившись, женщина затараторила:

— Та я ж и кажу, дойдете до Климовцив, а потим завернете вправо, а там буде мист через Десну, а як выйдете на мист, возьмете влево, а потим шляхом, шляхом, аж до Берлина.

Это было в октябре 1942 года. Поймите это, товарищи!

Мы взяли ее проводником. И она действительно мастерски вела нас по дорогам. Она шла впереди колонны и не видела, сколько народу движется за ней. Но когда проходила мимо заставы повозка Ковпака и послышался его свист, а затем ударила наша батарея по Кролевцу, она вдруг остановилась, посмотрела назад... Пушки били беглым огнем, снаряды рвались в центре города. В свете начинавшихся пожаров женщина увидела длинный хвост колонны, на километры растянувшейся по пересеченной местности, и вдруг опустилась на колени.

— Невже правда? — спросила она меня почему-то шопотом. — Невже фронт прийшов? И звидки ж ви взялися тут, соколики?..

К нам прискакал связной от Ковпака и сказал мне и Горкунову:

— Командир ругается, что колонна стала.

— Шагом марш! — скомандовал Горкунов.

Я поторапливал женщину:

— Веди, тетка, веди поскорее!

Она поднялась и быстро пошла вперед. Потом села верхом и все торопилась и расспрашивала нас. Я не отвечал на ее

вопросы и, сидя на буланом, думал. В эту ночь я многое понял. Я понял смысл нашего похода. Он не только в том, что мы убьем сотню-другую гитлеровцев, взорвем мосты, пустим под откос вражеские эшелоны, — смысл похода и в том, что мы вселяем надежду в сердца сотен тысяч советских людей, которые дни и ночи ждут и верят, что вернется Красная Армия и освободит их из неволи. Смысл и в том, чтобы подымать дух людей, убить страх перед врагами в душах тех, кто заколебался, убить страх перед силой гитлеровцев, перед их мощью. Какая уж тут сила и мощь, если по завоеванной ими земле движется тысячная колонна вооруженных людей и громит их гнезда из пушек.

Шестьдесят снарядов, выпущенных по местечку Кролевец, сыграли свою роль. Ковпак действительно был мастером партизанской борьбы, потому что он учитывал не только конкретные факты войны — бой, диверсию, но также и тот резонанс, который произведет эффектный бой в народе.

С этой ночи наш рейд до Днепра и за Днепр был похож на снежный ком, лавину, катящуюся с гор. Охватившая Кролевец паника, которую подняли рвавшиеся в городе снаряды, по проводам телефонов, по телеграфу покатилась дальше и дальше... Народная молва, усиливая страх тыловых немцев, гнала их с мест, и они взывали о помощи.

Народная молва превратила нас в прорвавшуюся армию. Нас, по слухам, оказалось уже тридцать и сорок тысяч, с нами шли танки, нас сопровождали самолеты. И толстым гаулейтерам не спалось по ночам, их трясла лихорадка, они срывались с места и мчались на автомашинах в Чернигов, в Киев. А Ковпак, который вначале шел с «шелестом», составлял маршрут из расчета по пятнадцать-двадцать километров в ночь, теперь, подгоняя штабистов, гнал по шестьдесят километров, набирая темп рейда.

Своим движением мы окрыляли народ, звали его к борьбе. Где-то по сторонам от нашего пути, по нашим следам, стихийно возникали партизанские группы. Некоторые, догнав, присоединялись к отряду, другие так и оставались неизвестными нам, но уже действовали там, где проходил Ковпак. Они поднимали народ, потому что Ковпак, осуществляя сталинское задание, делал то, «що народ хоче».

Когда наша разведка донесла нам рикошетом отраженные сведения о том, что где-то движется сорокатысячная армия с пушками, танками, самолетами, и я, не уловив смысла этого сообщения, доложил Ковпаку, он вдруг весело, по-ребячьи, захохотал и сказал:

— Та це ж — мы. Щоб я вмер, це — мы!

Я, смутившись, возразил:

— А где у нас танки, где самолеты?

Старнк хитро посмотрел на меня:

— Що ж с того, що их нема. Раз народ хоче, щоб воны булы, значит — воны есть.

12

Эту часть рейда мы проходнли с шумом и треском. Каждый день были бои и мелкие стычки. Чаще всего они велнсь на заставах, и в этнх боях мне прнходилось принимать лншь небольшое участие.

Партнзанскнй бой в обороне редко бывает интересным. Суть его заключается в том, чтобы не допустить противнка к месту расположення отряда, прнкрыть обоз, штаб, раненых, затянуть бой до сумерек, не раскрыв перед протнвнnком расположення своих главных сил, количества огнестрельных средств. Их надо приберегать до решительного момента на тот случай, еслн противннк сможет за однн день сконцентрировать снлы н создать обстановку, которая потребует введения в бой всех боевых ресурсов. Затянув же бой до вечера, надо оторваться от противнnка н уйтн.

Интересным этот внд боя бывает лншь в том случае, если из обороны он переходит в наступление, затем в преследованне протнвника н его уннчтоженне. В первые днн нашего рейда мне прншлось участвовать в одном нз характерных партнзанскнх боев, которые всегда бывают поразительны по результатам. Речь ндет о засаде.

Отряд Ковпака в то время был уже чем-то вроде партнзанской гвардnн н заслуженно гордnлся свонм званнем.

Наша группа называемая трннадцатой ротой, состояла нз восемнадцатн автоматчиков, капитана Бережного, меня н радисткн Ани Маленькой. Все мы были в то время еще на положеннн канднdатов в партнзаны. На нас скептическн посматрнвалн рядовые партизаны и командиры. Стоило на марше случиться в нашей роте какому-либо казусу — поломалось колесо илн отбилась лошадь, завязнув где-то в болоте, — проезжавшнй мнмо Ковпак качал укорнзненно головой и, отъехав в сторону, говорнл свонм хлопцам не громко, но так, чтобы слышали и мы:

— Прнсылают тут всяких... однnм словом — парашютисты...

И уже только для своих добавлял, очевидно какое-то сильное словцо, которое тонуло в гоготе уютно сидевших на повозках партизан.

На второй день после форсирования Десны нам пришлось держать заставу-засаду на магнстральной дороге, ведущей в Соснnцу на Черниговщине.

Наша рота, усиленная одной бронебойкой, заняла заставу на опушке леса, вдоль которой шла канава, заросшая кустами. Впереди себя мы заминировали мостик через канаву.

Метрах в пятидесяти расположился ротный обоз. Радистка закинула антенну на дерево, связалась с центром и передавала радиограмму. Я подошел к заставе. Ребята, утомленные беспрерывными походами, спали. Задремал и я.

Проснулся я от грохота и шума. Раздвинув ветки кустарника, увидел два больших грузовика и одну легковую машину. Они приближались к заминированному мостику.

— Автомашина! Немцы! — крикнул я.

Бойцы протирая заспанные глаза, подхватили автоматы. В это время ударила бронебойка, находившаяся на левой стороне дороги... Легковая машина остановилась. По грузовым сразу застрочили восемнадцать автоматов. Но машины остановились далеко — огонь автоматов оказался малоприцельным.

У меня с собой был фотоаппарат. Держась кромки леса, я побежал вправо, откуда лучше были видны машины, с которых прыгали немцы.

Пробежав метров сорок, я увидел, что большая часть автоматчиков бежит за мной. Лес в этом месте кончился, и между ним и дорогой было несколько выкорчеванных пней. Мы бросились во фланг к машинам, но в это время ударил ручной пулемет. Расстояние между нами и машиной было не больше пятидесяти шагов. Семь или восемь автоматчиков, побежавших за мной, залегли в ямы от выкорчеванных пней, пригнув головы под очередью пулемета. Когда стрельба прервалась, мы сразу, как по команде, ударили по машинам. Немцев на них не было видно. Вначале мне показалось, что машины шли пустые, но, внимательно присмотревшись, я увидел, что в неглубокой канаве у грейдерной дороги копошилось и ползало что-то зеленое. Это были немцы, вернее только зады немцев, прижавшихся к земле. Головы и верхняя часть туловища очень редко, и то на секунду, появлялись на горизонте, но зады, толстые эсэсовские зады не могла скрыть неглубокая канава грейдера.

Все, что было до этого — и моя перебежка, и прыжок в канаву, — делалось в состоянии аффекта, и я плохо помню, как это делалось. Но зеленые толстые зады эсэсовцев рассмешили меня, и я крикнул:

— Хлопцы, бей их в ж...

И мы стали стрелять. Вдруг, очевидно под влиянием попаданий, отнюдь не смертельных, из канав стали показываться головы. Кое-кто из немцев, очевидно, поняв, что канава не спасет, попытался делать перебежки.

Огонь с нашей стороны все усиливался. Ответного огня почти не было. Меня охватил какой-то приступ озорства. Я вытащил фотоаппарат, выполз из ямы и направил его на одного из гитлеровцев, который метался по полянке. Сначала он бегал пригнувшись, потом, очевидно подбитый автоматной очередью в ногу, полз на руках, — все это я видел в визир «фэда». В это время сильный толчок сзади и удар по шее сбил меня с ног, и я упал на дно ямы. Я поднялся и увидел Володю Лапина, который, тщательно целясь, выпустил длинную очередь по одной из автомашин. Затем он обернулся ко мне и, сунув кулак под самый нос, бешено и виртуозно выругался.

Володя Лапин, молодой разведчик, перед самой войной кончивший школу, страстный любитель кино, узнав о моей довоенной профессии, разговаривал со мной с благоговейным уважением и чуть ли не шепотом.

Но тут он принялся отчаянно ругать меня и, наверное, побил бы, если бы в это время хлопцы не сорвались в атаку, добивая последних немцев. За ними бросились и мы.

Как после рассказывал мне Володя, в тот момент, когда я хотел сфотографировать гитлеровца, другой из-под машины навел на меня свой карабин. Он выстрелил через мгновение после того, как Володя Лапин сбил меня с ног на дно канавы.

Я узнал об этом, только когда кончился бой, который навсегда закрепил нашу дружбу. С Володей Лапиным мы после этого прошли много тысяч километров.

Вырвавшись вперед к машинам, возле которых лежали мертвые и раненые фашисты, я подбежал к легковой и крикнул, вернее проревел шоферу, державшему руку на баранке, фразу из справочника-разговоринка:

— Хальт! Хенде хох!

Шофер равнодушно сидел, не моргнув глазом.

Я крикнул еще раз. Володя Лапин подбежал и рванул дверцу. Шофер, качнув головой, склонился грудью на руль, а затем упал к моим ногам.

Оказывается, он был убит выстрелом из бронебойки (пуля угодила ему прямо в лоб) и остался сидеть за рулем.

Под машиной лежали убитые немцы, а между ними металась, оскалив на меня зубы, немецкая овчарка.

В стороне от машины лежал тот самый немец, которого я хотел сфотографировать. Одежда у немца была новенькая,— очевидно, только перед выездом в экспедицию против партизан получено обмундирование. Новые дождевые плащи с пелеринами, хорошие брюки голубого цвета, еще со складочками, новенькая форма с эсэсовскими петлицами, у каждого кобура с парабеллумом, ракетница и множество всяких побрякушек, которые так любят немцы.

Из собранных документов мы узнали, что в этой группе, состоявшей из тридцати двух человек, находились жандармы, вахмистр и капитан.

Легковая машина была исправна. С пулеметчиком Остроуховым, который умел управлять машиной, я вскочил в нее, он дал газ, и мы помчались. Не доезжая до своего обоза, я заметил крадущуюся за деревьями Аню Маленькую: она прилаживала автомат между раздвоенными стволами деревьев и целилась прямо в нас. Вот-вот грянет очередь. Единственное, что могло нас спасти, — громкая ругань, которую я во все горло прокричал этой нежной семнадцатилетней девочке. Это остановило ее палец на спусковом крючке. Затем мы повернули машину обратно и с размаху налетели на пень, разбив радиатор.

От заставы шли партизаны, размахивая трофейным оружием, ракетницами диковинного вида. Все кричали, галдели, смеялись... С другой стороны, от штаба, к нам подошел Базыма и спросил:

— Ну как, хлопцы?

Мы рассказали ему.

— А что же такой короткий бой? Командир волнуется, — сказал Базыма.

На многих из нас было навешено только что захваченное в бою немецкое снаряжение и оружие.

Вернувшись в лагерь, я увидел, что все смотрят на нас с маленькой долей зависти.

Веселые возгласы из-под повозок, где устроились матерые ветераны, их одобрительные взгляды говорили о том, что кандидатский стаж наш кончился и мы приняты в действительные члены прославленной корпорации ковпаковцев.

13

После памятной ночи под Кролевцем мы все больше и больше набирали темп движения на запад.

Проходя по районам, еще не тронутым войной, можно было часто менять лошадей, и марши становились все длиннее, насколько хватало долгих осенних ночей и сил у людей, да еще, пожалуй, характера у командира.

Осень 1942 года выдалась сухая, только заморозки вытягивали из земли влагу, а дневное солнце отогревало ее, и дороги покрывались неглубокой грязцой.

В несколько ночей мы прошли Черниговскую область с востока на запад.

После нашей засады у Десны гитлеровское начальство в Чернигове, очевидно, встревожилось и стало подтягивать

силы, но темп нашего рейда был настолько стремительным, что мероприятия немцев, как правило, запаздывали. Разведка, которую мы вели не только вперед и по сторонам, но и назад по пройденному пути, докладывала, что большие разведывательные отряды противника и авангардные части, которыми он хотел нащупать нас, стремясь затем навязать нам бой с его крупными силами, приходили к местам нашей стоянки с опозданием на один-два дня.

Несколько дней прошло без боев, но впереди был ряд крупных препятствий. Отряд шел буйной массой веселых от удачи и веры в своих командиров бойцов, но штаб во главе с командиром и комиссаром был очень насторожен и собран. Верхушка отряда — Ковпак, Руднев, Базыма, Войцехович, Горкунов — напоминала туго свернутую пружину, таящую в себе какую-то неиспользованную силу и готовую в нужный момент развернуться для удара.

На моих плечах в то время еще не было того тяжелого бремени ответственности, которое всегда присуще командирам, понимающим свое дело.

Я спокойно, уверенно, а иногда и бесшабашно шел с товарищами в засаду со своим завоеванным трофейным чешским пулеметом, много снимал «фэдом», записывал свои впечатления в блокнот и знакомился с народом. После засады с нами подружились лучшие бойцы знаменитой третьей роты. У нас на стоянках всегда «околачивались» Мудрый, Князь, Батько. Они делились с нами трофеями, которыми была богата походная жизнь.

Мудрый подружился с нами и все свободное время проводил у нас. Как только мы останавливались на дневку и, раскинув палатки, ложились отдыхать после ночного марша, в расположение нашей тринадцатой роты обязательно приходил Мудрый. Он был как бы офицером связи третьей роты Карпенко с нами.

Прозвище «Мудрый» дал этому молодому парню Карпенко, очевидно, за его смекалку и за умение схватывать основное, а может быть, и за пристрастие анализировать все, что происходило вокруг. Мудрый не мог пройти мимо фактов и явлений жизни, чтобы не попытаться своим гибким и острым умом обобщить их и сделать из них какие-то свои выводы, часто очень оригинальные и стройные, иногда гиперболичные и ошибочные, но всегда остроумные и меткие. Истории его жизни я не знаю, фамилии тоже не помню, и только после его смерти в бою под Кодрой я узнал о том, что самый лихой автоматчик третьей роты, с которым мы просиживали часами на привалах во время Сталинского рейда Ковпака, Колька Мудрый был еврей.

Мудрый до самозабвения любил комиссара Руднева. Если комиссару нужно было что-нибудь, Мудрый стремительно бросался исполнять его просьбу или поручение. Вначале я не понимал причины этого, но однажды он рассказал мне, что был в Красной Армии в одной из дивизий Юго-Западного фронта. С дивизией, после неудачных боев в первые дни войны, он попал в окружение. Много скитался по немецким тылам, несколько раз попадал в лагерь военнопленных, бежал, снова попадал в плен, рискуя быть расстрелянным. Словом, немало хлебнул он горя в немецком тылу, прежде чем прибиться к Ковпаку.

Как-то, вспоминая первые дни войны, горькие дни поражений и отступлений, Мудрый, задумчиво пожевывая опавший багровый березовый лист, говорил, как бы не замечая меня. Казалось, что он разговаривает сам с собой.

— Вот, думаю, как это могло быть, что эти же самые люди, которые с Ковпаком воюют — да как воюют! — тогда задавали драпа? Дед Ковпак — он понимает, что жизнь моя, может, в Госплане на счетах запланирована и во все входящие-исходящие записана, занумерована, запечатана... Это же не шутка! Это ж не пальто отдать, а все-таки жизнь! А жизнь, товарищ подполковник, всего-навсего одна...

И он, опираясь на ствол березы, задумчиво смотрел вдоль просеки, по которой сновали партизаны.

— Вот тут дело какое, — продолжал он. — Иду я, скажем, в бой, убьют меня там или не убьют, но я знаю, что сзади меня сидят дед Ковпак и комиссар, сидят и маракуют о моей жизни. О всех нас. Второй год мы партизаним, и ни разу не было, чтобы Ковпак с комиссаром промах в своих мыслях дали. Вот оно и понятно теперь, откуда у меня, у Кольки Мудрого, смелость берется...

Сухая осенняя погода сменилась дождями, и в один из таких дней, когда на стоянке в лесу мы мокли под проливным дождем, радисты, работавшие в любую погоду, приняли приветственную телеграмму маршала Ворошилова.

У меня хранится фотография митинга, необычайного по своей обстановке. Где-то недалеко от Днепра, в лесу, под деревьями с размокшей от дождя корой, стоят сотни людей, закутавшихся в разнообразные плащ-палатки — мадьярские, румынские, немецкие, — бережно спрятав под палатки пулеметы и винтовки.

Ковпак произносит речь:

— Товарищи партизаны и партизанки! Маршал Ворошилов прислал мне радиограмму. Ось я вам зараз прочитаю.

Ковпак вынул очки, и, пока он надевал их, застыла в ожидании толпа партизан. Лил дождь, по усам стекала вода.

Никто не замечал этого. Ковпак прочел приветствие маршала и начальника Центрального штаба партизанского движения.

Люди стояли не шелохнувшись.

«...Внимательно следим вашим продвижением. Связь работает хорошо. Донесения получаем регулярно. Уверены в успешном выполнении задачи. Шлем привет вам, вашим ближайшим помощникам и всем бойцам вашего отряда. Крепко жмем руку всему личному составу отряда.

Ворошилов. Пономаренко».

Еще в начале Сталинского рейда, в Брянском партизанском крае, который, по замыслу и указаниям товарища Сталина, стал базой для многих отрядов, мы были свидетелями кипучей деятельности Центрального штаба партизанского движения. На одном из первых самолетов полка Гризодубовой прилетел представитель штаба. Офицеры связи были почти во всех отрядах, в том числе и у Ковпака. С одним из них, капитаном Шевардиным, я отправил в штаб фотонегативы, которые успел «отщелкать» в Брянских лесах и в первые дни пребывания у Ковпака. Уже после войны я нашел их в целости и сохранности.

Самолеты доставляли грузы: оружие и боеприпасы, листовки и литературу, портативные типографии и мины замедленного действия. По своему служебному положению я не мог тогда знать во всех деталях приказ Главкома партизанским движением, но в общих чертах его знали многие командиры. Приказ этот (как и многие другие директивы, направлявшие деятельность партизан Белоруссии и Украины, Брянщины и Крыма, Смоленщины и Ленинградской области) ставил конкретную политическую и военную цель и определял задачи рейда.

Главнокомандующий партизанским движением Маршал Советского Союза товарищ Ворошилов, в осуществление указаний товарища Сталина, в боевом приказе отрядам Ковпака и Сабурова давал программу действий. Приказ был о выходе объединенных отрядов в новый район.

Противник в те месяцы из далекого тыла перебрасывал свои резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт и вывозил из нашей страны в Германию награбленное имущество и хлеб.

Районы Житомирской и Киевской областей, расположенные на правобережной части Украины, с наиболее развитой сетью железных и шоссейных дорог, с многочисленными переправами через реки, являлись стратегически важными путями, идущими с запада на восток.

Важность этого района определялась еще и теми фактами, что в Киеве фашистские оккупационные власти сосредоточили административные, карательные и другие учреждения, осуществлявшие политику угнетения советского народа на Украине.

Кроме того, противник, используя западный, господствующий берег Днепра, возводил там усиленные укрепления, в связи с этим следовало ожидать, что правобережье в ходе войны будет представлять собой плацдарм ожесточенных боев.

Именно здесь широко поставленная народно-партизанская борьба позволяла наносить врагу серьезные удары с тыла и тем самым оказать неоценимую услугу Красной Армии.

Приказ давал четкие указания целей, задач, маршрута и места дальнейшей деятельности отрядов Ковпака и Сабурова.

Перенесение опыта крупных партизанских отрядов из Брянских лесов на правый берег Днепра, в Полесье, Киевщину, Ровенщину и Житомирщину,— это была политическая цель рейда; в ходе рейда были нанесены удары по военно-промышленным объектам и узлам коммуникаций врага,— это была военная цель.

Ковпак, не торопясь, произносил речь под проливным дождем:

— Мы вышли к Днепру, старому, седому Днепру. Но нам надо форсировать его. Товарищи! Я знаю, что вы устали. Двадцать бессонных ночей и двадцать дней боев как начался наш рейд. Знаю, что труден людыни такой подвиг. Знаю, что трудно раненым, нелегко и здоровым. Но згадайте, комсомольцы и коммунисты, колхозники и интеллигенция! Чкалов, колы летив через Северный полюс, тоже хотив спать. Та не заснув. Так невже заснемо мы? Каждый партизанин и партизанка должны знать, что свой подвиг они совершают во славу родины по приказу товарища Сталина.

Это было в канун 25-летия Великой Октябрьской революции.

Митинг состоялся накануне решительного прыжка вперед. Требовалось перерезать крупнейшую шоссейную и железную дороги, идущие из Киева через Чернигов — Гомель на Москву, с ходу подойти к Днепру и сразу же форсировать его.

К железной дороге мы подошли днем и под вечер вытянулись вперед. Тринадцатая рота оказалась напротив переезда, но в это время справа от него, с полустанка, не обозначенного на карте, ударил пулемет. Нас было всего несколько человек. Мы с Володей Лапиным и еще несколькими автоматчиками, не имея на то никакого приказа, просто оценив выгодность своих позиций, ударили во фланг переезда и смяли находившихся там мадьяр. Лапин выскочил первым на железнодорож-

ное полотно, где одиноко торчал брошенный станковый пулемет. Он повернул его, направил вдоль железнодорожного пути и выпустил по убегающим мадьярам всю ленту.

Мы ворвались на полустанок, заняли его и вышли, сокращая путь, через болото, наперерез нашей колонне. Спускались сумерки. Через несколько километров начиналось шоссе.

Еще до занятия шоссе нашими заслонами конноразведчики, во главе с братом комиссара Костей Рудневым, подбили немецкую легковую машину. Она слетела с высокой насыпи в болото. В машине ехали два офицера. Они сбежали в камыши. Шофер был взят в плен.

Колонна прошла по шоссе около двух километров, а затем, не доходя метров двадцати до большого моста, свернула влево. У самого моста стояли заслоны. Я был в заслоне, и когда больше половины колонны прошло, вдали показались огоньки грузовой машины. Она шла медленно. Мы подготовились и напряженно ждали ее. Мост был деревянный, и, жалея тол, мы решили его сжечь, для чего разложили на мосту костер, но когда увидели машину, костер разбросали. Все же шофер перед самым мостом замедлил ход, очевидно заметив огоньки, вспыхивавшие на мосту.

Ждать больше было нельзя. Я скомандовал:

— Огонь!

Когда мы подбежали к машине, немцы были уже перебиты, а из машины партизаны волокли громадную бочку масла.

Мы уже стали поджигать машину, когда Володя Лапин, тщательно исследовавший кузов, вдруг закричал:

— Хенде хох!

Послышалось щелканье затвора, и из машины показался наш бравый автоматчик, подталкивающий впереди себя немца. Его хотели прикончить, но я воспротивился этому и оттащил немца в сторону, чтобы допросить, использовав в качестве «языка».

При свете горевшей машины я увидел испуганные голубые глаза и мальчишески круглое лицо. Поднятые руки его дрожали. На мои упорные вопросы по-немецки он не отвечал. Он силился, но не мог вымолвить ни слова, так как у него стучали зубы и не слушался язык. Я был зол на себя за то, что мог проговорить ему только несколько стандартных фраз на немецком языке, которые заучил по вопроснику.

Злость моя усиливалась.

— Вохин? — тыча пальцем ему в грудь, указывая вдоль дороги, спрашивал я у немца.

— Не умею я по-нимецькому...— наконец выдавил он из себя.

Партизаны загоготали. Я усадил пленного к себе на повозку и, догоняя колонну, стал допрашивать. Вот что рассказал он мне. Родился в украинском селе недалеко от Львова. Брат перед войной кончал военную школу в Одессе. Его самого немцы угнали на работу в Германию, а по дороге партию из двухсот украинцев одели в немецкие шинели и назвали немецким батальоном. Батальон этот за два дня до случая на шоссе спешно перебросили под Чернигов, из Киева он прошел по нашим следам больше ста километров, нигде не обнаруживая нас.

Наутро мы подошли к левому берегу Днепра, вблизи местечка Лоев, расположенного в устье реки Сож, впадающей в Днепр. Ночью нужно было перебросить несколько рот для захвата Лоева с тыла, но когда партизаны подошли к городишку, оказалось, что разведчики уже хозяйничают в городе. Во главе с Черемушкиным, которому была поставлена задача только разведать противника, они перебили весь лоевский гарнизон, состоявший из нескольких десятков полицейских.

Моста через Днепр в этих места нигде не было. Переправу пришлось организовать на паромах и лодках.

Сюда же подошло соединение Сабурова, шедшее параллельным с нами маршрутом. Часть его людей уже была на другом берегу, повозки переправлялись на паромах и лодках. Лошадей переправляли вплавь, а затем гнали по полю вскачь, боясь, чтобы они не простудились после купанья в холодной воде.

Во второй половине дня на окраинах города начался бой. Из Мозыря и Речицы противник подбросил войска, две бронемашины и несколько грузовых машин с пехотой. Они пытались выбить нас из Лоева. Наши роты, которые стояли там — небольшой заслон на окраине города,— с трудом выдерживали их натиск. Ковпак приказал тринадцатой роте выдвинуться на помощь Сабурову. Бой был кратким и сильным. Бронемашины мы сразу подбили из бронебоек и пулеметов. Немцы бросились наутек, но мало кто из них ушел живым. Это было в ноябре 1942 года. Седьмого и восьмого ноября мы стояли в Лоеве и праздновали 25-ю годовщину Октябрьской революции. Вечером мы вспомнили о нашем пленном. Ковпак вызвал его, вытащил из кармана блокнот и начал допрос. Но так ничего и не успел записать — грянула гармонь. Дед Мороз, любитель танцев, пошел плясать казачка, за ним выскочил Ковпак, на ходу кинув мне:

— Разберись с ним как знаешь. . .— и пустился в пляс.

Деды танцевали несколько минут. Потом стали беседовать. Баян все убыстрял темп украинского гопака. И вдруг мой

пленный, важно подбоченившись, ударил гопачка, да так ловко пошел вприсядку, что я пожалел, что он пленный.

Я зашел в тринадцатую роту. Там тоже шло праздничное веселье. Бережной, изрядно выпивший, упорно твердил мне: раз пленного зовут Ярослав — значит, он обязательно поляк, а раз поляк — значит, брат-славянин. И полез с ним целоваться. Пленный отвечал на все вопросы типичным языком Ивана Франко. Я подумал, подумал и решил: «Живи, чорт с тобой!»

Этот Ярослав страшно напоминал мне теленка, пяти-шестидневного теленка, который стоит, широко расставив ноги; они еще подрагивают от непривычки ходить, но иногда у него появляется желание брыкнуть ими, задравши хвост. И, уставившись в тебя глупыми глазами, теленок тычется мордой в колени и лижет их. Мы поручили Ярославу уход за лошадьми нашей радистки Ани Маленькой, и в этой должности он пробыл больше года.

Последние роты и батальоны пробивались уже по «салу», сковавшему воды Днепра. Мороз начал крепчать, и, задержись мы здесь два-три лишних дня, пришлось бы нам туго на переправе. Немцы этот момент тоже прозевали. Вот записи из моего дневника.

«*10. XI.* Пробыли два дня в Лоеве. Сегодня двинулись в леса. Немцы наконец направили против нас свою технику, пятью самолетами разбомбили в пух и прах мельницу, помольцев и дом полицейского. Есть жертвы среди местного населения.

11. XI. Первая крупная стычка с полицией в селе Новый Барсук. Результаты: взяли две машины и вымели полицию, как метлой, на полсотни километров. Взяли четырех врачей. Дед сидит и вычисляет, сколько лет потребуется для достижения довоенного уровня состояния крупного рогатого скота, овец и свиней. Имеет самые точные сведения по курам и гусям.

Вспоминается первая встреча с Ковпаком: «Хороший урожай на Украине, а придется жечь, взрывать, пускать под откос поезда, чтобы не досталось врагу».

И печаль, жесткая печаль большого, мудрого, видавшего виды человека пробежала по лицу.

И еще: «Заняли Путивль несколькими конниками, а там на площади я сам Ленину памятник поставил, а вокруг садик посадил. Памятник разрушили, садик вырубили, сволочи!..» — и скрипнул некрепкими старческими зубами.

Недаром, когда проходили Ямполь, а затем Путивль, по врагу, засевшему в Кролевце, дали беглым огнем шестьдесят снарядов. Это была потеха, но в то же время и демонстра-

ция уверенности и силы. И воевали уверенно, как могут воевать лишь сильные духом и правотой своего дела люди.

12. XI. Отдыхали, мылись и громили полицию.

16. XI. Две ночи подряд на операции. Взорвали завод, вывели из строя железнодорожную станцию. Мост взять не удалось. Его защищали крупные вражеские силы. Учусь в партизанской академии... В бою пока везет, жаль, если жизнь оборвется раньше нашей победы, а она будет, это знают и наши враги.

В селе Избынь бабка, провожая нас, сказала: «Помогай вам бог победить». Многие так говорят. Население за нас, народ с нами, мы должны, мы обязаны победить!

18. XI. Сегодня форсировали Припять. Третья река по счету в этом походе. Все зависит от того, кто держит в своих руках инициативу. В партизанской войне инициатива всегда в наших руках. Противник не знает и не может знать, куда мы пойдем, где ему нас ждать, не знает до тех пор по крайней мере, пока не завелись предатели. Сегодня, кажется, он пытался их нам подбросить. Надо разобраться. Ночью снова долго беседовал с мудрым Ковпаком. Светлая, умная голова.

19. XI. Позади Припять. Ночь не спал. Люди из Мозыря, люди из Курска, люди нашей родины! Сколько их проникает через фронт в стан врага, и делают они свое незаметное, но опасное для немцев дело. Медленно, но верно подтачивают они его военную машину, и настанет день — враг упадет, захрипит и забьется в предсмертной конвульсии. Советские разведчики — имя им. Но пусть помолчит пока бумага, пусть помолчит. Будем помнить лишь эту ночь, тихую, морозную и таинственную, освещенную багрянцем пожаров, и тихие звуки замерзающей Припяти. Мы поэтому не спим ночами и мечтаем о том времени, когда вскроются воды Днепра и Припяти и смоют с берегов последние следы фашистской падали. Весна придет, наша весна...

Предвестники нашей весны след в след за Ковпаком и Рудневым протаптывают партизанские тропы по первому снегу Полесья.

Нина, милый семнадцатилетний автоматчик, и Аня, дорогая, незнакомая мне москвичка Аня, погибшая в бою на станции Демехи. Погиб светлый человек, смертью своей бросивший вызов врагу и своей преждевременной гибелью доказавший бессмертие нашего дела. Не знал, не видел я ее живой, но предсмертный возглас, вырвавшийся из ее груди, не забуду никогда. Много ночей впереди, боевых и мирных ночей, и, может, каждую такую ночь под звездами будет звучать «А-а-х...» и мягкое падение тела на мерзлую землю. А вечером выпал первый снег, он покрыл саваном землю и тело девушки,

отдавшей свою жизнь за родину. И автоматчица Нина, смелая и озорная, всегда с засунутыми по-мальчишески глубоко в карманы руками, воюющая так же по-мальчишески озорно. Когда ей не дали автомат, она заревела и выплакала-таки себе оружие. Сегодня разговорились на ходу в колонне. Отец погиб в плену, в Хуторе Михайловском: его сожгли фашисты, а дочь пошла мстить за отца. Училась при немцах в школе. Дважды вызывали в полицию и жандармерию. Усатый гитлеровец с глазами барана через переводчика объяснял ей прелести кухонной перспективы, обещанной ей фюрером, а девушка, придя к партизанам, выплакала себе автомат и пошла в бой. Трудно в семнадцать лет убивать людей... Глаза первого немца, убитого собственной рукой, снились ей две недели. Но надо убивать врагов, и она это делает.

Слава вам, наши девчата!

21. XI. Буйновичи. Ночь. Горит жандармское гнездо. Три дома, дзоты, весь их муравейник обнесен колючей проволокой. Вот он — символ нового порядка в Европе. А вокруг пожарища, поджав хвост, бегает ученый пес — немецкая овчарка. Жалобно смотрит умными глазами и не понимает: ее учили гоняться за этими людьми с русским запахом, учили преследовать их, слушаться господ в голубых шинелях. И вдруг господа «голубые шинели» бежали без оглядки и даже забыли своего верного пса. А русский запах ворвался в крепость, поджег дома, разметал проволоку, доты и хозяйничает всюду. Ничего не понимает бедняга своим песьим умом. Сколько впереди еще таких недоуменных, вопрошающих собачьих глаз! Не один предатель родины в Белоруссии и на Украине завоет от удивления, увидев нас с новенькими автоматами, когда мы будем рушить и ломать устои «нового порядка».

Хлеб, зерно — вот что берегла жандармерия. Жрать, жрать и властвовать во всем мире — вот за это борются твои «голубые шинели», бедная немецкая овчарка. А ты думала о верности и дружбе!

А хлеб в два-три часа с нашего разрешения был разобран населением».

14

Еще во время стоянки в Брянских лесах, возле «партизанской столицы» Ковпака Старой Гуты, я познакомился с семейным бытом этого своеобразного отряда.

Привлекало внимание большое количество детворы в лагере. Как-то не вязалось это с легендами о непобедимости отряда и с вещественными доказательствами боев. Трофейные немецкие и мадьярские минометы, пулеметы и автоматы, румынские баклажки и плащ-палатки, сигары и браслетки

с часами, раненые бойцы с окровавленными повязками и вдруг — дети: сосущие, ползающие, шныряющие и гарцующие на конях...

В дни моего прибытия в отряд началась эвакуация партизанских семей на Большую землю. Первая эвакуация. До этого большинство из этих потомственных партизан провели в отряде более полугода. А некоторые и родились в нем. Позже я узнал их судьбы.

А понял только в рейде.

Осенью — зимой 1941 года партизаны Ковпака шли в отряд без семей. Кто был в состоянии эвакуировать своих родных — зная, на что он идет,— сразу сделал это. Но у большинства партизан родные оставались в оккупированных селах.

Первые активные действия отряда всполошили гитлеровцев. Стала работать немецкая контрразведка. Бесилось гестапо. И если вначале еще удавалось скрыть от врага наиболее активных участников отряда, его командиров, то уже зимой 1941—1942 года они стали ему известны. Отряд беспрерывно рейдировал. На стоянки становились в селах, и скрываться от населения уже не было смысла. Наоборот. Отряд окреп, окрепли его связи с народом. Но в семье не без урода. Подчас найдется человек болтливый, а то и злой. Бывало, что имена партизан пытками, угрозами, хитростью выуживались врагом. Особенно подличали и старались полицаи.

Немало невинных жен партизанских, отцов и матерей погибло в эти дни на виселицах в оврагах, в тюрьмах. Ох, как мстили врагу за свои семьи партизаны. Как мстили! Они первые бросались в атаку и последними уходили из боя. По настоянию партизан, у которых погибли родные, были взяты в отряд семьи, еще не захваченные врагом. В их числе и семья комиссара Руднева: жена Доминикия Даниловна и девятилетний сынишка Юрка. Старший, Радий, или Радик, как его звали в отряде, ушел в партизаны вместе с отцом. Радика знали и любили все в отряде, но особенная, трогательная и суровая, простая и нежная дружба была у него с Ковпаком.

Немцы должны были в эту ночь схватить его мать и братишку. Семнадцатилетний Радик с двумя друзьями-разведчиками проскочил через вражеские пикеты и вывез их в отряд.

С завистью смотрел Юрка на брата в ту зимнюю ночь.

Радик на рысях гнал по полю санки. Дулом назад глядел самый настоящий пулемет. Пулеметчик просил мальчика сесть на его широко расставленные ноги, чтобы не выпасть из саней. Сани скользили тихо, лишь фыркали кони. В окрестных деревнях в небо взлетали ракеты, да изредка прорезали поле трассы пулеметных очередей. После трассы проходило несколько

секунд, и затем доносилось татаканье пулемета. Юрка считал. Он знал: каждый счет до четырех означает километр расстояния. Радик вез быстро и ловко. Счет был восемь, шесть и ни разу не было меньше четырех... Юрка, важно усевшись верхом на сапог пулеметчика, ободрял мать:

— Проскочим. Как пить дать — проскочим!

И они проскочили.

Так Юрка прибыл в отряд уже обстрелянным партизаном. В одном не повезло. Его отец — Семен Васильевич, комиссар грозного Ковпака,— лежал раненый. Рана была опасной. Мать не отходила от отца. Вместе с нею сидел и черномазый Юрка, не сводя смышленых глаз-маслинок с черноусого лица, забинтованного марлей. Иногда отец брал в руки карандаш и что-то быстро писал. Нет, разобрать косой, неровный почерк, да еще так быстро, Юрке было не под силу. Вот тогда-то он дал клятву, пионерскую нерушимую, учиться только на отлично. А сейчас нужно было по громким ответам матери понимать смысл их разговора. Однажды мать прочла записку и передала ее Юрке.

— Это тебе.

— Мне?..

— Тебе. Ну, бери же.

Юрка схватил бумажку и прочел, волнуясь, по складам: «Расскажи, как ты стал партизаном».

Партизаном? Значит, он и на самом деле партизан? А почему бы и нет... Ведь проскочили они тогда под пулеметным огнем. И он, Юрка, даже сидел на ноге у пулеметчика, чтобы тот не упал... Правда, стрелять из пулемета не пришлось... Но ведь могло быть так... что и пришлось бы... Ясно — могло быть!.. И вдруг пулеметчика убивают. Тогда за пулемет ложится Юрка и ведет огонь по фрицам... Нет, он еще не знал тогда пулемета... Пускай лучше — пулеметчика ранило... И он закрыл ему рану своей шапкой, пока мама...

— Чего же ты молчишь? Отец спрашивает...— шепнула мать.

Юрка даже вздрогнул от ее шопота, затем стал рассказывать... Из-под бинтов на него поблескивали черные глаза... Они иногда веселели. И Руднев делал движение, сдерживая смех, и сразу хватался рукой за простреленную шею...

— Ну, хватит, Юрка, хватит. Разошелся,— прервала недовольно мать.— Отцу больно...

Рука комиссара опустилась на черную головку сына...

Затем он взял карандаш.

«Кем хочешь быть?» — прочел Юрка. И, не задумываясь, звонко ответил:

— Хочу быть комиссаром!

Отец закашлялся. Мать зашикала и выставила девятилетнего «комиссара» за дверь. Но на этом дело не кончилось. Юрка не забывал этого дня...

Радик и Юрик были большие друзья. Но все же девять лет возраста разделяли их. Старший — бывалый вояка, подрывник-диверсант, участвовавший во многих делах разведчик, а меньшой — всего только пионер.

Вскоре наступила весна. Рейдирующий отряд Ковпака остановился на дневку в лесу. В семьях партизан было до трех десятков мальчиков такого же возраста. Из них и был организован новый «отряд». Вначале ребята несмело играли в партизаны. Затем начитанный Радик рассказал Юрке о лозунге Макаренко в колонии: «Не пищать». А пищать до этого ребятишкам приходилось часто... Обоз бомбили немецкие самолеты. Во время боев ребята хотя и отводились «в тыл» — в густой лес или надежно обороняемое село, но все же шальные пули, мины и снаряды от вражеских автоматических мелкокалиберных пушек — «шпокалок» — залетали частенько. Ребята залезали под повозки и, уткнувшись в материны подолы, ревели со страху. После организации Юркиного партизанского отряда во время боев категорически запрещалось плакать. За редкие исключения виновный наказывался «грушами», «орехами», «сливами», а то и изгонялся из отряда.

Научившись не пищать, ребятишки приобрели воинственный вид. В свободное от боев и маршей время «отряд» проводил всяческие боевые упражнения, с каждым разом все более сложные и шумные. С громким «ура» ходили в атаку на подорванный в Спащанском лесу немецкий танк, «забирали в плен» заблудившуюся в лесу бабу вместе с коровой, а однажды приволокли неразорвавшийся немецкий снаряд и стали в нем ковыряться. Только случайно проходивший мимо Сапер-Водичка спас ребят от неминуемой смерти или увечья.

С Юркиным отрядом не было сладу. Отцы виновато качали головами, когда Ковпак, обижаясь на шум, приказывал им приструнить ребят. Коллективная дисциплина отряда была, видимо, сильнее их отцовской. А «комиссар» выдумывал все новые и новые военные похождения. В этом исподтишка помогали ему Радик и разведчики Хапка, Черемушкин, Усач. Со скуки на стоянках они были непрочь позабавиться и науськать ребятишек на мелкие проказы.

Пришлось за это дело взяться самому Ковпаку. Он как-то вызвал через связного Юрку. Вместе с сыном пришла обеспокоенная мать.

— Что-нибудь опять натворил, Сидор Артемьевич?

— Ничего не натворыв. Я его одного вызывал, Доминикия Даниловна.

Руднева, удивленно пожав плечами, отошла в сторону.
— Почему не рапортуешь?
Юрка, склонив голову набок, недоверчиво заглянул под нахмуренные брови Ковпака. «Разыгрывает или серьезно»... Глаза под бровями не смеялись... Храбрость Юрки мигом исчезла, и он едва слышно пролепетал:
— Явился по вашему приказанию, товарищ командир.
— Та̀к... Не бойкий комиссар... А ну, еще раз по всей форме...
Юрка откашлялся и гаркнул во все горло.
— Теперь подходяще... Ну, ще. Доложи про свой отряд...
— А чего докладывать?
— Как воюете? Какие с вас партизаны?
Мальчишка молчал...
Откуда-то узнав о происходящем, из-за кустов выглядывали Юркины «партизаны».
Ковпак, делая вид, что не замечает их, начал учить «комиссара»:
— Ты что думаешь, партизаны одним шумом против немца воюют? Ага? .. Совсем даже наоборот. Если б по-такому ваши батьки воевали, уже давно тю-тю — отряд разбили бы.
Тут уже Юрка не вытерпел:
— Не разобьет он отряд никогда, не разобьет.
— А ты помолчи. Почему не разобьет? А потому, что правильная тактика. Тихо и осторожно к нему подходим, а вже потом бьем крепко... Поняв?
— Ага...
— Щоб настоящим партизаном быть... это, брат, во-первых — научиться надо молчать. Это тебе первая тактика. Затем тихо сидеть, глазом не моргнуть, носом не шморгнуть — это будет вторая... А там еще третья... Ну, то вже в следующий раз обучу.
В кустах не выдержали:
— Расскажите вже все три сразу...
— Сидор Артемович, расскажите...
— Мы сразу выучим...
Ковпак, нахмурившись, смотрел то на малышей, то на «комиссара».
Юрка молчал.
— От бачите... Первую тактику только он один и знает, а вы що? А если б немец? .. Сразу б из автомата! ..
Юрка подал знак, и хлопцы замолчали, широко вытаращив глаза и прижимая ладошками рот, чтоб не вылетело неосторожное слово. Ковпак еще долго говорил, объясняя им преимущества молчания и тишины в партизанской боевой практике...

Хлопцы упорно не отзывались на ковпаковское «поняв»? Он хмыкнул себе под нос и долго, с выдержкой скручивал цыгарку. Закурил. С чувством затянулся и блаженно закрыл глаза...

— Так... Ну, на первый раз эти дела вы поняли. Теперь будем объяснять третью... Значит, так... Самый сильный, самый лютый зверь на свете — это кто?

Ребятишки упорно молчали...

— Ну, говорите. Вже можно... Кто самый сильный зверь?..

— Вовк, мабуть,— неуверенно произнес Мишка, сын ездового девятой роты.

— Ну да, вовк. А ведмедь?

— Той посильнее.

— Може, ежак?..

— Не, той колючий. А силы в нем меньше, как у кота... На этом познания о зверях были исчерпаны.

Ковпак смаковал цыгарку.

— Так. Не знаете? Ну, я скажу.— Опять помолчал. Ребята впились глазами в его беззубый рот.— Самый сильный на свете зверь — это, пожалуй, тигра будет...

Ребятишки выдохнули сразу, Юрка, забыв о своем командирском достоинстве, не удержался, чтобы не прихвастнуть:

— Я видел тигра в зверинце... Как большу-у-щий кот...

— А ходит как? — спросил Ковпак.

— Ходит тихо...

— То-то... Сила у него громадная, а ходит тихо... по земле в траве ползет — и не услышишь... Лапы у него мягкие... Вот это и будет вам третья партизанська тактика... Чуешь, комиссар? Научить свое войско тихо ползать, щоб как тигры... А военные это будут называть: по-пластуньскому. А ну, давай за мной,— и, потушив цыгарку сапогом, к удивлению ребят, Ковпак хлопнулся на локти и быстро, ужом извиваясь в траве, пополз...

Ребята засопели за ним. Но вскоре отстали и потеряли его из виду... За полчаса, ободрав локти и коленки, они проползли метров двести. Только тогда пожалел их Ковпак. Обойдя их сзади, он свистнул тихо и призывно.

— Ну, хватит. Это я вас все равно как в плен забрал... Ты що ж? Вперед ползешь, а назад не оглядываешься... А ну как я — немец? Що тогда?.. Пиши пропало!..— И, выставив вперед указательный палец вроде пистолета, щелкнул языком.— Вот и готово. Убитый. Падай...

«Убитого» схватили за ноги, за руки и поволокли в кусты «хоронить»...

К лету 1942 года ковпаковцы вторично вернулись из Брянских лесов в свой Путивльский район. Как буря, пронесся отряд по Путивльщине, Глуховщине, разогнал полицаев, разгромил фашистские гарнизоны. Враг в панике бежал к югу, где на железной дороге Бахмач — Ворожба у него были крупные гарнизоны. С ходу был захвачен Путивль. Сутки хозяйничали ковпаковцы в старинном русском городе, где перед войной их командир был председателем горсовета.

Затем отряд с обозами и ранеными остановился лагерем «дома» — в Спащанском лесу, откуда он впервые и двинулся в рейд в Брянские леса 1 декабря 1941 года. На железную дорогу, по которой к фронту беспрерывным потоком тянулись поезда, ночами уходили десятки диверсионных групп. Отряд бросил на диверсии лучшие силы. Поэтому задача оставшихся была как можно меньше привлекать внимание противника к своему лагерю. Ковпак в свободные от командирской и штабной работы часы уединялся на реке Клевень. То ли для успокоения нервов, то ли чтобы отдать дань «штатским» довоенным страстям, захватывал удочки. Вдали, за излучиной Сейма, в который впадала Клевень, виднелся на высоком берегу старинный Путивль. Как-то, глядя на него, учитель Базыма дрогнувшим голосом начал тихо читать:

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре.
В Путивле плачет Ярославна
Зарей на городской стене.

— А що ты думаешь? — живо отозвался Ковпак.— Тоже солдатская жона. Така вже ихняя доля. Плакать, когда мужа на бой выряжаешь. Та и той Игорь хоч и князь, а, видать, был вояка добрый.

— Вот только... напрасно... в плен... сдавался...— вставил комиссар Руднев.

Он вылечился в отряде благодаря заботам врачей и жены. Не мог только есть горячую и твердую пищу. И говорил пока короткими фразами, передыхая после каждого слова.

— Не пришли... с Ворожбы?..— спросил он Базыму.

— Нет еще. Жду к вечеру...

— От, бачишь, на тому горбочку вона плакала,— показал удилищем Ковпак на крепостные валы Путивля.

— Кто? — не понял Руднев.

— Та Ярославна ж!..— ответил Ковпак, насаживая червяка на крючок.

— А я думал, Ковпачиха твоя,— сказал Базыма.

Руднев сжал его плечо. Базыма взглянул, куда показал ему глазами комиссар... и осекся.

Руки старика мелко дрожали. Не попадая на крючок, он отвернул в сторону нахмуренное лицо, шевелил губами...

— Пошли, начштаба,— тихо сказал комиссар.

Ковпак опустил удилище в воду и задумался... Сидел и вспоминал проклятый август месяц памятного сорок первого года... Нет, не плакала старая Ковпачиха, провожая своего мужа в Спащанский лес. Партизанила она с ним... еще в гражданскую, а сейчас понимала, что не может пойти с ним в лес. Годы не те. Понимала, что ни слезой, ничем его не удержишь. Да и не хотела удерживать...

От этих мыслей его отвлек шорох в кустах. Поправив котелок с уловом и нащупав в кармане пистолет, Ковпак, закидывая удочку, быстро взглянул в сторону кустов и усмехнулся. Окружая его со всех сторон, ползли стройной цепью «партизаны» Юркиного отряда. От натуги у многих из них поблескивало под носами, но, боясь выдать себя, они даже не шмыгали.

«Тихо повзуть бисенята». А когда они уже совсем окружили старика, он повернулся через плечо и погрозил пальцем.

— Только «ура» не кричать! Рыбу попугаете. Садись, комиссар! Бери удочку.

Через полчаса Руднев и Базыма, подойдя к реке, застали рыбную ловлю в самом разгаре. Только Юрка сидел печальный. Рыба на удочку Ковпака шла, как по заказу, а на Юркину ничего не попадалось. Сумев отвлечь внимание ребенка, грозный командир зацепил крючком Юркиной удочки рыбешку и закинул ее в воду.

— Тяни, комиссар! Тяни, клюет!

Торжествующий Юрка вытащил рыбу и, забыв всю солидность и престиж, закричал на весь лес:

— Мама, мама! Папа, смотри! Я поймал.

— А что же она за спину зацепилась у тебя? — засмеялся отец.

— Ладно. Пускай! — усмехнулся старик.

Базыма и комиссар понимающе переглянулись. А по лесу раздавался крик Юрки. Он, торжествуя, нес матери свой улов.

Через месяц отряд Ковпака, выполнив задачу, с боями ушел в Брянские леса. Там уже был организован партизанский аэродром. Впервые появилась возможность эвакуировать раненых в советский тыл. После раненых стали отправлять и семьи. Руднев как-то, гладя черноголового Юрку, сказал жене:

— А не отправить ли нам этого маленького человека на Большую землю, До́ма? А?

Руднева вздрогнула.

— А как же я?

— И тебя тоже.

— Ни за что, Сеня! Ни за что! ..

Но комиссар был настойчив. Через несколько дней Доминикию Даниловну вызвал к себе Ковпак и в форме военного приказа предложил ей отправиться с ближайшим самолетом.

Юрка с матерью улетели. С ними улетели и остальные партизанские семьи. Юркин отряд «на крыльях полка Гризодубовой» перекочевывал на Большую землю.

Попрощавшись на аэродроме с отрядом, Юрка прижался щекой к мокрому усу отца.

— Будь здоров. Расти, партизан. Учись...

И тут Юрка, впервые за все время пребывания в отряде, не выдержал и заплакал.

Он больше никогда не увидел своего отца.

15

С форсированием Днепра и Припяти мы вышли в леса, которые сплошным массивом покрывают северную часть Житомирской и Ровенской областей и идут дальше на север, к южным областям Белоруссии. Сама природа благоприятствовала созданию здесь партизанского края.

Мы двигались днем. Руднев с каждым маршем становился все веселее. Он выскакивал на своей белой лошади в голову колонны, к разведчикам, шутил с ними. Иногда останавливал коня, протягивал руку вперед к дремучему синему лесу, на который мягкими хлопьями ложился белый снег, и шутя декламировал:

> ...Отсель грозить мы будем шведу.
> Здесь будет город заложен,
> На зло надменному соседу... —

и весело смеялся.

Южная часть бассейна Припяти — болотистая страна, сплошь покрытая лесами. По ней не проходят шоссейные дороги, и здесь почти нет крупных городов. Далеко на западе, прислонившись к этому сплошному массиву, одиноко стоит Ковель. Ближе к востоку — город Сарны. С юго-востока леса — Овруч. Вот и все города этого громадного лесного края, раскинувшегося на сотни километров в бассейне Припяти и ее притоков. Казалось, сама природа выключила его из войны.

Война проходила мимо, лишь изредка напоминая о себе гудением самолета, высоко в небе пролетавшего над этими гиблыми местами. Но если для современной армии, ведущей маневренную войну, этот край был явно неподходящим, то лучшего места для перенесения партизанской базы из Брянских лесов на запад было не найти. Нашим рейдом партизанское

движенне распространялось на все правобережье Украины, на западиые ее окраины.

Решалась судьба партизанского края, которому суждено было сыграть основную роль в развитии партизаиского движеиия правобережиой Украииы. Решалась, ио еще не была решеиа. Все эти гиблые, болотнстые места, составлявшие иесколько адмииистративиых районов — Лельчицкий, Ракитянский, Словечеиский, Столиский,— по территории равиых хорошей области, были объединены немецкими властями в один округ, или по-ихиему «гебнт». Голова округа — гебитс-комиссар — выбрал себе резидеицией районый городишко Лельчицы и иаходился там под охраиой крупиой комеидатуры жаидармерии и батальоиа полиции. До тех пор, пока мы не разгромим гебитс-комиссариат, ие может быть и речи о созданни партизаиского края. Леса были нужны нам только как база, откуда будут совершать лихие набеги партизаны. Тогда иам и в голову ие приходило, что Лельчицами мы решали судьбу карпатского рейда Ковпака, судьбу целого ряда крупиых партизаиских соедииеиий, возникших через полгода — год в Житомирской, Ровенской, Камеиец-Подольской областях Украииы.

Если бы иемцы остались в Лельчицах или Словечиом, укрепилнсь бы там, сделали нх своими опорными пуиктами, ие было бы там партизанского края, а зиачит, и базы партизаи.

Стояики наши в этих дебрях были спокойиы. Мы двигались дием, давая по ночам отдыхать людям. Марши делали небольшие. Иногда остаиавливались иа целые сутки в полесских деревиях. Осваивание иового района начииалось с подробного изучеиия его.

Я часто и подолгу стал бывать в штабе. Ковпак в это время поручил мие руководство разведывательиой работой. Особеино сблизился я с начальииком штаба Григорнем Яковлевичем Базымой н с Паииным, секретарем партбюро. Оба старые ветераны партизанского движеиия, оии часто вспоминали первые дни стаиовлеиия отряда.

Чувствуя, что с этими людьми меня иадолго связала военная судьба, я и сам интересовался первыми диямн партизаиской борьбы, уже как бы овеяиными славой истории. Я коечто записывал, и это очень иравилось Базыме.

Часто после часов, проведениых за работой в штабе, ои крепко потягивался, до хруста в костях, подымал очки на лоб и говорил, как бы ни к кому не обращаясь и продолжая какую-то свою мысль, прерваниую то ли боем, то ли составлением плаиа или отчета.

— А то, понимаешь, был еще такой случай... Приходим мы с Семеном Васильевичем в третью роту, а у них постов иет,

все вповалку спят. Кое-кто, видно, хлебнул крепко... Ох и публика!..

Темой разговора чаще всего была третья рота, лучшая рота отряда, и ее командир Карпенко. Много раз такие разговоры велись в присутствии Руднева, и он, слушая Базыму, только улыбался, задумчиво покручивая ус. Говорил Базыма о людях Карпенко с любовью, а по существу из рассказов явствовало, что они во главе с упрямым Карпенко доставляли и Рудневу и Базыме одни только неприятности и хлопоты. Неприятности с «третьеротцами» начались у командования уже очень давно, чуть ли не с того дня, как группа Карпенко влилась в отряд. Люди Карпенко «признали» Ковпака командиром, но все же держали себя обособленно. Мы, мол, военные, а это все «штатская» публика, да еще все старики, из которых «песок сыплется». Партизанская жизнь на первых порах им понравилась, особенно когда Дед Мороз показал, где заложены базы с продуктами. На базах были бочки с вареньем, которое очень пришлось по вкусу молодым ребятам группы Карпенко и Цымбала. По всему было видно, что хлопцы быстро усваивали именно отрицательные стороны партизанской жизни, вольницу. Все это видел и понимал Ковпак, прошедший суровую школу Красной Армии,— ведь на глазах Ковпака и при его участии рождались партизанские отряды, Красная гвардия и армия молодой Советской республики. Видел, понимал, но пока молчал, присматривался. Да и трудно было ему сразу прибрать к рукам весь этот народ, который прибило к нему ветром окружения.

Разные люди бродили тогда по тылам только что прошедшей здесь немецкой армии. Все было неясно, скоротечно, быстро менялись настроения, порядки.

В это время из соседних лесов к Ковпаку пришла подмога — Семен Васильевич Руднев со своим маленьким отрядом в двадцать с лишним человек.

Первые недели оккупации отряды Ковпака и Руднева каждый действовали самостоятельно и связи между собой не имели. К началу осени Руднев по первым диверсиям Ковпака напал на его след. Крепко обрадовались они друг другу. Трудно приходилось обоим. Разные по возрасту, характеру и образованию, люди эти в одном были совершенно одинаковы: в преданности своему партийному долгу, в желании порученное им дело — организацию партизанского движения — выполнить во что бы то ни стало.

То были тяжелые дни. Враг был силен, силен не только своей техникой и военным престижем, но силен еще и нашим незнанием, нашей необученностью. У некоторых новоиспеченных партизан тряслись поджилки: люди боялись, многие про-

сто не знали, с чего начать. Первое время в разведку ходили сами командиры отрядов — Ковпак и Руднев.

Ковпак по опыту понимал, что нужно обязательно выиграть первый бой, пусть маленький, нанести хотя незначительный урон врагу. Это было необходимо для сплочения отряда. Понимал это и Руднев.

При первой встрече командиры обсудили положение, поделились опытом первых дней борьбы, и Руднев предложил Ковпаку слить оба отряда.

Руднев энергично начал работать по сколачиванию отряда, по внедрению дисциплины. Он сам во всем показывал пример. Внешний вид бойца, распорядок дня, несение службы, подчинение начальникам, организованность питания, по старой армейской привычке, он считал обязательным для себя и требовал того же от подчиненных.

Так было в армии.

— В партизанах это все нужно еще больше,— внушал он бойцам.— Еще больше во сто крат потому, что борьба наша опаснее, силы наши меньше, а бить врага мы должны не хуже армии.

Многие соглашались, никто не возражал, но в роте Карпенко угрюмо поглядывали на нового комиссара. Не понравился крепко он им своими речами, а еще больше — делами. Но братва пока помалкивала. Взрыв произошел, как это ни странно, из-за варенья.

Наведя порядок в несении разведывательной и караульной службы, поработав над внутренним устройством землянок, комиссар взялся за питание. Учтя все имеющиеся продукты, он составил рацион — по двести граммов сала на человека, сухари, а когда есть возможность,— свежий хлеб, овощи (осенью их можно было не нормировать) и по кружке варенья в сутки на двух человек.

Хлопцы из роты Карпенко первую часть «реформы» комиссара приняли с холодом, но все же, понимая, что без разведки, без караулов обойтись нельзя, молча соглашались. А вот варенье...

Тут уже посягательства на их «партизанские» права. Молодежь эта, буйная, зеленая, пышущая здоровьем и удалью, молодежь, которой в двадцать два года пришлось с глазу на глаз встретиться со смертью, да не раз и не два, а вот уже четвертый месяц встречаться ежедневно, на каждом шагу! Лязгает безносая по шоссейкам, громыхает по трактам, пылит по проселкам, завывает протяжными голосами моторов в небе. Молодежь эта не желала отказать себе в удовольствии, в единственном оставшемся удовольствии покушать сладкого вдоволь — «сколько хочу».

— Комиссар говорит,— рассчитывать надо, чтобы до зимы хватило... Меня, может, завтра ухайдакают, а я на зиму буду рассчитывать.

— Карпо, или пускай выдает варенье, или давай отделяться своим отрядом. Ну его к чертям собачьим, с его «армейской дисциплиной»!

— И варенье поделить поровну. На чорта оно им, старым хрычам. Последние зубы повыпадают! ..— кричал Мудрый.

Ребята заржали.

Не смеялся лишь Карпенко; он был угрюм и молчалив.

— Давай делегацию к нему пошлем,— предложил Шпингалет.

— Ша, молчите, хлопцы! .. Говори, командир! — крикнул Мудрый, заметив, что Карпенко поднял голову.

— Не надо делегаций,— сказал Карпенко.— Вы пока бузу не поднимайте. А этого комиссарика я сам...

Братва замолчала. Такого поворота дела даже и они не ожидали.

Карпенко отвернулся. Задумались и хлопцы. Постояли, постояли и тихо разбрелись.

На следующий день Базыма и Панин узнали об угрозе Карпенко. Они предупредили комиссара, затем пошли к Ковпаку. Тот сначала не поверил. Затем вызвал к себе Цымбала.

— Был ли такой разговор?

— Был,— отвечал тот.

Дело принимало серьезный оборот. Крепко задумались командиры. Им было ясно, что решается судьба этого первого боя, к которому так тщательно готовился Ковпак, а может, и судьба всего отряда, их детища, уже жившего, существовавшего, в которое они вложили все свои силы.

Было ясно, что смолчать, не ответить на эту выходку — нельзя.

Ковпак рассвирепел:

— Комиссара, моего комиссара стрелять грозится? Це що, восемнадцатый год ему? Партизанщина, туды его...— и он схватил с крючка автомат.— Зараз выстрою роту и собственной рукой, перед строем... Як у Чапаева того... самого...

Руднев стоял и думал тяжелую думу.

— Не надо, Сидор Артемович! Я сам разберусь. Так будет лучше.

Ковпак остыл немного.

— Ладно. Тильки ты гляди, осторожно с ними. Кто его знает, що это за народ.

Руднев долго говорил с Базымой и Паниным. Когда начало смеркаться, он оставил автомат и пистолет у Панина, вышел из штабной землянки и пошел в третью роту.

Землянка эта была в полукилометре от штабной.

Прошло полчаса, час...

Панин и Базыма часто выходили из землянки. Прислушивались... Они волновались все больше и больше. Но итти за ним Руднев категорически запретил.

Руднев вошел в землянку третьей роты, когда люди ужинали. Часть из них при виде комиссара встала, многие продолжали сидеть, посматривая на своего командира. Руднев остановился у порога и молча смотрел на Карпенко. Пауза затягивалась.

Карпенко поднял голову. Руднев стоял у двери, каблуки вместе, руки по швам, и спокойно смотрел на сержанта Карпенко. Тот не выдержал взгляда и как бы нехотя встал. За командиром вскочили остальные партизаны.

— Ну, вот теперь здравствуйте! — облегченно вздохнув, сказал комиссар.

— Здравия желаю! — ответил Карпенко.

— Здравствуйте, товарищ комиссар! — весело загалдели кругом. Хлопцы потеснились, уступая место комиссару.

Руднев подошел к чугунку и сел на чурбак, заменявший табуретку. Он пододвинул чурбачок поближе к огню. Карпенко поковырял железкой в чугунке. Он сидел босой — сушил у огня промокшие выше колен ватные брюки. Пламя вспыхнуло ярче, осветив фигуру комиссара и сидящих вокруг партизан. Хлопцы молчали, поглядывая на своего командира.

— А что же это вы, товарищ комиссар, без оружия? — спросил Намалеванный, стараясь разрядить неловкое молчание.

— Зачем оно мне сейчас?

— Ну, все-таки далеко отлучились.

— Сейчас оно мне ни к чему,— подчеркивая первое слово, сказал комиссар.

— Немец все-таки кругом.

— А что мне немец? Я пришел, чтобы вы меня убили...

Карпенко вскочил.

— Кто убил? Где?

— Здесь, в третьей роте.

— Кто посмеет!.. Да я...

— Ты, вот именно ты посмел...

Карпенко стоял прямо, глядя на комиссара. Вскочив, он толкнул казанок, и несколько раскаленных угольков скатилось ему под ноги. В руках он держал железный прут, заменявший кочергу. Небольшая головешка свалилась ему на ногу и жгла ее. Брюки дымились.

— Смотри, обжечься можешь так,— тихо проговорил Руднев, нагибаясь и сбрасывая жар с ноги Карпенко. Затем он

откинулся назад и обвел взглядом присмиревших бузотеров. Железный прут со звоном упал на пол. Семен Васильевич поднял его и сунул в жар. Искры брызнули вверх. Вспыхнуло пламя.

— Так-то, ребятки.

— Товарищ комиссар,— хрипло сказал Карпенко.— Вы это напрасно всерьез подумали. Напрасно! Вы понимать должны: все-таки я невыдержанный человек. Простите, товарищ полковой комиссар. Сгоряча, необдуманно...

Руднев молча протянул руку. Долго еще сидел он в этой землянке. Не выдержав гнетущего чувства неизвестности, Панин и Базыма пришли за ним. Они вошли в землянку и увидели: Руднев сидел в кругу ребят и чистил печеную картошку. Федор Карпенко, Иван Намалеванный проворно переворачивали картофелины в золе и лучшие передавали комиссару. Руднев брал картофелину, клал ее на ладонь и, обжигаясь, перебрасывал с руки на руку. Когда Руднев ушел, Мудрый восхищенно сказал:

— Вот как можно в человеке ошибиться!

— Ну, глядите мне сейчас. Кто дисциплину поломает — хребет перешибу,— неизвестно кому пригрозил Карпенко.

В землянке третьей роты до рассвета горел огонь...

После этого вечера Карпенко делал чудеса. Рота его беспрерывно ходила на минирование, в разведку люди напрашивались сами, и начштаба Базыме не было отбою от охотников получить какое-нибудь боевое задание. Рота и сам Карпенко принимали участие во всех первых боях отряда. После боя Руднев и Ковпак всегда отмечали их храбрые дела.

Но не прошло и двух месяцев, как Карпенко опять сорвался. Произошло это, когда отряд уже шел рейдом по Сумской области. Стояла зима. Снегами замело леса, намело сугробы в полях и перелесках. Отряд, выросший до пятисот человек, выходил после тяжелых боев на северо-восток, поближе к Брянским лесам. Полки противника шли наперехват отряду. Они жаждали отомстить партизанам за разгром нескольких своих батальонов.

Отряд пробивался на север, стараясь обходить гарнизоны противника. Иногда при этом приходилось делать большой крюк.

Однажды штаб наметил такой обходный путь. Начштаба Григорий Яковлевич вызвал командиров в штаб. Объявил маршрут, порядок движения и начал давать указания по ночному маршруту.

Карпенко был не в духе.

— А чего это мы лишних километров тридцать будем топать? — спросил он.

— Командир и комиссар приказали...— начал было Базыма.

— Приказали, приказали! — раздраженно перебил Карпенко.— Они себе пускай приказывают, а я пойду напрямки...

— Федя, не горячись... Ты послушай... Разведчики в пути на колонну мадьяр наскочили. Нам в бой с ними сейчас...

— А, бросьте! Все вам бой мерещится! Никак воевать не научитесь, а мы должны за это своими ногами расплачиваться...

Базыма, обидевшись, замолчал.

— Передайте, что я пошел напрямки. Пока вы будете за сто верст десяток мадьяр обходить, мы уже выспимся на месте стоянки.

И Карпенко, посвистывая, вышел.

Руднев уже давно был в хате и из-за перегородки прислушивался к речам Карпенко. Когда тот вышел, он подошел к Базыме.

— Сорвался Карпенко.

— Надо что-то с ним делать, Семен Васильевич! — сказал Базыма.

— Я слышал, но останавливать его сейчас поздно. Ни за что не послушает. И еще больше о себе возомнит, если уговаривать и просить начнем. Пускай идет куда и когда хочет.

На новой стоянке — длилась она три-четыре дня — Карпенко был объявлен бойкот. На таких стоянках обычно штаб работал очень активно. Подводились итоги прошедшим боям, запрашивались сведения, отчеты рот и батальонов суммировались в штабе.

Приказаний, рассылавшихся по всем ротам по распоряжению Руднева, Карпенко не получил. Он заметил это. Узнав у соседей, какие сведения требовались, сам принес их в штаб и молча положил перед начштаба. Базыма посмотрел на бумагу, затем поверх очков бросил взгляд на Федора.

— Оставь это у себя.

— Как у себя? Все сведения сдают. Потом опять будете меня шпынять — порядка не признает, дисциплину подрывает, такой-сякой... Знаю я!

— Нет уж, не будем! Оставь у себя! — твердо сказал Базыма.

— Это зачем же?

— Ты же работаешь самостоятельно... Вот у себя и держи...

— Ага... Ну, так я к командиру и к комиссару пойду.

— Не советую. Это я по их приказу делаю.

— Вы что же, снимаете меня с роты? Охота своих путивлян ставить, так бы и говорили!

— Никто тебя не снимает. Ты же сам отделился. Ну вот и действуй сам, как хочешь. Сам себе и отчитывайся.

Карпенко повернулся и вышел, хлопнув дверью. Руднев знал, что ему нелегко. В самовольном марше третья рота не избежала боя и потеряла ранеными шесть человек и убитыми двух. Никто Федора не попрекал, но все видели, что переживает и мучится он сильно.

Вечером того же дня отряд двигался дальше. Приказ на движение был разослан в секретном порядке за полчаса до выхода. Карпенко его не получил. Колонна уже строилась, когда он выбежал из хаты.

— Почему мне не присылаете приказа?—вызывающе спросил он Базыму.

Старый педагог знал, что в таких случаях нужно держать взятую линию твердо.

— Ты же своим путем пойдешь.

— Баста! Довольно! — крикнул Карпенко.

— Шагом марш! — скомандовал впереди колонны Руднев, издали наблюдавший за ними.

Люди тронулись. Заскрипели полозья саней; вскинув винтовки на плечи, зашагали роты. Карпенко стоял молча, провожая взглядом людей и обоз. Когда прошли последние сани, вокруг него собралась вся его рота.

— Становись! — скомандовал он хрипло.— Шагом марш!— И пошел по гладкой санной дороге, выбитой сотнями ног, отшлифованной полозьями саней.

На горизонте всходила огромная багровая луна.

Повесив немецкий автомат на грудь и положив на него руки, Карпенко молча шагал впереди роты. Люди, тихо переругиваясь, побрякивая оружием, брели за своим командиром.

На рассвете нагнали хвост колонны. Она медленно втягивалась в село, так как передние задерживались квартирьерами, сновавшими верхами по переулкам. Указывая место заставам, проехал вдоль стоявшего обоза Базыма.

— Мне где остановиться? — спросил подошедший Карпенко.

— А где хочешь,— ответил Базыма.

Карпенко осел, и вдруг лицо у него сделалось жалобным, глаза заморгали. Базыма, никогда не видевший на лице Карпенко такого выражения, не выдержал и улыбнулся:

— Твое дело вольное, казацкое... Что, мол, хочу, то и делаю,— и начштаба перетянул коня нагайкой. Конь с места взял галоп.

Третья рота разместилась на окраине. Хаты были скверные, их нехватало. Теснота страшная. Привилегированным третьеротцам это казалось вдвойне нестерпимым.

— Во, братцы, камуфлет! — рассуждал Мудрый.— Чего же нам делать! ..

— Карпо придумает что-нибудь,— убежденно говорил Шпингалет.

— Придумает, смотрите — позеленел весь. Не ест, не пьет,— рассуждал Намалеванный.

— Пойду в разведку,— собрался Мудрый.— Погляжу, что там дед Ковпак с комиссаром маракуют насчет нашей дальнейшей жизни.

— Верно, давай сходи,— согласились ребята.

Когда ушел Мудрый, все немного приободрились. Все-таки была надежда на какой-нибудь выход. Неизвестность — самое тяжелое наказание для людей действия и сильной души.

Мудрый действовал осторожно. Остановился возле часового, закурил и завел дальний разговор о том, о сем. Угостил часового мадьярской пахитоской, которую тот спрятал в карман.

Базыма подмигнул комиссару, указывая кивком головы на окно.

— Разведка,— усмехнулся Руднев.

— Боевая? ..

— Нет, пожалуй, им не до боя теперь!

— Не говори. Могут еще в наступление пойти. Народ молодой, горячий.

— Ну что ж, отобьемся.

Мудрый вошел и лихо, с вывертом, козырнул.

— Ну-с, вольные казаки, как живете? — спросил Руднев.

— Ничего-о, товарищ комиссар, Семен Васильевич.

— Так-таки и ничего?

— Не так, чтобы ничего, а все ж таки...

— Одним словом, ничего себе,— засмеялся Базыма.

— Ага, вот именно,— смутился Мудрый.

— Какие планы на дальше? ..

— Какие уж тут планы! ..— вздохнул Николай.

— Что ж так? — уже без насмешки, а просто и задушевно спросил его Руднев.

Мудрый недоверчиво взглянул комиссару в глаза. Руднев смотрел серьезно, но участливо. Мудрый всем телом подался вперед...

— Ох, и не говорите! Я вам одно скажу, товарищ комиссар, Семен Васильевич. Страшная штука танк...

— Страшная...— задумчиво, покручивая ус, сказал Руднев.

— Но еще страшнее душа человеческая...

— Особенно, если душа эта как дикий конь и разум ею не управляет...

— Ага, понял... Мозги человеку вроде уздечки... Вот нашего брата надо крепко зануздать, да шенкелями, шенкелями...

— Ну, пошел, закрутил, замолол! — вздохнул Базыма.— Ох, и горазд ты, парень, языком молоть, в душе ковыряться... Ни дать ни взять Колька Шопенгауэр.

— Ага! .. А кто же такой с немецкой фамилией?

— Был такой философ...

— А-а, философ, понятно...

— А как командир ваш?

— Убивается...

— Плохо,— сказал Руднев.

— Вот и мы все думаем, что плохо,— оживился Мудрый.— А нельзя нам, товарищ комиссар, Семен Васильевич, об этом инциденте забыть? Вроде ничего не было...

— Забыть нельзя... — Руднев помедлил. — Исправить можно.

— Можно?! — обрадовался Мудрый.

— Нет ничего невозможного на свете, особенно для большевиков.

— Ну, какие мы большевики...

— Повторяю — ничего невозможного для человека нет.

— Это что же, так можно и Карпо передать?

— Можно передать,— внушительно ответил Руднев.

Мудрый, как пробка, вылетел из хаты.

— Я же говорил, разведка...— засмеялся Базыма.

Вскоре появился Карпенко. Он шел широким походным шагом, проходя мимо часового, козырнул по-армейски и, не останавливаясь, вошел в штаб.

— Разрешите обратиться, товарищ полковой комиссар,— отчеканивая каждое слово, сказал он.

— Обращайтесь,— Руднев встал. За ним поднялся и Базыма.

— Прошу третью роту принять обратно в отряд как боевую роту и назначить другого командира.

— А если мы прикажем вам командовать, товарищ старший сержант?

Карпенко колебался. Сдать роту другому, отличиться в боях рядовым бойцом, погибнуть в бою — это ему казалось более выгодным. Это была победа. То же, что ему сейчас предлагали, было поражение. Он молчал.

— Приказываю принять роту... Партия тебе приказывает.

— Подчиняюсь военной дисциплине. Разрешите итти?

— Идите.

Щелк каблуками, лихой поворот и резкий стук левым каблуком, первый шаг.

Руднев с восхищением смотрел ему вслед.

Базыма протер стекла очков и задумчиво проговорил:

— Педагогическая работа, одним словом.

— Вот только к партии их поближе надо...

— В партию? Кого, Карпенко? Ну, это уже слишком, Семен Васильевич.

— А чего ж... Подумать надо...

— Подумаем,— согласился Панин.

Прямо поставить вопрос, зная нрав Карпенко, не хотели. Он мог заподозрить тут умысел, желание «связать» его самостоятельность, которой очень дорожил этот ежедневно рисковавший жизнью за других человек. Руднев знал, что скажи он Карпенко «умри за меня», тот, не колеблясь ни минуты, пойдет на смерть, но знал также, что в лоб ему ставить вопрос о партийности нельзя. В особенности сейчас, когда отношения вновь обострились.

Как-то в штабе было много народу. Мудрый, долго молчавший, что было для него необычайно, прокашлялся.

— Товарищ комиссар, Семен Васильевич! А нельзя ли мне как-нибудь в партию пролезть? — спросил он вдруг комиссара.

— То есть, как это «пролезть»?— удивился Семен Васильевич.— Ты что, с ума сошел? Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Товарищ комиссар! — торжественно заявил Мудрый.— Вы для меня есть сама партия. А обманывать вас я не хочу. Я знаю, что так не годится говорить, но иначе я не могу. Ну, знаю, говорят в таких случаях: заявление подать, вступить в партию. Так это же про людей говорят. А про меня так не скажешь. Кто есть Колька Мудрый? — немного рисуясь, продолжал он.— Спекулянт, барахольщик, из милиции до войны не вылезал, по мелким всяким делам, купля-продажа, одним словом... Бывали и крупные... А теперь, как я честный защитник родины,— не могу я в стороне от партии... Но прошлого ведь не выбросишь, товарищ комиссар, Семен Васильевич, товарищ Ковпак, командир-отец. Эх, не знаю, и сказать как... Может, я и не так говорю, или нет таким, как я, ходу, так это несправедливо будет... Вы, товарищ командир, с самим Сталиным дела решали,— если что не так, вы ему запрос по радио... а?

Руднев обнял Мудрого за плечи.

— Эх ты, чудак человек. Понимаю я твой честный поступок. Ну, ладно,— засмеялся он.— Рекомендации имеешь?

— Подзапас маленько, товарищ комиссар, Семен Васильевич.

— А мне и пролезть нельзя,— печально сказал Карпенко.

— Почему? — насторожившись, повернулся к нему Руднев.

— Ну кто же за меня, такого, поручительство даст?

Ковпак и Базыма переглянулись. Руднев молча порылся в кармане гимнастерки и протянул Федору вчетверо сложенный лист бумаги. Карпенко встал. Он смотрел в глаза Рудневу и не брал листа. Так же молча протянули их Ковпак и Базыма.

— Бери! — серьезно сказал Ковпак.— Только гляди, за двадцать пять лет в партии ни я себя, ни меня перед партией никто не опозорил.

Карпенко молча взял рекомендации и тихо вышел.

Прошло с полчаса, и боком в хату втиснулся Мудрый.

— Заявление пишет? — заявил он по секрету.— Четвертую тетрадку исписал. Напишет, порвет и снова пишет. Ох, и прикрутили вы его, товарищ комиссар. Просто удивительно даже, до чего силу имеет эта партийность над человеческой душой! ..

— Ну, пошел Мудрый философствовать...— сказал Базыма, задумчиво перебирая какие-то бумаги.— Одним словом — Колька Шопенгауэр.

У меня есть сын. Ему сейчас всего четыре года. Я желаю ему лучшей судьбы и жизни, чем у Федора Карпенко. Но если ему придется в жизни ошибиться и затем выправлять свой промах, вину или ошибку, пусть он делает это, как Карпенко. Лучшего я ему не желаю.

16

Очень важным делом, от которого часто зависел успех и организационно-политической и боевой работы партизанского отряда, была связь с Большой Землей. При организации отрядов летом 1941 года не всегда была возможность каждый отряд снабдить рацией. Сосед Ковпака, командир Харьковского партизанского отряда Воронцов в этом отношении был счастливее нашего отряда. У него сразу была надежная радиосвязь. Путивляне же только изредка могли передавать через рацию Воронцова сведения о своих боевых делах. В первом коротеньком рейде из Спащанского леса в Брянские леса в декабре 1941 года командование отряда особенно остро ощущало этот недостаток. Как-то в Брянских лесах, возле будущей «партизанской столицы» Старой Гуты, Руднев, Ковпак и Базыма обсуждали свой первый, небольшой еще опыт борьбы. Они пробыли в лесах около двух недель, а в тылу врага — три месяца с лишним.

— Засиделись ребята,— сказал Ковпак.— До дому рвутся.

— И я так думаю. Надо нам продолжать рейд,— поддержал командира комиссар.

— А куда? — отозвался Базыма.

К ним подошел старик Корниенко — партизан еще гражданской войны, знавший все правобережье, как свои пять пальцев. Он один заменял отряду сотни проводников и был ходячей справочной книгой и топографической картой отряда.

— А от мы стариков попытаем,— схитрил Ковпак.

Руднев имел на этот счет свое мнение.

— А я так думаю: хотя отряд наш и вырос...— он обратился к начальнику штаба: — Сколько у нас на сегодня с пополнением?

Базыма порылся в полевой сумке, вытащил блокнот.

— Шестьсот с лишком.

Ковпак сказал решительно:

— А все ж таки я думаю, надо нам обратно в свой район. Где нас партия поставила там и должны мы быть.

Базыма спрятал блокнот в сумку.

— Многовато народу. А лесочки у нас, знаешь, какие...

— Да и зима...

Ковпак весело свистнул.

— А зачем нам леса? Будем по селам...

— Правильно, Сидор Артемьевич. Мы уже выросли из районного масштаба,— сказал Руднев.

— Это верно. Да вот связи нет. Есть же отряды, в которых радиостанции имеются. Вон как у Воронцова.

Корниенко вмешался в разговор на правах ветерана отряда:

— Надо через фронт людей послать.

Руднев подумал.

— Об этом мы давно думаем, старик. Да кого?

— Молодых ребят думали,— дойти-то они дойдут, а обратно вернутся ли? — хитро прижмурил глаз Ковпак.

Корниенко понял командира с полуслова.

— А старых?

Руднев еще мало знал старика партизана. Он не знал еще, что Корниенко не один раз переходил фронт белых и под Касторной, и под Ростовом, и в Донбассе. Но Ковпак знал об удалых делах, которые они совершали в молодые годы, и помнил о них хорошо.

Комиссар ответил на вопрос Корниенко, думая, что тот намекает на Ковпака:

— А старик не каждый доползет. Не можем же мы командира на такое дело посылать.

Корниенко рассердился.

— Зачем командира? Самый старший по годам между вами — я. До Хорошек все дороги знаю. А там и фронт близко.

Руднев посмотрел на Ковпака.

— Как думаешь, командир?

— А вот так и думаю. Жалко со старым товарищем расставаться, а другого выхода нема.

Корниенко облегченно вздохнул.

— Ну вот и добре. Пойду собирать манатки в далеку дорогу.

И он пошел бодрой стариковской походкой по лесу.

Комиссар, глядя ему вслед, тихо сказал:

— Надежный старик.

— Надежный старик? — спрашивал через неделю у Корниенко о Ковпаке генерал, командующий крупным объединением армейских частей Красной Армии.

В большом штабе, перед столом, возле которого стояла батарея полевых телефонов, тянулся по-егерски Корниенко. В деревенском полушубке, в облупленной шапке, он подчеркнуто по-солдатски отвечал на вопросы генерала.

— Надежный старик? — спросил генерал.

— Так точно, товарищ генерал,— я его с гражданской знаю.

Рядом с генералом сидел невысокого роста человек, тоже в военном кителе, но без знаков отличия на петлицах. Он, прищурившись, смотрел на Корниенко. Но, увлеченный докладом генералу и хорошо помнивший солдатскую школу, Корниенко смотрел только на генерала. Только когда член Военного совета сказал:

— Ну, это как сказать. Тогда война совсем другой была. Сейчас мы другими мерками командиров мерим... — Корниенко взглянул на него и сразу ответил:

— Так думаю, что и под вашу мерку подойдет, товарищ...— он запнулся, еще раз оглядел говорившего, и лицо его расплылось в широкой улыбке,— ...товарищ Никита Сергеевич... Извиняйте, не опознал вас сразу, товарищ Хрущев. На портретах видел вас только в гражданской одежде.

— Ничего, ничего,— сказал Хрущев и подошел к карте.— Прошу, продолжайте, пожалуйста,— обратился он к генералу.

Генерал спросил у Корниенко:

— Где же ваш отряд? Вот здесь? — он показал пальцем на карту.

Корниенко немного растерянно глянул на незнакомого масштаба карту. Но тут же, оправившись, бодро сказал:

— Левее немножко будет, товарищ генерал.

— Бои бывали у вас? — продолжал вопросы генерал.

— А как же. Вот в этом месте, где вы изволили показать, тут у нас с танками немецкими бой был.

— Ну и как? — нахмурил брови генерал.

— А так. Пришли к нам в лес два танка, а из лесу ни один не ушел.

— Еще были бои?

Корниенко входил в раж и увлекался.

— Были. А вот тут левее, тут уже пехота на нас наступала. Но наш командир уже на танке воевал.

— На каком танке? — оживился генерал.

— Да на этом же, на немецком. Один мы подорвали, а другой в болото заманили. Вот он у нас и остался. Сами знаете, как на чужой технике воевать,— машина незнакомая, капризная. Одним словом, сами должны понимать...

Генерал улыбнулся.

— Да. Понятно. А где сейчас ваш отряд, покажите.

Корниенко разошелся.

— Вишь, дорогой, отряд-то наш вроде рейсовый, сегодня здесь,— он ткнул пальцем в то место, куда указывал генерал,— а завтра там...— и он загнул дугу на карте километров на полторы тысячи.

Хрущев и генерал весело взглянули друг на друга.

— Как же так, сегодня здесь, а завтра там... расстояние-то какое?

— А чего же расстояние...— Корниенко смерил пядью по генеральской миллионке,— расстояние чепуховое...

Генерал, улыбаясь, отошел от карты.

— По скольку километров за ночь делаете?

— Как какой марш. Когда сорок, а когда и пятьдесят верст. А как на хороших конях да по санной дороге,— и все семьдесят отмахаем.

Генерал, а за ним Корниенко, старавшийся не вылезать вперед, подошли к столу. Хрущев указал старику на стул, тот присел.

Хрущев спросил:

— Какая же помощь вам требуется: оружием? патронами?

Корниенко сразу понял, что задачу Ковпака он уже выполнил.

— Самая главная для нас техника сейчас будет — радио. Патрончиков нам пока хватает, а вот связи нет. А без связи, сами знаете, какая война.

Хрущев задумчиво, как бы про себя, повторил его слова.

— Знаем, старик, знаем, какая без связи война...

— Хорошо, рацию мы им дадим,— ответил на вопросительный взгляд Хрущева генерал.

Корниенко не разобрал.

— Это чего? — спросил он без стеснения.
— Радиста с передатчиком,— сказал Хрущев.
— Ага. Понятно.
— Только куда вам ее бросать? — спросил, заговорщически подмигнув Корниенко, генерал.
— А зачем бросать? Вы мне только дайте, а я его через фронт живо переведу.
Хрущев мягко сказал старику:
— Нет, лучше самолетом. Это и быстрее и надежнее.
Генерал сказал, подведя старика снова к карте:
— Только координаты точные надо. А то, видишь, сам говоришь, твой старик сегодня там, а завтра здесь.— Генерал повторил жест Корниенко на карте.— Точные координаты дать можете?
Корниенко все еще пытался вывернуться.
— А зачем вам координаты? Место условленное я вам сразу доложу. В Даниловой балке каждую ночь на протяжении месяца три костра гореть будут. Вот таким макаром: один костер, другой костер и третий...— он показал правильный треугольник на территории, этак, целой области.
Генерал, не желая обижать старика, сказал:
— Видите ли, координаты — это для летчика. А нам и этого достаточно. Только вот Данилова балка возле какого села?
— Известно, возле хутора Веселого.
— А хутор какого района?
— Известно... Глуховского.
Генерал быстро нашел на карте нужное место, сделал крестик карандашом. Корниенко присмотрелся ближе.
— Я же говорил — вот здесь и будет.
— Ну что ж. Завтрашнюю ночь и полетите. С парашютом прыгать не приходилось? — спросил Хрущев делегата.
— Так мне, пожалуй, пешком дорога знакомей...
Хрущев твердо сказал:
— Нет. Зачем же. Так быстрее. Да и радистам дорогу покажете.
Генерал снял трубку и сказал:
— Соедините с аэродромом.
На большом снежном поле — полевом аэродроме — готовились к вылету самолеты.
Винт полувоенного, полупассажирского самолета ПР-5 вздымал снег.
С парашютным мешком за плечами стоял Корниенко, а с ним два человека с такими же мешками. Моторы стихли.
Корниенко, бодрясь, подошел к возившемуся у мотора механику:
— Скоро полетим?

— Минут через сорок,— ответил, отворачиваясь от ветра, механик.

Корниенко подошел к радистам.

— Минут через сорок. Пошли греться, ребята. Да вас как звать-то, молодцы?

Первый угрюмо ответил:

— Молчанов.

— А тебя? — повернулся старик к другому.

— Меня? Катей звать...

Корниенко оторопело посмотрел:

— Так, так... Что ж, пойдем греться, хлопцы и... девчата.

В Даниловой балке уже не одиу ночь горелн трн костра. Вокруг одного из них, сладко затягиваясь дымом самокрутки, сиделн бойцы роты Карпенко. В эту ночь особенно скучно казалось партизанам.

— Напрасно маемся мы, ребята,— сказал Шпингалет, подставляя спину к теплу.

— Даром вся эта канитель, не будет никаких самолетов,— поддержал его Намалеванный.

Откуда-то из-за дыма раздался смех Мудрого.

— Ты даром просидеть боишься? Ну что ж, давай я тебе немецкими карбованцами заплачу.

Он вытащил из кармана крупную пачку денег и хлопнул ею по голенищу:

— Получай зарплату.

Намалеванный отвернулся.

Мудрый серьезно сказал:

— Нет, ребята, не даром. Скажу я вам, хлопцы, много я хлебнул, пока к отряду не прибился. Два раза за проволокой был. Бежал — опять ловили, а уж сколько по окружениям шлялся... и вспоминать удивительно... Уж бегали, бегали мы с вами по всей Украине... А почему, я вам скажу.— Он вдруг заговорил быстро, как будто торопясь высказать давно пережитые и продуманные слова.— Хочу я вам объяснить, откуда у меня, Кольки Мудрого, смелость берется...

Намалеванный плюнул в костер.

— Да при чем тут смелость? Тут ноги на морозе задубели — вот и все.

Мудрый подошел к нему.

— А вот я тебе сейчас объясню.

— Объясняй не объясняй, а все равно не прилетит самолет.— Намалеванный поднялся и хотел отойти.

Карпенко, дремавший до сих пор, сказал тоном приказа:

— Прилетит не прилетит, а сидеть надо. Дисциплина.

Намалеванный отошел от костра, послушал:

— Нет, не слыхать... А может, он и до фронта не дошел, старый хрыч...

Карпенко укутал ноги немецкой плащ-палаткой:

— Все может быть... милок... садись лучше, погрейся.

А в это время в звездном фронтовом небе, загребая лопастями винтов морозный воздух, летел к Ковпаку самолет, посланный Хрущевым. Это была старая машина ПР-5 (может быть испробованная еще Чкаловым), с кабиной на четырех пассажиров. В кабине находились Молчанов, Катя, штурман и Корниенко.

Через полчаса полета штурман крикнул в трубку мегафона летчику:

— Подлетаем к фронту... давай полный газ...

Пассажиры переглянулись, подтянулись. Громче заревел мотор. В небе зашарили прожекторы. Луч скользнул по плоскости... Прошел мимо. Затем поймал машину.

Штурман крикнул в мегафон:

— Костя, обмани его... На крыло, на крыло...

Звездное небо долго, казалось бесконечно, переворачивалось под крыло машины. Прожектор цепко держал ее в своих щупальцах. Быстрые пунктиры пулеметных очередей проходили, казалось, сквозь плоскости. Мотор ревел на полном газу. Но вот машина вошла в пике, взвыла мотором и выскользнула из лучей прожекторов.

Штурман снял шлем, вытер вспотевший лоб и проговорил в мегафон:

— Молодец, Костя... Теперь газуй.

Радистка Катя выглянула из открытой кабины. Замелькала внизу белая снежная земля.

Рядом со штурманом сидел Корниенко. Он весь как-то вытянулся, прижался спиной к парашютному мешку и ни на кого не смотрел, закусив губу. К нему лицом сидели Молчанов и Катя. Мотор самолета ровно зажужжал, набирая потерянную высоту. Корниенко сунул руку под фуфайку. Когда сидящий рядом штурман бликнул фонариком, освещая большой планшет с картой, Корниенко взглянул тайком на свою руку. Она казалась вся черной.

Старик вытер руку о ватные брюки и снова откинулся на спину, закрыв глаза, как бы прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Вскоре в мегафоне штурмана послышался металлический голос пилота. Штурман оживился.

— Ага... Дошли. Приготовиться... Заходи, Костя, с севера.

Несколько секунд ожидания. Самолет сбавил газ. Штурман крикнул пассажирам:

— Пошел!

Первым должен был прыгать Корниенко. Но он сидел с закрытыми глазами. Штурман взглянул иа него, покачал иеодобрнтельно головой. Снова крикнул, громче, чем требовалось:

— Костры проходим... Пошел...

Корииенко открыл глаза и, судорожио цепляясь за края дверцы, вывалился в люк. За инм один за другим выбрасывались радисты.

Хлопцы Карпенко прн первом звуке долгождаиного самолета плеснули в огонь бензину н подбросили сухой хвон. Костры запылали радостно н ярко, словио Карпеико хотел имн согреть все зимнее украинское иебо.

Вдали от костров опускались два парашюта. Почти одиовремеино с ними — у самого костра — третий. К нему первому побежал Карпенко. Шпингалет и Намалеваиный подияли белое полотио парашюта, накрывшее Корниенко. Карпеико опустился на снег рядом с ним. Ои осветил его лицо карманным фонариком, взял за руку. Она была темной от запекшейся крови. Карпенко расстегнул стеганку, прииик ухом к груди старика. Затем встал и строго посмотрел на Намалеванного:

— Как же ты смел говорить — не пройдет старик через фронт... Прошел... И обратио к своим вернулся.

Он взял из рук Намалеваииого полотнище парашюта и тихо накрыл им лицо Корнненко. Костер вспыхнул, раздуваемый ветром, ярче и осветил лицо Намалеваиного, по которому одна за другой бежали слезы.

— Выполиил свое задание Корниеико.

Шифровальщик Молчанов сам подошел к костру. Подскакали Ковпак и Руднев. Долго искали Катю-радистку. Когда же иашли, Молчаиов обрадовался так, что бросился ее обнимать. Она вскрикнула:

— Ой, больно, я, кажется, руку вывихнула.

Ковпак озабочеиио подошел к ней. Он осторожно взял ее за правую руку и провел по ией от плеча к локтю.

— Э, дивчино, да тут перелом.

Катя испугаиио посмотрела на незнакомого деда.

— Как перелом? А мне сегодня же связь установить надо, сеанс у меня в два иоль-ноль.

Девушка ожидала всего, готовясь к вылету в тыл врага. Была готова н к тому, что, может, поиадобится применить оружие, и к тому, что можно погибиуть, но к такой «случайности», как перелом руки, она готова ие была. И это как-то надломило ее силы, и оиа тихо, по-детски всхлипнула.

Ковпак участливо склоиился над ней.

— Теперь, дивчино, твой сеанс одни — в лубках лежать.

— Что вы говорите, дедушка?

— Не дедушка, а командир отряда Ковпак.

Катя свалилась на руки партизан без чувств, и ее положили поближе к костру.

Руднев озабоченно спросил Молчанова:

— Связь мы дадим?

Тот помялся.

— Пока трудно сказать. Если рука всерьез у нее переломлена...

— А вы?

— Я на рации не работаю. Я — шифровальщик.

— Так на какого чорта тебя прислали? — вскипел Ковпак.

— Как мираж какой-то. Рацию выбросили, а работать на ней некому,— сказал возмущенно Руднев.

Они отошли в сторону, в морозную ночь, и долго ходили по снегу в отчаянии.

Без четверти два Молчанов подошел к Катюше и показал ей часы. Она встала, порываясь итти. Рука у нее была уже на перевязи в самодельной шине из древесной коры. С ней повозилась партизанский врач Дина Маевская. Дина подошла к комиссару и заговорила быстро и резко.

— Я не могу так, товарищ комиссар! Раненая только что после перевязки. Внутреннее кровоизлияние, перелом. Два раза в обмороке. А тут ее волнуют,— она показала на Молчанова.

Катя бормотала быстро-быстро, здоровой рукой раскрывая рацию.

— Сеанс у меня через четверть часа, понимаете — сеанс. Если не выйду на связь, на Большой земле будут считать, что мы все погибли. И ваш старик тоже.

— Но не может она, не может работать на ключе! — твердо и властно сказала Маевская. В вопросах медицины ее слушались все в отряде.

Катя поняла это и подняла к молодой женщине глаза, полные слез.

— Ну, пожалуйста, я очень прошу. Может быть, рацию раскинут товарищи; я покажу, как. Наушники наденьте, я хотя бы позывные послушаю и хоть чем-нибудь знак подам.

Молчанов уже распаковывал рацию, тянул антенну на поднятое дышло саней.

Ковпак подошел к врачу и отвел ее в сторону.

— Слушай, доктор. Ты почему солдату мешаешь свою службу нести? Ты що у меня тут — профессор-хирург, чи невропсихопат какой?

Маевская обиделась:

— Зачем же так, Сидор Артемьевич? Вы же сами знаете, я когда в отряд пришла, говорила вам, я физкультурный врач.

Понимаете, институт специальный я кончила перед войной. Физкультурный врач.

— Не тарахти, знаю, слыхал. А раз слыхал, значит помню. А операции ты делала? Руки и ноги людям столярной пилкой резала?

— Так выхода ж другого не было. Хирургов у нас нет, вот и приходилось мне...

Казалось, Ковпак только и ждал этих слов.

— А що ж, у нас радистов тут много? Зачем же ты девушку обижаешь? Значит, как ты физкультурный врач, так ты можешь выше своей головы прыгать, а как она радистка, так ей уже и нельзя? Стой сзади нее со своей валерьянкой и не мешай, а помогай, понятно?

Пока дед убеждал врача, Катюшу положили на санки. Молчанов надел ей на голову наушники.

Ковпак сказал тихо:

— Карпенко, выводи роту. Готовьтесь к походу. Да тихо, хлопцы, не мешайте. Эта дивчина, может быть, нам не меньше чем крупный бой выигрывает.

— Который час? — слабым голосом спросила Катюша.

— Без трех минут два,— показал ей циферблат Молчанов.

— Включайте. Наушники поправьте,— командовала Катя.

С этой минуты вся жизнь людей, окруживших тесной стеной розвальни у костра, казалось, перешла к этой девушке. Ковпак, Маевская, Руднев стояли у ее изголовья. Катя лежала с закрытыми глазами. Затем протянула левую руку и ощупью положила ее на распределительную доску.

— Настраивает,— шепнул Молчанов.— Катя, есть позывные?

Катя не слышала. Он дотронулся до ее руки, лежавшей на доске рации. Радистка открыла глаза. Он спросил ее жестом, губами.

— Позывные фронта есть?

Она ответила одними глазами: «Есть!» Затем окинула взглядом склонившихся над ней людей и, как бы успокаивая их, шепнула:

— Стучит фронт, стучит...

Молчанов подошел к Ковпаку и Рудневу. Посмотрел на часы.

— Пять минут фронт будет вызывать, затем перейдет на прием. Следующие пять минут будет слушать наш ответ.

— Ну, а как же мы ответим? — спросил Ковпак.

Молчанов пожал плечами, глянул на часы.

— Пять минут,— показал циферблат.

Катя широко открыла глаза, попыталась сесть. Несколько партизан и врач мигом поддержали ее. По Катиным глазам

все видели, что там, за лнннеи фронта, перешлн на прием. Катя вопросительно посмотрела на Ковпака и Руднева. Глаза многих были в слезах, от мороза коиечно.

Ковпак отвернулся и буркнул себе под нос:

— Ну що це за война з бабами, та ще з дивчатами...

Катя решительно сказала врачу:

— Посадите меня. Опустите ногн.

Нечеловеческнм иапряжением она повернула руку.

— Молчанов, дайте ключ! Положите на колено.

Молчанов держал ключ рации. Катя протяиула ранеиую руку н попыталась стучать позывные, но сразу, вскрикнув от боли, без чувств упала на руки партизан. Молчаиов сиял наушники с головы Кати. К нему иаклонился Ковпак. Шифровальщик отстегнул одии наушннк и передал его ему. Второй иаушник протянул Рудиеву.

Ковпак даже улыбиулся.

— Фронт. Це фронт нас вызывает, Семен Васильевич...

Катю привели в чувство. Оиа осмотрела всех, словио узнавая. Затем сказала Молчаиову:

— Сколько еще осталось? Четыре раза будут вызывать и переходить на прием. А на пятый запишут: «Стрелка ие вышла иа связь». И рядом поставят крестик. Ой, что же это я? Это же кличка моя, я иикому не должна разглашать ее. Я честное комсомольское дала, подписку.

Ковпак успокоил ее.

— А мы инчего не слыхалн, дивчина. И зиать иичего не знаем. Так ведь, ребята?

Все молча кивиули головами.

— Спаснбо, дедушка,— сказала Катя.

Ковпак потряс наушииками.

— Слухай, днвчнно. Замолкло, не пипикает. Наверное, снова тебя слухают,— и он приложил ей наушник к уху.

Молчанов дал Кате ключ, сказал тнхо:

— Ты спокойно, ты ие шевелнсь. Ты левой рукой попробуй.

— Вот. Как же мне в голову не пришло,— и она начала работать левой рукой.— Не то, совсем не то. Техники нет. А ведь там раднсты мой почерк зиают. Не то...

— А ты попробуй вот так, я подержу,— уговаривал ее Молчанов.

Все молча наблюдали. Раднстка несмело застучала левой рукой.

Было слышно, как в лесу строились роты. Грузили раненых. Командовалн комбаты.

Ковпак позвал Семеинстого.

— А ну, Мнхайло, смотайся. Дежуриому скажи, чтобы тихо было. Скажи, с фронтом говорю.

Молчанов показал на циферблат.
— Катя, слышишь? Перешли иа прием.
И снова застучала левой рукой Катюша.
— Больше ие могу, дайте послушаю.
Оиа слушала долго, виимательно, затем сказала Ковпаку:
— Дедушка, товарищ Хрущев отвечает.
Ковпак нагнулся к ней ласково.
— А что ответилн?
— «Плохо вас поинмаю. Что случилось?» Ну, коиечно, же... Вот! «Завтра буду вас слушать в это же время. Слышали вы меия? Поняли вы меия?» Переходит иа прием...
Ковпак, торжествуя, сказал громко:
— Стучи, дивчиил, стучн як можешь. Стучи: «Слышали, поняли, завтра будем слухать».
Ковпак отошел в сторону. Подбежал с докладом Карпенко. Доложил шопотом:
— Товарищ командир, рота к маршу готова.
— Добре. А ну, слухай. Выбери меин из своей роты самых бойовых хлопцев. И сам проследи: оцю дивчину меии на повозку положить, да листьев, моху, сена наложить, щоб не трусыло. И всю дорогу не отходить. Кормить — чем только можете.— Ои повернулся к Маевской: — Какую пнщу ей приимать?
— Яйца, молоко, варенье.
— Чуешь? Щоб яец, молока достали. Варенья выдайте, хай кормять ее девчата. Пояяв? Варенье любишь, милая?
— Очень люблю,— устало улыбиулась Катя.
— Понятно,— откозырял ей Карпеико.
— Ну, вытягивай свою роту. Ребят пошли сюда. Оии при штабе вместе с ней будут. Пошли, комиссар.
Все ушли, кроме Маевской и Молчанова. Катюша кончила работать и показала на иаушники Молчанову. Он снял нх с ее головы.
— Укладывайте рацию, сматывайте аитениу, как я вам показала. Ведь фронт ответил: «Завтра буду вас слушать в это же время!»
За деревьямн замелькали люди. Это строй третьей роты, неделю дежурившей иочами у костра. Оиа двииулась... Впереди шел Карпеико, положив руки иа автомат. Оии подошли к свежевырытой могнле н построились в каре. Руднев сказал краткую речь. Грянул залп. Тнхая команда прервала мннутное молчание, и отряд снова двинулся вперед.

Всю зиму по Украние мели метели. Шла поземка... Но уже смелее и увереннее двнгался отряд. А когда вздулись иа

украинской земле жилы рек, потекли ручьи, превращаясь в потоки, бурные и могучие,— все дальше и смелее шел отряд. Двигался и тогда, когда распустились, зазеленели буйные леса.

И каждый день радистка Катя работала на ключе.

В поле по небольшому оврагу ползли два разведчика. Один смотрел в бинокль: шли поезда с гитлеровскими дивизиями. Разведчики приносили Ковпаку донесения. Он подписывал и передавал радистке. Радистка работала на ключе.

На аэродроме стояли вражеские самолеты. Хлопцы достали живьем немецкого летчика, и снова радистка передавала донесение.

А через несколько часов разведчики, наблюдавшие за аэродромом, видели, как пикируют наши самолеты, слышали взрывы, видели клубы жирного дыма над вражеским аэродромом.

Еще прошло несколько месяцев, и радистка Катя приняла по радио радостное сообщение. Командиру отряда было присвоено звание Героя Советского Союза.

Уже после войны, встречаясь с партизанами — ленинградцами, брянцами, белорусскими и крымскими, изучая их дневники и записи, мне неизменно приходилось сталкиваться с фактами, показывающими, как руководители партии заботились и помогали с первых шагов зарождению партизанских отрядов, из которых потом выросло всенародное партизанское движение. Товарищ Жданов руководил и лично направлял боевую деятельность ленинградских партизан; товарищ Булганин готовил, проверял, вооружал и нацеливал удары партизан на западном направлении — на Смоленщине, Брянщине, Калининской области; товарищ Щербаков был ближайшим другом и начальником московских партизан. Сотнями нитей, подпольных каналов, ходоков через фронт, подпольными и партизанскими радиостанциями партия связывала отдельные боевые группы в единое всенародное партизанское движение.

Как неотделимая часть вооруженных сил, в тылу врага действовали партизанские отряды, направляемые Верховным Главнокомандующим товарищем Сталиным по верному пути к победе.

17

24 ноября 1942 года мы заняли большое село Стодолнчи. Село напоминало новостройку. Оно делилось на две половины: старая его часть — типичное полесское село с несколькими кривыми улицами; чуть подале, на бугорке, по обеим сторо-

нам улицы расположились новые дома, построенные за несколько лет до войны.

Село стояло в двенадцати километрах от окружного центра Лельчицы. До войны здесь было электричество и паровая мельница. Колхоз имел автотранспорт и славился своим животноводством.

В ночь на 27 ноября по хорошей санной дороге мы двинулись в направлении Лельчиц. Операция была разработана на полное окружение и уничтожение противника, который из Лельчиц своими щупальцами опутал весь этот большой район.

Руднев шутя говорил командирам:

— Ну, держись, хлопцы! Знайте, что Лельчицы — это наши партизанские «Канны»!

В двенадцать часов ночи роты вышли на исходное положение, и начался бой. Продвижение по окраинам шло успешно. Большая часть городишка была занята быстро, но затем наступление стало захлебываться. Центральная улица Лельчиц, на которой помещались учреждения, частично была занята нами, но затем противник стал оказывать все большее сопротивление. Большой двухэтажный дом жандармерии, опутанный проволокой, каменный дом гебитс-комиссариата, парк на пригорке в центре города со сходившимися к нему со всех сторон улицами, здание тюрьмы и другие каменные дома были сильными оборонительными пунктами немцев. Ковпак, расположившийся на командном пункте в крайних домах, решил бросить в бой артиллерию.

Прикрывать батарею пошла тринадцатая рота.

Первой нашей заботой было выбить противника из большого двухэтажного дома жандармерии — и десяток снарядов из 76-миллиметровой пушки сделали это. Мы ворвались в здание, битком набитое винтовками, лыжами, мешками с сахаром, бельем. Внутри помещение напоминало универсальный магазин. Вслед за первыми смельчаками в здание ворвались еще человек сто-полтораста.

Я из углового окна выглянул на улицу. На другой стороне ее, немного наискосок, стоял красивый особняк гебитс-комиссара. Здесь улица кончалась, и за нею на холмике был расположен небольшой парк, со всех сторон обнесенный забором; вокруг были вырыты окопы. Около парка высилась кубической формы каменная громада с бойницами, откуда торчали дула пулеметов, и недалеко от нее — противотанковая пушка, обстреливавшая улицу. Батальоны, наступавшие по окраинным улицам, уже сомкнули кольцо окружения, и противнику некуда было бежать. Поэтому он ожесточенно отстреливался.

В моем подчинении имелось лишь восемнадцать человек из тринадцатой роты. Я крикнул Бережному: «Давай обходи справа и атакуй фашистов в парке. Во фланг!» Затем вскочил в коридор дома гебитс-комиссара и крикнул своим:

— Выходи, все выходи на улицу и вперед!

Атака началась снова.

Выскакивая из окон здания гебитс-комиссара, на штурм парка шли пятая и шестая роты, тринадцатая заходила по огородам, третья шла прямо на каменную глыбу. В несколько минут все было кончено, около пушки валялись убитые, а из окопов наши хлопцы вытаскивали живых, спрятавшихся среди трупов гитлеровцев.

Как мы узнали после, каменная глыба кубической формы была пьедесталом памятника Ленину. Памятник фашисты сняли, а пьедестал превратили в импровизированный дот, выдолбив по углам его пулеметные гнезда. Спустя несколько минут после того, как мы закончили атаку, над нашими головами закружились два немецких самолета-истребителя. Они сделали по три круга и снизились. Когда их обстреляли, они быстро ушли на юг. Скоро со стороны Житомира подошло вражеское подкрепление: две бронемашины и около трехсот человек пехоты на автомашинах. Подкрепление мы разгромили, а бронемашины сожгли.

Это было 27 ноября 1942 года.

В те дни Красная Армия, прорвав фронт под Калачом и Клетской, начала окружение 6-й армии Паулюса под Сталинградом.

Вот записи из дневника за этот день:

«С боем взят гебитс-центр Лельчицы. Убито более трехсот немцев, полицейские, бургомистр, староста, много других «иже с ними» также переселились в мир иной. Интересный бой.

Снова прямая наводка, уже много раз проверенная мной за эту войну. Интересен бой еще и тем, что я на практике ощутил, что может сделать воля командира, когда наступление захлебнется. И снова везет — два раза смерть ходила локоть в локоть со мной и прошла мимо. Первый раз из противотанковой пушки бронебойным снарядом снесло голову пулеметчику, стоявшему рядом, второй раз пулька, маленькая пулька, попала в переносицу соседа, пролетев мимо моего уха.

Ранена Нина Сознна. Хотя бы дожила она до известия о награде.

30.XI. Сегодня умерла от раны санитарка Маруся в плюшевой курточке. Много их, девушек, уже пало на своем посту.

1.XII. Милашкевичи, Глушкевичи и Прибыловичи. Озеро и площадка. Много работы. Интересные наблюдения и песни народа о войне:

А там старый батько
Окопы копав,
Він здалеку бачив,
Як стрілець упав,
Підійшов він ближче
Тай сина впізнав.

Танцы «полещуков» и девчата-«полещучки» в мягких лапотках...»

Разгромив Лельчицы, мы расчистили почву для создания партизанского края в районе среднего бассейна Припяти. В это же время Сабуров разгромил Словечно, расширив этим намечавшийся партизанский край к югу. Таким образом, громадная территория южнее Мозыря и Пинска оказалась свободной от немецких гарнизонов. Пока еще только пунктирно намечавшийся партизанский край обещал быть в несколько раз больше Брянского и по территории и в смысле охвата вражеских коммуникаций.

Вначале немцы, очевидно, не придавали этому большого значения. И только через месяц, когда вновь образованный партизанский край дал себя чувствовать, гитлеровцы опомнились и стали принимать меры. Но было уже поздно.

Партизанский край, о котором мечтал Руднев, был уже создан.

Почти два года спустя, когда войска Красной Армии, заняв Житомир, захватили архивы житомирского гестапо, я в них разыскал материалы суда над лельчицкими властями. Судили гебитс-комиссара, начальника жандармерии и многих других. Некоторых из них присудили к смертной казни, других вообще судили посмертно. Но, как говорит народ, «не помогли мертвому припарки».

18

Расправившись с немцами в Лельчицах, мы разместились юго-западнее — в селах Глушкевичи, Прибыловичи, Копище.

В Глушкевичах устроился штаб и первый батальон, в Копищах — второй и третий, в Прибыловичах — четвертый батальон.

Мы стояли там около месяца. Здесь впервые я познакомился с народом, о котором знал только понаслышке. Это о них, о «полещуках», создавала свои чудесные произведения Леся Украинка. Разговаривая со стариками, глядя на танцы молодых девчат, я рисовал себе образы Левка, Килины из ее пьесы «Лісова пісня», и если бы немцы немного больше инте-

ресовались поэзией народа, который они задумали поработить, им бы чудилось по ночам: из Пинских болот Полесья на них подымается леший в мадьярской длинной шубе до пят, с козлиной бородкой, с автоматом в руках, и имя ему — Ковпак. Не берут его ни пули, ни железо, а он хватает немцев костистыми руками за горло, и они в ужасе испускают дух.

Руднев на стоянке ежедневно посещал раненых, следил за их лечением, ободрял участливым словом. Он регулярно читал им сводки Совинформбюро, принимаемые ежедневно нашими радистами.

Как-то мы вместе зашли к тяжело раненной в бою за Лельчицы Нине Созиной. Семнадцатилетняя автоматчица лежала бледная, стараясь стоном не выдать боли.

Я живо вспомнил наш разговор на марше, когда она рассказывала, как пришла в отряд мстить немцам за зверски убитого отца.

Руднев осторожно присел на край кровати и взял девушку за руку. Она открыла глаза.

— Товарищ комиссар. . .— тихо прошептали ее губы.

Семен Васильевич вынул из бокового кармана гимнастерки радиограмму и прочел ее вслух. Это было поздравление. Правительство наградило Нину орденом Красного Знамени.

Девушка закрыла глаза, длинные ресницы тенью упали на щеки. Затем снова открыла их и улыбнулась комиссару.

— Спасибо, товарищ комиссар!

— На здоровье,— тихо проговорил Руднев.

— И еще раз спасибо,— прошептала Нина.— Теперь я обязательно поправлюсь.

— Обязательно,— ответили мы.

Как-то еще в Глушкевичах, не обращая внимания на протесты часового, в штабную хату ворвалась белорусская дивчина. Из-под огромного теплого платка выглядывал лишь посиневший от холода нос да две яркокрасные помидорины щек. Смышленые глаза светились удалью. Домотканная юбка, подоткнутая к поясу на манер широких казацких штанов, делала ее похожей на юнца. На ногах — лапти. Цветные полотняные онучи вымазаны грязью.

Она сразу, с места в карьер, обратилась к комиссару:

— В отряд приймешь, старшой?

Руднев вскинул на нее черным глазом.

— Ошиблась, милая. Самого старшего тут по бороде определяй,— улыбнулся он, подмигнув мне.

Девушка доверчиво оглядела присутствующих.

Шагнув вперед, она шлепнула лаптями.

— Примай в отряд!

После многих ночей марша и лельчицкого боя мы впервые

хорошо выспались, и настроение у нас было поэтому веселое. Штаб еще не начал обычной будничной работы и пока больше походил на собрание друзей.

«Почему бы и не разыграть ее?»

Хмурясь, спрашиваю дивчину:

— А зачем тебе отряд понадобился?

Она недружелюбно оглядывает меня. Но на вопросы отвечает четко, немного с холодком. Только долго сдерживаться, видно, не в ее натуре. Первых нескольких фраз, по ее мнению, достаточно. Видимо, считая себя уже партизанкой, она круто берет инициативу разговора в свои руки. Теперь уже она задает мне вопросы:

— Ты мне вот что скажи, раз ты старшой: на Туров пойдете?

— Какой Туров?

— Город главный. На Припяце!

— Зачем?

— Немца бить! Хэ, партизанчики вы мои милые... Туров — городишко княжецкой...

Развязав платок и откинув его на плечи, сжав яростно кулаки, она продолжает на манер старинной думы:

— Туров-городок на Припяце стоит. Полонили его вражьи германы... н полицай-н-и...

Базыма задумчиво переводит взгляд на меня.

А дивчина в лаптях, со смышлеными глазами, распалившись в каких-то своих мечтах, досадует на нашу непонятливость.

— Я вас проведу. Да с такой силой я бы до самого Бреста дошла. А что Туров? Тьфу! — и смачно плюет на пол.

Руднев, наблюдавший за девушкой, подходит к ней.

— Постой, постой. Тебя как звать-то?

— Ганька звать. Да вы что? Зубы мне заговариваете? Кажите — пойдете на Туров или нет? Что, не верите? Я проведу. Ей-богу, проведу. И одним махом немца разгоним, побьем полицманов...

Убежденная в том, что только непонимание собственной силы мешает партизанам двинуться на Туров, она обращается то к одному, то к другому, просит, объясняет, растолковывает, убеждает.

— Постой, постой, дивчина,— перебил ее Базыма.— Ты кто же тут такая? Уже командовать собираешься? Ты что — распоряжаться сюда пришла или в отряд поступать?

— Поступать в отряд! — поворачивается к нему девушка.— Воевать!

— Воевать! — протянул Руднев.— А ты как думаешь — вот так — трах-бах и воюют? Это уметь надо.

Оиа смерила его насмешливым, презрительиым взглядом.

— А откель ты зиаешь, что я ие умею? Во!

И вдруг выхватывает что-то из-под полы.

— Тю, скажеииая! — бурчит, отодвигаясь от иее, Базыма.— Кой чорт пустил ее сюда? Подорвет еще к дьяволу. А иу, дай сюда.

В подиятой руке Гаиьки поблескивает круглая иемецкая граната, похожая иа чериый апельсии, с иежной голубой головкой запала.

Девушка, подчиияясь суровому взгляду старика, иехотя отдает лимонку.

— Эх, вы... Часовые виитовку забрали. А граиату — ие доглядели. И зачем я, дуриая, сама показала?.. Ну, говорите, пойдете иа Туров аль иет? — безиадежио, чуть ие плача, спрашивает Гаиька.

Комиссар помаиил ее пальцем. Усадив иа лавку рядом, стал расспрашивать, откуда у иее граиата и винтовка. То, что она рассказала, было, пожалуй, обычиое дело для этих мест. Если верить ее рассказу, то Гаиька уже убила иескольких фашистов. Первого она зарезала серпом. Оттащила труп в болото и затопила. Добытым у первого оружием начала действовать смелее. Вместе с двеиадцатилетним братишкой оии нападали иа иемцев-одиночек и убивали их. Подкрадывались к хатам полицейских, швыряли в окна иемецкие гранаты.

Это могло показаться иеправдоподобиым, ио мы уже привыкли встречать на своем пути всяких людей; поэтому и верили и не верили дивчине.

— Займись, Петрович, по приему! Если стоит этого, зачисли в роту. Потом доложишь мие,— сказал комиссар, задумчиво похаживая по штабу.

После подробиых расспросов я вызвал связиого разведки.

— Ну, Гаиька! Вот пока что твое иачальство. Дальше жди распоряжеиий.

И тихо связиому:

— Командиру передашь: распоряжеиие получит во время вечериего доклада.

Связной козырнул, повернулся и направился к двери. За ним пошлепала девушка. Уже иа пороге повернулась и нахмурившись, кинула Базыме:

— Граиату отдай...

Скрипевший пером начштаба повернулся вполоборота и, сдвииув очки иа лоб, глянул на нее через плечо.

— Ладио. Иди, иди, вояка. Будут и гранаты,— не то сурово, ие то одобрительио проворчал ои вслед новой партизанке.

Оиа иедовольио отвериулась и вышла из штаба.

Вслед понесся смешок и шутливые замечания связных, толпившихся в сенях.

Я стал систематизировать черновые пометки у себя в записной книжке.

Со слов девушки я получил представление о туровском гарнизоне. Рассказала она кое-что и о других припятских городках и крупных селах. Задумавшись, я глянул в окно. По улице шагал связной разведки. Рядом, пытаясь попасть в ногу, маршировала новая партизанка. Руднев отошел от окна.

— А что, хлопцы? Пожалуй, права эта курносая? Гарнизончик небольшой. Паника у них после Лельчиц порядочная... Запряжем пятьсот коней! И ударим... Эх, ударим? А? Начштаба?

Базыма неодобрительно покачал головой и показал глазами на дверь.

— Если уж замышлять операцию, то надо держать язык за зубами.

Комиссар заулыбался и поднял руки кверху.

— Ладно, ладно! Шучу, шучу! Конспираторы-операторы. Стратеги доморощенные.

Ганьку определили в разведку.

На Туров мы не пошли. В эти дни нас увлекала идея разгрома Сарнского железнодорожного узла, и нам было не до Турова. Но в разведку я посылал новую партизанку дважды. Оба раза с отделением Лапина. Она отлично знала местность, ловко проводила разведчиков по лесным тропам. Побывав с нею в городке, хлопцы каждый раз возвращались с «языками» и трофеями. Докладывая о выполнении разведки, на мой вопрос: «Как новая партизанка?» — хлопцы одобряли ее смелость, подтверждали знание местности, но все это как-то с холодком, официально. Я видел, что они чем-то недовольны.

Когда же я решил послать ее в третий раз с Лапиным, командир отделения отказался наотрез.

— Да ты сам ее хвалил,— и местность знает... и не дрейфит...

— Ну ее к дьяволу, товарищ подполковник! Уж больно она какая-то... настырная.

— Дела не знает?

— Да нет, дело она знает... Ловкая девка.

— Ну, так чем ты недоволен?

— Дисциплины не понимает. Лезет, куда не надо. В прошлый раз я из-за нее отделение чуть не угробил.

— Что, неужели струсила?

— Да нет... Разведку мы кончили, из города она нас вывела. А на огородах что-то ей в голову взбрело. Гранаток у хлопцев набрала: «Ожидайте меня здесь»,— говорит и опять

в город шмыгнула. Ждал я, ждал, уже светать начинает. Уйти, вроде, совестно, все-таки свой же товарищ. А ее все нет и нет. Потом слышим, стрельба, взрывы. Смотрим — бежит. Ну, прикрыли огнем автоматным... В лес отошли благополучно...

— Но могло быть и хуже?

— Вот этого я и опасаюсь. Не возьму ее с собой. Теперь ей вожжа под хвост попала, как понесет...

— Куда же она ходила?

— А леший ее поймет! В хату полицая какого-то понадобилось ей бросить гранату. Обидел он ее, что ли. Не возьму я ее больше в разведку! Дисциплины не понимает!

Я так и не мог его убедить. Затем началась боевая страда. Мы забыли о Ганьке, занявшись более важными делами.

Недели через две как-то проходил я по улице Глушкевичей. На улице тихо. Базыма утром разослал приказание прекратить движение — день был ясный, опасались немецкой авиации. Изредка, скрываясь в воротах, проходили партизаны. Одинокий всадник мчался галопом по улице. Полы кавалерийской шинели развевались, как крылья большой дикой птицы. Всадник тряс плетью над ушами коня, изредка подогревая его ударами. Только снег летит за копытами.

— Гоняет, скаженная! — недовольно и завистливо сказал часовой.

Только тогда я узнал кавалериста. Это была белорусская дивчина Ганька. Но что за странная перемена в фигуре и одежде!

«Надо вызвать ее, узнать, как освоилась она в отряде».

Через полчаса в штаб вошла Ганька.

Женщины, о женщины! Даже на войне вы любите наряды. Даже в самых примитивных условиях жизни вы остаетесь верны своей природе. И ухитряетесь быть кокетливыми, даже выполняя воинские уставы.

— По вашему приказанию!.. — гаркнула Ганька на весь штаб.

Привычные ко всяким рапортам писари, и те подняли головы от своих бумаг.

Базыма ахнул.

Перед ним стоял небольшого роста казачок. Лихая прическа под бокс, кубанка с малиновым донцем, кавалерийская шинель, волочившаяся по полу, синие галифе, сапоги — все это делало Ганьку неузнаваемой. Вот только голос — несмотря на все усилия говорить хриплым баском, выдавал девушку.

— Как живешь?

— Спасибо, товарищ начштаба!

— В разведке?
— Так точно, товарищ начштаба.
— По дому скучаешь?
— Никак нет, товарищ начштаба!
— Так... Солдат хоть куда... Ну, а как воюешь?
Ганька молчит.
— Что, заело язычок?
— Нет, не заело... Какая это война? Так...
— Ого! А начальство что? Не обижает?
— Никак нет. Премного благодарна, товарищ начштаба.
— Солдат получился из девки хоть куда! — Базыма даже прищелкнул пальцами.

Поговорив еще немного, мы отпустили ее в роту. Но на этом дело не кончилось.

Разведчики невзлюбили Ганьку. Они просто не могли примириться с ее лихостью. Командиры упорно отказывались брать ее на задания, а все старались пристроить к уходу за ранеными или по хозяйственным делам. У нас до сих пор если и ходили девушки в разведку, то в одиночку, без оружия. Это считалось делом женским. Но в боевую разведку, по глубокому убеждению старых разведчиков, женщины не годились. Больше того, слыхал я от них какие-то суеверные намеки: «Баба в разведке — добра не жди».

Хлопцы мои, по своему укладу мыслей, кое в чем походили на моряков времен парусного флота.

Но не на ту напали.

Ганька упорно домогалась своего. Иногда, вопреки желанию командира взвода или отделения, все же выпрашивалась в поиск. Внешне подчиняясь дисциплине, она изредка все же выкидывала свои боевые номера. Понимая, что если так будет продолжаться, ее рано или поздно вытурят из разведки, дивчина нашла выход из положения: стала «покупать» разведчиков. Прекрасно зная окружающие села, говоря на местном наречии, она, как никто, умела проникать в тайны отнюдь не военного значения, но оберегавшиеся полещуками не менее военных. Совершенно секретные сведения о дислокации, производственной мощности самогонных аппаратов, о качестве и количестве их продукции и были объектом этой самогонной тактики. А конспирировались самогонные дела от партизан не меньше, чем от немцев. Ганька вызвалась разыскивать аппараты и так ловко справлялась с этим делом, что разведывательные командиры, скрепя сердце, принуждены были признать ее авторитет.

Так к ней и пристало прозвище «Анька-самогонщица».

В селе Глушкевичи, находившемся в самом центре Пинских болот, мы задумали рискованное дело.

На карте, лежащей на столе у Руднева, был нарнсован небольшой паучок с четырьмя чериыми лапками железиых дорог н сиинми усикамн рек, а сбоку иадпись: «Сарны». Несколько вечеров просидели мы — Рудиев, Ковпак, Базыма, Войцехович и я,— думая, как раздавнть иам «паучка». Повторить лельчицкие «партизаиские Каины», как шутя прозвал Рудиев тот бой,— здесь было невозможно. Город имел значительио бо́льший гарнизон, подступы к нему былн ие в пользу атакующих, а кроме того, к городу вело много коммуникаций,— здесь-то и была главная для иас опасность. Но это н привлекало иас больше всего.

А разведка доиосила, что «паучок» живет жадиой паучьей жизнью. Черные щупальцы дорог лихорадочио гоият на фронт боеприпасы и войска. В обратиую староиу — иа запад — идет награблеииый хлеб, высококачествеиный авиационый лес. И еще — что болью отзывалось в наших сердцах — по рельсам катят запломбированые вагоны, везут в Германию согиаииых со всей Украииы иевольииков, нашнх советских людей.

На столе, в хате штаба Ковпака, карта правобережной Украииы. На севере леса н болота Припятского бассейиа. На юге — степи. Обозначен уже на карте самодельиыми отметками появившийся, по приказу Сталина, новый партизаиский край. Чериыми жилками тяиутся железиые дороги. Узлы: Сарны, Шепетовка, Фастов, Жмериика... Над картой склоиились командиры: Ковпак, Рудиев, Базыма, Кульбака, Бережиой. Руднев, хмуро теребя ус, говорит задумчиво:

— Не эти же леса, дикие и непролазиые болота послал иас завоевывать товарищ Сталин... Вот...— он кинул жестом на юг и показал узлы.

Ковпак согласился.

— Верио... Но без базы тоже немного навоюешь... Надо наиести удар...— он показывает иа южные коммуннкации.

— Но надо и ногн унестн после такого удара...— добавляет Базыма в развитне этой идеи.

— Так что же? Расширить партизанский край... Оргаиизовать новый отряд,— уточняет идею Руднев.

— А если сочетать одио с другим? — спросил Войцехович несмело н стушевался.

Комаидиры сразу повериулись иа его голос. Он иемного осмелел и показал циркулем иа Сарны.

— А верио, жириый паучок. Сводку! — приказал комиссар Горкунову.

Долго читал разведсводку молча.

Да, паучок жнвет жадной паучьей жнзнью... Чериые щупальцы дорог гоият на фронт боеприпасы, войска...

— Гарнизон большой,— чесал затылок Базыма.
— Разведку какую посылал? — спросил меня комиссар.
— Боевую... не дошла. Заставы сильные на дорогах.
— Надо было агентурную попробовать,— додумал за меня Базыма.
— Посылал. Только что вернулась Анька-самогонщица.
Все заулыбались.
— И «языка» привела. Только чудной какой-то. Не то немец, не то поляк. «Проше пане» все говорит.
— Допросил? — спросил Ковпак.
— Еще не успел.
— А ну, давай их сюда,— махнул рукой командир.
Взгляд его кружит вокруг паучка. Жирный паучок. Щупальцы — черные щупальцы железных дорог — раскинул он на север, на юг, на запад и, главное, на восток, туда, к Сталинграду.
Вошел комендант, а за ним Анька-самогонщица. Позади — солдат в невиданном еще нами обмундировании.
— Привела женихa, чернявая? — спросил Ковпак.
— Та привела, товарищ командир, Герой Советского Союза,— ответила смело разведчица.
— Да где ты его подцепила?
— Пристал на дорози... Там такое говорить... Тильки трудно разбирать... А так — смехота...
— Немец, или мадьяр, или що воно такое? — спросил Ковпак, разглядывая форму солдата.
Тот понял и отрицательно замотал головой.
— О нени, нени! Нени герман. Нени герман. Промините, пан офицер.
Ковпак вопросительно взглянул на разведчицу.
— Каже, что не герман он,— пояснила Ганька.
— Ага. А кто же ты? Ты хто? Румын, чи що?
Солдат молчал. Руднев подошел к нему.
— Имя? Намен?
Он посмотрел на Ганьку, она ему подморгнула.
— Я есть словак валечник. Вояк.
— Чешский солдат? — спросил Базыма, вспоминая чехов по австро-германской войне.
— Ано, ано,— обрадовался вояк.
— Не понимаю,— отозвался Базыма.
— Ано, яволь, да, эгэ ж...— сразу на всех языках забормотал солдат.
— Славянин,— сказал про себя Руднев.— Всех против нас собрал Гитлер.
И вдруг солдат зарычал, как волкодав при запахе приближающегося зверя.

— У... Гитлер... У валька... война — у чешска матка сльозы... Гитлер это — шволочь.

Ганька весело засмеялась.

— О, такое он мне всю дорогу говорил. Так он того Гитлера сволочив всю дорогу... Так сволочив...

— Добровольно пришел? — спросил ее Ковпак.

— Пристал за городом. Говорит: дивичка... веди до партизан... Я уже и так и сяк.. Щоб не провалить дела, думала уж — заведу в кусты...— и отчаянная девка, как недавно гранату, выхватила откуда-то из рукавов финку.— А он руки цилует, горькими слезами плачет. Ну, от и привела,— пряча финку, оправдывалась она перед командирами.

— Йо, йо, хороший дивичка, русска дивичка,— подтвердил солдат.

— Добровольно к нам пришел. Не боялся, значит, партизан? — еще раз спросил Ковпак.

— О, о, партизан!! Корошо! Герман — капут! Гитлер — шволочь,— опять закипятился солдат.

— Сарны? — спросил его Рудиев и повел к карте.

— Ано. Сарны — валька, война... Сарны — полк словаков... гаризон,— тыча себя пальцами в грудь и показывая на карту, говорил словак.

— А германов? — спросил Базыма.

— Германов нет было, до вчера. Вчера эшелоны пришли,— он показал на пальцах четыре эшелона,— эсэс... У-у-у, шволочь.

— Ага, верно. Я на вокзале была. Выгружались эсэсовцы,— подтвердила Ганька.

— А может быть, они проездом? — высказал надежду Войцехович.

— Нет. Я обратно уже по огородам вийшла. На всех дорогах нишпорят, а на заставах машины и танкетки стоят.

— А ну, выйди с ним в сени,— сразу резко оборвал беседу Ковпак.

Ганька, комендант и словак вышли.

— В лоб теперь не возьмем,— потер бритую щеку комиссар.

Базыма согласился.

— Снаряды на исходе,— осторожно поддакнул он.

— И окружением тоже...— продолжал комиссар.

— И патронов не густо...

Рудиев мрачно вглядывался в карту.

— А его нужно раздавить. А раздавить мы не в силах,— и комиссар грохнул кулаком по карте.

— Одно ясно, ни в лоб, ни путем окружения взять мы его не в силах,— сказал сидевший до сих пор молча Ковпак.

Он лег на карту животом, надел очки и стал шарить взглядом по карте вокруг да около Сарнского узла. Руднев сделал знак командирам, и все застыли не дыша, чтобы кашлем или неосторожным словом не помешать командиру. А он, как зверь вокруг добычи, делал круги все больше и больше, захватывал взглядом сотни километров. Затем снова стал сужать петлю, пока не остановился... Потом вынул из халявы большой столярский карандаш.

Все облегченно вздохнули.

— Крест. Поставить крест на Сарнах... О тут, и тут, и здесь,— и командир ставил знаки в тех местах, где железная дорога пересекала извилистые реки.

Руднев уже подхватил его мысль:

— Правильно... Подорвать мосты! Сколько? Четыре?

— Можно и пять,— показал Ковпак на карте.

— Обрезать концы,— детализировал замысел Руднев.— Обрубить щупальцы со всех сторон, в одно время, в один час, чтобы сразу застопорить движение с запада на восток. Не дать немцам обходных путей на юг, на север. Полностью вывести узел из строя на подступах к нему.

— О це и буде — Сарнский крест,— встал из-за стола, отряхиваясь как после сложной борьбы, Ковпак.

— В одну ночь должны взлететь на воздух мосты. Это сложно... Надо пять самостоятельных групп, пять командиров,— сомневался Базыма.

— Командиры у нас есть,— крикнул на ходу Ковпак.

Базыма продолжал думать вслух:

— Связь конными исключается, ракетами тоже.

Он измерил по карте расстояние — 50—80 километров!

Руднев немного насмешливо «поддержал» начштаба:

— И между соседями, выражаясь фронтовым языком, десятки километров территории, занятой противником.

Ковпак сплюнул и стал крутить цыгарку.

— Да тут и сам чорт не разбере, кто кому соседи и где тут фронт, а где тыл...

Руднев громко засмеялся:

— ...и где фланги... Да, трудно определить тактическую сущность этого дела. Операция не фронтом, а крестом. И каждый из командиров, повернувшись лицом к центру, то есть к своему объекту, будет иметь двух соседей справа, одного слева и одного в центре... Поняли, хлопцы?

— А той, що в центре, со всех сторон окружен врагами и четырьмя соседями сразу... Чудно́... и правильно,— Ковпак засмеялся и запалил цыгарку.— Разработать надо каждый шаг, самое главное — это кого выделим на каждый мост. Рассчитаем маршрут и привлечем местных людей для

разведки и оповещения,— ходнл ои по хате, дымя самокруткой.

— Кого же выделим?

— Главные силы в центре — наш отряд пойдет... Антоновка — Цымбал, Домбровицы — Бережиой, Матющенко — на юг!

Рудиев добавил, ие забывая о пятом мосте:

— На Горыиь — Кульбака...

Дело в том, что железные дорогн в Сарнах перекрещиваются: с севера иа юг — нз Бараиовнчей в Ровно и с запада на восток — из Ковеля в Киев. В Сариах онн встречаются и расходятся иа все четыре стороны. А в иесколькнх десятках километров от узла дороги пересекают большое колнчество рек. Одиовремеиным взрывом четырех-пяти мостов иа подступах к Сариам решалась судьба узла, хотя ои сам оставался нетроиутым.

В одиу иочь должны взлететь иа воздух мосты, и злой «паучок» должеи надолго прекратить свое существоваиие. Так родился замысел операцин, н так же точио оиа должиа была быть выполнеиа.

Снег, густо покрывший землю, позволнл проводить операцию бесшумио н быстро. Мы выбрасывали роты с далекого расстояиия, оставляя основную массу обоза н всю громоздкую махину отряда на сотню кнлометров в стороие от места диверсий. Это давало иам возможность сохраиить элемент внезапиости иападеиия. Лошади, отдохиувшие после походов, по хорошей саииой дороге за сутки могли вывезти иашн боевые группы иа исходиое положенне. Операция была экзамеиом на зрелость нашего командного состава, иа его органнзаторские способиостн. В то же время оиа была экзаменом на зрелость и средиего звеиа партизаиских офнцеров.

Вся сложность иашего задания заключалась в том, что мосты должиы были взлететь иа воздух в один и тот же час.

Каждый из пятн комаидиров, решавшнх общую задачу, в выполиеиии ее был предоставлеи самому себе.

Операция была рассчнтаиа иа три дия: выход иа исходные позиции, взрыв мостов и возвращенне к иашнм главным снлам.

Связи между комаиднрами, как я сказал, ие было. Каждый из них мог зиать обстаиовку только иа одиом из пяти участков. Поэтому поиятио, как волновались мы, ожидая возвращення рот. Только Цымбалу, рвавшему самый крупный и дальиий мост, придали рацию для связи со штабом.

...Тихая морозиая ночь. По лесной дороге движется отряд Кульбаки. Комбат дремлет иа повозке.

— Товарищ Кульбака! Тут сапер до вас добивается. Все говорит — изобретеиие у него есть...

Кульбака сонно сказал связному:

— От морока. Тут толу мало на мост, а он со своими изобретениями лезет...

Связной нерешительно почесал за ухом плеткой.

— Дуже просится. Говорит — срочное изобретение...

— Ну, давай.

Сапер-Водичка догнал сани Кульбаки.

— Товарищ командир, по вашему приказу явился.

— Чего надо? Сидай на сани, говори толком...

— По секрету доложу, что толу для подрыва моста у нас маловато. Как какой мост... Если настоящий мост, так, пожалуй, не возьмет...

— Ну, и шо ты надумал? — оживился комбат.

— Есть такая думка: так что можно противотанковыми минами заряд усилить...

— Ну, шо ты мелешь? А где я этих мин возьму? — сказал с раздражением Кульбака, поднимая повыше воротник тулупа.— Булы б у меня мины, я б и без тебя...

— Тут же фронт проходил. Не может быть, чтобы не осталось минных полей, товарищ командир. Надо только мужиков расспросить...

Сани скользили с тихим скрипом. Кульбака сразу повернулся к саперу лицом.

— А сколько времени тебе надо?

— На мину — пять минут.

Сапер задрал к небу голову и, словно считая на небе звезды, докладывал командиру:

— За два часа натаскаем десятка два... Этим мы усилим два заряда на крайнюю ферму...

— Сейчас разведку пошлем,— заторопился комбат.— Ну, чего еще? — спросил он, когда сапер, сев на коня, отъехал, а затем снова догнал сани.

— Только один уговор, товарищ командир,— щоб спекулянтом не звали. А то что же это получается? Я поле разминирую, дядьки мне за это благодарность выносят хлебом, или салом, или обмундированием. Потому им от этого — одна польза. А в отряде потом скажут: какой ты партизан? Ты спекулянт! Обидно, понимаете...

— Понимаю. Только на этот раз щоб никакой благодарности... Понятно?

— Понятно. Чисто по-деловому.

Кульбака свистнул связному:

— Командира разведки Шумейка — ко мне!

Связные поскакали вдоль колонны, осыпая ездовых комьями снега из-под копыт коней.

Штаб вторые сутки работал без перерыва. Базыма, Войцеховнч, Тутученко не вылезали нз хаты. Штабная кухарка тетя Феня носила им туда обед и ужин. Ковпак и Руднев ездили по ротам и батальонам. Они готовили, на всякий случай, резервные группы и прикидывали в уме всякие варианты.

А в это время, на реке Горынь, возле станции Антоновка, Цымбал со своей второй ротой подползал к зданиям вокзала. Уже полчаса тому назад он заметил, что на станции что-то неладно.

Вначале думал, что гитлеровцы обнаружили его роту. Отдал приказ. Хлопцы залегли. Только разведка ужом подползла к полотну железной дороги.

Но немцы метались по станции бестолково и бесцельно. Онн то устанавливали пулеметы в одном месте, то тащили их в другое. Вот пробежал полицейский, на ходу срывая полицейскую повязку с рукава. Долетали немецкие слова: «...Ахтунг, Кальпак!» Цымбал лежал в кювете и напряженно думал: «Что бы это могло значить?» Из-за угла бесшумно подползали два разведчика.

— Товарнщ командир! Похоже, фрицы на новую фатеру собираются.

Но прошло еще несколько минут, и все стало ясно. Немцы оставляли небольшой заслон на станции, а главные силы бросали на охрану моста и для усиления гарнизона города Сарны.

В штабе соединення нервы у всех были напряжены до предела. Время подходило к условному часу. Руднев ходил по хате широкими шагами. Садился. Вдруг стукнул кулаком по колену.

— Время! Время уже. К чорту! Лучше было бы самому, чем тут вслепую сидеть...

Распахнулись широко двери и, словно родившись из клубов морозного тумана, вбежала радистка Катя.

— Товарищ командир,— она протянула Ковпаку бумажку, вырванную нз блокнота,— Цымбал ведет бой с...

Ковпак выхватил из ее рук радиограмму.

— А ну, прикуси язычок, дивчина!

Комнссар через плечо Ковпака прочел текст.

— Так и знал. Так и знал. Не умеют маскнроваться, не хотят действовать скрытно. Всё напролом. На «ура»... Сорвут операцию.

Ковпак снял очки.

— Зачекай, комиссар. Ты, радистка, больше не звонн. Это раз. Ну, теперь думай, комиссар, чем ему помочь.

— Помочь ему можем сейчас только советом.

— Та больше нечем. Но чем же мы, старнкн, ему... Эх, молодо — горячо... Що ему такое разумное...

Комиссар подошел к карте. На ней были нанесены жирными чертами интересующие нас объекты. Недавно приходил Вася Мошин со своей «библией», читал сводку Совинформбюро. Правда, она была за вчерашнее число. Поэтому на столе лежала, как всегда, вторая карта, карта Волги, и на ней грубо, на глазок нанесенная обстановка фронтов. И Сталинград, очерченный красными стрелками. Вот, зажатые в тисках сталинских армий, отборные войска фашистской Германии. Ковпак склонился пониже над картой. Опять напялил очки. И вдруг глаза его блеснули озорным огоньком. Руднев, хорошо зная эти вспышки творчества у своего друга, поднял руку, как бы приказывая нам замереть и неосторожным словом не помешать плавному ходу мысли командира.

— Гляди, Семен... Товарищ Сталин врага отсюда стянул. Ага? А потом що? А потом он его, как волка в капкане, прижал. Бачишь? Нам же надо на своих, пускай и маленьких масштабах сталинскую науку применять... Що нам надо? Нам надо немца убедить, що для нас город — самое главное. От они с Цымбалой бой ведут чего? Они думают, що он к мосту идет. А он должен сейчас на Сарны...

Дверь распахнулась, и в избу, как всегда шумно и весело, вбежал Горкунов.

— Пошел Черемушкин в разведку...

На него зашикали сразу несколько человек. Горкунов в недоумении остановился.

Ковпак крепко потер лысину.

— От чорт. Мысль перебил. Самое главное, самое главное сейчас... Щоб тебя черти взяли с твоей разведкой...

Но Руднев уже схватил идею Ковпака на лету. Он подошел к нему и сказал тихо:

— Не сердись, старик. Самое главное сейчас — есть ли радиосвязь с Цымбалом...

— Была связь все время,— подтвердила радистка.

— Значит, и совет мы ему дадим такой, как Сталин нас учит.

Когда, по нашим расчетам, роты должны были выйти на исходные позиции, я поздно задержался в штабе. Возвращаясь, я заметил фигуру человека в высокой черной шапке и кожухе. Это был Руднев. Он ходил взад и вперед, нервно потирая руки, и поглядывал на часы.

Вскоре к нам подошел Ковпак. Он умостился на бревне, как в седле. Закутался в шубу и поднял воротник.

— Передохни, комиссар. Больше не думай. Теперь, що б ни придумал, оно без пользы. Началась эта инерция.. Растак ее в печинку. . Взорвут мосты так взорвут. А не выйдет — так что, голову тебе свою на рельсу класть?..

Руднев молча ходнл по утоптанному снегу, скрнпевшему на морозе.

— Нет, Сидор Артемьевнч, не в мостах здесь дело. Не взорвет Цымбал — ведь я тебя знаю — сам пойдешь! Для этого н эскадрон Усача в резерве держншь.

Ковпак хмыкнул н завозился на бревне:

— А ты що, не пойдешь, что лн?

— Пойду...

— И голову свою горячую в пекло сунешь...

— Не об моей голове тут речь... Ведь это испытанне, экзамен всей нашей годичной работе. Взорвут мосты — это значит, есть у нас пять партнзанскнх команднров, которые уж н без нас народ поведут.

Помолчалн, прислушалнсь.

— От менн Цымбал спокою не дает... Понял он нас как следует?

— Еслн правильно мы его вели целый год — значнт, понял, а не понял — пеняй на себя...

На юге раздался взрыв, прнглушенный расстоянием и мягкнм ковром лесных массивов. В нную ночь мы, может быть, н не услышалн бы его. Но ночь была ясная, безветренная, морозная. Скрнпел под ногами снег, светящееся кольцо вокруг луны мерцало на фоне звезд.

Семен Васнльевнч остановнлся н замер, прнслушнваясь, как будто он хотел услышать эхо еле слышного взрыва, и после паузы сказал:

— Молодец Матющенко!

Снова сделав несколько шагов, Руднев поднял руку. Казалось, мы не услышалн, а лишь инстннктивно почувствовали, как где-то, севернее, дрогнула земля, передающая детонацню шестнсот кнлограммов тола.

Руднев с удовольствнем потер рукн н хлопнул меня по плечу:

— Ну, учнсь, академнк! Чнстая работа! — сказал он, картавя от волнения больше обычного.

Через несколько минут прямо на западе, растворяясь в ярком свете луны, вспыхнуло зарево.

— Бережной, Бережной работает! — проговорнл Руднев.— Но почему же взрывов нет? Что онн там жгут, чертн?!

Зарево подымалось вспышкамн, похожнмн на взрывы, их было много, но звук до нас не доходнл.

Наконец, грянул пятый взрыв.

— Цымбал! Цымбал! — крнкнул Ковпак, сорвавшнсь с места.— А я що казав?.. Понял нас. Понял н выполнил. Не может того быть, щоб не помогло.

Мы еще долго ходнлн с Рудневым, прнслушиваясь, что же

принесет нам единственный связной в этой странной операции — тихий морозный воздух Полесья.

Это было в ночь с четвертого на пятое декабря 1942 года. В эту ночь, за полторы тысячи километров к востоку от нас, войска Красной Армии под Сталинградом завершали окружение армий Паулюса. А Сарнский крест — это была посильная помощь партизан Ковпака героической Красной Армии, отныне начавшей поворотный путь к великим победам.

На следующий день вернулись роты, и мы из их рапортов окончательно убедились в том, что дело удалось полностью. Черные щупальцы железных дорог были обрублены со всех сторон, а одно — даже дважды. Ясно было, что жирный «паучок» надолго захиреет.

От бойцов роты Цымбала и от него самого мы узнали детали выполнения совета, который ему дало командование в критический момент. Рота Цымбала вела бой. Вдоль дороги, по которой двигался обоз роты, засели немецкие цепи. Цымбал залег с резервным взводом на опушке лесной вырубки.

Раненый связной стонал от боли, зубами стягивая узелок на забинтованной руке.

— Товарищ командир, не пробьемся. На делянке их — как саранчи. Из рубленого леса брустверы выложили и секуть... секуть, из пулеметов. Патронов у него до чорта... Не пробьемся... Надо в обход, товарищ командир... искать хода надо...

Цымбал глянул на часы.

— Поздно. Не успеем к сроку,— он взглянул на планшет с картой.— Нет! Пойдем на штурм, как только стемнеет!

Пуля срезала над ним ветку. Он поднял ее, посмотрел и задумался.

Раненый партизан сел на землю и прислонился к сосне.

Цымбал думал горько: «Нет, видно, еще не гожусь я в командиры. Мое дело — вперед! Ура! А там, сзади, сидит дед Ковпак и комиссар Семен Васильевич и маракуют насчет моей жизни. Где мне наступать, а где отступать... А тут голова кругом идет. Эх, видно, нет у меня той командирской смекалки...» Он сочувственно поглядел на раненого связного и сказал громко, с досадой:

— А тут еще от командиров нет никаких приказов. Третий раз запрашиваю...

Раненый связной при последних словах Цымбала порылся за пазухой и протянул комбату листок с радиограммой. Как бы оправдываясь, добавил:

— Я в бою был... От тут радист вам передавал...

— От чорт... чего же ты? — Цымбал схватил радиограмму.

«Отходить на город, демонстрируя наступление на гарнизон. Задачу с мостом выполнить при возможности. А противника обмануть обязательно. Ковпак. Руднев».

Подбежал командир резервного взвода. Он волновался, ожидая момента, когда комроты решит бросить его в бой.

Цымбал, схватив автомат, на ходу отдавал приказания командирам взводов: «Бегом, в цепь! Отход!»

Связной заковылял, забывая о ране, на фланг растянувшейся роты.

Цымбал говорил командиру резервного взвода:

— Читай... Сейчас рота выходить из боя будет. Задача тебе — прикрывать отход... Постой! — Он быстро вынул карту и нарисовал на ней стрелки: ложный удар вдоль дороги и действительный — по городу... Даже успел полюбоваться своей работой. Такую уверенность почувствовал он после получения радиограммы.— Так, еще подправим. Подрисуем окружение города.

Показывая свою работу, он спросил комвзвода:

— Понятно будет? Теперь задача,— он вложил карту в планшет: — надо, чтобы эта планшетка немцам досталась. Отут мы ее бросим... Только, чтобы наши не подобрали... Нет, лучше будешь отходить последним и бросишь.

Бой приближался. Цымбал пожал руку комвзвода.

— Отходят. Ну, прикрывай. Смотри, планшетка чтобы у немцев была... Эх, жалко карты... Ну, ничего не поделаешь.

Лесом отходили бойцы. Несли раненого. Цымбал крикнул:

— Хлопцы, даешь на город! Хлопцы, ура!..

Рота подхватила...

Заработали пулеметы прикрывающего взвода.

Выходящие из боя на бегу валились в сани и вскачь неслись за Цымбалом. Впереди ротной колонны, стоя в санях, он балансировал с вожжами в руках, лихо свистел и кричал:

— За мной, галопом, гайда, хлопцы!

Раненый связной свалился ничком в солому командирских саней. Он видел только спину командира, мимо мелькали сосны, кусты, и бешеным галопом бежала по верхушкам сосен луна вслед за ротой Цымбала, словно взбесившийся фашист, пытающийся перехватить его на пути к Сарнам. Противник снял большую часть охраны с мостов на помощь сарнскому гарнизону. Таким образом, Цымбал своим маневром помог остальным четырем группам и блестяще выполнил задание, опоздав сам на полтора часа.

Вечером Ковпак созвал командиров, выслушал их доклады и положил на карту правую руку с покалеченными еще в первой мировой войне двумя пальцами. Загребая рукой по карте,

он как бы захватывал в горсть города, мосты и дороги, сжимая кулак над картой, словно в нем был кусок творога. Казалось, что сейчас из немцев сыворотка потечет.

— Заждить ще трохи, хлопци. Дочекаются гитлеровцы в этих лесах та болотах, пока им жаба цыцьки даст!

...Экзамен на зрелость партизанские офицеры выдержали. Кто же были они, эти люди, осуществившие по частям столь сложную операцию?

Цымбал — сержант родимцевской дивизии, которая в эти дни дралась в Сталинграде, а он за тысячу с лишним километров от нее перерезал важный нерв врага.

Кульбака — кооператор, председатель потребительской кооперации города Глухова, Сумской области, участник финской кампании. Он организовал партизанский отряд и вначале действовал самостоятельно, а затем объединился с Ковпаком, став командиром второго батальона.

Бережной — разведчик Красной Армии. Парашютист. Молодой чернобровый украинец, веселый и жизнерадостный. Он прекрасно ориентировался на местности. Его полюбили ковпаковцы за веселый нрав. Особенно его любили разведчики.

Из этих людей, как и из многих других, выковались в дальнейшем прекрасные командиры полков, батальонов ковпаковской дивизии.

Гитлеровцы забесновались. Разведка донесла, что на местах разрушенных мостов они организовали перегрузку вагонов. Чтобы помешать им в этом, мы сразу выслали засады, которые обстреливали места перегрузки, пускали под откосы поезда с материалом для ремонта мостов. Разведка доносила, что это успешно начатое нами дело под корень подсекло представление даже наиболее отсталых крестьян о том, что немцы непобедимы. Мужики охотно принимали наших разведчиков, сообщали им последние данные о противнике, ходили по заданию нашей разведки в Сарны и другие городишки, узнавая все, что нам было нужно.

Там же, на большом двухсотметровом деревянном мосту у Домбровицы, сожженном Бережным, произошел комический эпизод, который очень насмешил нас.

Когда Бережной шел на мост под Домбровицей, он взял в ближайшем селе проводниками двух стариков, которые, поняв, что за люди, куда и зачем их ведут, особенно рьяно взялись показывать партизанам дорогу. Они многозначительно подталкивали друг друга в бок и всю дорогу закатывались тихим смехом, в лицах представляя, какие удивленные рожи будут у гитлеровцев, когда они наутро увидят, что случилось с мостом. Один из стариков сбегал за топором и пилой и стал пилить телеграфные столбы и рубить проволоку связи. Мост

наши партизаны подорвали, а потом зажгли. Старички восхищались их работой и долго провожали диверсантов. Разведка, прибывшая через несколько дней проверить результаты диверсии, рассказала, что произошло там на следующий день.

Из Сарн на место диверсии выехала немецкая техническая комиссия и, подъехав к тому месту, где раньше был мост, увидела только торчавшие над водой его обгоревшие ребра.

Комиссии уже знакома была диверсионная партизанская работа, и это зрелище не особенно ее поразило. Но что это за большие круглые шары, почти касаясь воды, свешиваются на длинных веревках с обгоревших ребер моста? Кто-то из членов комиссии хотел подойти поближе, но его остановили.

— Не трогайте, может произойти несчастье.

На следующий день приехала другая комиссия и установила, что мост можно было бы восстановить за две недели, если бы не эти странные круглые желтые предметы, угрожающе повисшие над водой. Решили запросить высшее начальство, и только в третий раз сопровождавший комиссию местный полицай, понявший наконец, что так затруднило немцев, пошел по обломкам моста, подтянул на канате загадочные предметы, оказавшиеся обыкновенными тыквами, снял их и положил к ногам недоумевающей комиссии. На ломаном немецком языке он объяснил им, что это за вещи, и, не выдержав, громко рассмеялся. Начальник комиссии, типичный толстый немец, не мог простить ему этого смеха и мудро решил:

— Если бы он не был связан с партизанами, он никогда не полез бы так смело на мост доставать эти... штучки.

И «бедного» полицая арестовали.

До немцев так и не дошел смысл странной затеи. Я же уверен, что тыквы были повешены двумя стариками-украинцами, больше нас торжествовавшими по случаю удачной диверсии. Это сама Украина, верная старинному обычаю, преподносила немцам «гарбуза» [1].

Наш партизанский край корнями врастал в народ.

19

«Сарнский крест» не мог пройти нам даром. Дней через десять разведка стала подавать тревожные сигналы. В Коростене, Олевском, Ракитном начали концентрироваться вражеские войска. Подбрасывалась артиллерия.

Ни с того ни с сего колонна немцев, выехавшая со стороны Столина в Старое Село по узкой лесной дороге, окружила

[1] По украинскому обычаю, невеста, не желающая выходить замуж за немилого, во время сватовства вместо платка и рушника подает ему «гарбуз», то есть тыкву.

село, порубила большую часть населеиия, а село сожгла. В этом селе иикогда не было наших партнзан. Его ие посещала даже разведка. Вндно было, что гитлеровцы нервиичают.

Желая затянуть ремонт и восстаиовленне мостов, мы разослали диверснонные группы и, ожндая возвращения их из далекнх рейдов, долго задержалнсь иа одном месте. Это давало протнвннку возможность разведать иашу стоянку.

Внезапно наступнвшая оттепель согнала первый сиег. Нам пришлось снова перейтн на повозкн. Ковпак затягивал решенне на марш, ожидая морозов.

18 декабря иемцы заняли все близлежащие с юга и запада села. Силы у них былн солидиые, но все же наше командоваиие решило дать бой, чтобы отвлечь вннманне протнвиика от мелких групп, возвращавшнхся с диверсий.

В первую иочь после боя, пройдя село Прибыловичи, мы оставили озеро, на котором Ковпак пытался оргаинзовать самолетную посадочную площадку для вывоза раненых. За время рейда из Брянскнх лесов на правый берег Диепра и Припяти раненых у иас накопнлось порядочио, к тому же надо было получнть боепрнпасы, которых тоже оставалось маловато.

В середине иочи мы подошли головной колонной к большому селу Бухча. Здесь находились лесничество и лесной комбинат. На окраине Бухчи был иебольшой поселок с каменіымн зданнямн н солндными деревяииымн строеиннями: школа-десятилетка, лесннчество, много большнх сараев. Главная улица — мощеная и с тротуарами. Эта часть деревнн выросла в пронзводствеиный поселок.

Разведка, которую мы выслали накаиуне по предполагаемому путн следования, вернувшись вечером, доложнла, что Бухча свободна. Поэтому иаш иочной маршрут был проложен через нее. Но когда вторая маршрутиая разведка, идущая впередн колонны, вошла в село, она доложнла, что Бухча занята протнвнпком. Вечером же, после нашего разведывания, в село въехала немецкая колонна. Крестьяне крайних хат точно не знали количества прнбывших немцев, ио говорилн, что подводы ехалн по улнце довольно долго, и смельчакн насчнтали их не менее сотнн. Немцы расположнлись в школе и в каменных и деревянных зданнях вокруг нее.

Горкуиов, помощник иачальника штаба по разведке, сам побывал на краю села и, возбужденный, вернувшись вместе с разведчнкамн, доложнл командиру н комнссару обстановку. Он лнхо козырнул и попроснл командира поручить ему дело по разгрому вражеского бухчннского гарннзона.

Горкунов был любимцем Рудиева. Его биография и приход в отряд очень нитересны.

Зимой 1941/42 года Ковпак и Руднев совершали свой первый рейд по Сумской области. Стояли жестокие морозы. Тогда еще небольшая — в несколько сот человек — партизанская группа, руководимая Ковпаком, еще только нащупывавшая рейдовый метод партизанской борьбы, однажды с ходу заняла село в степи. На перекрестках дорог были выставлены заставы. На одну из таких застав и напоролся бывший лейтенант Красной Армии Горкунов. Он был ранен на правобережье Украины, попал в окружение и в плен. Затем ему удалось бежать, достать липовые немецкие документы и штатскую одежду. С ними он пробирался на восток, стремясь перейти фронт. Фронт был уже далеко от Сумской области, и гитлеровцы устанавливали здесь свой «новый порядок». Во многих селах они организовали полицию. Правда, среди крестьян ходили слухи о партизанах, но никто толком о них ничего не знал. Для того чтобы проходить через все полицейские заставы, караулы и посты, установленные гитлеровцами в каждом селе, Горкунов придумал себе вымышленную биографию, подкрепив ее соответствующими документами. Он выдавал себя за купца, доставал какой-то товар, а в удостоверении было сказано, что он направляется на восток по своим коммерческим делам. Так от села к селу Горкунов пробирался к фронту, пока его не задержала наша застава.

Командир заставы посмотрел документы и, ничего не расспрашивая, сказал бойцу:

— Ладно, чего с ним разбираться, веди его в штаб.

В штабе сидела группа партизан. Горкунов зашел, скинул шапку и громко отрапортовал:

— Здравия желаю, господа полицейские!

— Здравствуй,— не поднимая головы, ответил черноусый человек, склонившись над бумагой. Рядом с ним сидел другой и печатал на машинке. Отложив бумагу в сторону, черноусый стал задавать приведенному вопросы. Горкунов хорошо затвердил свою уже не раз рассказанную «биографию», он затараторил ее быстро, весело, с уверенностью и убедительностью. Он рассказывал, как хороший актер. В этом рассказе, как в заправском драматическом монологе, было все рассчитано и проверено. Вначале он должен был разжалобить слушателя, говоря о тех переживаниях, которые он, как сын кулака, испытал за последние годы жизни при советской власти. Затем рассказал о том, как он был на Соловках, как бежал оттуда. Нужно было еще вызвать у слушателей-полицейских, набранных немцами из уголовников и всяких сомнительных элементов, ненависть к большевикам, затем отпустить пару шуточек, чтобы показать, как он «водил за нос» командиров Красной Армии, своими действиями помогая немцам.

Человек, сидевший за машинкой, перестал печатать и начал с интересом прислушиваться. Из соседней комнаты тоже показались какие-то лица. Горкунов почувствовал себя в зените своего актерского успеха. «Ну вот, кажется, и этих провел», — подумал он и поставил точку.

— Все? — спросил черноусый, поднимаясь из-за стола.

Горкунов утвердительно мотнул головой и вынул из кармана объемистый кисет, доверху набитый махоркой.

На плечи черноусого поверх защитной гимнастерки, подпоясанной военным ремнем, была накинута шуба. Горкунов заметил, что такие ремни носили и полицейские, но у черноусого была пряжка со звездой. Он еще во время рассказа обратил на это внимание, но решил, что, видно, тот не успел ее сбить. Вдруг от резкого движения черноусого шуба сползла у него с одного плеча, и на гимнастерке блеснул орден Красной Звезды. Горкунов от неожиданности даже присел на лавку. «Влип, ох, влип!..» — подумал он. Черноусый вышел из-за стола и подошел к «купцу» вплотную. Горкунов встал и вытянулся.

— Все? — спросил черноусый.

Горкунов молчал. Да и что он мог говорить в такой момент? Партизаны за столом загалдели. Послышались слова: «Товарищ комиссар!»

Горкунову стало ясно, куда он попал.

Черноусый стоял и смотрел на него.

— Ну, что еще можешь рассказать?.. — спросил он, пристально глядя ему в глаза, и добавил: — Сукин сын...

— Братцы, товарищи... начал Горкунов.

— Ладно, знаем, — оборвал его Руднев — это был он — и крикнул в соседнюю комнату: — Дежурный, уведи этого типа в караульное помещение!

Горкунов вошел в караулку, лег на нары, закинул руки под голову и, безразлично глядя в потолок, мучительно гадал: «Расстреляют или не расстреляют?» Он не успел в штабе никого угостить табаком. Сейчас к нему заходили партизаны и, закурив, выходили снова. А двое задержались в караульном помещении и уселись на лавку напротив Горкунова. Один из них, парнишка лет семнадцати, с черными густыми бровями, болтая ногами, в упор с мальчишеской наглостью смотрел на белые чесанки Горкунова и, явно издеваясь над ним, говорил:

— Хорошие валенки у «купца». — И, подмигнув товарищу, усатому человеку, которого он назвал Сашкой, продолжал: — Подойдут, а? Как думаешь? — и хлопал себя по икрам.

— Можно примерить, Радик, — ласково посоветовал усатый Саша.

— Ну, ладно, — издевался мальчишка, — примерим, когда будем его... — и он выразительно щелкнул языком.

«Расстреляют», — с тоской подумал Горкунов. Он порывисто встал и подошел к ним. Усатый расстегнул кобуру.

— Ну-ну, ты потише! — угрожающе сказал он.

Мальчишка продолжал болтать ногами, не отрывая любопытных глаз от Горкунова.

— А ведь военный человек, — заметил он Сашке. — Ишь, вытягивается как: руки по швам держит. Вот только у немцев в плену не был. Немцы пленных совсем другую стойку «смирно» учат делать.

Горкунов ухватился за это замечание и, присев рядом с мальчиком, стал торопливо и горячо, боясь, что ему не дадут договорить, рассказывать о себе всю правду. Рассказал о том, что он лейтенант Красной Армии, о том, как трудно ему приходилось во вражеском окружении, что он пережил. Мальчик с увлечением слушал. Казалось, он уже готов был поверить рассказу, но потом, спохватившись, иронически, недоверчиво улыбался и небрежно цедил:

— Валяй, валяй!

В это время на улице неожиданно затрещала пулеметная очередь, за ней — другая. Послышалось характерное кваканье немецкого миномета. Затем наступило маленькое затишье, и опять вспыхнула перестрелка. Партизаны стремглав высыпали на улицу. Через минуту Горкунов вышел за ними. Часового у крыльца не было. По улице бегали люди, во дворах запрягали лошадей. Бой разгорался.

Горкунов посмотрел на огород... за ним чистое поле и дальше кусты. «Самый подходящий момент удрать», — подумал он и медленно пошел к огороду. Затем остановился. Ему было ясно, что он попал к партизанам, и к партизанам необычным. Вблизи больших лесов не было, а эти партизаны стояли в селе.

«Видно, отчаянная публика собралась. Да, неладно я к ним попал»,— рассуждал он, шагая по огороду. Потом остановился и стал завертывать цыгарку. «Эх, была не была,— решил он.— Расстреляют так расстреляют! Лучше уж от своих погибнуть...» — и повернул обратно.

Горкунов подошел к обозу, который выстроился вдоль улицы. На одних санях, покрытых брезентом, лежало оружие: несколько ручных пулеметов, винтовки. Он подбежал к ездовому:

— Слушай, парень, дай винтовку.

Тот поглядел на него и спросил:

— Что, небось, убежал из боя? Винтовку потерял, а теперь я тебе давай. А ты ее завоевал, шляпа? — но, заметив в зубах

Горкунова цыгарку, глотнул слюну и уже милостиво добавил: — А «сорок» дашь?

Горкунов с готовностью вынул кисет и высыпал в пригоршню ездовому почти весь табак.

— Ладно, выбирай, какая понравится,— предложил удивленный ездовой и гостеприимно распахнул брезент.— А патроны у тебя есть? — спросил он.

Горкунов пожал плечами.

— Ну то-то ж, бери немецкую,— говорил ездовой, смачно затягиваясь.— Для начала я тебе обойму патронов дам, а остальное уж от тебя зависит... горе-вояка.

Горкунов схватил обойму, зарядил винтовку и побежал на выстрелы. Он выбежал на окраину села, залег и стал стрелять на выбор. В Красной Армии он считался отличным стрелком, но первые два патрона промазал, так как сильно волновался, да и винтовка для него была непривычная. Немцы в это время поднялись в атаку. Позади партизан раздалась команда:

— Не стрелять! Подпускать ближе! Бить только в упор!

Подпустив гитлеровцев шагов на двадцать, партизаны ударили сразу, залпами и очередями, а затем пошли в контратаку. С ними бросился и Горкунов.

В этом бою он добыл себе гранаты, патроны и, удовлетворенный, возвращался с боя прямо к штабу, закинув за плечи немецкий карабин. А возле штаба в это время Руднев распекал дежурного за то, что он упустил арестованного, пытаясь добиться, когда именно тот убежал: во время боя или до него. У комиссара было подозрение, что Горкунов, удрав, привел немцев на место стоянки партизан. Арестованный с карабином за плечами в это время весело подошел к Рудневу, встал по команде «смирно» и спросил:

— Что прикажете делать дальше?

Мимо проходила, возвращаясь из боя, группа партизан. Один из них сказал, обращаясь к товарищу:

— А ничего новичок воюет. Смело. Немного зарывается вперед, но воюет хорошо, стреляет метко...

Услышав это, комиссар подозвал бойца, отвел его в сторону и стал расспрашивать. Тот рассказал, что видел нового партизана в бою. Комиссар подошел к Горкунову и приказал ему следовать за собой в штаб. Там сидел и молодой парнишка, называвший черноусого комиссара отцом. Это был Радик, сын Руднева.

Горкунов, торопясь и очень волнуясь, быстро повторил свой уже настоящий рассказ комиссару. Тот сидел, задумчиво теребя ус. А потом вызвал командира шестой роты:

— Получай нового партизана.

Командир с Горкуновым вышли. Комиссар походил по хате, подумал и сказал сыну:

— Радик, займись Горкуновым. Похоже, правду говорит человек, но может быть, и врет.

Радик часто заходил в шестую роту к новому партизану. Иногда во время движения колонны подсаживал его к себе на санки. Горкунов был хорошим разведчиком. Он десятки раз отличался в боях, показал прекрасное знание военного дела и постепенно стал командиром разведки. В рейде из Брянских лесов на правобережье Украины его уже назначили помощником начальника штаба по разведке.

Итак, Горкунов стоял теперь перед комиссаром и просил поручить ему руководство боем по разгрому немецкого гарнизона в Бухче. В нескольких словах наметив план операции, комиссар вызвал командиров рот, которые подчинялись в этом бою Горкунову, и поставил перед ними задачу. Командиры отошли в сторону, обсуждая с Горкуновым детали.

Бой начался. Начался он не так, как хотелось комиссару и Горкунову. Переборщили разведчики. Трое из них, самые отчаянные, Федя Мычко, Митя Черемушкин и Гомозов, вырвались раньше времени вперед, незамеченными подошли к самой школе, но снять часового без шума не сумели. Часовой успел выстрелить, но тут же свалился под автоматной очередью. Разведчики залегли в канаву прямо против дверей школы. Из школы стали выбегать гитлеровцы, и разведчики в упор били их. Но вскоре патроны кончились, и разведчикам пришлось отползти. Пока к месту стрельбы подошли роты, которые должны были завязать бой и с ходу разгромить вражеский гарнизон, немцы успели занять оборону. Она у них, видимо, была продумана заранее. На всех каменных зданиях по углам были поставлены пулеметы, в школьном дворе — миномет. Нужно было брать дом за домом. Бой затянулся до утра.

Бои, как и люди, бывают разные. Есть бои светлые, есть хмурые. Бывают бои нудные и тяжелые, как жизнь старика вдовца, отягощенная застарелым ревматизмом. Бывают бои-пятиминутки, как быстрая летняя гроза. Каждый бой имеет свое лицо, свои особенности, свои неповторимые подробности, которые запоминаешь на всю жизнь.

На рассвете Ковпак приказал выдвинуть пушки и прямой наводкой разбивать здания. Включились в бой и я с Павловским.

Павловский — старый черниговский партизан гражданской войны, комиссар полка времен Щорса, еще в девятнадцатом году получивший боевой орден Красного Знамени,— остался в тылу у немцев и был у Ковпака помощником по хозяйствен-

ной части. Как хозяйственник отличался чудовищной скупостью, но в боях был исключительно смел и проявлял боевой опыт и командирский талант.

Павловский пошел на один фланг, я — на другой, где и встретился с Горкуновым. Быстро узнав и оценив обстановку, мы прямой наводкой из пушки стали разбивать здания. Нам удалось зажечь школу. Гитлеровцы страшно кричали, но горящее здание все-таки не дало нам возможности прорваться вперед. За школой был еще каменный дом, откуда били немцы, оставшиеся в укрытиях. В одном из больших дворов стоял немецкий обоз, состоявший из сотни повозок и лошадей. Истошно выли догоравшие в школе фашисты. Бой все затягивался. Немцы бросали сигнальные ракеты, вызывая помощь со стороны Сарн через Дзержинск; оттуда с минуты на минуту могло подойти подкрепление.

Ковпак выдвинул четвертый батальон с задачей перекрыть дорогу на Дзержинск и дать бой подкреплению противника.

Между тем бой становился все ожесточеннее. Немцы несли большие потери, но потери были и у нас. Во второй половине дня, увлекшись, мы столпились в одном дворе, у которого стояла наша пушка, стрелявшая прямой наводкой. Там были Горкунов, Павловский, командир конной разведки Миша Федоренко, несколько конных разведчиков и я — всего человек около пятнадцати. В этот момент прямо в гущу людей попала немецкая мина. Ею сразу были выведены из строя восемь человек, в том числе Горкунов и Федоренко. Все были ранены в ноги, так как мина разорвалась очень близко. Минометчик пристрелял это место и не давал нам подойти близко. Похоже было на то, что противник пытается контратаковать нас. Впереди не было пехоты. Пушка стояла только со своим расчетом. Она могла остаться в руках у немцев.

Я подполз к Горкунову и старался перевязать ему рану. В это время из-за угла сарая мне крикнул Павловский:

— Вершигора, надо пушку выволакивать. Если пушку немцам отдадим, знаешь, что нам от Ковпака будет?

— Гони расчет сюда! — крикнул я в ответ, а сам, прежде чем немецкий пулеметчик успел открыть огонь, перебежал через дорогу и, обогнув огород, выбежал к ездовым пушки, стоявшим под прикрытием сарая. Разобрав забор, мы галопом подкатили во двор, подцепили пушку и вдвоем с Павловским, не обращая внимания на стоны и крики Горкунова, положили его на лафет. Туда же положили и Мишу и так же на галопе выскочили из угрожаемого места.

В это время с другого конца села, с нагайкой в руках, бежал Ковпак. Полы его шубы развевались. За ним, еле поспевая, бежал Карпенко с третьей ротой. Карпенко, догнав Ков-

пака, схватил его за воротник и зашептал ему так, чтобы не слышали бойцы:

— Куда ты лезешь, старый хрен? И без тебя воевать есть кому.

Ковпак что-то ответил: Карпенко, пропустив мимо себя роту, строго бросил ему: «Смотри, чтобы такие штучки больше не повторялись. Береги себя!» И бросился догонять роту. Рота быстро восстановила положение, но все-таки выбить немцев из каменных зданий мы не могли. Две наши полковые пушки не пробивали толстых каменных стен, и хотя немцев осталось там, может быть, и очень мало, но взять их было невозможно. Потери наши все возрастали. Ясно было, что вести людей по открытой местности на пулеметы, укрытые за каменными стенами, бессмысленно.

В это время слева, на лесной дороге разгорался бой. В сражение включился наш четвертый батальон. Со стороны немцев заработала артиллерия, били минометы, рвались ручные гранаты, огневым шквалом отвечали партизанские автоматы, и опытное ухо улавливало, что бой там идет ожесточенный.

Вечерело. Командование собралось на опушке леса. Разведчики, посланные во все стороны, доложили, что нашли дорогу через болото, в обход Бухчи. Ясно было, что к следующему дню немцы подтянут сюда резервы, и бить в лоб на Бухчу не стоило.

Проведя обоз через болото, мы к рассвету добрались до местечка Тонеж и заняли его двумя батальонами. Штаб разместился в двух километрах восточнее Тонежа, в селе Иванова Слобода.

Подсчитав свои потери, мы установили, что одних раненых у нас сорок семь человек. Среди них: помощник начальника штаба соединения по разведке Горкунов, командир отряда Кудрявский, начальник конной разведки Миша Федоренко и многие другие боевые друзья. Немцам это стоило, по предварительным данным, не менее двухсот человек убитыми, но, как мы узнали, вернувшись в эти места через год, после Карпат, потери их были значительно больше. Несмотря на это, по нашим потерям этот бой мы считали крупной неудачей.

Кстати, о потерях: как правило, потери противника, указываемые штабом Ковпака непосредственно после боя, при последующей проверке подтверждались и оказывались почти всегда уменьшенными. Установить потери в открытом бою можно только путем опроса бойцов, участвовавших в нем, командиров, путем донесений и рапортов снизу вверх; командир отделения докладывал командиру взвода, командир взвода — командиру роты, командир роты — командиру баталь-

она, а тот — штабу соединения. Ковпак всегда боролся против дутых цифр. Он, если только представлялась возможность, проверял эти данные разведкой. Он знал, за кем из командиров водится скверная страстишка преувеличивать. Поэтому часто в рапортах, не имея точных данных, он делал скидку на увлекающуюся натуру командира. Кроме того, он лично опрашивал бойцов, проверяя таким образом сообщенные ему цифры.

Зайдет к бойцам, поговорит с ними, а потом вызовет, допустим, Кульбаку, командира Глуховского партизанского отряда, считавшегося у нас командиром второго стрелкового батальона, и тихонько ему скажет:

— Вот ты тут рапорт написал. Забери его назад. И никогда больше так не пиши.

Если командир начнет доказывать, дед свирепеет и орет:

— Вот не люблю брехни! Бойцы только что мне рассказывали. Вот там у тебя было трое убитых, там вы взяли пулемет, там столько-то винтовок. Чего же ты пишешь? Чего же ты брешешь? Кого ты обманываешь?

Пристыженный командир уходит и переписывает рапорт заново.

20

В местечке Тонеж мы стояли последние несколько дней 1942 года. Бои в Глушкевичах 16—20 декабря и в Бухче 21 декабря показали командованию немецкой группировки, что в нашем лице оно имеет серьезного, настойчивого и злого противника. Мы отходили на север, прикрываясь все время сильными арьергардами. Мы думали, что противник попытается нас преследовать но, к нашему удивлению, этого не случилось. Очевидно, враг считал наш маневр попыткой затянуть его в глубь лесных районов. А может быть, потери немцев в Глушкевичах и Бухче не дали им возможности сразу перейти к преследованию. Похоже было, что немецкое командование отвязалось от нас, и возмездие за Лельчицы, «Сарийский крест» и другие «пакости», которые партизаны причинили немцам, ограничилось только боями в Глушкевичах и Бухче. Партизаны отдохнули после боев, начали поправляться и раненые. О них особенно беспокоился Руднев.

В рейдовом отряде проблема раненых всегда является, пожалуй, самой сложной и трудной проблемой. Отряд вынужден все время двигаться. Оставлять раненых другим отрядам не совсем честно, да и не всегда есть эти отряды поблизости. Мы нередко ходили по местам, еще не освоенным партизанами, по «краям непуганых фрицев», как мы шутя называли эти места. В истории соединения Ковпака только однажды мы

были вынуждены оставить раненых. Дело было в Карпатах, когда в двухмесячных беспрерывных сражениях мы потеряли весь обоз. Там каждый новый раненый, по существу, выводил из строя до десятка здоровых бойцов, которые должны были нести его на руках. Ясно, что на это, даже в нашем безвыходном положении, нельзя было итти, не только ради самих раненых, а еще больше ради живых и здоровых. И мы были вынуждены оставлять раненых у населения. Это законное явление, и мне кажется, что комиссар Руднев в этом вопросе, как и во многих других, проявил себя очень умным партизанским комиссаром. Половину своего времени он отдавал раненым бойцам. За время партизанской войны он приобрел опыт врача. Он знал течение и ход многих болезней, умел определить ранение, его характер, опасность его для жизни.

Помню, еще в начале Сталинского рейда, осенью 1942 года, на подходах к Днепру мое внимание привлек один смертельно раненный пожилой партизан. Он лежал на телеге лицом вверх и, не шевелясь, смотрел туда, где сквозь верхушки сосен синело осеннее небо. Он был ранен в мозг навылет. Дни его были сочтены. Простреленный аппарат мысли создавал причудливые кружева из ругани и нежных слов. Он бредил иногда глупо и бессвязно, а часто остроумно и весело. На марше, обессиленный тряской, терял сознание, затем, очнувшись, хватался за горевшую жаром голову и громко звал комиссара, нежно матюкаясь.

Передышка, которую мы получили в Тонеже и Ивановой Слободе, дала нам возможность восстановить наши силы. Она особенно была необходима раненым, для которых тряская перевозка по лесам, по кочковатым дорогам была очень мучительна и опасна. Раненых у нас в то время насчитывалось уже около двухсот. Те из них, которых мы привезли с собой из-под Брянска, с боев на Днепре и в Лельчицах, постепенно выздоравливали. Но больше пятидесяти партизан было ранено в двух последних боях — в Глушкевичах и Бухче.

В Тонеже и Ивановой Слободе к нам пришло пополнение. Пришли в партизаны многие местные жители; пристали в пути застрявшие в этих лесах бойцы и командиры Красной Армии.

В Тонеже произошел один комический боевой эпизод. Ожидая противника с юго-востока и с запада, мы почему-то забыли о севере. Из Тонежа идет широкий тракт на Туров, городок, расположенный на Припяти. В Турове моста через Припять не было, и нашему штабу казалось, что оттуда противник не может вести против нас наступление. Кроме того, имелись сведения о том, что противник потерял нас из виду и точно не знает, где мы находимся. Шли пятые или шестые сутки нашей

стоянки — это было под вечер 30 декабря 1942 года. Новый год мы предполагали встретить на марше, поэтому решнлн на скорую руку, по-походному отметнть его за день раньше в Ивановой Слободе. Мы сндели в этот момент в штабной столовой, н Ковпак только собнрался выпить чарку, но остановнлся, услыхав пулеметные очереди.

— Цо що таке? — спроснл Ковпак.— Кто мешает праздник встречать? Ннмци, щоб я вмер, ннмци поздравлять прнйшлы. Ну що ж — чокнемось.

Старнк выпнл чарку, крякнул и сказал:

— Пншли колядныкнв калачами угощать!..

В этот момент прнмчался галопом обратно в Иванову Слободу связной одного нз батальонов, стоявших в Тонеже, отвозивший прнказание штаба, н доложил командиру и начальнику штаба о том, что между Ивановой Слободой и Тонежем движется большой обоз. По всему было видно, что это немцы. Они заметнлн связного, когда он уже скакал обратно, и выпустнли по нему несколько очередей. В Тонеже уже шел бой. Ковпак выдвннул одну роту из Ивановой Слободы, а другую послал наперерез на тракт Туров — Тонеж, для того чтобы перехватнть немцев илн не дать подойти новым снлам. Откуда здесь взялнсь немцы, было непонятно, но факт был налнцо. Оказалось, что батальон немцев въехал головной колонной прямо в расположение наших двух батальонов в Тонеже. Десятая рота, которую выслал Ковпак, подошла к этой части Тонежа как раз в то время, когда на улнцах разгорался бой, а обоз остановился в лесу н разворачнвался, чтобы ехать обратно. Рота ударнла в хвост по обозу. У немцев поднялась паннка, но уже вечерело, и, воспользовавшнсь сумеркамн, они разбежались по лесу, оставив большое чнсло убнтых и много повозок. Целую ночь шла перестрелка, но, боясь в темноте пострелять своих, Ковпак не бросил роты в бой. Действовали только отдельные засады н разведчнкн.

На рассвете рота Карпенко пошла в сторону от дороги, в лес, по многочнсленным следам. Лес представлял собою как бы своеобразную запись, протокол боя. Всюду валялнсь убнтые, раненые, вокруг были разбросаны немецкне ранцы, эрзацваленкн, котелки, бегали разнузданные верховые конн со сбнвшнмися под пузо седлами. В кустах густо стояли пароконные телеги, и лошади, запутавшнеся сбруей в кустах, испуганно храпели. Там же мы нашлн одно орудне и два миномета — почтн все тяжелое оружне немецкого батальона. Позже была найдена полевая сумка командира батальона майора Штнффеля. В ней мы обнаружнлн приказ, раскрывавшнй нам неясную до того картнну: «Майору Штиффелю. Вам к 23.00 30.XII-42 г. выйти на северную окраину

с. Бухчи, в 00 часов 00 минут 31 декабря внезапным ударом разгромить банду партизан. Затем прочесать лес вокруг Тонежа. При выполнении задачи учитывать, что с запада, юга и востока партизаны окружены батальонами 417, 231, 232, 233, 105».

Писавший приказ явно не разбирался, с каким противником он имеет дело, и батальон, вместо того чтобы захватить нас, сам попал к нам в руки, но из-за ночного времени мы не могли использовать это преимущество полностью. Паника у немцев была страшная. Потеряли они около половины своего состава, но разгромить и уничтожить батальон целиком нам не удалось, так как немцы разбежались быстрее, чем мы успели нанести им окончательный удар и организовать погоню.

Через несколько дней, выйдя под Туров и Давид-Городок, мы увидели, что удиравший батальон не был боеспособным, так как остатки его солдат только сейчас стали собираться в Турове. Вид у них был сильно потрепанный: кто без пилотки, кто в одном сапоге, кто без винтовки. Добравшись до села, немцы плакали, просили крестьян дать им хоть кусочек хлеба. Батальон, очевидно, был совершенно не приспособлен для борьбы с партизанами, а тот, кто ставил ему боевую задачу, тоже ничего не понимал в этом деле.

Когда в штабе переводчик читал нам захваченный приказ и дошел до того места, где майору Штиффелю приказывалось разгромить партизан в Бухче, Ковпак сидел, хмурился, пощипывал бородку и шепотом ругался. Но когда переводчик дошел до параграфа, который гласил: «после уничтожения банды майору Штиффелю прочесать леса вокруг указанного района», Ковпак откинулся на спинку стула и засмеялся. Переводчик остановился, недоуменно глядя на командира. Ковпак, захлебываясь от смеха, долго ничего не мог произнести. Наконец он выдавил.

— Оце прочесав, ох, и прочесав же...

Действительно, уже вторые сутки наши бойцы вытаскивали немцев, застрявших при «прочесывании» тонежского леса, и их барахло, разбросанное по лесу. Шутка Ковпака быстро разнеслась по отряду, и ребята долго вспоминали майора Штиффеля, «прочесавшего» тонежские леса.

21

Мы вышли из Тонежа с намерением пройти на север в поисках площадки для посадки самолетов, в которой мы остро нуждались. В районе Пинских болот и громадных лесных массивов ледяное поле озера было единственным ровным местом, способным принять огромные машины, летящие к нам

прямо из Москвы. В иочь иа 1 января 1943 года мы остаиовились иа трактовой дороге Туров — Давид-Городок, в селе Ольшаиы и других селах.

У Ковпака была мысль пощупать Давид-Городок, так как у нас, долго просидевших после Лельчиц в лесиых районах, кончился табак, соль, сахар и другие иеобходимые продукты. В Давид-Городке у иемцев, по предварительиым данным, все это имелось в изобилии. Дело испортил Михаил Кузьмич Семеиистый, тот самый четырнадцатилетний разведчик, который босиком пришел к Ковпаку еще в Сумской области. К этому времени мальчик стал опытиым воякой, лихим разведчиком, проиырливым и смелым. Он безустали шиырял по колоине и впереди иее, состоя связиым коииой разведки при самом комаидире. Обычио он первым заскакивал в село и к момеиту подхода головы колоииы успевал доложить комаидиру, комиссару или мне, где можно разместиться, что слышио о противиике, как живут люди, есть ли в селе больиые тифом и другие иужные иам сведеиия.

В Ольшаиы Михаил Кузьмич тоже ворвался раиьше всех. Староста успел спрятаться. Привязав лошадь у ворот сельской управы, Кузьмич вошел в коитору. На стеие висел телефои. Пареиек заиитересовался иесуразно большой коробкой сельского телефоиа. Покрутил ручку, сиял трубку. Ему ответила телефоиистка:

— Давид-Городок. Кого вам иадо?

Кузьмич иа секуиду задумался, а затем сказал задорно:

— А иу-ка, барышня, дай мне гестапо.

Гестапо ответило, и Семеиистый с переводчиком гестапо затеял «милый разговор». Семеиистый иапомиил гестаповцам, что сегодия каиуи иового, 1943 года, и обещал им, что придет сам личио с теплой компаиией выпить чарку водки. Лихой разведчик просил приготовить соответствующую закуску. И когда гестаповец спросил, с кем ои разговаривает, мальчик, важио подбочеиясь и подражая Ковпаку, ответил:

— С кем говоришь, интересуешься? — и, откашлявшись, брякиул в трубку: — Сам хозяин здешиих лесов с тобой говорит, Ковпак. Слышал про такого? Ну, то-то! — и важио повесил трубку.

Я вошел в хату как раз в тот момент, когда ои произиосил последние слова.

Колоииа уже втяиулась в село, работали квартирьеры, шла расстаиовка подразделеиий. Штаб, разместившись в сельской управе, иачал свою работу. Зашли Ковпак и Семен Васильевич. Вместе с Базымой и со мной стали обсуждать, стоит ли иочью идти в боевую операцию на Давид-Городок или нет. Комиссар склонялся к тому, чтобы двигаться без остаиовки

на север и скорее оборудовать аэродром для приема самолетов. Ковпак хотел «пощупать» Давид-Городок. Я не обратил раньше особого внимания на разговор Семенистого по телефону, но тут вспомнил о нем и рассказал Ковпаку. Дед рассвирепел и приказал вызвать разведчика. Он долго расспрашивал его и ругал, а затем обрушился на меня. Действительно, этот разговор срывал все планы командира. По существу, немцы были предупреждены о нашей близости, и, сам того не понимая, мальчишка разболтал наши планы. От замысла пришлось отказаться, и новогоднюю ночь мы провели на марше. На рассвете мы вышли на Припять, а затем, перейдя железную дорогу Калинковичи — Лунинец, очутились в районе Князь-озера.

Однако, как мы узнали через месяц, гестаповцы так перепугались телефонного разговора с Семенистым, а может быть, и дополнительных данных о наших силах, полученных к тому времени от бежавшего старосты, что действительно в новогоднюю ночь они оставили большую часть Давид-Городка, перебравшись на другой берег реки Горынь. Гитлеровцы были уверены, что мы приведем свою угрозу в исполнение и займем Давид-Городок. Мост через Горынь в Давид-Городке был ими заминирован, и новогоднюю ночь они провели в обороне. Очевидно, мы не всегда в должной мере оценивали свои силы и тот страх, который внушали противнику. Многие возможности так и оставались неиспользованными.

1 января 1943 года мы форсировали Припять. Отягощенные ранеными, вышли на север к большому озеру Червоному, или Князь-озеру, как называли его местные жители.

На льду этого озера мы решили принимать самолеты.

Здесь закончился большой рейд, названный партизанами Ковпака Сталинским — во имя человека, вдохновившего их на этот славный боевой подвиг.

За три с лишним месяца наш отряд прошел тысячу шестьсот километров, от Брянских лесов — к северу Украины, в Киевскую и Житомирскую области и Полесье

В эти дни далеко на востоке, на берегах Волги, предрешалась судьба войны. Но и здесь, в глубоком тылу врага, за тысячу километров от Волги, мы ощущали горячее дыхание Сталинграда. Впереди была неизвестность. Мы не предполагали, что предстоят еще два года войны и четыре рейда: на Украину, на Карпаты, в Польшу, Белоруссию, еще долгий и славный путь в десять тысяч километров по тылам врага.

Но об этих рейдах разговор впереди.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

1 января 1943 года соединение партизанских отрядов под командованием Ковпака вышло к Припяти. Теперь мы подошли к ней с юга. Несколько немецких батальонов было брошено на нас в отместку за «Сарнский крест» — одновременный взрыв пяти мостов на железных дорогах, ведущих к крупному узлу Сарны,— и за другие мелкие «ремонтные» работы на коммуникационных путях противника.

Вся вторая половина декабря прошла в боях с карательными батальонами, а к исходу декабря мы, огрызаясь, отступили в глубь лесов и подошли к этому болотистому и многоводному притоку Днепра.

Новогоднюю ночь отряды провели в селах, расположенных по тракту между городишками Туров и Давид-Городок, ожидая возвращения разведывательных групп, высланных на Припять для поисков переправы. Штаб расположился в селе Озданичи. После декабрьской оттепели лишь два-три дня стояли морозы, и мы не были уверены, удастся ли нам переправиться по льду. Ковпак был не в духе, так как не в меру шустрый Михаил Кузьмич Семенистый сорвал набег на Давид-Городок. Дед ходил по ротам, проверял посты и ругался.

Разведку мы проводили особо тщательно не только потому, что двигались в неизвестный край, но еще и потому, что капризная река Припять могла сыграть с нами неприятную штуку.

Местные старожилы утверждали, что характер у Припяти своенравный и упрямый и что лишь первому осеннему морозцу капризная река поддается охотно и он сразу сковывает ее в своих ледяных объятиях. Но стоит только ей раз оттаять —

а оттепели среди зимы тут обычное явление,— то и в самые сильные морозы она стоит незамерзшая. Если же и замерзает вторично, то не везде, и таит в себе полыньи, быстрины, покрытые тонким льдом и припорошенные снежком «обманы» — своеобразные водяные волчьи ямы. Что-то в этих стариковских приметах было похоже на правду. Действительно, еще в середине ноября, всего через семь дней после лоевской переправы на Днепре, мы подходили к финишу Сталинского рейда. Тогда мы форсировали Припять при первом морозе. По полосе льда в двести-триста метров шириной двигалась вся пехота и легкий обоз отрядов. Лед был тонкий и упругий, он прогибался, как рессорная сталь, но не ломался и даже не трещал, а удерживал на себе тяжесть пружинисто и эластично. На полкилометра ниже река еще была свободна от ледяного покрова, и работавший там паром хотя и был весь в сосульках, как святочный дед-мороз, но все же перевозил тяжести — пушки и повозки с боеприпасами.

Эту первую переправу через Припять мы прозвали «Ледовый чортов мост».

Сейчас предстояла вторая переправа через Припять и, хотя уже стоял январь, найти удобное место было нелегко. Старые полещуки из прибрежных сел, знавшие хорошо свою реку, когда разведчики брали их проводниками, отрицательно мотали головами:

— Трудно дело. Сей год Припять дюже норовиста буде. Як дивчина у богатого хозяина.

И правда. Первая разведывательная группа лейтенанта Гапоненко в поисках переправы вышла на толстый и крепкий лед. Разведчики благополучно прошли через реку на северный берег, уверенные, что выполнили задание, а когда возвращались, напоролись на «обман» и провалились под лед. Сам Гапоненко и лучший разведчик его группы, бывший фельдшер Землянко, или, как его все звали в тринадцатой роте, Антон Петрович, чуть не утонули. Их выручил Володя Лапин. Он догадался взять длинную жердину, бросил ее на лед и, удержавшись на ней сам, помог затем выбраться уже совсем выбившимся из сил товарищам.

Хлопцы приехали в задубевшей от мороза одежде и крепко ругались.

— Ведь вот какая река — всего на два метра в сторону от своего же следа взяли, и еле живы остались. Выручили полицаи — встретили мы их под Давид-Городком. Полицаев побили, нашли у них на возу бутыль самогона и немного погрелись,— оживленно рассказывал Володя Лапин.

Я погнал связного разведчика в роту принести хлопцам запасную одежду, а сам сел побыстрее записать и отметить

на карте результаты их разведки. Хлопцы сидели полуголые, полупьяные, жмурились на свет и тепло, шедшее от печки, и пока я отмечал на карте и в блокноте один пункт, успевали клюнуть носом. Затем просыпались и докладывали дальше. Обычно за нетрезвый вид при выполнении задания мы взыскивали строго, но тут я не мог сдержать улыбки, да и обстоятельства разрешали им это несоблюдение партизанской субординации.

Часам к десяти вечера собрались и остальные разведчики. Оказалось, что и им пришлось поплавать в ледяной воде. Решение на марш было принято: форсировать Припять возле хутора, где разведывал Гапоненко. В полночь мы двинулись к норовистой реке. На ходу к основной колонне пристраивались батальоны и роты, стоявшие в заставах в окружных деревнях.

Марш предстоял очень длительный.

Я задержался в Озданичах, пропустив всю колонну, и догонял ее по следу, черневшему на фоне свежевыпавшего снега. Через полчаса догнал меня связной восьмой роты, мальчишка лет пятнадцати, Володя Шишов.

Хлопец этот давно привлекал мое внимание, но ближе с ним познакомиться я не успел. Одет он был всегда в красноармейскую шинель, сидевшую на нем ладно, но без мальчишеского форса; за плечами болтался трофейный карабин, у пояса — наган в кобуре, им самим смастеренной из невыделанной свиной кожи. Особенного пристрастия к оружию — естественного в его возрасте — я за ним не замечал. Ездил он на небольшой лошади хорошо, но без той особой лихости, которая была присуща Семенистому, Ваньке Черняку, Вальке Николаеву и другим представителям юных партизан, исполнявших преимущественно обязанности связных.

Володя Шишов выделялся среди них сдержанностью и тихостью нрава. Белокурый, с неправильными крупными чертами некрасивого лица, с большим носом, он был тих и молчалив в обычное время. Одни лишь глаза, светлосерые, с едва заметной в ясные солнечные дни голубинкой, то задорные, то понимающе-печальные и часто суровые — много видевшие глаза взрослого, поражали, когда я ближе присматривался и узнавал этого человечину. На маршах, в походе голоса его не было слышно; при размещении отряда по квартирам, когда сновали по селу, как угорелые, Семенистый и Ванька Черняк, рьяно, шумно и гордо выполнявшие свои обязанности квартирьеров, Володя тихо проезжал по улице, встретив свою роту, разворачивал лошадь впереди и, тихо промолвив: «За мной», — шагом ехал к расположению, нагайкой указывая ездовым, кому где становиться.

Оживал он лишь в бою. Летал, как птица, от комроты к штабу и обратно с донесениями. Голос его звенел. Устные его доклады поражали меня своей ясностью, пониманием тактической обстановки, лаконичностью. В то время это был уже старый, заслуженный партизан, на груди у него блестел орден Красной Звезды.

Володя догнал меня и, не обгоняя, поехал рядом.

— Далеко колонна ушла, товарищ подполковник?

— Не знаю, хвоста пока не видно.

Володя подхлестнул свою лошадку, а затем, стараясь, чтобы я не заметил, подхлестывал под пузо моего конька. Мы проехали немного рысью. Володя, видимо, проверял мои кавалерийские способности. Лошадь моя, потерявшая подкову на передней ноге, часто спотыкалась на гладко укатанной обозом дороге, и я перевел ее на шаг.

Мне показалось при лунном свете, что парень хитро улыбался.

— Ты что же, дружище, не опасаешься по ночам один ездить?

— Почему один? Колонна впереди.

— А вдруг заблудишься?

— Ну, сейчас заблудиться невозможно. По следу хоть сто километров можно ехать... Вот летом хуже, сразу след не различишь по пыльной дороге.

— А не страшно одному?

— Чего же тут страшного? Страшно впереди, в разведке, когда неизвестно, что перед тобой делается. А там, где наш отряд прошел, уже ничего страшного не остается.

— А в бою?

— Чего в бою? — не поняв, спросил меня связной восьмой роты.

— В бою неужели не боишься? Говорят, ты под пулями лучше старых партизан ходишь.

— Нет, я под всякую пулю не лезу, но и не бегаю. Привычка. Это вроде как верхом ездить. Вот вы, товарищ подполковник, тоже привыкнете и на лошади верхом ездить будете не хуже других.— Он помолчал, но в отсветах снега мне показалось, что он улыбался.— А вы, видать, в пехоте все служили?

— В пехоте,— ответил я.

Володя продолжал:

— Оно и видно. А к боям привыкнуть легко. Легче, чем без отца и матери.

Дальше мы ехали молча. Этот короткий разговор сблизил нас, и мы уже чувствовали себя друзьями. Так часто бывает в солдатской жизни, в особенности если одному из солдат

пятнадцать лет и он сирота. Теперь уже мне казалось, что десяток ничего не значащих слов свели нас, как узкая дорога сводила наших коней,— они шли, задевая друг друга боками, изредка позвякивая стременами.

Вскоре впереди замельтешили подводы и отдельные бойцы. Пристроившись к хвосту колонны, мы проехали шагом минут десять. Затем крупной рысью стали обгонять колонну по обочине дороги и через полчаса очутились в центре ее — возле штаба. Володя пристроился к группе в десять-двадцать конников, следовавших за повозкой командира. Это были связные батальонов и рот. Я поскакал дальше. Отъехав от Озданичей километров пятнадцать, мы сделали привал в небольшом селе. До реки оставалось километра полтора. Руднев и Базыма верхом выскочили в голову колонны и, посоветовавшись с Горкуновым и со мной, решили форсировать Припять на рассвете. Когда рассвело, мы подъехали к коварной реке. Лед был крепкий, но после того как по нему прошло несколько повозок, он стал обламываться у берега. Пришлось на скорую руку сделать мостки. По льду шли не напрямик, а изгибами, но все же кое-кто, свернув в сторону, проваливался. Выручали жерди и канаты, которые, по приказу Ковпака, припасли и разбросали по льду. Благодаря этому небольшие аварии кончались весело, так как провалившегося со смехом сразу вытаскивали из полыньи и поили спиртом. Спирт после долгого препирательства с помначхоза Павловским, по приказу Ковпака, был выдан дежурному по части для согревания попавших в воду.

Павловский, старый партизан, краснознаменец еще гражданской войны, был первый год у Ковпака командиром восьмой роты. В знаменитом Веселовском бою он с небольшой горстью бойцов уничтожил до роты врагов, но сам чуть не погиб. Пулеметной очередью ему перебило обе ноги. В лубках кости срослись неправильно, и он ходил, широко расставив ноги, кавалерийской поступью, опираясь на палку. Ходить ему было трудно, и Ковпак назначил его своим помощником по хозяйству. Старика это «повышение» обидело, но все же он согласился, с непременным условием, что ему будут поручать и боевые дела. На новом своем посту Павловский обнаружил чудовищное скопидомство, обоз его был набит всякой всячиной, и Руднев беспрестанно воевал с Павловским, правда без особого успеха, из-за непомерного роста хозяйственного обоза. Павловский всегда защищал свое хозяйство страстно и настойчиво. На приказ Ковпака о выдаче спирта он реагировал чуть не истерикой, и только когда дед повысил голос, Павловский, бурча себе под нос, что у него «вылакают весь медицинский резерв», отошел в сторону.

Ковпак и Руднев стояли на берегу, с тревогой следя за переправой 76-миллиметровых пушек. Рискованный груз уже подходил к середине реки, к самому опасному месту, когда к нам приковылял охрипший от ругани помпохоз. За ним виновато плелись дежурный и здоровенный, весь мокрый партизан.

— Я ж говорив, товарищ командир?! С такими архаровцами весь медицинский запас...

— Говори толком...— не отрывая глаз от пушек, сказал Ковпак.

— Толком и говорю. Нарошно пид льод розбишака прыгае... Щоб нашармака спирту налызаться...

— Как это нарочно? — спросил Руднев.

— А от так. Иду я з колонной. А он, товарищ комиссар, бронебойку хлопцам отдает и каже: подержите, хлопцы, берданку, я сейчас за здоровье нашего командира магарыч выпью; и боком, боком, до того, як его, ну до ополонки, и бух в воду. А хлопци його зразу назад, а он до дежурного, а тот, понимаете, товарищ комиссар, уже хотив налывать... Щоб не мое присутствие, так и налыв бы...

— Совсем одурел Павловский. Ведь человек из ледяной воды вылез. Ты что?..

— Зажды, Семен Васильевич,— перебил Ковпак.— А ну, подойди сюда. Какой роты?

— Второго батальона, первой роты бронебойщик Медведь,— ступив два шага вперед и оглушительно щелкнув обледеневшими сапогами, отрапортовал мокрый партизан.

— У того Кульбаки вси таки архаровци,— вставил Павловский.

— Мовчи, Павловский. Ты що, в самом деле нарошно в воду полиз?

— Первый раз нечаянно, второй раз нарочно, товарищ командир, Герой советского Союза,— бойко рапортовал Медведь.

Все рассмеялись. Один Павловский был серьезен и зол.

— Так ты один уже попробовав? — смеясь говорил Ковпак.

— Ну да...

— Мало показалось?

— Маловато. Я прошу добавки по моему росту, як я бронебойщик, а воны говорять — норма. Говорять — за одно купанье тильки двисти грамм положено. Хочешь ще, говорыть, раздатчик, то й прыгай ище раз...

— Какой раздатчик? — спросил Руднев.

— А от, воны, — указывая на дежурного, говорил безобидно Медведь.

— Ну, и скочив ты ще в воду? — облегченно вздохнул Ковпак: одна пушка уже выбиралась на берег.

— А що ж поделаешь, товарищ командир, Герой Советского Союза, як выпить захотилось, ну хоть умры... Одним словом, дальше все було, як товарищ Павловский рассказалы. Все чиста правда.

Снова все засмеялись.

— За другое купанье выдать Медведю двести грамм, а за то, що правду говорыть, дать ище триста...— громко сказал Ковпак.

Павловский ударил руками об полы кожуха.

— ...Дежурного от дежурства освободить! Я з ним зараз сам побалакаю...

— Я ж говорыв — дайте выпить, що положено, а вы до командира тягнете. От тепер давайте полных пол-литра,— миролюбиво укорял Медведь Павловского, отходя в сторону.

К этому времени переправа артиллерии закончилась.

— Поехали,— сказал мне Руднев.

Мы взмахнули плетьми и вскачь понеслись вдоль колонны на свои места. Сзади остались лишь Базыма, назначавший нового дежурного, и Ковпак, чтобы «побалакать» со старым.

Рискованная переправа завершилась успешно. Впереди изредка потрескивали автоматные очереди — это разведка и ГПЗ[1] разгоняли в прибрежных селах полицию, спокойно чувствовавшую себя под прикрытием реки.

Весь день 1 января двигались на север и северо-восток. По ходу движения форсировали реки Случь-северную, довольно большой приток Припяти, и железную дорогу Гомель — Лунинец — Пинск. Реку — без приключений, дорогу — тоже, если не считать того, что мне влетело от Руднева за излишнюю осторожность. Подойдя к железке, я, сменив Горкунова, ведшего колонну, послал разведку на переезд, а через полчаса только выставил заслоны. Пока мы копались, со стороны Пинска прошел поезд как раз перед носом наших рот, выходивших занимать полотно. Поезд обстреляли, но он ушел. Руднев вырвался верхом вперед и, узнав, что заслоны высланы мною лишь после разведки, страшно ругался.

Ковпак, напротив, отнесся к происшествию спокойно.

— Семен, що з воза упало, то пропало. Чого жалить? Ще все наши поезда впереди. От бы швыдче нам аэродром наладыть, як полагается. А поезда дило наживное... будуть поезда, будуть и нимци, щоб у их духу не було до скончання вику. Я так думаю, що нимцив ще на нас хватить.

— И то правда... — согласился Руднев. — Поехали!

И колонна стала форсировать железку.

---

[1] ГПЗ — головная походная застава — передовое подразделение, обеспечивающее движение колонны.

Пройдя километров двенадцать, мы остановились на ночевку. Люди устали после суточного марша. Лошади тоже.

Села мы занимали ночью, выставив только заставы. Разведка до того замоталась в последние дни, что, с разрешения Ковпака, я решил дать разведчикам одну ночь отдыха. Всю ночь падал лохматый снег, покрывая талую торфяную землю Полесья белым ковром.

2

На рассвете наша застава задержала четырех вооруженных людей в штатском. Они пытались бежать. Было раннее утро. Я вышел во двор и умывался снегом, когда на улице показался эскорт. Впереди верхом ехали два наших паренька — Ванька Черняк и Семенистый, за ними на двух дровнях, спустив ноги на снег, сидели неизвестные люди. Сзади их провожали санки заставы с охраной.

Конвоируемых доставили ко мне. Вели они себя довольно странно. На вопрос, кто они такие, не отвечали, все переглядывались. Их оружие хлопцы у них не отбирали и вообще отнеслись к ним довольно добродушно, но все же у одного под глазом я заметил небольшой синяк, к которому он изредка прикладывал снег, сгребая его с забора.

Я повел их с собой в штаб, и, лишь окончательно убедившись, с кем они имеют дело, необычные гости признались, что они местные партизаны, но тем не менее отвечать на вопрос, где находится их отряд, отказались наотрез. В штаб пришли Ковпак и Руднев, и нам сообща удалось выудить у партизан, что они приняли нас за «казачков», которых противник поставил на охрану коммуникаций в этих местах. Это, пожалуй, и не удивительно, так как многие наши бойцы ходили в немецком обмундировании. Оружия у нас тоже было много немецкого, мадьярского, чешского и даже французского. Убедившись наконец, что мы партизаны, «делегаты» рассказали нам, что они из соединения «Бати».

Руднев и Ковпак, посоветовавшись, решили послать меня для связи с этим партизанским отрядом. Нужно было получить подробные данные о районе, еще мало известном нам, и, во избежание всяких недоразумений, которые легко могли случиться в этих местах, договориться о пароле.

Это была моя первая дипломатическая командировка. В дальнейшем мне десятки раз приходилось выступать в подобной роли, налаживая связь с советскими партизанскими отрядами и разными вооруженными группировками в Западной Украине и Польше.

В тот же день я уехал с партизанами Бати, взяв с собой

Володю Лапина, Васю Демина, Володю Зеболова и недавно бежавшего из плена донского казака Сашу Коженкова.

Дорога шла по старому, дремучему сосновому лесу. Мы проехали километров двенадцать. Лошади бежали по мягкому снежку быстро, весело пофыркивая. На развилке лесных дорог Вася Демин на ходу соскочил с саней и, подхватив автомат, скрылся в лесу. Вернувшись, он объявил нам, что заметил в чаще человека, но пока добежал — человек исчез. Остались только свежие следы лыж.

Минут через двадцать мы выехали из леса. За огородами дымились трубы хат. Впереди была деревушка. Когда мы въехали в нее, она оказалась совершенно пустой, хотя во многих избах топились печи. Мы объехали всю деревушку — нигде ни души. Лишь когда выехали на противоположную околицу, на опушке леса заметили нескольких человек. Наши спутники стали подавать им условные знаки.

Старший вышел вперед на несколько шагов, поднял вверх левой рукой винтовку, затем ступил два шага вправо, поднял правую ногу и три раза подрыгал ею. Оказалось, что эти выкрутасы, похожие на какое-то шаманство, были зрительным паролем, сигнализацией. Мы с интересом наблюдали эту церемонию.

Люди, стоявшие на опушке, осторожно вышли из лесу и, повторив свое колдовство еще раза два, уже смелее подошли к нам. Поняв, в чем дело, хлопцы мои покатывались со смеху. Из леса стали выползать мужики, бабы и детишки.

Оказалось, что четырнадцатилетний мальчишка, стоявший на посту при лесной развилке дорог, заметил наши сани и на них трех человек в зеленых немецких шинелях, помчался в деревню и поднял там тревогу. Население в этих деревнях всегда было готово по первому сигналу скрыться в леса, где имелись землянки, запасы пищи и одежды.

Шедшие впереди вооруженные люди тоже оказались партизанами. Это была застава отряда, или, по здешней терминологии, комендатура.

Некая строгая личность, назвавшая себя комендантом заставы, долго меня допрашивала, довольно коряво пытаясь выяснить какие-то скрытые мотивы моего появления здесь. Убедившись наконец, что, кроме желания видеть командование, никаких других целей у меня не было, комендант сообщил мне, что завтра он доложит по команде, а к концу недели, может, командир и приедет. Я потребовал, чтоб это сделали побыстрее, и в ответ услышал, что раньше никак нельзя. Командование, видимо, находилось далеко.

Пришлось прибегнуть к испытанным методам и «нажать». После нескольких громких тирад с упоминанием усопших и на

земле сущих ближних и дальних родственников комендантской особы дело завертелось быстрее. Дальше уже все зависело от провидения, и, натянув кожух на голову, я решил вздремнуть. Дремота моя, видимо, затянулась надолго, потому что когда меня разбудили хлопцы, то в оконца проглядывали серые сумерки.

— Товарищ подполковник, вставайте скорей,— поддавая мне под бока, шептал Володя Лапин.

Я сел на лавке.

— Неладно получилось,— виновато говорил Вася Демин.

— Да в чем дело? Говорите вы толком...

— Да поуснули мы все. На коменданта понадеялись. А они, видно, умотали... И вот, глядите...

Я глянул в окно. В сумерках вокруг дома перебегали какие-то люди.

— Комендант, видимо, смылся, нас не предупредив. Прорываться придется, не иначе. Ох, елки-капалки, недаром мне поп в зеленой рясе приснился,— шептал Володя, хватая со стола и распихивая по карманам гранаты.

К счастью, я заметил, как мимо окна промелькнула знакомая фигура коменданта. Я задержал хлопцев, уже занявших оборону возле окон и дверей, распахнул дверь и вышел на крыльцо. Навстречу мне шли два человека в зеленых ватных бушлатах и шапках-ушанках. Немного сбоку, как-то подозрительно обходя меня, жался под стенкой комендант. Из-за плетней выглядывали какие-то фигуры и торчал ручной пулемет. Я понял, что приближавшиеся ко мне двое мужчин и были долгожданным командованием, шагнул вперед и назвал свою фамилию. Мы поздоровались и зашли в хату. Воинственный пыл моих хлопцев немного остыл. Пришедшие стояли у порога и держали руки в карманах. «Что за чертовщина такая! — подумал я.— За кого они нас принимают?» Но в это время Вася Демин, приглядевшись к одному из пришельцев, заорал:

— Капитан Б.! — и бросился его обнимать.

Тут все выяснилось сразу. Комендант, оказывается, донес, что к нему прибыли «чорт-те що за люди, называют себя колпаками... и я пока что держусь». Батя, он же инженер Л., и капитан Черный, он же капитан Б., после такого сообщения выехали в комендатуру со всякими предосторожностями. И кто его знает, сколько бы продолжалась эта комедия хитроумного выпытывания и ловли на словах, если бы мой Вася Демин, выброшенный ко мне с группой Бережного, не оказался бывшим бойцом-автоматчиком батальона капитана Б.

Все недоразумения сразу рассеялись, и мы, рассказав друг другу о своих подозрениях, перешли к делу.

Батя расчувствовался и, пренебрегая законами конспирации, пригласил меня к себе. Ехали мы долго. Несколько раз в самых неожиданных местах делались остановки, и так как была уже ночь и таинство пароля не могло быть различимо простым человеческим глазом, то лес оглашался совиными криками, свистом неведомых мне птиц и завыванием зверей. Хозяева доверительно сообщали мне, где мы проезжаем через минное поле, где через фугасы. Я понимал, что без этой музыки воя, свистов и гугуканий мы обязаны взлететь на воздух по всем законам инженерно-подрывного дела.

Сомневаться в инженерном искусстве Бати у меня не было никаких оснований. Я сидел в санях, натянув ковер до ушей, и предавался печальным размышлениям о бренности человеческой жизни. Думалось мне, что может же какой-нибудь страж из местных полещуков, обученный немудрому делу обращения с подрывной машинкой, спросонку, не расслышав крика ночной птицы, включить искру тока и...

То, что со мной ехали сами «директора» этой адской кухни, меня мало успокаивало, ибо еще от ковпаковцев-минеров я много раз слыхал и усвоил истины, гласившие: «Подрывники своей смертью не умирают» или: «Минер ошибается только один раз в жизни».

Эти мудрые изречения очень мало меня тешили, и я только мычал в ответ на болтовню своих соседей, которые вели себя так, словно мы совершаем экскурсию по Зимнему дворцу, а они в качестве почетных экскурсоводов объясняют мне чудеса искусства.

— Однако это целая крепость в Пинских болотах,— начал я разговор, немного привыкнув к путешествию по минным полям.

— Ого, тут еще не то увидите,— подхватил Батя.

— А что еще? — тревожно спросил я.

Но он, видимо, уже был удовлетворен произведенным на меня впечатлением и таинственно замолчал.

Скоро езда закончилась.

— Приехали,— вздохнул я облегченно.

— Не совсем. Здесь придется ваших хлопцев оставить. За черту нашей просеки еще никто из посторонних не переступал.

«Этого еще нехватало»,— подумал я, но, чтобы скорее добраться до места, согласился.

Дальнейшее путешествие показало мне, что самые тяжелые мытарства сегодняшнего дня еще впереди. Меня потащили по болоту. Болото замерзло кочками, а поверх него был навален бурелом. Густой, колючий, скользкий. Я падал, полз на руках и, при каждой попытке пройти по-человечьи, на двух ногах, снова падал.

Впереди шел Батя с фонариком, безуспешно стараясь облегчить этот поистине тернистый путь.

На место прибыли мы около полуночи. В отсветах электрического фонаря я увидел возвышающиеся среди бурелома несколько куполов — землянок. В одной чуть заметно мерцал свет. Мы вошли в землянку. Вид ее приятно разочаровал меня. Просторная, высокая, с деревянным, как в предбаннике, решетчатым полом, с коврами на стенах, с приличными кроватями и полочками для книг, гвоздями для оружия и всего необходимого человеку в оседлой партизанской жизни.

На железной печке поспевал ужин, кипел чай. Поужинали мы плотно и молча, а затем улеглись. От переутомления и треволнений сегодняшнего дня я не мог уснуть. Задал несколько вопросов, и Батя стал рассказывать. Рассказывал он очень много и занимательно.

Уже перед самым рассветом я сказал своему собеседнику:

— Наконец-то я вижу партизан точно такими, как их показывают в кино.

— А разве бывают и другие? — не поняв, удивился он.

— Бывают,— ответил я, натягивая на голову кожух.

8

Утром Батя и капитан Черный решили отдать визит Ковпаку. Пока хозяева наводили порядок и отдавали распоряжения на время своего отсутствия, я присел к самодельному столику записать наши злоключения и историю этого отряда.

Вот что рассказал мне Батя в землянке, затерянной среди Пинских болот, в полночь, в начале января 1943 года:

— По специальности я инженер, занимаюсь строительным и разрушительным делом. Строительным всю жизнь, а разрушительным вот уже второй год. Как мне в голову пришла мысль в тыл противника пробраться, рассказывать не буду, слишком это длинная и путаная история, а окончилась она тем, что в результате многих мытарств попал я на службу в одну чересчур секретную организацию. Сколотили довольно большой боевой коллектив и даже назначили время вылета в тыл врага. Я летел командиром, были, как водится, назначены комиссар и начштаба.

Много раз сроки вылета менялись, отменялись и переменялись, но все же наконец выбросили и нас.

Вся моя компания и груз с оружием и прочими медикаментами разместились на семи самолетах.

— И, как всегда бывает в этих случаях, летчики выбросили вас совсем не в то место, куда вам нужно? — спросил я.

— А вы откуда знаете? — удивился Батя.— Совершенно

правильно, ио если бы только не в то место, это еще полбеды. А то ведь оии мие мой отряд в радиусе ста — ста пятидесяти километров разбросали. Ои иа полградуса в сторону взял, а мы четыре месяца собирались, пока друг друга иашли.

Я засмеялся.

— Вы что?

— Да вот вспомиил Володю Зеболова, автоматчика-десаитиика, которого летом прошлого года таким же манером выбрасывали под Бахмач. А вместо Бахмача ои попал ко мие, в Бряиские леса. Всего-иавсего иа сто семьдесят пять километров по прямой не «довернул» штурмаи.

— Вижу я, вы порядки в иашем деле зиаете.

— Малеиько зиаю,— сказал я, смеясь.

— Во-во. Вот так и меия, где ие «довериули», а где и «переввериули». Так без малого полгода мы собирались, пока собрались, кто в живых остался. Комиссар мой так и погиб, ие дошел... Пришли в этот благословеиный богом и людьми позабытый край. Пришли и стали здесь обосиовываться. Я ведь шел с вами и все слушал, как вы крестили эти болота и о иас, болотиых жителях, вероятио, только из вежливости умалчивали. Но ведь земля-то эта завоеваииая. Народ в селах иаш. А полгода иазад, когда мы только появились, в каждом селе были полицейские посты. Строгости страшиые, о появлеиии каждого чужака село обязано было сообщать в райои иемедленно, под страхом расстрела заложников, а то и все село каратели сжигали. Что ж тут удивительиого, что каждого путника в селах не с радостью и ие с пирогами встречали. А в открытую мы тогда действовать не могли. Сил мало, да и раскрыть свое появлеиие мелкими делами — это зиачит никогда крупиых дел не совершить.

— Да-а,— протянул я с удивлеиием, разглядывая кореиастую фигуру иижеиера.

— Вот вам и да-а... Землянку вырыть в этом месте, куда до иас с сотвореиия мира, может, кроме медведей да залетиой птицы иикто ие ступал, это дело нелегкое, а все-таки пустяки. А вот на месте, где немецкая оргаиизация, оккупациоииая власть, корни пустила и щупальцы протяиула, обосиоваться и иачать работу — это потрудиее будет. Начали мы с подполья. Не может быть, чтобы партийиая оргаиизация, райониая, областиая, ие оставила людей. Ну, отступали в спешке, следы, может, и потеряиы, ниточки там всякие попутаны, порваиы, так люди-то есть? Люди-то куда денутся? Не без этого, коиечио, чтобы не погиб кто-ибудь по неопытности или по иеосторожиости товарищей, но кто-нибудь да остался же? Стали мы искать тех, кто погиб. От могил, зиачит, решили оттолкиуться. Парадокс? Да-с, дорогой мой.

Парадокс, как и война вся в общем и целом. А то, что я, инженер, что равно слову строитель, разрушением занимаюсь, разве это не парадокс? Ну-с, нащупали мы одну могилку. В первые дни девушку тут одну в райцентре повесили. В самом этом факте публичной казни через повешение ничего удивительного нет. Арийских зрелищ тут хватало, и не это примечательно, а примечательно то, что, когда ее похоронили, на могилке ее венки из пинских всяких роз стали появляться. Удивительного тут тоже ничего нет. Может, из родственных чувств или просто из романтических побуждений кто-нибудь это делал. Но мало что появляются цветы,— с цветами записки, а в записках сказано: так, мол, и так, цветы не простые, а вроде с того света, потому что носит их себе на могилу сама безвременно скончавшаяся Нина. Гитлеровцы погрозились, что за это загробное хулиганство может кто-нибудь живой... и так далее и тому подобное. У них в их афишках интересно получается: «За неточное выполнение распоряжений — штраф сто марок, а также карается смертью...» Но Нина, как и полагается мертвецам, второй смерти не испугалась и стала всякие тому подобные записочки жандармам в казармы подбрасывать, на квартиры захаживать, возле немецких постов на заборах расклеивать... Большого вреда от ее загробных путешествий немцам пока что не было, но беспокойство немалое. Слухи об этом привидении до нас сразу дошли, а вот как с ним познакомиться?.

— Романтическая девушка...

— Романтическая, ничего не скажешь. Ходили я и мои хлопцы по следам на кошачьих лапках и наконец выходили. Оказалась сия бесплотная Нина здоровенным дядей, верзилой этак пудиков на шесть, а от роду ему было лет под тридцать пять. Добиваться сразу, у детинушки — за свой страх и риск он работает или от какого подпольного кооператива, я не стал. Сам знаю, по законам конспирации, а попросту говоря, по обыкновенной житейской логике, он мне правды не скажет. Да и спугнуть этим можно. Веду с ним дело так, как будто на всем белом свете только я да ты, да мы вдвоем. Разговор у нас все больше о том, что все равно немцу тут век не вековать, что мы, мол, русские люди и сидеть сложа руки нам неудобно. Детина и заявляет, что он и не сидит. «У меня даже на всякий случай склад оружия припасен». Ага, думаю, склад оружия есть? Особенно не добиваюсь, а сам думаю: через этот склад он мне еще кого-нибудь из организации покажет, а я им тоже выложу свои карты. Так вот и ходили мы друг возле друга.

— Да он кто же такой, этот детина?

— Да киномеханик. В райцентре киношку крутит. Стал я за ним следить — может, думаю, таким образом его компаньонов узнаю. Но, кроме помощника-немца, ни с кем он вроде не встречается и знакомства не ведет. Помощник этот вечером киношку крутил, а днем на базаре краденым добром спекулировал. А тут начальство мое снова нажимать стало: «Не пора ли, уважаемый, переходить к делу?» А дело, за которым меня посылали, есть диверсионная работа. Чистота в производстве тут нужна очень большая, и тонкость тоже требуется не меньше, чем у часовых дел мастера. Ну вот и решил я, что пора стартовать. Сообщил по начальству, что держу в своих руках нити целой подпольной организации, способной вершить большие дела. Требуется только немедленная помощь «медикаментами». Ну, там сразу поняли и через пару дней мне шлют «дугласок» и сбрасывают «медикаментов», пока что одну тонну. Одним словом, можно этим самым лекарством не одну сотню людей или машин, а то и домину в небеса поднять. Склад оружия у этого самого киномеханика Нина — такую мы ему кличку дали — «Нин», за то, что свои листовки именем покойницы Нины подписывал,— склад оружия, говорю, у Нина оказался из пяти штук гранат, одного пистолета и десятков четырех патронов. Уже когда мы вошли у него в доверие, он мне раз шопотом признался: «Я,— говорит,— самого вахмайстра жандармерии из пистолета убить хочу!» И глаза блестят этаким жертвенным огнем. «Ну, убьешь ты вахмайстра, а дальше?» Молчит. «А дальше тебя на веревочку и на перекладину». Опять молчит. Вообще выложил я ему все и говорю, что из пистолетиков стрелять теперь не годится. Надо действовать так, чтобы если уж самому погибать, то хотя бы сотни две взамен своей жизни гитлеровцев уложить. «Чем?» — спрашивает. «Подрывным делом, диверсионным методом»,— отвечаю. И на затравку предлагаю: «Скажи, Нин, дорогой, заминировать твой кинотеатр можем мы или нет?» А он глазами моргает. «Ну, охрана возле театра есть или нет?» — спрашиваю. «Какая тут охрана? Да что хочешь можно там делать».— «Так чего же ты удивляешься?» — «А как же заминировать, чем?» — «Это уже, брат, моя печаль. Ты нам только условия создать должен». Словом, договорились мы что к чему, и через недельку в кинотеатре под полом у нас пятьдесят килограммчиков «медикаментов» было заложено. Теперь осталось подключить провод и ждать момента, когда в кинотеатре одни гитлеровцы смотреть киношку будут. Вывели мы провода и подвели их к будке. Подключили к рубильнику, который граммофонные пластинки в репродуктор включает, адаптер называется. При включении рубильника

замыкается цепь под полом, и театр должен взлететь к аллаху на небеса.

— А кто же включить должен? Неужели этот Нин сам решился!

— Вот тут-то и заковыка. Вахмайстра стрелять — это он может, а вот взлететь на воздух вместе с ротой немцев, вижу, не совсем его устраивает. Сразу я не понял, почему.

— А это не очень романтично. Стрелять — это все-таки действие. Можно застрелить и самому сбежать, отстреливаться. Потом и похвастать можно. Вот я какой!

— Вот именно. А тут уж очень верные математические формулы. Если удастся этот взрыв, то уже самому остаться в живых нет никакой надежды.

— Правильно. Это вы правильно поняли. Пожалуй, каждый точно так же чувствовал бы себя на его месте.

— Это как сказать. Но подобными размышлениями мне тогда заниматься некогда было. Полдела сделано, а вторая, самая ответственная половина впереди. Кто включит рубильник? И когда? Я говорил вам, что был у Нина помощник. Немцы ему своего солдата поставили. Вроде — часовой для порядка, и подучивался. Нестроевой, но тоже гонор показывал,— как чуть подучился кинoделу у русского, так уже и норовит своего наставника по зубам съездить. Аппарат запустить умел, ленту перемотать. Вот и остановились мы на таком варианте, что этот рубильник пускай сам немец и включит.

— А когда?

— Во время сеанса, конечно.

— Но в театре же русские, мирные люди бывают.

— В том-то и дело. Но тут нам подвезло. Правда, обычно немцы для русских особый сеанс устраивали, а для себя особый. Но тут подвернулся случай: прибыл в район карательный отряд. Лучшего момента для нашей затеи нечего и ждать. Днем мы с Нином все в последний раз спланировали, что к чему. Он свою проводку проверил. Вечером шел фильм с участием знаменитой артистки Марлен Дитрих. И вечером же мой киномеханик всю эту затею чуть не погубил.

— Как же? Неужели открыли ваш замысел?

— Да нет. Немцев привезли на авто, театр полон, надо сеанс начинать, а мой механик вышел на улицу и говорит мне: «Я взрывать не буду, нет моего вахмайстра».— «Какого тебе вахмайстра надо?! Вон их сотни три в твоих руках». — «Нет моего из районной жандармерии. Рыжего. Он мне морду бил. Я без него взрывать несогласен». Да, понимаете, на всю улицу орет. Я на него цыкнул. Ну вот-вот провалит все дело. Выручил меня сам рыжий вахмайстер. Смо-

трим — идет. Да не один, а с девахой. Была в райоие одна потаскушка, с немцами гуляла. Все иадеялась, что какой-иибудь Гаис ее замуж возьмет, в Берлин повезет. Вот ее-то и ведет рыжий вахмайстер иа иаш сеанс с участием зиамеиитой артистки Марлен Дитрих. «Ну, давай,— говорю,— Нии, дорогой, давай им эту самую музыку через адаптер». Побежал мой кииомеханик. Мииут через пять и ахиуло. Я на углу улицы стоял, и то меня малость оглушило. Толу хотя и иемиого было, но он у нас под полом заложен. А здаиие закупореииое. Окиа и двери двойиыми ставиями заделаны, поэтому вроде и взрыв двойной силы получился. Стеиы остались целы, но зато потолок и крышу сиачала иаверх подняло, а потом и ахиули все эти балочки да качалочки обратио в зал. Одним словом, из двухсот восьмидесяти немцев только семь осталось в живых, из-под обломков их вытащили, да и этим я ие завидую: меиьше чем по полдесятка костей переломанных ни у одного ие было. Ну-с, как вам нравится?

— Ничего. Старт подходящий. А как же кииомехаиик?

— С Нииом иашим история приключилась. Он своему помощнику рубильник показал и говорит: «Я нах хауз сбегать должеи... Так ты мииут через фир-фюиф включи пластинку». А сам из театра вышел и бегом ко мие. А тот, видно, коиьяка иасосался и понятие о мииутах имел иеясиое. Не успел Нии шагов тридцать от театра отойти, пластиика-то и заиграла. Нииа об землю без чувств ахиуло. Он и сейчас вроде контужеииый. Заикаться стал, и руки дрожат. Ну-с, вот. После взрыва в кииo пошли у нас дела. Да об этом разговор долгий. Мы уже и так заболтались. Спать пора.

Через четверть часа в земляике все спали.

Усиул и я.

4

К вечеру мы вериулись к себе в отряд.

Одии из моих провожатых, Володя Зеболов, с увлечеиием рассказывал радистке Аие Малеиькой о приключеииях последних двух дией.

— А помиишь, как ты приземлился в Бряиских лесах? — смеясь, сказала Аиютка.

Володя Зеболов иахмурился.

Чудиой человек с чистой и застенчивой душой, искалечеиным молодым телом, с обиажеииыми войиой иервами!

Володя Зеболов, безрукий автоматчик трииадцатой роты, а сейчас лихой разведчик.

Да, да, уважаемые граждаие с руками и иогами! Солдат без обеих рук, и ие какой-иибудь солдат, а лучший — разведчик. Левая рука у него была отрезана у локтя, правая —

у основания ладони. Правая рука от локтя была раздвоена вдоль лучевой и локтевой костей и пучком сухожилий, ткани и кожи обтянута вокруг костей, чем образовала что-то вроде клешни. Только страстной жаждой к жизни и деянию, силой молодого организма и мастерством хирурга у человека было спасено подобие одной конечности, искалеченной, безобразной, но живучей. Шевеля этими двумя култышками, он питался, писал, мог свернуть папироску и хорошо стрелял из пистолета. Ремень автомата или винтовки обматывал вокруг шеи, и нажимая обезображенным комком мускулов на спусковой крючок, стрелял метко и злобно. Все остальное делал той же култышкой, иногда помогая себе зубами. И тихонько, для себя, писал стихи. Странные и не очень складные, никому не нужные стихи! А часто, забравшись куда-нибудь на ток в селе или уйдя от колонны на стоянке в гущу леса, громко декламировал мальчишески грубоватым баском:

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем дерьме,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
вспомните и обо мне.

Я так и не добился от него, где он потерял свои руки. Этой темы он не любил касаться, хотя мне и кажется, что я был в его жизни одним из самых близких людей.

— Было дело в молодости... — уклончиво отвечал он. Также избегал он говорить и о своих бесшабашно храбрых делах в отряде. Но о них мы узнавали от товарищей, видели их сами...

По одному разговору с глазу на глаз, неясному и отрывочному, по отдельным ироническим намекам я понял, что беда эта случилась с Володей в финскую войну, куда он пошел добровольцем.

Струсил ли он, был ли оставлен товарищами, или сам был виноват в чем-то, но при каких обстоятельствах у него ампутировали отмороженные кисти рук, он умалчивал.

Я понял, что касаться этой темы ему больно и как будто стыдно... Один раз он все же разоткровенничался немного.

— Три месяца лежал я в госпитале весь в бинтах и просил, чтобы меня застрелили. Просил сестер, раненых с руками, врачей. Когда я сказал об этом профессору, он мне ответил: «Стыдитесь, молодой человек. Пока я вам сделал эту сложную операцию, отнявшую у меня время... два часа времени

хирурга на фронте! — в приемной, не дождавшись операции, умерли два человека. Понимаете? Стыдитесь...» — «Зачем же вы делали это?» — спросил я. «Я спас вам руку... вот этот большой палец, этот указательный...» — и он показал мне пальцы на этой култышке. Я задвигал ими, «пальцы» болели, но все же двигались...

Зеболов говорил все это задумчиво, ровным голосом, что с ним бывало очень редко. Он помолчал немного, а потом продолжал:

— Стал я тренировать «пальцы», чтобы суметь взять пистолет и... застрелиться. И когда я уже мог кое-что делать, я достал его, стрелял, но неудачно... и, понимаете, профессор набил мне морду и сказал, что я подлец. Скоро опять началась война... теперь было бы уже смешно стреляться... Как это сказано —

Прекратите,
бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел!
Вы ж
такое загибать умели...

Володя Зеболов перед войной был студентом Московского университета. Говорили, что учился хорошо и талантливо... И вот война.

Я впервые познакомился с ним перед вылетом в тыл врага, когда готовился к выброске и проходил разведывательную школу. Ее же со мною проходил и Зеболов. Затем я был выброшен в Брянские леса и позабыл о своем безруком товарище, с которым всего на несколько недель свела меня военная судьба.

Пробыв уже месяца полтора в партизанском крае и обжившись в нем, я однажды сладко спал на сеновале где-то километрах в четырнадцати от Брянска, вернувшись после полуночи с явки с брянскими железнодорожниками. Разбудили меня визгливые бабьи голоса, спорившие между собою:

— А я тебе говорю: немец его спустил. Я ж сама парашют бачила. От и шворку себе отрезала. Из нее хорошие нитки...

— Ну, сама подумай, зачем немцу яво спускать... Зачем?

— Шпионство разводят... А потом он самолетами зажигалки бросать будет, куда твой безрукий вкажет.

— А я тебе говорю: он Красной Армией спущен.

— Ну, и где ты видала в Красной Армии безруких? Где?

— Ну, не видала. А все равно, не германский самолет.

Я же слыхала, как он гудев... Немецкий только угу, угу, угу, а наш жу, жу...

— Ах, много ты понимаешь в самолетах...

Они так и не дали нам спать. Я слез с сеновала. Возле сарая сидели освещенные утренним солнцем две бабы. У обеих — длинные драгунки за плечами с белыми самодельными ложами. Это была самооборона. Старшая держала в руках метров пять парашютной стропы, младшая, почти совсем подросток, из-под ладони, щурясь, смотрела на дорогу.

Я спросил, о чем они спорят.

Перебивая друг друга, они рассказали мне, что километрах в пяти от нас, у партизанского села, ночью приземлились три неизвестных парашютиста. Один из них, молодой парнишка в штатском, опустился в Десну и чуть не утоп. Второй, приземлившийся возле ветряка, оказал вооруженное сопротивление партизанам, а когда был взят ими, оказался безруким. Третий парашют найден в жите, а парашютист исчез.

— Безрукий? — спросил я. — А как звать его?

— Он не говорит. Он только губы кусает. Я ж говорю: их немец спустил, зажигалки вызывать будет.

Я вспомнил о Зеболове, вспомнил, что отрядом, где приземлились таинственные парашютисты, командовал милиционер, возомнивший себя Александром Македонским. Я быстро оседлал коня и пустил его в галоп. Действительно, безрукий Володя, мой однокашник по разведывательной школе, сидел на бревнах возле штабной избы и угрюмо улыбался. Ноги его были связаны, култышки рук, торчавшие из закатанных рукавов полосатой косоворотки, делали его похожим на общипанного селезня. Рядом стоял табун ребятишек, таращивших глаза на невиданного парашютиста.

Володя бросил на меня безразличный взгляд, а затем, узнав, рванулся ко мне.

— Сиди, — сказал «часовой» — здоровенная бабища, замахиваясь на него винтовкой.

Володя сразу присмирел. Он кинул косой взгляд на часового.

— Майор, скажи ты ей. Прямо по шее прикладом лупит, сволочь.

Я только сейчас заметил плачевный вид Володи. На теле были ссадины, рубаха разорвана.

Я приказал бабе не превышать прав караульного, а Володе не горячиться.

Разговор с командиром отряда был длинный. Он долго молчал, слушая мои объяснения, а затем вырвал из толстого гросбуха несколько листов и начал что-то писать. «Протокол», — прочитал я заглавие. Далее следовала обычная

«шапка». Внизу на всю страницу он долго, пыхтя, выводил: «вопрос — ответ, вопрос — ответ» и, пронумеровав их по порядку, только тогда обратился ко мне.

— Вопрос, — подняв ко мне красное лицо, с которого градом катился пот, начал командир: — Откуда вам известен этот человек и как давно вы с ним связаны?

Ответ мой, очевидно, был столь выразителен, что так и не был записан. Протокол остался незаконченным.

Словом, я взял Володю на поруки.

История его неудачного приземления проста и рассказана мною ранее в главе о Бате. Летчики просчитались и вместо района Бахмача выбросили его под Брянском. Бросали его под Бахмач потому, что там на разведывательной карте было белое пятно. Но, выбрасывая Зеболова в этот район, ему говорили, что друзей с оружием в руках он вряд ли встретит. Вооруженными могли быть только немцы или полиция.

По ошибке летчика группа выбросилась в самую гущу партизанского края. Не удивительно, что, приземлившись у ветряка и увидев бегущих к нему вооруженных людей, Зеболов решил, что он попал в руки противника. Быстро отстегнув стропы, он отбежал в картофельное поле и залег. Партизаны оцепили белое пятно парашюта. Пока они возились с ним, Зеболов успел отползти дальше. И ушел бы, если бы не те две бабы, что спорили утром. Они заметили его, ползком пробиравшегося к кустарникам. Володю окружили и стали кричать, предлагая сдаться.

Зная, что под «Бахмачем» никаких партизан нет, и слыша русские окрики, парень решил, что попал в лапы полиции. «Все кончено», — подумал он и бросил гранату себе под ноги. Партизаны кинулись врассыпную, но она не взорвалась. Очевидно, какой-то из «пальцев» на руке Зеболова, смастеренный руками хирурга, все же действовал плохо в таких необычайных условиях. Партизаны лежа ждали взрыва гранаты, но его не последовало. И лишь тут кто-то из них вдумался в смысл фразы, которую выкрикнул парашютист, бросая гранату:

— Знайте, сволочь полицейская, что советский разведчик живым не сдается.

— Товарищ, если ты советский, тут свои, партизаны! — закричали из картофеля.

— Какие партизаны? Обманом хотите взять? Врешь, не возьмешь,— хрипел парашютист, изготовив вторую гранату и зажав ее кольцо в зубах.

— Партизаны, ей-богу партизаны!

— Не подходи! Еще шаг — себя подорву и вас уложу,— не сдавался разведчик.

Кое-как всякими хитростями и уловками хлопцы уломали

Володю и подошли к нему. Все же для большей безопасности они отняли у него гранаты и другое оружие. Совсем сбитый с толку парень решил, что его все-таки ловко обманули, и бросился в драку. Он разбил головой лица двум партизанам, искусал третьего. Ему тоже насовали под микитки, связали и привели в штаб.

Мой приезд разрядил обстановку. Коллега Володи Миша, бесцветный и трусоватый парень, неизвестно зачем завербованный для дела, требующего недюжинных людей, сидел в сарае мокрый и ревел. Его полуживого выудили из реки мальчишки. Но где же третий? Володя, сплевывая кровь с разбитой губы, рассказывал мне, что третьей была радистка Маруся Б., черненькая, смуглая дивчина, недавно кончившая школу радисток. Она приземлилась недалеко от него, но успела убежать в рожь. Девушка слыхала звуки «полицейской» облавы на ее командира и, вероятно в испуге, забежала далеко. «Может быть, даже к немцам в руки»,— подумал я.

— Как вы условились о сборе? — спросил я Зеболова.

— Если приземлимся «с компотом», во что бы то ни стало перед вечером быть на месте посадки.

— Значит, Маруся сегодня к вечеру должна быть у мельницы?

— Да, в этом районе. Если не сдрейфит.

— Какие условные сигналы?

— Крик совы.

— Но ты же пойман немцами. Так она думает. Значит, и кричать можешь, выманивая ее?

— Ну, да...

— Вот задачка.

Мы сидели и думали, как же вытащить Марусю из ржи. Ходить искать ее — может забежать еще дальше. Унесет рацию, шифры и, не ориентируясь, обязательно попадет к врагу. Или, в лучшем случае, застрелится сдуру.

И тут у меня мелькнула мысль: «Песня, советская песня».

У милиционера глаза заблестели, когда он понял, что я хочу сделать.

— Собирай всех девчат. Пускай ходят по полю и поют советские песни.

Милиционер зашевелился.

Я никогда не слыхал, чтобы так пели девушки. Их голоса звенели, выводя:

Широка страна моя родная...

В другом конце поля отвечали:

Полями широкими, лесами далекими
Лети, наша песня, лети.

С перекрестка дорог раздавалось:

—А-у-у!.. Товарищ Катерина! Председательша вызывает... — И наконец:

— Вот она, ваша радистка...

— Ура-а!..

Маруся действительно выползла. Она просидела целый день во ржи, а под вечер уснула и проснулась от песни и голосов, которые так живо напомнили ей колхозные поля, Украину...

И Маруся вышла на голоса.

Стояла окруженная девчатами и, ничего не понимая, смотрела на всех красными от слез глазами.

— Молочка выпей, девонька, молочка,— говорила здоровенная баба с винтовкой за плечами. — Ох, и зубатый у тебя командир! Выпей, выпей молочка. Свое, наше — партизанское.

Зеболов после этого пристал ко мне. Со мной он пришел к Ковпаку. Особенно полюбил Зеболова Руднев. Полюбил так, как может полюбить человек, знающий толк в людях.

Анюта Маленькая дружила с Володей. Довольно капризная девушка, но с Володей у нее установился трогательно-грубоватый тон... Когда Зеболов хандрил, она подходила к нему и, заглядывая в глаза, говорила:

— Не горюй...

В разведроте они жили немного обособленно. Этого требовала специфика их работы. Анюта работала на своей рации, связывая меня с фронтом. Недостатка в полезных данных о немцах у меня не было, и ей приходилось работать целый день. Они занимали отдельную хату — небольшой коллективчик молодежи: Володя Лапин, Анюта Маленькая, ее повозочный и ординарец Ярослав из Галичины, взятый мною в плен под Лоевым, Володя Зеболов, Вася Демин и недавно бежавший к нам из плена донской казак Саша Коженков.

— Не горюй, Володя,— все чаще говорила ему Анюта, даже когда в глазах его не было и тени грусти.

А Зеболов, садясь за стол с дымящейся картошкой и нагибаясь ближе к тарелке, отвечал:

— По-ве-се-лимся-а-а...

Это означало, что пора отделению ужинать. Володя иногда поддразнивал радистку, вспоминая, как она хотела подстрелить меня во время первой нашей засады, когда я мчался мимо нее на немецкой легковой машине.

— Повеселитесь с нами, товарищ подполковник,— сказали хором ребята отделения Лапина, уступая мне место за столом и давая ложку.

Это было вечером после поездки в отряд Бати.

Бате, так же как и нам, остро нужна была посадочная площадка. У него были свои нужды, у нас свои. Он хотел отправить на Большую землю какие-то важные документы, людей и несколько раненых товарищей. Ковпаку же аэродром необходим был дозарезу. Свыше ста раненых, среди них много тяжелых, сильно затрудняли маневренность отряда. Сказывалась также нужда в боеприпасах. Ясно было, что в таком состоянии отряд мог только пассивно держаться, а итти на серьезное дело — в новый рейд — командование не решалось. Поэтому мы объединили с Батей наши усилия в поисках площадки, пригодной для посадки современных тяжелых машин. Задача оказалась гораздо труднее, чем мы могли это себе представить. Леса, пески и топи — самые неподходящие места для аэродрома.

А именно они и составляют господствующий ландшафт в этих краях и простираются на сотни километров во все стороны. Батя расчистил площадку среди леса, но когда я посмотрел на нее, мне стало ясно, что машина здесь угробится.

Еще в декабре была у нас мысль посадить самолет на озеро, но наступившая тогда оттепель сорвала наши строительные планы. Так размокропогодило, что наш аэродром сразу оказался самой обыкновенной водой. От ледяной затеи мы временно отказались. Сейчас этот вариант приема самолетов всплыл опять, причем все яснее становилось, что он единственный. Разведчики, рыскавшие в поисках ровного, твердого и достаточно большого куска земли в этом районе, не приносили ничего утешительного. Ровными здесь были только обширные незамерзающие болота, летом непроходимые ни для зверя, ни для человека, а зимой с трудом удерживавшие легонькие белорусские дровни да плохонькую лошаденку, привычную к топям; твердыми могли быть только вырубки леса, но там тысячами торчали пни. Выкорчевка их зимой была делом невозможным ни по времени, ни по количеству рабочих рук. Словом, самолеты можно было принимать только на озере.

Вначале мы думали принять их на небольшом, километра полтора в длину, озере Белом. Но оно было очень глубокое — до семидесяти метров, вода плохо промерзала, и лед был тонкий. Окончательно наши мнения сошлись на том, что наиболее подходящим было озеро Червонное, или, по-простонародному, Князь-озеро. Большое, самое крупное в этих местах, оно имеет яйцевидную форму. В длину километров двенадцать, в ширину — шесть-семь, не особенно глубокое, окруженное шестью селами.

Мы сразу же перебазировались в села, разбросанные вокруг Князь-озера, расположив отряды по южному берегу его. Штаб и первый батальон стали в селе Ляховичи. Третий батальон — в селе Пуховичи. Второй — в колхозе «Комсомолец», четвертый батальон выдвинули на северный берег озера. Таким образом обеспечивались подходы к будущему аэродрому и его дальняя оборона.

Морозы все больше крепчали, и лед на озере достигал уже тридцати сантиметров толщины. Не откладывая дела в долгий ящик, мы сразу же приступили к подготовительным работам. Разметили большую площадку, где лед был потолще, и стали счищать с нее снег. Когда площадка была готова, появилось новое препятствие, которое преодолеть мы были не в силах. Авиационное начальство, узнав о том, что мы хотим садить сухопутные самолеты на лед, не соглашалось на это. Время уходило. Стояли хорошие лётные ночи, но сколько они продержатся среди зимы, да еще в Полесье? Несколько радиограмм, посланных Ковпаком о том, что лед крепкий, не возымели никакого действия. В посадке самолетов на лед нам отказывали.

Организацию аэродрома Ковпак возложил на меня, потому что еще в Брянских лесах, вылетая на Большую землю и два-три дня ожидая самолета, я с летчиками и техниками прошел нечто вроде небольших курсов подготовки. Курсы эти были продолжительностью пятнадцать-двадцать минут, но все же я знал основные технические требования, которые предъявлялись к посадочной площадке. Все у меня было учтено, кроме постройки аэродрома на льду.

Полной уверенности в том, что он выдержит тяжелую машину, не было. Тогда мы по-своему занялись техническими расчетами. Народу на очистке льда было до пятисот человек плюс сто саней с лошадьми. Я заставил людей притаптывать, плясать. Лед потрескивал изредка, но держал. Потом стали подсчитывать. Ковпак вообще любил всякие подсчеты и расчеты. И подсчитали, что вся группа людей с повозками и лошадьми весит до ста тонн. «Дуглас» вместе с грузом весит семь тонн. Мы эти семь тонн удвоили, затем в пять раз увеличили на силу удара во время приземления и решили, что можем принимать самолеты без риска.

Ковпак подождал дня два и дал радиограмму такого содержания: «Рядом с Князь-озером провели большую работу по выравнению, и нами подготовлена посадочная площадка на грунте». Дальше шли все технические данные, почти идеальные. Я знал их еще от летчиков,— земля твердая, грунт мерзлый, ни топей, ни болот, подходы замечательные и т. д.

Начальство запросило данные снова. Мы дали их вторично

в том же виде. Руднев колебался, но Ковпак все более настойчиво нажимал на авиационное начальство. Наконец пришел ответ: «Ждите самолетов». Условные сигналы даны, и мы стали ждать.

На берегу озера была хатка, где всю ночь проводили сигнальщики. На льду жгли костры, в селе возле штаба стояли верховые лошади и несколько упряжек в санках.

Все было рассчитано так, чтобы по первому гулу самолета указать ему ракетами место посадки. Пока самолет делал круг и заходил на посадку, Ковпак, Руднев, Базыма и другие работники штаба должны были успеть вскочить на коней или в санки и проскакать километра полтора от штаба до посадочной площадки.

Как всегда бывает, в первую ночь самолета не дождались. Мы просидели у костров и в штабной халупе до трех часов ночи. Вначале разговоры вертелись вокруг Большой земли и авиации. Сперва они были восторженно-ожидательные, затем, по мере напрасного ожидания, придумывались причины, строились догадки, почему не летят самолеты. Так постепенно все причастные к приему самолетов осваивали некий техминимум по авиации, ее материальной части, организации и порядкам. Потом уже стали поругивать летчиков. На третью ночь эта тема была полностью исчерпана, и, поругав еще напоследок Гризодубову, полк которой работал на нас, мы переключились на разные другие близкие нам темы. Об авиации помнили только часовые да дежурные, которые, позевывая, похаживали по улице, сидели на крылечках, кому как было положено нашим уставом внутренней службы.

Эти вечера, вернее ночи, имели каждая свой «гвоздь», каждая завершалась наиболее удачным рассказом. Рассказы эти поражали меня разнообразием, и я записал их мелким бисером в ученическую тетрадь с косыми линейками, поставив на обложке заголовок: «Тысяча и одна ночь в ожидании самолетов Гризодубовой, или партизанская Шехерезада».

История самой тетради тоже стоит, чтобы о ней рассказать. Выспавшись после первой ночи ожидания самолетов, часа в два я зашел в штаб. Нужно было суммировать все разведданные, добытые за прошлые сутки, и дать задание группам на следующую ночь.

Примостившись на уголке стола, я собрал пачку донесений, делая на них пометки. Начальник штаба, Григорий Яковлевич Базыма, трудился над отчетом.

Стоянки в ожидании самолетов, перерывы между рейдами — для штаба страдная пора. Нужно привести в порядок все документы, оформить, обработать все приказы, которые в боевой обстановке часто пишутся на клочке бумаги огрызком

карандаша, сверить списки людей, записать погибших, внести вновь прибывших, отметить раненых. Словом, для бывшего директора десятилетки, а ныне начштаба Григория Яковлевича, который все любил делать сам и был как бы рабочей лошадкой соединения, работы хватало. Напротив сидели: за машинкой Вася Войцехович — инженер-топограф, по военной специальности артиллерист тяжелой артиллерии, в отряде — помначштаба по оперативной части; Семен Тутученко — архитектор, автор одного из павильонов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в отряде — художник, он же завделами штаба и он же заведующий архивами. Тутученко сейчас трудился над картой Сталинского рейда, изображая на ней путь отряда и его дела. С этой картой было нам много мороки. На художественное оформление карты особенно напирал Ковпак, придирчиво требуя нанесения всех мельчайших деталей рейда. Базыма составлял отчет о рейде. Карта и была иллюстрацией к этому отчету. Колонки цифр ложились столбиками и рядами в шахматном порядке на большую бумажную канцелярскую «простыню». В штабе у нас в последние дни был бумажный кризис. Давно не громили крупных центров, а на изготовление отчетов, наградных листов, списков ушли все запасы. Для черновиков с расчетами нехватало бумаги, и Семен Тутученко достал из объемистого, кованного железом сундука бумажный НЗ — стопку тетрадей, пересчитал и несколько тетрадок бросил на длинный стол, за которым работала вся оперативная группа штаба. Григорий Яковлевич взял верхнюю тетрадку и задумчиво стал перелистывать ее страницы. Губы его шевелились и что-то шептали. Войцехович перестал печатать, нагнулся и через плечо начальника штаба заглянул в тетрадь. Страницы ее были совершенно чистые. Светлосиние жилки линеек наискось перекрещивали шершавую бумагу, но Григорий Яковлевич все так же задумчиво листал чистые страницы, словно читал на них не видимые нам письмена.

Мы с Васей недоуменно переглянулись. Базыма поверх очков взглянул на меня.

— Что, дед-бородед, смотришь? Вот она, моя нивушка, лежит чистая, незасеянная, грязными пальцами не замызганная, черными пятнами не заляпанная... Эх! — вздохнул он.— Сидит бывало какой-нибудь Кирилло-Мефодий, два вершка от горшка, на парту навалился, ручонки расставил, головку набок держит, и выводит, выводит по листочкам: «Мама мыла... Мы не рабы...», и кряхтит, и носом шмыгает... А теперь... Ну, чем мы занимаемся...

Я, пораженный словами сурового Базымы, так ярко представившего нам этого семилетнего мальчишку, высунувшего набок язык, посмотрел на стол.

На «простыне» стояли в графах столбиками цифры, а графы гласили: убито, ранено, взято в плен, взорвано, уничтожено, взяты трофеи, пестрели названия оружия: «Манлихер», «МГ-34», «Дегтярев», минометы 81-мм, пушки, автомашины.

Тутученко восторженно смотрел на своего начальника. Его, видимо, тоже тронули эти воспоминания. Базыма первый очнулся и строго заговорил:

— Ну, хватит, хлопцы, хватит! За работу! Прилетит сегодня самолет, а у нас не будет отчет готов, не пришлось бы нам дедовой плетки попробовать.

Штаб продолжал вести свою работу. Одну тетрадку с косыми линейками я тихонько взял для своих заметок.

6

Вечером мы снова были на своих постах. И снова безрезультатно. Прождав на льду до часу ночи, изрядно промерзнув и разуверившись в том, что сегодня будут самолеты, я поручил дежурство начальнику техническим довольствием Соловьеву, а сам поехал в штаб. Там шла беседа. Ковпак и Руднев уже ушли домой. В штабе сидела в большинстве молодежь. Разговоры шли о боях. У большинства партизанский стаж с 1942 года. В первых наиболее опасных и ставших уже легендой партизанских боях, полыхавших на Украине осенью 1941 года, мало кто из нас принимал участие. Когда наступила пауза, заговорил Григорий Яковлевич.

— Хотите, я расскажу вам о знамени нашего отряда? — сказал начштаба Базыма.

Он убавил свет в лампе, сдвинул на лоб очки и, глядя в окно, искрившееся снежинками в голубоватом свете луны, задумчиво начал:

— Было это в конце октября 1941 года. Отряд наш уже собрался — без малого сто человек. Люди пообвыкли малость в новом своем положении. Привыкли к смерти, борьбе, к противнику привыкли, одним словом, как говорят, обстрелялись. Отряд в это время уже костью в горле немцам стал. На дорогах к Путивлю не только ночью, но и днем не было им покою. Лучше всех работали наши минеры, да и разведчики щелкали немцев и полицию. В будень поодиночке, а в выходной — когда подвезет — и по десятку. В Спащанском лесу мы устроились хорошо и, можно сказать, даже комфортабельно. Вырыли землянки, лес разбили на сектора обороны. В карту заглядывать не было никакой необходимости — каждую кочку знали мы в своей округе, во всех селах и колхозах были свои люди. Особенную помощь нам оказывали женщины. Женщина и белье постирает, и разведчика укроет, и сама в город или на

станцию в разведку сходит. Образовался у нас такой женский актив, и самым ответственным и ценным человеком в нем была Соловьева Екатерина. Прибегает она однажды перед вечером в лес. Слышим, наша Катя корову кличет. А это ее пароль был. Выхожу я на этот крик. Она, запыхавшись, сообщает: «Завтра будут на вас наступление делать. Понаехали в Путивль танки, сказывают, будут танками партизан уничтожать».— «Больше ничего не скажешь?» — спрашиваю. «Ничего»,— отвечает. «Ну, и на этом спасибо». Она и побежала. Ждем мы на другой день противника. Дороги подминировали. Только ждали мы их с одной стороны, а они — вот они, уже возле нашего лагеря. Два немецких танка ведут огонь во все стороны и прямо по лесу прут. Повыскакивали мы кто куда. Стреляем. Сначала бестолку все это делалось, а потом дед Ковпак команду подал: «Отстреливаться из-за деревьев и отходить к болоту». Была у него, видно, мысль заманить танки в болото. Так по его и вышло. Залетел с разгону один танк в трясину, забуксовал, на пузо сел и замолк. Несколько очередей дал и снова молчок. Другой, тяжелый, к нему не дошел, постоял и стал разворачиваться назад. «Эге,— думаем,— не везде эта машина страшна». А сами за деревьями лежим, обложили, как медвежатники медведя. Разворачивается второй танк и полным ходом назад из леса.

«Эх, жаль, уйдет косолапый»,— говорю.

«Не уйдет,— говорит Ковпак.— Я на выход из леса минеров послал. Заминировать дорогу прямо след в след».

И действительно, не прошло и десяти минут — как ахнет, только эхо лощинами да буераками пошло. Послали мы туда разведку, а сами первый танк караулим, только он — ни гу-гу. Давай мы подползать. Ползем ближе — молчит. Подползли еще ближе — не отзывается. Поднялись по команде комиссара с гранатами. Ура-а!.. А танк пустой. Экипаж сдрейфил и на другом танке бежал. Да не убежал. Тут и разведка возвращается — второй тяжелый танк действительно на мине подорвался и еще вдобавок загорелся. Значит, никто из танкистов из леса не ушел. Да еще мы с прибылью. Совсем исправный танк, с полным боевым запасом патронов и снарядов нам остался. Стали мы в башню лезть, а там всякой всячины полно. И мыло, и щеточки, и рушников вышитых, с петушками — целая дюжина, скатерть вышитая, мережкой отделанная... Со дна этого склада вытаскивает Митя Черемушкин — он у нас танкист был и потом на этом танке воевал,— вытаскивает Черемушкин завернутое в немецкую пятнистую плащпалатку красное знамя. Развернули мы его. Не так чтобы очень роскошное, но вполне приличное знамя. Шелковое, посредине герб вышит золотыми нитками, со шнурками, а на

конце их золотые китаечки, по бокам бахрома. Читаем надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Пионерский отряд школы-десятилетки».

Как развернул я его, да эту надпись прочел, поверите, так меня слеза и прошибла. Тут Семен Васильевич, комиссар наш, подходит. Показали мы ему.

«Вероятно, немцы в Германию хотели везти. Как боевой трофей».

«Еще и крест заработали бы»,— смеется Митя Черемушкин.

«Знамя пионеротряда завоевали — думали так же легко и партизан возьмут».

Взял комиссар знамя в руки: «Вот мы и освободили тебя из неволи, пионерский славный стяг! Не было у нашего отряда своего знамени, а сейчас будет. В бою добытое, кровью врагов омытое». И край знамени поцеловал. Все, кто тут был, подошли и тоже знамя поцеловали.

Вечерело. Собрались мы в землянках, результаты боя обсудили и решили, как сказал наш комиссар: «Считать пионерский стяг — знаменем нашего отряда». На другой день наши девчата под гербом простыми серыми нитками вышили: «Путивльский партизанский отряд». И вот уже второй год как под этим знаменем через всю Украину ходим...

7

На следующую ночь мы также не дождались самолетов. Морозы все крепчали. По ночам уже отмечалось до 35 градусов ниже нуля. Лед на озере звенел и гулко потрескивал, разбегаясь извилистыми трещинами от центра к берегам. Самолеты могли прибыть лишь после полуночи, и я первую половину ночи решил провести в штабе.

В жарко натопленной хате народу было полно. Штаб работал, заканчивая отчет о Сталинском рейде. К полуночи все было закончено. Ковпак и Руднев поставили свои подписи под каждым документом и ушли ужинать.

В полночь я выехал на озеро. Там уже давно горели костры. Опасаясь вражеской авиации и разведки, мы придумали движущиеся костры, которые горели в стороне от расчищенной ледяной площадки. Мы рассчитывали, что вражеские самолеты не поймут костерного шифра, который будет меняться, а если вздумают бомбить, то разбомбят лед в стороне от подготовленной площадки. Костры были сделаны на санях. На обыкновенных больших дровнях закреплялся ящик с песком. На песке складывался костер. Пара лохматых, куцых полесских лошадок удивленно-весело помахивала хвостиками, подогреваемыми огнем, горевшим на санях. При появлении

своих самолетов движущиеся костры должны были образовать нужную фигуру, которая служила условным знаком. Она показывала направление посадки и границы аэродрома. Аэродром обслуживала шестая рота. Люди ее уже имели некоторый опыт, а с командирами я провел целый ряд инструктивных бесед, передавая им свои скудные познания в аэродромном деле. Был у нас и один летчик, сбитый немцами еще в начале первого года войны и подобранный осенью в районе Гомеля. Он помогал мне. Одним словом, партизанский БАО был сколочен на славу. Рота, разбитая на группы по количеству костров, несла дежурство всю ночь.

Хорошо закутанные хлопцы сидели у огня и вели бесконечные разговоры вокруг надоевшей темы о самолетах, затем о прочности льда и рыбачьих способностях Павловского, успевшего использовать нашу стоянку на озере для заготовки рыбы. Рыба под давлением льда, который, утолщаясь, грозил ей гибелью, жалась к берегам и сама шла в приготовленные ей ловушки. Рыбакам оставалось только черпать ее широкими вилами да следить, чтобы ловушки не замерзали. Вилы наших рыбаков были с утолщениями на зубьях, как для перегрузки свеклы, и черпали ими рыбу из запруд прямо в сани. Павловский обещал в неделю засолить несколько тонн рыбы. Торопясь, он даже ночью выгонял старшин рот на каналы, и рыбу ловили при свете «летучих мышей».

— Легко ему так рыбачить, когда сама рыба в санки лезет,— говорили командиры.

— Богатому и чорт дитя колыше,— смеялся Ковпак.

— Озеро не только самолеты принимать будет, оно и кормить нас должно.

— Такое уж наше озеро. Недаром оно Червонным прозывается. А то еще Князь-озеро, по-нашему, простонародному,— заметил старик рыбак.

— А как же правильней будет?

— А кто его знает. Говорят старые люди по-разному. И Червонное, и Князь-озеро, и всякому названию свой пример будет.

Дед-белорус, полсотни зим отмахавший топором в лесу, а летом рыбачивший, простуженным голосом начал нам рассказывать легенду полесского озера. Оно, подобно древнему витязю, носило несколько имен.

— Озеро наше Червонным зовут за то, что много рыбы в нем и рыба все больше красноперая. Так я понимаю. А отец сказывал — еще на его памяти было это,— за владение озером большой бой был между богатеями, и даже кровь люди проливали. Через ту кровь пролитую оно Червонным и прозывается...

Колька Мудрый, перебивая старика, засмеялся:

— Это что, дедок. Самый правильный пример нам бабка сказывала, даже песни про то сложенные пела. Там бабка, знаешь, какая? Ей уж девятый десяток, а она песни поет, а когда самогоном хлопцы угостили, даже в пляс пошла. Из нее песок сыплется, а она пляшет. Вот это пример так пример...

Дед замолчал, видимо обидевшись.

— Расскажи, Мудрый!

— Не умею я, хлопцы. Вот бы бабку сюда, на лед,— подморгнул он в сторону старого рыбака.

Тот сплюнул и отошел подальше от костра, как будто послушать, не гудит ли самолет.

— Ну вот, деда отшил, а сам не рассказывает!

— Теперь от скуки подохнем, пока тех самолетов дождемся!

— Так бабка озеро — Князь-озером только и прозывает...

— Опять чего-нибудь набрешет...

— Давай рассказывай про это озеро!

— Ну, добре... Так и быть, расскажу.

— Ша, хлопцы, тише...

От соседних костров стали подходить заинтересовавшиеся партизаны.

Выждав, пока все усядутся, и перевернув огромное полено, вспыхнувшее в морозном воздухе снопом искр, Мудрый начал:

— А был этот пример еще во времена царицы Екатерины, а может, и еще раньше. Жил в этих лесах князь. Все леса и реки ему одному принадлежали. За большие заслуги ему царица все то пожаловала. Был князь рода знатного, характера твердого, и полжизни провел он в войске, да по границам честь царскую защищал. Вот вышел срок его службы, и получил он этот край во владение. Приехал князь, терем построил и живет.

— Чево построил? ..

— Терем, дура... Дом такой на множество этажей...

— А-а-а... Это как в Харькове я видел. Дом из одного стекла. Все насквозь видать...

— Какое стекло? Деревянный дом, но весь в этажах... Ну, вот и перебили!

— Хлопцы, не перебивайте,— скомандовал комвзвода шестой роты Деянов.— Кто хоть раз пикнет, так головешкой между глаз и шандарахну!

Воцарилась мертвая тишина, лишь потрескивал костер да тихо фыркали лошади, помахивая нагретыми хвостами.

Мудрый, подражая старческому бабьему шамканью, продолжал:

— Живет себе князь во многоэтажном терему. Но на ту беду детей у него много, да все одного женского полу, а сын один-одинешенек и последний в роде, как на руке мизинчик. И не чаял тот князь в своем сыне души. Известное дело: богатства он имел неисчислимые, и оставить все то девкам без продолжения своего княжеского корня была для него большая обида. И было тому князьку молодому с малых лет всякое попущение и баловство. А старших дочек держал родитель в строгости и непреклонном послушании. Положено было им большое приданое каждой и справа девичья, как то княжеским дочерям приличествовало, и все. Больше ни на какую ласку они не могли надеяться, потому что вся отеческая любовь и весь княжеский маеток был от отца молодому князю. Стал князек подрастать и выровнялся в красного молодца, как дубок ровный, крепкий, щечки розовые, волосы русые, глаза голубые. Нрава был тихого, послушного и задумчивого. Дружков-годочков у него не было, потому что с мужиками знаться ему отец не дозволял. Больше любил у сестер в горнице сидеть да их песни девичьи слушать.

— Вот чешет, ну тебе — чистая бабка...— восхищенно прошептал молодой партизан.

— Ша, я что сказал? Ша — и все,— зашипел Деянов.

Мудрый продолжал:

— Как подошла пора его женить — заботился сильно старый князь о продолжении рода,— объявись тут нежданная оказия. Уже пару годов как всему этому случиться, взял у старого князя в аренду корчму — шинок по-нашему — один польский еврей. А стояла корчма на перекрестке трех наиглавнейших дорог. Для корчмы то место было самое выгодное, так как перекресток этот выходил прямо к пристани, а пристань на Припяти-реке. На реке в ту пору, бабка сказывала, кораблей шло видимо-невидимо. Открылся на реке канал королевский, что по нем из Польши да от шлёнзаков всякие товары до Днепра и дале шли. А люд по тем дорогам шел торговый, все купец да приказчик, хоть и разной нации — что поляк, что русский, что немец, а все купец. А купец всякой нации и поесть и попить не дурак. Скоро по всем шляхам пошла слава про ту корчму, а еще большая слава про дочку корчмаря Сарру. Сказывала бабка, что видела она в молодые годы ее патрет, выбитый на платок, так краше на свете баб нет.

— Вот бы тебе такую бабу, Колька! — не выдержал сам Деянов.

Мудрый только презрительно посмотрел на него:

— Этим не занимаемся... Рисовал этот патрет заезжий тальянец. Как завидел он шинкарочку Сарру, так глаз отвесть не мог, краски слезой мочил, патрет малевал. А ей все про

любовь свою говорил. В свою Италию замуж за себя сманывал. Но не такова была шинкарская дочь, чтобы на уговоры поддаться. Сидит за прилавком, глазом не моргнет. Кто в шинок зайдет, пить закажет — подаст с легким поклоном, и больше ни-ни.

— Люблю девок с характером! — заметил Деянов.

— Ходил-ходил тот тальянец, вздыхал-вздыхал, пока в одну ночь не повесился на высокой сосне. Еще большая слава про ту корчму да про шинкарочку Сарру пошла. И приключись тут оказия молодому князьку по этим шляхам путь-дорогу держать. Заехал в ту корчму, за почетный стол сел, круг него слуги, соколки. Тут и случись беда с шинкарской дочерью. Как взглянула на молодого князя, так и глаз не сводит, дух никак не переведет. Совсем девичий свой стыд и совесть потеряла. Князек сидел задумавшись. «Медку попробуем, ваша княжеская милость?» — говорит один соколок. Князь головой задумчиво кивнул, а шинкарочка уже с поклоном чарку серебряную подает. Уклонилась до земли, поднос держит, а как назад голову свою подняла и черные косы с плечей тряхнула, прямо князю в очи глянула, так тот и обомлел. Смотрит, глаз от шинкарки отвесть не может, чарку серебряную не берет. «Плохо просишь, девица»,— смеются соколки. А они все глаз друг от друга отвесть не могут. Тогда и крикни главный соколок: «Наш князь — молодец, от девицы чарочку сухую не берет! Надо пригубить и князю губки призасахарить».— «Правда?» — тихо пытает шинкарочка. «Правда»,— отвечает князек. Тут она чарочку пригубила и молодого князя в губы поцеловала.

— Ух, ты! — осторожно выдохнул Деянов.

Колька явно был в ударе и продолжал, вдохновляясь все больше:

— Чарку с подноса сняла и, как он ее выпил, шасть по-за прилавок — и в покои убежала. Сидит князь с соколками, пьет, веселый вроде стал, а глаза задумчивые. Шинкарка в тот день так больше и не вышла. Словом, стал с той поры князек частенько по тем дорогам ездить, то на охоту, то с охоты, то на речные караваны глядеть, да все ту корчемку не минает. Соколки-то смекнули, что князю шинкарская дочь полюбилась, и еще более того ему про нее говорят, сманить ее на ночку предлагают в соседнее именьице. Так оно и вышло. А как ее сманили, тут шинкарка князю и говорит: «Женись на мне, тогда любить, миловать буду». Да с тем обратно на княжеском рыдванчике укатила.

— Ох, и стерва баба! — опять не выдержал Деянов.

Кто-то из партизан показал ему на головешку.

Мудрый вошел во вкус и продолжал, жестикулируя:

— Как услыхал про то старый шинкарь, аж за пейсы схватился. «Сурка,— кричит,— сучья дочь, что себе в голову взяла? Князь тебя любовью одаряет, а ты что? Замуж! Ты что, меня и себя погубить хочешь? Не знаешь, что такое князь?» — «Знаю,— отвечает Сарра, прекрасная еврейка.— Знаю, что князь, что он меня любит, души во мне не чает, а если любит, значит и замуж возьмет».— «Выкинь ты из головы это. Где это видано, чтобы сиятельный князь на бедной еврейке женился?» — «Если любит, так женится»,— отвечает упрямая дочка. Стоит она на своем. Узнал про ту неравную любовь старый князь. Страшно разгневался старик и, ни слова не говоря сыну, велел своим слугам старого корчмаря схватить и связанного к себе привести.

Корчмарь в ноги князю повалился и слезно молит простить его неразумную дочь. Затем просит руки ему развязать и вынимает из кармана платок, на котором патрет красавицы Сарры тальянцем нарисован. «Ваша княжеская милость, вот она, моя дочь, казните, милуйте, но всему виной красота ее, не больше». И рассказал князю случай тот с тальянцем-художником, который на сосне повесился. Призадумался тут старый князь, сына зовет и спрашивает: «Скажи, сын дорогой, надежда моя, что ты думаешь?» — «Люблю,— на корчмаря показывает,— его дочь Сарру и жениться прошу вашего благословения». Рассерчал князь: «Не будет тебе моего благословения». Князеньку с глаз прогнал, а корчмаря велел в подземелье бросить.

— Вот сплотаторы-феодалы! Всегда у них так: чуть что не так — сразу в подземелье...

— Это чего — «фёодалы»? — шопотом спросил молодой партизан.

— Ну, старинные фашисты. Одним словом... феодалы.

— Но князек тут тоже свой норов показал. Было у него небольшое именьице, от покойной матери в наследство осталось, да злата-серебра кованый сундучок. Завел князек знакомство с разным ушлым народом, и стали они пуще прежнего со своей любезной встречаться. А чтобы никто про то не ведал, построил князек тайно от отца, посреди большого — одним лесным людям ведомого — озера каменный теремок и в том теремке поселил любезную свою зазнобушку.

Он вскоре и сам на этот островок перебрался, благо зима стояла и по озеру напрямик санная дорога была проложена. Сарра в христианскую веру перешла, и должно было быть им венчание по всему закону. А зима в тот год была морозная, снежная. Озеро льдом сковало да снегом занесло. А как глянула весна с туманами, да сразу ветры с Днепра подули, и солнце припекло, тронулся враз везде лед. Припять разли-

лась, что море, тут и на озере воду вверх подняло, и пошел по нему гулять толстый лед. Вот тут-то теремок и разнесло. Князька в ту пору там не было, он еще по санной дорожке укатил к главному попу договариваться, чтобы сразу по всему закону с крещеной еврейкой венец принять. Договорился с попами и едет весел по дороге весенней, распутной, тяжелой. Подъезжает к озеру, а на нем только волны да льдины гуляют. Узнал он у рыбаков, что никто с того острова и теремка живой не выплыл. Постоял, постоял, вышел на высокий берег, что вековыми соснами оброс, да с разбегу в озеро и ухнул. Не успели люди к берегу подбежать, а уж ему льдинами и голову русую размозжило, и не стало видать молодого князька. Дошла про то весть до старого князя. Корчмарю он велел камень на шею привязать, в озере утопить, а сам потосковал, потосковал, да вскоре и помер. И называется с тех пор это Червонное озеро еще Князь-озеро. Кому как в голову придет, так и называют. Вот, дедок, какой пример нам бабка рассказывала.

Мудрый кончил свой рассказ. Долго молча сидели хлопцы у костра и никто не нарушал тишины. Только шумело пламя костра и потрескивали сухие дрова. Снег вокруг саней с костром оттаял, и на льду образовалось темное пятно воды, углей и золы — все, что осталось от сгоревших дров.

Мы по команде Деянова перекочевали на новое место. Переехав, еще долго сидели молча. Затем начались новые разговоры, рассказы и побрехенки, в которых люди коротали время длинной январской ночи в ожидании самолета.

. . .

8

В третью ночь ожидания самолетов в центре внимания был рассказ Ковпака. Дед сначала включился в общий разговор и рассказал несколько забавных случаев из своей жизни, а затем перешел к более древним солдатским воспоминаниям:

— Родился я в селе Котельва, Полтавской губернии. Село здоровенное — до сорока тысяч народу. Семья была немаленькая, одних братьев пять человек. Як стали пидростать, пришлось итти в наймы — земли у нас нехватало. Потом служил приказчиком у купца. Так дотопал до призыва. В армию прийшов уже грамотный, свита побачив, кое-що чув. Помню один случай. Работал батраком у хозяина, у него сын был, в каком-то коммерческом училище учился, студент вроде, тогда для меня это все равно было: студент и студент. Приезжает раз сынок на Рождество з города, вещи разложил, а один чемоданчик ко мне в каморку под топчан сунул. Меня тут и разобрало: що в тому чемоданчику? Я чемоданчик тот рас-

крыл, а там одни только книги. Полистал я их и стал по одной вынимать и тихонько почитывать. Особенно запомнилась мне одна, называлась «Попы и полиция». Насчет первого тезиса я много кое-чего знав. Я в церковном хоре долго в дискантах был, голос був у меня звонкий, характер бойкий,— за голос хвалили, за характер гули от регентовского камертона с головы не слазили, а от второй тезис на многое мени очи открыв.

Стал я тогда всякой такой литературой интересоваться. После 1905 года она по всяким потайным сундучкам да скрытым местам еще оставалась. Так что в солдаты я пришел, уже имея понятие о жизни и борьбе, которую народ вел с царизмом.

Затаив дыхание, сидели Семенистый и Шишов, Колька Мудрый и Намалеванный, боясь проронить хотя бы слово. Ковпак вошел в раж, лихо сдвинул шапку на затылок.

— ...Действительную служил в Саратове, в Александровском пехотном полку, четырнадцатая рота, четвертый взвод, шесть раз стоял часовым у знамени. Командовал ротой штабс-капитан Юриц, большой чудак. То он во время дежурства весь полк на улицу выгонит — зорю играть с барабанщиками, сигналистами и оркестром: все в городе остановит. Хулиганством от скуки занимался. Даже губернатору выезжать на усмирение приходилось. А то в тире стрельбу устроит. А стрельба такая. Высыплет полный карман пятаков перед ротой и скомандует: охотники стрелять, выходи! Попал в яблочко — получай пятачок, не попал — в ухо! И так, пока все пятаки не расстреляет.

Ребята дружно захохотали. Один Корнев сидел сумрачный.

— Знаем мы эти офицерские шутки. Я, брат, действительную ломал. Так у меня от одной словесности черепок лысеть в двадцать три года стал...

Ковпак, все более оживляясь, говорил:

— Во-во! Наш штабс-капитан Юриц тоже любил словесностью заниматься. Тоже комедии ломать мастер был...

Так я и протянул при нем всю службу. Шесть раз у знамени часовым стоял, а один раз тридцать суток ареста заработал. Вместо полного генерала, командира корпуса, полицмейстеру почетный караул с оркестром вызвал... Лошади у них, понимаешь, одинаковые были, серые в яблоках. Ну, поторопился, дал маху и сразу на гауптвахту. Но отсидеть полностью арест штабс-капитан не дал,— во время своего дежурства освободил. Кончил я действительную, а домой итти не к чему. Земли у батька было мало, да и та вся на песках. Если разделить между братьями — не хозяйство, а пшик получается. Остался в Саратове. Попервоначалу устроился грузчи-

ком на элеваторе, мешки с зерном таскать. Триста двадцать две ступени на гору носить надо было. На самом верху — большая ссыпка, откуда зерно по трубам в пароходы и баржи поступало. А называлась эта ссыпка — «цветок». Вот первый день как потаскал я мешочки на «цветок», так к вечеру и спину не разогну. Так на всю жизнь запомнилось: как дело трудное, непосильное, говорю я: «на цветок!» Потом работал я в трамвайных мастерских и по всяким другим местам. А тут скоро война германская: не успел солдатский мундир забыть и снова — шинелку на плечи и шагом марш!..

Войну по-всякому пришлось тянуть. Был и стрелком, и ординарцем, и разведчиком. Два егория заработал и две медали, а потом все дальше понятно стало, за що тая война идет, и стал я сам к себе вроде жалость иметь. Но все же числился отличным разведчиком. Как вызывают охотников, я тут как тут. Только стали мы на всякие хитрости пускаться. Немецких и австрийских погон у нас были полны карманы. Как в разведку пойдем — с окопов выползем, в первой же лощине выспимся, а перед рассветом стрельбу поднимем — и обратно. Начальству доложим, что сняли часовых и тому подобное, а в доказательство — немецкие погоны. Начальство чарку выдаст и от караулов и секретов освободит. Так и получалось, что один и тот же немецкий полк на разных участках фронта воюет. Одним словом, воевать по-честному за царя у нас охота пропала — выкручивались кто как мог.

В революцию притопало нас, фронтовиков, в Котельву больше сотни. Стал народ на партии делиться, а мы, фронтовики, все за большевиков. Брат мой Алексей, я и еще из матросов один, Ковпак, однофамилец мой, стали мы у себя переворот делать по всем правилам. Я командиром, фронтовики Милетий, Пустовой, Бородай — помощниками. Захватили почту, школу, установили советскую власть и стали землю делить. Землю порасхватали в момент. Я земельным комитетом заворачивал, всем беднякам старался в первую очередь, где получше, а когда сам опомнился, то и вышло мне снова на песках. Ох, и ругала меня мать за эту самую дележку! «У людей диты як диты, а у мене... От же бисова дитына, всих землею надилыв, тильки про себе забув». Недолго с той землей дело шло гладко. Вскоре появились белые: карательный полк к нам пожаловал. Думали они кавалерийской атакой в село ворваться, застать нас врасплох. Да я уже кумекал, что к чему: сотни три обороны собрали и устелили ими улицы. Пришлось лихим кавалеристам коней назад поворачивать, особенно когда мы из «люиса» и «шоша» их полоснули. Пулеметы такие были — «люис» — ду-ду-ду, а «шош» — бах-бах, выстрелов сорок в минуту давал. Это вам не шутки.

— Вам бы тогда одну нашу третью роту с автоматами и пулеметами, товарищ командир,— весело сказал Колька Мудрый.

— Всю белогвардейщину покорили бы,— вставил Дед Мороз.

— Дали мы белякам по морде, а все же пришлось нам со своим отрядом в леса уходить. Затем снова в село — власть устанавливать. Всего пришлось. Так постепенно наш отряд сколачивался, вначале действовали в своем районе, затем по заданию переключились на другие фронты. Пришлось мне еще в гражданке побывать и в Путивльском районе. Тут недалеко я с Пархоменко встретился. Получаю приказ от Полтавского губвоенкома: «Двигайся на Сумы, Ковпак, в распоряжение старшего военного начальника». Ну, двигаюсь. Навстречу колонна, а в середине колонны здоровенная легковая машина. В машину пара серых волов впряжена, а в машине дядько в чемерке и с биноклем. Кто такой? Говорят: сам командующий, товарищ Пархоменко. Доложил я ему все как следует по форме, тут же он мне и задачу дал — на Сейму переправу держать своим отрядом. «Занимай, товарищ, оборону и держись. Через пару дней, как бензину достану, я к тебе подкачу. Получишь дальнейшие приказания». И укатил на своих волах. И что вы думаете? Через два дня точно — газует на машине прямо ко мне в цепь. Ребята мои повеселели. Все-таки техника! «Разжились бензинчиком, товарищ Пархоменко?» — спрашиваю. «Где там, на денатурате езжу, не видишь, синий дым сзади стелется». Посмеялись немного. Тут он мне новую задачу дает: двигаться в Тулу на сборный пункт, на организацию регулярных частей Красной Армии. Ну, до Тулы я не дотянул — в дороге тифом заболел. Хлопцы мои сами поехали, а меня в санитарную теплушку положили. После тифа на сборном пункте встречаю я матроса, земляка из Котельвы, а по фамилии тоже Ковпак. Сразу мне аттестат в зубы и прямо в Чапаевскую дивизию помощником начальника по сбору оружия. Сейчас, по-теперешнему, выходит вроде трофейная команда, а на самом деле совсем не то. Чапаев тогда через Урал рвался, а сзади у него казачество оставалось, а у каждого казака спокон веку на стене винтовка и шашка висят. Чапаев нам и приказал: «Если хоть один выстрел нам в спину будет, я с вас тогда шкуру сдеру!» Вот какая должность мне выпала. Ну и помотались мы с этим сбором оружия. Всего приходилось. Скоро Чапаев погиб, а меня с оружием этим собранным под Перекоп перебросили. Так и дотопал я в Красной Армии до конца гражданки. А потом...

— Гудить! — закричал дежурный на дворе.

Мы все высыпали на улицу, думая, что летит самолет. Прислушались — ничего не слышно.

— Кто кричал? — спросил Ковпак у часового.

— Так это дежурный нас разыгрывает. Кричит: «Гудить! . .» А мы: «Самолет?» — «Не, Павловский гудить. . .» Они там свою хозчасть распекают. Ну и похоже. . .

Ковпак сплюнул и зашел обратно в штаб. Хлопцам понравилась затея. Все ночи в разных концах села шутники кричали:

— Гудить. . .

— Хто, самолет? — притворно серьезно спрашивали из дворов.

— Не, Павловский гудить,— отвечал балагур, шествуя дальше и затем в другой роте повторяя то же самое.

9

На длительной стоянке я ближе стал знакомиться с внутренней жизнью отряда, его людьми, организацией и моралью. Стал наблюдать и выяснять для себя движущие силы, цементировавшие этот коллектив, способный на большие дела. Особенно меня поразили отношения людей друг к другу, их моральные нормы, очень действенные, оригинальные и самобытные. Они были основаны на большой правдивости и честности, на оценке человека по прямым, ясным и суровым качествам: храбрости, выносливости, товарищеской солидарности, смекалке и изобретательности. Здесь не было места подхалимам, жестоко высмеивались трусы, карались обманщики и просто нечестные люди. Это был коллектив без тунеядцев. Беспощадно искоренялись ложь — щит посредственности от трудностей жизни, и обман — спутник насилия.

Я совершенно не знаю, как сложился, в какие жизненные формы вылился труд, быт и солдатский подвиг осажденного Ленинграда, но я почему-то уверен, что нормы поведения, кодекс морали ленинградцев имели много общего с нашими требованиями к себе, хотя по чисто внешним признакам между нами было мало общего. Голодать нам приходилось отнюдь не часто, а лишь в редкие периоды крайне затруднительных положений, когда немцы бросали на нас крупные карательные экспедиции, да если голодали мы, то не систематически. Воевали все время на ходу, и вся наша тактика строилась на том, что мы, не обороняя территории, непрерывно нападали на противника. Зерно тактики — никогда не допускать, чтобы враг мог блокировать нас. Но когда я ищу сравнений, то мне иногда кажется, что мы были кочующими по просторам Украины, Польши и Белоруссии ленинградцами. Какие-то незримые нити связывали нас, как связывает блеснувшая во взгляде мысль единодумцев, решившихся умереть, но не сдаться врагу.

И не только не сдаться, и не только не умереть, но и сеять в рядах врага смятение и смерть.

За год борьбы в отряде сложились правила поведения, традиции, обычаи и обряды. Вот один из них.

Весной 1942 года командиру отряда Ковпаку было присвоено звание Героя Советского Союза. Как трудовые пчелы матку, охраняли старожилы отряда честь высокого звания командира. Особым смыслом и значением был проникнут введенный после этого обряд сдачи дежурств. Ежедневно вечером, без четверти шесть, к штабу подходили старый и новый дежурные и, пошептавшись с Базымой, докладывали ему по бумажке все мелочи бытия отряда за сутки. Затем отходили в сторону и ждали. Базыма продолжал работать, изредка поглядывая на часы, круглую цыбулину, всегда лежавшую перед ним на столе. Без одной минуты шесть он снимал очки и глазами давал сигнал дежурным. Сдающий дежурство делал несколько шагов вперед к Ковпаку и громко командовал:

— Отряд, смирно! Товарищ командир отряда Герой Советского Союза...— и четко рапортовал о сдаче дежурства.

За ним произносил вызубренные слова рапорта принимающий дежурство. Нужно было посмотреть на серьезные лица стариков: Деда Мороза, Базымы, Веласа или на связных мальчишек, всегда вертевшихся в штабе. Все застывали по команде «смирно». Да и сам Ковпак,— он не просто исполнял одну из своих служебных обязанностей, нет, он священнодействовал.

Но не мелкое честолюбие породило этот обряд. Гордость за свою боевую славу, увенчанную высшей наградой — званием Героя их командиру, и честь этого звания они оберегали всем своим авторитетом ветеранов-партизан.

— Отряд, смирно! Товарищ командир Герой Советского Союза...— ежедневно раздавалась громкая команда в полесских избах, на полевых дорогах, на стоянке в лесу... Даже если роты вели бой и шальные пули срезали ветки деревьев возле штабных повозок, все равно в восемнадцать ноль-ноль раздавалась она.

А в стороне стоял, стройно подтянувшись, комиссар Руднев, введший в отряде этот обычай, стоял серьезно, глядя в глаза дежурному, с рукой у козырька армейской фуражки.

Солдат честолюбив. Тем более честолюбив солдат-профессионал. Руднева тоже наградили — орденом «Знак почета». И он, два раза раненный за этот год, скромно стоял в стороне и держал руку у козырька, ежедневно в восемнадцать ноль-ноль с уважением слушая им же самим придуманную форму рапорта.

— Отряд, смирно! Товарищ командир Герой Советского Союза...

Да будет вечной слава бескорыстному честолюбию этого Солдата!

Через год с лишним Рудневу посмертно присвоили звание Героя.

С Ковпаком на Князь-озеро пришли четыре отряда, называвшиеся соединением партизанских отрядов Сумской области. Отряды эти были: Путивльский, Глуховский, Шалыгинский и Кролевецкий (по имени районов Сумской области, где они организовывались). Соединение для конспирации получило номер и именовало себя воинской частью 00117, а отряды были названы батальонами с порядковой нумерацией. Правда, батальоны были очень неравны: в Путивльском, или первом батальоне, насчитывалось десять рот, а из Брянских лесов нас вышло даже тринадцать. Добавочные три номера носили разведывательные группы различных органов — вроде моей тринадцатой роты. В Глуховском отряде, или втором батальоне, было три роты, в Шалыгинском — четыре и в Кролевецком — три.

Кроме стрелковых рот, в каждом батальоне — взвод разведки, отделение минеров и хозяйственная часть. Командиры батальонов: второго — Кульбака, третьего — Матющенко, четвертого — Подоляко. Первый батальон командира не имел: им командовал сам командир соединения — Ковпак. При первом батальоне была разведрота, или, как у нас называли, главразведка, рота минеров, взвод саперов, узел связи и главная хозчасть, подчиненная Павловскому.

Роты возникали не сразу, а формировались постепенно, как партизанские группы, и возникали часто по территориальному признаку: так, например, восьмая группа почти вся состояла из жителей сел Литвиновичи и Воргол, Путивльского района; шестая рота — из командного состава, «окруженцев»; девятая рота — из жителей сел Бывалино и Бруски. Села Бывалино и Бруски, Путивльского района, примечательны тем, что все жители этих сел однофамильцы — Бывалины. Поэтому и в девятой роте, в начале организации, все бойцы были Бывалины. Затем они рассосались по отряду, а в девятую роту вливалось пополнение.

Это обстоятельство накладывало своеобразный отпечаток на подразделения. Постепенно, с уходом от родных мест, группы вырастали в роты и приобретали новый характер. Во время Сталинского рейда роты распределялись уже не по территориальному признаку, а по военной целесообразности. Вторая и третья роты, самые лихие, где преобладала военная молодежь, были превращены в роты автоматчиков; четвертая

рота, под командованием директора путивльской средней школы Пятышкина,— стрелковая; пятая рота имела 45-миллиметровую противотанковую пушку, шесть станковых пулеметов и считалась ротой тяжелого оружия; шестая — стрелковая; седьмая — тоже; восьмая рота, так же как и пятая — с пушкой и батальонным минометом,— была тяжелой ротой, а остальные — стрелковые.

Первый батальон насчитывал до 800 человек, остальные три — по 250—300 человек. Эта странная, с военной точки зрения, организация складывалась исторически, в боях и в муках рождения нового человеческого коллектива, и никому в это время не приходило в голову ломать эти формы, освященные традициями.

Армия не только воюет, жизнь ее состоит из сложных хозяйственных, учебных, организационных процессов. Вопросы снабжения ее продовольствием, одеждой, обувью и оружием — одни из самых главных. Но как их решать в тылу врага? Продовольствие — это самое легкое дело. В первые месяцы войны было много всяческих складов продуктов, захваченных немцами, многие из них слабо охранялись, и отбить их у врага не представляло особого труда.

Оружие добывалось труднее. В первую зиму часть оружия добывалась у населения, подобравшего его при отступлении Красной Армии, остальное бралось в бою. А вот одежда, обувь — это был, пожалуй, самый сложный вопрос. В первые месяцы организации отряда этот вопрос еще не ставился. Но к зиме сапоги поизносились, поистрепалась по лесам и кустам захваченная из дому одежонка. Начались холода. Одежда стала самым острым, самым больным местом.

Были лихие хлопцы, которые в боях захватывали много немецкого обмундирования, но комиссар Руднев, «совесть отряда» — человек, не только руководивший боями, но и устанавливавший нормы поведения, мораль,— вначале отрицательно относился к людям, напялившим на себя мундир врага. И действительно, многие брезгливо относились к трофейной шинели, мундиру...

— Вроде и неплохое сукно, да не наше — козлом пахнет,— говорили вчерашние колхозники, выбрасывая захваченную одежонку и стараясь добыть к зиме ватный пиджак с воротником, а еще лучше — хороший кожух. Но, вникая глубже, мы нащупали суть, если хотите — политическую сторону этого интендантского вопроса. И, нащупав, увидели, что этот, на первый взгляд, интендантский, хозяйственный, вопрос по существу дела становился главным рычагом, регулирующим взаимоотношения с населением. Крестьянин, мирный житель, если ему и приходилось поделиться с партизанами куском хлеба

или мяса, как правило, делал это с охотой. Много ли партизан съест, да и съест он раз-другой, а при налете на немецкие продсклады вернет взятое сторицей. А вот сапоги... это уже дело похуже... Интендантство становилось политикой. Нужно было учитывать это, и к осени 1942 года мы пришли к заключению, что единственный правильный выход — это стимулировать переход на одежду врага. Зимой сказанная Колькой Мудрым фраза сразу облетела весь отряд:

— На иждивение Адольфа Гитлера!..

— Правильно,— смеялись старики,— раз нас с печек потревожил, пусть и кормит и одевает нас Адольф.

К зиме большинство партизан носило немецкие мундиры и шинели, а наиболее лихие обзавелись жандармскими кожухами с бараньим, теплым мехом. Они были крыты немецким мундирным сукном с каракулевыми воротниками. Мы рассуждали так: лучше снимать одежду с врага, чем с мирного жителя.

Ковпаку еще ранее хлопцы добыли длинную мадьярскую шубу до пят. Она была широка и напоминала поповскую рясу. Но Ковпаку она пришлась по душе. Он часто мерз. Мало кто знал это, но старика одолели зубы. Они почти все выпали, и заботливая кухарка штаба, чернявая тетя Феня, ежедневно готовила Ковпаку мозги. Молока дед не любил, предпочитая ему «то, що от скаженой коровы».

Мозги опротивели ему до тошноты, но больше ничего не мог он разжевать.

Рудневу и Базыме тоже добыли немецкие теплые шубы.

Присматриваясь к людям во время Сталинского рейда и особенно во время стоянки на Князь-озере, я увидел, что правильное регулирование трофеев — это одна из важных жизненных задач отряда.

В отряде были разные бойцы, были храбрые, лихие воины, были просто честные бойцы, встречались и трусы. Были роты боевые, были роты, выдающиеся своей стойкостью, выносливостью, боевым напором, были и похуже. Чем же регулировать боевые качества людей и коллектива? Трофеи постепенно становились общественной формой соревнования между ротами.

Третья рота что ни бой — так два-три пулемета возьмет у противника, а то и миномет, пушку.

Карпенко от пушки отказался.

— На чорта мне она. Пушка в роте будет, так это в роте один разврат. Один немец засядет за забором — уже кричат: «Пушку давай». А пока ее притащат да установят, он уже за другим забором сидит. То ли дело граната, автомат,— ими мы везде фрица достанем. И верно и быстро!

10

Много ночей прошло в ожидании самолетов. Много было и ругани по радио. Волнение наше усугублялось еще тем, что мы решили принимать самолеты на лед. Таким образом, риск за исход посадки мы целиком брали на себя. Наконец кончились наши мытарства. Летчики... Надо, чтобы знали они, что значит ожидание самолета в тылу врага. И когда первая дюралюминиевая птица стукнулась об лед и гулом отдался к берегам этот толчок, сотни сердец, жестких солдатских сердец, замерли... Выдержит или не выдержит?.. От того, сядет ли этот первый самолет благополучно, зависела судьба партизанского аэродрома и судьба наших раненых, боеприпасы... судьба дальнейшего нашего рейда.

Самолет бежал все медленнее, лед затихал, перестал гудеть, и машина на секунду остановилась, а затем, повинуясь зеленому фонарику, стала выруливать на старт. На берегу озера кричали «ура», и в морозное небо летели партизанские шапки.

А под звездами уже гудела вторая машина.

Слава вам, товарищи летчики! Сколько мы ругали вас последние дни, и сколько людей с благодарностью сейчас думали о вас!

— Привет вам, посланцы родины!

— Привет! — сказал человек в комбинезоне, вылезая из машины.

— Здорово! — И к его протянутой руке потянулись десятки рук. Пришлось взять летчика под защиту. Народ наш недовольно отпустил долгожданного гостя.

— Командир корабля Лунц,— отрекомендовался летчик.

К нам подошли Руднев и Ковпак, а я побежал принимать вторую машину.

В первую ночь мы приняли три самолета. Только когда машины уже разгрузились и приняли заботливо укутанных раненых, Ковпак подозвал Лунца к себе и, показывая вокруг на безбрежную равнину озера, спросил:

— Ну, як, хлопче, хорошу площадку пидготувалы?

— Аэродром идеальный,— не подозревая никакой каверзы, отвечал тот.

— А подходы? — спрашивал Ковпак.

— Очень хороши.

— А развороты?

— Тоже хороши.

— А подъем? — ехидно щурился дед.

— Замечательный.

— А грунт?

— Грунт твердый. Садился, как на бетонированную площадку.

Старнк торжествовал.

— Ну, то-то. Теперь ходн сюда.— И он отвел Лунца в сторону, вывел на чистый, неутоптанный пушистый снег н валенком разгреб площадку с квадратный метр. Затем снял шапку и чнсто подмел ею лед. Лед был гладкий, как отполированное зеркало. Лунц смотрел весело на лыснну Ковпака, блестевшую при лунном свете, н улыбался.

— Це що такое? — грозно спроснл старнк.

— Лед, товарищ командир отряда,— бойко отвечал Лунц.

— Значит, можно на лед самолет посаднть?

— Можно, товарнщ команднр.

— Так и генералам передай.

— Будет передано, товарищ командир отряда. А вы, товарищ командир, шапку-то все-такн наденьте. Тридцать два градуса мороза сегодня.

Ковпак лнхо, набекрень, надел шапку н, хнтро улыбаясь, сказал:

— Ты мне зубы не заговаривай. Ты мне от що скажн: а сам еще раз к нам прилетишь? Машину завтра посадишь?

— Прнлечу и машину посажу, товарнщ Ковпак!

— Ну, добре. Ище передай, что летчнков напрасно мы обкладывалн всякимн словами. Пишлы в сторожку. Самогоном угощу, и гайда в далеку дорогу.

— Спасибо, товарнщ Ковпак.

Так началась дружба наших партизан с молодым еще тогда летчиком Лунцем. На прощанье, немного разгоряченные встречей и выданным, на радостях, перваком Павловского, мы снова подошлн к машнне. Ковпак крепко пожимал руку Лунца и говорнл:

— Так и запамятай. Раз я радирую, що можно машину сажать, ты смнлыво сндай. Як у себя дома. Поняв? Я не пидведу. У мене от помощннк мнй Вершыгора, по аэродромам курсы пройшов. Раз мы радируем, що сндать можно, так ты н сидай смило. Поняв?

Не знаю, убедил ли Ковпак Лунца монмн познаниями аэродромного дела — думаю, вряд лн,— илн летчику понравился первак Павловского, но еще много наспех построенных площадок на песке, на целине, на лесных полянах пришлось мне сооружать, н первой всегда прнлетала машнна Лунца. Прилетала, саднлась и снова улетала. Улетала до отказа загруженная ранеными, письмами и теплыми пожеланиями. Летала без задержек н аварнй.

11

Теперь самолеты садились каждую ночь. Несколько ночей подряд я принимал по три-четыре машины, а потом вернулся к прямым своим обязанностям — налаживанию разведки.

Аэродром привязал нас на длительный постой к Князь-озеру, и это давало нам возможность вести углубленную и тщательную разведку. Мы организовали целую сеть агентуры среди населения сел и городишек, где стояли вражеские гарнизоны. В это время — в начале 1943 года — уже наметилась политика гитлеровцев воевать в своем тылу руками русских. И кое-где им удавалось это.

Осенью 1942 года в районе Шепетовки в лагерях военнопленных с их обычным режимом голода, пыток и истязаний появились «вербовщики». Они выстраивали полуживых пленных и объявляли им запись в «добровольное казачество». Изъявившим согласие сразу увеличивался паек, выдавалось по 600 граммов хлеба, обмундирование. Фашисты иногда достигали своей цели. Адская их система постепенно уничтожала человека, истощая организм голодом, убивала человеческое достоинство. Некоторые из пленных были неспособны сохранить в этих условиях моральную чистоту, стойкость и чувство долга. За несколько месяцев пребывания в лагере у них оставались только физические потребности. Но все же многие шли на вербовку умышленно, надеясь при первой же возможности воспользоваться облегчением режима и бежать, другие, сделав первый шаг, катились по пути предательства до полной и подлой измены. Надежда вернуться к своим, хотя бы тяжелой ценой искупления, становилась все призрачней.

Те же, кто вступил на этот путь для того, чтобы бежать из лагеря, часто осуществляли свой план, бежали к партизанам, многие из них кровью врага смывали свой позор. Были и яростно ненавидевшие советскую власть — они становились закваской этих формирований изменников родины.

Наша задача сводилась к тому, чтобы оторвать все здоровое и случайно попавшее к немцам. Во-время спасти заблудившихся в дебрях войны — это тоже была немаловажная задача для партизан. Она требовала особого умения, чуткого, справедливого подхода к людям. Но требовала она также осторожности, тщательной проверки и, я бы сказал, ажурной тонкости в работе, умения разбираться в психологии людей.

Малодушие — это самый страшный враг того, кто силой обстоятельств, обычных и законных в маневренной, механизированной войне, попал в тыл врага.

Не факт пребывания в тылу врага, а то, как ты вел себя там, должно быть мерилом отношения к человеку. Чистой и

суровой мерой, родившейся в горниле войны, надо мерить человека, мерить делами его, а не местом, где он эти дела совершал.

И там, далеко за линией фронта, мы по-своему решали эти дела. Там нельзя ждать и раздумывать, там надо действовать, а главное — знать. Знать все или хотя бы как можно больше о жизни народа, о процессах, происходящих в его коллективной огромной и сложной душе, знать замыслы противника, его планы и намерения.

В партизанском деле разведка — половина успеха. Значение ее, пожалуй, еще больше, чем в регулярной армии. И понятно, что, рассчитывая простоять в этом районе долго, пока работал ледовый аэродром, мы основной упор сделали на разведку. Ближнюю и дальнюю. Войсковую и агентурную. Фактическую и психологическую. Словом рейдовому отряду, для того чтобы простоять значительное время на одном месте, нужно знать все о противнике. Понятно, что поле для разведки было широкое. Начали с поисков «языка».

Нам сразу повезло. Отличился в этом деле разведчик Кашицкий, бывший учитель семилетки из Речицы, во время Сталинского рейда вступивший в партизаны. Он хорошо знал местность; в ближайших районных центрах — Житковичах, Турове, Мозыре — нашлись у него знакомые. Да и чувствовалась в этом парне хватка разведчика, сметливость, хитрость, терпение, осторожность и решительность. Он не был бесшабашным удальцом, как старые, опытные разведчики Митя Черемушкин, Федя Мычко; не блистал он и талантами Вани Архипова, тоже в прошлом учителя, виртуоза-балалаечника и еще более блестящего актера. Архипов часто проникал к немцам, переодевшись то стариком, то девушкой.

Кашицкий не обладал всеми этими качествами, но все же лучшие разведывательные дела периода Князь-озера принадлежат ему. Это он украл из районного центра Житковичи прямо с вечеринки двух «казачьих» офицеров.

Они пришли на окраину погулять к девчатам, совершенно не подозревая, что девчата эти — члены подпольной организации, которую создал Кашицкий из бывших своих учениц.

Думаю, что офицерики не принадлежали ни к одной из крайних групп «казачков». Это были просто люди-песчинки, люди-щепочки, которых захватил и понес бурный поток войны. Кашицкий зашел спокойно на вечорку и взял офицериков. Они не сопротивлялись, хотя и особенного восторга по поводу взятия их партизанами ни Кашицкий, ни я, допрашивая их, что-то не замечали. Это и понятно, потому что если рядовые еще могли надеяться на помилование партизан, то изменникам, главарям, офицерам встреча с нами предвещала

мало хорошего. На допросе они вели себя сдержанно, но откровенно рассказывали все и, видимо, за ночь примирились с мыслью, что с жизнью им придется расстаться. Фамилия одного из них Курсик, другого — Дяченко. Оба воевали на фронте и в 1942 году под Харьковом попали в плен. Прошли лагеря, голодовку, а месяца за два перед этим казусом были отправлены в четвертый казачий полк и оба назначены командовать взводами. Они стояли передо мной спокойно, немного уныло поглядывая в окно, где с гомоном кружилась стая черных птиц, предвещая резким галочьим криком, может быть, снегопад, а может, и смерть в 23 года. Стояли, не зная, как себя держать передо мной, бородатым дядей, одетым в штатское. Один из них был в кубанском чекмене, сшитом из русской шинели, с узкой талией, газырями, черкесским пояском и яркокрасным башлыком, лихо закинутым на лопатки, с золотой бахромой и кисточкой, болтавшейся ниже пояса. Второй наряжен во что-то среднее между вицмундиром и шинелью цвета «жандарм».

Допрашивал я их тщательно, так как они знали многое об организации немцами полицейских банд с русским составом, под названием различных казачьих, кубанских, донских легионов, сотен, куреней. Допрашивал долго. Допросу упорно, несмотря на угрозы часового, мешал партизан, земляк Ковпака, худенький костлявый старичок лет шестидесяти пяти. Он одним из первых пришел в отряд и сейчас работал ездовым в санчасти. На правах ветерана, кроме Ковпака и Руднева, никого больше он не признавал. Звали его Велас. Имя это было или фамилия, никто так и не знал.

За Веласом укрепилась репутация заядлого весельчака и, так сказать, человека «на особом положении».

Узнав еще на рассвете о том, что разведчики украли офицеров, Велас смастерил из вожжей петлю, вырубил несколько тонких жердей и явился ко мне с явным намерением начать инквизиторские штуки. Я выставил его за дверь и продолжал допрос. Отпустив какое-то замечание по моему адресу, Велас придумал другую забаву. Обманывая всякими ухищрениями часового, он через каждые несколько минут подбегал к одному из трех окон и, кривляясь и высовывая язык, кричал «казачкам» на разные лады:

— Христопродавцы! .. Шкуры! Подлецы! ..

Часовой отгоняет неугомонного старика. Он делает вид, что уходит. Затем что-то вспоминает, возвращается и, обойдя дом с другой стороны, снова кричит в окно:

— Кровопийцы! Душегубы! Чорту-гитлеряке душу продали! Тьфу. . .— показывает им петлю. Вначале меня раздражал неугомонный старик, потом рассмешил, потом я снова

сердился. Но так и не мог ничего поделать — до того неутомим он был в своем шутовском изобретательстве, в котором сказывался гнев народа против изменников.

Конечно, они заслужили петлю, но, уже привыкнув к требованию Руднева никогда не употреблять насилия над пленным врагом, я старался отогнать Веласа. Кроме того, он мешал мне получить сведения о важном мероприятии врага. А хлопцы эти знали фамилии немецких и русских офицеров, комплектовавших формирования изменников, номера частей, их задачи и расположение.

Разумеется, мы не могли руководствоваться примером Дениса Давыдова, отпускавшего своих пленных, взяв у них честное слово, что они больше не будут сражаться против русских. Было у партизан 1812 года другое правило по отношению к пленным: «Вообще чем их будет меньше, тем лучше» — и хотя мы и не знали этого правила, но необходимость вынуждала нас придерживаться его.

Но это были не просто пленные, а лейтенанты, оба до сих пор сохранившие комсомольские билеты и давшие ценные данные.

В 12 дня офицерики перешли из моих рук в штаб, где ими занимались Руднев, Ковпак, Базыма, Коренев. Занимались они ими долго и много. Я превратился в пассивного наблюдателя. Все нужное я уже получил от них, и с военной точки зрения эти хлопцы меня уже не интересовали. То же, что происходило в штабе, было и смешно, и трогательно, и печально, а я сидел у окна и приводил в порядок свои записи об очень важном военном мероприятии врага, стараясь уложить все в телеграфные слова, которые сегодня же Анютка Маленькая должна была отстучать на своем ключе.

Ковпак сам допрашивал пленников. Руднев сидел за столом, курил и, бегло просматривая протокол допроса, вслушиваясь в эту повесть двух человеческих жизней, заблудившихся в вихре войны, щурился то ли от дыма, то ли от раздумья. Дед все более свирепел, как всегда внешне не выражая этого, сдерживаясь. Мы ожидали, что вот-вот он вспыхнет гневом, и тогда жизнь этих лейтенантов оборвется мигом, как соломинка, попавшая на огромный партизанский костер.

Я подал Рудневу их комсомольские билеты. Он долго смотрел на профиль Ильича на обложке и задумчиво листал страницы, затем передал их Ковпаку. Тот схватил один билет и, подняв высоко, сказал:

— Зачем хранили билеты?

Они молчали.

— Ну, говори!

Дяченко поднял глаза на грозного старика.

— Говори, только правду. Как на исповеди.

— Жалко было...

— Чего жалко?

— Молодости своей,—почти шопотом ответил тот и, всхлипнув, опустил голову на грудь, украшенную газырями.

Руднев и Ковпак переглянулись. Мы с Базымой, поймав этот взгляд на лету, уже почувствовали, что гроза проходит. Где-то у нас в груди поднялась волна не то жалости к этим не выдержавшим испытания жизни молодым людям, не то боли за них...

Все молчали. Мы видели, что Ковпаку уже жаль вывести их в расход, но другого решения он не находит.

Выручил Руднев.

Он встал и подошел к ним вплотную. Лейтенанты, инстинктивно почувствовав в нем старого военного, подтянулись, взяв руки по швам.

— Но хотя бы вину свою вы понимаете, подлецы? — спросил комиссар, глядя им в глаза.

— Понимаем,— ответили они.

— Кто вы есть? — спросил сидевший до сих пор молча в углу Дед Мороз.

Они перевели на него взгляд, и оба враз ответили:

— Изменники!..

— Понимают, сукины дети! — сказал Дед Мороз.

Руднев, указывая на седобородого Коренева, сказал:

— Видите? Человеку уже давно на печке пора сидеть, и тот с немцами воюет. За вас, подлецов. А вас учили, надеялись...

Хлопцы молчали.

— Сидор Артемьевич! Я предлагаю: Дед Мороз тут самый старший. Пусть он и рассудит,— сказал Руднев.

— Добре. О це добре. Твое слово, Семен Ильич.

Дед Мороз вышел из угла и подошел к ним. Казалось, он сейчас тут же уложит их на месте.

— Вы, молокососы! — загремел его голос.— Вас как судить, по совести чи по закону? Сами выбирайте. Как выберете, так и судить буду. Только, чур-чура, не обижаться.

В сенях завозились и засмеялись связные, наблюдавшие до сих пор молча.

Семенистый незаметно по подстенку подвинулся поближе и шепнул:

— Просите по совести, вы, обормоты...

Глаза его по-озорному блестели.

— Ну? Як судыть? — повторил Дед Мороз.

— Судите по совести,— выдохнул Дяченко.

— А тебя?

— И меня,— сказал Курсик.

Дед Мороз прошел по хате взад-вперед. Ковпак скручивал из газеты самокрутку, Базыма барабанил пальцами по столу, Руднев смотрел на Деда Мороза серьезно, а глаза блестели таким же огоньком, как у Семенистого.

Коренев подошел к хлопцам.

— По совести? Ну, ваше счастье. Що ж? Скидайте штаны. Скидай, скидай, не стесняйся. Будем вам мозги с одного места на другое перегонять. Дежурный! По двадцать пять плетей каждому!

Хлопцев уже схватили и положили на лавку.

Последние пять плеток всыпал им сам Дед Мороз.

Чтобы заключить историю офицериков, я расскажу сразу и конец ее. Дяченко оказался средним человеком, не шибко храбрым, но и не трусом. Воевал у Ковпака с полгода, затем был ранен и эвакуирован на Большую землю. Курсик сразу после суда в штабе попал в роту Карпенко, воевал хорошо, выдвинулся, был много раз ранен, ходил на Карпаты; я сам вручил ему в 1944 году орден Красного Знамени. Он был убит в бою под Брестом в мае 1944 года.

А ведь приходили к нам и другие, этих было больше. Приходили люди с выбитыми зубами, как Бакрадзе, с сожженной кожей, как Миша Тартаковский, с исполосованным шомполами телом... Приходили люди, которые скрипели зубами при одном слове «немец».

Приходили и такие, у которых где-то глубоко в глазах светился огонек ненависти, злобы и предательства...

Как узнать, как понять, как расшифровать души их? Как отделить глубоко заблудившееся, но раскаявшееся, от враждебного, предательского, чужого?..

Вот стоит перед тобой человек, которого ты видишь впервые. И нужно решить ясно и бесповоротно. И без проволочек. Либо принять в отряд, либо... А в руках никаких документов, справок, а если и есть они, так веры им мало. Как решать? Может быть, перед тобой будущий Герой Советского Союза, а может, ты впускаешь за пазуху змею, которая смертельно ужалит тебя и твоих товарищей. Тут не скажешь: придите завтра; не напишешь резолюцию, которая гласит: удовлетворить по мере возможности; не сошлешься на вышестоящее начальство. Чем руководствоваться? Глаза — зеркало души человека. Вот так, смотришь ему в душу — и решаешь, что же за человек перед тобой. А затем даешь смертельное задание, бросаешь в бой. Выдержит человек суровый экзамен войны, останется жив — первый рубикон пройден, живи, борись, показывай нам дальше, кто ты есть. Погибнет — вечная ему слава. Сорвешься — не пеняй на нас: нам не до сентимен-

тов. Вот норма, суровая, не всегда справедливая, но единственная.

Как часто думалось мне: «Эх, к нам бы на исправительные курсы всех бюрократов, волокитчиков, кляузников и перестраховщиков! Тут или быстро выпрямились бы их души, тверже и решительней стали характеры, или непосильная ноша ответственности переломила бы их хребет». У нас все эти недуги излечивались быстро — как зарубцовывается туберкулез на морозном воздухе Сибири. Больной либо вскоре выздоравливает, либо так же быстро умирает. Ибо силой неумолимых обстоятельств, подобно капле прокипяченной воды, мы были коллективом без тунеядцев.

Разведка, разведка и еще раз разведка... Разведка у партизан — это половина успеха. Лучшие разведывательные поиски и диверсионные фортели периода Князь-озера принадлежат народному учителю белорусу Кашицкому. Он очень быстро наловчился пускать в ход магнитные мины замедленного действия, и вскоре они, с его легкой руки, стали взрываться то возле ночных постов немцев в центре города, то под несгораемым шкафом районной жандармерии, а то и под матрацем у мозырьского гебитс-комиссара.

Особенно много шума и смеха вызвал взрыв магнитной мины на печке у начальника «бюро труда», изменника, подлеца, ведавшего угоном в Германию наших людей. Взрыв случайно произошел тогда, когда через Житковичи к нам летел самолет. Взрывом разнесло печку и сожгло дом. Население торжествовало, уверенное, что одной-единственной бомбой, брошенной с самолета, летчики разбомбили гнездо самого ненавистного человека в районе. Легенды о самолетах, специально нащупывающих гнезда отъявленных изменников, ловко пущенные Кашицким, еще больше усилили эффект.

По своей давней привычке узнавать людей, которыми руководишь, не только по их анкетным данным, а стараясь понять их душу (разумея под душой скрытые, не выявленные в действии, потенциальные возможности человека), я занялся прежде всего изучением разведчиков главразведки. Опасность подстерегает разведчика тысячами глаз, а он может противопоставить ей лишь зоркость пары своих, да еще сметку, быстроту мысли и воображения, улавливающих и фильтрующих звуки, краски, запахи. Он должен читать неуловимые знаки природы, рассказывающей ему о присутствии врага. Разведчиков в отряде было более восьмидесяти человек, включая и моих восемнадцать автоматчиков из тринадцатой роты. Но стиль, классический почерк разведчика определяли все же несколько человек: Черемушкин и Мычко — отчаянные хлопцы, действовавшие всегда решительно и с налету, Ваня Архипов — хи-

тростью, юмором, так сказать артистически. Это он, еще в первые дни организации отряда, явился в невообразимом штатском наряде в отряд и чуть не был принят за немецкого шпиона. Затем, уже став разведчиком, он задержался как-то в селе у знакомого колхозника и опомнился лишь тогда, когда село было полностью занято немцами. Он переоделся, сунул свою винтовку в мешок, вскинул его на плечи и промаршировал по улице села, где его знало почти все население, мимо немцев. Хотя, по его собственному признанию, душа у него и была в пятках, но все же у этого неисправимого штукаря хватило духу подморгнуть бабам, стоявшим у журавля, и крикнуть им весело: «Смотрите, бабы, как я из гансов дураков делаю». Бабы с замиранием сердца смотрели, как проходил вихляющей походкой мимо немцев этот лихой партизан. А чем еще можно победить истосковавшееся сердце солдатки, даже если смерть скалит на тебя свои зубы, как не лихостью и умением в любой обстановке кинуть безносой в лицо презрительную шутку?! Словом, Архипов, или, как его прозвали в отряде, Ванька Хапка, был прирожденный артист. Каждая разведка у него была спектаклем. Но все же, увлекаясь, он часто забывал основное задание и мог выделывать свои фортели без пользы, так просто, забавы ради. Словом, разведчик был мало дисциплинированный, нецелеустремленный, но веселый и музыкальный. Я уже на Князь-озере пришел к выводу, что Хапку посылать надо на дела рискованные и интересные, но там, где требовалось получить точные сведения и в строго ограниченный срок, его кандидатура была мало подходяща.

Митя Черемушкин — разведчик-асс. Вологодский охотник. Еще с детства развитая способность выслеживания как бы определила ему место разведчика на войне. Он и на марше ходил осторожной, охотничьей поступью и, принюхиваясь к дороге, лесу, людям, зорко всматривался своими озорными глазами в темноту. Это он обучил Толстоногова, горожанина-еврея, разведывательному искусству. Тот природной сметливостью перенял приемы Черемушкина, и часто они ходили в разведку вдвоем. Когда же в разведку шел весь взвод Черемушкина, то только своему ученику Толстоногову доверял командир взвода итти первым. Если же приходилось отлучиться или делить взвод на две группы, то во главе второй группы он тоже назначал своего помощника.

Закадычный друг Черемушкина, Федя Мычко, такой же плотный и круглолицый, отличался от своего корешка лишь более светлыми волосами и более буйным нравом, особенно во хмелю. Правда, и Черемушкин кротостью и тягой к трезвенности не обладал. Единственным способом укротить разбушевавшихся корешков-командиров взводов капитан Бережной

считал уже испытанный им дважды окрик: «Комиссар идет». Услышав эти слова, оба хлопца моментально превращались в милых, забавных медвежат, которые забивались куда-нибудь подальше на сеновал или в сарай, где тихо и миролюбиво урчали о том, что, мол, выпили они самый последний раз и что ведут они себя тихо и мирно.

Несмотря на неразрывную дружбу, между Черемушкиным и Мычко шло скрытое и яростное соревнование, и не дай бог если кто-нибудь из разведчиков Мычко получал замечание за плохо выполненную разведку, тогда как хлопцы Черемушкина удостаивались похвалы или благодарности. Мычко ходил хмурый, а бедный проштрафившийся разведчик боялся показаться своему командиру на глаза, пока каким-либо сногсшибательным делом не поправлял свою репутацию.

На особом счету был командир отделения Гомозов. Тихий и спокойный, он был замечателен своей выносливостью и мог вести разведку буквально по нескольку суток подряд. Его обычно мы посылали в дальние разведывательные рейды, иногда на сотни километров в сторону от пути отряда.

Немного обособленным был взвод конных разведчиков. Раньше им командовал Миша Федоренко, по прозвищу «Ба-ба-бушка». Он немного заикался и, когда заходил в хату, говорил, потирая руки и смеша своих бойцов и хозяев:

— Ба-ба-бушка, вари картошку, тащи огурцов, а поллитра у солдата всегда найдется. Выпьем, милая с-старушка.

Тетки всегда с радостью угощали после такого вступления.

Мишу Федоренко ранило в Бухче вместе с Горкуновым, и мы их отправили на Большую землю первым же самолетом Лунца. Сейчас отделением командовал сибиряк Саша Ленкин, по прозвищу «Усач». Усач пробился к Ковпаку из окружения под Оржицей еще в сентябре 1941 года. Был известен военной выправкой, удалью, неважной дисциплиной и любовью к лошадям, на которых ездил мастерски. Посадкой в седле он приводил в восхищение Михаила Кузьмича Семенистого. Одет был всегда опрятно, я бы сказал — изысканно. Имел и недостатки: слабоват был по «женской части». Винить его в этом было трудно, так как то ли благодаря его внешности, то ли еще почему-либо, но девчата и молодухи сами липли к нему, как мухи на мед. Словом, все его достоинства и недостатки были сугубо кавалерийского происхождения, и никому из нас и в голову не могло притти, что этот лихой «гусар» до войны владел ультрамирной профессией бухгалтера леспромхоза.

Имел он еще недостаток: любил посмеяться над партизанами других соединений, особенно над теми, которые воевали слабо.

Партизаны с удовольствием говорили о выходках Ленкина. Комиссар вызвал Ленкина к себе.

— Это что за зазнайство?

Он часто распекал лихого кавалериста-забияку.

Однажды, после очередного разноса Ленкина, когда тот ушел, Ковпак, сидевший до сих пор молча, повернулся в телеге на другой бок.

— Трымать хлопцив треба, щоб не зарывалысь. А все ж таки з цього хлопця толк буде. Гордость у чоловика есть, а без гордости якый солдат? Ни, Семен Васильевич, ты его за це бильше не ругай. З цього усатого буде вояка, щоб я вмер, буде...

— Ну, знаешь, так мы можем далеко зайти,— возразил комиссар.

— Далеко чи блызко, а чоловик за честь своего отряда борется. А як получается у него це по-хулигански — наше дело навчыть. Вершыгора, а ну, пошли на саме трудне дило Ленкина, и хай соби охотников набере...

12

Пока я налаживал разведывательные и диверсионные дела, аэродром работал вовсю. Каждую ночь прилетало по две-три машины. Мы успели отправить почти всех раненых. Улетели Горкунов, Миша Федоренко, врач Дина Маевская и много других бойцов и командиров. Легче стало с боеприпасами, взрывчаткой и всем другим, необходимым в партизанском обиходе. Наш партизанский штаб в Москве начал понемногу расширять ассортимент. Среди военного груза стали появляться и, так сказать, культтовары: книги, журналы, а затем и люди. Каждый вновь прилетевший приводил Ковпака в ярость.

— Мени патронив и толу треба, а вони мени людей шлють.

Вскоре после недовольных радиограмм Ковпака посылка людей прекратилась. Затем через несколько дней все же из Москвы стали прибывать к нам более важные пассажиры. Они спокойно вылезали из машин на лед, как будто на обыкновенном аэродроме аэрофлота.

Прилетел к нам корреспондент «Правды» Коробов. Он жаждал боевой жизни и приключений, и я решил его пристроить по своему ведомству — при разведке. Вызвав Черемушкина, временно заменявшего Бережного, я сказал ему:

— Тут товарищ с Большой земли прибыл. Хочет с нами в рейд итти. Принять его и всем обеспечить.

Черемушкин понял мою команду по-своему. Вечером того же дня в разведке была устроена вечеринка в честь дорогого гостя с Большой земли.

Вареного и жареного было припасено хозяйственным старшиной Зеблицким — сибиряком по рождению и сибаритом по натуре — достаточно. Было чем и промочить горло. Но одного не учли гостеприимные хозяева. Ледовый аэродром уже нащупала немецкая авиация и бомбила лед и село. Хозяева, боясь пожаров, вынесли всю утварь, и в том числе и посуду, далеко на огород. Когда был накрыт стол и гости и хозяева чинно расселись по местам, Черемушкин, кроме сулеи с жидкостью и черепков с холодцом, ничего стеклянного или фарфорового на столе не обнаружил. Командир грозно нахмурил брови. Зеблицкий ответил ему отрицательным жестом. Черемушкин смущенно кашлянул в рукав, но тут взгляд его упал на одиноко стоящий на подоконнике цветочный горшок. Позабытый цветок уже окоченел от ледяного дыхания мороза, врывавшегося сквозь заткнутые подушками окна. Черемушкин молча вытряхнул безжизненное растение, тщательно вытер цветочницу, заткнул хлебом отверстие в дне горшка и наполнил его до краев живительной влагой. Бедному корреспонденту пришлось с трепетом приложиться к этой посудине. Быть бы ему мертвецки пьяным, не окажись с ним его закадычного друга Матвеева, хлопца недюжинной силы, шофера и владимирского пимоката. Парнишке этому не страшны были ни финны, ни немцы, ни цветочные горшки.

Но вскоре разведчики нашли с корреспондентом общий язык, тем более что политрук Ковалев — ходячая библиотека художественной литературы — перевел при помощи Коробова разговор на культурно-просветительные темы. Вечер закончился вполне благопристойно.

На другой день Коробов рассказал мне о вечере, и я понял свою оплошность. Про себя я решил в дальнейшем более строго регламентировать подобные торжественные встречи. Но в общем все обошлось хорошо. Разведчики заявили, что гостя они зачислили на довольствие на весь рейд. Потому ли, что Коробов был неплохой рассказчик, или потому, что ребята знали, что еще за участие в финской кампании не пером, а пулеметом он был награжден орденом Ленина,— но между разведчиками и прессой был установлен контакт и, как любят выражаться газетчики, найден общий язык.

Авиационного инженера В. прямо из теплой московской квартиры всунули в самолет, а часов через семь-восемь он уже вылезал на лед аэродрома и, беспомощно озираясь, спрашивал:

— А далеко тут немцы?

— Близко, близко,— восторженно известил его комвзвода Деянов, низенький скуластый парень из шестой роты.

— У-у,— произнес нечленораздельно инженер, пятясь к самолету.

— Куда, куда? — кричал Деянов.— Далеко, далеко немцы!

И когда инженер немного успокоился и подошел к костру, Деянов, неловко оправдываясь, говорил мне тихо: «Я думал, ему надо, чтоб они близко были, а ему, вишь, надо, чтобы подальше».

Инженера повезли в село на отдельную квартиру. Утром он проснулся, когда никого не было в хате, выглянул в окно. Увидев часового в немецкой шинели у ворот, он забрался на чердак. Просидел он там битых два часа, пока хозяин хаты, долго разыскивавший пропавшего гостя, смеясь, не позвал его завтракать.

Когда о случившемся узнали и инженера подняли насмех, Ковпак встал на его защиту:

— Ну, чего вы ржете! .. Со всяким такое может случиться. Завезлы чоловика, як кота в мишку, чорт-те зна куды... Тут з непривычки и не то може почудыться.

Но все же инженер был желанным гостем в отряде. Он прибыл к нам в связи с аварией, без которой все-таки не обошлось на нашем ледовом аэродроме. Инженер привез винты к пострадавшему самолету. Летчик этой машины мало летал в тыл врага и посадил машину далеко от сигнальных огней. Затем зарулил совсем в другую сторону и въехал в ледяную трещину, заглушив моторы винтами об лед. Винты поломались, но машина осталась целой. Инженер привез новые винты. Несколько сот человек под командой Павловского два дня подымали и подняли наконец машину из продавленной ею полыньи. Инженер с Павловским руководил подъемом самолета и уже на второй день вместе с партизанами смеялся над своими страхами. Достаточно было двух дней, чтобы все его представления о немецком «тыле» показались ему дикими и несуразными.

— Вы понимаете, ведь никакой разницы, как если бы я выехал в подмосковный колхоз. Только, что у всех людей за плечами оружие. Вот и вся разница.

— Ну, положим, разныци ти ще не бачыв. Буде тоби ще и разныця...— говорил Павловский.

— Не пугайте, не уговаривайте, все равно не страшно,— смеялся инженер.

— Вишь как его на храбрость потянуло,— замечал комвзвода Деянов.

— Разныцю, бачь, раки зъилы,— бурчал под нос Павловский.

Он немного ревновал к инженеру. Не будь его, он мог бы вписать в свою бурную биографию еще один подвиг — подъем чуть ли не со дна озера громадной машины. А так приходилось делить лавры.

Инженер освоился с народом быстро. Этому помогала обстановка кипучей деятельности. Подъем самолета близился к концу. Смекалка партизан выручала инженера. К концу второго дня машина уже была на льду и к ночи была отбуксирована к берегу. Но в конце, когда уже ставили винты, все дело сорвалось. Немецкая авиация нащупала наш аэродром. «Юнкерсы» стали беспрерывно кружиться над озером. Они все-таки высмотрели замаскированную машину и зажгли наш самолет, беспомощно стоявший у берега. Затем «юнкерсы» принялись бомбить лед, и ровная площадка, похожая на бетон, вспузырилась большими круглыми полыньями, забитыми мелким крошевом льда.

Ледовый аэродром кончил свое существование. Закончилась и наша стоянка на льду. Ковпак был не в духе — он надеялся получить еще с десяток тонн груза. Но все же ледовый аэродром крепко выручил нас. Мы отправили на Большую землю всех раненых, ликвидировали острую нужду в боеприпасах для русских систем оружия. К остальному оружию — немецкому, мадьярскому — мы добывали патроны у врага.

Последним самолетом прилетел на наш аэродром депутат Верховного Совета Бегма. Он привез ордена для партизан соединения Ковпака и других украинских партизан. Пробыв несколько дней у нас и вручив награды, он остался в тылу врага организовывать партизанское движение на Ровенщине и вышел из вражеского тыла, лишь когда Красная Армия освободила эти места. Прибыл он на наш аэродром один, а через год встречал Красную Армию во главе многотысячных отрядов ровенских партизан.

Ясно было, что немцы не дадут нам долго простоять на месте. На дальних подступах к озеру стали увеличиваться гарнизоны, появились и подвижные немецкие части. На совещаниях командования мы стали обсуждать планы дальнейшего рейда. Снова, как пять месяцев назад в Брянских лесах, была приведена в мобилизационную готовность вся человеческая махина отрядов. Проверены люди, оружие, транспорт. Лошадям выдавались повышенные порции овса. За несколько дней Павловский с несколькими ротами добыл в совхозе «Сосны», превращенном немцами в помещичье хозяйство, сотни тонн овса, несколько сот голов рогатого скота. Наблюдая за этими приготовлениями и рассылая во все стороны разведгруппы, получая сведения от белорусских партизанских отрядов, я физически ощущал, как замыкается вокруг нас кольцо немецких частей. Иногда у меня лопалось терпение, и я, докладывая Ковпаку и Рудневу разведданные, подчеркивал не столько факты, сколько свои выводы и соображения о них. А соображения мои сводились к одному: надо сниматься.

— Зажды, не горячкуй, Вершыгора,— спокойно говорил Ковпак.

— Надо, чтобы немцы наладили всю свою машину,— рассуждал как бы сам с собой Руднев.— Надо, чтобы окончили они все приготовления. Надо дать им время и возможность разработать все планы до мельчайших подробностей. А их точно разработанные планы имеют один недостаток — они разлетаются в пух и прах, когда противник, то есть мы, сделает один небольшой, но неожиданный шаг, не предусмотренный немецким командованием. Понятно, академик? — смеясь, закончил комиссар.

— Понятно. Но какой же это шаг? А если и он учтен немцами?

— Тоди наше дило швах. Риск на войне — родной брат отваги,— сказал Ковпак.— А що воно за шаг? На що тоби знать. Ты от що робы: розведка щоб беспрерывно действовала.

Я рассказал Ковпаку о своей системе перекрытия разведданных. Разведчики, сами этого не зная, перепроверяли данные друг друга. Это была довольно простая система кольцевых разведывательных маршрутов во времени и пространстве. Я очень гордился тем, что придумал ее, и долго проверял на практике, пока решил рассказать о ней своим профессорам.

— Це добре. Так и действуй,— мимоходом сказал Ковпак таким тоном, как будто ему сказали, что я изобрел спички или велосипед.— Теперь так. Сегодня двадцать восьмое января. Напиши приказ всим командирам явытысь на командирское совещание на третье февраля в штаб. Мисца не вказую. Нимецька розвидка все равно вже його знае. И що хочь робы, а щоб завтра цей приказ був в руках у нимцив.

Я с недоумением посмотрел на комиссара.

— Делайте так, как говорит командир. Нам надо выиграть еще несколько дней. И пусть немцы строят свой пунктуальный немецкий план по нашей указке. Начштаба, примите меры, чтобы о наших приготовлениях к рейду поменьше было шуму. Полнейшая безмятежность и благодушие. Пусть все считают, что мы собираемся стоять еще долго. Высылайте роту на лед. Пусть проводят работы по подготовке новой площадки.

Я ушел. Выполнил все приказания, но заснуть не мог. Вышел на улицу. В штабе еще не спали. Свет горел в квартире командира и комиссара. Жили они вместе. Прогуливаясь по улице, я долго и мучительно думал обо всем происходящем. Боясь упустить капризную нить еще неясной мысли, подошел к светящемуся окну и, вынув блокнот, стал записывать.

«. . .Движение — мать партизанской стратегии и тактики»,— начал я. Чья-то рука легла мне на плечо. Я вздрогнул. Рядом стоял Ковпак.

— Все записуешь? Пиши, пиши, на то советская власть и обучала вас...— Он посмотрел на мою запись и добавил: — Верно.

— А хотите, товарищ командир, я скажу вам, когда вы решили двинуться в рейд?

— А ну, ну? Интересно...— Он отвел меня в сторону от часового и сказал шопотом: — Кажи... на ухо кажи.

— В ночь на второе февраля...— тоже прошептал я.

Ковпак посмотрел на меня косым, недоверчивым взглядом. Казалось, он впервые видел меня. Затем пробормотал смущенно:

— От чертяка. Правильно. А ну, дай своего блокнота.— Перечитав написанное, Ковпак полистал задумчиво листочки и затем еще раз начал читать: — «Движение — мать партизанской стратегии и тактики»... А ну, слухай сюды. Ще в двадцатом году одного бандюка мы пиймалы. Так вин нам, знаешь, що на допроси загнув?.. У вовка, каже, сто дорог, а у того, кто ловить,— тильки одна... От и пиймайте нас... Выходит, той махновець академии не кинчав, а був... А все же пиймалы... Ну, ладно, пишлы спать... Тильки про срок держи язык за зубами... А там подывымось, чы вдасться Адольфу нашего хвоста понюхать...

Мы разошлись. Я еще долго ходил по улицам спавшего села. В окнах Ковпака горел огонь. Проходя мимо, я видел... старик сидел на печке, спустив ноги на лежанку, и курил цыгарку за цыгаркой. Облокотившись на стол, комиссар Руднев взглядом рейдовал по карте — на юг, на запад, на север... Изредка он широкой пядью отмеривал расстояние на восток. Пядь мерила по десятикилометровке шесть-семь раз. До Сталинграда от нас было 1200 километров. Это была ночь на 29 января 1943 года. За 1200 километров к востоку от нас красноармейцы добивали последние группы Паулюса. Мы же собирались еще дальше на запад... На запад, где нити черных и красных жилок сходились к Бресту, и дальше к Варшаве...

13

Движение — мать партизанской стратегии и тактики. Неужели только мы понимали это? Нет, не мы одни. Старый полководец России, мудрый Кутузов, писал партизану Дорохову, принявшему оборонительную тактику: «Партизан никогда в сие положение притти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для прокормления людей и лошадей. Движение есть лучшая позиция для партизана».

1 февраля за три часа до темноты все пришло в движение в наших четырех отрядах и двадцать одной роте ковпаковцев.

— Вперед, на запад, академик! на запад, и только на запад! — весело говорил мне Руднев после того, как я доложил ему о том, что разведчики, целый день следившие за гарнизонами немцев, не отметили там никаких перемен.

Руднев усмехнулся:

— Даю слово, что в штабе немецкой группировки сейчас пишутся последние диспозиции.

— Завтра с утра вся махина придет в движение и начнет хватать руками воздух...

— Да и местных партизан. Кстати, предупредил ты соседей о нашем уходе?

Я ответил, что начштаба Григорий Яковлевич сделал это.

Замысел наш был прост и заключался в том, что нацеленные на нас немцы готовили наступление на завтра. Мы же уходили сегодня через совершенно непроходимое болото Бурштын. Январские морозы образовали на нем довольно прочную кору. Пройдя километров двенадцать болотом, колонна остановилась. Пока выясняли причину, в голову колонны въехали Руднев и Дед Мороз, сопровождаемые кучей связных мальчишек.

В это время нас нагнал Михаил Кузьмич. На скаку он спрыгнул к нам на санки. Прирученный конек сразу пристроился за санками с его малым хозяином. Недаром скормил Семенистый ему десятки хлебов и делился с ним сахаром, который он всегда таскал в карманах для своего верного друга.

— Командир прислал сказать, что боковое охранение нащупало немцев. Чтобы в колонне никто не знал, я только командиров предупредил.

Положение становилось незавидным. Руднев задумался.

Дед Мороз вышел в сторону от ряда саней и, медленно бредя по глубокому снегу, приглядывался к чему-то на земле.

— Черемушкин, ко мне,— тихо позвал он.

Молодой разведчик подбежал к старику, и они перекинулись несколькими словами. Колонна стояла молча.

Руднев скомандовал:

— Буланого вперед!

За нами, обгоняя обоз, почти по брюхо в снегу, вскачь неслись розвальни, запряженные рослым конем, который был известен в отряде своей неутомимостью.

Дед Мороз на ходу повалился в розвальни. Я слышал, как он сказал Черемушкину:

— У тебя глаза помоложе, у меня голова поумней. Давай вдвоем работать. Смотри, не сбейся со следа. Не сорвись на

след зайца или лисы. Запутаемся совсем... Нагонит нам Ковпак холоду...

Дальше колонна шла по следу волка. А в начале сорок третьего года в колонне ковпаковцев было полторы тысячи людей и до пятисот саней.

Часа через два мы уже были на внешней стороне немецкого кольца. Теперь нам был и чорт не брат.

Усач Ленкин ехал, как всегда, впереди колонны. Он молчал, а затем, сплюнув, буркнул свою любимую поговорку:

— Ночь темная, кобыла черная, едешь, едешь, да пощупаешь — не чорт ли везет!

— Вот дьявольщина, нельзя ли хоть спичкой чиркнуть, что ли,— завозился Коробов, сидевший рядом со мной на санках.

— Зачем тебе?

— Это же целый абзац. Фольклор, партизанский фольклор. Нельзя ли чиркнуть спичкой?

— Нельзя,— сказал я эгоистично.— Саша, прибавить шаг!

— Ночь темная, кобыла черная,— и Усач взмахнул нагайкой.

Когда-то в беззаботные, голодные студенческие годы я любил музыку. Изучал ее под руководством Кости Данкевича, пианиста и выдающегося украинского композитора. Любил часами сидеть в концертном зале консерватории и, закрыв глаза, отдаваться звукам. Они вызывали неясные образы... Так и эти бесконечные переходы, когда слаженная, гармонично организованная боевая группа врезывается, как острый нож, в тело вражеского тыла и разрубает каменные кости шоссеек, стальные мускулы железных дорог, всегда вызывали в моем мозгу неотразимое впечатление симфоний. И когда вдали, начинаясь отдельными выстрелами, сухим треском автоматов, барабанным боем станкачей, разворачивалась прелюдия ночного боя, нервы немного натягивались и, казалось, звенели в теле подобно струнам. Вот уже ударили литавры батальоных минометов. Чем не Бетховен, Мусоргский, Рахманинов!

Впереди взвилась ракета и осветила вздыбившегося посреди переезда коня Саши Ленкина с вьющейся гадюкой плетью над головой.

— Огонь! — скомандовал Усач.

Автоматы разведки застрочили, скосив вражеские патрули, бросившие ракету. Затем очереди стали раздаваться по бокам, веером, расчищая захваченный плацдарм у переезда.

Углом через поле шла девятая рота, стоявшая в заслоне справа, а слева быстро передвигалась вдоль насыпи пятая. Артиллеристы уже вытащили противотанковую пушчонку и

поставили ее прямо посреди рельсов. Заслоны, отойдя на полтора-два километра, залегли по бокам. Впереди минеры быстро закладывали мины. Бронебойщики пристраивали свои тяжелые ружья на запасных шпалах.

— Обоз, рысью вперед! — скомандовал Базыма.

— Саша, вырывай голову колонны, вперед!

— Я свое дело сделал. Кланяйтесь фрицевым бабушкам. И-ех, ночь темная, кобыла черная...

И взвод конных разведчиков понесся вскачь.

— Классическая работа! Какой стиль! Я пятый раз в тылу врага, но подобного не видел! — восхищался Коробов.

— Подожди, не то увидишь,— говорил Базыма, толкнув задремавшего ездового.— Не разрывай колонну, шляпа.

Этого только и надо было Семенистому, стоявшему во главе оравы связных. Они с гиком понеслись верхом, нахлестывая отставших коней. Разрыв колонны на марше — опасное дело. Он может оторвать часть колонны, разрезать отряд на две части. Особенно опасен он при форсировании вражеской коммуникации. Мы перерезали ее стальной нерв пополам, но она также перерезает наше живое тело колонны. Каждую минуту жди эшелонов, патрулей, автодрезины, а то и бронепоезда. Поэтому и доро́га каждая минута, а чтобы пройти всему соединению через переезд, даже рысью, даже по укатанной дороге, нужно не менее чем полтора часа.

Ночные марши утомляли и людей и коней. И не удивительно, что часто засыпали и те и другие, задерживая движение массы людей и повозок, вытянувшихся на несколько километров позади.

Разослав связных по колонне расчищать путь, проверить «маяков» [1] и растолкать пробки, Базыма, вдруг превратившись в озорного хлопца, размахивая плетью, крикнул мне:

— Петро! Машинка закрутилась. Дуй! Глазки вперед, ушки на макушке. Верно говорил дед. Навряд ли удастся Адольфу нашего хвоста понюхать!

Я кинулся в санки, и они понеслись.

— Движение — мать стратегии и тактики партизана! — крикнул я, нахлестывая застоявшихся на морозе коней.

— Придержите коней. Дайте зажечь спичку. Это же абзац. Это же записать надо.

Но в это время сзади нас в темноте блеснуло красное пламя, и во все стороны ночь прошили зеленые нити трассирующих пуль. Затем по снежной равнине прогремел взрыв и сразу, как хвост звуковой кометы, сплошной рев автоматов и пулеметов.

---

[1] «М а я к и» — регулировщики на перекрестках дорог.

— Поезда как не бывало. Как вам нравится?
— А что за бой там?
— Заслоны добивают эшелон.
— Нельзя ли вернуться?
— Нельзя. Каждый делает свое дело. Да и не успеете. Пятая рота и ее командир, бухгалтер Ефремов, это дело сделают и быстро и чисто.
— То есть какой бухгалтер?
Только тут мне пришло в голову, что и Ленкин и Ефремов в мирной жизни бухгалтеры.
— Хотите, дам вам абзац? — рассердился я. — Зажгите спичку. Пишите. Самая воинственная профессия — это профессия бухгалтера. А развивать эту тему можете сколько угодно. Вот вам прототипы.
Эшелон медленно загорался. Пламя лениво лизало щепы изуродованных вагонов, освещая брюхо черного дыма, поднимавшегося к небу.
Мы понеслись по укатанной санной дороге. Впереди была еще шоссейка, и разведчики Ленкин и Бережной уже должны подъезжать к ней. Нужно было догнать их, чтобы принять наиболее быстрое и поэтому наиболее правильное решение, ибо движение и быстрота — мать партизанской тактики и стратегии...
Дорога на запад была открыта.
Рейд начался удачно.

14

Существовал у нас обычай, заведенный комиссаром Рудневым. Два раза в день, в 14 и в 24 часа, радист Вася Мошин подходил к штабу с толстой книгой подмышкой.
— Читать сводку! — командовал Руднев.
Как угорелые, разлетались во все стороны связные, Семенистый, Ванька Черняк и другие, орали на весь лес, если дело было летом, стучали плетью в окна и двери халуп, если дело было зимой, и кричали:
— Читать сводку!..
Через несколько минут возле штаба собиралась толпа партизан, и Вася Мошин раскрывал свою библию.
— От Советского Информбюро. Вечернее сообщение за...
Воцарялось молчание, и люди выслушивали все, что он читал. Кто не сражался в тылу у противника, кто не был по месяцам лишен возможности читать родные строчки советской газеты, тот не может понять нашего волнения.
Многие месяцы лишь тоненькой нитью эфира, да и то не всегда, мы были связаны с родиной. О событиях, происходив-

ших иа фронте и в советском тылу, мы знали только по сводкам Совииформбюро и только от Васи Мошииа.

И поиятио, что этот человек, выполнявший лишь трудиую и скучиую техиическую обязанность, стал олнцетвореиием всего того, что делалось за фронтом.

— Ну, сколько городов оставил? — серьезно спрашивал Ковпак Васю в 1942 году.

И парень, печальио раскрыв книгу, монотоиио и громко читал сводку, а окоичив чтеиие, молча захлопиув свою библию, сейчас же уходил.

Мие иногда даже становилось жаль этого хлопца, так сокрушеино прииимал ои упрек старика комаидира, словио был сам повииеи в этих иевеселых делах.

Но вот еще в коице декабря 1942 года голос Васи окреп, стал он читать раздельней, иаучился остаиавливаться в иаиболее ннтересиых местах, стал делать психологические паузы. И все больше слушателей собиралось у штаба, так что пришлось Васе читать сводку в разиых коицах расположеиия отрядов. Затем ее сталн размножать на машиике и рассылать по ротам вместе с оперативиыми докумеитами штаба, а вскоре стали издавать в двухстах-трехстах экземплярах типографским способом в ручиой партизаиской типографии, присланиой иам иа ледовый аэродром.

Раз заведениое, как и миогие другие традиции, чтеиие сводки в штабе проводилось ежедневио. А зимой, начииая с декабря 1942 года, обряд этот стаиовился все торжественней и оживлениней, ждали в штабе Васю Мошииа все с большим нетерпеиием.

19 иоября иачалось наступлеиие Красиой Армии, н Васю заставляли читать сводку по иескольку раз, делая по ходу глубокомыслеииые стратегические и философские замечания.

23 иоября замкиулось кольцо у Калача, и откуда-то из дебрей коваиого сундука наш штабной архиварнус Семеи Тутучеико вытащил карту Волги, и к ией по вечерам тянулись толстые обмороженные пальцы стариков и мальчишек, разыскивая еле заметиый кружочек с надписью «Калач».

Теснее сжнмалось кольцо вокруг армии Паулюса, н уже ие в штаб ходил Мошии, а победоиосно вертел регуляторами приемиика в новой просториой нзбе, куда его перевелн по приказу Ковпака. Вокруг хрипящего репродуктора сидели, затаив дыхаиие, Ковпак, Руднев, весь штаб, все связные, политруки и парторги рот н ловили раздельио, по слогам, передававшуюся диктовкой сводку для областиых газет «От Советского Информбюро».

2 н 3 февраля 1943 года отряд совершал марш, и сводка не была принята. Четвертого мы сделали небольшой переход

и, разместившись по квартирам, уже собирались отдыхать, как услыхали за окиом голос часового, тревожно выкрикивавшего первую цифру пароля, и дикий голос: «Экстреииое сообщеиие». Не успел часовой задержать кричавшего, как в штаб влетел Мошии.

Ои еще в сенях кричал:

— Разрешите, товарищ иачштаба? Экстреиисе сообщеиие!..

— Ну, читай уж...— сказал Базыма, сидевший без гимнастерки на покрытой плащ-палаткой соломе.

— Экстреииое сообщение...— начал Мошин, держа свой гросбух только для проформы раскрытым, а сам торжествующе глядя иа иас.

— Надо за комаидиром и комиссаром послать,— сказал Войцехович.

— Я уже был у иих иа квартире, одеваются...

— Ну, тогда подождем...

— Так я им уже прочел...

— А оии что?

— Сказали: беги скорее в штаб, читай! Мы сейчас будем сами.

— Ну, читай, чортова регеиерация,—буркиул из-под одеяла Тутученко.

— Сами же перебивают, товарищ начштаба. Разрешите иачать?..

— Давай, Васютка...

Вася откашлялся.

— «Главная квартира фюрера, 3 февраля»,— прочел он громко и остаиовился, глядя иа иас. Удовлетвореииый иашим видом, продолжал: — «По приказаиию фюрера по всем территориям райха объявлеи трехдиевиый траур. Запрещеиы зрелища и киио. Всем женщииам иосить чериые траурные ленты или платья...»

В это время в хату вошли Ковпак и Рудиев.

— Чытав? Чулы, хлопци? — спросил старик и, ударив себя плетью по валенку, сел иа лавку.— О це вам, хлопци, иаука... О це вжарылы, так вжарылы.

На столе лежала карта Волги, вся исчерчеииая синими и красными значками, стрелками и кружками. Базыма молча подошел к ией, бережио свернул ее и протянул Тутучеике:

— Сховай, Сеия, сховай иа память...

Руднев взял карту из рук начштаба, снова расстелил ее иа столе. Ои долго смотрел иа место излучииы Доиа и Волги и затем красным караидашом перечеркнул сииее кольцо у Сталииграда.

— Вот и наступил он, праздник на нашей улице... Товарищи, вы понять не можете, что значит эта победа...

— Чего уж тут не понимать, раз по всей Германии на три дня траур объявлен. Тут все понятно! — сказал Базыма.

— А понятно ли, какой ценой и кровью, каким трудом досталась нашей Красной Армии победа? Ведь я же знаю многих людей, которые ее добывали, может многих из них уже и в живых нет.

Руднев замолчал, задумавшись.

Из сеней, двери в которые были открыты, раздался несмелый голос Володи Шишова:

— Товарищ командир Герой Советского Союза! Тут у нас к вам просьба имеется.

— Чего еще? — не поворачивая головы, спросил Ковпак.

Володя шагнул через порог и уже смелее сказал:

— Просим вас рассказать про встречу с товарищем Сталиным.

Старик повернулся, встал со скамьи и глянул на обступивших его партизан, его солдат и сподвижников; многих из них он знал еще до войны, за многих давал поручительство в партию.

— Правильно, расскажи, Сидор Артемович.

— Добре...— Старик задумался.

Руднев отошел в угол штабной избы и, сев на предложенный Войцеховичем табурет, улыбаясь, смотрел на командира.

Ковпак начал рассказывать. Я уже не раз слыхал этот рассказ. Многие из присутствующих, те, кто пришел из Брянских лесов, тоже знали его в подробностях. Но сегодня старик был особенно в ударе и, видимо, вспоминая, снова переживал незабываемую встречу.

Долго звучала речь Ковпака:

— ...Я обо всем доложил товарищу Сталину. Как начали партизанить, как воюем. Как с народом связь держим. На все вопросы ответил. Тут товарищ Сталин стал других командиров спрашивать, а я потроху став в себя приходить. Понимаете, хлопци, трохи я перед цим заволновався. Может, через то з другими Иосиф Виссарионович и почав балакать, що запримётил мое волнение. Пока там разговор шел — все до тонкости товарищ Сталин од нас про партизанские дела допытуется,— я уже и по бокам оглядуюсь...

Ну, злива од мене сидят наши хлопци: Сабуров, Дука — брянский партизан, Покровский. Повертаюсь я направо. Тут рядом со мною хтось сидев у штатской одежыни... Гляяув я на того гражданина... и знов заволновався... А це, хлопци, товарищ Молотов. Я так сбоку позыраю. Як же я, думаю,

зразу не запримитыв. А Вячеслав Михайлович до мене лице повернув и посмихнувся. Поняв, значит, що я на товарища Сталина все внимание обращав. А разговор все дальше иде. Уже хлопцы до цыгарок добралысь. Тут мы посмилишалы: хтось з наших все мени шепче: «Насчет второго фронта как? Вопрос задай...» Думаю, чи можно нам задавать вопросы? До цього времени все только нас товарищ Сталин спрашивав. Дай, думаю, я вперед у товарища Молотова попитаю, все-таки, це по его части,— и тихонько, щоб не мешать дилу: «Товарищ Вячеслав Михайлович, можно вопрос?» Вин повернув до мене очи. Ну, от так рядом сыдымо. «А что, какой вопрос?» И я ему знов пошепки: «А как насчет второго фронта?» Дивиться вин на мене, а потом нахылывся почти до самого вуха, а очи смиються, а сам серьезный, ладошкою прикривсь и тоже мене пошепки пытае: «А вы, товарищ Ковпак, з какого года в партии?» — «З 1919 года, товарищ Молотов»,— сразу отвечаю. Замовк я и сразу щось не разкумекав, що и до чого вин мене пытае. Тут и товарищ Сталин до нас повернувся. «Товарищи интересуются, будет ли второй фронт?» — говорит Молотов, а очи знов смиються. «Будет, обязательно будет второй фронт! Заставим... А пока что вы наш второй фронт. Вы...» — и так рукою на нас всех показав. И сразу перейшов к дилу. Став нам задачи ставить...

Партизаны слушали, затаив дыхание. Ковпак продолжал:

— А насчет Сталинграда я так понимаю, хлопци, що ще тогда у него план був. Як мени и Сабурову поставив задачу на правый берег Днипра йти — то ще тоди сказав товарищ Сталин: «Скоро там Красная Армия будет. Надо будет помочь с тыла. А для этого надо народ подготовить. Пойдете поднимать народ...»

— Как же он знал это? — восхищенно спросил Володя Шишов.

— Такой человек, да чтоб не знал,— ответил за Ковпака Базыма.

— Теперь скоро и до Путивля Красная Армия догонит немца. Може, найду свою старуху з детьми,— вздохнул Коренев.

— А я все-таки думаю, товарищ командир, трудно ему...

— Кому? — спросил Ковпак.

— Товарищу Сталину. Вот человек! Так наперед все знать...

— Трудно, Володя, всем трудно...— отвечал Руднев,— а ему всех трудней.

Голова мальчика склонилась к карте, где синий круг на берегу Волги был накрест перечеркнут красным карандашом.

Еще долго сидели партизаны в штабе. Говорили о Сталине,

о Красной Армии, о победе, которая казалась уже такой близкой.

Разошлись лишь тогда, когда в окнах забрезжил серый зимний рассвет.

15

Мы вырвались из кольца вражеских гарнизонов и подвижных частей, готовых начать крупную операцию против партизан, скопившихся вокруг отслужившего свою службу ледового аэродрома.

В ночь на 3 февраля мы отмахали еще километров сорок и приблизились к Пинску. Теперь надо было подумать о том, чтобы оттянуть немцев, навалившихся всей тяжестью своего великолепно организованного механизма на оставленный нами район.

Нужно было бросить в этот великолепный часовой механизм стальной болтик. Пусть заскрежещет и с разбегу остановится немецкий точный механизм. Пусть, не отзвонив своего боя, в недоумении застопорит ход.

Задача сводилась к тому, чтобы оттянуть от местных партизан на себя подвижные гитлеровские части, а от гарнизонов они отобьются и сами.

Для меня это был первый рейд в суровое зимнее время. Еще раньше от старых партизан я слыхал:

— Поскорей бы ударили морозы, замело бы, тогда нам немцы не страшны.

— Нет лучше времени для партизана, как зима.

Эти реплики, а иногда и длинные рассказы совершенно противоречили моему штатскому представлению о наиболее удобном для партизанской борьбы времени года.

Не завершив полного годового цикла в партизанах, я не имел еще собственного опыта и принимал эти замечания с некоторым недоверием. Может быть, похваляются старики? Может быть, просто повезло им в прошлую зиму — зиму сорок первого и сорок второго годов? Может быть, преимущества зимы, ярко защищаемые старыми партизанами, только кажущиеся? Когда, как не летом, нам легче воевать? Тут и листва прячет от глаз противника, и теплое солнце греет, и прочие преимущества, связанные с лирическим, сентиментальным представлением о весне, лете, бабьем лете и других мягких временах года. И все эти преимущества исчезают в нашем сознании, замороженные ледяным дыханием зимы. Тут и лютые морозы, и глубокие снега, и следы на снегу, по которым рыщут немцы, и трудности с пищей и одеждой. Это все верно для небольшой местной группы партизан. Для рейдирующего же отряда — наоборот. Я слыхал и от своих профессоров —

Ковпака и Руднева, Базымы и Коренева, и от рядовых партизан это же утверждение: «Зимой воевать легче». Обсуждая сложившуюся ситуацию, Ковпак говорил комиссару:

— Семен Васильевич. Зараз зыма, можно смило вдарить нимцям по пяткам. Подрочыть их трохи. Демонстрацию им зробым. Хай воны всю свою механику на нас кинуть...

Комиссар молчал.

— Зимой не страшно и с дивизией в кошки-мышки играть,— добавил Коренев.

— Хорошо, если они на машинах, а если на санях? — возразил Базыма.

— Ну, на санях немец вояка, сам знаешь, какой!

Дед Мороз долго еще объяснял преимущества санной дороги для партизан. Очевидно, кроме меня, это всем было известно, и Ковпак, Руднев и Базыма, склонившись над картой, водили по ней пальцами.

— Подожды, Ильич,— сказал Ковпак Кореневу.— Ты лучше от что скажи: пушки по болоту пройдуть?

— Морозы крепкие были. Должны пройти. А впрочем, я разведку пошлю. Хай на болоте толщину корки померяют.

— Шанцевый инструмент пускай захватят,— сказал Ковпак.

Комиссар откинулся от карты и снял шапку.

— Сидор Артемович! Я думаю, нужно демонстрацию немцам в двух направлениях делать. У станции Лахва есть мост, недалеко от станции — аэродром. С него самолеты нас на озере бомбили. Это один удар, настоящий, а второй — ложный, по Пинску.

— Правильно. Нимци на машинах за нами кинуться. А мы по болотам их водыть почнем. Станують нимци з машин на санки пересаживаться, от тогда — як той сказав?

— У волка сто дорог, а у того, кто ловит, только одна,— засмеялся Коренев.

Очевидно, Ковпак часто вспоминал этот афоризм.

— Ну, на тому и порешили,— и Ковпак надел шапку.— Назавтра демонстрацию зробым.

Ночью несколько рот под командой Павловского всерьез повели наступление на станцию Лахва. Мост взорвать не удалось, на аэродроме самолетов тоже не оказалось, но Павловский все же уничтожил два эшелона и, ворвавшись на станцию, устроил там такой кордебалет, что сразу же, по данным разведки, немцы приостановили наступление на белорусских партизан и стали оттягивать войска к железной дороге. К Пинску нами был послан только один взвод разведчиков, но с минометом и пулеметом. Ему была выдана тройная норма боеприпасов и поставлена задача как можно активнее обстрелять областной город и как можно скорее скрыться.

— Ох, и дали мы шквал! Огонек такой был, что немцы думали — не меньше как дивизия на них наступает,— смеялся Черемушкин, докладывая о выполнении задания.

Мы два дня делали к вечеру лишь небольшие переходы по десять-двенадцать километров, чтобы запутать разведку противника. Вскоре появились связные от местных партизан. Большинство командиров поняло наш маневр и благодарило за оказанную помощь.

Окончательно запутав следы, беспрерывными мелкими диверсиями и засадами мы заставили немцев перейти к обороне и бросить все свободные силы на охрану железных дорог и важных центров. Через несколько дней путь на запад был свободен. Можно было двигаться к Бресту, а там кто его знает — перемахнуть через Буг, Вислу...

Нет лучшего времени для рейда крупного боевого отряда, да еще с опытными и смелыми командирами, чем суровая русская зима. Снегом замело все дороги, автотранспорт не пройдет нигде, кроме шоссе. Зимой противник теряет первое свое преимущество — быстроту маневра. Он может маневрировать только на санях, а если учесть, что инициатива в наших руках, что мы диктуем направление, то главное средство войны — маневр — в наших руках. Зимою ночь длинная, а день короткий. Ночь — наше время: это второе преимущество партизан. От него производное третье: действие авиации противника затруднено зимой. Четвертое — трудные условия для ведения противником разведки и обнаружения нашей стоянки: пока разведка противника нащупает нашу дневку, уже ночь, а на другой день начинай сначала; где был вчера рейдовый отряд, там его нет сегодня. Словом, пока стояли морозы, мы могли рейдировать куда угодно.

Вспомнился один случай. Это было со мной в первые дни пребывания в тылу врага, под Брянском. Я выехал поближе к важной железной дороге и расположился на участке Почеп — Выгоничи. Вел разведку, опираясь на передовые отряды огромного партизанского края. Отряды эти недавно были организованы из местных крестьян с небольшой прослойкой военнослужащих. Надо было приключиться вскоре после моего появления такому случаю. Из Брянска на Унечу шла крупная немецкая колонна: до 180 автомашин, несколько танкеток и один или два средних танка. Машины шли с грузом. Охраны было немного. Проехав Выгоничи, колонна двигалась по грунтовой дороге. Движения автотранспорта там не было давно, тракт зарос бурьяном и запустел. На развилке дорог немцы встретили двух баб, и переводчик спросил у них дорогу на Почеп. Бабы возьми и покажи дорогу, которая вела в партизанский край. Немцы покатили прямо к нам. Заставы, увидев

такую сильную колонну — впереди шла пара танков, дальше же все сливалось в тучах пыли,— отошли в балки, а командованию донесли, что к нам движется свыше ста танков. В еще не обстрелянных отрядах поднялась паника. К счастью, один танк напоролся на мину и ему выбило гусеницу. Колонна остановилась. Через полчаса улеглась пыль, и партизанские разведчики подползли по ржи и дали нам уже более точные данные: «180 грузовых авто, несколько легковушек, три или четыре танкетки, один средний танк с перебитой гусеницей. Немцы стоят в нерешительности. Вместе с шоферами их не больше 300 человек». Отряды понемногу пришли в себя. Их было четыре, общей численностью тоже не более 300 человек, если считать и женщин. Многие из них всего несколько дней назад впервые взяли винтовки в руки, а свиста пуль не слыхали никогда. Командиры были и боевые, и вчерашние мирные колхозники, вообще всякие. Естественно, что они обратились ко мне. Я имел тогда еще интендантское звание и носил две шпалы. Командиры отрядов засыпали меня вопросами: что им делать, принимать бой или уходить в леса? Уйти без боя нам было легко, немцы, повидимому, еще не знали о нашем существовании. Принять бой с таким войском, а затем отойти — значило отдать на расправу озлобленным немцам несколько деревушек, в которых мы стояли. А больше всего смущало меня то, что никаких полномочий на командование этими отрядами никто мне не давал.

Решено было дать бой. Быстро отданы распоряжения, размещены отряды в обороне и засадах. И когда колонна двинулась вперед, мы затеяли перестрелку. Выдержки у молодых партизан не было, они открывали огонь издалека, нервничали и вообще вели бой неумело. Все же немцы потеряли одну танкетку и около десятка автомашин и отошли назад. Они попутались в этих краях еще один день, пока не напоролись на более опытные отряды Василия Ивановича Кошелева, который устроил им ловушку. Солдат перебили, а машины уничтожили. Никаких лавров этот бой мне не дал, больше того — была куча неприятностей, но на этом деле я многому научился. Больше всего меня поразил случай, происшедший в процессе самого боя. Командир одного отряда был местный житель. Он имел военное звание старшего сержанта или старшины и поэтому единогласно был избран командиром. Он занял по моей «диспозиции» оборону на указанном рубеже. Так как у противника имелись танки, естественно, что я прежде всего учел наши противотанковые средства. Во всех четырех отрядах были две бронебойки и один крупнокалиберный пулемет без мушки, стрелявший только одиночными выстрелами, а иногда, словно сбесившись, срывавшийся на очередь, которую уже

никто остановить не мог. Замолкал он лишь тогда, когда кончалась лента. Я указал места для бронебоек, а сам с этой капризной машинкой расположился на опушке леса у дороги. Когда колонна немцев двинулась, я заметил, что одной бронебойки на указанном месте нет. Верховой связной, посланный мною к командиру, доложил ответ командира: «Я бронебойку поставил на более нужном месте».

— А где? — спросил я связного.

— Во-он в селе, хата с новым забором.

— Так туда же танки не пойдут. Кругом болото.

— Так то ж хата командира,— отвечал связной.

— Что за чертовщина?! Он что, опупел, что ли? А сам командир где?

— Сам в цепи. С обороны, говорит, не уйду живым, но бронебойка где поставил, там и стоять будет.

Колонна подходила, перестраиваться было некогда. Метров за триста, где-то на фланге, раздались выстрелы партизан без команды, из передних машин выскочили немцы, а я, ругаясь и проклиная судьбу, которая ввязала меня в эту глупую историю и свела с таким недисциплинированным войском, скомандовал: «Огонь по всему фронту!» Конечно, будь это немцы как немцы, они прогнали бы нас, но у них тоже, видимо, тряслись поджилки. Несколько машин уже горело. В стане врага я заметил признаки паники. Мы расхрабрились, стали нажимать, но гитлеровцы, поставив танки в арьергарде и прикрываясь их огнем, стали под малодейственным нашим обстрелом разворачивать колонну назад, а часа через два и совсем ушли. Враг оставил одну танкетку, 8 чадивших черным дымом грузовиков и 16 убитых. С нашей стороны был убит лишь один: командир отряда, поставивший бронебойку возле своей хаты. Бойцы говорили, что сражался он храбро. Мы похоронили его с почестями, а я отметил в дневнике эту историю, поразившую меня, и решил написать о ней трагический рассказ. Рассказ у меня не вышел, но затем на протяжении двух с половиной лет партизанской жизни я еще встречался с подобными случаями. Люди не понимали, что врага надо бить не в том районе, где хочется Ивану Ивановичу, потому что он там главный начальник, а там, где врага можно ударить наиболее удачно, с наименьшими потерями для себя и с наибольшими для противника. И, встречаясь с такими районного масштаба стратегами, а иногда будучи вынужден и выполнять, ох, немудрые их планы, я всегда вспоминал командира отряда, который поставил бронебойку у своей хаты, а сам погиб в чистом поле, сраженный снарядом немецкого танка.

Волею судеб под Брестом и Варшавой нам суждено было побывать лишь через год. А сейчас, в феврале сорок третьего

года, Руднев, просидев над картой много часов, сказал нам с Базымой:

— Придется круто поворачивать на юг.

— Снова форсировать Припять? — спросил Базыма.

— Изнов! — сердито ответил Ковпак.— Ох, и набрыдла мени ця ричка. Вершыгора, выберы таке мисце, де берега снигом замело. Щоб я и не бачив цю прокляту Припять з припятенятами!

Выполнить командирскую волю мне было нетрудно. Весь январь и начало февраля стояли морозы, они все-таки заковали непокорную реку в ледяные одежды, а метели замели берега и скрыли под белым саваном ее нагое, холодное, мертвое тело. Казалось, природа специально работала, чтобы скрыть свою гнилобокую дочь от глаз разозлившегося Ковпака. Кроме проводников, разведки да нас с Базымой и Войцеховичем, в отряде и не знали, что мы, километрах в двадцати пяти восточнее Пинска, перемахнули Припять в третий раз.

С этой ночи мы круто повернули на юг.

16

На юг мы двигались быстро. За два перехода прошли километров девяносто и, окончательно сбив с толку преследовавшие нас несколько батальонов врага, оторвались от этого хвоста. Крупных боев так и не было. Зато было много стычек разведчиков, засад и боев застав с авангардами противника. Схватки вспыхивали молниеносно и порядочно измотали немецкие войска. Заставы, дав десяти-пятнадцатиминутный шквал огня, отходили, запутывая следы. К моменту подхода больших сил немцев партизаны уже успевали скрыться, а немцы наступали цепями, по горло в снегу, на пустые опушки рощ и лесов. Словом, противник везде наталкивался на партизан, но найти их сам нигде не мог. Зима — крепкое подспорье, но в умелых руках. Были бои при форсировании железных дорог. За время со 2 по 8 февраля, включая два поезда, разбитых Павловским, мы уничтожили шесть эшелонов.

После двухдневного марша мы достигли районного центра Ровенской области — Владимирца, где стоял сильный гарнизон полиции, жандармерии и «казачков». Не считая Владимирец важным пунктом, за овладение которым стоило бы пролить хоть каплю нашей крови, мы решили остановиться километрах в двенадцати от него. Для стоянки выбрали большой населенный пункт — Степан-Городок.

Величайшая экономия жизни людей — одна из важных особенностей комиссара Руднева. Никогда не шел он на боевые

дела, может и эффектные, заманчивые, но влекущие за собой неизбежные потери, не оправданные к тому же верным результатом. Всегда этот человек мерил высокой мерой государственной пользы цену крови наших товарищей. Сознавая, что воевать без крови нельзя, он ночами бодрствовал в штабных хатах, на походной тачанке или санках, продумывая, взвешивая всевозможные варианты и ходы, добиваясь, чтобы цена нашей крови была как можно выше.

Мы внезапно ворвались в этот край с северо-запада. Слухи о нас доходили в декабре, но тогда мы действовали на востоке, и отзвуки «Сарнского креста» растревожили местные власти, полицию. Но немцы ждали неведомых партизан с востока. Тем более внезапным было наше появление почти с противоположной стороны. Оно вызвало панику среди местных властей. Естественно, что мелкие группы жандармов и полиции либо разбегались, либо захватывались нами врасплох. Пленных хоть отбавляй, много и новичков приходило в отряд. «Окруженцы», застрявшие по ранению или неумению ориентироваться, бежавшие из плена и оставшиеся в приймаках,— все шли к нам.

Работы было по горло. Всю эту часть командирского труда Ковпак и Руднев возложили на меня. Многих из взятых в плен полицейских нельзя было отпускать на волю, а тем более брать с собою. Их смерти требовали местные жители, боясь, что после нашего ухода они с удвоенным рвением начнут вымещать свою злобу на безоружном народе. Многие шедшие в партизаны просили расстрелять изменников, так как, оставь мы их в живых, семьи новых партизан будут качаться на виселице.

Одновременно там же, в Степан-Городке, командование поручило мне работу по фильтровке, проверке и приему в отряд новых партизан. Работа эта еще больше сблизила меня с Базымой, штабистами Васей Войцеховичем, Семеном Тутученко, разведчиками Бережным, Черемушкиным, Хапкой и Кашицким. Без них я не мог бы делать ее хорошо.

Степан-Городок — сейчас большое село среди дремучих лесов, мелких речушек, лесных ручьев и болот. Может быть, когда-то, во времена нашествия татар или борьбы казацкой вольницы с польскими панами, оно было крепостью, опорным пунктом, центром, в котором люди оборонялись от врага. Теперь же, оставшись в стороне от железных и шоссейных дорог, оно стало обыкновенным полесским селом. Разве только улицы были поровнее, и расходились они лучеобразно от центральной площади, да на самой площади вросло в землю несколько древних каменных домов, торговых помещений; да поближе к центру деревянные ветхие дома со стеклянными

верандами или мезонинами, с замысловатыми чердаками, похожими на галочьи гнезда, своей архитектурой указывали на далекое прошлое села и на не совсем крестьянское его происхождение. Оторвавшись от своего хвоста, мы решили здесь дать людям и лошадям передышку. Вначале думали постоять сутки, а затем начальство с Большой земли, вероятно, обрадованное тем, что мы все же повернули на юг, предложило еще подбросить груз. Стоянка была продлена на несколько дней. Морозы упали, погода стояла ясная, снег не таял, но был мягкий, пористый и сам просился в снежки и бабы, а укатанные за зиму санные дороги желтели конским пометом, соломой и листвой срубленных осенью на топку берез. Где-то в утренних морозах, ярких солнечных днях и светлых лунных ночах угадывалась пришвинская весна света. Кто бы мог подумать, что в эти светлые ночи гитлеровцы и их верные слуги, бессильные против захлестывавшего Украину и Белоруссию народного гнева, осуществят самое жестокое и провокационное дело? Гнусный замысел врага не был понят нами вначале во всей его черной глубине, и, лишь постепенно сталкиваясь с ним, мы все более познавали новую опасность, которая вставала на нашем пути. Пусть же приоткроется завеса этой подлой истории, так как мне и моим товарищам пришлось быть свидетелями начала ее и присутствовать у истоков провокации украинско-немецких националистов, принесшей нашему народу еще больше страданий и жертв.

Вот как было дело.

На второй день стоянки в Степан-Городке меня разбудили задолго до рассвета разведчики. Спросонья я не сразу понял, о чем они докладывали. Быстрый разговор Лапина, перебиваемый фразами и руганью Володи Зеболова, их торопливые жесты и взволнованный вид этих видавших виды хлопцев навели меня на мысль, что где-то, обойдя наши заставы, к нам прорвались немцы. Не дожидаясь конца доклада, я крикнул часовому:

— Найди дежурного, и пусть разбудит Базыму! Есть важные данные.

— А командира и комиссара тоже будить?

— Не надо,— сказал Зеболов.— Вы лучше послушайте нас до конца, товарищ подполковник.

И они, немного успокоившись, стали рассказывать. Население окрестных районов смешанное. С давних времен живут тут поляки, украинцы и евреи. Изредка встречаются чисто польские села, чаще украинские, а больше народ живет вперемешку. Сегодня ночью в одну из небольших польских деревушек, лесной хуторок в тридцать хат, ворвалась группа в полсотни вооруженных людей. Неизвестные окружили село,

выставили посты, а затем стали подряд ходить из хаты в хату и уничтожать жителей. Не расстрел, не казнь, а зверское уничтожение. Не выстрелами, а дубовыми кольями по голове, топорами. Всех мужчин, стариков, женщин, детей. Затем, видимо опьянев от крови и бессмысленного убийства, стали пытать свои жертвы. Резали, кололи, душили. Имея порядочный стаж войны и зная хорошо стиль немецких карателей, я все же не верил до конца рассказу разведчиков. Такого я еще не встречал.

— Да вы, хлопцы, постойте! Может, вам набрехал кто со страху?

— Какое набрехал! — торопился досказать Лапин.— Мы сами в этом селе были. Когда подъезжали на санках, их постовой выстрелил два раза из винтовки. Мы резанули из автоматов. Сразу в селе шум поднялся, несколько выстрелов было, но не по нас, а затем собака залаяла, и все затихло. Лишь слышно, какая-то баба голосит и причитает. Мы тихонько, огородами, пробрались и своими глазами все видели. Все как есть.

— Рассказывайте все по порядку. Все, что вы там увидели.

В хату вошел Базыма. Он на ходу надевал ватный пиджак, а войдя, вынул из кармана гимнастерки и надел на нос очки. Я молча показал ему на разведчиков.

Они снова сбивчиво, торопясь и волнуясь, стали рассказывать. Понять я снова толком ничего не мог.

— А что за люди там в санках у ворот штаба? Детишки какие-то?..— спросил Григорий Яковлевич.

— Так они же. Те, что остались из польской деревушки. Всех остальных вырезали. И старых и малых.

— Да кто же? Говорите вы толком, ребята...

— А если мы и сами толком не знаем?..— удивился Лапин, привыкший меня видеть более спокойным, чем сегодня.

— Ну, что рассказывают эти ваши пассажиры? Говорили вы о чем-нибудь по дороге? Давай их сюда,— скомандовал Базыма.

Пока Лапин ходил на улицу, Володя Зеболов объяснял нам:

— У них тоже мало толку добьешься. Только зубами цокают, да все: «Проше пана, да проше пана». Чудно́ даже. Единственно, что я от них слыхал, что главного этой банды резунов зовут Сашкой. Как сказал «Сашко́», так дети ревмя ревуть... Вот сами увидите.

— Всех давать или по одному? — кричал в сенях Лапин.

— Потише ты, потише,— зашикал на него Базыма.

Хозяева дома сгрудились у дверей горенки, и я заметил,

что при имени «Сашко́» у них тоже расширились глаза, а детишки стали испуганно жаться к коленям матери.

Наконец, подталкиваемые Лапиным, вошли неизвестные жители лесной деревушки. Их было четверо: старик лет шестидесяти, молодая женщина и двое детей. Действительно, они дрожали. Может, от страха или холода. Одежда на них была легкая, наспех наброшенная на полуголое тело. Видимо, они были захвачены врасплох, среди сна, как захватывает людей пожар, внезапно вспыхнувший в их доме после полуночи.

— Папаша, заходите. Садитесь, папаша,— пододвинул старику табуретку Базыма.

— Проше пана,— отвечал старик.— Проше пана, я тутай, тутай постою,— и он прислонился к косяку двери.

К другому прислонилась женщина, положив руки на плечи мальчику и девочке. Она молчала. Дети были одного роста, лет восьми-девяти, очень похожие друг на друга, может быть близнецы.

— Папаша, расскажите, что было у вас в деревне? — попросил Базыма.

— Проше пана, те паночки все видзели, паны про все може пану оповядать,— указывал он на разведчиков.

— А может, пан сам нам расскажет? — попросил я его.

— Проше паночка, нех паночек выбача...

Старик долго бормотал что-то невразумительное. Половина слов была «проше пана», а остальные слова были непонятны. Тогда мы обратились к женщине. Но она молчала. Лишь когда я внимательно посмотрел на нее, на ее остановившиеся глаза, на бледное лицо с крупными каплями пота,— я увидел: это была сумасшедшая или во всяком случае человек с парализованными волей и чувствами. Она механически судорожной хваткой держалась за плечи детей и, вперив безжизненный взгляд куда-то поверх нас, молчала. Мы еще раз попытались что-то спросить у нее.

— Проше панов, то есть цурка моя. Цурка, а то — то ее дзятки.

Дочь молчала.

Мальчик, до сих пор смотревший на нас широко раскрытыми глазами, вдруг заговорил:

— Воны вошли в хату и сразу стали ойцу нашему руки крутить... «Говори, мазурска морда, где золото? ..»

— И у татка косточки трещат, а мы плачем...— сказала девочка.

— Потом один взял секиру и голову ему порубал.

— Ага, а потом стали всех бить и мучить, и рубать.

— А остатней душили бабуню на печи...

Дети наперебой стали рассказывать нам подробности этой

страшной картины. Говорили по-детски, просто, может до конца не понимая ужасного смысла своего рассказа. Они с детской бесстрастностью, какой не может быть и у самого справедливого суда, говорили только о фактах.

— А как же вы сами живы остались? — вырвалось у Базымы.

— А на дворе стрел начался, и они быстро выбежали на улицу. Последним бег Сашко, он нашу Броню из пистоля забил...

— А мы живы зостались, з мамкою. Мы под лужко сховались...

— А потом ваши, он они, в хату зайшли и нас найшли...

— Так, так, проше пана, так было. Дзятки правду мувили, — прошамкал старик.

Женщина все молчала. Казалось, она слыхала лишь голоса своих детей, но смысл их страшного рассказа не возбудил в ней никаких чувств.

Я разослал дополнительные разведгруппы, а Базыма забрал поляков в штаб и занялся устройством их быта.

Когда утром я доложил о ночном происшествии Ковпаку и Рудневу, они потребовали от меня разведать эту странную и не совсем понятную своей бессмысленной жестокостью резню.

Я вместе с разведчиками выехал в село на место ночного происшествия. Картина ночного налета была еще ужаснее при ярком солнечном свете.

В первой избе, в которую мы вошли, лежало семь трупов. Входная дверь была открыта. В сенях, перегнувшись гибким девичьим станом через высокий порог, лежала лицом кверху девушка лет пятнадцати в одной ночной сорочке. Туловище было в горнице, а голова свисала на пол сеней. Солнечный луч позолотил распустившиеся светлокаштановые волосы, а голубые глаза были открыты и смотрели на улицу, на мир, над которым веселилось яркое солнце. Из раскрытых губ по щеке стекала, уже затвердевшая на утреннем заморозке, струйка крови. В хате вповалку лежали взрослые и дети. У некоторых были раздроблены черепа, и лиц нельзя было рассмотреть, у других перерезаны шеи. На печи — совершенно черная и без следов крови древняя старуха со следами веревки на шее. Веревка, обмотанная вокруг качалки, валялась тут же. Когда я поспешно уходил из дома, представлявшего семейный гроб, увидел на щеколде наружной двери пучок длинных волос. Они запутались в ручке и трепетали под дуновением предвесеннего ветра навстречу солнцу.

В других домах повторялась та же картина.

Все это было слишком ужасно, чтобы я мог что-либо понять. Одно очевидно: движимые какой-то страстью к уничто-

жению и убийству, люди потеряли облик человеческий и бесцельно, как волк, ворвавшийся в овчарню, влекомые одним бешенством, одной жаждой крови, смерти и крови, устроили эту резню.

. Лишь собрав все сведения, которые можно было добыть от перепуганных до полусмерти ночным происшествием жителей окрестных польских и украинских деревень, и специально разослав разведчиков под Сарны, удалось немного распутать это страшное и гнусное дело.

До того, как мы подошли к Сарнам из-за Днепра, и после, когда мы устроили «Сарнский крест», в гестапо работал сын владимирецкого попа по имени Сашко. Был он молод, красив и жесток. Вначале работал переводчиком, а затем, выдвинувшись своим жестоким и придирчивым отношением к населению, расстрелами евреев,— сделался чем-то вроде следователя и палача.

Но... вскоре после «Сарнского креста» Сашко из гестапо уволили. Не выгнали, не арестовали, а уволили. Очевидно, этот факт был событием немаловажным, так как сарнское гестапо поспешило уведомить об этом население городка и окрестных сел. Был издан, отпечатан и расклеен на заборах специальный приказ об увольнении сотрудника Сашко, тогда как обычно не угодивших им холуев гестаповцы имели привычку выбрасывать просто пинком ноги. Что дальше показалось странным, это то, что, увольняя Сашко, гестаповцы «забыли» отнять у него оружие: кортик, парабеллум, автомат.

А когда через месяц Сашко появился во главе банды человек в пятьдесят-шестьдесят, из которых половина тоже была «уволена» из полиции, а другая половина набрана из уголовников,— банды, объявившей борьбу за «самостийну Украину», якобы против немцев, а на самом деле начавшей резню польского населения, дело начало проясняться. Как узнали мы позже, эта провокация была не единственной. В те же дни из Ровно, Луцка, Владимир-Волынска, Дубно и других центров Западной Украины по сигналу своего руководства ушли многие националисты, дотоле верой и правдой служившие немцам в гестапо, полиции, жандармерии. Ушли в леса, на весь мир разгласив свое желание бить немцев. Немцев они били на словах и в декларациях, в листовках, на одной из них оказалась даже виза немецкой типографии в Луцке. А на деле занимались резней мирных поляков.

Естественно, что мирное население обратилось к немецким властям, умоляя защитить их от этого произвола. И немецкие власти в разных городах, областях отвечали слово в слово одно и то же: «Войска у нас все заняты на фронте. Единственно, чем мы можем помочь вам,— это дать оружие.

Защищайтесь сами. Но дадим оружие при условии, если поляки поступят в полицию и наденут форму шуцманов».

Немцы не смогли разбить нас в отместку за «Сарнский крест», но они сделали выводы. Как и подобало гестаповцам, они стали бороться против грозного нараставшего партизанского движения методом провокации, разжиганием национальных конфликтов.

Трагедия лесной польской деревушки потрясла нас всех — и командиров и рядовых партизан.

За весну и лето сорок третьего года мы встречались с явлением резни мирного населения фашистско-националистическими бандитами. Идет ночью колонна, разведчики впереди, и вдруг автоматные выстрелы вспыхивают на несколько секунд, а затем жители выбегают к нам и встречают, как своих избавителей. А иногда мы приходим поздно...

Один раз мы спасаем польскую деревушку от украинских националистов, другой — украинцев от польских полицаев... Не все ли равно?

Одно только типично для тех и других: ни разу ни те, ни другие не оказали нам вооруженного сопротивления.

Как шакалы по следам крупного зверя, так и эта мразь ходила по кровавым тропам немецкого фашизма и делала свое шакалье дело. И, подобно шакалам, бежала при первом чувствительном ударе палкой по хребту. А затем снова нападала из-за угла.

17

Весна пришла ветрами.

Она шумела в столетних парках польских магнатов, а на несколько десятков метров выше верхушек деревьев гудели самолеты с черными крестами. Они шли на восток, юго-восток, груженные боеприпасами, а обратно везли раненых, штабных офицеров и несостоявшихся владельцев совхозов и колхозов Украины, Дона и Кубани.

Весна пришла буйными, порывистыми ветрами.

Далеко на востоке наступала Красная Армия.

Далеко ли?

Уже далеко от Сталинграда шли бои. Уже перемахнули полки, дивизии, армии Дон, Донец, взяли Харьков, Курск.

Весна шла буйными, порывистыми ветрами, гнала с востока изорванные в клочья облака, а под ними сновали обезумевшие самолеты с черными крестами на крыльях.

Шоссейными дорогами, асфальтом из Житомира на Ровно, старыми украинскими шляхами Подолии и Волыни ехали, шли толпы, колонны, обозы. Вот оно: докатилось и до нас эхо Сталинградской битвы. Ошметки разбитых под Воронежем

итальянских дивизий, венгерские бригады, румынские полки, понюхавшие под Краснодаром русского пороха, шли они, позабыв о Кавказе и Волге. Шли оборванные, усталые, с тупой пугливой мыслью, с растерянным, бегающим взглядом попавшегося воришки. Куда? До матки! До матки, домница, до матки, сеньора, до матки. И выменивали оружие на хлеб. Винтовку за краюху, пистолет за буханку, пулемет за миску вареников. Вот как оно звучало, эхо Сталинградской битвы, докатившись до Житомира, Ровно и Шепетовки.

Весна шла ветрами, буйными ветрами и с юга и с востока. Они гнули непокорные кроны старых лип, тополей и берестов; они прижимали к земле самолеты, меченные черными крестами; они гнали в спину, надувая паруса желтых, зеленых и коричневых шинелей. Ветры свистели в проводах, завывали в трубах хат, смертельным воем напоминая вассалам о близком дне возмездия.

Весна донесла к нам буйными ветрами эхо Сталинградской битвы.

Разведчики, ходившие в дальние поиски и достигавшие Ровно, Дубно и Ковеля, приносили радостные вести.

По дорогам Правобережья шло отступление. Пока отступали только разбитые мадьярские, итальянские и румынские части, шли обозы с каким-то скарбом; уходили с награбленным имуществом полицаи Курской и Харьковской областей, да на машинах проносились коменданты, ландвирты, сельхозкомиссары, гебитс-комиссары, забежавшие дальше всех на восток, а сейчас вдруг горячо желавшие забежать как можно дальше на запад.

В ночь на 19 февраля мы заняли село Большой Стыдень. Разведчики и конный взвод под предводительством Саши Ленкина ворвались в него первыми. Центральная улица оказалась хорошо вымощенной, с каменными плитами тротуаров по бокам. Когда в село въехали мы с Коробовым и копыта наших лошадей зацокали по камням, перестрелка уже затихла. Иногда она вспыхивала по бокам и сзади нас — это разведчики гоняли по огородам жандармерию и полицаев. Улицы чернели, снег уже стаял по дорогам, но поля и огороды были сплошь белыми. Это и заставляло полицаев Большого Стydня бегать по огородам, хотя снег и резал их босые ноги, но зато он был хорошим маскирующим фоном, так как большинство их выбежало из помещений в одном белье.

Все же очистка села с таким деликатным названием заняла у нас около часа. Колонна подтянулась, и голова обоза начала втягиваться в село. До утра было недалеко, и мы, посоветовавшись с Войцеховичем, решили становиться на дневку.

Уже когда по селу рыскали квартирьеры, мы узнали новость: оказывается, мы задумали стоянку в районном центре.

Так вот почему здесь столько жандармерии и полиции! И тротуары... и бургомистр.

Бургомистра прислал мне в подарок в начале перепалки Ленкин. Толстого господина, замотанного в несколько шарфов, провели мимо меня, и я приказал поместить его в самый крепкий сарай.

Комиссар, узнав о нашем безрассудном решении, отменять его не стал, но все же поругал порядком.

— Придется принимать бой. Не может быть, чтобы немцы оставили нас в покое в райцентре. Сами заварили кашу, сами и поезжайте по круговой обороне. Проверьте всю и утром доложите мне.

Так мы и сделали.

Но, к нашему удивлению, за весь день немцы никаких попыток трогать нас не обнаружили. Более того, разведчики нигде соприкосновения с противником не имели. По этой причине решили мы остаться в этом стыдливом городишке еще на один день.

Как ртуть в чутком термометре, так рахитичный фашистский «тыл» реагировал на события на фронте. Жизненная логика подсказывает, что чем хуже у немцев дела на фронте, тем, казалось бы, внимательнее они должны присматриваться к тылу своей армии. Практика показывает обратное. Немецкие власти слабее всего реагировали на то, что происходило вокруг именно в те дни, когда на фронте шли бои, не особенно успешные для немцев. Вывод из этого напрашивается сам собой. Нужно удары с тыла приурочивать к наступательным действиям на фронте. Тогда эффективность их значительно вырастает.

Второй день стоянки в Большом Стыдне был для нас знаменательным. Через село, видимо, проходила трасса немецких самолетов. Они все чаще стали пролетать над нами. Весенний ветер прижимал их к земле. Сначала по самолетам палили из винтовок, так, из спортивного интереса. Но к середине дня мы установили специальные точки, и часам к четырнадцати немецкая трехмоторная машина, вспыхнув над селом и протянув на несколько километров черный хвост дыма, рухнула в лес. Я успел доскакать к месту ее «приземления», когда среди расщепленных деревьев дымилась лишь куча дюралюминиевого лома да на земле валялось несколько изуродованных трупов. У одного из них была забинтована нога, и, видимо, еще при жизни он был ранен, у другого на полуобгоревшем мундире я смог разобрать погон оберста. Вокруг ва-

лялось много бумаги, в воздухе летали лепестки бумажного пепла.

Я поднял несколько листиков, и они подсказали моему нюху разведчика, как гончей собаке след лисицы: ищи!..

И я стал искать. Где-то под листами гофрированной жести, скрученной ударами и взрывами, удалось найти небольшой фибровый чемодан с обгоревшим углом. В чемодане, запертом и перевязанном прочным шпагатом с пятью сургучными печатями по углам, один из которых был словно срезан бритвой огня, я увидел плотные, спрессованные бумаги.

Бумаги, военные бумаги! Кто работал в разведке, должен знать эту дрожь, когда в твои руки попадает важный документ врага.

«Наверное, здесь весь план войны, и, узнав его, я сразу поставлю врага на колени»,— честолюбиво думает разведчик, вчера только взявшийся за это дело.

«Может быть, я добыл план важной операции фронтового масштаба?» — с надеждой раздумывает разведчик этак с полугодичным стажем.

«Возможно, я достану документы, и они, подкрепленные еще другими данными, помогут моему командованию распутать сложную сеть замыслов противника?» — мучается сомнениями опытный разведчик, знающий толк в своем деле.

Но волнуются и дрожат они одинаково при виде бумажки, хоть чем-нибудь говорящей им, что здесь военная тайна врага.

А ведь в моих руках был целый чемодан. С печатями, с документами, с сетками координат.

Юноши, впервые идущие на свидание с любимой! Вы не знаете, что значит волнение! Вы понятия не имеете, что такое страсть! Вы и не узнаете ее, если у вас никогда в жизни в руках не окажется чемодана с военными документами противника.

Но тут я вспомнил второе правило разведчика. Спокойствие, благоразумие, рассудительность! «Не торопись! — сказал я себе.— Внимание и спокойствие! И еще раз внимание!» И я стал лазить по дымящемуся лому самолета.

Самолеты сбивали мы и раньше: «стрекозы», «рамы», парочку «юнкерсов», но это был особенный. Простая транспортная машина № 0136, мотылек, всего за три недели до своей смерти родившийся из кокона завода «Герман Геринг». Недолго прожил ты на свете, фашистский трехмоторный мотылек!

Но вез он интересных пассажиров. Среди трупов, выброшенных ударом в сторону и поэтому не так обгоревших, были: оберст артиллерии, майор-танкист (тот, что с перевязанной ногой) и майор полевой жандармерии или кавалерийских

частей (и у тех и у других цвет окантовки одинаков — желтый). Все остальные или сгорели совсем, или настолько были обезображены, что никаких суждений о них я составить себе не мог.

По остаткам документов, одежды, дневников я мог судить, что это были офицеры, имевшие какое-то отношение к группировке войск Клейста. «Может, офицеры связи генштаба?» — думал я, спотыкаясь о железо, торчавшее из земли, и набивая себе шишки на лбу. Уже вечерело. Каждый кустик был мною и моим переводчиком и помощником Мишей Тартаковским осмотрен, каждая обгоревшая бумажка поднята, отпороты погоны с трупов, осмотрены «зольдатенбухи»...

Все! Остается только чемодан.

— Поехали, Миша! — с печальным вздохом сказал я своему чичероне.

— Поехали, а то как бы на заставах не подстрелили.

— А ты знаешь сегодняшний пароль?

— Нет!

— И я не знаю!

— Придется ехать и все время громко разговаривать.

— И еще громче ругаться?

— Ну да. Единственный способ, когда не знаешь пароля, чтобы не быть подстреленным часовым.

— А интересно, что все-таки в чемодане?

— Конечно, интересно. Но меня интересует еще больше: почему когда подъезжает человек и тихо говорит, что он не знает пароля, в него стреляют, а если он едет и за километр ругается, его пропускают?

— Не знаю. Психологически это, вероятно, объясняется просто: мы даем часовому время подготовиться к встрече с нами. Он уже все обдумал и спокойно ждет нас. А если сразу — надо либо пропускать, либо стрелять. А подумать человеку и некогда.

— Верно. А может, потому не стреляет, что считает: мы его боимся. Знаете, когда дети остаются в темной комнате, они всегда разговаривают и ни на минуту не умолкают.

— Доезжаем. Давай начинай свой детский разговор.

— Товарищ подполковник! — заорал Миша.— Не гоните так коня, моя кобыла спотыкается. Не успеваю.

— А какого лешего? Видишь, вечереет! Так с тобой еще на заставу напорешься. Чорт дернул меня с тобой ехать на твоей кляче! Ну, куда ей за моей угнаться! — кричал я все громче.

Ехали мы отнюдь не рысью, а просто тихим шагом.

— Стой! Восемь? — раздался из темноты требовательный вопрос.

— Какой восемь? Какой восемь? — сразу ответил Миша.— Не видишь, помощник командира части едет. Восемь, восемь...

— Да слышу, слышу, а так, для порядка... Восемь,— продолжал он уже более миролюбиво.

— Не знаем мы пароля,— ответил ему я.

— Так бы и сказали. Вона карнач, он вам скажет.

Пароль был тринадцать.

Это значит, что на оклик восемь нужно было добавить число, дававшее при сложении тринадцать, то есть пять.

Когда карнач сообщил мне пароль, я подумал честолюбиво: «Чорт возьми, ведь пароль тринадцать, а число это для меня явно везучее. Чем чорт не шутит, а?»

И я стал любовно поглаживать немецкий чемоданчик с сургучными печатями.

Дав удила коню и волю фантазии, я принялся строить всякие радужные планы. Конечно, я не был разведчиком, только вчера взявшимся за это дело, и уже хорошо знал, что все на свете профессии — это труд, труд кропотливый и дающий результаты по капле, по песчинке, труд многих людей, но... была темная ночь, пароль был тринадцать. Возле меня не ругался придирчивый Ковпак, не «воспитывал» меня Руднев, и мог же я хоть в это неслужебное время фантазировать, о чем мне угодно.

«Тем более,— думал я,— ведь это же все реально. Чемодан с документами немецкого генштаба...

— стратегия!!!

...или по крайней мере пресловутого Клейста...

— оперативное искусство!!!

...дневники летчиков, оберста и других важных персон...

— ну, хотя бы что-нибудь из немецкой тактики!!!

...в моих руках».

Нет, юноши и девицы, идущие на первое свидание, ничего вы не понимаете! Вы не знаете, что значит дрожать от волнения темной ночью ранней весны.

Три дня и три ночи мы сидели с переводчиком Мишей над содержимым чемодана. Серной кислотой догадки мы пытались проникнуть в смысл документов. Там была и книга шифровок штаба Клейста за сорок второй год и много, много карт: отчетных, оперативных, карт с приказами... И среди них одна большая километровка, еле помещающаяся на полу комнаты, а на ней наверху надпись: «Von russischer Karte abgelegt».

И на карте — вся Изюм-Барвенковская операция. Ее начало и развитие. Поползав по остальным картам, я увидел ее конец.

В эти дни я впервые ощупью бродил по большим штабным дорогам, по глухим тропам, перекресткам и тупикам войны.

«Да,— думалось мне.— Недаром пароль был тринадцать в этот ясный весенний день — весенний и ветреный день 2 февраля, прижимавший немецкие самолеты к земле, к верхушкам тополей и ясеней, столетиями росших в парках польских магнатов на украинской земле».

18

Мы простояли в Большом Стыдне дня четыре. Кроме работы над документами группировки фон Клейста, у меня было много других забот. Не обошлось и без неприятностей. Захваченный Ленкиным бургомистр сбежал в третью ночь. Часовой дал по нему несколько выстрелов и слышал, как он вскрикнул, но найти его так и не могли. В ночной темноте-неразберихе толстопузый бургомистр скрылся, как иголка в пуховой подушке.

После памятного случая под Владимирцем мы стали все больше интересоваться националистами. Я провел с разведчиками несколько инструктивных бесед, потребовав от них сведений об этом новом, нами еще не изученном противнике. К моменту нашего прихода в район Большого Стыдня мы уже располагали большим количеством фактов, но еще полностью не разобрались в них. Данные указывали на прямую связь националистов с немцами, с гестапо, с жандармерией. Особенно там, где верховодили галичане сразу появлялась связь с немцами, иногда очень скрытная, тщательно законспирированная, а иногда и открытая.

Еще во время стоянки в Глушкевичах в декабре 1942 года до нас доходили смутные слухи о каком-то Тарасе Бульбе. В Большом Стыдне мы все чаще слышали новое имя — «Муха». Мы уже знали, что большинство националистических атаманов тщательно скрывает свои настоящие имена и действует под кличками или, как они называли свои вымышленные имена,— «псевдо». Муха — это было явное псевдо. Разведка и охранение второго батальона Кульбаки, выдвинутого нами заслоном от Ровно километров на восемь южнее Большого Стыдня, столкнулись с вооруженной группой националистов. Боя с Кульбакой они не завязывали, но в то же время на переправе через реку Горынь заняли оборону фронтом к нам и задержали несколько разведчиков. Одного из них, подержав некоторое время, отпустили к нашему командованию с предложением начать переговоры. Кульбака согласился и пригласил к себе парламентеров, потребовав, чтобы это были обязатель-

но ответственные лица. Когда они к нему явились, он задержал их, потому что продвигавшаяся вторая группа разведчиков его батальона была обстреляна цепями противника. Пришлось вмешаться в это дело Ковпаку. А так как парламентеры все равно были уже задержаны, то мы и решили вызвать их к себе и самим выяснить, что же это за люди.

Парламентеры были доставлены в штаб. К нашему удивлению, оба оказались молодыми хлопцами лет двадцати — двадцати пяти. Один из задержанных был командиром националистического формирования, носившего название «курень». Высокий прыщавый блондин в штатском пальто, с шелковым кашне на шее и в очках на угреватом носу, быстрый, подвижной, с уверенными глазами. Руки у него были потные, с длинными пальцами, нервно перебиравшими борта модного пальто. Второй — высокий, черноволосый. Хрящеватый нос с горбинкой, упорный взгляд карих глаз и широкая ладонь мужицких рук. Одет в крестьянский кожух с расшитым воротником, из-под которого выглядывал бархатный лацкан немецкого мундира. Это и был Муха. Молодой человек лет двадцати пяти, но когда разговор пошел в открытую, выяснилось, что ему и того меньше.

Вначале с помощью довольно нехитрых уловок он пытался выяснить цель нашего прихода и направление дальнейшего маршрута. Руднев легко избегал прямого ответа на его вопросы, которые были наивны, но не на все мы могли отвечать, а Ковпак только улыбался, пощипывая бородку. Парень был, видимо, не из терпеливых дипломатов, так как уже через десять минут он откровенно заявил:

— Скажить, куда и для чого идете, и я дам наказ пропустыть вас...

Ковпак не выдержал и ответил ему своей любимой поговоркой:

— Здоровый ты вырос, хлопче, а у твого батька був сын недотепа.

Я полагал, что это означает конец дипломатических переговоров, но, к нашему удивлению, чернявый хлопец сначала приподнялся, оскорбленный, а затем снова сел и, овладев собой, сказал:

— Не знаю, як вас звать и кто вы будете, а на вашу мову я скажу одно: батька мого нимець застрелыв, а я вырвав у нимця автомат и троих жандармив до земли прышыв... И с того времени я с германом веду свий счет...

Но тут он встретил взгляд своего напарника и осекся. Мы хотели продолжать этот разговор, но Муха молчал. Стал говорить прыщеватый блондин. Он обнаружил неожиданную покладистость и резво пошел на уступки. Просил только, чтобы

мы дали им день сроку, и они пропустят нас в любом направлении.

На этом и договорились.

Парламентеры поднялись. Ковпак, хитро прищуриваясь и потягивая цыгарку, вдруг спросил:

— Ну, а за що вы боретесь, хлопчики?

— Як за що? — отвечал Муха.— За самостийну Украину.

— Ага, понятно. А против кого? — в упор спросил он прыщавого.

— Против нимакив,— отвечал Муха.

— Ты подожди, хлопче,— отмахнулся от него Ковпак,— не тебе пытаю, ты ж мужик необразованный, а от пускай воны скажуть.

Глаза прыщавого забегали, он встал и быстро стал бормотать заученные слова:

— Або загынешь в боротьби за волю, або добьешься своего. Мы боремось за Украину, без московского империализма, мы за то, щоб каждый украинец в своей хате був сам соби пан...

— Вот сукин сын,— тихо сказал мне Руднев.

Ковпак кинул в нашу сторону сердитый взгляд и быстро обернулся к Мухе.

— Ну, а ты, хлопче, тоже так думаешь?

Муха молчал.

Ковпак не отступал:

— Скоро Красная Армия придет, так вы що, против нее тоже воевать будете?

— Будем! — не задумываясь, ответил прыщавый.

— А ты, хлопче? — настаивал Ковпак.

Муха молчал.

— А теперь еще один вопрос к вам, господин. Вот вы сами, своими руками, сколько немцев убили?

— Ну, это уж лишнее,— отвечал тот,— и значения это не мае ниякого.

— Так чьими же руками вы будете с нами воевать? — не унимался Ковпак.— Его руками? — указал он на Муху.

Оба молчали.

— Да, хлопчики,— затягиваясь цыгаркой, говорил Ковпак,— неважное ваше дело, бес-пер-спе-ктив-но-о-е... Поняв? Погибель вас ждет.

Криво улыбаясь, прыщавый выдавил из себя, видимо, где-то вычитанную фразу:

— Ну, и что же из того? Хоть погибнем, но зато попадем в историю.

— А! Разве что так,— засмеялся Руднев.

Они ушли.

Простояв дня четыре в Большом Стыдне, отряд двинулся дальше. От Припяти более двухсот километров мы шли все время на юг, в обход Сарнского узла с запада, а сейчас круто повернули на восток, в обход Ровно и Новоград-Волынска.

Мы торопились, так как начиналась уже весенняя распутица, и хотя грунт был еще мерзлый и твердый, но сверху уже лежала жидкая кашица таявших снегов. По дорогам текли ручьи. Впереди наш путь преграждали реки Случь и Горынь, южные притоки Припяти, речушки небольшие, но быстрые и глубокие. При весеннем разливе они могли стать серьезной преградой, в особенности если учесть, что никаких саперных или понтонных частей у нас пока что и в помине не было. До сих пор реки и побольше — Днепр и Припять — мы форсировали на чем бог послал.

Время года, климат и перемена погоды для рейдового отряда имеют важное значение. Волка ноги кормят! А ключом нашей неуязвимости было движение. Противник мог это движение затормозить на одном из направлений, поэтому Руднев всегда старался иметь как можно больше выгодных вариантов в выборе маршрута. Он не любил рек, встречавшихся на нашем пути, и старался поскорее перемахнуть через них. Терпеть не мог он железных и шоссейных дорог. Дороги эти довольно сильно охранялись, может быть потому, что находились в районах, близких к партизанским гнездам. Они были досягаемы для мелких диверсионных отрядов, а такие партизанские отряды уже успели организоваться в Полесье. Дороги тоже были преградами на нашем пути.

Разведчики и третья рота называли их полупрезрительно, полуласково «железки», мощеное шоссе звали «шоссейка», а единственную в этих краях асфальтированную магистраль Киев — Житомир — Ровно — Львов с некоторой долей уважения называли «асфальт».

Когда разведчики двигались на поиски в южном направлении и проходили заставы Кульбаки, бойцы заставы обычно спрашивали:

— Куда двигаетесь, хлопцы?

— На асфальт! — важно отвечали Черемушкин или Володя Лапин, и застава с уважением пропускала их. И не удивительно: ведь эти хлопцы через несколько часов должны были очутиться на важной коммуникации врага. «Это вам не какой-нибудь паршивый полицай или трусливый жандарм»,— слышалось в ответе разведчиков. По асфальту шло большое движение. Здесь пульсировала живая артерия армии врага, армии еще сильной и до зубов вооруженной.

Мы не часто ставили перед разведчиками диверсионные задачи, и особенно редко в тех случаях, когда оии шли иа асфальт. Роль их сводилась к тщательному наблюдеиию, умеиию разобраться в движеиии врага, умению иайти вблизи дороги своих людей и вовлечь их в разведку. Но удержать хлопцев было трудио. Выполиив задачу, разведчики зачастую в перерыве между движением колонн выскакивали иа шоссейку, резали связь, а то подбивали одинокую машиину или обстреливали небольшие колонны иемцев, шедших на восток, румыи и мадьяр, двигавшихся на запад. Частеиько возвращались с трофеями, к зависти остальных партизан.

Вот вдоль этого асфальта, держась от иего иа почтительном расстоянии — в 25—40 километрах, навстречу потоку частей венгров, румын, итальяицев, двигавшихся из Киева иа запад, шли мы с запада на восток, от Ровио на Житомир. Здесь впервые за полгода дружбы и совместиой работы с Ковпаком и Рудневым я почувствовал неудовлетворение. Разведка приносила хорошие сведения. По дороге шли разгромлеииые части врага, деморализованные, иногда слабо вооружеииые, хотя и миогочисленные. Близость асфальта раздражала меия, и казалось, что мы делаем очеиь мало.

Как-то ночью, во время марша, трясясь иа тачаике, я сказал Коробову:

— Чорт знает что такое! Бродим мы по тылам, гоняем разную сволочь.

Коробов удивленно повернулся ко мне:

— А что же тебе еще надо? Должность у нас такая.

— Да не в этом дело: вот южнее иас крупиый зверь бежит, а мы все из пушек по воробьям стреляем.

Коробов молчал.

За последиие дни по весеннему, пористому, хрупкому, покрытому водой насту мы отмахали километров сто иа восток. Форсировали Случь и Горынь и вышли в район севериее Новоград-Волынска. Разведка велась иепрерывно, и даииые об асфальте все больше и больше раздражали меия. Я все чаще стал докладывать Ковпаку и Рудневу эти даиные и свои выводы: «Нужио ударить по асфальту». Но у командоваиия, видимо, были свои планы.

20

Дороги развезло весеиней распутицей. Несколько иочных маршей потребовали от нас иебольшой передышки. Люди и лошади устали. Водная преграда осталась позади, и Рудиев решил сделать остаиовку. Противника вблизи не было, с асфальта на машине до нас не дотяиуть, хотя мы иаходились

всего в двадцати пяти километрах от него. Единственный немецкий гарнизон в Городнице сидел, окопавшись и опутав свои казармы проволокой.

Две бронемашины, имевшиеся в Городнице, тоже не страшили нас, так как в отряде уже было немало бронебоек. По Случи когда-то проходила граница, и, перейдя ее, мы вышли из пределов Западной Украины.

Украинские националисты здесь не показывались, не потому что тыловые порядки у немцев здесь были иными, а просто потому, что корень их — кулачество — давно уже был уничтожен в этих местах. Не так легко советского колхозника обмануть баснями про «самостийну Украину».

Разведка, посланная мною, как обычно, в звездном порядке, принесла забавные вести. Немецкий гарнизон в Городнице сидел тихо и мирно. Узкая лента асфальта кишмя кишела войсками и беженцами, катившимися с востока на запад. Постоянных войск было мало: где-то далеко на северовостоке одиноко и безрезультатно взывал о помощи небольшой гарнизон Эмильчино, на севере — Сарны, лишь недавно оправившиеся от «Сарнского креста», да Ровно на юго-востоке. Но до Ровно сто пятьдесят километров, помноженные на грязь весенней распутицы, лесные дебри и пески Полесья. Вдруг действительность немецкого тыла повернулась к нам обратной стороной медали.

На берегу Случи есть такая деревушка — Старая Гута. Название этого села очень много говорило сердцу старых ковпаковцев. Села, как и люди, бывают разные. Они редко похожи друг на друга. Но кто много путешествовал по глухим местам, тот знает, что у них есть сходство если не по виду, то хотя бы по имени. Странное дело, но по всем необъятным просторам, от Орловщины до Вислы, по болотистым и глухим местам, разбросаны Старые Гуты. Мы их встречали десятками. Почти так же часто, как Ивана на Орловщине, Яна в Польше и Микиту на Украине... Старые Гуты есть в Брянских лесах, есть они на Черниговщине, их бесчисленное множество в Полесье, оттуда перекочевали они на Львовщину, на Тернопольщину, забрели и на Карпаты.

Старые Гуты севера чернеют древними избами, Гуты юга кокетничают белыми глиняными хатами, важничают красными черепичными крышами Гуты запада,— а рядом с ними обязательно прилепились Новые Гуты, а то и просто Гутки,— тулятся и живут, как села-детеныши возле древних, поседевших родителей. Мы уже перестали удивляться обилию их, и Базыма, склонившись над картой и выбирая маршрут, обычно говорил:

— Ну, вот старые знакомые. Придется стоянку здесь устроить. Опять Старая Гута.

Но на этот раз Старая Гута оказалась в стороне от нашего маршрута, и разведка, посланная мною в этом направлении скорее из любопытства, чем по нужде, не вернулась в срок. Я уже жалел, что послал туда разведчиков, и решил про себя, что хлопцы, смекнув, на какое пустяшное дело их послали, просто загуляли где-то. Но не вернулись они и к следующему утру, и к вечеру. Это уже стало меня беспокоить. Посоветовавшись с Ковпаком, я послал по тому же маршруту усиленный взвод, приказывая вести разведку как можно тщательнее и осторожнее. Во главе стоял Черемушкин — лучший разведчик. Он вернулся в срок и доложил, что в Гуте живут исключительно поляки и что население приняло разведчиков хорошо, даже чересчур хорошо. Паненки наперебой предлагали ребятам водку, но разведчики были настороже и прибыли почти трезвыми. Но все же Черемушкин не принес нам никаких утешительных известий.

Отделение разведки Гомозова, первым посланное мною в Старую Гуту, действительно было там накануне. Гомозов побыл в селе всего лишь несколько часов и уехал. Что случилось с ним дальше, никто не мог сказать.

Так мы и не узнали подробностей исчезновения разведчиков. Хлопцы как в воду канули.

Лишь через полгода, вернувшись с Карпат, мне удалось кое-что выяснить. Недалеко возле Старой Гуты расположился лагерь польского отряда. Это не был партизанский отряд, он не восставал с оружием в руках против немцев, он не был связан с жителями польских деревень, он просто держал их в узде, карал и расстреливал, заставляя скрывать свое присутствие и темные дела. Верхушка этого отряда прибыла из Лондона в конце 1942 года; панов сбросили с самолета где-то под Люблином. Теперь уже всем известно, что́ нужно было этим людям, пришедшим в леса Житомирщины в хромовых и шевровых сапогах, щеголеватых бриджах, с кокетливыми белыми птичками на четырехугольных фуражках!

Гестапо провоцировало через своих слуг, немецко-украинских националистов, резню польского населения! Может быть, защищать своих соотечественников пришли они? Но первое, что они сделали,— это расстреляли всех поляков-коммунистов из советско-польских сел, а потом пригрозили населению: всех, кто будет делать что-либо не по их указке, ждет такая же судьба. Второй шаг, сделанный ими, — переговоры с «Тарасом Бульбой» — атаманом украинских националистов. Они заключили с ним соглашение, что по ту сторону Случи территория останется под влиянием Бульбы, а по эту — за ними. Кто же командовал этим войском? В Лондоне — Соснковский, в Люблине — майор Зомб, в Старой Гуте — капитан Вуйко.

Сосновскому не было нужды скрывать свое имя. У майора Зомба, разумеется, имелась другая фамилия. «Зомб» — это был только его псевдоним. У Вуйко тоже. Интересно, что враждовавшие друг с другом группки националистов, устраивавшие по указке гестапо и Сосновского резню между поляками и украинцами, были удивительно похожи друг на друга. Атаманы и паны тех и других формирований обязательно скрывали свои настоящие имена. Действовали они на чужой земле, следовательно у тех и у других семьи были в безопасности. Зачем же так тщательно скрывали они свои имена? Не потому ли, что дело, которое делали они, было грязное и, запачканные предательством, изменой и кровью невинных людей, они хотели скрыть свои имена? Второе, что объединяло их: и прыщавый малец — полуграмотный интеллигентик, приходивший к нам с Мухой, и капитан Вуйко, с которым мне довелось встретиться через полгода, почти одними и теми же словами выразили это. «Чего вы хотите? Чего добиваетесь?» — спрашивали мы. Они отвечали: «Хоть погибнем, но попадем в историю». А Вуйко сказал еще яснее: «Хотим управлять».

В каждом виден был прежде всего кандидат или в гетманы, или в атаманы, или в министры, или в воеводы.

Не служить народу, а сесть ему на шею страстно хотели и те и другие, и всей своей подлой жизнью добивались этого.

21

Мы двигались на восток, и, казалось, весна шла навстречу нам. С каждым днем дорога становилась все хуже. На полях и перелесках снега уже не было, и только узкими полосками серел он в оврагах. Зато ручьи стали бурными потоками, которые, разлившись в долинах, превращались в реки и озера. Пришвинская весна воды рейдировала по Украине вместе с Ковпаком.

Мы вышли на территорию Житомирской области с запада и двигались параллельно асфальту, огибая Новоград-Волынск и приближаясь к Житомиру. Руднев упорно не соглашался с моим стремлением нанести серьезный удар по этой важной коммуникации врага. По асфальту в эти дни двигались отступающие колонны тыловых немцев. Они бежали на запад, увозя с собой награбленное имущество. Часто машины были доверху нагружены не только узлами и чемоданами, но и мебелью: пианино, шкафами, кроватями, диванами. Уже прошли колонны эвакуировавшихся из Харькова, занятого в первый раз нашими войсками. Теперь эвакуировались немцы из Киева и других городов.

До войны я жил в Киеве. Там осталось у меня в квартире

несколько шкафов с любимыми книгами и рукописями. Докладывая о движении немцев на асфальте, я каждый раз заканчивал свой доклад шуткой:

— Семен Васильевич, наверное, где-то недалеко возле нас путешествует из Киева мой книжный шкаф или диван. Нельзя ли попробовать?

Комиссар, видимо, понимал меня, но никогда не смеялся в ответ на эту печальную шутку. А когда я все чаще и настойчивее стал повторять ее, однажды, вспылив, он оборвал меня:

— Послушайте, товарищ подполковник, я бы просил вас в дальнейшем избавить меня от этих ваших домашних воспоминаний.

— Слушаюсь!

И дальше до меридиана Житомира мы двигались, расчищая впереди себя мешавшие нам мелкие гарнизончики.

Только Коробову теперь я рассказывал с мельчайшими подробностями, как вот уже второй месяц везут из Киева «нах Дейчлянд, нах фатерлянд» мой книжный шкаф и рукопись пьесы «Дуб Котовского» о Хотинском восстании бессарабских партизан в январе 1919 года, написанной мною перед самой войной.

В первых числах марта мы остановились на стоянку между Городницей и Эмильчино, городишками севернее Новоград-Волынска. Стоянка была нарушена тем, что немцы бросили на нас сотни две пехоты и две двухмоторные двенадцатитонные бронемашины, вооруженные пулеметами и скорострельной мелкокалиберной пушкой. Удар принял второй батальон Кульбаки, а вскоре одна из шикарных машин с моторами Даймлера, удивлявшая наших бойцов в начале войны тем, что она могла ходить, не разворачиваясь, взад и вперед с одинаковой скоростью, зачихала в луже. Один из моторов заглох, а после нескольких выстрелов бронебойщика Медведя из-под брони показался синий дымок. Он становился все чернее, клубы его вились все выше. Из люка выскочили три гитлеровца. Они пытались бежать, но тут же были сражены нашими автоматчиками.

Вторая бронемашина, пользуясь своим удивительным задним ходом, укатила от нас. Пехота также отошла без особых потерь. Мы с Коробовым, прискакав из штаба на выстрелы, успели лишь запечатлеть на пленке догоравшую машину. На память о ней я оторвал от кабины водителя медную табличку, на которой значилось: «Даймлер-Бенц — 12 тонн».

Зная по опыту, что немцы, нащупав нас в этом месте, на следующий день обязательно подтянут сюда превосходящие силы, мы двинулись дальше.

Когда уже совсем стемнело, меня догнал командир отделения Володя Осипчук и доложил мне добытые сведения о гарнизонах Эмильчино, Коростень, Ушомир, в направлении которых мы держали путь. Он проводил разведку на Эмильчино. Разведчики в одном селе встретили девушку, которая шла из Эмильчино, разыскивая нас. В этом городишке, оказывается, существовала подпольная организация. Часть руководителей ее была недавно арестована немцами, а оставшиеся товарищи со дня на день ждали арестов. Я посадил девушку к себе на тачанку. Лица ее не было видно. Голос, очень мелодичный и нежный, звенел в ночном воздухе странно решительно. Володя успел рассказать мне, что на обратном пути они приняли бой с немцами и что девица уже успела показать себя в бою неплохо.

Соня, так звали ее, рассказала мне все подробности житомирского оккупационного бытия. Рассказала о том, что во всех районах Житомира существуют подпольные группы, усиливается антигитлеровская агитация. В эту мартовскую ночь я впервые услышал фамилию «Калашников».

— А кто такой этот Калашников? — спросил я, по ассоциации сразу вспомнив лермонтовскую «Песню о купце Калашникове».

— Калашников? О, это знаменитый партизан,— видимо удивляясь моей неосведомленности, отвечала она.

— Чем же знаменитый?

— Как же вы не знаете? Это он приехал в Житомир на немецкой машине к складу эсэсовцев в форме немецкого обер-лейтенанта, выписал все, что ему необходимо, погрузил на машину, расписался и уехал. И только когда машина скрылась из глаз, удивленные эсэсовцы увидели его расписку, где было сказано: «Все необходимое для себя получил с немецких складов». И подпись: «Калашников». В другой раз он сидел в театре рядом с немецким генерал-комиссаром, и, придя домой из театра, герр Магиня нашел в кармане записку на немецком языке: «Сидел рядом с вами и с удовольствием смотрел спектакль». Подпись: «Калашников».

И еще долго и восторженно рассказывала мне Соня о похождениях этого знаменитого житомирского партизана. Я сидел молча. Тачанка потряхивала нас на кочках. Я слушал, думал, вспоминал, что обо всех этих похождениях я где-то читал или слышал много раз. И вспомнил. Да ведь это же юношеские похождения Котовского в 1905—1908 годах! Биографию своего земляка я знал превосходно и даже пытался писать о нем повесть и пьесу.

— А в тюрьме сидел этот ваш Калашников? — спросил я Соню.

— Конечно, сидел. В гестапо. В Житомире.
— И удрал? — спросил я.
— Удрал...— раздался тихий голос Сони.
— Через окошко?
— Откуда вы знаете?
— Да вот, знаю... «Разорвав тюремный халат на длинные ленты, он свил из них веревку и, привязав ее к решеткам окна, спустился по тюремной стене, прыгнул на плечи часового и, задушив его, бросился бежать. Второй часовой стрелял, но не попал в него в ночной темноте»,— напамять цитировал я.

Соня молчала.

Так впервые я услыхал о Калашникове.

Мы двигались очень быстрым темпом на восток и вскоре прошли Житомирскую область. За это время я так и не успел узнать поподробнее о «знаменитом партизане». И только через полгода, пройдя еще несколько тысяч километров, возвращаясь из карпатского рейда, я еще раз побывал в этих краях. Тогда я узнал все подробности о Калашникове.

Это была провокационная фигура житомирского гестапо. Калашников был вызван к жизни гестаповцем, который наделил провокатора всеми чертами героя книги, очевидно терпеливо изучив нашу романтическую литературу, и выманивал на этого «живца» неопытных подпольщиков. Кое-где это удалось. Являясь в небольшой городок с ореолом непобедимого, хитрого подпольщика и неуловимого партизана, разъезжающего на немецких машинах и обманывающего глупых немцев, Калашников мог постепенно войти в доверие подпольных организаций и нащупать их нити. Организация доверяла провокатору свои тайны, а затем наступал неизбежный провал, которого избегал только один романтический герой, для того чтобы затем появиться в другом месте.

Из «Сарнского креста» и «лельчицких Канн» гестаповцы сделали для себя выводы, и контрмеры их не лишены были хитрости.

В Западной Украине — украинские и польские националисты, а на Житомирщине — нечто вроде Зубатова образца 1943 года, носившего имя «Калашников».[1]

---

[1] Уже после опубликования и распространения книги, а вместе с ней и истории о «Калашникове», я узнал конец — вернее начало — этой запутанной истории. Оказывается, жил и сражался на Киевщине против немцев настоящий патриот, бригадир колхоза, командир партизанского отряда по фамилии Калашник. Уже в первую зиму войны своими смелыми действиями он нагонял жару и холоду немецким оккупантам. Они бесились, угрожали, окружали, но ничего не могли поделать с доблестным и неуловимым партизаном. Тогда они нашли презренного преда-

Я для себя тоже сделал вывод: не слишком верить в ореол партизана-одиночки, особенно во второй период войны, когда уже развилось массовое народное партизанское движение, грозное для немцев.

Но Житомирщина поразила нас не только Калашниковым. Были там вещи и похлеще. Если взглянуть на равнобедренный треугольник карты, основанием которого является линия Житомир — Новоград-Волынск, а вершиной Коростень, вас поразит необычайное очертание местности и нанесенных на карте знаков. Со всех сторон этого треугольника зеленеют леса. Сам же он чист, и в белизне его люди, привычные к карте, угадывают равнину и степь. По краям он ограничен линиями железных дорог, параллельно им, как бы дублируя их, протянулись жирные красные жилы шоссеек... Сюда по развитой сети дорог ворвались гитлеровские войска в июле 1941 года. Этот треугольник был плацдармом и для наших войск.

Но вглядимся внутрь треугольника. Он весь усеян черными точками, крестиками и жилками. Это хутора, церкви и проселочные дороги. Треугольник весь усыпан маком хуторов. Когда мы пришли в этот треугольник, то обнаружили, к своему удивлению, что весь хуторской мак не только жив, но, что самое главное, хутора заселены немецкими колонистами. Немцы, еще по гостеприимству Екатерины, поселились на Украине. Они выбрали себе самые плодородные земли и оставались на них до нашествия Гитлера.

Ни земельные реформы, ни революция, ни война 1941 года — ничто не тронуло их. Конечно, они перед войной называли себя колхозниками, но, вероятно, добрая половина их обслуживала немецкую разведку.

Колонна наша проходила через хутора, и почти из каждого окна стреляли. По крайней мере в первую ночь. Процентов двадцать-тридцать украинского и русского населения, оставшегося там, были превращены немецкими колонистами, или, как они называли себя, фольксдейчами, в рабов. Рабы эти с утра до ночи работали в хозяйствах немцев. Все мужское население фольксдейчей было вооружено винтовками, сведено во взводы, роты, батальоны. Оно служило надежным

теля — однофамильца Калашника, служившего у них в полиции. Заманив бесстрашного командира отряда в ловушку, предатель убил его. Документы были взяты с убитого, и немцы, обнаружив по фотографии грозного для них партизана удивительное внешнее сходство с его убийцей, решили использовать последнего так, как уже было рассказано.

Сведения эти я дополнительно получил от партизан отряда Калашника товарищей Колесниченко, Карпенко и других.

заслоном центральных коммуникаций, идущих через Украину от Полесья. Явление это было для нас настолько неожиданным, что мы, врезавшись в самую гущу этого хуторского «рая», трещавшего со всех сторон ружейными выстрелами, не знали сразу, что и предпринять. И только когда упали первые раненые и было убито несколько разведчиков, Ковпак махнул плеткой и сказал:

— Чтобы ни один хутор, из которого раздастся хотя бы один выстрел, не остался целым.

Тогда я впервые увидел, а понадобилось еще полтора-два года, чтобы я до конца осознал, что немецкий колонизатор любит и понимает только один аргумент — палку. Палка в философии, палка в быту, палка автоматной очереди, но только этот убедительный аргумент был ясен и понятен колонизаторам до конца.

Дальнейшее наше продвижение через столыпинско-гитлеровский край шло быстро и без приключений. Мы объяснили немецким колонистам, почему на партизанском марше 1943 года их хутора горели, и дальнейшее наше путешествие проходило без эксцессов. Правда, все мужчины, еще задолго до появления нашей колонны, как мыши, разбегались по оврагам и рощам. В домах стояла приготовленная пища, немки, толстые и дородные, худые и костлявые,— все одинаково угодливо улыбались и кланялись, и на протяжении остальных семидесяти километров нашего быстрого марша ни одного выстрела не раздалось ни из одной хаты. Аргумент был понят фольксдейчами до конца.

Вскоре мы вышли под Коростень, где земля была хуже, леса мешались с песками. Там уже не было немецких колонистов, а жили украинцы и русские. Мы забыли о гостеприимных немцах и только весной 1944 года в Польше, под Замостьем, вторично встретили целое клопиное гнездо гитлеровских колонизаторов и тут уж окончательно убедились в том, что этакому фольксдейчу понятен только один аргумент — палка.

22

Невдалеке от Коростеня, на выходе из немецко-столыпинского треугольника, разведка, рыскавшая на шоссейках, подбила «пикап», который вез почту. На машине лежало несколько кожаных мешков с письмами и посылками немецких жандармов. Посылки были преимущественно со съестным и жирами. Разведка по праву все это разделила между своими людьми, а кое-что из деликатесов и вин ребята принесли в подарок Ковпаку и Рудневу. Письма свезли в штаб. Была на «пикапе» еще одна вещь, никому не нужная, с которой раз-

ведчики не знали, что делать, поэтому и притащили ее ко мне. Это был кубической формы железный ящик, в котором, как тарелки в буфете домохозяйки, лежали круглые жестяные коробки с кинолентой.

Увидев киноленту, которая вызвала во мне самые противоречивые чувства, я сказал Сашке Коженкову, моему ездовому: «Побереги-ка этот ящик!» — и, освободившись от дел, пришел на квартиру, вынул коробку с надписью «эрсте-тейль» и стал рассматривать пленку на свет. Фильм был звуковой, надписей на нем не было, и хотя я мог улавливать движения актеров, но смысл кинодействия понять было трудно. Привычное шуршание пленки, мягкими спиралями ложившейся на пол, вызвало у меня воспоминания о прошлой мирной жизни. За этим делом и застал меня Коробов.

Но не пленка была самой интересной находкой в почтовом немецком автодилижансе. Просмотрев несколько частей, я свернул пленку и, сказав Коженкову: «Погрузишь этот ящик на тачанку»,— пошел обратно в штаб. В штабе Тутученко, Войцехович и ротные писаря разбирали письма. На большинстве конвертов было выведено женским почерком, полуграмотно: «Украина, Житомиргебит, Дорф. . .» Письма, как две капли воды, походили одно на другое. Горькие письма невольниц — домой из немецкой каторги. С поклонами родным и знакомым, с горькой слезой невольниц. Но некоторые были необычны и трогали своей безыскусственностью.

Одно письмо начиналось так:

З неба звездочка упала
И разбилась на льоду.
Я в Германию попала
В сорок третьему году.

В другом письме девушка писала, что она пока жива и здорова и что «. . .по ночам над заводом, где мы робымо, летают швидки голубки, и наша сусидка Маруся, которая поихала вместе со мною, сшила себе платье с одним рукавом», и в конце письма: «Не плачьте, мамо и тато, я все равно не вернусь».

Третье письмо было написано на открытке. Она была ярко раскрашена и живо напомнила мне детство. Розовощекий ангелочек лет четырех, с голубыми глазами, с синеватыми крылышками, в белоснежной одежде, усыпанной золотыми и серебряными блестками, а на обороте письма тот же адрес латинскими буквами. Корявым почерком написано:

«Посылаю вам, мамо, о це боженя. Таких боженят у меня есть ще штук з десять. Про мене не беспокойтесь, живу хорошо, потому що не маю времени проклясть ту годыну,

колы вы мене на свит народылы. Прощайте и не ждить до дому».

Я перелистывал желтые, синие, розовые конверты. Бумага писем шелестела, как осенние листья. С открытки улыбался наглыми голубыми глазами розовощекий немецкий ангел.

В штабе вертелся Коробов, все время рассказывая Базыме о том, как я рассматривал немецкий фильм. Мысленно он уже сочинял очерк, в котором бывший кинорежиссер поджигает мосты фашистским трофейным фильмом. Базыма отмахивался от него, как от надоедливой мухи.

Я сидел и задумчиво перебирал письма девушек-невольниц, читал их приветы, поклоны, мольбы и песни, сложенные в неволе, и вспоминал вековую долю украинской женщины, воспетую поэтом:

Де не лилися ви в нашій бувальщині,
Де, в які дні, в які ночі —
Чи в половеччині, чи то в князівський удальщині,
Чи то козаччині, ляччині, ханщині, панщині,
Руськії сльози жіночі!

Слухаю, сестри, тих ваших пісень сумовитих,
Слухаю й скорбно міркую:
Скільки сердець тих розбитих, могил тих розритих,
Жалощів скільки неситих, сліз вийшло пролитих
На одну пісню такую!

Мысль о безвестной украинской Марусе сверлила мне мозг. Ритм частушки-коломыйки звучал в ушах:

Белая хустыночка —
В море полоскалася,
Бедная дивчыночка —
Що сюда попалася.

Шелестели, жгли руки и мозг эти корявым почерком и кровью сердца написанные слова... Я думал печальную думу. Просмотренный немецкий фильм оставил на руках еле уловимый запах пленки, со стола улыбался пухлыми щечками немецкий ангелочек.

Через несколько дней мы действительно использовали немецкий кинофильм для поджога иванковского моста. Письма я отдал Коробову, который раньше меня мог быть на Большой земле и обещал построить на их материале «потрясающий» очерк. Я же в этот день твердо решил, что до тех пор, пока не оборвем мы вместе с Красной Армией крылышек фашистскому ангелочку, не выпускать автомата из рук и забыть о том, что люди создали услаждающие их слух музыку и поэзию, радующие глаз полотна великих мастеров кисти и пластику кинолент, сделанных из вещества, которым поджигают города и заряжают пушки.

Мы обходили Житомир, прижимаясь ближе к дороге Житомир — Киев, всего в десяти-пятнадцати километрах от Коростеня. Для того чтобы обезопасить себя от крупного гарнизона, состоявшего из отведенных для переформирования двух немецких дивизий, мы выслали крепкий заслон, поставив ему задачу взорвать железнодорожные и шоссейные мосты. Так близко от Коростеня мы проходили еще и для того, чтобы дать разведке нащупать движение на железной дороге и высмотреть места, где можно ударить почувствительнее.

С первым заслоном, который должен был взорвать мост на шоссейке, получился конфуз. Девятая рота, выполнявшая эти обязанности, задержалась на марше. В одном селе, где хлопцы обнаружили склад водки, командир роты Петя К., парень не особенно подверженный алкоголю, вдруг загулял.

По расчетам времени, которые мы сделали вместе с ним по карте, роте нужно было простоять в этом селе полчаса, чтобы дать передышку людям и лошадям, и дальше двигаться к мостам и взорвать их. Но подрывники задержались там около двух часов. Дальше уже поехали навеселе. Рота шла и ехала на повозках без строя — ватагой. Никто не интересовался, куда она движется. Всем было море по колено. Впереди ехал выпивший проводник. Вскоре они заблудились. Когда командиры опомнились, было уже поздно. Светало, а до моста все еще далеко. Словом, девятая рота задания не выполнила, и именно через этот мост прошли автомашины, пехота и танки, которые вот-вот могли обрушиться на нас.

Ковпак все же сумел вывести соединение из-под удара, бросив в дело своих кавалеристов, которые зажгли на ложном направлении несколько скирд соломы. Немцы кинулись на пожар и потеряли время. В эти считанные часы мы, уже на рассвете, форсировали железную дорогу Коростень — Житомир. Затем пришли в болотистые Потиевские леса, куда не могли проникнуть немцы со своей техникой. А без техники они не посмели бы наступать на нас. Авиации у немцев, видимо, не было, и мы смело двигались лесом почти до полудня. Затем, дав четыре-пять часов отдыха людям и лошадям, хорошенько запутали свой след. В следующую ночь опять марш.

Отдохнув немного, мы собрали командиров для того, чтобы решить судьбу девятой роты. Дело было ясное. Но Петя К., или просто Петро, был хорошим парнем, он пришел к Ковпаку еще в 1942 году, пришел с партбилетом и орденом Красного Знамени, которые он сумел уберечь, проходя через немецкие полицейские заставы. И надо сказать, что Ковпак, обычно суровый в таких случаях, сильно колебался.

Один только Руднев был непоколебим. Он сам продиктовал приказ о расстреле. Колонна уже выстроилась для движения. В сумерках пофыркивали кони; когда командир вышел к построенной у штаба девятой роте, комиссар зачитал приказ. Тут же, у помещения штаба, была выкопана яма. Комиссар подошел к Петру, стоявшему молча, и сказал:

— Расстегнись.

Тот расстегнул шинель, под которой блеснул кругленький орден Красного Знамени.

— Снимай,— сказал ему Руднев.

Петро снял орден и молча передал его комиссару. Через несколько секунд его расстреляли.

Колонна двинулась дальше.

Я ехал верхом. Колонна шла из села в степь, по которой в эту ночь нам предстояло совершить шестидесятикилометровый марш к Киеву, в радомышльские леса. Проезжая мимо повозки комиссара, я мельком взглянул на него и увидел в свете всходившей луны, что Семен Васильевич плакал.

Утром следующего дня мы подходили к реке Тетерев, в десяти километрах западнее города Радомышль.

24

Из Потиевской Рудни мы должны были за ночь совершить шестидесятикилометровый марш через степную полосу. Оставаться днем в степи было бы рискованно, так как немцы уже пытались нащупать нас с воздуха.

Колонна шла на рысях. Мы торопились до рассвета проскочить этот степной пятачок. После полуночи я с конной разведкой въехал в село, где днем взвод Гапоненко, состоявший из отделений Лапина и Землянко, вел бой.

На окраине догорали сарай и скирды сена, дорога черной змеей уходила в село. Днем падал весенний мокрый снег. По краям дороги, среди улицы, черными подсолнухами цвели разрывы ручных гранат, брызгами земли была расчерчена девственная белизна снега, а вокруг в мрачном беспорядке лежали тяжелые клубни человеческих и лошадиных тел. Это военная осень собирала свои плоды на правобережной Украине. Она была урожайной, и хотя в календаре числился март — апрель, но бравые косари, жнецы и молотильщики ехали рядом, и удовлетворение от хорошо выполненной работы было на их молодых лицах.

Лапин, Остроухов, Землянко и Гапоненко... Они ехали рядом, здоровые и жизнерадостные, а на улице села лежало

двадцать два трупа гитлеровцев. Один безрукий Зеболов уложил четверых. Я ехал с ними и думал: «Во Франции, Голландии, Дании и Норвегии было и есть немало здоровых мужчин... Почему же там не собирали такой обильный урожай?»

Может быть, у нас этой весной все удачнее шли боевые дела потому, что осень второй мировой войны, была так обильно полита кровавыми дождями Сталинграда?..

Ночной марш по степи прошел спокойно. Треск автоматных очередей, как всегда, раздавался по бокам колонны, двигавшейся ускоренным маршем. Ее подгоняли связные, которых все время рассылал комиссар то в голову, чтобы прибавить темп, то в хвост — подогнать отстающих. Но все же за ночь пройти всю степную полосу мы не успели и последние десять километров прошли на рассвете. Справа в туманном ореоле трепетным, сказочным видением мерцал древний город Радомышль; впереди синели радомышльские и кедринские леса, и дорога шла под уклон, указывая, что где-то впереди, еще скрытая волнами степи, протекает река. Слева, сквозь туман, пробивалось немощное, неумытое, тусклое солнце. Комиссар с тревогой посматривал на него и благословлял туман.

И хотя всем было ясно, что до реки и лесов итти нужно не менее двух часов и что каждую минуту на колонну могли налететь самолеты, против которых мы были почти беспомощны в открытой степи, все же люди шли медленно, вразвалку, усталые от ночного марша и от сладкой истомы весеннего утра. Колонна шла без строя, и с интервалами, каких мы не позволяли себе ночью. Весело переругивались бойцы, аукали девчата-партизанки, лихо закинувшие за плечи легкие карабины. Девушки эти, в черных брюках, напущенных по-казачьи на добротные немецкие сапоги с высокими голенищами в бутылку, поверх которых пестрели цветные и полосатые городские и деревенские юбки, шли вместе с нами — лихие девушки-солдаты. Командиры тревожно поглядывали в небо и прислушивались, не подкрадывается ли к гомону колонны шмелиное жужжание немецких самолетов.

Туман ли выручил нас, или проспали немецкие летчики, не ожидавшие такого нахальства с нашей стороны, но самолеты появились лишь тогда, когда большая часть колонны разместилась в селах по реке Тетерев. Штаб стал в селе Межирички.

Не успели мы начать свою будничную работу, как были отвлечены шумом у входных дверей. Кто-то спорил и толкался в сенях, и когда дверь наконец отворилась, в нее втолкнули безоружного партизана. Базыма понял, что произошло

«чепе» — чрезвычайное происшествие, отложил в сторону свои бумаги и сдвинул на лоб очки.

Позади за партизаном шел Володя Шишов, карабин его, как всегда, был за плечами, а «на руку» он держал автомат, видимо отнятый у арестованного.

— Разрешите доложить, товарищ начальник штаба. Привел нарушителя приказа двести.

Базыма встал из-за стола, кашлянул в руку и снова надвинул на нос очки.

— Докладывай, Володя, все по порядку.

Володя Шишов, шестнадцатилетний связной восьмой роты, взволнованно начал:

— Товарищ начштаба, всего три дня, как мы снова приказ двести прорабатывали. Я сам его в роту возил. А они что делают?.. Я раньше всех в село въехал, думал квартиры для роты высмотреть, а там уже разведка четвертого батальона орудует. Помните, где развилка улиц: по одну сторону магазин с хлебом и овсом, который мы потом разобрали, а напротив, в садочке, домик под черепицей. Это и есть молочарня. В эту молочарню бабы со всего села молоко сносят. По немецкому приказу, каждое утро. У них там сепаратор есть и все оборудование. Так они, вот эти, не то чтобы по приказу двести действовать — взять себе самое необходимое, а остальное народу раздать,— мало того, что сами нажрались, всю остальную продукцию испортили, масло по полу растоптали, сметану поразливали...

— Понятно, Володя, ближе к делу.

В это время в штаб вошел комиссар. Шишов остановился и, приставив автомат к ноге, вытянулся по команде «смирно».

— По приказу двести? — быстро окинув взглядом, спросил комиссар.

— Так точно, Семен Васильевич! Опять четвертый батальон,— ответил Базыма.

— Понятно, продолжайте,— и комиссар сел за стол.

Приказ двести — это был основной закон ковпаковцев. Старому бойцу, воевавшему с 1941 года, достаточно было сказать: «Что, хочешь, чтобы под приказ двести тебя подвели?» — и человек, если он хоть в чем-нибудь чувствовал себя виноватым, смирялся и каялся в грехах. Каждому новичку, недавно поступившему в отряд, приказ двести, вместе с партизанской присягой, зачитывался под расписку. Вокруг этого же приказа строили свою работу политруки и парторги рот. Он имел всего несколько пунктов, с предельной ясностью гласивших, что только связь с народом, с массой дает силу партизанам. Мародерство каралось по приказу двести как из-

мена и преступление против присяги. Особо злостных преступников по приказу двести командиры имели право расстреливать на месте.

Помню, еще во времена Сталинского рейда, был такой случай. На хуторе, где стояла разведрота, украли мед, ограбили пасеку и перевернули ульи. Виновника обнаружили по искусанному пчелами лицу. Бойца поставили под расстрел. Пришел дед-пасечник.

— Лучше по морде надавайте,— упрашивал он.

— У нас нельзя.

— Ну, посадите на гауптвахту, на хлеб и на воду!

Так и отпросил.

А хлопец, рыжий веснушчатый украинец из-под Путивля, так и остался в отряде с прозвищем «Мед».

Сейчас перед нами стоял нарушитель приказа двести, которого привел связной восьмой роты Володя Шишов.

Что привело этого мальчишку сейчас к нам, в штаб, что заставило его вести здорового детину, добродушно озиравшегося по сторонам и отрыгивавшего сливки и масло, которыми час назад он так сладко наелся?

Володя как бы отвечал на эти вопросы:

— Бабы вокруг собрались. Когда замок сбили и сепаратор ломали, они смеялись.

— Ну да,— угрюмо сказал арестованный.— Немец по восемьсот литров молока на корову наложение сделал... Они нам одобрение говорили.

— А потом, когда вы стали продукты переводить, какое они вам одобрение говорили?

Детина молчал.

— Вот молчишь. А я скажу. Бабы кричали: «Грабители! Бесстыдники и грабители!» Это про наш отряд, товарищ комиссар!

Володя сердито толкнул автоматом в спину арестованного. Тот незлобиво отодвинулся в сторону.

— Через таких вот шкурников и мародеров на весь отряд пятно.

Глаза Володи вдруг наполнились слезами, и, попытавшись еще сказать несколько слов, он вдруг заплакал.

Базыма и Руднев посмотрели с понимающей улыбкой друг на друга и отвернулись.

Арестованный, до сих пор добродушно слушавший укоризненные речи мальчугана, сейчас топтался и перебирал ногами в стоптанных сапогах, как будто глиняный пол был раскаленной огромной сковородой.

Володя изо всех сил старался сдержать слезы, и от этого они лились все обильнее.

Руднев, Базыма сделали вид, что обсуждают что-то, и низко склонились к карте, а я отошел к окну.

Когда я повернулся от окна, Шишов стоял возле стенки, беспомощно опустив руки с автоматом, и сухими глазами смотрел в угол хаты. Я даже вздрогнул,— такой скорбной показалась мне эта тщедушная фигурка мальчика.

...Я видел патриотизм, чистый, как слеза, патриотизм шестнадцатилетнего Володи Шишова.

25

Данные разведки последних трех дней говорили: гитлеровцы вокруг нас что-то готовят. От Коростеня по нашим следам неотступно шло несколько батальонов пехоты. Со стороны Житомира тоже выдвинуты были войска. Подтянувшись на тридцать-пятьдесят километров северо-восточнее города, они разместились по селам в ожидании чего-то. Видимо, вражеское командование, сбитое с толку нашими крутыми поворотами под Коростенем, совершало предварительную перегруппировку, отложив решительные действия до получения более точных данных о наших намерениях. Нужно было быть начеку. Мы форсировали по мелководью, по льду и по жердяным мосткам реку Тетерев и, совершив небольшой марш, стали в двенадцати километрах от Радомышля. Ковпак и Руднев скрытничали и не говорили о своих замыслах, но мне показалось, что, может, хоть сейчас они согласятся на южный вариант — удар по асфальту Житомир — Киев. Во всяком случае, ясно было, что мы готовимся к прыжку и удару, иначе незачем было так рисковать. Вот уже два дня, как мы устраивали стоянки перед самым носом у врага. Радомышль сам по себе городишко небольшой и малозначительный, но от него до Житомира километров шестьдесят пять, до Киева не больше ста, кругом довольно густая сеть железных и шоссейных дорог. А тут еще стала донимать авиация. Пока что это были разведчики: «костыли» и «рамы». Первые все время висели над нашим районом, выслеживая направление движения колонны, вторые пробовали даже раз-другой бомбить. Загадочно пока вел себя Киев. До него было далековато, и разведка моя туда не доставала.

Вот в таком тревожном настроении я прибыл в Крымок — большое село на южном берегу реки Тетерев. После предыдущих напряженных переходов и марша через степь мы в эту ночь сделали всего десять-двенадцать километров и к полуночи уже расквартировались. Люди спали, для коней в пойме Тетерева набрали сена, и они, удивленные тем, что марш прервался среди ночи, весело жевали, фыркали и перекликались

низким, ласковым ворчаньем, словно благодарили спавших хозяев за отдых. Онн заслуживали его — наши лошади-солдаты, за последнюю неделю отмахавшне до трехсот километров, ночамн безусталн тянувшие по грязной, неустоявшейся, кочковатой весенней дороге тяжелый обоз с боепрнпасамн, продовольствнем н раненымн. Но не нз жалостн, видимо, давал нам Ковпак эту передышку. Мне казалось, что и кони понималн это. В ласковом перефыркивании слышен был добрый солдатскнй прнзыв: «Готовься, братцы, готовься. Отдыхай, пока можно, а завтра марш-марш! ..»

Я бродил ночью улнцей незнакомого села н думал: «Хорошо людям... онн знают лншь то, что отдых дается им перед новым тяжелым переходом. Да н то знают лн? .. Хорошо солдату. Он знает, что воевать надо, а еслн надо, то уж лучше воевать под началом команднров, которым верншь, таких, которые ннкогда не подводилн тебя под пулю без нужды». И я вспомннл слова Колькн Мудрого, сказанные еще во время Сталннского рейда, в первые днн моего пребывання в отрядах Ковпака:

«Вот сидят дед Ковпак н комнссар Семен Васнльевнч и маракуют насчет моей жизни и дел монх солдатскнх. И еще ни разу не было, чтобы они в своих мыслях маху далн. Вот оно н понятно, откуда у меня, у Колькн Мудрого, смелость берется».

Да, вот откуда смелость... Вера в своего командира на войне значнт многое, а в войне партнзанской еще больше. И как трудно должно быть человеку, на чьн плечн люди складывают эту почетную, но тяжелую ношу... Давай спать, хлопцы, ведь самн Ковпак и Руднев насчет нашей жизнн маракуют, и еще не было ни разу, чтобы онн в этом деле маху далн...

Лошадн пофыркнвали, часовые и патрулн негромко позвякивалн оружнем. Заставы, вероятно, подошли к свонм местам. Откуда-то, из чащн леса, нзредка доноснлнсь еле слышные одиночные выстрелы. Намечая заставы, мы с Базымой наиболее снльную выставнлн под самый Радомышль. От преследовавшнх нас по пятам коростеньских частей, с севера, отряд прикрылся рекой, а в Радомышль легко могли быть подброшены войска нз Жнтомира. Кнев все еще был для меня загадкой.

Под Радомышль в село Березннцы вышла заставой четвертая рота Пятышкина — днректора средней школы города Путнвля. Базыма не без основания звал его «коллега»

Я так н не уснул этой ночью, в неясной тревоге болтаясь по улнцам Крымка. На рассвете зашел в хату и только стал умащнваться на отдых рядом с Коробовым, как часовые

подняли шум. Прямо по улице катила машина. Пулеметчики комендантского взвода, Гаврилов и Кириллов, уже поставили в воротах ручник, но с машины крикнули пароль и затормозили у штаба. Машина — обыкновенная полуторка «газ» — была захвачена четвертой ротой в Березнице еще ночью. Но, выполняя мое требование — обязательно достать «языка», который сейчас необходим был дозарезу,— Пятышкин задержал ее до утра. Он надеялся, что «язык» сам придет к нему в руки и его машиной доставят в штаб, молниеносно и вполне комфортабельно. Расчет его оказался верным. Действительно, только рассвело, как прямо на секреты, выставленные ротой, напоролся человек в штатском, но с оружием. Когда хлопцы заговорили с ним, он отрицательно замотал головой и забормотал:

«Их бин бухгальтер...— А затем задал вопрос: — Зи зинд руссише полицай?» — чем помог часовым выйти из затруднительного положения, бить ли его сразу прикладом по черепку или немного подождать. Хлопцы радостно загорланили: «Йяа, йяа, руссише полицай, пойдем, пойдем, пан» — и привели его к Пятышкину, который, задав немцу несколько вопросов и выяснив, что он всего полчаса как вышел из Радомышля и шел в Березницу к «девушка Маруся», сразу отправил немца на машине ко мне.

Читатель, вероятно, уже знает из книг, очерков, фильмов о войне, что такое «язык». Это то, чем блистают разведчики, очеркисты и драматурги. Разведчикам «язык» дает право на лишние сто граммов, и по величине, значению, а также характеру начальника — на медаль или орден; драматургу он нужен, как воздух, так как только при помощи «языка» можно выпутаться из самых замысловатых перипетий и коллизий военного сюжета, который уже стопудовой гирей висит на капризном пере автора; для очеркиста... Ну, словом, читатель знает, что вслед за «языком» загремят пушки, мы пойдем в атаку или контратаку, и все будет в порядке... Но читатель не знает, что только редкий «язык» бывает таким, каким его изображают драматурги и какого хотелось бы заполучить начальникам.

Я взглянул на тщедушную фигурку пятидесятилетнего немца, выволоченного хлопцами за шиворот через борт полуторки, «язык» оказался как раз одним из многих, никуда не годных для военных целей немцев. Бухгалтер какой-то фирмы, имевшей в Радомышле свое отделение как филиал, он понятия не имел о войне, «языках» и немецких группировках. Шел он действительно к «русская Маруся» и набрел прямо на Пятышкина, тихо занявшего Березницу ночью. Вот и все. Военных сведений от бухгалтера мы не получили.

Во второй половине дня к Тетереву с севера подошли немецкие батальоны, двигавшиеся по нашим следам из Коростеня; в это же время и в Радомышль стали прибывать автоколонны. Немцы охватывали нас с севера, юга и запада. Но Киев, Киев... Вот что было непонятно! Может быть, путь туда оставался открытым? Может, немцы не ждали от нас такой смелости, а может, и хотели прижать нас поближе к Киеву, к Днепру? На расстояние одного марша на восток путь пока был свободен. Эти данные разведка успела собрать, и они были достоверны... Во всяком случае на девятнадцать ноль ноль... Что же случится за ночь, за завтрашний день — никакой разведчик предсказать не может.

Заставы уже ввязались в бой и, судя по приближающимся выстрелам, отходили. Мы подбросили им еще по одной роте, стараясь оттянуть время до вечера. Завязывать бой всерьез нам не хотелось. Может, поэтому, когда я доложил свои соображения по разведданным, Ковпак, переглянувшись с Рудневым, недолго думал.

— Давай чеши на восток. Базыма, стоянку пошукайте, щоб для обороны була пидходяща.

— Всегда выбираем такую,— говорил Базыма, водя карандашом по карте.

— Не такую, як всегда. А такую, щоб большой бой можно було держать.

Базыма поднял глаза на комиссара. Тот утвердительно кивнул головой. Ковпак продолжал:

— Все равно от цих батальонов не одчепимось. А з Киева пока еще ничего нема. Так треба зараз коростеньским и житомирским по шиям накласты, тоди киевским страшнище буде. Поняв?

— А, тогда другое дело...

Мы склонились над картой. Не выдержав, к нам подошел Руднев и тоже облокотился на стол.

— Будем бить по частям. Нельзя дать им подтянуться из Киева, тогда у противника будет очень большой перевес... Очень трудно будет выполнить...

— Что выполнить? — спросил я.

— Еще с сорок первого года в нашей части заведен обычай: никогда не спрашивать, куда идем и зачем идем!

— Знаю...

— А все же не выдержал, спросил?

— Не выдержал,— смутился я.

— Ну, ладно. Теперь уже можно. Очень трудно будет выполнить приказ товарища Сталина. Вот поэтому надо бить выделенные против нас войска по частям. Понятно?

— Не совсем...

— Завтра необходимо во что бы то ни стало дать им бой. А так как мы более слабая сторона и нам надо беречь силы для будущего дела, то надо сделать так, чтобы на нашей стороне было преимущество обороны. В общем, если заставить немцев наступать, выиграем не только завтрашний бой, а всю операцию.

— А как их заставить?

— Вот в этом-то весь секрет. Но если завтра немцы поведут на нас наступление, значит половина дела сделана... Ну как, выбрал позицию? — спросил он начштаба.

— Я думаю, Кодра. Местность лесистая. Наступать заставим по лесу...

— Вот именно заставим...— уже про себя говорил Руднев, впившись в карту, где было черным квадратиком обозначено селение и стояла подпись: «Кодра».

— Наступать заставим только по лесу. По грязи, по болотам. Хорошо! Высоты наши...

— Затем, Семен Васильевич, переход небольшой. Успеем до утра изготовиться, занять оборону, разработать огонь...

— Хорошо...

— А как же заставить немцев наступать именно завтра?

— Что скажешь, разведчик?

Я задумался. За окном урчал мотор немецкого самолета. Иногда в небе раздавались глухие очереди, опереженные резкими разрывами пуль «дум-дум» по крышам, заборам, улицам. Один сарай загорелся.

— А что если нам двинуться засветло? Так, чтобы разведчик засек?..

— Обстреляют. Потери будут. А то еще вызовет бомбардировщиков...— задумчиво говорил Базыма, размечая на карте местность вокруг Кодры.

— Надо точно рассчитать!

Руднев тряхнул головой и сдвинул шапку набекрень. Это было признаком того, что он принял решение.

— Когда солнце заходит?

— Часов в восемь.

— Точнее — часов, минут?

— А дьявол его знает...

— Эх вы, вояки. Штатская команда,— вздохнул Руднев.— Надо отвечать точно: двадцать часов шестнадцать с половиной минут. Пиши приказ, начштаба: выступать рассредоточенно авангарду и ГПЗ без обоза двадцать часов пятнадцать минут. Успеют заметить, а повредить не успеют.

— Для большего впечатления в голове пустить скот.

— Правильно! Павловскому выгнать «пятый батальон» ровно в двадцать. Все-таки четыреста голов. Если не раз-

глядят, что такое, примут за батальон или крупный обоз. Действуйте!

Руднев вышел из штаба.

Скот, отбитый нами еще в Ровенской области, более полутора тысяч голов, в насмешку назывался «пятым батальоном». Обычно он шествовал в хвосте колонны, подгоняемый штрафниками. Гонять стадо было тоже одной из форм наказания. В зависимости от провинности в скотогоны назначали на время от пяти дней до месяца. Иногда даже командиров. Это было самое тяжелое моральное наказание, и «пятого батальона» боялись, как огня. Гонявший скот долгое время считался опозоренным человеком, и нужно было совершить что-то уж очень лихое, чтобы избавиться от презрительной клички «скотогон» или «комбат пять», или какого-нибудь другого «лестного» прозвища. Сегодня же «пятому батальону» суждено было играть важную военную, можно сказать, оперативно-тактическую роль в замыслах нашего командования. Конечно, мы подвергали бедных коров и быков опасности обстрела, а может, и бомбежки.

Две ночи подряд мы делали небольшие переходы. В Кодру я прибыл с разведкой часа в два ночи, а к пяти утра весь отряд разместился по квартирам. Обозы замаскированы, боевые роты и батальоны заняли заставы, посты и основную линию обороны. Мы полагали, что использовать артиллерию противнику не удастся; лес подходил к самому селу, лежавшему в глубокой лощине, и рельеф был такой, что достать нас немец мог только минометами, но у минометов нехватило бы дальности. Правда, противник мог еще бомбить село, но только наобум, без уверенности, что именно в этом селе находятся наши главные силы. Вообще же, с точки зрения обычной армейской тактики, наша позиция была явно невыгодной, больше того, мы сами залезали в ловушку. Из Кодры шли всего три дороги, да и то лесные. В этом-то и заключалось наше главное преимущество. На эти три дороги мы выдвигали на четыре-пять километров сильные заставы, а в километре от села располагались главные силы обороны. Таким образом Руднев заставлял немцев давать бой, когда он хотел, то есть завтра, и где он хотел, то есть в лесу, да еще потопать по снегу четыре километра до встречи с главной обороной.

— Пусть даже сомнут они наши заставы. Пусть! Но это значит, что они развернутся в цепи перед нами, затем либо увлекутся преследованием, либо измотаются, продираясь сквозь лес, где за каждым деревом им будет чудиться партизан.

— Словом, к главной обороне доползут не все сразу и уставшие, потерявшие связь...

— А может, и управление.

— Но вообще позиция рискованная...

— Чего больше — выгоды или риска?

Мы с Базымой задумались.

— А что скажет Кутузов? — кивая в сторону Войцеховича, сказал комиссар.

— Я думаю, что выгоды больше, если немец глупее. А если...— он закашлялся.

— Немец не глупее. Но зато русский смекалистей.

— Э, что говорить! Оборону заняли — все равно бой принимать.

— Ой, не кажи, Григорий Яковлевич,— впервые вмешался Ковпак,— бой можно по-всякому повернуть. От подкинуть на заставы силы, або зробыть заставы двойными, отут одну и отут — це буде бой на затяжку, а так, як зараз,— це буде бой на разгром... Можно ще по лесу автоматчиков порозкидать, це буде...

— Бой кукушкой. Вроде финской тактики...

— Ну да... А ище можно на ложное направление затягнуть... А самым балочками та просеками...

— А авиация?

Дед задумался.

— Ця авиация мени зараз в печинках сидит... Ех, було в гражданку. Оторвался от противника и пишов, и пишов...

— Так чего же все-таки больше — выгоды или риска?

— А це писля боя побачымо,— усмехнулся Ковпак.

— Это нужно сейчас решить,— настаивал Руднев.

Ковпак насторожился.

— Сейчас?

— Для того чтобы знать, сколько и какие роты оставить в резерве.

— Ну в резерве третью, восьмую.

— Как всегда? А я думаю, что третью надо в обход послать, чтобы ударила немецкие главные силы по шее. А в резерве оставим вторую и шестую.

— Тогда, пожалуй, риска меньше,— сказал начштаба.

— Вот видите...

На том и порешили.

Часам к двенадцати вернулись разведки, отметившие колонны немцев по всем дорогам, а часа в два дня на заставах начался бой. Через полчаса он затих, а еще через час снова вспыхнул и, уже больше не затихая, все приближался. По звукам боя мы узнавали путь отходящих застав. Оборона пока молчала. Самое сейчас важное для Ковпака было разгадать, на каком из трех направлений немцы наносят главный удар. Для меня же, как всегда, главным было достать «языка».

Пусть он не даст полезных сведений, которые могли бы помочь нам в сегодняшнем бою, но, решая эти сегодняшние задачи, я не мог забыть о Киеве, моем родном городе. Кроме того, что он очень интересовал фронтовое командование, в его расположении находилась четвертая и самая главная группа противника, предназначенная действовать против Ковпака. Где она? В Киеве? Или на пути? Или же включилась и ведет бой? Или ее берегут для окончательного разгрома наших сил?

На мое требование «языка» Ковпак разразился потоком ругани. Бой уже шел на всей линии обороны, и это было, конечно, полное окружение. Ковпак до сих пор не решил, куда бросить автоматчиков в обход.

— Пора, Сидор Артемович! Пора! — сказал Руднев.

— Сам бачу. Я думаю, на Кульбаку они напирают?!

— Правильно...

Через две минуты рота Карпенко скрылась в лесу. Слева в обход пошла восьмая.

— Клещи, одним словом,— невесело засмеялся Руднев.

— От, расколают нам Карпенка, будут тогда клещи. Ты знаешь, что тоди буде в отряде?

— Не расколают. Пошел! Хорошо пошел!

Лесное эхо доносило сплошной рев автоматов. В третьей роте было восемьдесят шесть автоматчиков плюс четырнадцать ручных пулеметов. Даже обозники третьей роты считали для себя позором ездить с винтовками. Обязательно автомат, как символ быстроты, натиска и ближнего боя.

— Только бы подошли незаметно. Не потратили бы первый диск впустую.

— Не чуешь? Ручными гранатами действуют. Значит...

— Значит, накоротке...

— Метров тридцать-сорок...

— Нет, ближе. В лесу на тридцать метров не бросишь...

За углом в переулке стояла моя тачанка. Не вытерпев более неизвестности, мы с Коробовым вскочили в нее и понеслись на участок Кульбаки. Улица уже простреливалась из леса пулеметным огнем. Мы свернули в кривые переулки и, колеся по ним, доскакали до крайней хаты, где был штаб Кульбаки. Кульбаки там не оказалось. Он был в бою. Оставив у хаты Коженкова с лошадьми, мы через огород махнули прямо в лес на выстрелы. Батальон Кульбаки отличался от других тем, что очень хорошо был оснащен станковыми пулеметами. Еще в Сумской области Кульбака добыл более десятка «максимов», натренировал расчеты, приспособил их к партизанским боям. Поэтому-то его и поставили в обороне там, где ожидали наибольшего нажима противника. Все вышло по расчету Ковпака. Преследуя нашу отходящую заставу, пере-

довой батальон немцев дошел к главной обороне Кульбаки с потерями, цепи шли неровно, солдаты сбивались в кучи вокруг офицеров, тяжелое орудие отстало. Кульбака подпустил их вплотную к станкачам, выставленным в ряд на склоне бугра, и сразу положил свыше полусотни вражеских солдат.

Наступление немцев затормозилось. Они стали вытаскивать раненых офицеров, станкачи били по ним и увеличивали потери. Но сзади спешил на помощь свежий резервный батальон. Немцы, видимо, решили эшелонировать свои силы, и вслед за первым батальоном шел второй. До сих пор в борьбе с партизанами они такого боевого порядка не применяли, и Кульбаке, пожалуй, пришлось бы туго. Батальон первого эшелона понес большие потери, но он нащупал силы, порядки и огонь Кульбаки, стоявшего крепко. А батальон второго эшелона мог просто обойти Кульбаку по опушке и ударить по селу, штабу и обозу в месте, где почти не было никакой обороны.

Вот тут-то и выручил Карпенко. Он успел зайти в тыл залегшим немцам первой цепи и встретил резервный батальон на марше. Гитлеровцы шли густой колонной, шли быстрым маршем, почти рысью, торопясь на выручку своим передовым силам. Шли по дороге, где час перед этим наступали свои, поэтому двигались без разведки и наблюдения. Эта марширующая сто тридцать шагов в минуту колонна с размаху напоролась на восемьдесят шесть автоматов и четырнадцать пулеметов Карпенко. Стычка произошла лицом к лицу. В первые же несколько секунд передовая рота немцев была уложена вся, во второй остались в живых лишь те, кого заслонили от потока пуль тела их товарищей, третья рота обратилась в бегство. Это был, пожалуй, единственный случай, когда Карпенко не ругал своих хлопцев за длинные очереди, потому что даже из половины диска, выпущенного в толпу фрицев, почти каждая пуля находила свою цель.

Мы прибежали к обороне Кульбаки, когда бой еще продолжался, но это было уже не наступление врага, не наша оборона, а просто ловля немцев по лесу и их избиение.

После боя в селе Выползово, под Курском, зимой 1941 года, где танки Алеева уничтожили огромное количество немцев, я нигде не видел столько вражеских трупов. Перед одними лишь станкачами Кульбаки их было семьдесят три — уложенных рядами, в касках, шубах и валенках.

Охваченные общим порывом, мы с Коробовым тоже стали гоняться за немцами, которые группами по три-пять человек метались по лесу, как угорелые, повсюду натыкаясь на партизан. Так прошло еще около часа. До вечера оставалось немного. На двух других направлениях бой утихал и отдалялся.

Мы дошли до участка, где рота Карпенко подстерегла немецкий батальон второго эшелона. Узкая лесная дорога была забита трупами, валялись они и в лесу. Может быть, людям, не воевавшим, но слышавшим много сводок с подсчетами потерь противника, это и покажется обыденным. Но тот, кто знает цену не только своей крови, но и крови противника, поймет меня. Легко оперировать сотнями и тысячами на бумаге. Люди, не убившие ни одного немца, очень гнушались цифрами меньше чем с двумя нолями. Нам же понятна была эта точность настоящих солдат, подсчитывающих каждого убитого врага.

Коробов носился с аппаратом, торопясь до сумерек заснять это лесное побоище, я торопился собрать золдатенбухи, медальоны и другие документы. «Языков» пока не было. В пылу боя автоматчики Кульбаки и Карпенко не брали пленных.

Мы переворачивали гитлеровцев, потрошили их карманы, когда мимо проходил взвод третьей роты, возвращавшийся из боя. Несмотря на то, что победа была полная и небывалая, люди шли медленно и молчали.

— Прямо в голову,— услыхал я слова Шпингалета, шедшего навстречу Намалеванному.

«Неужели Карпенко?» — мелькнула у меня мысль. За поворотом дороги шла группа автоматчиков. Они поддерживали человека, который нес на руках чье-то безжизненное тело.

— Карпенко! Недаром Ковпак так тревожился,— сказал мне Коробов.

Я бросился навстречу идущей роте.

В это время, чуть не сбив меня с ног, пронеслась тачанка. Ездовой хлестал лошадей и, не доехав несколько шагов до идущих, круто сдержал коней.

Мы подошли к автоматчикам. В центре группы стоял Карпенко и держал на руках Кольку Мудрого. Черные волосы его слиплись от крови и снега, скрывая маленькую ранку. Лишь на затылке, замерзая на вечернем морозе и блестя снежинками, выступала кровь.

— Жив?! — спросил запыхавшийся ездовой.

— Конец. Пропал Колька. Эх...— положив безжизненное тело на подушки тачанки, сказал Карпенко.

Автоматчики молчали.

— Шагом марш! — скомандовал Карпенко.

Подвода тронулась. В двух шагах от нее своим привычным шагом, положив обе руки на автомат, висевший на груди, шел Карпенко.

Сзади пристраивались автоматчики. Из леса вышла вся третья рота, в полном строю, молча шествовавшая за повозкой. На подушках, взятых заботливым ездовым для раненого,

качалось бездыханное тело Николая, Кольки Шопенгауэра, философа и балагура.

Так вот какой ценой досталась наша победа... Но этого было мало. Когда третья рота вошла в село, в переулке, где я оставил Коженкова, я услышал голос Базымы:

— Володя Шишов ранен...

— Тяжело?

— Смертельно. . До завтра не доживет.

Володя лежал на моей тачанке и своими чудесными голубыми глазами смотрел на небо. Оно озолотилось заходящим солнцем, скрывавшимся за вершины леса, где только что шел бой.

Я подошел к Володе. Он узнал меня и хотел улыбнуться.

— Видите, не уберегся я... товарищ подполковник...

— Больно, Володя?

— Нет... Жалко только умирать...

Базыма не выдержал и отошел к лошадям.

— А может, и не умру?.. Вот мы тогда прокатимся, товарищ подполковник... Вы после войны командовать кавалерией будете... И я к вам служить пойду.

— Хорошо, хорошо... Потерпи, друг. Поедем в санчасть. Перевязку сделаем...

— А-а-а...— зевнув, сказал он.— Хорошо, раз перевязку, значит хорошо.

Тачанка двинулась. Базыма и я шли сбоку и поддерживали ему голову. До штаба он ни разу не вскрикнул, не застонал, не скривился. Только из уголков детских глаз бежали одна за другой слезы вниз по огрубевшим обветренным щекам, на которых пробивался еле заметный золотистый пушок

Когда моя тачанка стала в ряд с тачанкой Мудрого и Базыма склонился над лицом Володи, он уже был мертв. Мы положили их обоих рядом; безмолвным караулом стали вокруг бойцы третьей и восьмой.

Нам нельзя было оставаться здесь. Мы с Базымой пошли в штаб, чтобы разработать ночной маршрут на восток. Через час колонна двинулась дальше.

26

Ночью на марше, дьявольски хотелось спать. Меня переутомили бессонные ночи и напряжение последних двух дней. Засыпая на тачанке, я успел подумать: «Все же Ковпак — мудрый старик. Теперь по крайней мере хвост коростеньских батальонов отстанет от нас... Да и не многие из наших преследователей унесли ноги. А как же Киев? Киев... Киев...» И вот наша тачанка с Сашкой Коженковым на облучке и кор-

респондентом «Правды», дремавшим на моем плече, почему-то свернула в сторону от колонны и мчится уже по полям через долины и буераки. Под нами уже замелькали верхушки деревьев. Что это? Вероятно, я уснул и не слыхал, как пришли самолеты из Москвы... Это я лечу через фронт. Но почему лечу? Ведь не было вызова? А-а-а... Это я был ранен в кодринском бою, и меня везут на Большую землю вместе с Володей Шишовым. Да, но почему же нас не сняли с тачанки, а погрузили в «дуглас» вместе с лошадьми? И теперь тачанку покачивает на воздушных ухабах... Наверное, мы летим выше трех тысяч метров, холод пощипывает щеки, пальцы на ногах окоченели, а лошади пофыркивают на морозе. Вот машина круто переходит в пике, и внизу я вижу город. Москва? Нет, это же Киев. Видно изогнутое колено Крещатика и дальше Красноармейская, Сталинка, Соломенка... Машина, взвыв моторами, уходит ввысь. Под крылом мелькнула фигура, высоко держащая крест над головой. Владимирская горка и Днепр. Да, но ведь посадка запрещена. Надо прыгать, прыгать... Первым будет прыгать Коробов, за ним я, а вот Коженков, ведь он никогда в жизни не прыгал с самолета. Ничего. Парашют автоматический. Но тогда мне надо прыгать последним; я вытолкну Сашку пинком ноги, как меня когда-то толкал майор Юсупов. Но как же с лошадьми? Они стоят, весело помахивая хвостами, а на спинах, как громадные вьючные седла, привязаны парашютные мешки. Наконец прыжок! Мы приземляемся где-то в районе Аскольдовой могилы, и вот я уже иду по улицам Киева. Крещатик. Посреди улицы маршируют немецкие войска, шныряют тупорылые машины, на тротуарах группами и в одиночку разгуливают эсэсовцы. Странно, что они как бы не замечают меня. Навстречу идет немец-бухгалтер, тот самый, что позавчера на рассвете шел на свидание к «русская Маруся». Неужели хлопцы из комендантского взвода выпустили его? Он смотрит на меня пристально и подходит все ближе и ближе. Кажется, узнал?! Да, ведь на мне его теплый, зеленого драпа, пиджак с кожаными плетеными пуговицами. Толпа окружает нас. Рядом я слышу голос: «Это я, Маруся!» Немец орет, страшно раскрыв пасть со вставными зубами: «А, русская девочка Маруся!» Я бросаюсь в толпу, бегу, падаю и... просыпаюсь. Тачанка едет медленно. Коробов трясет меня за плечо. На облучке — неизменная спина Саши Коженкова, а рядом с ним, лицом к нам, неясная фигура, говорящая: «...а звать меня Маруся». Я протираю глаза в недоумении. Коробов говорит:

— Никак не добудишься тебя. Ты так кричал. А тут девушку привели.

— Какую девушку?

— Черемушкин и Мычко ходили в разведку по следу разбитых батальонов. Сведения они уже доложили комиссару, а вот ее...

— Русская девушка Маруся? — еще не проснувшись окончательно, говорю я.

— А кто ее знает, русская она или украинка. Вот садись на мое место и в приятном визави начинай разговор тет-а-тет. Саша,— обратился он к нашему кучеру,— помни, мы оглохли и онемели,— и, откинувшись в угол сиденья, Коробов притворно захрапел.

Все еще не понимая, сон это или явь, я буркнул непрошенной визави:

— Ну что ж, давайте знакомиться, что ли.

— Я Маруся,— громко сказала она.

— Какая Маруся?

Лица не было видно. Я судил по голосу — он принадлежал женщине лет сорока, и по шершавой руке — это была рука труженицы.

Вместе с улетевшим сном прошло и минутное раздражение, а на смену ему пришло любопытство — верховой конек разведчика.

Я постарался подавить его и с нарочитым безразличием, уже искусственно зевая, стал задавать обычные вопросы.

— Кто, куда, зачем, почему, откуда?

Да, это была простая украинская женщина Маруся, она очутилась в тылу у немцев с семьей, детьми: большими, которые ушли в партизаны, и маленькими, которые остались дома и хотели пить, есть и жить...

Ответив на мои вопросы, она продолжала:

— Я подпольщица, товарищи. Меня прислал комиссар Могила... Тут отряд такой действует. Мы уже три дня как о вас слыхали, шли на соединение по вашему следу, да немцы помешали — те, что от вас тикали из Кодры.

— Большой у вас отряд?

— Человек тридцать. Они в бою задержались. Есть раненые и убитые. Я связная... Товарищ Могила приказал с вами связаться и вас предупредить. Дорога, по которой вы сейчас идете, заминирована. Еще с сорок первого года мины лежат. Вон тут большие шли за Киев. Ох, я болотом шла, по воде. Боялась — утопну, и задание товарища Могилы...

— Постой, Маруся... Дай сообразить. Где минные поля?

Она быстро и толково объясняла мне приметы и ориентиры, и мы с Коробовым в свете электрофонаря лихорадочно засекали минные поля на карте. Выходило, что всего лишь несколько сот метров отделяет нас от них. «Если только они есть»,— шепнул мне Коробов.

Я хотел что-то спросить Марусю, но почувствовал, что женщина склонилась ко мне на плечо и тело ее обмякло. Она спала... или притворялась, что спит. Юбка у нее была мокрая до колен.

— Догоняла нас,— сказал Коробов.— Черемушкин подобрал.

Я крикнул Черемушкина, ехавшего группой связных.

— Где подобрали? — облокотившись на луку его седла, спросил я шопотом.

— Да возле Кодры. Мне ее скотогоны передали.

Еще раз взглянув на карту, я понял, что времени оставалось в обрез. Голова колонны уже подходила к минным полям.

— А может быть, только для того, чтобы задержать нас? Украсть время?

— Надо доложить Ковпаку.

— Некогда,— не успеем!

Я подозвал Семенистого, приказал скакать в голову колонны и остановить ее. Хлопец птицей понесся вперед. Знал ли пацан, что, обгоняя колонну, он скачет по минам?

Думаю, что знал.

Несколько минут прошло в томительном ожидании, будет ли взрыв? Но вот движение стало замедляться с небольшими перерывами. Это колонна, растянувшаяся, как мехи двухрядки у лихого гармониста, сжималась, подтягивая середину и хвост к остановившейся голове. Бессильно склонившись ко мне на колени, спала женщина. А я думал. Конечно, одновременно с Семенистым был послан другой связной к Ковпаку и Рудневу с донесением, но колонну остановил я, и решать надо было самому. Возвращаться обратно? Минует ночь, и завтра снова придется принимать бой у Кодры. Или гнать колонну на мину? Решение не приходило, а время шло. Вот уже полчаса, как стоит колонна, а связной все еще не вернулся от Ковпака. «Чего молчит старик?» — думал я с обидой, забывая о том, что у Ковпака было для раздумья на десять минут меньше времени, чем у меня. А я сам так и не мог ничего придумать. Я уже собирался гнать второго связного к командиру, но за нами, все приближаясь, раздавались рев и мычание скота. Впереди скакал связной. Он сказал запыхавшись:

— Дед приказал: «Итти по маршруту, не останавливаясь, впереди гнать скот».

Еще через четверть часа колонна двинулась. Ехали молча. Колонна шла тихо, тише, чем обычно, люди ступали осторожно по вытоптанной коровами земле. Мы с Коробовым ждали взрывов, но их не было. Уже прошли более километра. Маруся все спала. Ну, что ж. Провокаторы и изменники ведь тоже могут уставать.

Но мины были. Несколько взрывов раздалось впереди. Мины были небольшие и рвались не все. Так двигались мы по минному полю около часа. Шли, как по раскаленной сковороде. Люди жались узкой ленточкой, стараясь ступать ногой в след повозок. Все обошлось благополучно. Подрывалось несколько коров, которых тут же пристрелили. Павловский заставлял старшин рот свежевать их на ходу, грозясь не выдавать неделю мясного пайка тем, кто отказывался брать готовое мясо. Не меньше сотни коров разбрелось в стороны, но даже скупому Павловскому не взбрело в голову посылать людей загонять их в гурт. Он только ахал и чертыхался.

— Пропадае добро, чорти його батькови в печинку. Ох, пропадае...— жалобно говорил он мне, со вздохом показывая на маячивших среди поля коров. Они, никем не подгоняемые, бродили по полю, копытами разгребая подмерзшую землю и выкапывая из нее коренья с зелеными побегами.

Словом, все обошлось благополучно. Только история с минным полем украла у нас по крайней мере два часа. Маруся, спасшая несколько жизней, свернулась на облучке, который ей уступил Кожеников, устроившийся где-то на крыле тачанки. Она не просыпалась даже от глухих взрывов, расчищавших наш путь. К переезду железки колонна подошла незадолго до рассвета, а мы рассчитывали форсировать ее ночью. Может, это и было к лучшему. Охрана спала, а трех патрульных с ручным пулеметом Федя Мычко уничтожил одной гранатой. Разведка ворвалась в будку и в несколько минут расчистила путь. Главные силы форсировали переезд уже засветло. Коробов, обрадовавшись свету, щелкал аппаратом, я тоже не мог удержаться от соблазна. Но у меня была другая работа. Разведчики не успели перебить всю охрану, и уже при дневном свете, когда подошел обоз, ездовые, забегавшие в будку, вытаскивали по одному фашисту то с чердака, то из бочки, из которой торчали ноги в кованых ботинках, то из кустов. Но это были не немцы, а эльзасцы. Батальон их охранял этот участок железной дороги и большой железнодорожный мост через Тетерев.

Миша Тартаковский беспомощно разводил руками. Пленные либо совсем не говорили по-немецки, либо говорили на таком диалекте, который моему переводчику был явно не под силу.

Эльзасцев нам все же удалось кое-как допросить тут же на переезде, через который на галопе неслась колонна. Я, кончив допрос, подошел к Коробову. Через переезд прошла на рысях батарея, а затем пошли повозки штаба. Новая тачанка Ковпака, подаренная ему Карпенко еще в Ровенской области из имения князя Радзивилла, подпрыгивала на рельсах и под-

мостках переезда. Дед в мадьярской шубе восседал на кожаных подушках, как китайский бог. Его ездовой, Политуха, щелкал бичом и держал вожжи по-ямщицки. Эта забавная картинка мелькнула в визире моего фотоаппарата и исчезла раньше, чем я успел нажать спуск.

За штабом всегда двигалась санчасть — медперсонал, повозки с медикаментами и ранеными.

Сегодня вслед за обозом санчасти шла повозка, где покрытые с головой лежали Колька Мудрый, лихой автоматчик третьей роты, и Володя Шишов. Их не успели похоронить в Кодре и везли с собой.

27

За железной дорогой начались сплошные леса. Они дали нам возможность двигаться днем. К полудню колонна вышла под село Блитча. Выход к населенному пункту среди бела дня заставил меня принять меры для соблюдения особой осторожности и, как мы говорили, «добавить внезапности». Взвод конников под командованием Саши Ленкина я послал в обход села, и, таким образом, все дороги были перехвачены. На выходах поставили посты. Из села никто не мог выйти. Это давало мне надежду, что киевская группа, которой мы все же опасались, хотя бы до вечера потеряет наш след. Немцы засекли нас на железной дороге возле станции.

Но после Кодры у противника, видимо, пропала охота ходить по нашим следам лесными дорогами. Значит, можно было на время остановиться в открытом месте. Село Блитча, расположенное на берегу реки Тетерев,— типичное украинское село на Киевщине. Проверив, что все возможные выходы прикрыты конниками, я стал искать квартиру, и тут мое внимание привлекли телефонные столбы, тянувшие по улицам села бесконечную железную проволоку. Проволока эта привела меня к площади, в центре которой был красивый домик под черепицей; в селах Киевщины в таких домиках обычно помещаются сельсоветы и правления колхозов. К этому-то дому и шел телефонный провод. Сейчас здесь была сельская управа. Кинув повод на столбик «ганочка», я вошел в дом. Близ стола висел телефон, похожий на старинные стенные часы с боем. Деревянное коричневое сооружение с блестящей ручкой, огромной черной трубкой и зеленым шнурком. Конники и квартирьеры уже успели перевернуть в управе все вверх дном. Со стены глядела фигура Гитлера; узнать его можно было лишь по прическе — шутники уже выкололи ему глаза и подмалевали бакенбарды. На полу валялись бумаги и дела управы. Все было в хаотическом беспорядке. Один только

телефон был на месте и в полной исправности. Рядом с ним, как охотничий лягаш на стойке, сидел на табуретке Михаил Кузьмич Семенистый и никого не подпускал к аппарату. Видимо, ему до сих пор памятна была дедова «прочуханка» за новогодний разговор с давид-городковским гестапо.

— Товарищ подполковник! Никого не допускаю. Что прикажете с ним делать?

Я остановился перед сооружением, соображая, нельзя ли как-нибудь использовать этот предмет культуры.

В коробке заурчали звонки.

— О, опять звонит,— с детской наивностью проговорил Семенистый.— Вы сразу не снимайте. Я уже слухав. Там всякие разговоры идут из району. А только когда шесть раз дзенкнет, тогда будет нас вызывать: «Блитча, Блитча...» Только я не отзывался.

— А говорил что-нибудь?

— Не, я ж понимаю теперь это дело. Я вон трубку платком носовым замотал, щоб не засмеяться. Я только слухал все. От комедия...

— Так, говоришь, Блитча — шесть звонков?

— Ага! Как шесть звонков, так сразу кричит: «Блитча, Блитча...» А пять — Леоновка. Только Леоновка отвечает, а я молчу.

— А что отвечает Леоновка?

— Он говорит: «Леоновка, выслали сметану в район? Вахмайстр требовал двойную порцию». Готовят бал какой-то. Будут на мосту бал справлять со сметаной.

— На мосту? Бал со сметаной? Ты чего-то привираешь, Кузьмич?

— Ей-бо! Так и говорили! Это первый раз. А другой — все спрашивали Леоновку, почему Блитча не отвечает.

Больше ничего я не добился от Михаила Кузьмича. Но из его рассказа я понял, что на одном проводе есть несколько аппаратов, и это дает возможность слушать все разговоры, во всяком случае до тех пор, пока в районном центре Иванкове, находившемся от нас километрах в десяти-двенадцати, еще не знают о нашем пребывании здесь. А это не так уж плохо для нового вида получения разведданных. Я понял также, что поспать уже не удастся, а надо вооружаться терпением и сидеть энное количество времени с телефонной трубкой и слушать. Неизвестно почему я вспомнил Крылова:

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно...

и, прикрыв для верности еще ладонью трубку, обмотанную тряпкой, и цыкнув на возившихся конников и связных, отпу-

стил кивком Семенистого. Хлопцы поняли и на цыпочках, по одному, вышли из немецкой управы, бывшей конторы колхоза, а в настоящее время помещения 2-го отдела штаба Ковпака.

Через несколько мгновений деревянная бандура опять нежно заурчала, и я услышал грузный низкий голос, хрипевший в мембране:

— Блитча, Блитча! Та слухай, Блитча. От бисовы диты, знов самогонку пьють. Скильки раз наказував хоч виконавця оставляйте коло телефону... А тут...

И снова заурчала нежно коробка. Я считал: раз, два... Пять звонков.

— Леоновка, Леоновка? Що там Блитча не видповидае?

— Не знаю,— отвечала Леоновка сонным фальцетом.

— А сметану послали?

— Я ж говорыв, послалы.

— Ну, посылай ще!..

Похоже было, что обладатель баска собирался утопить в сметане весь районный центр во главе с вахмайстром жандармерии. Через несколько минут телефон зазвонил снова. Разговор шел о всяких хозяйственных мелочах. И если бы не часто упоминаемая высокая персона вахмайстра, можно было бы подумать, что никакой войны нет и не было, а мы слушаем нудную телефонную болтовню райзо с периферией в передышках между двумя текущими кампаниями, когда начальники звонят своим подчиненным только со скуки и по мелочам.

Я уже стал подремывать у трубки, как вдруг в обычные сонные разговоры вплелась нотка тревоги.

— Блитча, Блитча!.. От чорт! Леоновка... А ну, срочно коменданта полиции к телефону. Вахмайстр буде говорить.

«Ага,— отметил я про себя первое полезное разведданное, полученное при помощи этой бандуры.— Значит, в Леоновке есть полиция. Послушаем еще нежный голосок вахмайстра».

Через несколько минут в трубке послышался голос, пытавшийся подражать немецким интонациям:

— Комендант полицайшафту, дорфу Леоновка, Мазуренко слухае.

К моему удивлению, с ним заговорил женский голосок. Это уже интересно... Ого!..

— Герр Мазуренко, вернулись ли люди из леса?

— Вернулись.

— И что же?

— А ничего. Пишлы по хатам.

Теперь я начинал понимать. Где-то за спиной девичьего голоса зарычала, взвизгивая и подвывая, немецкая речь. Девушка-переводчица после паузы сказала внушительно:

— Герр Мазуренко. Герр вахмайстр говорит, что вы осел!

— Що такое ос-сел?
— Ну, ишак. Кинь такий с вухами.
Молчание. Снова немецкая речь.
Нежный голосок:
— Вахмайстр говорит: немедленно собрать всех людей, прибежавших, слышите, прибежавших из леса...
— А це вирно. Действительно, люди прибиглы. А я и не разошолопав...
— Ай, Мазуренко, Мазуренко! Собрать всех и допросить, что они видели в лесу. Какое войско?
— Войско?
Снова рычит немец.
— Послали, Мазуренко?
— Ни ще!
— Посылайте. А сами не отходите от телефона.
Теперь мне уже не до сна. Базыма, заинтересовавшись моими сообщениями, положил передо мной чистый лист бумаги и всунул в руку карандаш. Я стал записывать.
— Послали?
— Вже. Ну, ище що?
— Слушайте внимательно. Снарядите своего человека и немедленно посылайте в Блитчу. Надо выяснить, что там и почему не отвечает Блитча.
— Добре.
Проходит полчаса. На заставы полетели распоряжения Базымы. Задерживать всех идущих из Леоновки и доставлять в штаб.
По линии прекратились всякие сельскохозяйственные разговоры.
— Леоновка. Послали?
— Послав.
— Кого?
— Кривого Микиту.
— Верхом?
— Не-е...
— На подводе?
— Не-е...
— А как же? — нервничает девица-вахмайстр.
— Пишки...
Не кладя трубку, она переводит это по-немецки. И сразу же в трубку несется оглушительная немецкая ругань. Я успеваю передать трубку Ковпаку, Базыме, Войцеховичу, стоявшим за моей спиной и до сих пор следившим за моим карандашом, протоколировавшим на бумаге разговор. Сейчас дело принимает веселый оборот.
— Молодец Михаил Кузьмич,— говорит Ковпак.

— Почему? — спрашивает Базыма.

— А що захватив в плеи оцю баидуру,— отвечает комаидир.

Семеистый, торжествуя, вытягивается, и глазеики его смеются.

Сиова иачииает говорить переводчица. Из ответов я точио устанавливаю все приметы Кривого Микиты: он чериоусый, на левой иоге деревяшка, за поясом топор, в шапке; и Семеистый летит иа заставу сообщить приметы.

Часа через полтора в штаб приводят Кривого Микиту. Все приметы сходятся.

— Здоров, Мыкыта,— говорит ему Ковпак, как старому зиакомому.

Тот с иедоумением смотрит иа нас всех.

И тогда Ковпак, наслаждаясь, продолжает:

— Ну, Мыкыта, пидийди сюда. Расскажи, куда тебе Мазуреико, комеидаит полиции Мазуреико, посылав. В Блитчу? А чого посылав? В розвидку? Вийшов ты из Леоиовки и думаешь, пиду я, все узиаю, а потом иазад вериусь. А того не думав, що ты ще з Леоиовки ие выйшов, як мы все чисто зиалы,— даже якой у тебя ноги иема.

Микита смотрит иа Ковпака и молча плюхается иа пол.

— Не погубите, паие товарищу, чи хто вы будете...

— В комендаитскую,— машет плетью Ковпак.

Через час Иваиково требует послать иовую разведку. Теперь идет жеищииа. Затем верховой. К коицу дня пять послаиных в разведку сидят у иас.

Под вечер мы узиаем, что в Иваиково из Киева прибыли мотоциклисты и одиа машииа.

Вот ои, Киев! Я поручаю свой пост у трубки Тартаковскому, а мы удаляемся с Базымой иа квартиру комаидира. Надо обсудить создавшееся положеиие. Надо приготовиться иа завтра к бою. Уже видны щупальцы киевской группировки. Теперь мы спокойиы. Все иачииает проясияться. А раз есть ясиость, все будет хорошо. «Ведь иедаром Ковпак и Рудиев маракуют о иашей жизии»,— сказал бы Колька Мудрый.

Ои лежит сейчас в братской могиле иа площади в Блитче вместе с Володей Шишовым.

А в штабе его комаидиры маракуют о жизии живых, зиая, что чем лучше будет продумаи завтрашний день, тем меиьше прольется иашей, а больше вражеской крови.

Величайшая экоиомия людей — вот почему ие спим мы в эту иочь. Бодрствуют разведчики, под покровом иочи рыскающие под Иванковом, Леоиовкой, иа шоссейках, ведущих к Киеву. Бодрствует Миша у телефоиа-баидуры, исписывая стопку бумаги болтовией бестолковых райоиных воротил.

В районе тревога. Воротилы что-то знают, но еще нет у них ничего определенного. Знают, что не отвечает Блитча, знают, что в иванковские леса прорвалась большая группа партизан. У страха глаза велики. В Иванкове паника. Пусть паникуют. Руднев решает: дать бой киевской группировке под Блитчей. Но для этого надо раздробить эту группировку на части. В сторону Киева высылаются роты с минерами: под Дымер, Дарницу и Бровары.

Главная задача — подорвать железнодорожный мост через Тетерев. Рвет Кульбака и приданные роты. Общее командование поручается Павловскому, комиссаром — Панин. Это важная задача, но меня сейчас больше интересует Киев.

Роты первого батальона участвовали в кодринском бою, брали железку и мост, второй батальон Кульбаки тоже дрался в эти дни. Вся оборона Блитчи поручена третьему и четвертому батальонам. А так как третий батальон обороняется от Иванкова, то пусть он и жжет мост, тот самый, в честь постройки которого иванковским властям понадобилось столько сметаны.

Командир третьего батальона (Шалыгинского партизанского отряда), бывший предколхоза, потом секретарь райкома, Федот Данилович Матющенко, приходит в штаб ругаться. Ему уже известно, что мост построен из свежего лесоматериала, который не горит, что длина его 148 погонных метров.

Федот Данилович просит помочь зажигательными средствами, а еще лучше толом. Но Ковпак в последние дни стал скуп на взрывчатку. Давно нет самолетов, а впереди, видимо, много работы.

— Соломкою, соломкою, Матющенко,— поучает он комбата-три.

— Сам знаю, що соломкою. А як не загориться?

— Ну, дам тебе еще три десятка термитных шаров.

— Так вони не запалюють дерево.

— Ну, солому подпалишь!

— Це я можу и серником и катюшею.

Матющенко кончил Институт имени Артема. Ему нечего объяснять горючие качества соломы. Но они долго рассуждают на эту тему, пытаясь переспорить друг друга, а Руднев и Базыма, улыбаясь, слушают затянувшийся диспут.

— Ну, дай ему еще один ящик взрывчатки, Сидор Артемович!

Дед сердито сопит:

— Добре. Дам ящик. Кажи спасибо комиссару. Ни за що сам не дав бы.

Матющенко — человек с военной смекалкой и суворовским умением. Как все, кто впервые столкнулся с военным делом

только в боях, не умеет козырять, не имеет выправки и бравого вида. Но зато он понимает противника, знает своего солдата и умеет воевать.

Выторговав тол, он довольно ворчит и собирается уходить. Тут я только вспоминаю, что до сих пор мы возим с собой немецкий кинофильм, изрядно надоевший нам. Я передаю его Федоту Даниловичу, обещая ему, что он будет гореть лучше термитных шаров.

28

В этот же день насмешил нас всех Бережной. Я послал его во главе усиленного взвода разведки по нашему следу. Поставил ему задачу дойти до Кодры или до соприкосновения с противником и получить полные данные о коростеньской и житомирской группировках. Приказал посылать с дороги донесения связными. Первое донесение пришло с переезда, где мы громили эльзасцев. Бережной сообщил данные об охране, о количестве эшелонов, идущих в обоих направлениях, а также и то, что к вечеру он форсирует дорогу и за ночь пройдет до минного поля, заминирует дорогу и обратно.

В конце донесения была приписка:

— «Еще имею честь донести, что разбитые части пятого батальона (до одного эскадрона) под испытанным командованием быка Васьки, преодолевая препятствия и трудности, движутся в направлении дислокации в/ч. Есть полная уверенность, что к утру прибудут и вступят в строй. Ходатайствую о представлении к награде».

— В чем дело? Какой еще бык Васька? — недовольно сказал начштаба.— Это ты, дед-бородед, свои коды разводишь? Какие, кому награды?

Я долго вертел донесение, пока понял, что никакого кода тут нет. Вспомнив коров, которые разбрелись по минному полю и были оставлены нами на произвол судьбы, и вспомнив, что стадо мы в шутку звали пятым батальоном, я расхохотался.

Базыма плюнул и отвернулся.

Когда в штаб зашел Павловский, мы выяснили, что в числе отставших и, как мы считали, погибших рогатых был и бык Васька, необычайно умное и выносливое животное с маленькими злыми глазками. Он умел отличить своих постоянных скотогонов от штрафников, последних он не жаловал, видимо считая их гастролерами, и пытался чужака поддеть рогом. Павловского он любил, может, потому, что стоило помпохозу появиться на постое возле стада, как скотогоны тащили сено, солому или шумно гнали коров на водопой. Бык узнавал каким-то своим бычьим умом главного хозяина и, ласково мыча,

подходил к нему, хлопая себя по спине хвостом, и наклонял красную голову, как бы грозясь боднуть. Но Павловский говорил ласково: «Васька, дурный, Васька!» Тогда бык опускался на одно колено, подставляя голову, которую помпохоз почесывал между рогов, одновременно ругая скотогонов за разные погрешности. Когда он не замечал быка, тот сам подходил к хозяину и одним рогом поддевал его под пояс или почесывал ему спину, напрашиваясь на ласку, пока не услышит знакомое: «Васька, дурный, от дурный...»

Я показал помпохозу донесение Бережного.

— А що, я не казав? Васька выведе! Як только сам на мину не нарветься, то выведе...

Действительно, ночью со стороны леса показались коровы. Часовой, увидев движущуюся по дороге массу, выстрелил, и если бы не рев Васьки, дело кончилось бы плачевно для уцелевших от мин рогатых.

Вернувшийся на другой день Бережной рассказал, что накануне он встретил около сотни коров, шедших по следу колонны. Впереди шел Васька, принюхиваясь к дороге и вытягивая вперед голову, ласково помыкивая на послушно шедшее за ним стадо. Он-то и привел стадо в Блитчу.

Это событие дало нам возможность разрешить одну небольшую проблему, с некоторых пор беспокоившую Руднева.

Дело было в том, что многие партизаны у нас ходили в немецкой одежде, и к ней в отряде выработалось определенное отношение. Но некоторые лихие хлопцы стали перегибать. Уже можно было встретить ребят, у которых вместе с мундиром оставались погоны, отличия и награды. Это было форсом ненужным и немного рискованным. Конечно, можно было запретить носить все эти побрякушки приказом сверху, но Руднев не хотел — ждал удобного случая.

Он-то и подвернулся. Утром мы собрались в штабе и еще раз, смеясь, перечитывали донесение Бережного: «...Есть полная уверенность, что к утру прибудут и вступят в строй. Ходатайствую о представлении к награде...»

— Придется награждать,— вытирая выступившие от смеха слезы, говорил Базыма.

Комиссар тоже хохотал, а затем вдруг призадумался, а потом крикнул:

— Дежурный!

Дежурный явился из соседней комнаты.

— Собрать все гитлеровские награды, кресты, медали...

— Да их в комендантской целый ящик,— сказал Тутученко.

Руднев выразительно посмотрел на него, и тот умолк.

— Исполняйте!

Через полчаса дежурный притащил полные карманы фашистских крестов и медалей. Их нанизали на длинную ленту и вручили Павловскому, который тут же нацепил их на шею своему любимцу.

Связные мальчишки не замедлили разнести по ротам весть о награждении Васьки, и в полдень на площади собралось много партизан, которые покатывались со смеху, указывая пальцем на быка. А он, важно потряхивая звеневшими орденами, шествовал впереди «пятого батальона» к реке. Смеху было много, а главное, больше никому из молодых партизан и в голову не приходило напяливать на себя вражеские ордена.

Следующие несколько дней пребывания в Блитче были полны событиями самыми разнообразными: военными, стратегическими и тактическими; разведывательными, диверсионными, поимкой шпионов; комическими и уморительно-драматическими.

Несмотря на то, что немцы два раза предпринимали наступление на нас, что шли бои и лилась кровь, все же Блитча у большинства из нас осталась в памяти как что-то свежее, веселое и радостное. Может, потому, что это была настоящая Украина, а может, потому, что в эти дни полностью вступила в свои права пришвинская весна воды. Просыхала земля, запахло почками и пахотой, дни стояли солнечные, с юга дул легкий сухой ветер. На второй день вскрылась река, и по Тетереву пошел лед.

Мы с Коробовым разместились в хорошей хате под черепицей, на самом берегу обрыва, под которым шуршали и оглушительно лопались льдины. К концу дня по реке шло уже мелкое крошево. В первую ночь Ковпак и Руднев пошли на большой риск. Большая часть боевых рот была разослана на задания. Прикрывать обоз, штаб и санчасть оставалось очень мало сил. В эту ночь одновременно рвали мосты: железнодорожный — Павловский и Кульбака, иванковский — Матющенко, дымерский — Пятышкин. И во все стороны были посланы разведки. Антон Петрович Землянко переправился на северный берег Тетерева и рыскал вдоль побережья. Бережной ушел по нашему следу на Кодру, проверить, нет ли преследования. Если бы немцы подтянулись на следующий день и повели наступление, нам пришлось бы несладко. Большая часть боевых сил в расходе, наличных нехватило бы, чтобы занять оборону вокруг села, а сзади — вскрывшаяся река. Но обычно осторожный Ковпак шел на этот риск, верно рассчитав, что одновременный удар в радиусе свыше ста километров собьет противника с толку. Он ошибся в одном: немцы все же нащупали нас в Блитче, но позже, а самый рискованный день мы провели относительно спокойно.

К вечеру стали возвращаться боевые роты. Первым — Матющенко, он дотла сжег вновь построенный иванковский мост и разогнал собравшихся на банкет строителей. Ночью вернулся Павловский, тоже с удачей. Важная магистраль Киев — Ковель была перерезана. Правда, батальон Кульбаки, стоявший заслоном со стороны Киева, сильно потрепали подоспевшие немецкие части, но мост все же взлетел на воздух.

Но уходить Ковпак не торопился — не вернулся еще Пятышкин, он оперировал под самым Киевом.

На третий день пришлось принимать бой. На этот раз основной удар немцы нанесли по батальону Матющенко. Он принял удар в обороне, а затем погнал гитлеровцев и прижал их к реке. Пришлось им купаться. Из Блитчи с нами ушло много жителей. Из них мы в дальнейшем составили саперное отделение. Это имело свой резон, потому что в Блитче жили потомственные сплавщики и боцманы, гонявшие плоты по Тетереву и Днепру. Уже после войны я встречался с ними, и они рассказывали, что все лето хлопцы-пастушки находили в прибрежных кустах и песчаных островках, поросших верболозом, вымоченные и высушенные трупы немцев, застрявшие в половодье в ветвях. Когда вода сошла, они так и остались висеть на деревьях и кустах, словно какие-то чудовищные, уродливые плоды, взращенные войной.

Днем светило солнце, ночью играли звезды, перед утром прихватывал весенний игривый морозец. Играли гармошки, и всю ночь раздавались голоса, песни и хихиканье девчат. Весна брала свое.

Мы в штабе не придавали особенного значения боевым действиям Матющенко и лишь на следующее утро выяснили, какой опасности подвергались мы, если бы Матющенко дрогнул и нам пришлось бы отступать через Тетерев. На северном берегу перед Блитчей есть большая — до километра в ширину — пойма реки, примыкающая к лесу. Ночью из Иванкова возвращалась группа разведчиков Матющенко, посланная туда два дня назад. Хлопцы ушли по льду, а обратно возвращались уже, когда тронулся лед. Моста тоже не было. Поэтому они вышли к лесу напротив Блитчи, надеясь пробраться к реке у села и там как-нибудь переправиться. Подошли они к реке на рассвете и рассчитывали, что из села им удастся вызвать лодку. Хозяин нашего дома принял партизан за немцев, и в тумане я увидел приближающуюся к селу цепочку людей. На всякий случай мы выставили пулеметы, но огонь открывать приказал я лишь тогда, когда «враги» подойдут к берегу реки. Пока они путались по пойме, обходя вымоины, полные талой воды, уже совсем рассвело, и хлопцы, лежавшие за станкачами, узнали своих. Хозяин мой был сконфужен ошиб-

кой не менее меня. Разведка принесла известия о том, что вчера большая группа немцев расположилась в обороне по опушке леса, ожидая, видимо, что наступавшие с юга части погонят нас через реку на лес. Туто пришлось бы нам, если бы нас прижали к реке. Разведчики привели с собой пленного. Он оказался полицаем, но группу немцев он тоже видел. Я только начал допрос, как в хату вошел Ковпак. Мне было неловко перед командиром, что я поддался панике, но когда Ковпак услыхал о вчерашней засаде, он сразу стал серьезным и кивнул мне:

— Це добре, що ти станкачи на берегу поставив. Треба добавить.

Я ободрился.

Дед сам начал допрашивать полицая. Тот все вопросы понимал по-своему, много раз повторяя, как его силой записали в полицию, и тянул обычную жалобную канитель, которую всегда разводят нашкодившие, безвольные люди, попавшиеся с поличным.

— Ты не переживания свои рассказуй, а кажи, скильки нимцив в лиси и що воны роблять! — проговорил Ковпак, пригрозив плеткой полицаю. Тот стал говорить ясно и вразумительно.

Немцев, видимо, было до батальона. Сегодня они предприняли наступление с севера. Наступление это выглядело смешно. Немцы шли по открытому месту, да еще вдобавок наш берег командовал над их берегом. То ли батальон не имел связи с наступающими с юга частями, то ли немцы не знали, что тронулась река, но они были видны нам, как на ладони. Мы легко погнали их. Со стороны Матющенко они вновь пытались наступать, но не особенно активно. Видимо, новые части знали, какая участь постигла их предшественников вчера, и не лезли на рожон, предпочитая постреливать из пулеметов с далекой дистанции, да наудачу кидали в село по одной-две мины.

В Блитче мы простояли несколько дней. Тут нас догнал отряд Могилы, который на время присоединился к нам. Держалась ясная, солнечная погода, из земли полезли зеленые побеги, на деревьях набухали почки. Уверенность в успехе операции не покидала Ковпака и Руднева.

Ковпак собрал блитченских лоцманов и сплавщиков и спросил:

— За сколько часов можете построить мост через реку?

Плотный, круглолицый Яковенко ответил вопросом:

— А що возить?

— Подводы, пушки. . .

— А танки будут? — деловито осведомился Яковенко.

— Танки? — серьезно переспросил Ковпак, затем, подморгнув мне, ответил лоцманам: — Танки пойдуть у другому мисци.

— Ага, ну так за пять часов.

— Гляди не промахнись. У нас за такие ошибки по... дают.

— Понятно.

Все мужики были посланы на берег, где еще с мирного времени лежали заготовленные для сплава комли сосен. Из них дружно принялись вязать плот длиною в семьдесят пять метров. К вечеру мост был готов. Еще не спустились сумерки, как мы начали переправу. Форсировав Тетерев, взяли курс на север, уходя от Киева в овручские леса. С нами шел отряд Могилы, названный отдельной ротой. Лишь подпольщица Маруся, пройдя с нашей колонной три километра, свернула по лесной дороге вправо. Она шла по заданию Ковпака и Могилы в Иванков на связь с подпольщиками, имевшими в Киеве свои явочные квартиры и подпольный центр. Я проехал по дороге верхом с ней рядом несколько минут, а затем остановил коня.

— А знаете, Маруся, не окажись тогда мин, я бы застрелил вас как провокатора.

Она положила руку на шею лошади.

— Знаю...

— Не страшно?

— Нет. Я ведь знаю, что рано или поздно, а погибать на таком деле нужно.

— Почему же погибать?

Не ответив на мой вопрос, она задумчиво продолжала:

— Не хотелось бы только, чтобы от своих. Уж пусть лучше от вражеской пули... Прощайте...

И пожав мне руку, быстро пошла по лесной просеке.

Я поглядел ей вслед еще несколько мгновений, потом, повернув коня, пустил его в галоп вдогонку уходившей колонне.

29

После Блитчи мы несколько дней двигались на север. Форсировали реку Уж, оправдывающую свое название. Протекает она по совершенно ровной местности в крутых берегах, и, если б не сплошные извилины, в которых клокочет весенняя вода, ее можно было бы принять за канал, вырытый руками человека. Это была северная часть Киевщины, песчаная, покрытая невысокими дюнами. Они уже не пересыпались ветрами, а заросли мелким ельником и лишаями колючих трав, растущих на песке. Кое-где попадались болота и рощи. Ни больших рек, ни важных дорог, за исключением забытого

шляха, идущего из Чернигова на Овруч, Ельск, Мозырь. Единственная железная дорога, связывающая эти города, не работала — мосты через Днепр и Припять были взорваны еще в начале войны.

На подходах к Ужу, ведя разведку, я все чаще слышал от местных старожилов название — «Толстый Лес». После встречи с отрядом Могилы я по заданию Руднева включил в общий круг вопросов, которые нужно было выяснить, еще один: действуют ли в этих краях какие-либо партизаны? И почти все опрошенные жители отвечали:

— О там, за Шепеличами, есть Толстый Лес, там, слышно, есть партизаны.

И это вполне понятно. Где лес, да еще и «толстый», там должны быть партизаны. Лишь позже я узнал, что название «Толстый Лес» носило село, стоящее посреди чистого поля. Рядом с ним раскинулись села Тонкий Лес, Долгий Лес и еще много других.

Правда, недалеко от Толстого и Тонкого Лесов начинались действительно дремучие леса, идущие на север и восток от Припяти, Мозыря и Барановичей. Мы дошли до этих мест в конце марта. Расположившись лагерем на южной окраине лесов, заняли окружающие села. Павловский, рвавшийся в бой, выпросил у командования три роты на «хозяйственную операцию» и налетом на райцентр Большие Шепеличи захватил склады муки, овса, табаку, соли.

Наступала весна травы и леса.

Погода становилась все лучше, и мы иногда останавливались на дневные стоянки не в селах, а в лесу. Как-то на дневке я, бродя вокруг лагеря, вышел на небольшую лесную поляну. В низинах еще держался снег, а на песчаных буграх было уже сухо, кое-где проглядывала зеленая трава.

Чувство неудовлетворения не покидало меня за последние дни. Вдали, как пчелиный рой, гудел голосами лагерь. Приглушенные лесом песни были особенно стройны и печально-мелодичны. Я перешел на другую сторону поляны, и звуки стали затихать. А затем слева от меня послышался треск сучьев и громкий голос Володи Зеболова. Он, как всегда, оставшись наедине, читал стихи. Через несколько минут на поляну вышел Руднев. Он ходил некоторое время по поляне нервной походкой, покручивая ус, потом, привлеченный голосом Зеболова, подошел к нему. Володя не замечал его и, яростно жестикулируя своими культышками, выкрикивал:

Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря!

— О чем шумишь, ярый враг воды сырой? — спросил комиссар, подходя к нему.
Зеболов улыбнулся.
— Да так, о жизни, товарищ комиссар. Сколько мужчин в Советском Союзе?
— Много, Володя, много...
— Я вот и думаю, что если бы каждый здоровый мужик убил одного немца...
— Как, сразу, в один день,— засмеялся комиссар.
— Ну, не в один день, но все же в ближайшее время.
— А кто снаряды будет делать, патроны?
Володя молчал.
— Знаешь, дружище, французы подсчитали еще в прошлую войну, что на каждого солдата, лежащего в окопах, работают восемьдесят два человека.
— Восемьдесят два? — удивленно спросил безрукий солдат.
Комиссар сел рядом с ним и положил ему руку на колено.
— Так-то, брат. А мужчин без малого сто миллионов, отбрось стариков и детей, затем делающих снаряды и патроны...
— Это я все понимаю, но все-таки что было бы, если бы каждый здоровый мужчина убил немца, одного немца. Ну хотя бы из тех, кто не делает ни снарядов, ни патронов?
— Да пожалей же хоть немцев, кровожадный ты человек. Если бы каждый убил немца, война кончилась бы на другой же день.
— Вот видите.
Они помолчали. Затем Руднев, смахнув набежавшую тень тоски, в последние дни часто омрачавшей его красивое лицо, повернулся к Володе:
— Что легче — воевать или переживать войну в тылу?
— Смотря кому...
— Ну, допустим, человеку честному и не трусу...
— Не знаю...
— А мне кажется, что во время войны для человека самое легкое дело быть на фронте...
— Ну да? — криво усмехнулся Володя.
Руднев, казалось, не слышал его и продолжал:
— От войны страдают больше всего: из вещей — стекла, из животных — лошади, а из людей — женщины и труженики тыла. Да, вот эти восемьдесят два человека, работающие на каждого из нас... Мать, у которой трое-пятеро детей голодают, а она с утра до ночи делает тебе патроны, хлеб, гимнастерку,— это герой, перед которым ты должен стать на колени, Володя... И ничем, никаким своим военным героизмом ты не поднимешься выше ее... В чем наш военный подвиг? Научиться не бояться смерти, привыкнуть к мысли о том, что

тебя могут убить, уметь перенести боль, боль ранения — вот ты и герой. Душа у тебя чиста. Ты воин — защитник родины, на тебя вся страна смотрит, на тебя делают патроны, на тебя работают ученые, за тебя молятся старушки...

— Нужны мне их молитвы...

— Нужны или нет, а это так... Эх, если бы можно было никогда не воевать, не содержать этих дорого стоящих армий и не тратить золото на награды героям... И чтобы самые храбрые люди были эпроновцы и... милиционеры.

Володя угрюмо молчал.

— Или если бы можно было воевать без этого чувства долга перед тылом, который все отдает тебе, последний кусок хлеба, железа и тяжелый, изнурительный труд. Не будь этого, я согласен воевать хоть всю жизнь. Война — если только эта война справедливая — закаляет характер, соскабливает грязь себялюбия, обмана и угодничества, вырабатывает волю, учит ценить жизнь.

— Ценить жизнь?..

Володя вскочил с пенька, изумленно глядя на комиссара.

— Да, да только то, что можно потерять каждый миг, становится бесценным... Да, можно было бы воевать всю жизнь, если бы не это неловкое чувство перед теми восемьюдесятью человеками, за счет которых ты чувствуешь себя героем... Чувство долга́ и до́лга...

— Как это долга́ и до́лга?

— Ну, долга́, вины то есть. Я все время как бы виноват перед ними...

— Вы виноваты, товарищ комиссар! Семен Васильевич! Да бросьте вы меня разыгрывать...

У Зеболова на глазах блестели слезы.

— Нет, я не разыгрываю тебя, Володя, милый ты мой солдат...— тихо и печально сказал Руднев. Он стоял, опершись плечом о ствол старой сосны, перед безруким автоматчиком.

Я тихо отошел в сторону. Было неловко за мое невольное подслушивание, радостно, что я слышал этот разговор. И я подумал: «Вот какими должны быть те, у кого в руках тысячи человеческих жизней...»

30

На второй день стоянки недалеко от Долгого Леса я нашел большой выгон, пригодный для посадочной площадки. Песчаная почва уже успела подсохнуть, грунт был твердый. Смущало меня одно обстоятельство: рядом с выгоном были карьеры, где добывали камень. Они представляли собою глубокие ямы, выбитые динамитом. Зазевайся летчик и посади

самолет не точно в указанном кострами месте — от машины не собрать и винтиков. Ковпак, как всегда решительный в таких случаях, приказал подготовлять площадку, а сам дал радиограмму с координатами. Все же, опасаясь соседства карьеров, я собрал все имевшиеся электрофонари с красными и зелеными шторками и расставил по краям поля сигнальщиков, указывающих дополнительно границы посадочной площадки. Была она немного поката в одну сторону, немного тесновата, но в общем хороша.

В первый вечер мы не слишком надеялись на прибытие самолетов, но все же для очистки совести зажгли костры, так через часок после наступления темноты. Дежурила шестая рота, натренированная в этом деле. Не успели еще завязаться бесконечные разговоры у костров, как мы услышали рокот моторов.

— Не может быть, чтобы в первую ночь, да еще так рано! — заметил комроты майор Дегтев.

— Немец проходящий,— сказал Деянов, позевывая.

— Вот он тебе, проходя, сбросит полтонку,— с тревогой сказал кто-то из темноты.

— Ага,— шептал Деянов, задирая голову к звездам и напрягая слух.— Разворачивается.

От костров стали одна за другой отделяться фигуры и исчезать в темноте.

Бойцы шестой, не особенно боевой роты уже не раз получали бомбовые гостинцы во время своих бесконечных дежурств.

В небе машина делала круг над нами, заходя где-то над лесом и снижаясь.

— Гасить костры! — скомандовал майор Дегтев.

Но у костров уже почти никого не было. Один-два смельчака попытались выполнить команду, однако огромные поленья еще ярче вспыхивали оттого, что их шевелили, а вверх летели искры.

Самолет шел прямо на костры, резко снижаясь, почти пикируя.

«Почему так тихо?» — думал я, готовый броситься в карьеры, где было меньше шансов угодить под осколки. И вдруг, сразу выключив мотор и включив две фары, машина пошла на костры. Теперь ясно: это «дуглас»! Сейчас он, как обычно, пройдет на бреющем над кострами и осмотрит площадку, а пока будет делать заход, я успею собрать разбежавшихся людей.

«Надо осветить карьеры и выпустить две белые ракеты». Я заорал: «Все по местам!» — и выбежал на поле в тот момент, когда машина подходила к первому костру.

Вдруг сразу за костром «дуглас» подпрыгнул раз — сильно, другой — меньше, тормозя; взревели моторы. Пока я стоял в недоумении, машина уже бежала прямо на меня, замедляя ход. Не успели найти красную ракету, чтоб предупредить (это все равно было бы поздно), как самолет затормозил метрах в двадцати от меня и, постояв несколько секунд, деловито стал разворачиваться в сторону крайнего костра, освобождая посадочную площадку.

— Лунц, щоб я вмер, Лунц! — услышал я сзади восторженный голос Ковпака. Дед лежал на земле, подстелив свою мадьярскую шубу. Я его не заметил.

— Да, похоже,— и я подбежал к самолету.

Выключив моторы, из кабины стали вылезать люди в меховых комбинезонах. Среди них был действительно Лунц.

Когда улеглось первое волнение, были произнесены первые слова приветствий, Ковпак крепко потряс руку Луицу, а затем отвел его в сторону, очевидно желая, чтобы не слышали его подчиненные.

— Сам садыв машину?

— Сам.

— А чого не раздывывся?

— А что?

— Все летчики первый раз раздывляются, а потом...

— А что там увидишь? Это так, для очистки совести...

— А що, хиба летчик свою смерть николы ие бачыть?..

— Правильно. А кроме того, у нас с вами уговор: если вы даете радиограмму, значит машину садить можно...

Ковпак молчал. К ним подошел Руднев.

— Семен Васильевич, от товарищ Луиц до иас прилетив...

— Вижу! Хорошо сели, товарищ. Только очень уж неожиданно...

— Доверяю вам. Такой уговор. Все равно ночью садишься вслепую.

— Доверие — большое дело. Надо чувствовать плечо соседа, с которым лежишь в цепи, идешь в атаку...

— Так це ж в пехоти, Семен! А то ж авиация, все равно, що кавалерия або матросня. Так у нас було в ту войну.

— А в эту иначе, товарищ Ковпак,— серьезио ответил Луиц.

«Да, надо чувствовать локоть товарища»,— думал я всегда, вспоминая эту посадку Лунца.

На следующий день немцы повели наступление. То ли их раздразнил Павловский своей «хозяйственной операцией», то ли пронюхали о посадке самолета в степи, но на села, занятые нами, наступало несколько рот, подброшенных на

машинах из Чернобыля и Овруча. Мы дали бой. Нам надо было удержать выгон еще хотя бы на эту ночь. Лунц вчера прилетал в разведку, на сегодня нам обещали три машины с посадкой. Это значило, что человек пятьдесят раненых полетят на Большую землю. Правда, в результате этого боя мы имели еще на одну машину раненых, но площадку удержали.

Последней машиной улетел в Москву Коробов. Мне было жаль расставаться с этим смелым корреспондентом. Но я понимал, что больше ему у нас делать нечего... Какая корысть, если он сломит у нас шею? Может быть, многие из нас погибнут, а он расскажет о нас.

— Будь здоров, Леша!

— Ты что печален, Петрович? — участливо спрашивал он.

— Да так...

— В Москву хочется?

— Конечно. Но я не об этом...

— Ну, брось, все будет в порядке.

— Письмо передай.

— Завтра утром буду у твоих, поцелую Женьку...

Вдалеке в звездное небо взлетали трассы пулеметных очередей. Это перестреливались немецкое оцепление и наша оборона.

— Как думаешь, сможет Лунц набрать высоту? — спросил я Коробова.

— Нет, конечно. Проскочим на бреющем. Не успеют изготовиться.

Замолчали. Я вспомнил о наших мечтах, о проекте, который вез Коробов в Москву.

Прощаясь у самолета, я пожал ему еще раз руку и отвернулся. На сердце было невесело.

— Да что ты, Петрович?

— Да так, Леша!

Взревели моторы. Корреспондент «Правды» скрылся в люке. Меня ветром отбросило в сторону.

Вздымая пыль, машина Лунца на бреющем ушла на восток.

Еще через минуту небо в той стороне рассекли снопы огненных нитей.

Мы ждали, не услышим ли взрыва и не полыхнет ли в небо огонь.

Трассы потухали, горели звезды, наступила тишина.

— Пролетив,— вздохнул Ковпак. Затем еще раз прислушался и, вывернув руку тыльной стороной, глянул на светящийся циферблат.— Можно снимать оборону.

Во все стороны разлетелись связные с приказом Базымы. Мы уходили в леса.

По всему чувствовалось, что командование считало рейд законченным и подыскивало базу для организации нового аэродрома.

На восток от нас была Припять, на запад — Овруч, железная дорога на Мозырь и бесконечные леса и болота, полностью очищенные от немцев и полиции. На сотни километров вокруг здесь хозяйничали партизаны.

Отряды и соединения Сабурова, Маликова, Бегмы и других вожаков навели там свой порядок. Заканчивающийся сейчас рейд как бы расширял этот край. Соединение Ковпака обошло партизанский район на 150—200 километров дальше внешней окружности партизанской зоны.

Мы проходили по местности, где уже была подготовлена почва для партизанских дел — подпольными организациями и бурлившим в народе сочувствием. В немногих точках нашего пути побывали разведчики и диверсанты осевших в лесах соединений, но они проходили тайком, по ночам. Где-то поближе к матери городов русских, в Дымере или Пуще-Водице, подпольно работали коммунисты и комсомольцы, державшие связь с Могилой. Нити к ним вели через Иванков. Поэтому и пошла в Иванков Маруся, связавшая нас с отрядом Могилы и предупредившая о минных полях.

Из Долгого Леса, в ту же ночь как улетел Лунц, мы форсировали последнюю шоссейку Гомель — Овруч. За шоссейкой уже начиналось Полесье. Шоссе почему-то охранялось: днем патрулировали бронемашины, а в крупных населенных пунктах стояли гарнизоны, иногда до роты. Это показалось мне странным. Шоссе не имело значения, потому что мост через Припять был под корень взорван нашими войсками при отступлении в 1941 году. Никаких попыток наладить мост или понтон со стороны немцев не отмечалось. Шоссе шло от Овруча до Припяти и там, у села Довляды, обрывалось. Оно заросло травой и бурьяном и походило на мостовую в захолустных городках.

Но почему же такая охрана? Непонятно...

Отойдя от шоссе на север километров двенадцать, мы расквартировались в большом селе Мухоеды. Чтобы увериться в безопасности стоянки, провели ближнюю разведку. Сразу же выслал я и дальнюю — на Припять. Хотелось раскрыть, понять причины странного поведения немцев на шоссе. До Овруча разведчики не дошли. Группа вернулась с полдороги, имея двух раненых.

В Довляды был послан Антон Петрович Землянко. Фельдшер по образованию, он не пожелал работать по своей спе-

циальности и был командиром отделения главразведки во взводе лейтенанта Гапоненко. (Вторым отделением у Гапоненко командовал Володя Лапин). Антон Петрович, так звали его в разведке, отличался пытливостью, верным глазом и удивительной молчаливостью. Вначале я пытался получать у него сведения обычным путем, как у всех разведывательных командиров: они являлись ко мне прямо с разведки и докладывали устно все, что удавалось разузнать интересного; я на ходу делал заметки, задавал вопросы. Отдохнув, разведчик писал подробное донесение. Доклады же Антона Петровича как-то не удавались. Он являлся ко мне и упорно молчал. Вначале он производил впечатление человека, не выполнившего задания. Лишь немного привыкнув к нему, я понял, что немногословные его сообщения добывались с бо́льшим трудом и были ценнее, чем болтовня иных словоохотливых разведчиков. Часто случалось так, что хлопцам ничего не удавалось увидеть самим и сведения они получали только у мирных жителей. В таких сведениях мы тоже нуждались, но это были скорее черновые данные для начала разведки, а не те наиболее важные черты портрета врага, узнав которые командир принимает решение. Для этого требовались точность, факты и их понимание. Но что было делать с Антоном Петровичем, когда он просто молчал?

Наконец я нашел к нему подход.

Обычно, возвращаясь из разведки, он распускал у моей квартиры разведчиков по домам, и я слышал его голос: «Зайду. . .» — дальше, очевидно, следовал жест, указывающий, куда зайдет, зачем и на сколько времени. Хлопцы понимали его с полуслова.

Затем фельдшер входил ко мне, становился у порога хаты, вытянувшись и взяв под козырек кепки, произносил: «Явился. . .» и тыкал пальцем на циферблат больших карманных часов «ЗИМ», переделанных на ручные. Это должно было означать: «прибыл в положенный срок». Затем он кашлял — удовлетворенно, смущенно или вопросительно. Это тоже много значило. Я уже привык к этой манере и тоже молча подавал ему чистый лист бумаги. Землянко садился к свету и писал. Рапорт его тоже не походил на обычные рапорты, начинавшиеся словами: «Настоящим доношу, что разведывательное отделение, выполняя ваше задание, достигло и т. д. . .»

Цидула Антона Петровича разделялась на пункты: первым стояло: *видел*. . . и шли сухие факты, цифры, перечисления. И можно было ручаться, что там было написано лишь то, что он видел собственными глазами. А видеть он умел. Второй пункт гласил: *думаю*. . . Это был краткий вывод из всего предыдущего. Если речь шла о передвижении войск, то куда и

откуда, расчет времени; если об оборонительных сооружениях, то об их назначении и т. д. Третий пункт совсем не по форме. Он носил заглавие: *хлопцы говорят*... Вот тут в нескольких фразах укладывались сведения, добытые устным опросом жителей, лесников: эту часть разведки выполняли хлопцы из его отделения (основную часть разведки он всегда вел сам). На обратном пути ему передавали слухи, бабьи сплетни и стариковские мудрые заключения — их тоже обязан знать и понимать разведчик,— а заодно подкармливали его салом, хлебом или огурцами, добытыми в процессе этих собеседований.

Вернувшись из разведки в Довляды, Антон Петрович вошел с обычным докладом.

— Явился... с Припяти,— добавил он. Циферблат сегодня не фигурировал. Отправляя людей в дальнюю разведку, я не ставил точных сроков возвращения, предупреждая лишь, сколько суток могут они пробыть в поисках и куда им следует явиться. На это задание Землянко получил трое суток; вернулся же он на пятые.

— Почему задержался, Антон Петрович? — спросил я, подавая бумагу.

— На тот берег переправлялся.

— Зачем?!

— Узнать. Шоссе... Есть ли там охрана.

— Ну?

— Охраны нет...

— Интересно...

— Очень даже интересно...

— Значит, шоссе охраняется только до реки?

— Точно.

Я, удивленный этим необычным потоком слов, смотрел и ждал, что еще скажет мне Антон Петрович.

— Потом по берегу пошел. Вверх.

— Куда?

— До Юрович...

Я взглянул на карту — до Юрович по прямой было не менее тридцати пяти километров. Да тридцать пять обратно. Теперь понятно, почему Землянко задержался. Я ждал дальнейших объяснений, но словоохотливость его исчезла. Примостившись у лампы, он писал. Я глянул через его плечо.

«Видел,— написал разведчик и, подумав, добавил: — *сам. Немцы моста в Довлядах не строят. Нет даже подвоза леса. Дорогу охраняют сильно. Патрули по шоссе — через каждые два часа. Бронемашина курсирует два раза в день. Пошел по реке вверх. Везде идут работы. Установлены бакены, где остались старые — покрасили. Взяли на учет всех бакенщиков и лоцманов. Выдают им паек — два пуда в месяц».*

— Неужели готовятся к навигации?

Он взглянул на меня и снова склонился над бумагой:

«Думаю. Через неделю начнется навигация на Припяти... и, наверное, на Днепре...»

Через несколько минут, дождавшись, пока Землянко закончил свой немногословный рапорт, я пошел к командованию. Руднев прочел рапорт молча, а затем передал Ковпаку. К моему немалому удивлению, Ковпак сразу же увлекся возможностью разгромить немцев на воде.

Мне было приказано немедленно снарядить контрольные разведки, и пока я выполнял это распоряжение, у командиров уже, видимо, созрел план действий. Я застал Ковпака, Руднева и Базыму за картой. Карта была необычной по масштабу и размерам. Вся Украина, Белоруссия и Польша лежали на столе: бассейны Вислы, Западного Буга, Припяти и Днепра. Внимательно вглядевшись в голубые вены рек, я уловил ход мыслей Руднева и Ковпака и понял до конца, какое открытие сделал Антон Петрович. Мы находились вблизи водной коммуникации, связывающей Вислу с Днепром, Черное море — с Балтийским, Украину — с Польшей и Восточной Пруссией. Давно был построен Днепро-Бугский канал. Смутно вспомнились уроки географии и выветрившиеся из памяти за ненадобностью слова: Королевский канал соединяет Балтийское море с Черным. Это старый водный путь «из Варяг в Греки»... Но сейчас карта ясно говорила нам: с Вислы через Буг до Бреста, а дальше по каналу вдоль реки Пины до Пинска и дальше по Припяти до Днепра могли итти речные пароходы, баржи, флотилии и перевозить грузы, войска, боеприпасы, хлеб. Если сведения Землянко верны — а мы в них почти не сомневались,— гитлеровское командование задумало восстановить эту водную магистраль, способную перевезти сотни тысяч тонн грузов из Германии и Польши на центральный и южный участки фронта. Фронт перешагнул к этому времени через Дон, Донец и подошел к Десне. Своей дугой у Курска он уже упирался в Днепровский бассейн. Ковпак загорелся идеей срыва навигации и фантазировал, как юноша, выдумывая разные варианты. Базыма вымерял на карте расстояния, прикидывал ширину реки и высоту берегов.

Через три дня вернулись разведчики, подтвердившие сведения Антона Петровича, и мы стали готовиться к движению на восток. Решено было перейти через Припять и бить врага с левого, более высокого берега реки.

Накануне выхода из Мухоед пришло известие от связных Могилы о гибели в иванковском гестапо нашей подпольщицы Маруси. Ее выдали предатели, когда она уже выполнила свое задание и выходила из города, держа путь на Толстый Лес.

Она пробыла в застенке два дня, а на третий ее повесили на площади. Связной рассказывал, что привели ее истерзанную на площадь, куда были согнаны жители. Она еле шла. Лицо, руки в синяках и крови. Одежда изорвана в клочья. Сверху был накинут мешок с прорезью для шеи, покрывавший худое тело женщины. На мешке тоже были кровавые пятна. Она двигалась с трудом, но когда ее вывели и поставили на машину, женщина, взявшись рукой за петлю, крикнула: «Да здравствуют партизаны! Смерть немецким оккупантам!» — и сама надела петлю на шею. Мы были уверены, что она не выдала товарищей, хотя никто не знал, что происходило в застенках гестапо.

А вероятно, это было так. Ее били, мучили, истязали, но она молчала. Какую силу воли, какой героизм проявила эта женщина, мать и простой человек, знают лишь застенки гестапо. Она осталась в моей памяти как сестра и мать Черемушкиных, Семенистых, Мудрых и Шишовых...

Женщине вообще не полагается быть солдатом, и на судьбах женщин-солдат особенно ярко видно наше моральное превосходство над врагом.

В Мухоедах пришла к нам в отряд еще одна женщина. Звали ее Александра Карповна. Я увидел ее в первый раз во взводе Гапоненко. Зайдя как-то к разведчикам, я обратил внимание на чистоту в хате. Посидев немного, заметил, что наши ребята вели себя удивительно чинно. За столом сидели Гапоненко, Зеболов, Землянко и читали.

Когда я, поговорив с ними, вышел вместе с Зеболовым из избы, он спросил:

— Видали хозяйку?

Мне показался необычным его восторженный голос.

— Ох, и женщина! Бритва острая. Так хлопцев прибрала к рукам, ругаться совсем перестали.

— Ну-у? — недоверчиво протянул я.

— Ага. Книжки читают. Прямо не квартира, а красный уголок.

— Чем же она вас проняла? — допытывался я, вспоминая хозяйку, женщину лет двадцати восьми, чернобровую, длиннолицую, с угловатой мужской фигурой. Ее никак нельзя было назвать красивой, ласковой или игривой.

— А кто ее знает! Как глянет, так хлопцы и замолкнут, а если головой покачает, готов сквозь землю провалиться.

Второй раз я увидел ее в штабе за несколько дней до выхода на Припять.

— Я хочу в партизаны,— обратилась она к Базыме.

— Дед-бородед, по твоей части,— неизвестно почему под-

маргивая мне, сказал начштаба. Меня покоробила эта неуместная игривость Базымы.

Женщина подошла ко мне и, по-солдатски стукнув высокими каблуками и вытянув руки по швам, повторила те же слова. И замолчала, устремив на меня взгляд черных и суровых глаз. Голос ее был обычен, но слова она как бы откалывала ломтиками от ледяной глыбы души. Нос прямой, большой рот и крепко сжатые губы указывали на сильный характер. Широкие черные брови, сросшиеся на переносице,— они взлетали на узкий невысокий лоб черной широкой ижицей. Но сильнее всего были глаза, упрямые, жесткие, холодные и, казалось... честные.

Поеживаясь под ее взглядом, я спросил:

— А где вы хотите партизанить?

Базыма кашлянул в кулак. Он последние дни донимал меня намеками на весну и на усиленный якобы интерес дамского пола к моей бороде. Женщина вопросительно подняла одну бровь.

— На кухне или в санчасти? — брякнул я сердито.

— Нет, я могу пойти только в разведку...— спокойно возразила она, словно огрев меня хлыстом.

— Ого...— сказал Базыма и вышел, оставив нас наедине.

Я скороговоркой стал задавать вопросы, ставшие профессионально-стандартными.

Александра Карповна, двадцати девяти лет, белоруска, беспартийная, учительница, образование высшее, муж на фронте, есть дочь, живет у бабушки под Минском, отвечала она мне.

— А что вы можете делать в разведке?

— Это ваше дело. Одно могу сказать: сделаю все, что нужно командованию...

— Это опасно и непривычно...

— Я могла бы пойти в Овруч. Там среди словацких офицеров у меня есть знакомые.

— Откуда знакомые?

— Стояли у нас. Я специально познакомилась.

— Зачем?

— Была уверена, что рано или поздно к нам придут партизаны. А среди словаков есть много сочувствующих нам.

— Когда можете пойти в Овруч?

— Хоть завтра...

Это меня вполне устраивало. Попытки проникнуть в самый Овруч мне пока не удавались, но и сведений от разведок, бродивших по окрестностям города, было достаточно, чтобы проверить учительницу, если она соврет. Я, таким образом, убивал сразу двух зайцев.

— Хорошо. Пойдете завтра. После возвращения продолжим разговор.

— Проверяете? — вдруг спросила она меня в упор.

Впервые в своей разведывательной работе я не знал, что ответить.

— Это хорошо, так и надо. Я согласна.— И, пожав мне крепко, по-мужски, руку, вышла.

Я чувствовал себя не совсем ловко, когда вошел Базыма.

— Завербовал? — насмешливо спросил он меня.— Ох, как бы эта барышня тебя не завербовала. Весна все-таки... Тут и нам, старикам...— сладко потягиваясь на стуле, поддразнивал он меня, как некий партизанский мефистофель.

— Идите вы к дьяволу, Григорий Яковлевич,— хлопнул я дверью, сквозь которую несся вслед мне сатанинский хохот Базымы.

На следующий день Карповна ушла в Овруч. Я слыхал и раньше, что разведчики звали ее так. В штабе тоже стали звать новую разведчицу Карповной.

Она вернулась в Мухоеды через два дня после известия о смерти Маруси и за день до нашего марша на Припять. Сведения Карповны своей точностью не вызывали сомнений. Мы приняли ее в отрядную разведку.

На следующий день, пройдя на восток сорок километров, мы начали четвертую переправу отрядов Ковпака через осточертевшую нам всем Припять.

32

Штаб разместился в красивом просторном селе Аревичи, километрах в двух от реки.

После проверочных разведок, перекрывших и уточнивших первые данные Антона Петровича о значении Припяти для немцев, Ковпак принял решение сорвать навигацию.

Район Аревичей вполне соответствовал замыслам деда. Ковпак и Руднев объезжали позиции, намечая расстановку сил. Они вникали во все мелочи, как перед большой и сложной операцией. На второй день мы с Рудневым поехали к Кульбаке в село Красноселье.

— Как, глуховцы, много рыбы наглушили? — теребя черный ус, спрашивал комиссар Кульбаку.

— Пока ловим удочками. А от нимець поплыве, тоди нимця и рыбу глушить будемо,— отвечал Кульбака.

Глушить рыбу категорически запрещалось командованием. Берегли тол и гранаты.

Обменявшись еще двумя-тремя шутливыми фразами, перешли к делу. Последний приказ командования обязывал Куль-

баку «выставить крепкий заслон на подходе к реке, возле дамбы, что против села Довляды». Это село находилось против Красноселья, на правом берегу Припяти. Мы стояли на левом.

Я сидел в штабе над картой и искал русло Припяти. Где русло этой большой судоходной реки? Где в этом затейливом узоре голубых кружев проплывают суда и баржи?

Весной сотни болот и болотец, топей, озер и ям, «стариков» и «стариц» оплетают реку, стерегут ее и стоят крепким естественным барьером на подходах к ее берегам.

Вот оно, русло! Чистое, широкое. Выйдя из «кружев» к простору полей у большой белорусской деревни Дерновичи, оно извивается к селу Аревичи и далее к Красноселью. В Дерновичах стоял батальон Матющенко, в Аревичах — штаб и первый батальон, в Красноселье — батальон Петра Кульбаки.

По шоссе из Коростеня немцы быстро могли подкинуть в Довляды свежие силы и переправить их на наш берег. Заняв Красноселье, противник мог ударить нам в тыл и прижать к реке.

Батальон Кульбаки обеспечивал безопасность с юга и перекрывал шоссе.

Мы не знали, когда немцы пожалуют в гости, но, судя по воде, которая улеглась в берега, это должно было случиться скоро. Поговорив с Кульбакой и побывав на берегу, мы вернулись в Аревичи.

Уже стемнело. Ехали крупной рысью по песчаным кучугурам, заросшим верболозом. Казалось, в кустах, освещенных яркой луной, к нам наперерез гурьбой бегут какие-то таинственные существа. Перед Аревичами перешли на шаг. Быстрые тени исчезли. В одной из хат недалеко от штаба пели.

— Заедем к разведчикам.

Комиссар спрыгнул с коня, привязал его у калитки и зашел во двор.

В хате, где жил командир разведки капитан Бережной, находилось еще несколько разведчиков: Черемушкин, Мычко, Архипов, Землянко, Лапин, Володя Зеболов.

Только что кончили ужинать.

— Товарищ комиссар, чайку с нами!..

— Не откажусь.

Черемушкин подсел к Рудневу:

— Скоро с курорта тронемся, товарищ комиссар?

— С какого, Митя?

— С Аревичей!

— Почему с курорта?

— Весна... немцев нету... солнышко... речка под боком...

Руднев рассмеялся, за ним разведчики.

— Прыткий ты, Митя! — Руднев внимательно глянул на Мычко и улыбнулся.— На все свое время!.. А что ребята, не спеть ли нам? Ну, хотя бы...

— Хлопцы! Любимую комиссарову!

В чистом поле, поле, под ракитой,
Где клубится по ночам туман...
Э-эх, там лежит зарытый,
Там схоронен красный партизан... —

запел Руднев. Мигала коптилка, и длинные тени метались по стенам. Семен Васильевич задумался. Я тихо вышел на улицу, вскочил на коня и поехал к квартире Ковпака. Командир сидел на крылечке, щипал бороденку, думал, курил. Я пустил коня во двор, а сам, чтобы не мешать деду, присел за углом на завалинке. Я любил наблюдать Ковпака, когда он оставался наедине с самим собою.

Вдалеке виднелось зарево. Неслышно по темной улице прошла в караул смена.

Ковпак выругался и, подойдя к воротам моей хаты, забарабанил по ним плетью.

— Комиссар приихав?

Я поднялся к нему навстречу.

— Приехал.

— А де вин?

— У разведчиков.

— А... Ну, Вершигора, я думаю завтра нимци по ричци поплывуть.

— Ждем уже который день.

— Ну и що?

— Ребята бузят.

— Чого?

— Курорт, говорят. Солнце, вода, песочек...

— Завтра будут нимци.

— Откуда нам знать?

— От так командир разведки! Це я тебя должен спытать.

— Никаких сведений пока не имею, товарищ командир.

— Товарищ командир, товарищ командир... А я кажу — будуть. От побачишь. Щоб я вмер, будут завтра нимци.

— Посмотрим.

— Кажуть, пид цыми Аревичами богато ракив. Ох, и пидгодуемо фашистами ракив.

Я не придавал большого значения его предчувствиям, но то, что речной проект, в котором я уже сам немного разочаровался, владел всем существом старика, было очевидно. Дед порой умел увлекаться, как юноша.

И все же он оказался прав. На следующий день немцы пришли. Вернее, приплыли. В середине дня послышалась

стрельба. Со стороны Красноселья, занятого батальоном Кульбаки, шквал огня то вспыхивал, то опять затихал.

— А що,— я не казав? — обрадовался Ковпак.— Политуха! Коня!

Ординарцам и приказывать не надо было. Как только вспыхивал где-либо бой — первое дело седлать командирских коней. Политуха, ординарец Ковпака, уже вел высокого рыжего коня, ординарец Руднева Дудка — белую полукровку-арабку.

Тут же горячил своего коня и лихо гарцовал командир батареи Анисимов. Мне ординарца не полагалось, и свою мохнатую сибирку я седлал сам.

Бой у Кульбаки разгорался все сильнее, гукали бронебойки, длинные очереди станкачей воркотали над весенней рекой, лозняком и песками...

Я уже сидел верхом на лошади, когда к штабу прискакал связной второго батальона.

Кульбака прислал в штаб за подмогой. Ковпак вызвал из пятой роты командира орудия, худощавого высокого Николая Москаленко.

— Бери... — сказал Ковпак, затянулся махоркой, закашлялся и погасил пальцем цыгарку,— бери, Микола, свое орудие и на галопе скачи до Кульбаки. Треба допомогти хлопцям добить немецкие поплавки.

Через полчаса, отдав нужные распоряжения, Ковпак, командир батареи Анисимов и я верхом выехали из штаба к месту боя. Я задержался у разведчиков минут на пять, надеясь догнать галопом Ковпака и Анисимова. Выезжая из села, увидел, что они уже отмахали больше километра чистым полем. В это время над улицей с воем пронеслись два самолета. Лошадь моя шарахнулась в огород и остановилась под крайним сараем. Самолеты взмыли ввысь и высоко в небе стали разворачиваться друг за другом. Это были «мессеры». Немцы иногда использовали их против партизан, нагружая небольшим запасом бомб. Кроме того, «мессеры» штурмовали на бреющем полете, обстреливали наземные цепи, пользуясь своей быстротой и скорострельными пулеметами, установленными в плоскостях.

Два конника скакали галопом по открытому полю. До кустов лозняка, где им можно было укрыться, оставалось не меньше километра. На таком же расстоянии находился и ветряк, одиноко стоявший среди поля. Самолеты сделали круг и пошли вниз друг за другом, пикируя на кавалеристов. Один из них ловко на полном ходу соскочил с коня и исчез между маленькими кучками соломы или навоза, разбросанными в поле, другой кубарем скатился с коня и маленьким комком лежал

на дороге. Самолеты прошли над людьми и конями. Дорога и поле вздымались дымками и пылью, а через две секунды до моего слуха долетела длинная очередь нескольких пулеметов и авиационных пушек. Кони без седоков бежали то по дороге, то сворачивали в стороны и, наконец, сделав большой круг, поскакали к селу.

Самолеты спикировали еще два раза на реку, откуда слышалась редкая перестрелка, и ушли на север. Я вскачь понесся туда, где только что ехали Ковпак и Анисимов. Доскакав до места, где они спешились, услышал сзади свист. Круто повернул коня. На копне лежал Ковпак и курил. Он запахнул полы своей шубы и сказал мне:

— Кони в село забиглы. Придется тебе самому до Кульбаки добыраться. Анисимов, гайда в село.

На оклик Ковпака выполз откуда-то командир батареи. Сильно хромая, подошел к нам. Лицо его было поцарапано и все в пыли.

— Я думав, ты умиешь на ходу скакать с коня,— засмеялся Ковпак.— Бачу — «мессеры» на нас идуть, кричу: скачи с коня, а вин — бач!

Теперь я понял, что человек, так ловко спрыгнувший с коня, и был Ковпак, а кубарем слетевший — Анисимов.

— До села дойдешь. Ну, пишлы! Катай, Вершыгора, до Кульбаки. Хай кинчае... Я прийду потим.

И, поддерживая Анисимова, смеясь, дед заковылял в село.

Я поехал к реке, где добивали пароход.

Первый, кого я увидел, был начштаба Кульбаки Лисица. Фамилия эта действительно оправдывала его повадки и характер. Хитрый и пронырливый, он особенно хорошо наладил агентурную разведку, умел допрашивать пленных, особенно полицейских, которых сразу сбивал с толку, и ловко поставленными вопросами выпытывал все, что ему было необходимо. Я не сразу узнал его. Он был в длинном одеянии с неимоверно блестящими пуговицами: не то пальто, не то сюртук тонкого черного сукна.

— Капитанское,— сказал он мне.— А капитан там, в воде загорае. Вот документы...

Мы вошли с ним на палубу судна, кругом были следы крови, валялось несколько трупов.

Я просматривал документы. Солдатские книжки, толстый в хорошем переплете паспорт. «Hoffnung» («Надежда») — было вытиснено на них золотом. Взглянул на спасательные круги — там то же слово.

Пароход, построенный в Германии.

— Как они его сюда перекинули? По кускам, что ли? — удивлялся Лисица.

Действительно, пароход недавно прибыл из Германии. В судовом журнале мы видели отметки: «Данциг», «Бжесць над Бугом», «Пинск».

«Загоравший» в реке был и владельцем и капитаном «Надежды». Новый большой буксир, тянувший против течения три баржи, он выбросился на берег метрах в трехстах от разрушенного моста у села Довляды. А баржи, запутавшись в тросах, как большие рыбины в сетях, догорали посреди реки. У берега, на отмели, белели, чернели трупы немцев.

Когда я зашел в штаб Кульбаки, комбат стоял у стола и диктовал донесение Ковпаку о ходе боя.

Командиры рот и взводов, писаря окружили Кульбаку, шутили, смеялись: не прошло еще возбуждение от только что пережитой схватки с врагом.

В хату быстро вошел Москаленко, командир орудия. За ним партизаны вели пленного немца.

— Между прочим, получить мий трофей — оцього хрыця. Сам пиймав,— важно сказал Москаленко.

— А чоботы де? — пытливо спросил комбат Кульбака.

Немец стоял перед ним в опорках на босу ногу.

Еще у прибрежных ракит Микола снял чоботы с немца и передал одному из своих партизан.

— Чоботы де? — переспросил Москаленко.— В ных же повно воды... от вин и сняв их, сушить поставыв...

Засмеялись кругом командиры. Усмехнулся комбат. Я отошел с Москаленко к окну и стал расспрашивать его, как он взял в плен гитлеровца.

Когда Москаленко закончил стрельбу по пароходам и баржам и отошел в сторону от пушки, он услышал робкое восклицание, доносившееся из кустов.

Тут Москаленко вошел в раж и стал в лицах показывать мне, как происходило пленение немца.

— Бачу, а з корчив верболоза пиднялась палка и на ний билый платочек. «Хлопци, неначе хрыць»,— кажу тыхенько, а сам вытягаю из кобуры свий парабель и йду на голос. «Иа стаюса»,— лопоче немець.

— Хенде хох! — крикнул Микола непонятное слово, похожее на ругательство.— Зброя де?

— Хенде хох! — вторично гаркнул Микола, вытаращив на меня глаза в штабе Кульбаки.

Пленный стоял у края стола с посеревшим от страха лицом. Он не сводил глаз с Кульбаки — мужчины высокого роста, плечистого, грузного, грозного. Когда же Москаленко заорал, он снова поднял руки кверху, недоумевая, зачем его вторично берут в плен. Партизаны покатывались со смеху.

Немец заметно дрожал. Немного овладев собой, он стал перед Кульбакой навытяжку и, запинаясь, проговорил:

— ...пан Коль... пак! Я добровольно приходиль плен.

— Ач, як труситься, собачья душа! — кивнул Кульбака на немца.

— То вин вас, товарищ комбат, приняв за самого Ковпака,— рассмеялся Ленька, ездовой Кульбаки.

Комбат подошел к немцу.

— Ось, слухай: я не Ковпак...— и таинственно полушопотом: — Ковпак на голову выше за мене, вдвичи ширше за мене, а голос як тая труба...

Стекла халупки дрожали от дружного взрыва хохота.

Пленный рассказал, что, открывая пробную навигацию 6 апреля на линии Мозырь — Киев, немцы боялись нападения партизан. Они уже знали, что Ковпак пришел на Припять. Для охраны судов послана команда СС.

Москаленко вертелся тут же и мешал допросу, но как героя сегодняшнего потопления судов я не выставил его из штаба батальона. Он был в приподнятом настроении и все еще «переживал» бой.

Лисица, говоривший с Кульбакой только по-украински, вставил:

— Дывлюсь, по-немецкому трохи кумекаю; на труби крейдою нашкрябано: «Achtung, Kolpak» — «Внимание, Колпак», значит.

— Ох, и реготали ж мы с Лысицею,— вставил Москаленко.

Ковпак вошел незаметно раньше и слыхал похвальбу Москаленко. Когда тот заметил командира, подошел строевым шагом:

— Дозвольте доложить...

— Ты доложи, скильки снарядив выпустив,— перебил Ковпак.

— Двадцать два, товарищ командир!

— Потопыв пароход?

Москаленко молчал.

— Потопыв, пытаю? — рассвирепел Ковпак.— Не! Растратчик ты, от хто, а не артиллерист. На бинокля, выйди на вулицю и подывися. Трубы видать аж с видселя-а!

Москаленко молчал.

— Объявляю выговор. Начштаба записать в приказ,— сквозь зубы процедил Ковпак и вышел, хлопнув дверью.

А еще через день, прочитав донесение Кульбаки, Ковпак, посмеиваясь, подписал приказ: «С командира орудия Н. Москаленко выговор снять. Объявить благодарность».

Кульбака писал:

«Пароход долго не тонув через те, що сидив на мели; зийти с мели не мог, бо машину разбив Москаленко — з пушки третим снарядом».

33

На следующий день противник вел воздушную разведку. Самолеты-разведчики рыскали вдоль реки на высоте, иногда зависая в воздухе для аэрофотосъемок. Изредка на бреющем проходила пара истребителей. Баржи уже успели догореть, и если бы не застрявший на мели пароход, немцам не удалось бы обнаружить точное место нападения на караван. Пароход выдавал нас с головой, и над ним долго кружилась и зависала одна «стрекоза». Пулеметчики Кульбаки обстреляли ее, и, фыркнув раза три из крупнокалиберного пулемета, немецкий «костыль» заковылял на север.

— Ну, завтра жди гостей! — сказал Руднев Ковпаку, наблюдавшему в бинокль за самолетом.

— И гости будут с Мозыря,— опустив бинокль, ответил командир и пошел к штабу.

За два дня до этого случая к нам прибыла разведка соединения черниговских партизан. Соединением этим командовал Герой Советского Союза Федоров. Я слыхал о нем еще в Брянских лесах, до прихода к Ковпаку, летом 1942 года. Федоров рейдировал тогда по Черниговщине, и немцы выделили против него крупную карательную экспедицию. Немцы, вероятно, заставили его часто менять районы действия. Может быть, поэтому, а может, и по малой опытности летчика самолет, летевший к Федорову, безрезультатно искал его над лесами Черниговщины и, не найдя костров, повернул обратно. А я в это время жег костры в Брянских лесах, и уже не первую ночь. Самолетов все не было. Однажды мы, правда, дождались: вместо парашютов с радиопитанием и боеприпасами нам бросили восемь штук фугасок. Но все же я не терял надежды, упорно жег костры и швырял в небо ракеты.

Наконец на восьмые или девятые сутки, в ответ на наши световые вопли один самолет (а летало их над нами и своих и вражеских до чорта) стал подозрительно кружиться над кострами. Мы уже стали похитрей и вырыли в стороне щели. Из щелей пускали ракеты и кодировали.

Хотя самолет шел с запада, я все же на всякий случай просигналил ему. За третьим или четвертым заходом над нами вспыхнули световые пятна, а когда я подсветил их ракетой, убедился, что на парашютах спускался к нам долгожданный груз. Сбросив четыре мешка, самолет зажег зеленые огни и, приветливо мигнув ими, ушел на восток. Это была старая фанерно-брезентовая калоша «ПР-5».

На следующий день я известил начальство о получении груза. А еще через день получил ответ: «Никакого мы груза вам не высылали». Только тогда я понял, почему в одном из мешков были письма с неизвестным номером полевой почты, а повнимательней разобрав содержимое, нашел записку летчика: «Товарищи партизаны! Летаю третий день к Федорову — нет сигналов. Бросаю на ваши костры. Если встретите Федорова, поделитесь грузом. Привет! Пилот Миша».

А сейчас, в марте 1943 года, почти через год, Федоров, секретарь Черниговского обкома ВКП(б), Герой Советского Союза, двигался из Черниговщины на запад почти по тому же маршруту, по которому мы шли прошлой осенью.

Разведка его была у нас за день до того, как Кульбака уничтожил буксир с баржами, а сам Федоров со штабом и основными своими отрядами подошел на следующий день.

Ковпак и Федоров, Руднев и комиссар Федорова Дружинин поговорили друг с другом о своих делах, а затем, поручив гостей заботам Павловского, Ковпак вышел на улицу, с тревогой наблюдая за немецкими самолетами.

Я, на всякий случай, старался не попадаться Федорову на глаза; чем чорт не шутит, а вдруг припомнит старый должок.

Сейчас, в присутствии таких гостей, никак нельзя было ударить лицом в грязь. По догадкам Ковпака, немцы должны были наступать по реке с севера. Это значит, что за ночь нужно перестроить всю сложную систему засад, окопов, траншей вдоль берега реки.

Гости уже показали себя. Идущий вместе с Федоровым полковник Мельник километрах в двадцати пяти севернее нас налетел со своим отрядом на вражескую колонну на марше и расчехвостил ее в дым. Побил прикрытие обоза, а обоз захватил. А самое главное — взял две совершенно исправные 105-миллиметровые пушки системы «Шкода» со снарядами.

Случись у нас неудача — позор был бы на весь партизанский мир. Командование понимало это, но оно хотя бы умело скрывать свое волнение, маскируя его усмешками и шутками. Весть о приезде Федорова, который, «как и наш командир, Герой Советского Союза», облетела все роты и пошла по цепям.

— Хлопцы, теперь нам нельзя подкачать.

— Хоть сам Адольф пусть наступает — не дать спуску.

Руднев до полуночи ходил по ротам, говорил с бойцами, давал задания политрукам и парторгам.

До глубокой ночи в штабной хате горел огонь: сюда заходили командиры, забегали разведчики, связные приносили донесения и сводки, увозили приказы.

Рассвет застал нас на ногах.

Утром к штабной хате подъехал командир отделения конной разведки Костя Руднев, брат комиссара. Через пять минут он вышел из штаба и крикнул: «Михаил Кузьмич!» Вскочив на коня, подъехал Семенистый. К тому времени это уже был толковый и смелый разведчик-связной.

Костя Руднев похлопал по сапогу плеткой.

— Михаил Кузьмич! Скачи к Ефремову, командиру пятой. Передай ему приказ командира: через пятнадцать минут вывести людей из села и занять окопы... Понял?

— Понял, товарищ командир!

На крыльцо вышел Семен Васильевич Руднев. Он сказал брату:

— На вот, Костя, бинокль! Заберись на холм, понаблюдай за рекой, а заметишь что — дай знать!

— Есть, товарищ комиссар, наблюдать на холме!

С момента прихода в отряд Ковпака Костя Руднев — до войны председатель колхоза — никогда не называл брата по имени, всегда только «товарищ комиссар».

У меня уже были закончены все дела, оставалось ждать новых донесений, «языков», а пока главным оружием разведчика служили глаза. Взобравшись с Костей на бугор, я лег под кустом. Понаблюдав минут пятнадцать за пустынной рекой, я почувствовал, что не могу больше бороться со сном. Вставало солнце и грело спину. Глаза слипались. Над рекой и прибрежными кустами плыл туман.

— Товарищ подполковник, немцы...

Я вскочил, хватаясь за автомат.

— Где?..

Костя протер линзы. Тыльной стороной ладони вытер глаза.

— Не показалось ли?

— Вон плывут.

Над рекой теперь уже ясно был виден дымок пароходов. Немцы шли из Мозыря флотилией.

Костя вихрем слетел с холма.

— Идут... каратели... шесть пароходов...— задыхаясь от бега, доложил он командиру.

— Так-таки шисть пароходив?.. Яка честь! Може, хлопче, тоби показалось? У страха очи велики... Га? — подымаясь на холм, говорил Ковпак.

— Шесть дымков... ей-богу... своими глазами...

Ковпак, Руднев и Базыма влезли на холм — их главный КП. Я только сейчас заметил, что солнце стояло высоко. Я проспал не меньше часа.

Связные остались у подножия холма. Через минуту под-

нялся туда и Федоров. Я верхом, пока еще суда были далеко и не могли видеть движения на низменном берегу, поскакал к командиру роты.

Москаленко сидел на кряжистом дереве. Внизу под деревом стоял командир пятой роты Ефремов.

С рязанским говорком на «о» Ефремов кричал Москаленко:

— Не видишь, говоришь, ничего... лучше смотри! Лучше, Микола...

— ...Два, чотыри... шисть... шисть дымков бачу, Степа. Нимци йдуть... шисть пароходив!..

Караван шел быстро; в трех километрах от крайней нашей заставы — против села Дерновичи — катеры открыли огонь по берегу из пулеметов и пушек.

Подошли ближе; наша застава молчала. Берег был пустынен. Что-что, а маскироваться мы умели.

Продолжая вести огонь наугад, суда плыли вниз по течению к Аревичам. Поровнялись с позициями пятой роты.

Цель была так близка и заманчива.

— Степа, давай команду... вдарим прямою наводкою... уходят же... Эх!

— Товарищ командир роты, дайте команду!

— Команда где?.. Уйдут немцы...

Ефремов скрипнул зубами.

— Молчать! Кто без команды выстрелит — уложу на месте!

Бойцы знали, что их командир слов на ветер не бросает. Судорогою свело пальцы на спусковых крючках, слеза выступила на глазах, уже несколько минут державших пароходы на мушке, но выстрела не было ни одного.

Ефремов, по приказу Ковпака, глубже затягивал немцев в мешок, чтобы вернее отрезать им пути отхода, пропустить к роте Горланова и бить по хвосту.

Он дал пароходам пройти еще двести метров и только тогда скомандовал по-рязански:

— Давай, робята! Жми на всю железку!

Загремела пушка Миколы, забухали бронебойки, заворковали станкачи, застучали ручники Дегтярева.

Не давая немцам опомниться, Горланов повел огонь в лоб.

Попав под кинжальный огонь, суда заметались по Припяти. Четкий строй их был нарушен в одну минуту. Судов оказалось больше, чем дымов. Между шестью речными пароходами, из труб которых валил дым, вертелось еще пять юрких катеров.

С пароходов вели сильный ответный огонь. Маленькая пушчонка Москаленко не могла с ним справиться. Я поскакал

на КП и, получив санкцию Ковпака, с одной 76-миллиметровой пушкой пошел в обход, чтобы отрезать немцам отступление. Пушку прикрывала третья рота. В тот самый момент, когда Ковпак отдавал приказ начальнику артиллерии перекрыть отход немцев 76-миллиметровой пушкой, на КП, расположенный на холме, пришло донесение Горланова с просьбой прислать подводу за раненым бойцом Кулагиным.

Руднев крикнул связного Семенистого:

— Михаил Кузьмич! Найди сейчас же подводу и отправь к Горланову.

— Есть!

Семенистый поскакал к зданию школы. Здесь расположилась санчасть. Лошади стояли за клуней.

На крайней подводе сидел рыжеватый парень с пухлым лицом, маленьким носиком и глазками-щелочками. На макушке прилепился старый, облезлый авиашлем.

Парень сидел на сене, положив под себя винтовку.

— Эй ты, парашютист! — звонко крикнул Михаил Кузьмич.— Тебе говорят!

— А шо? — с досадой поднял голову парень.

— А то... ехать надо за раненым. Мотай сейчас же в восьмую роту, к Горланову. Да живей, живей поворачивайся! Звать как?

— А шо?

— Шо, шо! Звать как, спрашиваю?

— Ну, Кузя...

— Нукузя! Давай, Нукузя, за раненым!

— Воздух! — раздался голос дежурного.

Семенистый быстро повернул коня. Осмотрелся. К селу летел самолет. С криком «маскируйсь!» Михаил Кузьмич помчался по улицам.

Прошел час. Время бежало быстро, как всегда в азарте боя, незаметно...

Семенистого вызвали в штаб.

На табуретке возле рукомойника, в забрызганном кровью бушлате, сидел боец, связной из роты Горланова. Левой рукой он бережно поддерживал свою забинтованную правую.

На свежей марле проступали яркие пятна крови.

Когда Семенистый вошел в хату, связной замолчал.

— Подводу послал Горланову? — поднялся с места Руднев.

— Послал, давно послал, товарищ комиссар,— весело ответил Михаил Кузьмич.

— Нету подводы,— устало сказал связной.

Холодок прошел по спине Семенистого.

— Нету подводы... кончается Кулагин,— тихо повторил связной.

Подперев подбородок ладонью, молчал Ковпак.

Базыма, дохнув на стекла очков, протирал их платком.

Руднев стоял, держась руками за ремень портупеи. На побледневшем лице комиссара выступили багровые пятна.

— Тебя кто учил так воевать?

Жесткие, гневные слова любимого комиссара долетели издалека, как из тумана.

— Ей-богу, послал подводу,— шептал Семенистый.

Глаза его были полны слез.

— Й-э-х! — заскрежетал зубами связной.

И непонятно было, к чему относится это — к сильной ли боли в руке, или к словам Семенистого.

— Чтобы сейчас же подвода шла за Кулагиным! Ступай!

Шарахались люди на улице, из-под ног коня с криком вылетала домашняя птица, бросались собаки в подворотни.

Дергая лошадь из стороны в сторону, Миша давал шпоры, хлестал нагайкой и мчался, не разбирая дороги.

Куда — сам не знал. Искал кого-то... От ярости мутилось в глазах.

«Только б увидеть эту проклятую рожу...»

Под небольшой вербой на околице стояла подвода. Кузя, высунув голову из-под телеги, боязливо смотрел на небо.

— Съездил в роту? — подлетел Семенистый.

— А шо?

— Съездил к Горланову, рыжая морда?

— Дак... самолет же кружився, и з парохода бьют... Боязно...

Блеснув на солнце змеей, хлестнула плеть.

— Ой! За що бьешь?

— Я кому сказал ехать за раненым? Тебе, гад полосатый, приказ мой ноль без палочки?

Не помня себя от злости, наотмашь, хлестал Семенистый Нукузю; слезы, недетские слезы горькой обиды и гнева, текли по щекам.

Кони вихрем мчались к роте Горланова. Ездовой дико орал на лошадей и дергал за вожжи. А рядом на взмыленной лошади скакал Михаил Кузьмич и безжалостно хлестал ездового.

В штаб поступали донесения от рот и батальонов: восьмая рота Горланова подбила два парохода, пятая рота — один и два бронекатера, но еще вела бой. Один пароход, выбросившись на мель на противоположном берегу, упорно отстреливался. Остальные догорали под Красносельем. Руднев и я пошли к берегу. Там лежали в цепи бойцы третьей роты. Пароход прочно сидел на мели. До него было метров шестьсот. Совершенно открытый берег не позволял подкатить пушку. Пу-

леметы немцев косили вовсю. На пароходе, видимо, не особенно боялись нашего ружейно-пулеметного огня. Только бронебойки на таком расстоянии пробивали его железную обшивку. Часть экипажа пыталась выбраться на берег, но пулеметы Горланова пристреляли косу, отделявшую пароход от суши, и на ней уже лежало более десятка трупов. Оставшиеся на пароходе засели в трюме и отстреливались.

Вечерело. Ночью они уйдут.

К роте Карпенко подошел Павловский. Он был возбужден. Не замечая комиссара в цепи, он стал ругать автоматчиков. Вначале он ворчал про себя, а когда кто-то из роты огрызнулся, помпохоз совсем ошалел, вылез на берег и стал во весь рост.

— Вперед! — он выхватил пистолет.

Рота лежала на самом берегу и продвигаться ей, конечно, было некуда — впереди была река.

Карпенко подошел к помпохозу. Павловский рассвирепел и лез на рожон. У Карпенко заиграли желваки на лице, глаза покраснели. Они стояли друг против друга, размахивая пистолетами, и не было, пожалуй, в русском лексиконе ругательств, которыми бы они не обменялись.

Вот уже Павловский схватил Карпенко за грудки. Смешок, до сих пор пробегавший по цепи, затих. Третьеротцы знали, что еще никто пальцем не посмел тронуть их командира. Федя рванулся. С ворота посыпались пуговицы. Павловский и Карпенко стояли, как быки, готовые столкнуться лбами.

— Эх, трусы, боягузы! — хрипел Павловский.

— Кто? Я — трус? — тихо спросил оскорбленный Карпенко, загоняя патрон в «ТТ».

— Товарищ комиссар, зараз он его застрелит,— тихо сказал Шпингалет.

Руднев, переставший наблюдать за пароходом, подошел к распетушившимся командирам и стал между ними.

— Убрать оружие! Убрать, говорю!

Карпенко, весь дрожа и не попадая пистолетом в кобуру, отошел и лег в цепи, лицом вниз, положив голову в ладони.

Похоже, очень похоже было на то, что он плакал.

— А ты, старая калоша, чего тебе надо? Пошел вон,— тихо сказал комиссар Павловскому.

— Эх, товарищ комиссар.

— Пошел вон, говорю!

— Так немцы же уйдут. Вот только стемнеет.

— А что ты с ними сделаешь?.. По воде в атаку итти, что ли?

— Эх! — махнул рукой Павловский и отошел в сторону.

Выстрелами бронебоек с берега удалось зажечь деревян-

ные части внутри судна. В иллюминаторах изредка вспыхивало пламя и валил дым. Когда мы прекратили огонь, из одного иллюминатора все чаще стала показываться рука с котелком на пояске. Черпая воду, немцы, видимо, пытались потушить начинавшийся пожар.

В это время из затоки выплыла лодка. На ней сидели Сердюк— командир отделения пятой роты, и еще один боец.

Павловский подошел к ним и, поговорив с ними, влез в лодку, крикнув в цепь:

— Прикрывайте огнем, сволочи! Я вам покажу, як у Щорса воевали, сопляки...— И над Припятью поплыло густое и виртуозное ругательство...

Лодка, забирая вверх по течению, стала выходить на плес реки.

— Вот дурной!.. Погибнет же,— сказал Руднев, картавя и чертыхаясь.

Карпенко поднял голову и, опершись подбородком на ладонь, смотрел на реку.

У Карпенко в цепи было четырнадцать пулеметов, из них три станковых.

Видимо, у Сердюка был какой-то свой план или условие с Горлановым. Когда лодка Сердюка с Павловским, отчалившая гораздо выше цепи третьей роты, почти достигла середины реки, ниже от нашего берега отделилась вторая лодка. Она тоже быстро пошла вперед.

— Кто там еще? Какой дурак выискался? — спросил Руднев.

Карпенко, наблюдавший в бинокль, переводя его, ответил:

— Кажется, брат ваш, Костя...

— Вот дуроломы! Белены объелись, что ли?

— Пулеметы, держать на мушке пароход, не стрелять без моего сигнала,— командовал Карпенко, не отводя бинокля от глаз.

Лодки вышли на открытое место и неслись по течению, хрупкими клещами охватывая пароход.

Две-три винтовочные пули могли пустить лодку на дно.

К счастью, немцы не замечали их.

Лодка Павловского первая перевалила через стрежень и, выйдя на уровень корабля, стала спускаться по течению вниз. Пароход стоял носом против течения. Лодка попала в мертвое пространство, и вести по ней огонь можно было только с открытой палубы, которая хорошо простреливалась с нашего берега. Поэтому Павловский и Сердюк беспрепятственно приближались к пароходу. Но по лодке Кости Руднева, заходившей со стороны тупой кормы, немцы уже стали вести огонь. Вначале раздались отдельные винтовочные вы-

стрелы, а затем по воде полоснула пулеметная очередь. В это время Бакрадзе успёл установить одну пушку и, пока немцы занимались лодками, ахнул по судну три снаряда.

Один из них разворотил трубу. Из парохода повалил густой дым. Но немцы успели крепко обстрелять лодку Кости Руднева. Людей на ней уже не было видно, и она заколыхалась на воде, относимая течением вниз. Павловский успел в это время подплыть к пароходу с носа и взял железную посудину на абордаж. Стрелять из пушки мы больше не могли, опасаясь попасть в своих. Павловский прильнул ухом к обшивке корабля и слушал. Наступила тишина. Затем, карабкаясь по плечам товарищей, на палубу взобрался Сердюк. У него в руках был неизменный ручной пулемет, с которым он не расставался. Из крайнего иллюминатора высунулся немецкий кривой автомат и, не видя противника, а лишь чувствуя его по шороху в мертвом пространстве, немец тыркнул наугад очередь на полдиска. Павловский из-за угла схватил рукой автомат и дернул его. Немец выронил автомат, но не удержал его и Павловский. Черная кривулина бултыхнулась в воду. Сердюк в это время обследовал половину палубы до капитанской рубки и по звуку голосов и топоту определил, где в трюме люди. Он стал ходить по палубе и поливать сквозь палубу пулеметным огнем трюмы парохода.

Если бы не глухое татаканье, можно было подумать, что человек ходит со шваброй и подметает пол, швабра подпрыгивает у него в руках, как отбойный молоток.

Сердюк увлекся и не видел, что делалось на кормовой части палубы, закрытой от него трубой и мостиком. Из кормового трюма поднялась фигура человека. Ползком он стал пробираться к трубе. Карпенко прильнул к биноклю.

— Только станковые пулеметы — огонь! — скомандовал он.

Станкачи мадьярской системы повели огонь. Немец успел все же бросить гранату, но не рассчитал, и она взорвалась в воде позади Павловского. В предвечернем фиолетовом небе, слившемся с темносиней водой, вспыхнул красным заревом взрыв гранаты. В тот же миг разноцветные трассирующие пули мадьярского станкача прошили немца, замахнувшегося второй гранатой.

— Не стреляйте, сволочи, по своим! — хрипел Павловский со дна лодки, куда его сбросило взрывной волной. Он считал, что это мы с берега угостили его, и страшно ругался, забывая, что за перегородкой железного борта враги. Но выскочивший на корму немец — это уже был весь резерв загнанного в трюм экипажа. К Павловскому подоспели еще две лодки. Отвлеченные стрельбой немцы перестали тушить пожар внутри судна. Когда сгустились сумерки, команда Павловского вынуждена

была покинуть взятое на абордаж судно. Оно пылало. Языки огня, вырвавшиеся из иллюминаторов, лизали борта, отражаясь в черной воде, а корма горела, как свеча, ровным высоким пламенем. Двух гитлеровцев везли ко мне в качестве «языков», а в горящем пароходе страшными нечеловеческими голосами ревели остальные. Они были уже не в состоянии ни обороняться, ни сдаться в плен. Через несколько минут затихли и они.

Наступила ночь. Хлюпала вода у берега, доносился треск догоравшего на мели парохода, да хриплый голос Павловского откуда-то из темноты нарушал покой и гармонию полноводной широкой русской реки, поглотившей сегодня несколько сотен немецких трупов. На берег не ушел живым ни один немец. Пророчество Ковпака сбылось полностью. Раки в Припяти пировали вовсю... А мужики окрестных деревень два дня вылавливали рыбу, оглушенную разрывами партизанских мин и снарядов.

Пинская флотилия немцев была разгромлена наголову. Поздно ночью к роте Горланова прибило лодку Кости Руднева. Два бойца в ней были убиты наповал, а Костя ранен.

34

По всем правилам партизанской тактики надо было уходить подальше от места разгрома флотилии. Но нас привязывал новый аэродром, организованный километрах в восьми от Аревичей. Под селом Тульговичи, почти на берегу Припяти, удалось найти хорошую площадочку. Снова полетели к нам самолеты Гризодубовой.

Нас немного удивило, что после разгрома карательной экспедиции в составе десяти судов противник не сделал больше никаких попыток выбить нас с берега и продолжать навигацию. Все прибрежные села были заняты партизанами.

Ближайшие вражеские гарнизоны севернее нас, в Юревичах и Хойниках, состояли из частей словацкой бригады. Мы знали от населения, что словаки сочувствуют нам. Многие из них бежали к партизанам. Никаких активных действий против партизан словацкое командование не предпринимало. Щупальцы нашей разведки доставали на полтораста-двести километров. О всяком скоплении сил противника, могущего угрожать нам, я знал заблаговременно. Вокруг активизировались мелкие партизанские отряды, чуткие к близости врага благодаря своей малочисленности. Как крупный зверь по крику птицы и тревоге лесной зверюшки узнает о появлении охотника, так и мы по настроениям и делам мелких отрядов и диверсионных групп угадывали намерения врага.

В Аревичах мы простояли больше месяца, снабжаясь боеприпасами и отдыхая. Командиры решили прощупать городишко Брагин, считавшийся у немцев окружным центром. Громили Брагин тремя соединениями: Ковпака, Федорова и Мельника. Ничего особенного эта операция собой не представляла. Убито было более двухсот человек гарнизона, захвачены большие продовольственные склады. Цель операции — захват склада с боеприпасами — не была достигнута: немцы зажгли его.

Остатки гарнизона засели в дзотах и каменных зданиях. Немцы успели вызвать авиацию. Я случайно имел с собой ракетницу и полные карманы ракет. Заметив сигналы осажденных, я рискнул и стал давать такие же из цепи роты Карпенко. Самолеты ожесточенно бомбили болото, видимо принимая кочки за партизан. Лишь к вечеру вражеские летчики, поняв нашу уловку, сбросили серию противопехотных бомб прямо на мой сигнал. Потери были незначительные.

Как только стемнело, мы ушли из Брагина, увозя обозы с хлебом, сахаром, солью и оборудованием.

Наступило затишье. В это время к Аревичам прибился командир партизанского соединения Наумов с частью своего кавалерийского отряда. Он зимой совершил исключительный по смелости рейд по южным областям Украины, но немцы бросили на него крупные силы и потрепали его войска и штаб. Он шел через Киевщину по нашим следам. Аревичи стали притягательным местом для многих отрядов и партизанских командиров.

В эти же дни мы получили известие, вначале ошеломившее нас. Пяти командирам партизанских соединений были присвоены генеральские звания. Эти первые партизанские генералы были: Ковпак, Руднев, Сабуров, Федоров и Наумов.

Аэродром в Кожушках притягивал к себе все большее количество партизан. За нападение на Брагин немцы отомстили нам лишь усиленной бомбежкой Аревичей. Село было наполовину сожжено. Поэтому штаб, санчасть, обоз и все громоздкие подразделения были выведены в лес. Уже наступили теплые дни. В селе осталась лишь пятая рота Ефремова и восьмая Горланова.

Заметно было, что немцы ведут против нас усиленную разведку. Чтобы не расшифровывать лесной стоянки штаба, свою разведывательную квартиру я оставил в селе, в одной из немногих уцелевших хат.

Я часто оставался в селе ночевать. Ко мне в это время ходил всякий народ, многих приводили под конвоем, шлялись подозрительные бабы и мужики.

В один из вечеров, когда патрули бродили по улицам на-

половину сожженного села да в условных местах ожидали своих хлопцев девчата, по селу промчалась тачанка. Я вышел на улицу. Тачанка остановилась у бывшей квартиры Ковпака.

— Куда, Политуха? — спросил я у ординарца.

— На аэродром.

— Чего это вздумалось деду трястись ночью?

— Дело срочное.

Старик вышел из хаты и, хлопнув плетью по голенищу, подошел к нам. Подмышкой он держал свои валенки, вложенные холявками один в другой.

— Что, Сидор Артемович, задумали ночью подежурить?

— Эге. Задумав... тильки не я. Ох, мени ця конспирация. На, читай! Китайська грамота, а що толку?

Он протянул мне листок, на котором карандашом был написан текст радиограммы, и сам подсветил электрическим фонариком.

«Встречайте ценный груз. Примите меры к приему и охране аэродрома...»

Над такой загадкой стоило подумать.

Самолеты садились у нас еженощно, аэродром охранялся, никаких эксцессов до сих пор не было.

Повидимому, имелись важные причины особо предупреждать нас.

Ковпак взгромоздился на тачанку, закутался в шубу, поднял воротник.

— От и разбери их... Ценный груз?! Встречайте... Доведется самому проверить. Щоб хлопцы чого не побылы. Може, яка техника новая?

Он повалился на бок, видимо собираясь вздремнуть по пути.

— Можно трогать, товарищ генерал-майор? — спросил громко Политуха и оглянулся, запнувшись, правильно ли сказал. Многим ближайшим подчиненным приходилось туго в последние дни. Никак не могли привыкнуть; раньше было проще: «товарищ командир», «товарищ комиссар», а сейчас вдруг — «генерал-майор». То были себе люди как люди, а теперь вдруг — генералы.

И старые партизаны крутили головами, хотя втайне и гордились, что они имеют дело с генералом.

Велас, так тот упорно говорил так: «Дозвольте, товарищ майор-генерал Ковпак, Сидор Артемович, до вас обратиться?..»

И Политуха, которому по сотне раз на дню приходилось обращаться к командиру, все еще с тревогой озирался, словно опасался, не сидит ли на его возке кто-нибудь другой, носящий это важное звание.

— Ехать можно, товарищ генерал-майор?

— Поспиешь! Не до курьерского с балагулами. От лучше давай закуримо.

Политуха полез за кисетом.

Дед свернул цыгарку на четверть фунта махры. Закурили. Посмаковали едкий дымок.

— От, теперь рушай!.. — и генерал поднял высокий воротник шубы.

Я ушел спать на сеновал. На рассвете меня разбудила возня на дворе. Рядом со мной, подстелив плащ-палатки, спали два человека, одетые в новые костюмы, еще со складским запахом. Я оттолкнул дверь сеновала. Солнце осветило моих соседей. Люди были явно с Большой земли.

Бледные лица горожан, незагорелые руки, спят крепко, но тревожно. Волнение непривычных людей никогда так не заметно, как во сне. Я слез с сеновала и вышел во двор. У ворот стояли подводы с грузом. Толстые, круглые грузовые мешки с нераспустившимися парашютами. Это говорило о том, что самолеты были с посадкой, а не сбрасывали груз на парашютах. Я вспомнил о радиограмме Ковпаку. Может, это и есть ценный груз? Пощупав мешки, убедился, что содержимое было обычное: ящики с толом, патроны, мины, медикаменты и... киноаппарат.

У ездовых узнал, что командир давно уехал в лес к штабу. Я оседлал коня и поскакал к лесной опушке, где были расположены штабные подразделения.

Ковпака и Руднева я нашел на поляне, уходившей вверх огромным косогором, заросшим мелким ельником. Рядом с ними на расстеленной шинели сидел человек в полувоенной фуражке, сером коверкотовом костюме, с орденом Ленина. Он, казалось, дремал, прикрыв рукой глаза от солнца. Я взял под козырек.

— Знакомьтесь, — сказал Руднев.

Я отрекомендовался по всей форме.

— Демьян... — сказал скороговоркой человек. Руднев продолжал докладывать обстановку. Потребовались справки. Я давал их по памяти, все время ощущая на себе внимательный взор из-под ладони. Незнакомец интересовался всем: частями противника, системой гарнизонов и патрулей, работой дорог и транспорта, базами и аэродромами, гебитс-комиссарами, ландвиртами и комендантами полиции...

Но больше всего удивил он меня вопросом:

— А какие у вас сведения о политике немецких властей в сельском хозяйстве?

Я молчал. «А чорт их немецкий знает, какая у них политика!» — думалось мне.

Ковпак нахмурил брови и дымил самокруткой, как паровоз.

— Н-не знаю.. — процедил я сквозь зубы.

— Надо знать, — сказал Демьян резко, и больше не задавал вопросов.

Мне показалось, что мое присутствие уже не требовалось, и я отошел к штабу. Было немного обидно. Совсем недавно я закончил солидный доклад о состоянии гитлеровского тыла. Около тридцати страниц текста, отпечатанного Васей Войцеховичем на машинке, вмещали данные о гарнизонах по крайней мере четырех областей; расписания движения на железных дорогах и состава грузов; около полусотни характеристик немецких должностных лиц и почему-то фольклорные записи сказаний и песен народа о войне. «Правда, о сельскохозяйственной политике немцев там, кажется, не сказано ни слова,— думал я.— Да что я, агроном или облзо, что ли?..»

С бугра семенил к штабу Ковпак. Лицо у него было сконфуженное.

— Що ж ты, Вершыгора? Про сельску политику? А? От и надийся на вас, интеллигенция-яа!

— Ну что ж, что интеллигенция? Мало ли что кому захочется знать? Я ж не справочное бюро.

— Не кому, а... Поняв? — и дед поднял многозначительно палец к соснам.

Я ничего «не поняв».

— Да кто такой? Говорите вы толком.

— Радиограмму читав вчера? Ценный груз. Поняв?

Я начинал немного понимать.

Ковпак сделал таинственное лицо.

— А как же обращаться, звать как?

— Так и кажы: «товарищ Демьян», и точка. А про сельску политику щоб все сведения... Поняв?

Конечно, законспирировать в отряде «ценный груз» не удалось. Уже к вечеру по всему отряду знали, что к нам прилетели руководители ЦК партии большевиков Украины.

— А Хрущев буде? — спрашивал дед Велас вечером у штабной кухарки, тети Фени, но сразу же удалился под ее грозным взглядом.

Мы все же решили не особенно разбалтывать о том, что в нашем отряде находятся такие люди, и Руднев поговорил минут пять с политруками и парторгами. Объяснил, что среди прибывших Хрущева нет. Что группу возглавляет один из секретарей ЦК КП(б)У.

Руднев объяснял:

— Был у нас такой обычай никогда не спрашивать у командования, куда идем, зачем. Так и сейчас, будут спраши-

вать: «Кто приехал с Большой земли?» — «Кому надо, тот и приехал». — «А как обращаться?» — «А вот так и называйте — товарищ Демьян, товарищ Сергей, товарищ...»

Этих объяснений было достаточно, и на следующий день наш лагерь зажил привычной трудовой, кропотливой жизнью муравейника. Только пытливые глаза «товарища Демьяна» ко всему приглядывались, все изучали. Иногда он отходил в сторону на поляну или на лесную тропу и, заложив руки за пояс брюк, ходил взад и вперед, о чем-то сосредоточенно думая. Иногда подходил к Рудневу, спрашивал и о чем-то снова думал. Люди его группы, Сергей Кузнецов, кинооператор Глидер, занимались своим делом.

Не скажу, чтобы мы чувствовали себя очень спокойно. Это партия проверяла нас и готовила для нас новые задания.

На третий день товарищ Демьян, встретившись со мной на поляне, спросил улыбаясь.

— Ну, как материалы по сельскому хозяйству.

— Постараюсь...

— А что еще у вас есть нового?

Я подал последнюю сводку.

Он прочел.

— Вы не пробовали это собирать, систематизировать, обобщать?

Я вспомнил о своем докладе. Порывшись в полевой сумке, подал ему тридцать страниц печатного текста.

— Ого... это я у вас возьму. Возьму, возьму, — и ушел, улыбаясь и потирая руки.

Через полчаса, съездив верхом в главразведку, я, возвращаясь, увидел Демьяна. Он сидел на пне, держал на коленях мой доклад и, видимо, читал его вторично, карандашом подчеркивая что-то.

— Слушайте! Подполковник...

Я остановил коня.

— Это то, что мне нужно... вот только бы сведения посвежее...

Действительно, доклад относился к прошлому месяцу и был расплывчат, охватывая обширнейшую территорию нескольких областей.

— Это хорошая информация, но без целеустремленности... А сейчас нужно разведать Киев, Днепр. Я поговорю с командованием, а вы подумайте и доложите свои соображения.

Мы собрались еще раз: Ковпак, Руднев, Базыма и я. Товарищ Демьян уточнил свое задание. Пока что это была крупная разведывательная операция, но по своему размаху она стоила больше другой боевой, кровавой. Уже не только «на себя», не на дивизию, не на армию, а на всю Красную Армию

мы вели разведку. В это время гитлеровское командование кричало о неприступных оборонительных «валах» на востоке. Главным «валом» оно называло рубеж реки Днепра. Нужно было проверить, действительно ли существует этот «вал» на Днепре.

Была у меня карта, которую Руднев шутя назвал стратегической. Обыкновенная десятиверстка, от Дона до Одера и от Черного до Балтийского моря. Когда было время подумать, он говорил мне, всегда улыбаясь при этом:

— Товарищ подполковник, нельзя ли стратегической одолжиться на часок? А?

А когда бывал в шутливом настроении, все уговаривал продать ее. Каких только благ не предлагал он мне! То немецких марок, то оккупационных карбованцев — хоть миллион. А зачем мне марки?

— А хочешь, коровами расплачусь? За каждый квадрат плачу по корове. Сколько тут? Двадцать? Плачу двадцать коров. Как, по рукам?

Но я был непреклонен, и «стратегическая» оставалась у меня в сумке. «Ну зачем мне коровы?»

Разведчикам особенно трудно было без карт. Посылаешь хлопца в разведку, а он два часа сидит у тебя и, пыхтя, срисовывает «кроки» своего маршрута. Дать ему карту нельзя, потому что она единственная, а рисовать эти «кроки» для него каторжный труд... Вот и перебивались.

Вынув из сумки «стратегическую», мы с Рудневым сообща мусолили ее, разрабатывая задания.

Одновременно восемь разведывательных групп пошли на Днепр. Берега Днепра от Речицы и Гомеля до Киева ставились на неделю под тщательный контроль нашей разведки. Каждый паром, мост, дорога, высота, рощица ощупывались, наблюдались, изучались. Надо было дать командованию Красной Армии подробное и исчерпывающее представление о силах и намерениях противника на Днепре. Существует ли там «вал», или он только выдумка, рассчитанная на то, чтобы обмануть русских и заставить испугаться реки?

Мы не льстили себя надеждой, что этот наш кропотливый труд решает важную проблему стратегии. В великой войне слишком мала была песчинка нашего отряда. Но сейчас мы знаем, как протекала одна из славнейших операций Отечественной войны — битва за Днепр. И думается мне, что в небывалом в истории военного дела решении форсировать большую реку с ходу, раньше чем враг успеет занять на ней жесткую оборону, и форсировать ее именно на участке Гомель — Киев, думается мне, что в этом решении есть и наша капля творческого, пытливого, осмысленного государственного труда.

Это был первый результат пребывания у нас «ценного груза». Человек, которого мы называли «товарищ Демьян», учил нас в любой мелочи чувствовать государственный пульс.

Свыше двухсот человек лучших партизан-разведчиков мы разослали на задания и поэтому не могли уходить с места.

Через Москву к нам попала радиограмма крупного партизанского вожака — товарища С. Москва писала: «С. доносит: агентурным путем удалось узнать о готовящейся крупной карательной экспедиции немцев, названной ими «мокрый мешок». С. предполагает, что это операция против Ковпака, и просит указать Ковпаку выходить из боя не в его сторону. Радируйте ваши соображения».

— Сукин сын, — пробурчал Ковпак.

— Что, что? — переспросил товарищ Демьян.

— Сукин сын вин, а не партизан.

Демьян молчал, хмуро улыбаясь.

Руднев задумчиво вертел в руках радиограмму.

Так уже сложилась тыловая обстановка, что действующие отряды в тылу врага разделялись на рейдовые и сидящие на месте. Рейдовые ходили по тылам, совершали набеги, будоражили противника, соответственно своим силам громили его, а базирующиеся на месте создавали базы, обосновываясь в глухих лесных дебрях, действуя вблизи своего района. Каждый вырабатывал свою тактику. Не все понимали, что каждый из этих двух видов тактики нужен и они лишь дополняют друг друга.

Ясно было, что С. опасался нашего прихода, ибо это наверняка означало появление вслед за нами крупных сил врага.

Руднев, усмехнувшись, отдал радиограмму начштаба.

— Спрячьте. История разберется... может быть.

— Шутки шутками, а треба нам рушать в дорогу, — ворчал Ковпак. — Як, начштаба?

Базыма взглянул на командира.

— Не надо было рассылать разведчиков. А теперь, хочешь не хочешь, а придется их дожидаться.

— Ох, вылизае нам боком ця стратегия!

Базыма внимательно вчитывался в радиограмму, как будто в коротком ее тексте можно было найти какой-то скрытый внутренний смысл.

Угроза «мокрого мешка» становилась все более реальной. Мы залезли в него сами, и обстоятельства, помимо нашей воли, удерживали нас в междуречье Днепра и Припяти.

Ковпак еще долго ругался, придираясь то к штабным писарям, то к Политухе.

Он в последние дни был особенно не в духе. Старика окон-

чательио одолели зубы. Выкрошились, болели н вынуждали к молочиой диете, что ему было ие по душе. Самолеты шли на аэродром в Кожушках через час по столовой ложке. Прибывал груз, инструкторы, мииеры, иовая подрывиая техника. На одиом из самолетов прилетелн два врача. Оказалось, это прибыли врач-стоматолог и зубиой техник — вставлять зубы Ковпаку. Леша Коробов, улетая, обещал похлопотать перед иачальством и выручить старика нз беды. И сдержал слово.

Через день стоматолог устаиовил в ельиике хрупкую, блестящую хромированными частями бормашиину и иачал свое дело.

Старые ветераиы отряда ходилн целыми экскурсиямн в ельник и с благоговением иаблюдали сложиую и необычиую операцию.

— Из Москвы. Зиачит, зиают про иас все. Даже про зубы иашего геиерала ие забыли, — восхищался Велас.

Еще через несколько дией для Ковпака и Рудиева прибыли новые воеииые костюмы с фроитовыми геиеральскими погонами. Соедииенне партизанских отрядов стало прииимать вид войсковой частн. Батальоиы и роты, взводы н отделения становились стройней н оргаиизованией, дисциплина и порядок все больше проиикали в дух и содержание иашей работы. Мы стали готовиться в новый рейд. Куда мы пойдем, еще никто ие знал. Ясио было лишь то, что пойдем на юг, где иет лесов, только степи, холмы и горы.

35

К иам перебежал словацкнй солдат Аидрей Сакса. Виачале трудио было договорнться с иим. Он все пытался нзъясияться на международиые темы и поэтому употреблял чисто чешские выражеиия. Более половины слов я ие поиимал. Как только удалось перевестн разговор иа обычиые темы — о жизии солдат-словаков, об их домах, о семье, о немецких властях, мы прекрасио поияли друг друга.

Дав ему побыть у нас иесколько дней н иемиого пообвыкнуть, я стал подольше с иим беседовать. Андрей рассказал мне заиятные вещн. То, что среди словацкнх солдат есть люди, хорошо отиосяшиеся к русскнм и даже готовые перебежать к партизаиам, это я зиал, ио что подполковник Гусар Иозеф, комаидир словацкого полка, стоявшего в Хойииках, положительно отиосится к иам, этого я никак не ожидал. Убедившись, что мы действительно дружескн иастроеиы к словакам, Аидрей призиался, что был шофером подполковника. Дело начинало принимать серьезиый оборот.

— Почему сразу не сказал? — спросил я его.

— Боялся, пан офицер.

— Чего боялся?

Солдат молчал. Я поставил вопрос ребром.

— А может, тебя послал сам подполковник?

— Не, не, прошу пана... — замахал он руками.

— Но знал, что ты к нам идешь?

— Нет. У нас дисциплина. И если бы он смолчал, то завтра половина солдат пошла бы в партизаны, а послезавтра швабы повесили бы самого пана подполковника Иозефа.

Я доложил о нашем разговоре командованию.

Больше всех им заинтересовался товарищ Демьян. Мне показалось, что его уже начал разбирать партизанский зуд. Ничем его не обнаруживая, он говорил спокойно.

— Надо этого словацкого подполковника обязательно агитнуть.

— Но как?

— Написать письмо.

— Это можно. А как его передать? Если оно попадет к немцам, мы погубим человека. Подполковника расстреляют. А если письмо дойдет, надо же еще получить ответ.

— Ну, это ваше дело. Думайте. Передают же люди... — немного вспылил Демьян.

Я подумал об Андрее, но этот вариант сразу отпадал. Его знали солдаты, знали, что он бежал к партизанам.

И тут я вспомнил о Карповне, о том, что она сама вызывалась на разведку в Овруч.

— Давайте ее сюда, — сказал Демьян.

Мы рассказали ей все, ничего не скрывая.

— А это очень нужно? — спросила Карповна.

— Да, нужно, — ответил, не колеблясь, товарищ Демьян.

— Дайте подумать.

— Думайте.

Учительница прошлась по просеке взад и вперед.

Минут через десять она подошла к нам и сказала:

— Я согласна. Только с условием...

— Какое условие?

— Достаньте мне шикарное платье...

— Ну, от ще выдумка... — пробурчал Павловский.

Ковпак так посмотрел на помпохоза, что тот даже крякнул.

На чистом куске холста от парашюта Вася Войцехович напечатал текст письма. Карповна зашила его в полу куртки.

До места ее провожало отделение разведчиков под командованием Кашицкого. В нескольких километрах от городка они должны были ждать ее, пока она не вернется.

К вечеру экспедиция вышла из лагеря.

На четвертые сутки Карповна вернулась. Я расспросил ее и повел к Демьяну. Когда мы, внимательно выслушав Карповну, обменялись мнениями о результатах, товарищ Демьян сказал:

— Почему вы не фиксируете такие вещи? Надо фиксировать. Тем более, что это же грамотный человек.

Я взял в штабе несколько листов бумаги и пошел к Карповне.

— Вы можете записать весь ваш разговор с подполковником?

— На свежую память могу.

— Пишите.

Она присела у пня свежесрезанной сосны и тут же карандашом записала весь свой разговор.

Я передаю его без изменений.

«— Господин подполковник, я пришла к вам как представитель Красной Армии.

— Какой Красной Армии? — спросил подполковник.

— Красной Армии, действующей в тылу противника.

— Что вы от меня хотите?

— Я хочу, если вам дорога ваша родина, если вы хотите видеть свою Словакию свободной, чтобы вы поступили так, как поступил полковник Свобода.

— А кто такой полковник Свобода? Я его не знаю.

— Полковник Свобода — это чехословацкий полковник, перешедший со своей дивизией на сторону Красной Армии и воюющий теперь против нашего общего врага — немцев.

Подполковник молчал.

— Господин подполковник, я принесла вам письмо от наших генералов.

— Давайте его мне, — сказал подполковник.

Я отдала ему письмо.

— Но я не понимаю по-русски.

— Дайте я вам прочитаю и объясню непонятные места, — сказала я, — «Господин подполковник. . .» — начала я читать письмо.

— А вы знаете, что я могу вас расстрелять? — спросил он.

— Знала еще тогда, когда получила задание отнести вам письмо.

— Зачем вы пошли?

— Нужно было, — ответила я.

Подполковник молча посмотрел на меня. Что он в этот момент подумал, не знаю, но у него был такой удивленный вид, что в другой обстановке я, пожалуй, расхохоталась бы, но теперь я попросила его, чтобы он выслушал меня до конца, а потом уже привел свою угрозу в исполнение.

— Нет, никогда я не отдам вас в руки немцев! — воскликнул подполковник.

Когда было кончено чтение письма и его объяснение, подполковник сказал:

— На парламентерские переговоры я не пойду, перейти на сторону Красной Армии не могу, потому что за это нашу родину немцы сожгут.

— А полковник Свобода перешел же? На днях опять об этом писали,— сказала я.

— Он был во Франции, в Германии и оттуда пошел на фронт, там он перешел на сторону советских войск. Мы же находимся в тылу врага. За переход словаков на сторону партизан их семьи расстреливают или жгут их дома,— ответил он.

— Но бывают же случаи, что во время боя сдаются в плен. Почему же вам не перейти на сторону партизан во время боя? — спросила я.

— Потому, что немцы уничтожают семьи тех словаков, которые перешли на сторону партизан, и тех, которые сдались в плен, — ответил подполковник и в подтверждение своих слов прочитал немецкий приказ.

— Но ваши же переходят? — сказала я.

— И плохо делают, — ответил подполковник. — Нам немцы не доверяют, и если начнется массовый переход словаков на сторону партизан, то нас отсюда уберут и на наше место пришлют немцев. Вам же будет хуже. Мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте. Когда вы наступали на Брагин, мы немцам на помощь не пошли. Мы вас не обстреливаем, если мы одни; хотя и видим вас. Все наши солдаты на стороне русских. Русские — наши братья. Чем можем, тем помогаем. Лично я из этого местечка отпустил трех человек, которым грозил расстрел, и многих партизан отпустил на свободу. Большего сделать пока что не можем, у нас ведь у всех словаков есть семьи, а если мы перейдем к вам, то их уничтожат. Бейте германов! Мы их тоже ненавидим. Уничтожать их мы вам не помешаем. Еще передайте своим командирам: лучше вам перебраться на другую сторону реки, а то прибыло много мадьяр и немцев с танками в местечко Н. и Р. На другой стороне реки их меньше.

— Значит, все? — спросила я.

Он ответил, что перейти на нашу сторону пока нельзя. И замялся, покраснев.

— Уходите скорее, чтобы вас здесь не заметили, вам нужно жить, — сказал подполковник задумчиво в конце нашего свидания».

Но не во всем благополучно окончилась эта разведка. От-

деление Кашицкого, сопровождавшее Карповну, осталось ждать в лесу под Хойниками. Хлопцы вели себя беспечно, их заметили. Когда они уснули, на них напали. Один разведчик был убит, а пулеметчика Пархоменко взяли в плен вместе с пулеметом.

Кашицкого Ковпак разжаловал в рядовые. Нужно было выяснить судьбу Пархоменко. Если он в руках у словаков, мы еще могли надеяться, что они его хотя бы не расстреляют.

— Нужно немедленно послать кого-нибудь в Хойники, — приказал Руднев.

— Но кого? Карповну нельзя. Сейчас ее может выдать тот же Гусар Иозеф.

Приблудилась к нам одна девчушка по имени Валя, воспитанница Богодуховского детдома на Харьковщине. Немцы угнали ее на работу в Германию. Ей удалось бежать, и где-то возле Киева она набрела на наш отряд. Пристала к нам. В роту я ее не послал. Носить оружие ей пока было не под силу. Измученная непосильной работой, она походила на золотушное дитя гигантского роста. Сходство довершали остриженная под машинку голова и коротенькое платье. За две недели пребывания в отряде она успела немного откормиться, обмыться, приодеться, и на голове у нее буйно росли короткие мальчишеские вихры, завивавшиеся возле ушей и на затылке. Валентина рассказывала мне о Германии, о подземном городе, вырытом в горе, где работали тысячи русских пленных, поляки, французы и украинские девчата. Они производили оружие и части к самолетам. Город назывался Зуль. «Подземный город Зуль, Зуль, Зуль. . .» — часто сверлила мой мозг мелодия, когда я на марше видел стриженую девчурку, рассказавшую мне впервые о «белых неграх» — тысячах невольников, свезенных со всей Европы в подземелья кровожадного фашистского Ваала.

Валя неплохо владела немецким языком. Имела документы, добытые в Польше. С ними могла ходить по оккупированной территории, якобы пробираясь домой на Харьковщину. Она недавно сама просилась в разведку. У нас каждый не участвовавший в боевых делах чувствовал себя неловко. Такой уж была атмосфера нашего боевого коллектива. Валю я и решил послать в Хойники.

Она вернулась на четвертый день и рассказала о смерти Пархоменко.

Его вывели расстреливать 1 мая.

Гестапо вызвало словацких солдат. Никто, ни словацкое командование, ни солдаты, видимо, не знали, зачем их вызывают. Пархоменко поставили у ямы, и немец прочитал приказ о расстреле. Жителей допускали на такие зрелища, очевидно,

для внушения им почтения к немецкой власти. Среди небольшой группы женщин и толпы вездесущих глазастых мальчишек толкалась Валентина. Пархоменко стоял лицом к взводу и улыбался. Если бы я не знал его хорошо, я не поверил бы Валентине, но то была правда. Пулеметчик этот улыбался всегда. Казалось, не было на свете причины, способной заставить его опечалиться. Он всегда носил свой ручной пулемет на плече, как коромысло или булаву, взяв его за конец ствола, ложем за спину. И в свой смертный час он остался самим собой. У могилы улыбался и, вероятно, думал об одном: «Как жаль, что в руках нет моего «дегтяря». Дал бы я вам партизанской жизни».

— И вдруг, — рассказала Валентина, — когда раздалась команда и солдаты звякнули оружием, Пархоменко произнес речь.

Валя не сумела запомнить слов, не смогла толком рассказать, глаза ее были полны слез, всхлипывая, она повторяла:

— Он говорил о дружбе славянских народов и затем крикнул: «Кого стреляете, словаки, чехи, — своего брата?»

И тогда немец скомандовал взводу. Они подняли ружья и выстрелили все сразу. Пархоменко стоял у ямы и... улыбался. Все солдаты выстрелили в воздух. Немец закричал и бросился к солдатам с маузером в руке. Пархоменко перепрыгнул через яму и бросился бежать по кладбищу. Немец застрелил двух солдат.

Пархоменко остановился и побежал обратно.

«Стреляй шваба, стреляй, браты!» — крикнул он. Но солдаты стояли молча. И немец выпустил всю обойму в Пархоменко. Я ушла, не могла больше. Эти солдаты не могут убить партизана, но и на немца у них тоже не поднимается рука...— И девушка громко зарыдала, уткнувшись мокрым лицом мне в колени.

36

Наши бойцы явно скучали. Уже давно мужички из Аревичей, Тульгович и Красноселья растащили, отвинтили, обломали все, что отвинчивается и ломается, с обгоревших и продырявленных пароходов. Мы были привязаны к этому месту нашей стратегической разведкой. Ее выполняли тринадцать разведывательных групп. Всего до двухсот разведчиков рыскали по Днепру от Речицы до Киева, ощупывая побережье древней реки протяжением на триста километров. Надо было дать хлопцам время сделать работу добросовестно и вернуться. Три разведгруппы пошли еще дальше: одна — под командованием Шумейко, командира разведки второго батальона, — под Чернигов; другая — под командованием Швайки, командира

разведки третьего батальона, — под Бахмач — Конотоп; Федя Мычко ушел под Киев, к Могиле. Поэтому мы сидели на месте, чувствуя, что хватили через край. Федоров и Мельник давно ушли через Припять на запад. Ближайшие разведгруппы, ведущие разведку, «на себя», приносили тревожные вести, а уходить было нельзя. Не могли же мы бросить лучших своих людей.

Конечно, разведчики не погибнут, но найдут ли они свое соединение или пойдут бродить по белу свету? Не пора ли и большому зверю навострить копыта?

— И рада душа в рай... Эх, не в час мы в цю стратегию втуталысь... — чесал затылок Ковпак, искоса поглядывая на товарища Демьяна.

— Обойдется, — говорил тот.

— Залезли мы сами в мешок. Вот что плохо, — говорил Руднев, разглядывая карту. — Две больших реки, а мы между ними. Действительно, «мокрый мешок».

Но бросать разведчиков командование все же не решалось. Немцы по всем правилам организовали оборону по берегам рек: по Припяти — на правом западном берегу, фронтом на восток; и по Днепру на восточном — фронтом на запад. Конечно, это были пока только отдельные гарнизоны в селах, где по роте, где по батальону. Но с нашими переправочными средствами, с большим количеством грузов, припасенных для нового рейда, прорвать эту оборону и вырваться через реку было трудновато. Оставался один путь: вылезать из мешка на север.

— Ох, завяжуть нимцы гузно, буде нам мишок, — кряхтел старик.

К середине мая собрались разведчики, подтвердившие наши опасения. Но одновременно они сообщали: на участке от Речицы до Киева никаких оборонительных сооружений нет. Нет не только дотов или дзотов, но даже и окопов. Правда, разведка «на себя» подтверждала скопления войск. По разношерстному их составу, малому количеству артиллерии ясно было, что эти войска предназначены для действий против партизан.

Днепр и Припять, сближаясь, образуют нечто вроде треугольника, обращенного своей вершиной на юг.

Замысел немецкого командования был понятен: загнать партизанские отряды в угол и прижать к воде. Это подтвердили позже немецкие пленные солдаты. Потому-то задуманную операцию так и называли они — «мокрый мешок».

Наиболее простым и правильным решением был выход на север. Междуречье расширялось в этом направлении и давало большую свободу маневра. Выйдя за линию железной дороги Мозырь — Гомель, мы попадали в белорусские леса, где действовали сотни отрядов отважных белорусских партизан. Затем,

повернув на запад, могли двигаться вдоль Припяти сколько нам угодно, хоть до Буга и Вислы.

Но так только казалось. В последних числах мы выдвинулись из района Аревичей и, пройдя между Хойниками и Аревичами, где все еще стояли словацкие гарнизоны, подошли к железной дороге. В это время на аэродром в Кожушках вернулся Горкунов, лечившийся после ранения в Бухче, и принял на себя войсковую разведку. Я вел агентурную и подытоживал по заданию товарища Демьяна результаты наших крупных разведывательных операций на побережье Днепра.

Не знаю, как это случилось, но выбор места форсирования железной дороги оказался не слишком удачным. Кажется, подвел нас политрук разведки Ковалев. Он хотя и знал наизусть «Анну Каренину» и многие другие художественные произведения, но разведчиком был неважным. Помню, что именно по его данным мы выбрали место форсирования на лесном полустанке, западнее станции Демихи. Правда, мы получили сомнительные сведения от местных партизан о том, что участок железной дороги между Днепром и Припятью усиленно охранялся. Кто-то из командиров отряда даже уверял, будто немцы в последние дни поставили на этот участок железной дороги полторы дивизии. Но мы не могли поверить этому явно фантастическому слуху. До сих пор немцы охраняли железные дороги небольшими силами самых разношерстных и низкопробных войск.

Но подойдя вплотную к полустанку, мы убедились, что местные партизаны, пожалуй, были правы.

Конечно, будь место форсирования железной дороги выбрано лучше, мы бы пробились через нее. Как это ни странно на первый взгляд, но этот полустанок был очень хорош для ведения разведки днем и оказался совершенно непригодным для ночного перехода через него большой колонной.

Узкие просеки, ведущие к железной дороге, уже за сто метров от железнодорожного полотна с одной и другой стороны были сплошь завалены деревьями: лес вокруг просеки немцы вырубили и свалили на землю, очевидно, что кое-где завалы даже заминировали. Для того чтобы успешно провести всю колонну через переезд, следовало сперва перебить или разогнать охрану линии, потом разобрать завалы с одной и другой стороны и только тогда продолжать движение отряда с обозом.

Бой за переезд начали третья, восьмая и пятая роты. Командование этим сводным батальоном выпало на мою долю. Мы бросились вперед в тот момент, когда мимо проходил эшелон. Это была единственная возможность под шум поезда проскочить стометровую полосу, заваленную сухим валежником,

который трещал под ногами. Но мы не смогли учесть одной детали, ибо разведка днем проморгала эту «мелочь»: подходы к переезду были опутаны колючей проволокой. Подбежав вплотную к полотну, роты напоролись на колючку и залегли. Пока побежали в обоз за ножницами, поезд прошел, наступила тишина. Через минуту залаяла собака, в небо взвилась ракета, одна, другая. Раздалось несколько винтовочных выстрелов часового, и начался бой.

Он продолжался до самого утра.

Третья и восьмая роты проскочили через железную дорогу, обойдя переезд. С другой стороны ворваться на полустанок тоже было невозможно: везде колючая проволока. Словом, гарнизон полустанка, почти полностью перебитый и обладавший лишь одним пулеметом и несколькими автоматами, взять все же не удалось.

На рассвете противнику стали подбрасывать подкрепления. Но небольшие составы, в пять-шесть вагонов, подходившие к полустанку, в упор расстреливались батальонами и ротами, к утру введенными нами в бой.

Патронов мы не жалели, так как были ими снабжены хорошо, и, казалось, лес уже перестал отзываться эхом на бесчисленное количество выстрелов и очередей, на гуканье бронебоек и взрывы ручных гранат.

Вырывался пар из трех подбитых и продырявленных паровозов, кричали раненые фашисты; большинству из них не удавалось даже вылезть из вагонов. Их крошили перекрестным огнем восьмая и третья роты, находившиеся по другую сторону пути. Но все это было только половиной победы. Чем выше поднималось солнце, тем яснее становилось нам с Базымой, что это первая железная дорога, которую нам не удалось перейти.

Немцы удивили нас своим упорством в стремлении разбить отряд. Скажу прямо: мы не ожидали от них такой прыти.

Часов в десять утра из обоза, остановившегося в полукилометре от полустанка, переползая от дерева к дереву, к нам пробирался Миша Семенистый. Не дойдя метров тридцати, он крикнул:

— Товарищ начальник штаба, товарищ подполковник, вас командир вызывает!

Мы лежали в валежнике на опушке леса. Базыма взглянул на меня и спросил:

— Как думаешь, Петрович, отходить?

— Да, пожалуй,— ответил я.

Туман, до этого времени скрывавший нас от немцев и проклятый полустанок от нас, рассеялся, все стало видно как на ладони. Метрах в семидесяти пяти впереди, еле заметно, грибом вросло в землю маленькое деревянное здание, засыпанное

до крыши землей. Вот оно-то, как кость поперек горла, стало на нашем пути.

Чем дальше затягивался бой, чем детальней выяснялись силы противника, тем больше наше первоначальное удивление переходило в тревогу. Дело принимало серьезный оборот.

За ночь и на рассвете мы успели изучить всю опушку леса и знали каждое дерево на ней. Отползать стали быстро и смело.

Но, видимо, не все позволенное ночью можно делать и днем. За проволочными заграждениями у противника уже было несколько пулеметов, и не успели мы с Базымой подняться для перебежки, как пулеметные очереди снова прижали нас к земле.

Нервы, отвыкшие за время полуторамесячной мирной стоянки на аэродроме, не выдержали напряжения. Помню, как сейчас: мы залегли за старой, раскоряченной, как рукоятка гигантской рогатки, сосной, и каждый из нас спрятал за ее ствол лишь голову и часть туловища. Щепки летели от сосны, осыпая нас корой и смолистой хвоей, прижимая все ближе и плотнее к земле. Почти касаясь щекой мягкой, усыпанной желтыми хвойными иглами земли, я взглянул на Базыму, а он на меня — и вдруг мы весело заржали, два старых дурака.

Еще полгода нам пришлось воевать вместе, часто встречаемся мы с ним и сейчас, но этот смех под раскоряченной сосной мы всегда вспоминаем в первые минуты свидания.

— А помнишь, как мы лежали под сосной на полустанке?

— Ну, еще бы...

Когда мы подошли к обозу, оказалось, что и там было небезопасно. Хотя штабные повозки находились в середине, но и туда залетали шальные пули и мины. Убило комиссарову лошадь, красавицу, белую арабскую полукровку, прошедшую с нами весь путь от Брянских лесов.

Ковпак лежал на повозке, закутавшись с головой в воротник своей мадьярской шубы, и курил цыгарку за цыгаркой.

Возле комиссара толпились представители Большой земли; товарищ Демьян сидел на тачанке с прутиком в руках; Сергей Кузнецов что-то оживленно объяснял Панину.

По сконфуженным лицам Руднева и Базымы (это ведь был первый бой в присутствии Демьяна), по тихим многоэтажным словам Ковпака, которые он цедил сквозь новые зубы, по подчеркнуто спокойным репликам товарищей с Большой земли было ясно, что положение серьезное.

Связным было передано приказание выводить роты из боя.

Не знаю, понимали ли это все, но товарищ Демьян, Ковпак и Руднев понимали. Неудача на полустанке означала, что надо поворачивать назад, на юг. Места для двух- или трехдневного маневра было достаточно, но уже становилось ясно, что противник снимется с железки и пойдет вслед за нами, все более

и более загоняя нас в тесный «мокрый угол», загребая нас, словно рыбу неводом.

Начало операции ему удалось. Нашу попытку выйти из мешка он отбил успешно.

— Завертай, Политуха,— сказал Ковпак, спрыгнув с тачанки.

Обоз уже двигался по дороге в обратную сторону. Назад ушли и повозки штаба, уехали товарищ Демьян и Руднев.

Ковпак присел в придорожной канавке. Мы с Базымой передавали краткие словесные приказания и сообщали порядок отхода. Дед сидел и ворчал:

— О це мени морока с цым гарнизоном.

Я подошел к нему и расстелил карту. Он рассвирепел еще больше:

— Ну, що ты з картою зараз? Тут треба думать, як вылазыть. Не казав я, раниш выходыть в рейд, а от тепер далы время нимцю гузно у мишка завьязаты. От тепер попробуй вылизай.— Затем кинул мне через плечо: — Щоб мени до вечера той Ковалев не попадався пид горячу руку. Пристрелить можу. Поняв?

И вдруг легко, на ходу, прыгнул в проезжавшую мимо обозную тачанку и скрылся за поворотом лесной дороги.

Многие роты уже вышли из боя, но не было двух: третьей — Карпенко и восьмой — Сережи Горланова. Они оказались отрезанными по ту сторону насыпи.

Кроме первых трех подбитых нами на полустанке составов, немцы пригнали еще несколько. Им удалось разгрузить их в стороне. И, судя по выстрелам, раздававшимся то тут, то там, и лаю собак, они уже двигались цепью по лесу, заходя нам в тыл. Надо было уносить ноги.

Базыма оставил несколько пулеметных расчетов прикрывать отход. Сзади еще задержалась пушка Ефремова и несколько повозок, вывозивших раненых.

Немцы обходили нас, все глубже забирая в лес.

Мы уже собрались уносить ноги, когда со стороны полустанка галопом прискакала оседланная лошадь. Базыма выскочил на просеку и поймал ее под уздцы.

Только тогда мы увидели Костю Дьячкова: он лежал, склонившись на шею лошади, весь окровавленный. Мы переложили его на Базымову повозку. От головы до ног он весь был в крови. Я сел за извозчика. Базыма пробовал выяснить, куда он ранен, поговорить с ним, но парень, видимо, агонизировал. Когда мы догнали обоз и поехали шагом, начальник штаба сказал: «Конец!» А потом вдруг нагнулся над телом Кости, разжал его кулак и вынул смятую в комок бумагу. Разгладил ее и вытер полой кожанки Костину кровь, проговорив:

— Письмо. Возьми! Приедем, на месте разберемся.

Конверт был в крови, к нему прилипли песок и пожелтевшие иглы хвои. Это был конверт с подложкой из толстой сиреневой бумаги. Вскрыв его, я увидел, что письмо сохранилось. Я спрятал исписанные листки в полевую сумку вместе со своим дневником и письмами украинских девчат из Германии.

Отойдя километров десять на юг от железной дороги, мы раскинули лагерь в лесу, выставив заставы, и простояли до вечера, надеясь, что роты Горланова и Карпенко все же нагонят нас. Но они так и не пришли. Медлить мы не имели права. Сейчас нас могли спасти только решительность, быстрота движения; нам помогало и то, что вражеский мешок был относительно велик.

Пока междуречье еще давало нам возможность выбирать самим то место, где удобней всего было бы вылезать из мешка. Не дождавшись сумерек, двигаясь лесом, скрывавшим наше движение от авиации, мы начали стремительный марш на юг, почти по той же дороге, по которой и пришли. На месте нашей десятичасовой стоянки осталась лишь одинокая могила Кости Дьячкова да где-то на линии железной дороги две лучшие роты — Карпенко и Горланова. Судьба их нам была неизвестна...

37

Рассвет застал отряды южнее Хойников, недалеко от места, где еще три дня назад мы принимали самолеты.

Разведать Аревичи и близлежащие шоссейные дороги мы не успели и поэтому решили два дня стоять в лесу.

Начиная от Тульговичей, Припять была хорошо разведана нами еще во время стоянки и разгрома флотилии. Русла и бесчисленные «старики» и «старицы» обхожены разведчиками рыболовами. Переправляться через реку можно было только здесь.

Для того чтобы построить мало-мальски пригодную переправу, следовало выгадать два-три дня. Южнее села Тульговичи, у громадного заливного луга, стоял некогда большой сенопрессовальный завод. Конечно, он зря носил громкое название — «завод»: это был просто громадный деревянный сарай, чуть ли не в полкилометра длиной, а в сарае несколько станков, прессующих сено. Да еще километра на полтора протянулась к заводу и от завода к реке узкоколейка.

Завод сейчас не работал. Станки были разбиты, большая часть рельсов, сорванная со шпал, лежала в стороне.

Стены прессовального завода мы решили использовать как материал для наплавного моста.

У нас уже был опыт постройки наплавного моста через речку Тетерев; завелись и кадры сплавщиков, возглавляемые

Яковенко из Блитчи, носившим громкое название «командира отделения саперов-понтонеров».

Когда Ковпак привез Яковенко на своей тачанке к сенопрессовальному заводу, тот долго ходил вокруг сарая, заложив руки за спину, останавливаясь и почесывая всякие места, начиная от потылицы и ниже, которые надлежит почесывать настоящему потомственному украинцу в затруднительные моменты, и пытался убедить Ковпака, что в Блитче лесоматериал был другой: толстые сосны и ели, река поменьше и знакомая. Но дед упрямо настаивал на своем.

— Речка незнакомая? — говорил Ковпак. — Ты что ж, думал, только в знакомых местах воевать? Раз вже решився — я ж тебе силою не брав,— так у нас, брат, дисциплина.

Последний аргумент Ковпака, видимо, убедил «сапера», и он, еще раз почесав потылицу, замолчал.

Но, потерпев поражение в вопросах технических, Яковенко попробовал было отыграться на тактических соображениях.

Километрах в трех от сенопрессовального завода, на противоположном берегу, в чаще леса, скрывалось село Тешков. Уже около недели в Тешкове стоял эсэсовский батальон.

Выторговав около полутора суток на постройку наплавного моста, Яковенко поставил вопрос прямо:

— А дадут нам тешковские построить мост?

— А то не твое дило. Мост будемо строить в кустах за насыпью, по кускам. За ночь сведемо в одну линию и утром переправымось.

Яковенко, подияв было руку к потылице, не дотянул ее и двинул плечом:

— Ну, тогда возражениев не имею.

— Так бы и давно. Но тилько памятай, у нас так: не давши слова — крепысь, а давши — держысь.

Яковенко получил под свое техническое руководство несколько рот первого батальона, и постройка началась.

Но с севера от Аревичей уже подошли немецкие части, которые начали загонять нас в мешок. Пока это были два полка пехоты и восемь танков. Но, кроме них, нам следовало учитывать еще два полка — словаков, которые до сих пор, по договору с подполковником Иозефом Гусаром, сохраняли нейтралитет; однако, с подходом крупных немецких сил, и они могли быть брошены против нас.

В это время нас догнала рота Карпенко, отставшая за железкой. Карпенко подтвердил скопление больших сил на севере. На шляху Гомель — Хойники, он сам видел: всю ночь двигались автомобили, танкетки, бронемашины, артиллерия.

Ковпак взял на себя постройку моста. Руднев должен был удержать противника и не дать ему прорваться. На карту

мы ставили все. Пока что инициатива попрежнему была у нас. Но если немцам удастся прорвать нашу оборону, или же Ковпак затянет постройку моста, или же тешковские наблюдатели разгадают место и точку нашей переправы,— нам придется туго.

К концу первого дня начался бой. Стычки носили характер авангардных боев. Заставы, сбив передовые отряды немцев, сразу же отходили в лес. Правда, на одну из застав навалилось три танка, и отход ее был больше похож на бегство. Выручили минеры, подорвавшие передний танк на узкой лесной дороге.

По присутствию танков на этом участке мы определили, что именно здесь намечается основной удар гитлеровцев по шляху, вдоль левого берега Припяти, к югу. Они вели разведку боем, но вели ее и мы.

К концу первого дня стало ясно, что завтра противник готовит большое наступление на разгром.

Правила партизанской тактики и опыт, уже становившиеся каноном, подсказывали нам, что именно здесь, вдоль опушки леса, надо строить оборону. К счастью, в штабном сундуке Тутученко оказалась километровка этой местности. Руднев долго изучал ее, прикидывая циркулем, намечал что-то карандашом. За час до захода солнца он оставил Базыму руководить боем застав, взял с собой Матющенко, Кульбаку, Анисимова и меня и помчался к селу. Мы едва поспевали за ним, не понимая, зачем ему нужно было так спешить.

На юго-восточной окраине села, куда мы прискакали галопом, оказалась большая, заросшая кустарником высота, полого уходящая вверх. На ее макушке чернел сосновый бор. Когда мы взлетели на высотку, солнце уже заходило. Едва мы повернули коней на северо-запад, как сразу поняли, куда так спешил Руднев.

Впереди расстилалось поле завтрашнего боя.

Ни слова не говоря, Руднев только показал нам широкую равнину, косым углом уходящую к селу, ограниченную справа речушкой, перерезающей Тульговичи пополам, слева — шляхом из Юрович и Припятью.

— Ну, как? — спросил комиссар.

Кроме Руднева, здесь не было ни одного военного профессионала. Колхозник Матющенко, кооператор Кульбака, снабженец Анисимов и я, смиренный служитель муз,— ни один из нас ни разу в жизни не слушал ни одной лекции ни по топографии, ни по тактике. Но если мы хоть что-нибудь понимали в слове «позиция», то это была она.

— Вот тут завтра будем давать бой,— сказал Руднев и слез с коня.

Мы вытащили ноги из стремян.

— Куда? — спросил Руднев.— Ловите момент. Вы не увидите больше всей этой позиции в целом, так запоминайте ее сейчас. Изучайте на местности каждый овраг, куст и бугор. Все пригодится вам завтра.

Солнце уже зашло. Со стороны реки и леса набежали тени, закрывая пригорки, бугорки, овражки и речки. С Припяти вставал туман, над Тульговичами поднимались хозяйственные дымки из труб.

— Матющенко будет на левом фланге. Кульбака — на правом. Изучайте свои участки и участки соседей. Обоз и раненых расположим в бору,— комиссар указал на восток.— В кустах — батарея. Анисимов стрелять будет с закрытых позиций. На этом месте — наблюдательный пункт.

До сих пор наши партизаны привыкли ночью либо двигаться, либо спать. Эта же ночь перевернула все наши привычные партизанские представления об этом времени суток. С высоты мы спустились вниз, и на местах, выбранных и указанных Рудневым, целую ночь рыли окопы полного профиля. Большая часть нашего рядового состава была знакома с примитивным фортификационным делом. Многие служили младшими командирами в армии, пришли к нам из окружения и плена, но все же стоило немалых трудов заставить людей серьезно отнестись к окопным работам. Тем не менее к рассвету подходы к Тульговичам опоясались глубокими канавами, были отрыты одиночные ячейки для бойцов, пулеметов, бронебоек. От них — ходы сообщения к реке, оврагам. Словом, в шесть часов утра противник начал наступление на несколько километров севернее нашего настоящего переднего края. Проведя предварительную подготовку, вошел в лес и никого там не обнаружил. Подготовка ушла впустую. Часть дня мы выиграли без выстрела.

Лесные дороги были нами заблаговременно подминированы, и на них взорвался еще один танк и несколько автомашин. Немцы шли по лесу цепями, прочищая его. Только к двенадцати часам дня они сосредоточились на южной опушке леса, провели разведку и лишь к двум часам дня начали наступление на Тульговичи.

Не меньше двух полков пехоты и пятнадцати танков пошли в наступление против нас и были отбиты с большими потерями двумя нашими батальонами. Пушечки Анисимова тоже хорошо поработали.

Конечно, это не так просто — отбить даже одну атаку немцев. А мы отбивали их трижды в этот день.

В бою за Тульговичи и Кожушки я до конца понял Руднева. Какой командир! Ясный ум, командирский темперамент,

умение одновременно видеть все этапы и фазы боя и его развитие и кульминационный момент. Не партизанский вожак, а генерал регулярной армии. Как жаль, что ему пришлось растрачивать свой талант, командуя несколькими пушчонками и двумя батальонами, насчитывавшими в совокупности не более трехсот человек, тогда как ему было бы по плечу руководить десятками тысяч бойцов.

Главное в этом бою было то, что позиция, выбранная Рудневым и показанная нам накануне в лучах заходящего солнца, надежно обеспечивала фланги шестикилометрового участка нашей обороны.

Ковпак строил в кустах мост, через который к утру должен был переправить всю свою армию; а это как-никак — полторы тысячи человек, два 76-миллиметровых и восемь 45-миллиметровых орудий, десятки тонн груза, сотни повозок и тачанок.

К рассвету наступил критический момент. На лодках и частью вплавь мы перебросили две роты на противоположный берег, чтобы обезопасить себя со стороны Тешкова, но переправу основной массы наших сил нельзя было начинать. Яковенко просчитался и построил мост метров на двадцать короче. Надо было дотачать его, но нехватило материала и людей. Не спавшие несколько ночей хлопцы уже впали в состояние апатии.

Противник отошел вчера с большими потерями. Оборону мы сняли и подтянули все силы к реке. Но сегодня немцы должны были начать наступление с новым ожесточением.

Оставшийся в Тульговичах взвод конницы всю ночь швырял в небо ракеты всех цветов, имитируя оставшуюся на местах оборону. Надо было торопиться. Но люди совсем выбились из сил.

И вот, когда уже почти совсем рассвело, в воду вошел в хромовых сапогах и коверкотовых бриджах товарищ Демьян. Вместе с ним в реку полезли по одну сторону — Павловский, по другую — я, и мы начали таскать к переправе бревна, хворост, траву... Сейчас же в работу включилась рота Бакрадзе, воодушевленная своим командиром. Давид бегал в одних кальсонах, похожий на огромного утопленника, крича совершенно непонятные грузинско-русско-украинские слова. Наконец последние двадцать метров моста на мелком песчаном берегу были кое-как достроены. Вернее говоря, тут была навалена куча досок, бревен, гнилых пней и все забросано песком, камышом, кустарником и в довершение присыпано сверху землей. Мы и сами не могли бы точно определить, что это такое, но теперь появилась хоть некая видимость почвы под ногами — и это было главное. К счастью, река с нашей стороны оказалась неглубокой.

К восходу солнца отряд стал переправляться. Одновременно передовые роты, переплывшие на лодках, начали бой.

В Тешкове проснулись, обнаружили нас.

Но по мосту уже бежали старики, девушки, мальчишки с патронными ящиками на плечах, поднося боеприпасы.

Рота за ротой с ходу бросалась в бой.

На том берегу, у столетнего, снесенного грозой дерева, к которому был привязан трос, державший мост, стояли Руднев и товарищ Демьян. Жестами, словами, шуткой они подбадривали бегущих бойцов.

Переправив часть рот, мы задержали два батальона на том берегу и стали переправлять обоз. Но больше всего мы опасались за артиллерию. Невозможно было переправить пушки с лошадьми по хлипкому и жиденькому мосту, колыхавшемуся даже под тяжестью человека. Пушки переправляли отдельно, без зарядных ящиков, вручную. Они погружались, и их тащили под водой. Одна накренилась и почти свалилась в воду, но ее подхватили люди; они сами падали в воду, выплывали, цепляясь за тросы, бревна, и все толкали тяжелую пушку вперед. Когда перевезли артиллерию, мы уже поверили, что мост способен выдержать всю тяжесть отряда.

Переправа продолжалась больше половины дня. Я не знаю, что делалось там дальше. Сразу, как только переправили пушки, я ушел, по приказу Руднева, в лес, где вели бой рота и второй батальон Кульбаки.

Вначале мы только сдерживали натиск батальона, наступавшего от Тешкова. Противник опомнился и хотел отбросить нас обратно к реке, но, подтянув минометы, а затем и пушки, мы сами повели наступление и во второй половине дня ворвались в Тешков с юга.

Село горело, трещал тысячами выстрелов патронный склад. Изредка взрывались гранаты. Разноцветным фейерверком разлетались во все стороны ракеты. В конце улицы мелькали спины убегавших, и вся дорога была голубой: гитлеровцы, бежавшие по центральной улице села, бросили более двухсот шинелей и не менее ста мундиров. Это были новые эсэсовские шинели голубого сукна на шелковой подкладке и такие же мундиры. Они-то, пожалуй, и спасли часть тридцать девятого эсэсовского батальона.

Может быть, всего минуту задержались наши бойцы, разглядывая диковинные, до сих пор не виданные шинели, но этой минуты как раз и хватило противнику. Часть эсэсовцев успела уйти на машинах, прикрываясь огнем одной танкетки, остальные напрямик чесали через поле к кустам и к лесу.

Вечером отряды Ковпака взяли курс на запад.

Форсировав Припять в пятый раз, отряды выбрались из «мокрого мешка».

На второй стоянке я занялся содержимым своей полевой сумки. Она разбухла, и надо было освободить ее для новых донесений, заметок и документов. Среди бумажного хлама я обнаружил конверт, покрытый большими ржавыми пятнами, и несколько секунд вертел его в руках, пока не вспомнил, откуда он у меня: это было то письмо, которое конвульсивно скомкала и зажала рука конного разведчика Кости Дьячкова в его смертный час. Прошло не больше недели, а я уже не сразу мог вспомнить, что это такое. «Тогда, на солнце, свежая кровь так ярко алела, теперь же лишь неясные, расплывчатые пятна ржавчины на бумаге!» — пытался я внутренне оправдаться. Но себя трудно обмануть.

Начал читать. Письмо к матери. Простое, солдатское письмо. В нем были поклоны родным, приветы товарищам, наивные описания своих боевых дел. Но в конце письма — ярким лучом — глубокое, пережитое и только для себя сохраняемое, застенчивое чувство... Поразили меня последние слова письма. Костя писал: «Мамочка! Идем на большие дела. Все может быть... Но если я погибну, не смей плакать! Ты гордись мною!»

Я отложил письмо и задумался, вспоминая Дьячкова. Где, как и откуда в этом дерзком, молчаливом и грубом на вид парне нашлись нежные, полные человеческого достоинства слова?

Долго смотрел я на строки и несколько раз перечитывал расплывавшиеся в глазах слова: «Мамочка!.. если я погибну, не смей плакать! Ты гордись мною...»

Если моим сыновьям суждено так же, с оружием в руках, защищать честь и свободу родной земли, высшей наградой для меня были бы такие же мысли. Пусть поднимутся они из самых глубин юношеской чистой души!

Я дописал матери Кости несколько слов от себя. Написать о смерти сына нехватило сил.

Вложив письмо в конверт и надписав адрес, я отправил его на аэродром.

Три марша на запад — и мы вошли в гущу партизанских владений. Это был тот самый, открытый и завоеванный нами в декабре, совместно с Сабуровым, партизанский край. Мы перенесли его из Брянских лесов сюда, в район Лельчиц, Словечно, Сарны.

Теперь трудно узнать эти места; некоторые села сожжены; оставшееся в живых население ушло в леса; все способные носить оружие носили его; в лесах возникали новые поселе-

ния — землянки и лагери партизан. Сотни отрядов — украинских, белорусских, польских — обосновались здесь. Многие действовали самостоятельно, но большинство объединилось: одни — под командованием Сабурова, так и оставшегося здесь с декабря; другие — под началом Бегмы и прилетевших на наш ледовый аэродром Маликова, Грабчака-Буйного и других. Здесь же организовались молдавские партизаны. Федоров ушел дальше на запад, под Ковель.

Сейчас задача была в том, чтобы двинуть эти соединения на юг, в безлесные области Украины. Они были уже разведаны: зимой — Наумовым и весной — Ковпаком.

Мы подводили итоги рейда, только что закончившегося разгромом флотилии и «мокрым мешком».

Он был промежуточным и совершался походя, но при взгляде на карту видно было, что этот рейд как бы очерчивал границы той области, где через месяц-два все сплошь кишело партизанами. Сотни отрядов, знаменитых и незнаменитых, больших и малых, действовали по нашим следам. Партизанский край расширялся на сотни километров. Но все же чувство неудовлетворенности не покидало меня. Эх, надо было итти к Киеву и тряхнуть как следует немчуру. «Может, помешала ночь под Коростенем, стоившая жизни командиру девятой роты?»

Понимал ли это Ковпак? Да, понимал.

Помню, я как-то обмолвился. Говоря об одном из партизанских командиров, я брякнул:

— Стратегической смелости нехватило,— очень туманно представляя себе в то время сущность, роль и задачи стратегии.

— Як, як? — переспросил Ковпак.

Я повторил не совсем уверенно, опасаясь, что дошлый дед поймает меня на путаном слове.

Но Ковпаку понравилась эта мысль.

— О це ты здорово... От ще в ту вийну помню: есть чоловик храбрый, вси четыре егория заробыв честно, подвигом, по́том, кровью. А потом почепят ему командирские погоны — глядь, а за весь взвод, чи роту думать — нема у чоловика той самой «стратегической смелости». Все норовит сам. И погибает, надрывается.

Вернее всего, мы потеряли, сидя на Князь-озере, самое лучшее время для удара — зиму! Лишь начало рейда проходило по санной дороге, затем наступила длинная полесская весна. Распутица защищала нас от преследования, поэтому рейд был почти без потерь. Но она же сковывала, задерживала движение отряда, не позволяя молниеносно поражать врага. Мы подошли к Киеву, когда противник уже немного

оправился после сталинградского разгрома, когда фронт стабилизировался.

Эх, быть бы нам под Киевом на месяц раньше! Но этого не случилось.

Есть люди, кто бы они ни были,— простые рабочие, колхозники, понимающие свой труд как частицу общего, даже если он крошечная песчинка в грандиозном труде государства. Но есть люди, мыслящие порайонно, поквартально, со своей колокольни. Им нет дела до того, что не входит в круг их обязанностей. «Отвечаю я за колхоз, цех, учреждение, полк, дивизию, делаю свое дело правильно, а там хоть трава не расти!» Не знаю, как в мирной жизни, но на войне, да еще в партизанской войне, это поквартальное мышление — гроб.

Умение создать превосходство сил в нужный момент и в нужном месте — вот ключ военного мастерства. Но иные люди простодушно думают достигнуть его арифметическим путем, путем подсчета штыков, автоматов и стволов. Они забывают, что иногда один солдат способен уничтожить десятки солдат противника, что дух армии стоит порой выше сложных машин, что знание, предвидение и умение командира уловить случай, момент, миг стоят на одной доске с пушками и танками. Превосходство сил — это техника, люди плюс талант полководца.

Я поделился как-то с товарищем Демьяном этими мыслями.

— Солдат рискует всем, жизнью... А командир еще и престижем,— разгорячившись, ратовал я.

Демьян посмотрел на меня серьезно. Затем сказал:

— А разве много есть на свете людей, для которых престиж дороже жизни?

— Не очень много, но они есть. И не так уж мало,— горячо сказал Руднев.

Демьян повернулся к нему и внимательно всматривался в лицо Семена Васильевича.

— Верно. Вот поэтому основа всех армий — внушение этого престижа. А что такое честь мундира и былой офицерский гонор, как не внушение той же мысли, что престиж дороже жизни?

— А у нас, партизан?

— У вас? — засмеялся товарищ Демьян.— Здесь, брат, сохранение престижа и командирской персоны одно и то же. Прохлопаешь дело — и свою голову потеряешь...

— Может быть, раньше всех,— продолжил его мысль Руднев.

— Верно, генерал, верно...

— Нет, я про армию спрашиваю,— допытывался я.

Товарищ Демьян продолжал:

— В армии? В нашей армии честь мундира покоится совсем на другой основе. Партийный долг, престиж честного коммуниста — вот наша честь мундира.

Разговор этот происходил на берегу реки Убороть, где мы раскинули свой лагерь.

В этот день нас догнала рота Сережи Горланова.

Мы считали ее погибшей. Почти полмесяца не было сведений о роте, оставшейся за железной дорогой, за Припятью, отрезанной полками немецких карателей, распоясавшихся в междуречье Днепра и Припяти.

Сережа Горланов — лейтенант Красной Армии, парень лет двадцати двух — и был причиной этого разговора. Он недавно командовал ротой. То, что рота, оторвавшись, не вернулась на третий день в отряд, старики были склонны отнести за счет неопытности и молодости ее командира.

Но молодой парень провел роту сквозь все рогатки, не только не растеряв ее, а еще с новичками, приставшими по пути.

Встречали его восторженно. Руднев даже прослезился, обнимая загоревшего и усталого лейтенанта.

— Наши ребята от своего отряда не отстанут никогда,— с волнением говорил он товарищу Демьяну.— Вот это и есть честь партизанская!

Товарищ Демьян подошел к Рудневу, дружески улыбаясь.

— Смотрю я на вас, на любое дело пойдете...

— Пойдем!

— Вот почему и пошлем вас туда, куда больше послать некого. Пошлем, потому что для вас дело — дороже репутации, славы.

Руднев насторожился.

— Но все же... Не били еще вас немцы по-настоящему! — закончил Демьян шуткой этот разговор.

Товарищ Демьян созывал совещание командиров соединений, собравшихся в партизанском крае, совместно с руководителями ЦК КП(б)У. Там и решались дела дальнейшего развития партизанского движения и его нацеливания на юг.

В эти дни я получил вызов в Москву. Начальство вызывало меня еще из Аревичей, но дела не позволяли отлучиться,— я послал с документами и отчетами безрукого Володю Зеболова. Все время пребывания у Ковпака я работал на двух хозяев; один был в Москве — тот, что забрасывал меня в свое время в тыл; другой — Ковпак, Руднев, товарищ Демьян, с которыми мы вместе сражались. Сейчас мне требовалось лететь к своему разведывательному начальству.

— Оставайся на совещание, потом полетишь,— сказал мне товарищ Сергей.

— Не могу. Начальство приказывает. Кроме того, на совещании присутствовать не могу... Я ведь беспартийный.

— Чего-о-о? Ну это бросьте, бросьте, дорогой товарищ!

— Ей-богу. Вот Семен Васильевич подтвердить может.

Руднев кивнул головой.

Прощаясь перед отъездом на совещание, товарищ Демьян спросил, задержав мою руку:

— Петр Петрович, почему вы беспартийный?

— Так, не пришлось.— Я в нескольких словах рассказал о своей жизни.

В юношеские годы мечтал стать агрономом, был сапожником, трубачом музыкальной команды, лихо играл польки, вальсы и краковяки на свадьбах, окончил два вуза, стал артистом и режиссером, учился, читал, пописывал, но для души больше всех книг и романов любил «Жизнь растений» Тимирязева. Перед войной начал писать повести. А 10 июня 1941 года закончил пьесу «Дуб Котовского» — о Хотинском восстании молдавских партизан. Войну провел по-разному, но честно. И, только заканчивая путь по тылам врага, понял, что мне бы с юности стать моряком, неутомимым мореплавателем. Недаром в студенческие годы в Одессе тянуло меня к Дюку, в порт и так манил туманный горизонт волнующегося моря.

Мы попрощались.

Я уехал к Сабурову на аэродром. Лежа весь день на тачанке, а ночью перелетая через фронт, я все думал над вопросом товарища Демьяна: «А почему же вы беспартийный?» — и так и не нашел ответа. «В первые годы становления Советов на Украине — председатель комитета незаможних селян, первую пятилетку — в Донбассе, на Волге, всегда со своим народом. Никогда не искал работы полегче, места потеплее, и вдруг — беспартийный... Ерунда какая-то!»

На востоке полнеба было розово-оранжевым, сзади и под левым крылом самолета все еще была ночь. Машина набрала высоту, и вот уже небо посветлело, и свежесть трех тысяч метров проникала в кабину вместе с рассветом. Далеко внизу выступала израненная траншеями земля. Мы шли над отвоеванной территорией.

Я вошел в кабину Лунца и ахнул от удивления. Впереди, как на полонинах[1] Карпат или на широких плато Алтая, в утреннем небе паслось стадо светлосерых овец... Их продолговатые тела с кургузыми хвостами, освещенными первыми лучами солнца, медленно плыли по небу, а некоторые резво сбегали вниз в туманную дымку земли, как ягнята к водопою.

Лунц взглянул на меня и, поняв мое удивление, крикнул

[1] Полонины — высокогорные луга.

на ухо: «Москва, аэро...» Дальше я не мог понять. Тогда он мимикой показал мне воздух и решетку из пальцев.

— Аэростаты воздушного заграждения? — спросил я губами. Он утвердительно закивал головой.

Так вот какая ты, военная Москва!

Под ложечкой сладко засосало, в кабину пахнуло теплым летним воздухом. Самолет круто шел на посадку.

На аэродроме нас никто не встречал. На земле еще чуть брезжил рассвет.

В Москве, только что получив в Кремле первый орден Красного Знамени — еще за действия в Брянских лесах — я встретил Коробова. Увидев меня, он каким-то особым взмахом рукава стер с ордена пылинки и пожелал удачи.

— Как наш проект?

— Забраковали. Утопия, говорят.

— Жаль.

— Петрович! Все так же увлекаешься?! Садись — прокачу!

Он лихо возил меня по городу в своей машине, сам сидя за рулем и искоса поглядывая на девушек-регулировщиц.

— Милая... взмахни палочкой! Не видишь, какую бороду везу?

— А все же жаль, очень жаль, что забраковали..

Еще в рейде, сидя ночами на тряской тачанке, когда невозможно было заснуть, или в перерывах между боями, мы мечтали. Мы много мечтали с ним. Пусть простит читатель, если я посвящу его в эти фантазии. Еще тогда, до битвы на Курской дуге, имея смутные сведения от людей, прошедших полсвета, вырвавшихся из лагерей смерти, прошедших вдоль и поперек распростертую ниц Европу, мы могли судить о глухой, подспудной борьбе порабощенных народов. Нас притягивала к себе Польша. Мы мечтали побродить по тылам врага в Бессарабии, Румынии и Чехословакии. Думали (чем чорт не шутит!) дорваться и до Германии. Так постепенно у нас возник план организации партизанского отряда в триста-четыреста человек. Он должен действовать на машинах, внезапно появляться и так же внезапно исчезать. У нас были сделаны расчеты и сметы и даже намечены штаты. Коробов улетел, взяв с собой все материалы.

Нашу идею сочли авантюрой.

Я думал побыть еще недельку в Москве. Коробов добыл билеты в Большой театр.

Но на третий день меня вызвал генерал — мой начальник — и подал узенький листок бумаги.

— Вам... Прочтите.

Это была радиограмма Руднева. Он звал в отряд. Новый рейд начинался раньше, чем мы предполагали.

— Сегодня есть лишний самолет. Можем целиком загрузить его всем необходимым для вас. Возьмите радистов, радиопитание. Обмундирование подбросим для разведчиков. Полетите? Подумайте и скажите через полчаса. До вечера еще успеете побыть часок с семьей...

Конечно, встреча с семьей была радостной и хотелось продлить ее. Но существовала и другая семья, большая, боевая. Она звала, настойчиво требовала к себе этим узеньким листочком радиограммы: «Передать Вершигоре: двенадцатого выходим в рейд. Если думаешь идти с нами, прилетай не позже тринадцатого. Догонишь. На аэродроме оставляю за тобой взвод Гапоненко. Руднев».

Значит, очень я нужен был этому человеку.

«Пойдем с нами»,— звал Руднев, комиссар. «Пойдем»,— требовали украинские девчата из подземелий Германии. «С неба звездочка упала и разбилась на льоду». «Торопись»,— требовали товарищи, живые и погибшие. Память о Володе Шишове, Кольке Мудром, Дьячкове не позволяла оставаться здесь. «Мамочка! ...если я погибну, не смей плакать! Ты гордись мною!»

Через полчаса генерал пожимал мне руку и говорил на прощанье:

— Желаю вам успеха.

Уже на аэродроме рассказал я жене о Косте.

— Смотри, если что случится, вырасти сына и, когда сможет понять, скажи ему эти слова. Запомнишь? «Не смей плакать! Ты гордись мною!»

— Как ты можешь погибнуть? Ведь сегодня тринадцатое июня!

— Да, я и забыл. Ровно год. Елец. Саша Маслов и Брянские леса.

— Женька уже говорит «пальтизаны»,— успокаивала жена, а на глазах — слезы.

Взвыли моторы, и ветром сдуло слезу.

— Все же не забудь этих достойных человека слов Кости Дьячкова...

Машина взмыла и пошла ввысь. Под крылом мелькнула Москва и осталась позади. На земле вечерело. В небе еще был день. До фронта осталось более часа. Пока долетим, и в небе будет ночь. Ночь с тринадцатого на четырнадцатое июня 1943 года.

Я встречал свой годичный партизанский юбилей.

«С неба звездочка упала и разбилась на льоду...»

Я вспомнил комиссара. Однажды он уезжал на совещание и не был в отряде полтора дня, а когда вернулся, быстро прошел по табору, раскинутому под соснами у болота, тревожно

осматривая все вокруг. Затем подошел к штабу и облегченно сказал Базыме:

— Фф-у... Все в порядке... Соскучился я...

— Семья, родная семья,— улыбнулся понимающе Григорий Яковлевич.

Такое чувство было и у меня, когда машина шла через фронт. Затем его сменило тревожное: «А кончится война — тогда как? А ведь когда-нибудь она кончится. Как мы оставим эти родные степи, сосны, хаты и людей — товарищей?» И больно защемило сердце. А может быть, все это просто потому, что машина шла на высоте трех тысяч семисот метров? Немного морозило и перехватывало дыхание... Часа через четыре заметно потеплело. Внизу были видны костры. У костров люди, огненные нити ракет и сигнальные огни... Снижаемся.

И еще через минуту несколько мягких толчков, и самолет затормозил у последнего костра...

Вот мы и дома. Успею или не успею?

39

Самолет выруливал на дневку в лес. Летом ночи нехватало дотянуть обратно через фронт, и на аэродроме Сабурова организовали дневку. В одну ночь машина прилетала к нам, на вторую — улетала обратно.

Меня встретили Гапоненко, Володя Лапин и бойцы тринадцатой роты. Оказывается, отряд двинулся еще вчера, и Руднев выслал взвод разведчиков встретить меня.

«Все-таки комиссар был уверен, что я приеду»,— с радостью подумал я.

— Куда идем? — спросил я Володю.

— Не знаем.

Традиция ковпаковцев — никогда не спрашивать, куда и зачем идем,— соблюдалась свято.

— А где отряд догоним?

— Комиссар приказал: дождетесь подполковника и двигайте по следу — прямо на юг.

Через час, погрузив на две подводы груз и трех радистов, привезенных из Москвы, мы двинулись на юг. Отряд мы догнали на вторые сутки, на границе партизанского края. В эту ночь готовились форсировать с боем железку Сарны — Коростень.

И как только я въехал в дубовую рощу на берегу реки, где под деревьями расположились бивуаком роты, на сердце стало легко и радостно. На поляне паслись кони, под повозками отдыхали после марша бойцы, многие купались в реке.

Штаб разместился в палатке из парашюта, выкрашенного в зеленый цвет.

— Письмо привез? — спросил Руднев.

— Нет, не привез. Не успел.

Он, опечаленный, отошел в сторону. Я так и не успел повидаться с семьей Руднева.

Меня окружили партизаны. Всем хотелось услышать о Москве.

Базыма сидел на траве, склонившись над картой, рядом примостился Войцехович, на машинке выстукивающий какой-то приказ. Недалеко от палатки, под развесистым дубом сидел в генеральском одеянии, по-турецки подогнув ноги, Ковпак и мурлыкал песню. Генеральские погоны поблескивали на солнце.

Я подошел к деду поздороваться. Он, щурясь на солнце, молча кивнул мне и подал руку с двумя негнущимися пальцами. Затем продолжал тихим фальцетом:

Горные вершины,
Я вас вижу вновь,
Карпатские долины,
Кладбища удальцо-о-ов...—

и, лихо присвистнув новыми зубами, затянул громко:

И-е-ех,
Горные вершины...

Я подошел к комиссару. Руднев молчал, не глядя на меня: «Может быть, он сердится, что я не привез ему писем?» Я ждал. Через несколько минут он отозвал меня в сторону от штабной палатки и сказал тихо:

— Слушай, Вершигора!

— Я слушаю, товарищ генерал-майор.

— Что, еще за тебя я должен замечания получать?

Ничего не понимая, я смотрел на комиссара с удивлением.

— Нахлобучка мне была от Демьяна Сергеевича. Понимаешь?

— Не понимаю...

— «Не понимаю»! — передразнил он.— Вот публика! Ты что, несознательным прикидываешься? А? Будешь ты заявление писать или нет? Что, мне опять из-за тебя глазами хлопать?

У меня как гора свалилась с плеч, я даже улыбнулся.

— Товарищ генерал-майор, Семен Васильевич, вот заявление.

— Вот так бы давно. Ищи двух поручителей. Третий — я. Проси Ковпака и Базыму. Сегодня же оформим кандидатом.

В рейде будет некогда.— И уже более добродушно: — Хорош академик. Ну, поварил ты из меня воду!

Руднев поднял полог палатки и зашел в штаб.

Базыма понимающе кивнул мне и отошел с картой в глубь леса.

— Знаешь? — спросил он многозначительно.

— Догадываюсь...

— Ковпак прямо рвется в бой. Все ту войну вспоминает.

— Пусть! Ему везет на войне. Если дедово счастье — дойдем. А как Семен Васильевич?

— Он тоже говорит — дойдем. Только нервничает немного.

— По семье скучает. А я и писем не привез.

— Эх ты! Он, когда маршрут обсуждали, сказал: «Дойти — дойдем». А потом добавил: «Прежде чем войти в эту обитель, подумай, как из нее выйти».

Базыма говорил это, улыбаясь, гордясь своими командирами.

— А где товарищ Демьян?

— Вчера проводил нас и отбыл к Сабурову. Прощались, как с родным человеком. Не так много времени — два месяца, а привыкли. И он тоже. Даже прослезился. Тебя хотел видеть. С комиссаром что-то они говорили о тебе.

— Значит, не встретимся мы с ним больше?

— С кем?

— С товарищем Демьяном. Хотелось поговорить.

— Из рейда вернешься — поговоришь. Тогда все будет подругому.

Мы замолчали, задумавшись каждый о своем.

— А знаешь, он сказал нам, штабистам, на прощанье: «Берегите командиров. Увлекаются. Не думайте, что вы уж так непобедимы: просто немцы ни разу не поколотили вас как следует».

Я улыбнулся. Так живо напомнил мне Базыма этого человека, за короткий срок своего пребывания научившего нас многому.

Начинался новый рейд отрядов Ковпака, необычайный, опасный и поэтому увлекательный и заманчивый.

Я попросил у Базымы дать мне рекомендацию в партию. Он утвердительно кивнул головой и продолжал, задумчиво вытягивая нить мысли:

— Да, может, ты прав был, дед-бородед! О киевском рейде. Как это у тебя? «Стратегической смелости нехватило». Но теперь, брат, этого не скажешь.

«Не об этом ли говорил товарищ Демьян с генералами?» — подумал я.

Базыма продолжал:

— Теперь, брат, этого не скажешь, нет!

— Вот именно. Это и есть стратегическая смелость, если уж хочешь знать мое мнение.

— Или безрассудство? — хитро глянул он поверх очков.

— Так они же — родные сестры.

— Ну, если так — безумству храбрых поем мы славу.— Глаза у Базымы блестели дерзостью юнца.— Пошли, дед-бородед! Напишу поручительство.

Вечерело.

Люди отдохнули за день. Ездовые выкупали коней в реке, помылись сами и сейчас копошились у возов.

Строились роты, шныряли связные.

— Взвод маяков, в голову колонны! — командовал Горкунов.

Быстрым шагом прошли маяки. Лесные дорожки и просеки в крупном сосняке кишели народом. Из ручейков выстраивалась огромная извилистая река колонны и, дойдя к шляху, замирала. Ветер команды колыхнул ее, и в последних лучах солнца она зарябила зыбью шапок, головами коней и тусклым блеском вороненой стали.

Руднев весело, походным маршем, шел впереди с разведротой. Побритый, подтянутый, в новой гимнастерке с генеральскими погонами, он был красив. Рядом шел Карпенко, как всегда, положив обе руки на трофейный автомат, свешивающийся на грудь. Именно тогда, глядя на комиссара, идущего во главе разведчиков и автоматчиков третьей роты, я вспомнил горьковского Данко.

«Нет, пока с нами он, мы не заблудимся и пойдем хоть к чорту на рога»,— казалось, говорили гордые лица этих отчаянных ребят.

Далеко на востоке, под Орлом, Курском и Белгородом, в тех краях, откуда десять месяцев назад вышли мы в далекий рейд, заканчивалась подготовка гигантских армий к битве.

А мы шли наперерез венам и артериям врага, чтобы всеми силами помочь Красной Армии в ее титанической борьбе. Вслед за нами и другие соединения украинских партизан должны были выступить на юг.

Начался рейд украинских партизан в Карпаты. Он начался летом, во время затишья на фронте, за месяц до битвы на Курской дуге.

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Двенадцатого июня 1943 года партизаны под командованием генерала Ковпака и комиссара Руднева выступили в новый рейд.

Получив оружие и боеприпасы с Большой земли, хорошо экипированные отряды стремительно двигались к границам партизанского края.

Командование сразу взяло курс на юго-запад.

Я прилетел из Москвы, когда отряд уже снялся с места, и догнал его на марше.

Мой начальник дал нам в Москве отдельный самолет. Огромная транспортная машина мчалась на бреющем из Москвы в Калугу. Там заправились и сразу набрали высоту. Фронт прошли без происшествий. На рассвете выгрузились во вражеском тылу. Со взводом Гапоненко мы проехали владения Сабурова и на вторые сутки догнали своих.

Первой заботой было распределить груз или хотя бы ту его часть, которая состояла из папирос, табака и махорки, предназначенных для разведчиков.

Второй день шагая пешком по партизанской земле, я все еще был под впечатлением от посещения Большой земли.

В Центральном штабе партизанского движения шла в те дни напряженная работа.

По заданию товарища Сталина готовились крупные партизанские операции.

Строго ограниченный круг лиц знал об этих замыслах. Их проводил в жизнь, обеспечивал всеми необходимыми материалами, оружием, взрывчаткой, связью Центральный штаб партизанского движения.

Немцы тоже готовились к лету 1943 года. Они уже осознали силу и значение партизанского движения, организованного и руководимого большевиками.

Я вспомнил, как в Москве начальник Центрального штаба партизан, улыбаясь, сказал командирам, бывшим у него на приеме:

— Хотите знать, как вас оценил немецкий генеральный штаб? Послушайте.

Переводчик прочел иам недавно захваченный в Белоруссии документ. Он гласил:

«Верховное командование вооруженными силами
№ 126/42
Оперативный отдел

Главная ставка
11/XI 42

Боевое наставление по борьбе с партизанами

1. Партизаны есть готовое к борьбе, организованное, созданное в военное время, но не учтенное нами оружие противиика.

2. Молодежь могла быть выгодно использована нами в качестве агентов германской разведки во многих странах Европы, но в Советской России к ней следует подходить весьма осторожно, так как оиа в подавляющем большинстве своем фанатически предана большевизму...»

— Пока будете получать материалы — познакомьтесь. Врага надо изучать. И то, что он знает о вас, тоже надо учитывать, — сказал нам генерал-лейтенант, начальник штаба.

Нам показали в штабе папку документов (перевод с итальянского, венгерского, румынского, немецкого). На титульных листах пестрели фамилии: Браухич, Иодль, Гиммлер, генерал от инфантерии фои Шенкендорф, Краппе, генерал-полковник Линдемаи, генерал-лейтенант Миллер, генерал-фельдмаршалы фон Кюхлер и фон Буш.

Противник всерьез считался с партизанами — «не учтенное», по признанию самого врага, оружие вступило в действие. Оно тревожило гитлеровских вояк: и фельдмаршалов, и генералов, и гестаповцев.

— Сейчас у немцев уже нет сил уничтожить все движение в целом. Оно глубоко пустило корни в советском народе. Тем более враг будет прибегать к хитрости, коварству, обмаиу, яду, террору, — смотрите не поддавайтесь иа провокацию, — предупреждал нас начальник Центрального партизанского штаба.

Еще жив был в памяти у всех партизан такой фокус. Весной 1943 года гитлеровские оккупанты предприияли широкий провокационный маневр. В лесах и у партизаиских лагерей

они разбросали листовку, которая начиналась словами: «Смерть немецким оккупантам» и кончалась подписью: «Командующий армией прорыва». В ней говорилось о победах Красной Армии, о необходимости разгрома гитлеровских оккупантов, сплочения всех сил. Дальше указывались задачи партизан, которые сводились к следующему:

«1. Задача — прорыв всех партизан к столице Польши и разрыв этим путем фронта немецких войск — должна подчинить себе все.

2. Мелкие героические отряды наших славных партизан не могут, к сожалению, противопоставить себя крупным ордам фашистов. Поэтому задача дня — организация крупных партизанских отрядов и накапливание могучей народной партизанской силы.

3. Скапливайтесь на базах, залегайте и выжидайте приказа о выступлении уверенно и спокойно!

Приказ будет дан, когда соберем урожай, а реки и озера снова покроются льдом».

Подавляющее большинство партизанских отрядов сразу поняло провокационный смысл этой листовки.

— Это хорошо, что вы раскусили подлый маневр врага. Но он может придумать что-нибудь и поумнее. Бдительность! Выдержка! Большевистская организованность! Желаю удачи...— напутствовал нас начальник штаба.

По составу командиров, которые присутствовали на приеме, я догадывался о направлении главных ударов советских партизан.

Белорусы! Их было много. Тогда никто еще из нас не знал слов «рельсовая война». Позже мы услышали ее раскаты с севера... А она уже зрела сейчас, в Москве, имея условное название «концерт». Уже конструкторы выполняли заказы на специальные заряды взрывчатки, воентехники рассчитывали вес сотен тысяч зарядов; штабные офицеры вычисляли количество самолетов, нужное для перевозки этих грузов в тыл врага.

Смоленчане! Народный учитель Гришин — будущий Герой Советского Союза — докладывал ночью начальнику партизанского штаба о народной войне, о своих военных планах и выслушивал советы и приказы.

Ленинградцы! Молодой командир 3-й партизанской бригады Александр Викторович Герман и старый пограничник Корицкий крепко запоминали указания штаба, чтобы там, в тылу врага, нащупать самые уязвимые места на железных нитях, ведущих к городу Ленина, городу-герою, и сразу по сигналу Центрального штаба партизан рубануть вражеские коммуникации в тысяче мест.

Крымчаки! Солнце, солнце жгло крымских партизан. Горы были их спасением. Но они же были и их мучением. Небольшие леса, простреливавшиеся насквозь вражескими пулеметами, голод и предательство — все было против них. Но люди, стиснув зубы, стояли насмерть. Съели все, что можно было пустить в пищу в лесах. Наконец, стали варить кожаную сбрую и солдатское снаряжение: ремни, портупеи. А когда и этого не стало, в критические часы, когда даже самые мужественные подумали: «Конец!», Центральный штаб, по приказу товарища Сталина, направил самолеты, где, вперемежку с патронами, были мука, крупа, консервы... И люди снова шли в бой.

Орловцы и брянцы! Отряды Филиппа Стрельца, «Смерть немецким оккупантам», имени Ворошилова, имени Фрунзе и многие другие крепко удерживали плацдарм в ста километрах от Курской дуги. Гитлер не мог начать наступление на Курской дуге, пока не расчистил тыла своей основной группировки. Он рассчитывал уничтожить Брянский партизанский край с 5 по 15 мая 1943 года, а провозился с ним полтора месяца и так и не уничтожил его.

Кубанцы! Отряд имени Героев Советского Союза братьев Игнатьевых сражался в предгорьях Кавказа. Гибли от шашек кубанцев немцы, румыны и итальянцы.

Украинцы! Несколько рейдовых соединений готовы были к гигантскому прыжку на юг. Под Винницу, Киев, Проскуров, Тернополь. И на Карпаты!

Вот что означала кипучая деятельность этого штаба. Сюда просачивались через фронт из вражеского тыла ходоки и связные. Здесь готовились шифровки и приказы. Здесь бурлила и народная ненависть и народная любовь. Это она — народная любовь — приносила деньги на военный заем и на танки; она несла письма товарищу Сталину на одной странице, а подписи не умещались и в десяти тетрадях. Это она — народная месть — требовала заданий, ждала совета, просила патронов, раций, листовок, тола, индивидуальных пакетов противостолбнячной сыворотки, русско-немецких словарей, одного хирурга, десять подрывников и много-много другого. А если уж очень «настойчивый» приезжал представитель, то — и двухрядку и патефон.

Тысячи матерей, жен, отцов, потерявших связь со своими близкими, были убеждены, что те сражаются в партизанском отряде. Они верили, что кто-кто, а уж начальник Центрального штаба партизан должен знать лично их детей, мужей и отцов. И вдруг оказывалось, что он действительно знает их лично, — нужно было успокаивать людей, плакавших то от радости, то от горя.

Когда же кончался день, были заслушаны доклады, тогда надо было, оставаясь наедине с картой, переставлять флажки, изучать дислокацию, ее плюсы и минусы; распределять оружие, боеприпасы; писать и подписывать шифровки.

Затем, уже на рассвете, ждать звонка с аэродрома, чтобы отметить лично, сколько самолетов, работающих на партизан, выполнило сегодня задания.

А часто, когда уже возвращались самолеты из-под Орла, из-под Минска, Овруча, Гомеля, Брянска, Симферополя, Ровно, Пскова, вдруг тихо звучал телефонный звонок, и в трубке был слышен знакомый всей стране голос:

— Доложите, как действовал второй фронт за вчерашние сутки...

Начальник штаба партизан докладывал полководцу советских армий, вождю народа...

Это говорили патриоты из предгорий Кавказа, Брянского партизанского края, Беловежи и Полесья... Говорил Федоров из-под Ковеля, Капуста из-под Гродно...

«Ночью группа партизанского отряда «За Родину» взорвала железнодорожный мост через реку Ивотка на участке Конотоп — Зерново.

В 22 часа на участке железной дороги Невель — Витебск пущен под откос воинский эшелон противника с живой силой и техникой. Уничтожено семнадцать платформ с орудиями и боеприпасами.

Партизанские отряды напали на гарнизон железнодорожного моста через реку Вопь у города Ярцево, на магистрали Москва — Смоленск. Гарнизон уничтожен. Восьмидесятипятиметровый двухпролетный мост взорван.

На участке Смоленск — Вязьма пущен под откос эшелон, паровоз взорван.

Диверсионная группа отряда «Железняк» пустила под откос два встречных поезда на железной дороге Брянск — Льгов. Разбит паровоз, двадцать три вагона, убито сто пятьдесят вражеских солдат и офицеров.

Ночью на участке железной дороги Клочки — Столбцы пущен под откос воинский эшелон, груженный артиллерией, танками, автомашинами и боеприпасами. Уничтожены паровоз, сорок четыре вагона и платформа.

На участке железной дороги Погорелое — Колосово диверсионная группа пустила под откос воинский поезд, груженный артиллерией, танками и боеприпасами. Сожжены паровоз и четыре вагона с техникой.

Два партизанских отряда под командованием товарища Сабурова вели бои в населенных пунктах с карательной немецкой группой в составе двух полков с артиллерией, тан-

ками, бронемашинами, при поддержке четырех самолетов. В результате боев убито триста пятьдесят гитлеровцев, много ранено. Уничтожены: средний танк, бронемашина, орудие, один самолет-корректировщик сбит, другой подбит.

Подрывная группа товарища Гришина на железной дороге Витебск — Полоцк пустила под откос эшелон с автомашинами и пушками. Убито семьдесят пять гитлеровцев, ранено пятьдесят. Повреждены паровоз и десять вагонов.

Диверсионная группа имени Щорса на перегоне Палужье — Выгоничи пустила под откос эшелон противника с живой силой. Разбиты паровоз и тринадцать вагонов. Убито двести гитлеровцев».

Начальник Центрального штаба партизан окончил доклад.

Утреннее солнце вставало над Москвой...

На партизанских аэродромах заливали костры водой и растаскивали дымящиеся головешки.

Флажки на штабной карте оставались недвижимы до следующей ночи.

Исполнители сталинских планов — тысячи советских патриотов — выходили в засады, возвращались с диверсий, несли раненых, рапортовали командирам, получали нагоняи и благодарности...

Тысячами раций, а где их нехватало — через подпольных связников и ходоков, через партизанские центры Москва, Центральный Комитет, обкомы, райкомы партии направляли гнев народа по врагу. Все ощутимее народ бил захватчиков, бил, как говорилось в партизанской присяге, «и автоматом, и винтовкой, гранатой и миной, топором, косой и ломом, колом и камнем».

Двинулись и мы — несколько отрядов под командованием Ковпака и Руднева — в степи и горы Украины.

2

Верные старому обычаю отряда никогда не спрашивать, куда ведут генералы, мы все же понимали: начался крупный рейд.

Четкость и слаженность марша создавали впечатление легкости походного движения колонны. Привычка «старичков» шутя переносить тяготы боевой жизни помогала «новичкам» чувствовать себя увереннее. Но у первых это была подлинная стойкость — результат двухлетнего опыта, взаимного доверия командиров и солдат, у вторых же иногда — просто самоуверенность. А новичков у нас было немало. Тут и молодежь,

подросшая за годы войны, и бежавшие из плена, и сидевшие в приймаках с сорок первого года, и подпольщики, чудом избежавшие смерти или ареста. В наши отряды, по приказу Руднева, мы принимали людей всегда с большим разбором. И все же, видя озабоченное лицо Руднева на марше еще до выхода из партизанского края, я понимал: комиссара беспокоят новички. Он часто объезжал колонну. Выскочив рысью вперед, бросал повод ординарцу и часами шел в пешем строю. Затем, дождавшись повозки Ковпака, делился с ним своими наблюдениями.

— Ничего, Семен Васильевич! Втянутся. Главное, чтоб ноги не потерли... — успокаивал Сидор Артемьевич своего комиссара.

— Необстрелянная публика...

— Об этом уж за нас немец позаботится.

Но, успокаивая комиссара, Ковпак невольно и сам заражался его тревогой. И, наконец, не выдержав, тоже вскакивал на своего высоченного маштака. Ездил Ковпак мастерски, с какой-то чуть-чуть заметной лихостью. Гимнастерка с генеральскими погонами, с форсистой лейтенантской портупеей была перетянута туго новым ремнем. На ремне висел тяжелый кольт. Ветераны бодро подтягивались, смотря прямо в глаза любимому генералу. И стоило маленькой морщинке появиться у глаз — вся рота улыбалась. Каждый принимал одобрение командира на свой счет. Подбадривались и новички.

— Ничего. Втянутся! Хлопцы как на подбор! — поровнявшись с комиссаром и легко спрыгивая на ходу, говорил Ковпак.

Прыжок этот всегда приводил в восторженное изумление Михаила Кузьмича Семенистого. Паренек мог часами гарцевать в эскорте Ковпака, только бы не пропустить тот миг, когда, бросив повод, почти не опираясь рукой на луку седла, дед ловко перекинет ногу через шею коня и, мелькнув в воздухе, легко коснется сапогом земли, спружинит коленом и, похлопывая ладонью по галифе, тут же вынет из кармана кисет.

Семенистый полюбуется вдоволь, а затем, гикнув, несется вдоль колонны, чтобы где-то впереди, возле разведки, повторить этот номер.

Отряд остановился на последнюю стоянку в партизанском крае у Глушкевичей. Село это было памятно всем участникам рейда на правый берег Днепра. Именно здесь, в декабре сорок второго года, Ковпак закончил свой рейд. Из этих же краев он начал второй рейд: по Белоруссии и Украине зимой и весной сорок третьего года.

А сейчас, отсюда же, мы двинемся в новый путь.

Но как изменилось здесь все! Зимой сорок второго года мы

впервые въехали в это большое село. Была лунная ночь. Выпал глубокий снег. Помнится, отряд двигался мимо деревянной церквушки. Вдоль ровной улицы, как по ниточке, выстроились деревянные избы, украшенные резными наличниками с петухами. Нас встречали женщины, дети, старики... А сейчас, в июне сорок третьего года, лишь развалины напоминают о человеческом жилье. Село сожгла карательная экспедиция. Роты гитлеровцев окружили Глушкевичи и вырезали все мужское население.

Мы медленно едем по пепелищу.

На месте скрещения улиц, в центре, где стояла церковь, — куча золы и кирпичей. А рядом высокий крест торчит среди бурьянов и запустения, взывая то ли к небу о милости, то ли к людям о мщении! Его поставили два восьмидесятилетних старика — единственные мужчины, оставшиеся в живых в этом селе. Только в одной церкви фашисты сожгли двести восемьдесят шесть человек.

Тогда, прошлой зимой, мы стояли в Глушкевичах около месяца. По отдельным признакам я узнаю усадьбу и пепелище дома, в котором жили Саша Коженков, радистка Анюта, Володя Лапин и я. У нашей хозяйки, вдовы тетки Дарьи, были три дочери: старшая Арина — солдатка с грудным ребенком на руках; средняя — Гашка — от рождения глухонемая, с рябым от оспы лицом и удивительно приветливыми добрыми глазами и младшая — Софина — подросток лет пятнадцати.

Это была на редкость дружная семья. Особенно запомнилась мне Софина. В мягких лапотках и шерстяных чулках в полоску — синюю, зеленую, красную, желтую — она мягко ходила по хате, наблюдая, как радистка Анюта Маленькая возится со своей радиостанцией. Софина очень подружилась с Анютой. Две девушки: одна — уже бывалый солдат с нашивками за ранение и двумя орденами, другая — полевой василек, с большими наивными глазами. И сколько в этих глазах светилось любопытства, когда Анюта, бывало, наденет на голову Софины черные, как жуки, наушники, и какой неподдельной радостью озарялось ее лицо.

— Москва-а? — недоверчиво наклоняет голову девушка.

Анюта переводит регуляторы... Свист и новые позывные...

— А это немец стучит...

— Не-м-ец?.. — Софина застывает с полуоткрытым ртом, и глаза ее становятся круглыми.—Не... То ты меня дуришь... Ганнечка...

Она со вздохом снимает с пышных кос наушники и нехотя отходит от стола. А через полчаса любопытство снова влечет девушку к ее новой подруге.

И вот прошло всего полгода. А вокруг только развалины да высокий крест торчит среди пустырей...

Вдоль улицы скачет всадник. Это Володя Лапин. Он с разгону осадил коня.

— Узнаешь? — спросил я.

Перед нами было пепелище дома прошлогодней хозяйки.

— А то как же?.. Все сожгли, ничего не оставили... Народ почти весь перебили... Все семейство.

— Ты откуда знаешь?

— Да тут за болотом, на лесном квартале, землянки есть. Бабы с детишками. Дарьиных — одна немая Гашка осталась. Во-он она бежит.

По улице, запыхавшись, бежало какое-то странное, взлохмаченное существо. В изодранной одежде, без платка. Волосы на голове сбились колтуном, провалились глаза. Я с трудом узнал Гашку, глухонемую дочь тетки Дарьи. Она бросилась ко мне. Лошадь шарахнулась в сторону.

Словно боясь, что мы ускачем, немая, схватив стремя, костлявыми руками обняла мои ноги и прижалась щекой к колену. Что-то курлычет на непонятном своем языке. Топая ногами и словно приставив к животу невидимый автомат, Гашка проводит им несколько раз впереди себя, щелкая зубами. Затем, вытянув вперед правую руку, воет...

— Фашисты... — объясняет это страшное кривляние Володя.

Немая, подняв лохматую голову, смотрит, понимают ли ее. Затем отпускает стремя и бежит к развалинам хаты. Перед нами оживает картина расправы.

Вот выбегает из дверей мать. Гитлеровцы автоматной очередью сваливают ее прямо на пороге.

Молчание. И снова клокотание непонятных звуков в горле Гашки. Старшая сестра Арина тоже упала, сраженная немецкой пулей.

К телу матери прижимается ребенок... Из сеней показывается красавица Софина...

Я вспомнил, — немая очень любила свою младшую сестру, вспомнил, как изображала Гашка сестрину красоту: проведет бывало пальцами по бровям, медленно, с удовольствием закроет глаза, расскажет без слов, какие чудесные у сестры очи, показывая то на них, то на небо; вот, лукаво улыбаясь, кокетливым жестом обрисует губы, поцелует кончики своих пальцев и беззвучно засмеется, пытаясь произнести имя сестры.

— И-ин-на... — получалось у нее.

Очевидно, в этом обездоленном человеке жило какое-то инстинктивное влечение к красоте. Гашка восторженно любила Софину.

Как весело, дружно было в этой белорусской хате в те далекие декабрьские вечера...

И сейчас на лице этого одичавшего лесного существа на миг проступили черты доброй немой, влюбленной в красавицу сестру. Я узнаю в движении, которым Гашка поправляет отсутствующий на шее платок, гордую Софину. И вдруг с диким, звериным воплем немая повторяет фашистский жест, и мы с ужасом понимаем, что и любимую сестру тоже сразила очередь автомата. Губы Гашки, хватая воздух, тщетно силятся сказать еще что-то.

— И-ин-а... Ин-на... И-и-и-на-а... — всхлипывает она и падает в истерике на землю.

Мы с Лапиным помогаем ей притти в себя. Потом медленно едем по улице к лесу. А между нашими конями бредет безъязыкое существо и все лепечет, лепечет, без слов жалуется на своё горе.

Но чем же, чем мы можем помочь?..

Отряд уже раскинул лагерь. У реки, вдоль лесных просек, выставлены заставы. На дорогах и полянах стоят часовые рот и батальонов. Непривычный бабий гомон доносился с опушки леса. Возле часового стояло до десятка колхозниц с лукошками из берестовой коры. Они о чем-то спорили. Я сразу не мог сообразить, в чем дело, почему так шумно в лесу. У меня мелькнула догадка: в кустарнике я видел несколько землянок, видел, как от колонны отделился кое-кто из не особенно дисциплинированных бойцов. Неужели они обидели и без того пострадавших женщин? В бешенстве я хлестнул коня.

— Лапин, за мной!

Подскакав к часовому, мы сразу выяснили, в чем дело. Оказывается, узнав, что мимо Глушкевичей проходят «колпаки», женщины пришли проведать своих бывших квартирантов. Мы ведь около месяца простояли в этом селе. В каждой хате жили пять, восемь, десять партизан.

— У нас Мишка, что взводом командовал, пулеметный Мишка стоял,— тараторит бойкая молодуха в цветастом грязном тряпье, держа в руках бутылку молока.

— Это какой Мишка? — сонно спрашивает часовой.

— Мишка, пулеметный командир. Высокого росту. Он в левую руку ранетый был. В немецком мундире ходил,— разъясняет часовому молодка.

— А-а... Мишка Декунов! — вспоминает часовой.

— Так, так, Декун, Декун...— обрадовалась она.

— Нету твоего Мишки. Убили его,— отвечает часовой и поворачивается к старухе.

— Тебе кого, бабка?

— Батарея, батарея у меня стояла,— шамкает старуха, протягивая завернутые в листья тыквы землистого цвета шанежки. Видно, они только что состряпаны на угольях в лесной печурке.

А молодуха с бутылкой молока беспомощно обращается то к своим товаркам, то к часовому:

— Убили... Декуна Мишу... А куда же мне теперь? Возьми для пулеметного... Возьми, голубчик, для всего взводу... — и она сует молоко часовому.

Ее закопченное, грязное лицо бороздят свежие ручейки обильных слез...

Помню, никто не плакал на могиле пулеметчика, когда его зарыли в приднепровские пески. А теперь вот...

А женщины все идут и идут.

Часовой, не имея права пропускать в расположение временного лагеря гражданских лиц, растерянно озирается. Затем молча указывает на меня.

— Пропустить,— говорю я и отъезжаю в сторону.

Женщины уже веселой гурьбой идут по партизанскому лагерю. Шумно разыскивают своих квартирантов... Не разбирая пути, они идут прямо через расположение штаба.

— Це що за народ? Що за жинки? — возмутился было Ковпак.— Кто разрешил?

— Это я пропустил их, Сидор Артемьевич,—и я рассказал командиру, зачем они пришли.

Ковпак заморгал глазами. А затем он долго ходил по ротам и удивленно бормотал:

— Чорт-те шо за народ! Як бы не мы, може, и село бы их целое стояло. А ты гляди... Ну, шо за народ, а? — спрашивал он комиссара, недоуменно разводя руками.

— Русский народ, Сидор Артемьевич, душа-народ. С таким народом горы ворочать можно,— поддержал его Семен Васильевич.

— Вот она, русская мать,— кормит, поит и за всех страдает... И за честных воинов, и за сукиных сынов...— вставил свое слово присутствовавший при разговоре Карпенко.

— Это ты брось, про сукиных сынов,— перебил его Ковпак.— Они, жинки эти, теперь до третьего колена детям будут передавать ненависть к фашисту и к предателю презрение. Только б скорее вытянуть народ из беды... Ты, брат, шо думал? Дружба народов!.. Вот гляди: ты — украинец, он — русский, а они — белорусские наши женщины — тебе все отдают. И сынов, и труд свой, и хаты свои. А теперь и последний харч свой из леса несут. Это, брат, не агитация, а сама жизнь. Поняв? — Ковпак замолчал, задумавшись.

Руднев оценил значение этой встречи. Быстро собрал он политруков и парторгов. В ротах прошли летучие митинги.

Ковпак приказал Павловскому все лишнее из запасов парашютного холста отдать детям. Даже скупой Павловский сегодня ни одним словом не перечил командиру.

Вечером отряд двинулся дальше. На ходу бойцы улыбками прощались с гостеприимными хозяйками. А они еще долго шли за нами по лесным тропам, провожали слезами и причитаниями чужих сынов в далекий путь.

Убыстряя шаг, мы шли вперед.

Никто из нас и не подозревал в тот час, что путаные дороги войны приведут нас в Глушкевичи еще раз.

3

В эту ночь предстояло перейти железную дорогу. Тянется она черной нитью по карте из Бреста (через Ковель—Сарны—Коростень) на Киев и дальше за Днепр к самой Курской дуге.

Никаких агрессивных намерений в отношении этой железной дороги Ковпак сейчас не питал.

Ему бы только проскочить на юг. Несмотря на кажущееся значение дороги, наш интерес к ней охладел еще с весны.

— Что ни эшелон пустят под откос хлопцы, так или с углем, или с ломом,— жаловался не раз Базыма, подводя месячный итог.

— А то еще сани! — разводил руками Семен Тутученко, вписывая в график «прочее» этот странный груз.— К чему бы ему, проклятому, летом сани?

— Мертвяков возить. Щоб не раструсило,— мрачно шутил Ковпак.

Все мы видели, что командиру не до шуток. Не любил старик неясных действий со стороны противника.

Позади нас осталось несколько десятков отрядов. На железной дороге в наиболее удобных местах уже устанавливались очереди партизан-диверсантов... Спрос на поезда был явно больше предложения. Нас же впереди ожидали загадки поинтереснее: Шепетовка, Волочиск, Гусятин, Бессарабия... А может быть, и дрогобычская нефть?.. А там и до Плоешти рукой подать!

Но прежде всего надо было вырваться «на оперативный рейдовый простор» и проскочить эту проклятую, здорово укрепленную магистраль. Она уже имела свою историю. Теперь, летом 1943 года, гитлеровцы не так уж легкомысленно относились к охране железной дороги. Это были уже не те времена, что полгода назад. Тогда противник охранял только станции и узлы. На глухих же лесных переездах оставлял

местных полицейских, а на перегонах ставил и вовсе невооруженную охрану. Это было довольно курьезное воинство. В порядке обязательной повинности (вроде гужевой, что ли) из ближайших к дороге деревень выгоняли на ночь мужиков «на пост». Чисто немецкий расчет: по одному человеку на два телеграфных столба! Им вменялось в обязанность при появлении подозрительных людей сигнализировать криком или бить по рельсам, специально для этого подвешенным к столбам. По этой звуковой «эстафете» немецкие гарнизоны узнавали об опасности.

Еще полгода назад, во время «Сарнского креста», такой вид «живого телефона» причинял нам немало хлопот. При появлении нашей разведки вдоль дороги поднимался невообразимый шум, гам и трезвон. Согнанные мужики под страхом смерти выполняли свои сторожевые обязанности. Но чем глубже проникала в сознание крестьянства Западной Украины справедливость партизанской борьбы, тем халатнее они стерегли «колею». Сначала молчали, отворачивались, стараясь «не видеть» партизан. Затем сами стали выводить подрывников на насыпь, помогать им. Но только при одном условии: хлопцы, когда сделают свое дело, должны связать «часового» по рукам и ногам.

А к марту уже и среди «постовых» нашлись ухари. Они где-то добывали взрывчатку и шкодили немцам за собственный риск и страх, не забывая все же сразу после минирования связывать друг друга.

Тогда немцы догадались чередовать нерадивых сторожей с немецкими часовыми: мужики должны были ходить «от немца до немца». Но и немецкие часовые вскоре стали исчезать вместе со срезанными столбами связи, а эшелоны попрежнему летели под откос. Недаром сам Геринг, в ту пору посетив Житомир, воскликнул в кругу своих ближайших подчиненных из «Люфтваффе»: «Большевики воюют не по правилам!»

Словом, к весне сорок третьего года противник отказался от полумер. И к июню железная дорога, в особенности на участке Сарны — Коростень, охранялась уже исключительно воинскими частями. На узловых станциях дежурили бронепоезда. По сигналу караулов они быстро появлялись в нужном месте. Все тропы и подходы к полотну были утыканы противопехотными минами.

Вот почему прорваться через эту дорогу было не так-то легко. Правда, до сих пор во всей нашей практике форсирования железных дорог случилась только одна неудача: когда мы застряли в «мокром мешке». Но этот случай был еще очень свеж в памяти. Естественно, что командование готовилось

теперь к прорыву с особой тщательностью, а штабисты — и с волнением. Случись неудача сейчас, в самом начале рейда, это могло бы пагубно повлиять на моральное состояние отряда.

Место прорыва выбрали недалеко от станции Олевск. Еще днем были посланы километров на десять-двенадцать вправо и влево от переезда диверсионные группы. Их задача — заложить крупные фугасы.

— Взрывать только в том случае, если поезд не подорвется на минах. Берегите тол! Пригодится! — внушал диверсантам Базыма.

— Не пропустить бронепоезд к отряду. Не дать ему разрезать колонну пополам! — инструктировал подрывников комиссар Семен Васильевич.

В сумерках мы приблизились к железной дороге. Остановка. Надо подтянуть колонну.

Село Сновидовичи — «нейтральное». Партизаны заезжают сюда только по ночам. Днем поселки кишат немцами и полицией.

Мы решили обождать колонну в крайней хате. Хозяйка встретила нас радушно. За несколько минут в горницу набилось людей до отказа. А она все стоит в дверях и приглашает:

— Сыночки-колосочки, заходите все.

— Все не поместимся, бабушка! — смеется капитан Бережной, командир разведроты.

— Ничего, в тесноте, да не в обиде. Вот вас и богато в хату взошло, а я вас не боюсь. А немец в хату один взойдет, только засопит, а меня уже страх разбирает. Такой страх, такой страх...

— Будет вам, мамо,— с опаской говорит молодка.

Видимо, были тут случаи, что, прикинувшись партизанами, заглядывали в хаты полицаи.

Бабка замолчала. Но, видно, это ей невмоготу. Переменив тему, она жалуется, что бургомистр их района очень подлый человек.

— А где он сейчас? — спросил Бережной молодуху.

— В больницу отвезли. Ранили его в бою с вашими.

— И здорово ранили?

— Кто его знает,— почему-то покраснев, отворачивается она.

— Ну все же, куда его ранили?

— Да как вам сказать...— говорит молодка, все больше и больше краснея.

Вдруг, окончательно смутившись, она закрыла лицо рукавом.

Бабка махнула рукой.

— Ну, чего там... Какой тут может быть стыд. Мерином стал наш бургомистр...

Стекла дрожат в окнах от хохота партизан.

Через полчаса разведка на переезде. Пока эскадрон Саши Ленкина расчищал переезд от ежей и засыпал канавы, я вышел на полотно. Тихо позванивают телеграфные провода. И если бы не стук лопат да не перебранка саперов, магистраль имела бы самый мирный вид.

Но это только на первый взгляд. Вдоль всего железнодорожного полотна окопы для одиночных стрелков перемежаются с основательными, в полный рост человека, пулеметными ячейками. На каждом километре вышки для часовых. Оккупанты наставили их для наблюдения за всем участком железной дороги.

Ко мне подходит Саша Усач.

— Все это льстит моему партизанскому самолюбию! — указывает он плетью на оборонные сооружения противника.

— Да, недаром бродили мы по этим гиблым местам зиму и лето, осень и весну. Недаром мокли, мерзли, задыхались от жары,— враг признал наш авторитет.

— Но где же все-таки немцы?

Переезд занят авангардом без боя. Уже началось движение обоза через железную дорогу и вдоль железнодорожного полотна. От заслона бежит связной. Рота его лежит в немецких окопах с бронебойками и автоматами, ожидая появления поезда.

— Товарищ Усатый! А будку осмотрели ваши хлопцы?

— Нам как-то и в голову это не пришло.

Усач сейчас же послал туда своих ребят.

Каково же было наше удивление, когда в будке путевого обходчика мы обнаружили до трех десятков гитлеровцев. Они тихо сидели в закутках и на чердаке. Некоторых выволокли за ноги из сена. Немцы без сопротивления сдались в плен во главе с унтер-офицером. Слезая с чердака с поднятыми руками, он лепечет:

— Пан Кольпак... Их виль... нихт шиссен. Пан Кольпак!

— Да, не те стали немцы. Не те! — бурчал командир авангарда Ленкин.

Он был озабочен главным образом тем, доложу ли я командованию о его упущении или не доложу.

— Ладно, Саша! Вали!..

Усач облегченно вздохнул.

Через несколько минут эскадрон на рысях пересек железную дорогу. Голова колонны вслед за ним устремляется на юг. Около половины отряда проскочило переезд. Но немцы из

будки, видимо, все же успели предупредить ближайший гарнизон. Эшелон охраны уже двинулся к переезду.

Заслоны девятой роты под командованием Давида Бакрадзе помогли батальону охранных войск «выгрузиться». Не доезжая до места назначения, поезд налетел на мину, поставленную в пятидесяти метрах впереди заслона. Передние вагоны полетели под откос. А по средним и задним вагонам шквалом огня ударили пулеметчики и автоматчики Бакрадзе. Часть фашистов погибла под огнем, часть залегла, вяло отстреливаясь и отползая назад.

Через железную дорогу с грохотом неслись тачанки, проскакивала кавалерия и бегом перебегала пехота. Шальные пули задевали людей, но всем было ясно: форсирование идет хорошо. Теперь уж ничто не остановит колонну.

Колонна уходила в степь.

Чем дальше удалялась она от переезда, тем тише, медленнее и спокойнее становился ее бег. Лишь серебряный свет луны освещал ее.

Медленным шагом движутся люди и кони на юг.

Проскакав с полкилометра рысью, я догнал повозку Ковпака и Руднева. Сейчас же вслед за мной подъехал комбат-два Кульбака. Он явился к командиру якобы для того, чтобы доложить о результатах боя, который вел заслон. Но и Ковпак и я поняли, что это только повод. Совсем о другом думает бравый комбат. А еще через несколько минут более десяти человек — комиссары, командиры рот и политруки — окружили повозку Ковпака. Это все ветераны нашего далекого рейда. Одни догнали штаб верхом, другие, двигавшиеся в авангарде, переждав на обочине дороги, пристраивались к штабной повозке пешим ходом.

Семен Васильевич, глядя на них, ухмыльнулся:

— А ведь верно говорят: казака к месту старой битвы всегда тянет...

— Ага, ага,— поддакнул Бережной,— влечет неведомая сила...

Его звали в отряде «капитан Бережной», хотя никто никогда не видел его ни в военном костюме, ни с капитанскими знаками различия. Ходил он, как правило, в вышитой сорочке и штатском пиджаке. В последнее время носил какой-то удивительно ловко сидевший на нем полувоенный мундир: не то канадский, не то английский, не то чешский.

— Ага, ага. Верно, товарищ комиссар! Вот и я, Иван Иванович Бережной, сын собственных родителей, думал, что только одного меня воспоминания тревожат. Приотстал чуток, сел на межу и призадумался: все знакомые места кругом. Оглянулся — ан не одного меня этот зуд свербит. Все тут

как тут. Собрались! — и Бережной, загибая пальцы на руке, громко, как на перекличке, вызывал: — Петр Леонтьевич Кульбака? Есть?

— Есть! — раздался в темноте высокий тенор Кульбаки, так не идущий к его большой, грузной фигуре.

— Федот Данилович! Где ты там? — окликнул Бережной комбата-три Матющенко.

— А де ж мени деватьея? — отвечал невысокий человек в брезентовом плаще с капюшоном.— Ось туточки я!

Бережной, заглядывая под надвинутые шапки, осматривал вторую группу. Немного поодаль ехали политработники: комиссар Матющенки — Фесенко; Кульбаки — Шульга; политрук Карпенки — Руденко.

— Ого, тут и комиссары! И батальонные «боги разведки»!

— Ну, хватит, хватит, капитан,— остановил расходившегося Бережного Ковпак.— Про що толковать будем, командиры?

— Да так... просто! Вспоминается «Сарнский крест»...— отвечал за всех Федот Данилович.

В декабре прошлого года одновременным взрывом пяти мостов мы вывели из строя как раз в этих местах Сарнский железнодорожный узел. Участники этой сложной по замыслу, хорошо удавшейся в исполнении операции и окружали сейчас повозку своего командира. Воспоминания о «Сарнском кресте» были особенно дороги этим людям. Операция проходила на пяти оторванных друг от друга самостоятельных участках, и каждый из ее исполнителей на три дня чувствовал себя «главкомом». Именно в этом деле выдвинулись и стали известны всему соединению, да и за пределами его, некоторые партизанские командиры.

И сейчас их привел к тачанке командира один из немаловажных компонентов военного дела — азарт. Я видел — это очень хорошо понимают Руднев и Базыма. А уж о Ковпаке и говорить нечего. Он умел иногда сам так зажигаться в бою, что и нам, людям помоложе, становилось страшновато... и завидно.

Я исподтишка взглянул на Ковпака. Накинув на плечи шубу, укутав ноги, он задумался, но чутко прислушивался к разговору командиров.

«Нужно, чтобы войсками перед большим делом овладевал азарт... Но как самому не поддаться этому чувству? Как обуздать его во-время? Как нацелить в нужную точку?» — думал я, подходя к тачанке комиссара.

Семен Васильевич лежал на спине в своей любимой позе, подложив обе ладони под голову. Я тихо поделился с ним своими мыслями. Глядя в звездное небо, комиссар одобрительно улыбнулся.

— Да. Когда повоевавшие достаточно люди после передышки вновь слышат музыку боя, ими овладевает азарт. И знаешь, в этом нет ничего плохого.— Он сел, свесив ноги с тачанки.—А если во главе их толковые командиры, тогда войска выигрывают бой. Но это азарт солдатский, как говорят — тактический. Местный, частный и временный. Надо уметь оседлать это солдатское чувство,— но это уже качество командира.

Комиссар легко спрыгнул на землю.

— Наверное, есть и азарт стратегический?

— Обязательно есть. Хоть нащупать его неизмеримо труднее. А управлять им — и подавно. Дорогой мой! Он не в пафосе уничтожения, он — и это главное — в мирной жизни, в пафосе созидания.

Колонна с тихим шорохом подтягивалась с переезда и затихала за стоявшей на месте повозкой Ковпака. Теперь я понял: Руднев и Ковпак добиваются большего. Чутко прислушиваясь к звукам позади, комиссар продолжал:

— Нужно закрепить в солдате сознание своего превосходства над врагом.

— А у нас?

— И у нас тоже. Нужно, чтобы партизанами овладевал оперативный — рассчитанный на весь рейд — азарт! Он должен быть не просто солдатской лихостью, — это и до нас умели. Нет. Он должен быть страстью и любовью, стремлением осознанным.

— Сознательный азарт?

— Ну да, конечно же! Без сознательности, без понимания превосходства наших идей этот голый солдатский азарт — только пустая авантюра. Азарт, задор, рвение солдатское, основанные на сознательности, — это удар по врагу в полную силу. И сердцем и умом. Понятно?

— У фронтовиков это, вероятно, называется «развитие успеха»?

— Да. Только там успех развивают другие, свежие, только что двинутые в бой войска. Многие из тех, которые вырвали этот успех из цепких лап врага, уже лежат в земле.

— Ого. Значит, нашему брату в этом смысле легче? Развивают успех и пользуются его плодами те же, что и берут его с боя.

— Это как сказать... А в общем — верно.

— А если не взял?..

— Чего?

— Не развил успех? Не взял верх над противником?

— А-а... Не взял — пеняй на себя. Лежи без успеха!

И комиссар, лихо сдвинув фуражку на затылок, быстро зашагал к «разведбогам».

И я подумал о той силе, без которой несмотря на все свое личное обаяние, Рудневу одному никогда не удалось бы так гибко и чутко помогать Ковпаку в его боевых делах.

Горячо сказанное слово о большевистской сознательности и организованности не было для комиссара только словом. Внутренней своей убежденностью он делал его живым и действенным.

Комиссары батальонов, политруки рот и парторги, опиравшиеся на коммунистов и комсомольцев, на ротные организации партии — вот в чем была сила отряда. А комиссар был старшим и по стажу и по опыту революционной борьбы коммунистом — фактическим руководителем партийной организации отряда.

Я вспомнил рассказ комиссара о первых его шагах в революционном движении.

Юношеские годы у него были связаны с Ленинградом. Подростком, в начале первой мировой войны он приехал из Путивля в Питер на заработки. Первая работа его — посыльным на Русско-Балтийском заводе. Жил он у земляка Тверитинова. А Тверитинов был большевик-подпольщик.

— Поступил я на должность «куда пошлют». Была она удобной и для Тверитинова, — рассказывал как-то Руднев.

Будучи организатором подполья в одном из рабочих районов, Тверитинов разъяснял подростку Семену Рудневу смысл и задачи революционной борьбы.

Вручая ему впервые пачку маленьких бумажек, вкусно и остро пахнущих краской, Тверитинов сказал, ласково ероша черные вихры мальчугана:

— Раздувай пожар революции, Сеня!

Вначале осторожно и медленно подросток разбрасывал листовки в глухих местах. В следующий раз Тверитинов посоветовал ему заглянуть в хлебные очереди. Через несколько дней Сеня смело ходил по очередям. Он незаметно ронял листовки на тротуары, совал в кошелки, а то и просто давал в руки бедно одетым женщинам.

В 1917 году Семен Руднев был уже красногвардейцем.

— Я охранял Ленина на Финляндском вокзале, — сказал он, когда давал мне рекомендацию в партию.

Начиная с 1917 года вся жизнь нашего комиссара была связана с партией.

Воспитанию молодых коммунистов в партизанском отряде он отдавал всего себя. Партийная работа велась не только на собраниях. Там только подводились итоги и намечались новые вопросы. А главная работа с людьми — на марше, в бою и особенно на лагерных стоянках.

С одним потолкует — разбирая замок пулемета — о кол-

хозной жизни и севообороте; с другим — о строительстве железной дороги; с третьим — о морских путешествиях. Но о чем бы ни шел разговор — сознание нашей правды, уверенность в победе над фашизмом у каждого становились, после беседы с Рудневым, более твердыми и отчетливыми.

Вот и сейчас. «Что я там загнул ему насчет азарта? — подумал я, глядя вслед комиссару. — А он куда повернул все это? Запомним...»

Я подошел к «разведбогам».

Вокруг капитана Бережного толпились: «Шумейко — «бог» второго батальона, Швайка — третьего, Черемушкин, Мычко, Берсенев — четвертого. Разговор, вспыхнувший от оброненной искры воспоминаний, разгорелся большим костром. Увлекаясь собственным рассказом, разглагольствовал Кульбака.

С тачанки донесся голос Ковпака:

— Ну, понеслы, хлопцы. Ну, що ты брешешь, Кульбака? Ну, сам подумай.

— А мы думали, вы спите, товарищ командир, — подлил масла в огонь Бережной.

— Та дремаю. Але на брехню у мене ухо чуткое... Ох, брешешь же, Кульбака. Не подорвал же ты сразу моста. Скислы твои хлопцы.

— Так то ж попервах скислы, товарищ командир Герой Советского Союза, — оправдывался Кульбака. — А потом так рванули, що от моста один железный лом остався. Та и тот через речку позакидало. А по всей округе на пять километров вси стекла повылетали.

Ковпак повернулся лицом к нам.

— Знову збрехнув на километрах? Це вин двенадцатую военную заповедь вывчив добре, хлопцы.

— А що она говорыть? — в тон спросил капитан Бережной.

— Нигде так не брешуть, як на охоте и на войне.

Хохот командиров заглушил его слова. Много таких заповедей слыхали они от Ковпака. Но все знали — самая главная была одиннадцатая: «Не зевай!»

Комиссар послал вперед дежурного задержать голову колонны. Пехоте требовался привал.

У остановившегося обоза образовались группки вокруг рассказчиков.

— Это что! — страстно уговаривал черный, скуластый, похожий на цыгана агроном Шумейко. — Мост на Тетереве разведывать — это пустяк. А вот месяца два тому назад был со мной случай.

— Это на Днепре, что ли? — подошел к ним Бережной.

— Ага. Я там стратегическую разведку вел. Я ж со своим взводом под самый Чернигов ходил.

— Это верно. Що верно, то верно. Под Чернигов ходил,— как бы дирижируя воспоминаниями, поддакнул Бережной.— Ни одного слова неправды, а по-нашему, по-простому — брехни, пока что нет. Нема брехни — и точка. Прошу продолжать дальше, товарищ разведывательный бог второго батальона.

— До Чернигова мы малость не дошли, — продолжал Шумейко.

— Тоже верно, — поспешил вставить Бережной.

— Агентуру я, правда в город посылал. Как раз базарный день был. Поэтому и агентуры много было.

Бережной уже тише комментировал:

— Есть! Товарищ агроном на эту самую стежку начал поворачивать. Это же просто бабы на базар ехали. А он говорит — агентура...

— Дело тут не в названии. Факт остается фактом: сведения о Чернигове я имел точные.

— Очень может быть, — поддакнул Бережной.

— Ну, не в Чернигове тут дело. Возвращаемся назад. К Днепру подошли. А там на железной дороге мост через Днепр, еще в сорок первом саперами взорванный. Лодок хотел я пошукать — переправляться через Днипро. Чуем — вдали паровозный гудок! Что за чертовщина, думаю, куда ж поезд идет? Тут мост подорванный. А эшелончик небольшой к нему чмыхает. Или немцы сами на паровозе были, или машинист с другой дороги профиля пути не знает, ну и дует напропалую. Ну, раз поезд гудит, мы бегом на насыпь. И так в километре от моста залегли на повороте. Смотрю в бинокль. Вижу — так себе поездишко, неважный. Всего шесть вагонов, а в вагонах — немцы. И на паровозе тоже. Подпустили мы его вплотную и резанули изо всех автоматов. Из ручника тоже ударили. На близком расстоянии были, паровоз успел проскочить неповрежденным. А вагонам крепко досталось. Из восемнадцати автоматов каждый по полному диску выпустил. Гвалт стоял у них невообразимый. Кое-кто даже успел на насыпь выброситься. Катятся они по насыпи вниз, а мы на выбор бьем, одиночными. А поезд-то тревожные гудки дает и все ход прибавляет. А впереди моста-то ведь нет! Неужто, думаю, немцы об этом не знают? Как мелькнула у меня эта мысль...

— Это у него сейчас эта мысль мелькнула. Ей-богу, братцы, — успел шепнуть Бережной.

— Молчи, не перебивай. Если брешет, так складно. А может быть, и в самом деле. Все может быть,— недовольно сказал Матющенко, страстно любивший всякие рассказы.

— Ладно, — согласился Бережной. — Ну, и мелькнула у тебя мысль...

Шумейко немного обиженно продолжал:

— Так рассказывать интересу нету... — и торопясь, чтобы опять не перебили: — Выскочил я на насыпь: «За мной, хлопцы!» Бежим мы вслед поезду. Бежим, бежим. Видим, впереди ни поезда, ни вагонов. Как сквозь землю провалились. Пока до конца насыпи добежали, одни только круги по воде. Все шесть вагонов и паровоз вниз пошли. А через минуту взрыв котла у них получился, что ли, но сильно вода замутилась. Потом рыба оглушенная выплывать стала.

— Эх, жаль, не было у тебя фотоаппарата снять его в момент полета, — сказал Швайка, подталкивая локтем Бережного.

— Так нам не до того было,— не поняв насмешки, ответил Шумейко.— Тоже надо понимать. Мы тоже дрейфили малость!

— Вот это верно. Вот тут товарищ чистую правду говорит, — не утерпел Бережной.

Ободренный похвалой, Шумейко продолжал:

— Был тогда у меня во взводе Андрей Хохол. Тот, що пожрать любил. Подбежал Андрей к обрыву и стал со мной рядом. Постоял, постоял. «Эх, — говорит, — забрали немцы всю консерву с собой на дно Днепра. Ничего не оставили, сволочи!» Большой был любитель покушать. И особенно консервы всякие уважал, паштеты и рыбные всякие деликатесы из Голландии. Он все их марки изучил. Очень «консерву» любил покойный...

Шумейко окончил свой рассказ.

У многих зачесались языки. Но по колонне прошумела команда. Кряхтя, разминая ноги, люди вставали. Вскоре послышался приглушенный травой и песком шорох колес.

Командиры стали расходиться по своим местам.

С хвоста, обгоняя колонны, проскакали Базыма и тройка связных. Все знали: если начштаба покинул переезд, значит форсирование закончено благополучно.

Базыма весело крикнул:

— Заслоны подшибли два эшелончика! Уточняй! Кажется, один — эрзацбронепоезд!

Добив эшелон с подкреплением, заслоны пристроились в хвост колонны.

Не спеша мы двинулись на юг.

Садясь на коня, я услыхал, как Руднев сказал Ковпаку:

— Сидор Артемьевич, если обстановка не усложнится, думаю завтра по ротам провести открытые партсобрания.

— Добре, Семен Васильевич! Первый бой, он все недостатки и прорехи выявит. Пускай народ их на прицел возьмет. И растяп, разгильдяев треба пропесочить. А заодно и тех,

что дюже носа задирают. Не по нутру мени их эти разговорчики про прошлые дела. Хай бильше думают не про ти мосты, що нами колысь подорвани, а про ти, по яким ище и по сей день фашисты на фронт едуть. Хай про це коммунисты народу растолкують.

— Я думаю так: о задачах рейда и обязанностях партизана, — сказал Руднев.

— Добре. Давай директиву.

Ускакав вперед к разведке, я все думал о нашем ночном разговоре с комиссаром. И когда на другой день проходили партсобрания — на одном из них влетело и Ленкину за беспечность на переезде (и откуда только комиссар узнал об этом?) — я думал: вот уже Ковпак, Руднев, Шульга, Фесенко да и все мы вместе накладываем взаимной критикой и самокритикой суровую узду сознательной дисциплины великой организации коммунистов на партизанскую вольницу.

На собрании парторганизации 1-го батальона (Путивльского партизанского отряда) обсуждалось и мое заявление. Меня приняли в кандидаты партии.

4

Места эти были отрезаны от партизанских районов железной дорогой. В селах можно было встретить и немцев и полицаев.

Советские партизаны действовали здесь только отдельными группами. Часто наведывались подрывники. Проскочив из партизанского края через железную дорогу для выполнения диверсионных заданий, они задерживались на день-два. Отряды обосновывались на более длительный срок. Выполнив свою задачу, они устремлялись на север, в партизанский край, поближе к аэродрому. Но все они — мелкие и крупные — действовали очень осторожно. Опасность столкновения с противником здесь была неизмеримо больше, чем на севере. Мы знали, что южнее находится отпочковавшийся от Сабурова отряд под командованием Шитова. Знали, что в районе Шепетовки есть еще передовые аванпосты партизанского края. Но все эти друзья были впереди.

Южнее железной дороги Сарны — Коростень леса снова зеленой толпой обступили два южных притока Припяти — Горынь и Случь.

Ковпак решил отойти подальше от железной дороги и там дать передышку людям и коням. После привала двинулись снова. Шли весь день по извилистым лесным дорогам, ничуть не опасаясь немецкой авиации. Этот суточный рывок послужил для отряда разминкой и проверкой слаженности отдель-

ных звеньев. Теперь нужна была стоянка, во время которой в подразделениях исправят выявившиеся на большом марше недостатки. Ковпак и Руднев решили дать на это тридцать шесть часов. Вызвав к себе помначштаба по оперативной части Васю Войцеховича, Ковпак поучал его:

— Всего на двадцать километров разработай маршрут. Поняв? Ты мою тактику знаешь.

— Понятно, товарищ командир Герой Советского Союза!

— Нам сейчас не так на врага надо оглядаться, как на физическую нагрузку хлопцив. И коней. Поняв? А полицайчики эти — чепуха. У меня зараз одна забота... Довгенько мы простояли в этих припятьских лесах и болотах. Надо, щоб люди втянулись в темп похода.

Руднев подмигнул Базыме. Базыма улыбнулся, тихонько ответив комиссару любимым словцом Кольки Мудрого:

— Маракует командир.

А Ковпак увлекся рассуждениями о рейдовой тактике:

— Рассчитать силы тысячи людей, восьмисот коней. На учете все, все в уме иметь. Беречь. Расходовать экономно, с толком. Поняв? Это, брат, рейдовая партизанская тактика. Поняв?

Существовала еще одна причина, заставившая сделать небольшой переход: движение наше шло по «нейтральной» территории. Мы продвигались, прощупывая все дороги и перелески. Пауза нужна была и для разведки, шнырявшей вокруг. В районных центрах Городница, Костополь стояли вражеские гарнизоны по триста-четыреста человек, но они боялись высунуть нос из города. Окопавшись, гитлеровцы держались там, как на островах среди бушующего вокруг моря. Связь поддерживали только по радио. Телефонные провода давно были перерезаны и даже столбы выкорчеваны. Командиры гарнизонов для докладов летали на самолетах связи. Подброска боеприпасов и питания совершалась так: обозы или машины ползли по большаку в сопровождении по крайней мере батальона солдат; цепи прочесывали дорогу, следом шел обоз, а позади обоза еще охрана. И все же добрая половина немецкого добра попадала в руки партизан.

Кроме немцев и полицаев, здесь же бродили два или три польских отряда: войско с неясными целями.

По отношению к советским партизанам они старались держаться нейтрально. Это было вызвано главным образом уважением к нашему оружию.

В район стоянки небольшого польского отряда и наметил маршрут Вася Войцехович. Это была та самая Старая Гута, в которой весной бесследно исчезли наши разведчики во главе с Гомозовым.

Батальоны стали лагерем в километре от Старой Гуты. У меня были дела в этом селе, и я поместился в крайней хате. Через несколько часов я дознался, что случилось с разведкой, бесследно исчезнувшей пять месяцев назад. Офицера из Люблина, попавшего в эти края через Лондон и известного нам под псевдонимом Вуйко, здесь уже не было. Он благоразумно скрылся, пронюхав о приближении Ковпака.

— Пошел на запад, проше пана, — говорили мне жители Старой Гуты.

Я уже знал, что наш разведчик Гомозов погиб от предательской пули этого лондонского вояки.

Знал и о том, что в селе есть националистская организация, но знал также, что здесь действуют поляки-комсомольцы. Возглавлял националистов ксендз пан Адам. Зайдя к нему, я спросил без обиняков, не желает ли он собрать народ поговорить с нами. Ксендз охотно согласился. По его приглашению Ковпак и Руднев на следующий день приехали в Старую Гуту. Было воскресенье. Звонили колокола.

Кинооператор Вакар, прилетевший к нам в отряд перед самым началом рейда, торжествовал. До сих пор все дела в отряде совершались ночью, а днем люди спали.

— Не могу же я снимать только спящих людей! Получится такой фильм, знаете... что всю войну вы проспали.

А сейчас, среди бела дня, в красивом селе — торжественный обед у ксендза, митинг, на котором выступят два генерала.

— Это настоящие кадры... Партизанская экзотика! — потирал руки Борис Вакар.

Действительно, все было так, словно кто специально готовил кадры для кинофильма. И обед, и митинг, и речи двух советских генералов — Ковпака и Руднева. Они призывали польское население с оружием в руках подняться против немецких оккупантов. Митинг заключил своей речью ксендз Адам.

Как он понял генеральские выступления, я не знаю. Но наше пребывание здесь ксендз трактовал очень оригинально.

Жалею, что не записал тогда же эту проповедь дословно.

Я много читал об иезуитах, но никогда не думал, что книжное знакомство с ними сможет мне пригодиться. Да еще на войне.

В длинной сутане, с бритой головой, с немецким парабеллумом в кобуре, висящей под сутаной, ксендз говорил о своей дружбе к «советским панам», называл исторической нашу встречу, призывал народ свято хранить реликвии этой встречи. Стол на четырех колышках, вбитых в лесу, за которым обедал «пан Ковпак», он объявил святыней. Действительно, вернувшись в эти места поздней осенью, мы узнали, что стол сохранился. Если бы вкопан был он не в дремучем лесу,

а где-нибудь у перекрестка дорог, то наверняка у стола стояла бы мадонна и держала в руках кружку для монет. В конце речи, хорошо помню, ксендз пан Адам закатил глаза к небу:

— Нех паны колпаки идут и бьют германа! Мы будем возносить молитвы пану Езусу и дожидать того божьего дня, когда армия польская придет и освободит земли Речи Посполитой от врагов...

Я перевожу взгляд на своих.

Ковпак с интересом слушает проповедь ксендза. Глаза генерала блестят. Две-три паненки из шляхты в лицемерном усердии взирают на воздетые руки ксендза, закатывают глазки к небу. В паузах они игриво скользят взглядами по блестящим погонам. Ковпак косит глаза на Руднева и пощипывает бородку. По ухмылке Ковпака вижу: дед не доверяет ксендзу. Его интересует народ.

Митинг происходит в деревне, недалеко от реки Случь. Ее нам предстоит форсировать не сегодня-завтра. За Случью уже хозяйничают немцы и их наймиты. Часто проходят здесь всякие вооруженные группы. Одни воюют с немцами, другие делают вид, что воюют, третьи сотрудничают с нашим заклятым врагом и ищут связей с нами. Вот почему митинг проходит на открытом месте, у костела, в ясный день.

— Никакие летчики не разберутся с воздуха в этих дебрях: кто тут за, а кто против. Тут и на земле трудно что-либо понять, — говорит Базыме кинооператор Вакар.

Он доволен светом, солнцем, митингом и обстановкой, дающей ему возможность заснять «мировые кадры».

Но я вижу, что Руднев давно раскусил иезуита. Руднев слушает внимательно, немного угрюмо. Взоры паненок отскакивают от черноусого лица, как мячик от стенки. Комиссар понимает, в каком дремучем лесу социальных, национальных и политических отношений начинается этот новый наш поход.

Еще не кончился митинг, как к толпе подскакал связной Саши Ленкина. Ковпак вышел из круга. Паненки заволновались. Ксендз сделал паузу не в положенном месте. Руднев успокоительно поднял руку к козырьку.

Ксендз продолжает речь.

Но уже к комиссару протиснулось несколько молодых поляков.

— Они просятся в отряд,— сказал комсорг Миша Андросов.

Ковпак прочел донесение и кивнул комиссару. Тот, вежливо прося посторониться, уже выбирался из толпы. Паненки разочарованно вздохнули.

— Кавалерийская разведка Саши Ленкина нащупала брод. Во второй половине дня двигаться дальше, — отдал команду

Руднев подошедшему Базыме. — Займись пополнением, Петрович!

Базыма вскакивает на коня. Уже в седле о чем-то вспомнив, он рукояткой плети кивнул кинооператору Вакару:

— Ну що, разобрался, кто тут за, а кто против?

— Разобрался, товарищ начштаба, — ответил тот, весело козырнув не то Базыме, не то молодому польскому пополнению нашего интернационального отряда.

А тем временем комиссар вместе с комсоргом Андросовым инструктировали комсомольцев.

— Вы, хлопцы, в отряд хотите?

Ребята радостно закивали.

— Нет, не примем, — сказал Руднев. Затем, оглядывая их потускневшие лица, продолжал: — Ваш долг оставаться и работать среди своего народа. Понятно? А чтобы работа спорилась, мы вам литературу оставим.

— А оружие? — спросил самый молодой.

— Это тоже будет. Всему свое время, хлопцы. Миша, задержись с ними. И обо всем дотолкуйся.

Когда мы отошли, комиссар сказал мне.

— Не оставить ли нам здесь связников? По всем правилам конспирации?

— Попробуем...

Мы с Мишей Андросовым остались часа на два. Уладив всю техническую часть, на галопе помчались в обгон двигавшейся колонны.

5

Быстра река Случь!

Как она не похожа на реки, недавно оставленные нами на севере: те с желтой водой, коричневыми торфяными берегами; эта — бежит по каменистому дну прозрачной, голубоватой струей.

За рекой, на высоком западном берегу, разбросаны хутора. Леса кончаются. Там, на западе, уже начинается холмистая Ровенщина.

Ленкин докладывает Базыме:

— Крупных сил немцев нигде не обнаружено. На хуторах наших разведчиков обстреляли.

Базыма встревожен.

— Потери есть?

— Царапнуло Костю Стрелюка...

— Куда?

— Содрало кожу со лба. Выше бровей, — показывает Ленкин.

Задумался начштаба.

Противник применял за Случью новую тактику мелких гарнизонов и лжепартизанских отрядов — провокаторов. По всему берегу реки во всех селах разбросаны гарнизончики — от отделения до взвода разных эрзацбатальонов — мадьяр, словаков, хорватов, бельгийцев, голландцев. Согнанная со всей Европы разная шваль, мусор народов, ошметки пятых колонн, они несут тут караульную службу вместе с местными полицаями. Падкие на украинскую пшеницу, сало и колбасу, они, давно потерявшие родину, продались фашистам. Но и служат они хозяину, как приблудные псы. Серьезного сопротивления даже одному отряду партизан они оказать не в состоянии. Но их присутствие — серьезная угроза для небольших диверсионных групп и для наших разведчиков.

— Вот еще одна смерть прошла на сантиметр мимо. А сколько их — беззубых — не промахнется? — ворчливо спрашивает начштаба Сашу Ленкина.

— Не знаю, — удивившись такому неделовому вопросу и поэтому усиленно откозыряв, ответил бравый комэс. — Какие будут указания, товарищ начштаба?

— Указания? Вперед! Глазки вперед! Ушки на макушке. Навостриться всем и язычок прикусить... Понятно?

Ленкин шагом отъезжает.

Эскадрон, как по команде, поворачивает головы. Небывалое дело! Чтобы их командир чортом не отлетел от высшего командования? Чтоб еще большим чортом не подскочил к своему любимому эскадрону? Понятно!

— Выговор получил?

— А за что? Брод нашли...

Ленкин, бросив повод на шею коня, задумчиво едет впереди. Затем, подобрав повод, приподнимается на стременах.

— Эскадрон, смирно-о! Слушай команду! Глазки вперед! За мной!

— Вот это совсем другое дело! — восхищенно поддакивает старшина Сашка Горобец...

— И язычок пр-р-рикусить... За мной!

Вслед эскадрону поднимается столб пыли.

Двигаться дальше мы решаем днем.

— С усиленным охранением! Колонну держать в руках! — Руднев верхом скачет вперед.

Вторая разведывательная группа под командованием Швайки еще не вернулась. А именно она должна разведать намеченный нами маршрут.

Главные силы колонны подошли к реке. Лошади сбились в кучу. Ездовые не могут оторвать их от воды. В этот момент с хуторов раздаются выстрелы. Конная разведка быстро разогнала стрелявших, но все же есть раненые.

Колонна не останавливается.

День ясный, безветреный. Лишь небольшие белые облака висят в голубом небе. Но вот им навстречу поднимаются облака черного дыма. Это сигнал немецких холуев на заставах. Они поджигают хутора, принадлежавшие когда-то полякам. Еще недавно те мирно жили здесь вперемежку с украинцами и русскими. Сейчас на польских хуторах нет никого. Население их либо вырезано, либо бежало на восток — под крыло советских партизан. Дым подымается толстыми смерчами в безветреное небо. Вверху он расползается черным грибом, плывет по холмам. К запаху степи присоединяется запах гари.

Рядом со мной шагал разведчик Костя Стрелюк. Голова у него забинтована: из-под витков марли выглядывает один глаз. Костя пытается что-то втолковать мне о новой тактике врага, о нападении из-за угла.

— Они засадами действуют. Это очень неприятная штука. Только теперь я понял, почему немцы так боятся засад... — говорит мне Костя.

А может быть, надо с ними бороться хитростью?

— Только мы в улицу въехали, из домов стреляют. А вдоль переулка пулемет режет... Вроде дзота у них там...

Не хочется перебивать Костю. Пусть говорит. Он очень возбужден. Такая ли уж пустяковая у него рана?

Костя, Костя... Высокий, еще по-юношески угловатый, семнадцатилетний парень из Воронежа. Бывший редактор пионерской газеты. Доброволец Отечественной войны. К нему очень привязан капитан Бережной. Заядлый ругатель, он любит Костю именно за то, что тот краснеет, как девушка, когда слышит грубую брань... И за храбрость, конечно...

А Костя все говорит. Замечаю — теряет он нить мысли. Ну конечно, у него жар. Подзываю санитарку разведки Лиду.

— Костенька! Тебе надо на повозку. Обожди — в санчасти посадят...

— Нет! Я могу итти, товарищ подполковник. Зачем же?..

И я вижу, как в его глазу блестит слеза.

Только для того, чтобы скрыть ее, юноша соглашается сесть в повозку. Выйдя из строя, он, пошатываясь, идет на обочину дороги и вдруг, как срезанный колос, падает лицом в цветущую рожь. Санитарка хлопочет над ним.

Выделив четырех бойцов на помощь Лиде, я шагаю вслед за эскадроном. Молча движемся около часа среди стеной стоящих хлебов. Мириады серо-зеленых колосьев тихо колышутся по сторонам. Переливаются волнами, перекатами. Прилив, отлив, прилив, отлив... До самого далекого горизонта. Кажется, что и небо полно колосьев...

Только небольшое зеленое пятно рощицы впереди радует и успокаивает глаз. Поворот дороги. У леска, в придорожной канаве, столпились эскадронцы. В канаве лежат двое убитых. Разведчики узнают в них бойцов третьего батальона из разведгруппы Швайки. Самого Швайки нет. Ленкин, привстав на стремени, острым взглядом окидывает дорогу, лес, хлеба.

— Место для засады выбрали удачно, сволочи!

Дорога круто поворачивает влево. Метрах в двадцати от ее изгиба начинаются кусты. Оттуда Семенистый уже тащит гильзы и пулеметную ленту. Ленкин осматривает их внимательно.

— Все?

— Больше ничего не обнаружено, товарищ командир.

— Куда же все-таки делся Швайка? И его взвод?

Никто не может сказать нам этого. Ни колосья ржи, стоящие дружной стеной у шляха, ни мертвые товарищи. Колосья вокруг срезаны пулями. Они уткнулись своими мертвыми головками вниз, в серую землю.

Швайка пропал.

Базыма командует:

— Придержать колонну на полчаса!

Дав время новой разведке выдвинуться на полтора-два километра, колонна продолжает путь.

6

Уже первые дни рейда показали, что совершается он не в обычной обстановке.

Сталинский рейд мы совершали осенью; рейд на Киевщину, Житомирщину проходил зимой и ранней весной. Сейчас — лето в самом разгаре.

Знойное марево с утра зыбкой волной дрожит на горизонте. К полудню в бирюзовом небе вырастают белые парашютики облачков. Вначале жиденькие, прозрачные, крохотные, они вскоре торжественно снизятся к земле, станут плотнее, гуще. И вот уже на макушку облака невозможно смотреть: белизна его режет глаз, как снег в горах. Еще немного — и брюхо облака подбивается синевой. Оно темнеет, сливается с другими в грозовую тучу. Минута-другая, и дождь ровными полосами штрихует горизонт. Зеленая полоса хлебов, слившись с синей грозовой тучей, широким фронтом стремительно наступает на холмы Ровенщины. Лавина ветра, дождя и грома бушует в Полесье.

Это — на севере, там, где остались леса.

На западе — багровые облака еще только силятся закрыть солнце. А на юге — все то же голубое небо да безмятежные

облачка-разведчики. Они тихо висят над степью. Лишь столбики пыли вдоль полевых дорог взвиваются им навстречу, осторожно прощупывая путь грозе.

Ночи сейчас самые короткие. Движемся мы в долгие знойные дни. Кромка леса темной полоской прочерчена на горизонте. Чтобы совсем не потерять ее, мы в третий переход держим направление строго на запад. Но, разгадывая направление, куда ведут нас Ковпак и Руднев, ясно представляю себе: рано или поздно мы свернем к югу. Туда, где нет лесов. В степь! Вот только угадать бы, где свернем. В каком месте?

И снова, как тогда, при первой встрече, Ковпак хмурится, поглядывая на хлеба.

— Урожай богатый, а придется жечь, уничтожать...

Урожай действительно богатый. Хлеба стоят высокой ровной стеной. Рожь уже наливается. Пшеница отцветает. Она служит нам неплохой маскировкой. По крайней мере от наземного противника. Авиации опасаться пока нет нужды. Главное дело сейчас — разведка. Мы разбиваем вражеские гарнизоны и банды полицейских только там, где они мешают нашему продвижению. Ввязываться в серьезные бои с ними нам теперь нет смысла. Потери в боях неизбежны. Дальний же прицел рейда требует как можно более экономного расходования сил. Мы используем всю свою ударную мощь только тогда, когда достигнем цели. Правда, до цели еще далеко.

А сейчас — разведка, разведка и еще раз разведка.

Справится ли она с этими новыми задачами? Старые, опытные разведчики — Черемушкин, Мычко, Кашицкий, Володя Лапин, Землянко и другие — часто пасуют. В западных областях часто на все село не найдешь человека, понимающего русскую речь. Уже в первые дни разведчики приходили обескураженными. Иногда, сами того не подозревая, приносили неточные сведения.

Черемушкин и Мычко еще кое-как справляются. Их излюбленный метод — боем прощупать противника — дает некоторый результат. К тому же Мычко знает украинский язык. Но не может один взвод обеспечить всю разведку.

Володя Лапин ругается. Передавая свой разговор с местными крестьянами, он изображает в лицах, как они не могли понять друг друга.

— Стучу в окно. Баба подходит. «Бабка, открой, будь так ласкова, фортку!» Молчит. «Ну, открой фортку, милая». Опять молчит... «Открой фортку, а то окна побью...» Тут она как начнет голосить, плакать: «Вы же, — говорит, — через фортку во двор вошли», и на калитку показывает... Я смеюсь: «Какая же это фортка — это же калитка». Тогда она меня насмех

подняла: «Калытка,— говорит,— для денег, хвиртка — для людей, ворота — для худобы, а ты не турок будешь?..» Вот так и проговорили с час. Молока принесла, хлеба, масла... А толком ничего не узнал.

Полустепная полоса требовала усиленной кавалерийской разведки. Взвод Саши Ленкина был преобразован в эскадрон. Саша торжествовал. Комиссар скрепя сердце подписал приказ о реорганизации подразделения Усача.

Руднев — принципиальный противник партизанской кавалерии. Он называл войско Ленкина «иисусовой конницей», что обижало наших кавалеристов.

На пятый день марша, огибая Ровно с севера, мы проходили небольшое сельцо. Дорога вывела нас к роще.

У рощи — кладбище.

Разведку, выскочившую вперед на подводах, с кладбища встретили шквалом огня. Разведчики успели соскочить с подвод. Карпенко со своей ротой автоматчиков развернул в обход кладбища. Хорваты и местные полицаи смекнули, что дело может кончиться для них плохо, и бросились наутек.

Мы с Ленкиным верхами выскочили на бугор.

— Как на ладони, а? Вот позиция! — Ленкин разгладил усы и оглянулся.

Действительно, с бугра все видно: и как враг отходит к хуторам и как пехота Карпенко преследует его по ржи. Ясно, что противник успеет добежать туда раньше третьей роты. Позади вытягивался скорым шагом недавно сформированный эскадрон. Ленкин, защищая любимое детище от нападок комиссара, хорошо обучил своих кавалеристов. Вспоминая все мудреные команды и приемы кавалерийского строя, оставшиеся у него в памяти со времен действительной службы, он вышколил их не хуже кадрового офицера.

Усач ухмыльнулся.

— Попробуем кавалерийской атакой, товарищ подполковник?

Не имея команды Ковпака, я не мог дать такого приказа. Но меня самого подмывал бес при виде уходящего противника. Карпенковцы делали большой крюк, загибая фланг.

— Эх, не поспеют Федины хлопцы! — сокрушался Ленкин.

— Но если атака не удастся?

Ленкин презрительно пожал плечами.

Единственным оправданием могло быть только личное участие в атаке.

Я поднял плеть над головой.

Сзади звякнули стремена.

Ленкину больше ничего и не надо было. Он огрел плетью сначала моего, а потом и своего коня. Выигрывая время, мы

мчались два километра по дороге, не рассыпаясь. Вот уже опередили нашу наступающую роту. Все ближе отходящие в беспорядке враги.

Карпенко заметил наш маневр. Он все больше загибает влево, оттесняя противника к дороге. Но уже начинаются хутора. И, достигнув их, противник тает, исчезая на глазах. Дальше вести эскадрон сплошной кучей рискованно. Окажись у врага один хладнокровный пулеметчик, наделал бы он нам бед.

— Рассыпай, Саша, иисусову конницу.

Я взглянул на Усача. Глаза его налились кровью, лицо посинело от натуги, а он все не мог найти слов, которыми можно было бы мне ответить. Злобно выругавшись и потянув плетью коня по глазам, он крикнул:

— Я вам покажу иисусову конницу! Я покажу!

На ближайший хутор бежало с десяток полицаев. Самый лучший конь в отряде — Сашкин гнедой — моментально вынес его далеко вперед. Сразу за ним поскакало трое конников. Но куда им догнать Сашу! Мой конь тоже сильно отставал. Не доезжая полсотни метров, я увидел во дворе клубок лошадиных и человеческих тел. Бросив поводья и держась только ногами на пляшущем коне, вертелся во все стороны Усач. У стен хаты и сарая жались растерявшиеся полицаи. Выпустив по ним весь диск и увидев, что патроны кончились, Сашка бросил автомат на землю. Выхватил гранату. Швырнув ее в кучу лежавших на траве полицаев, он прохрипел:

— Все! Давай ты, Петрович!

Граната взорвалась. Конь Ленкина рухнул на землю, придавив собою ногу хозяина. В этот момент мы уже вскочили во двор.

Автоматная очередь полицая полоснула по Сашкиному коню и буквально распорола ему брюхо. Даже подпруги седла оказались перерезаны. Ленкин, кряхтя, вылез из-под туши коня, прикрывшей его.

— Ранен?

— Нет, кажется.

— Почему хромаешь?

— Ногу придавил гнедой.

— Кость цела?

— Цела.

Семь человек лежали возле стен. Пятерых уложил Усач. Только двое остались на нашу долю.

— Обошлось, кажется. Собирай, Саша, иису... Ну, ладно, ладно.

Я повернул коня и по меже шагом поехал к другому хутору. Проехали с полминуты. Вдруг впереди меня, как

куропатка из-под ног охотника, в густой ржи показалась голова без шапки. За нею мелькнула грудь в вышитой сорочке.

— Чего ты забрел сюда? Попадешь в эту катавасию — сам не...

Но я слишком поздно заметил блеснувшую в его руках винтовку. Сразу грянул выстрел. Стреляя с десяти метров, он все же промазал. Пуля взвизгнула под самым ухом и обожгла шею. Он не успел прицелиться или сильно волновался и сразу же испуганно скрылся во ржи. Но колышущийся колос выдал его. Не дав ему загнать очередной патрон, я наугад выпустил полдиска. Вспомнил, что и мне надо беречь патроны, отпустил спусковой крючок и, держа автомат наготове между ушами коня, тихо тронул его по следу.

Живые колоски кивают головками, постепенно затихая. Из ржи больше никто не поднимается. Сзади ко мне подъезжают конники, выручавшие Ленкина. С ними помощник Усача. Стрельба затихает вдали.

— Годзенко! Собирай эскадрон. Веди к дороге!

Я пустил коня по тропке во ржи. Она пунктиром указывала след, где только что бежал человек. В гущевине ржи она закончилась круглой маленькой поляной. Конь, всхрапывая, не хотел подходить. Я приподнялся в стременах: он лежал на боку, прижав руку к груди, и уже не дышал.

«...Натравили тебя фашисты на нас, дали в руки винтовку. Что ж, выбачай... Лежи среди спеющей ржи...»

Откуда развелась на чудесных полях Западной Украины эта погань? Они шли в обозе гитлеровской армии. А когда надежды на «молниеносную» войну лопнули, когда под ударами Красной армии хрустнул хребет фашистского зверя, гестапо вспомнило о своих псах.

Буйным ветром, предвестником очистительной грозы повеяло на оккупированной Украине после великого Сталинграда. Ширилось могучее движение народа — партизанская война. Народный гнев грозил смести фашизм и его верных лакеев. Тогда Бандера (согласовав этот шаг с Гиммлером) организовал лжепартизанские отряды. Лишь только отгремело по всему миру эхо героического Сталинграда, бандеровцы, как стая воронья, слетелись на съезд. «Зарево Сталинграда нависло над украинской буржуазией»,— с ужасом признались они. Над смертельно раненным зверем — немецким фашизмом — они каркают свою «резолюцию». Смысл ее сводится к следующему: «В ходе войны наступил неприятный для украинского национализма момент. Мы слишком откровенно связали свою судьбу с Гитлером...» «...Надо сделать вид, что мы против немцев. В противном случае не найдется ни одного украинца, который поверил бы нам», — говорят эти «по-

литики». Весь тираж журнальчика бандеровцев, где напечатана эта «резолюция», был захвачен нами на Горыни.

По дороге уже движется обоз. Скрипят телеги, и раздаются приглушенные полуденной жарой голоса. Лишь теперь я потрогал шею. Крови не было. Немного выше воротника вздулся, как от удара кнутом, волдырь.

...Эскадрон выходил к дороге тихой рысью. Я тронул коня ему вслед.

7

В эту же ночь мы подошли к Горыни. Решено двигаться и ночью, форсировать реку с ходу.

Моросит дождь.

Дорога вьется вдоль опушки леса. Впереди маячит отбежавший в степь одинокий столетний дуб. Не одному поколению людей указывает он развилку дорог. Может, и нам что навещует. Карпенко подъезжает к дубу и сверяется по моей карте. Лезет на дуб, выискивая на горизонте хоть какой-нибудь ориентир. В этот момент в колонне выстрелы. На миг вспыхнула беглая перестрелка. Стоны, крики.

— Напились, что ли?

Карпенко сползает с дерева.

— Нет, не похоже!

И так же сразу все затихает.

Я повернул коня обратно. Еще не доехав до штаба, узнал причину стрельбы. Оказалось, что по лесной просеке наперерез нам двигался небольшой обоз бандитов с ранеными. Они никак не ожидали встретить здесь советских партизан. Выехав на опушку, пять или шесть подвод бандеровской санчасти вклинились в наш обоз. Проехав в колонне несколько минут и уже отдалившись от своих, услышав русский говор и слова «товарищ командир», они поняли, куда попали в ночной темноте.

Здоровые бросились, отстреливаясь, наутек, но были побиты нашими ездовыми.

Обоз с бандеровским лазаретом остался у нас.

Темень перед рассветом сгустилась.

Я присел на повозку к одному из раненых бандеровцев. Посветил электрическим фонариком. Худое, изможденное лицо. Лихорадочно блестят глаза. Парень испуганно пытается подвинуться на возу.

— Як же, козаче? Влипли?

Ресницы его дрогнули. Я повторил вопрос. Услышав украинскую речь, приготовившийся к пыткам и истязаниям, он исподлобья смотрит вверх.

Неприятное дело допрашивать раненого. Но надо. Надо нам, нашим товарищам по отряду, нашей армии, народу. Надо!

— Як же вы ехалы? Прямо-таки наугад? Без разведкн, без охраны?

Он молчит. Но мой спокойный голос и мирный тон, видно, успокаивают его. Чувствую, можно ставить вопрос в лоб.

— Куда вас везли?

Откашлявшись, он хрипит:

— До шпиталю.

«Ого! Если есть госпиталь, значит это не маленькая бандочка».

— Далеко? Где?

— Там... Ихать дви ночи.

— Где поранило?

— От туто. И от туточки,— показывает на грудь и ногу.

— Когда?

— Четвертого дня.

— С кем бились?

— С... нимаками...

По тону понимаю, что врет, но не показываю виду.

— А нас узнаешь?

— Кто вас знае... Вы — не наши...

Он кашляет. Закрывает глаза. Соображаю, что́ еще можно узнать у него ценного. И можно ли? Ах, да. Конечно. Я даже не задал второго стандартного вопроса: «откуда?»

— Звидкиля везли раненых?

И сразу освещаю лицо. Он недоуменно поворачивает голову. Вопросительно, не мигая, глядел он в гаснущий электрический глазок. «Эх, жаль, батарейка кончается, не успею спросить главное». Быстро и властно повторил вопрос.

— Звидкиля... З лису...

Мелькнула мысль. И сразу:

— З табору?

— Ага...

— Сотня?

— Восьма...

— Курень?

— Гонты...

— Далеко?

— У лиси. Ось тутечки.

Он показал рукой. Дальше вопросы и ответы катились, как под горку. «Нет, не успела батарейка иссякнуть в фонарике».

Я знал главное. Рядом с нами, в лесу, был расположен «курень» (полк) бандитов. В нем не менее тысячи человек. На

их стороне знание местности и, может быть, внезапность нападения. Ведь о присутствии здесь бандеровского куреня знал пока один я. Надо было ликвидировать хотя бы это преимущество врага.

Я доложил свои сведения Рудневу. Комиссар решил сразу:

— Приостановить движение! Выставить дозоры!

Я пошел продолжать допрос.

Пленные показали, что переправа через Горынь сильно охраняется.

— Форсировать ее с ходу, видимо, не удастся, — резюмировал обстановку Базыма. — Будем ждать рассвета!

Нащупав вблизи реки небольшой хуторок, мы втянули в него колонну.

В хате Базыма и его помощник быстро наладили работу штаба. Я окончил свое дело. Но задремать не мог. Думал о том, как незаметно для нас изменилась обстановка.

Вспомнилась песня, которую в бреду пел раненый бандеровец:

Лис — наш батько,
Ничка — наша маты,
Крис [1] та шабля —
Вся моя семья...

Раньше мы проходили по местам, занятым противником — немцами. Там мы всегда считали ночь выгодным временем для своих партизанских дел, а вот с бандеровцами мы увереннее чувствуем себя днем.

Эти последыши петлюровских головорезов, которым удалось своими высокопарными речами о самостийной Украине сбить с толку кой-кого из крестьян Западной Украины, применяют против нас сходную с нашей тактику. Почему? На их стороне преимущества знания местности и агентурных связей. А мы по привычке идем по лесу ночью. По лесу, занятому врагом. Но ведь лес и ночь — это тоже привычная основа силы Ковпака.

Привычка — хорошее дело на войне. Хорошо привыкнуть не дрейфить в бою, приучить себя к опасности, привыкнуть к лишениям, смертельной усталости, к крови. К самой смерти привыкнуть. Но наступает в жизни военного коллектива момент, когда привычка становится вредной. Он наступает тогда, когда командиры, выработав боевым опытом правила (и приучив к ним своих солдат) в условиях определенного времени, местности, только ради привычки заставляют их воевать по этим правилам в другом месте, в другое время и в иных условиях. И с другим врагом.

---

[1] Крис — ружье.

В ученых военных книгах это называется — шаблон. Есть еще штатское слово — косность. Но как ни называй, а для войск, попавших в лапы шаблона, наступает рискованный момент.

Для нас он, кажется, наступил, этот момент. Какой же выход из положения найдут наши генералы?

8

Здесь, в хуторке на берегу реки Горынь, в который уже раз проявились таланты молодой разведчицы Ганьки-самогонщицы.

Ганька пришла в отряд Ковпака в декабре 1942 года. Она прошла с нами весь весенний рейд под Киев. Была на Припяти. В «мокром мешке» ее легко ранило. Вылечилась. В начале нового рейда Ганьку перевели в девятую роту первого батальона разведчицей.

Обстановка в ту ночь, когда мы подошли к Горыни и к нам в колонну забрался обоз бандеровской санчасти, была тревожная. Штаб остановился в крайней хате.

Что-то в штабе у нас не ладилось. Командир и комиссар еще сдерживались, но чувствовалось, что думают они по-разному. Взгляды их на нового противника хотя еще и не определились до конца, но были различны.

Должно же случиться, что именно в тот момент, когда отряд уперся головой в водяную ленточку Горыни, между командирами вспыхнула ссора. От пленных мы знали, что большое село на западном берегу занято бульбовским куренем, что Гонта все грозится разгромить большевиков. У врага появились агрессивные намерения. С чисто военной точки зрения, мы легко могли преодолеть это сопротивление. Но возникал вопрос: нужно ли сейчас делать это?

Вот тут-то и разошлись взгляды. Ковпак уже рвался ударить на врага, комиссар медлил, не давал согласия. Ковпак ходил, ругался. Он давно готов был выкатить пушку и несколькими десятками снарядов ударить по селу, где засели бандеровцы. Руднев сдерживал его. Он приводил доказательства:

— В селе мирное население. Оно пострадает от артиллерийского огня больше, чем бандеровцы. Они на это только и рассчитывают, эти извечные провокаторы.

— Так обойти село мы не можем. Уперлись в него. Река везде глубока. Мосты далеко, охраняются немцами, — приводил свои доводы Ковпак.

Голос его был спокоен, но мы видели, как трудно ему сдерживать себя.

Отряд, не получивший никакой команды, стоял в походной колонне. Люди спали под телегами, под заборами. Начал моросить дождь.

По колонне прокатывался шумок недовольства.

В штабе люди были угрюмы. Связные, чувствуя неладное, не возились в сенях. Не стучала машинка Васи Войцеховича.

Словом, была та обстановка и то настроение, которые никак не способствуют успешному началу боя. Момент, когда с ходу можно было взять переправу, мы уже упустили.

Бандеровцы не стреляли. Но, по данным разведки, они лежали в обороне на окраине села, возвышавшегося над берегом Горыни.

В штаб подошли комбаты. Но распоряжений никто не давал. Во дворе ржали кони. В хату вбежал связной восьмой роты. Эта единственная занятая делом рота держала оборону на берегу Горыни. Но связной, запыхавшись, не мог толком объяснить командиру, где находится рота. Он что-то путал.

Ковпака вдруг прорвало. Он вспыхнул и вскочил, как ужаленный из-за стола. Руднев стал между Ковпаком и связным.

И снова, как когда-то на Припяти, у меня засосало под ложечкой и неудержимо охватил беспричинный глупый смех. Я шарахнулся за загородку к печке.

Всем было понятно, что не в связном тут дело, что люди, не находя решения трудной проблемы, нашли внешнюю причину для того, чтобы излить свое раздражение и лихорадочные раздумья.

Приглушая рукавом неудержимый смех, я не сразу заметил, что в кухоньке еще кто-то есть. Вытянув руку, коснулся шершавой солдатской шинели и ощупал прижавшегося лицом к печке человека. Руднев, крикнув связному, чтобы тот уходил, и хлопнув дверью так, что стекла зазвенели, сам выскочил на улицу. Свет лампы, отражаясь от белой стенки, бликом своим осветил стоявшего в углу человека. Это была Ганька. Широко раскрытые глаза ее были полны слез.

Смех мой как рукой сняло. Я вдруг понял, что девушка глубоким чутьем, доступным только очень простым и искренним людям, переживает разногласия командования больнее, чем все мы. Я взял ее за руку:

— Ты что?

Слезы душили ее, она не в силах была отвечать. До этого Ганька обращалась ко мне с недоуменными вопросами, возникающими у всякого молодого существа, впервые пробивающего себе дорогу в жизни. Как-то доверила мне даже свои девичьи тайны. Я помнил: относилась она к личным переживаниям иронически и, гордо тряхнув головой, смотрела мне прямо в глаза, рассказывая о них. А тут эта девчонка-сорванец

плачет только потому, что Ковпак поссорился с комиссаром. Было от чего смутиться!

Вдруг, не глядя ни на кого, Ганька стремительно выбежала из штаба. Я присел на лежанку, уткнувшись носом в окно. На душе было невесело.

Через несколько минут в хату вошел Руднев.

— Начштаба, карту!

Он склонился над картой молча, излишне внимательно разглядывая синюю жилку Горыни, зеленую растушевку лесов и желтизну высоких берегов, ритмически повторяющих извилины реки. Присутствующие замерли, ожидая, что будет дальше. За другим концом стола сидит Ковпак. Оба угрюмо поглядывают друг на друга. Вокруг молчаливо восседают: Матющенко, Базыма, Кучерявский, Войцехович, Горкунов. Они больше не вмешиваются в распрю, понимая, что командирам уже стыдно друг перед другом и перед подчиненными.

Затем, переглянувшись, мы один за другим выходим на улицу.

Я проехал верхом вдоль колонны. Поговорил с бойцами, разрешил людям въехать во дворы и, не распрягая, кормить лошадей.

Через час, вернувшись в штаб, застал обыкновенную картину: Ковпак, Руднев и Базыма мирно ползают пальцами по карте, отыскивая новый вариант. И хотя он не самый лучший, но все понимают: так надо! А самый лучший вариант командиры «дипломатически» обтекают по краям, «тактически» закрывают его ладонью и скользят мимо беглым взглядом. А он лежит тут, перед носом, на карте и в полукилометре за рекой, этот проклятый лучший вариант, но преградой ему — река Горынь, бандеровский курень и... самолюбие командиров.

И, как бы сговорившись, люди обходят подводные камни самолюбия и щупают брод на стороне.

Вариантов вскоре было найдено несколько. Ковпак, скрипнув скамьей, кинул Базыме:

— Разработай любой. Я на все согласен! — и стал крутить огромную цыгарку.

Подойдя к печке, он долго ковырял пальцами в золе, вытаскивая из нее уголек. Еще дольше раздувает его. Березовый уголь, разгораясь, освещает лицо Ковпака: оно розовеет, губы краснеют, свет выхватывает из темноты хитроватые глазки и щеки, пылающие малиновым отсветом. Затягивается глубоко. Пускает дым в черный провал печи.

Я хорошо вижу, что он уже не в состоянии оторвать ног от земли и вернуться к столу.

А неугомонный наблюдатель внутри меня отмечает: «Закурить можно было и от лампы, не вставая из-за стола».

Перевожу взгляд на Руднева. Комиссар сидит, облокотившись подбородком на кулаки обеих рук. Не замечает никого и думает свою какую-то думу. Лампа бросает глубокие тени. Черты его мужественного лица очерчены до крайности резко.

Базыма откинулся от листа бумаги, на котором он уже вывел: «Приказ №... отрядам продолжать движение: река Горынь, маршрут...» Встретившись со мной взглядом, он подмигивает из-под очков печально, как бы говоря: «Ничего, дружище, это пройдет...»

В хату входит дежурный по штабу. Не видя командира, стоящего у печи, он обращается к комиссару:

— Товарищ генерал! Там Ганька добивается до вас.

Сильно задумался Семен Васильевич. Все так же не шевелясь, глядит словно куда-то вдаль. Базыма поднял руку с карандашом и погрозил дежурному. Подойдя к начальнику штаба, тот громогласным шопотом докладывает:

— До командования добивается. С того берега пришла. Говорит, дело срочное есть.

— Как с того берега?

Я выскакиваю на улицу. Уже брезжит рассвет. Ганька стоит у ворот, держа за повод коня. Ее обступили связные. Она что-то говорит им. Голос ее тонет в почтительном хохотке партизан.

— Вот чорт, а не девка! — слышу я восклицание.

Увидев меня, она бросила повод в руки связному. Вначале хотела было отрапортовать, а затем, не выдержав, схватила меня за руку:

— Я с того берега. С переговоров. Письмо привезла! — и подает мне небольшую бумагу.

Химическим карандашом там нацарапаны слова: «Согласны начать переговоры. Пришлите ко мне кого-нибудь из командиров. Бо з вашим дипломатом у юбке не можу договориться. Гонта».

С этим посланием я вхожу в штаб. Показываю записку Базыме. Затем вместе подсовываем ее Рудневу. Из-за перегородки выходит Ковпак. Бросив на грязный пол бычок цыгарки, он растирает его сапогом. Прочитал записку, глянул на комиссара и молча подал ему руку.

Уже на пороге генерал оглянулся на стоявшую у стола Ганьку. Вернулся и положил ей на плечо руку. Ганька стоит навытяжку. Чуб выбился из-под козырька надетой набекрень фуражки и придает дивчине лихой вид. Ковпак долго смотрит на девушку.

— Спасибо за выручку, дипломат. Спасибо! — и, вдруг крепко поцеловав ее, молча выходит за дверь.

Сразу там завозились связные. Руднев и Базыма уже да-

вали указания. Через пять минут группа разведчиков во главе с Шумейко переправилась через Горынь. Шумейко завершил переговоры с бандеровцами, испугавшимися «армии Ковпака». Оказалось, в селе орудовала вооруженная немцами кулацкая и петлюровская верхушка и терроризовала безоружное население. Но когда Ганька и Шумейко поговорили в открытую с народом, обманутым и запуганным разными провокациями немецких служак, то агрессивный Гонта сразу обмяк. Почувствовав себя между двух огней, он под видом «переговоров» со «штабом» сразу смылся из села подальше от Горыни.

Это нас вполне устраивало. Через два часа, нащупав лучшие броды, колонна начала переправу.

С этого дня дивчину никто не звал Ганькой-самогонщицей. К ней крепко пристало более почетное прозвище: «Ганька-дипломат».

9

Среди бела дня, форсировав вброд Горынь, колонна ковпаковцев не сразу втянулась в село. Еще раньше осторожно, как бы на цыпочках, прошла вдоль улицы разведка. И сразу веером раскинулись по сторонам заслоны.

Враг мог пойти на хитрость: пропустить наши боевые силы, а затем ударить со всех сторон по обозу, санчасти, штабу. Каждая пуля при засаде находит свою цель. Всего несколько секунд шквального огня могут вывести десятки людей из строя. Местность благоприятствует засаде. Холмистые поля, изрезанные глубокими оврагами, окружают село. Здесь очень легко может скрыться враг. Вот почему мы занимаем село веером. Вперед по маршруту я пустил сильную разведку. По бокам же, на поперечную улицу села — вправо и влево — Базыма выдвигает сильные заслоны.

Наметив маршрут разведке на ближайшие два-три часа, я остановился в центре села. Только теперь по дороге спокойным, размеренным ходом, шурша колесами и сотнями ног бойцов, пошла колонна.

Лошади весело пофыркивали, освежившись в реке. Почуяв ритм спокойного марша, кони-солдаты занимают свое место в строю.

Теперь можно приступить к изучению села.

Несколько баб выглянуло через перелазы. Вслед за ними осторожно вышли три-четыре мужичка: один постарше, остальные — парни. Я наблюдаю за ними. Вскоре у перекрестка образовалась небольшая толпа. Молча, с жадным любопытством глядят на движение колонны. Бабы вздыхают и о чем-то шепчутся. Мужики молчат, никакими словами не выражая ни своих чувств, ни своих мыслей.

Лишь когда проходит наша артиллерия, стоящий в центре мужской группы старик не выдерживает и с восхищением причмокивает языком. Мы уже привыкли к такому отношению мирного населения сел и хуторов, расположенных вдали от шоссейных дорог и магистралей войны. На эти глухие места война отбросила лишь свою серо-зеленую тень — небольшие гарнизоны да жандармские посты. Здесь никогда не проходили крупные силы.

Молодежь окружила старика. Мне показалось,— они ждут от него решительного слова. Меня заинтересовала эта группа. Я подхожу ближе. Старик все причмокивал, глядя на нашу колонну, и непонятно — удивление, поощрение или страх выражал он этим звуком. Затем, кинув быстрый взгляд на меня, он усмехнулся.

— У москаля правда сама найгостриша...— сказал он громко, явно затевая разговор.

Я подошел поближе.

— Это почему же?

Подмигнув своим хлопцам, он растолмачил:

— Бо вона — на конце штыка.

Окружающие одобрительно закивали головами.

«Ах, вон оно что! — подумал я.— Ты хохол и я хохол. Давай меряться, кто хитрее».

Батарея прошла. За ней, в пешем строю, двигалась прикрывающая ее рота.

Уже движется мимо обоз батареи. Десятка два больших пароконных возов, запряженных хорошими конями. Возы со снарядами на железном ходу. Ездовые батареи — все хозяйственные пожилые украинцы. Многие с пышными усами. Когда воз поднимается на гору, они ловко спрыгивают с телеги. Посвистывая в воздухе батогами, бегут у повозок, помогая коням с ходу взять бугор.

— Гаття, вье! Соб-соб, со-о-о-б, буланый! Вье, чалый!

По этим окрикам их, по отдельным украинским словечкам — остроумным и соленым, роем вьющимся над колонной, можно сразу определить их национальность. На кого угодно, но на оккупантов они не похожи. Я, смеясь, крикнул ездовым:

— На ярмарку поспешаете, дядьки?

Они ответили дружным смехом.

Дедок заскучал и отвернулся. Приставив ладонь козырьком к глазам, он подчеркнуто внимательно смотрит в хвост колонны. Обоз батареи быстро прошел в гору.

Дальше двигается девятая рота во главе с Давидом Бакрадзе. Командир впереди. Он подошел ко мне, пропуская роту. Я показал ему глазами на стоящую группу. Давид шагнул в мою сторону и понимающе наклонил голову:

— Оии?
— Ага. Оии самые. Давай веселую, Давид.
— Песию! — скомандовал Давид.— Мою любимую!
Бойцы девятой поправили ремнн и скатки. Политрук, уже прошедшнй мнмо нас, хлестиул высоким тенором:

Їхали козаки
    Из Дону до дому,
Підманули Галю,
    Зибрали з собою...

Давид Бакрадзе лнхо, по-горски, свистнул, а рота басами подхватила:

Ой ти, Галю,
Галю, молода-ая...

Второй куплет запел Давид. Снльиый его голос звенел:

Їдьмо, Галю, з нами,
З нами, козакамн...

Мимо уже проходят иовые роты. Движется обоз. На повозках лежат раненые и тихо подпевают:

Краще тобі буде,
Як в рідної мамі...

А раненные потяжелее лежат, откинув головы иа подушки, и смотрят в небо.
Я спросил старика:
— Ну, як? Востра у москаля правда!
Он что-то иевыразительио промычал мне в ответ.
— Только ли на острие штыка? — добивался я от него ответа.
Немиого струснв, он увильиул:
— Та це я так... Пословыця есть така...
Подошли повозки с раиеными бандеровцами. Верхом подъехал наш врач, Семен Маркович.
— Куда их?
Я показал. Нечего с ннмн таскаться — можно оставнть тут. Возы с лежавшими иа них по двое раиеиымн свернулн в боковую улицу н остаиовнлись. Молодые мужнки сгрудились вокруг старнка. Ои что-то быстро им говорит. Внимательно слушая, те кнвают головами. Затем однн снимает шапку и обращается ко мне:
— Пане начальиику. Тут еще переказували нам, що в обозе проволоку вы захватили н мишок с этнмн... как их...
— С меднкаментами,— подсказал Базыма.
— Ага, ага,— замотал головой пареиек.— Верно, верно.
— Это ж воеииое имущество.

Хлопец виляет, мнется.
— Так яко ж воно военне... Так просто...
Один за другим еще несколько молодых подошли ко мне. Старик остался в стороне, наблюдая за ними. А хлопцы просят, доказывают...
— Неудобно нам буде. Нам поручили принять все это дело, и раненых и...
Дедок кашлянул.
Тогда я иду на хитрость. Хлопнув плетью по голенищу, подошел к старику.
— Хлопцы просят медикаменты вам оставить. Все это можно передать.
— Можно? — спросил старик. Глаза его блеснули и снова погасли.
— А чего же? Ваш йод нам не нужен. Только вот какое дело. Имущество могу сдать только под расписку. Уполномоченному лицу.
Мужики обступили меня.
— Так на що ж вона, тая расписка?
— Вы тут под хатой оставьте...
— Оно нигде не пропадет...
Я упорствовал.
— Не, хлопцы,— пропадет или не пропадет, а дело военное. Без расписки — не годится!
Базыма, любитель всяких хитрых дел, наблюдает за нами давно. Он переглядывается со мной и одобрительно кивает: «Так, так. Давай их!»
Я отрезал:
— Передать могу только уполномоченному и только под расписку. Некому принять — ничего не оставим.
И отхожу в сторону к Базыме.
Молодых, как ветром, качнуло от меня. Они обступили старика и, уже не особенно конспирируя, что-то громко спрашивают, что-то доказывают. Старик в явном смущении.
Я отвязал коня и всунул ногу в стремя.
— Ну, хлопцы, долго думать будете? Есть уполномоченный — получай санитарный груз и раненых, нет — повезем с собой! — и вскочил в седло.
Базыма, не в силах удержать смех, отвернулся к проходящей колонне и стал отдавать какие-то распоряжения.
— Як же так? — загомонили сразу,— куда же вы?
Базыма ответил за меня:
— Повезем с собой. Завертай, ездовые!
Я тронул коня.
— Ну? Есть уполномоченный?
Искоса, через плечо, кинув беглый взгляд, замечаю: старик

кашлянул, давая своим хлопцам какой-то свой условленный сигнал. Они все подходят ко мне:

— Хай уж буде так. Мы все и будем уполномоченные.

— Так все и будете?

— Ага, ага...

— Э, нет, хлопцы. Так не выйдет. Кто-нибудь старшой должен быть.

Они замялись, поглядывая на старика. Затем один из молодых сказал:

— Так чего ж там? Признавайтесь, дядько Мыкыта...

Старик подошел и уже с нескрываемой злостью сказал:

— Ну, я буду старшой. Где расписываться?

— Вот так бы и давно. А расписываться не надо. Получай свое барахло. И запомни: не у москаля, а у многонационального советского народа — видишь, вот он идет — правда сама найгостриша. И не только на конце штыка, а и тут и тут.— И, показав ему на лоб и сердце, я тихо тронул коня.

А колонна гремела песней:

Ідьмо, Галю, з нами,
З нами, козаками,
Краще тобі буде,
Як в рідної мамі!...

Даже Базыма подхватил и замурлыкал, проходя сквозь круг бандеровцев:

Ой, ти, Галю,
Галю молода-а-ая...

От дядьки Мыкыты еще в начале разговора отошло в переулок несколько хлопцев. Что-то горячо обсуждая, они, глядя в мою сторону, усиленно жестикулировали.

«Этих можно расколоть. Надо прощупать. Кажется, тут нет единогласия...»

Но наше внимание привлекла суматоха в другом конце села. Народ бежал по улице. Мы послали туда верховых. Они вернулись быстро.

— Там Швайка целую барахолку открыл, товарищ начштаба.

— Какой Швайка?

— Та наш. Разведбог. Из третьего...

Действительно, это был Швайка, как сквозь землю провалившийся вместе со своим взводом. Пробыв в разведке восемь дней, он собрал ценнейшие разведданные. В вышитой сорочке, смушковой шапке, лихо заломленной набекрень, Швайка походил на сельского парубка. Накануне он захватил немецкую автомашину с мануфактурой и теперь раздавал все это добро направо и налево всем желающим. Оказалось, о нашем под-

ходе к Горыни он знал еще накануне от жителей прибрежных сел, прятавших его от немцев и хорватов.

— Не хотел форсировать речку дважды,— простодушно объяснял он.

— А если бой?

— Я принял такое решение: если переправитесь без боя, все равно встречусь. А если вам мешать будут, решил ударить с тыла всем взводом! — резонно рассуждал Швайка, подстраивая свой взвод в колонну третьего батальона.

Мы с начштаба пустили коней в гусиную дорожку обоза и поехали шагом, на ходу сверяя по компасу и карте путь. Он вел нас строго на запад.

Это была Ровенщина, холмистая, плодородная. Справа, на севере, синела сплошная кромка леса; впереди и сзади поблескивали крошечные лужицы, еще не высохшие после дождя. Ветер, поднявшийся с востока, доносил запах и шелест колосящейся пшеницы. Вдали, затихая, звенела песня.

Втягиваясь в ритм похода, роты постепенно замолкали. Еще полчаса марша — и разговоры затихли. Не слышно команды. Люди идут молча, задумавшись. Все знают, что после преодоления водного препятствия и соприкосновения с врагом Ковпак вырывает колонну вперед. Знают — на полдороге он круто свернет в сторону, маскируя наш след. Солдаты хорошо изучили повадки своего командира.

Часа два шли спокойно. В голове колонны не слышно перестрелки. Вхолостую тащится боковое охранение. Тишину нарушали лишь жаворонки да равномерный шум движения тысячной массы людей.

После полудня с хвоста колонны передали: «По срочному делу подполковника просят задержаться».

Придержав коня, я вскоре увидел несколько молодых парубков. Они догнали колонну верхами.

— Приехали поступать в отряд,— шепнул мне Матющенко, шедший сегодня в арьергарде.

— Надо взять их на проверку,— сказал я ему.

— Их Швайка уже целую неделю проверяе...

— Твое мнение? — спросил я подошедшего Швайку.

— Хлопцы ничего. Там один парубок мировой. Вон в рябой шапке. Васылем звать. Комсомолец. В подполье оставался по заданию. Через него я и связался с населением.

— А остальные?

— Ребята с понятием. Васыль этот с Горыни им немного мозги проветрил.

Я подозвал Васыля. Высокий, чернобровый, с синеватым пушком на губах, хмурой складкой между бровей и честным взглядом больших серых глаз, он внушал доверие.

Швайка толкнул Васыля локтем, словно приглашая на гулянку.

— От тут и выкладывай все свои прегрешения.

Паренек хмыкнул что-то и с отчаянием поднял на меня глаза.

— В чем дело? Какие прегрешения?

— Сбежал он. Вот и сумлевается. С поста вроде сбежал.

— Говори яснее.

— Давай, Васыль, выкладывай. Чего там,— решительно сказал Швайка.

Васыль наконец решился.

— Не могу я больше. Не могу. В подполье я был оставлен. Затем связь наладил с сабуровцами, хотел сразу в червоные партизаны, а они мне задание — в полиции робыть. Я стал выполнять. Хлопцев подобрал хороших. В последние дни стал Гонта за нами примечать. Вы думаете — он чего нас в селе оставил? Чтобы проверить. Своих шпиков для надзора за нами отрядил. Был там один куркуль — дядько Мыкыта. Он у них вроде шпика какого. Ух, зверюга. За нами увязался. Ну, теперь ничего. Уже капут. Я теперь только с оружием в руках хожу. Я как увидел вашу армию — все у меня оборвалось. Не могу я больше полицманом прикидываться. Я там такого насмотрелся,— в голосе его послышались слезы.— Мне же приходится с ними... против наших людей... Понимаете,— и, справившись с собой, он уже спокойнее продолжал, покусывая губу: — Да и на подозрении мы.

— Хлопец правду каже,— подтвердил Швайка.— Их организация мне здорово помогала. Но стали замечать за ними. Не сегодня-завтра все равно засыплются. Погибнут от пули фашиста или на виселице.

— Как ты думаешь? — спросил я Матющенко.

— Думаю, хай ребята воюют. Парубки молодые, здоровые. Врага видели в самое лицо — и фашистов и всяких сволочей...

Васыль с Горыни рассказал нам подробную историю «дядьки Мыкыты», петлюровского офицера, активного пособника бандеровца Гонты. Он застрял еще в двадцатом году в пограничном селе. Надежда на интервенцию и войну против Советского Союза магнитом держала его здесь. До войны, пока действовала польская дефензива, он находил себе работу. Жил на подножном корму у контрразведки. Затем переметнулся к немцам, а последние месяцы был чем-то вроде начальника штаба местного гарнизона.

Но история его жизни меня интересовала мало, и, кроме одной строчки с именем петлюровца, я не оставил в записной книжке ничего. Тем более, что и жизнь его кончилась.

Вот они, недобитки петлюровщины, лохмотья контрреволюции и кулачье Западной Украины,— как шавка из подворотни залаяли на нас. Фашистские заправилы пытались использовать этих выродков враждебных классов, чтобы разжечь хотя бы на Западной Украине эрзац гражданской войны. Не вышло и не выйдет это у всех гонт и мыкыт, которых встретим мы еще на своем пути.

10

Форсировав Горынь, мы резко свернули вправо. Огибая Ровно, несколько дней двигались на запад. В Ровно жил Кох, «рейхскомиссар для Украины». В городе были сконцентрированы хозяйственные и управленческие органы немцев. Войск, способных нанести нам серьезный удар, там не было. И мне кажется, что, перерезая Ровенщину, Ковпак, а еще больше Руднев не хотели бросаться сразу в степную часть Украины. Генералы оставили за собой естественный географический резерв — северные леса. Их огромные массивы зелеными пятнами отмечены на карте. Это они чернеют справа от нашей колонны, словно прочерченная рейсфедером тонкая линия горизонта. Мы видели простым глазом только южную их окраину — это Цуманские леса. Дальше — уже не видимые, а перенесенные воображением с плоскости карты на земной простор — Луцкие, Ковельские, Брестские, Пинские — и так до самой Беловежи.

— Вот он, лесной партизанский резерв! — сказал Базыма, указывая рукой на север и придерживая своего орловского, в яблоках, рысака.

Но пока нет особой нужды в лесах, марш совершается по степи. Отсутствие резервных войск у Коха позволяет нам эту роскошь — рейдировать по степи.

Прошли невдалеке от Ровно без больших боев и стали понемногу загибать влево.

Между Ровно и Луцком — лесные массивы в районе Цумани зеленым полуостровом выдаются на юг.

Ковпак на ходу созвал совещание; в повозке командира уместились Руднев, Матющенко, два помначштаба. Базыма ехал верхом рядом. Кульбака тоже.

— Это, пожалуй, самый выгодный лесной плацдарм. Смотрите, как он выдается на юг,— сказал Руднев.

— И шоссейка через лес,— вставил Кульбака, делая намек, понятный всем нам.

Приемы Кульбаки были известны: засады на шоссейках, шквал огня и хорошие трофеи.

Ковпак нахмурился.

— Шоссейки тут нам ни к чему. И всем командирам передайте. Щоб не думалы самовольничать. Начштаба, разъясни.

Базыма, плетью почесывая коня за ухом, кивнул головой.

— Можно передышку объявить? — спросил Матющенко.— Надо людям постираться, помыться.

— Хлиба напекти,— поддержал подъехавший Павловский.

Ковпак задумался. Вопросительно посмотрел на комиссара.

— Дня два можно. Имейте в виду — затем сразу на юг! В самую гущу шоссейных дорог, железок. Гляди мне, хлопцы!

Голова колонны уже втягивалась в лесные кварталы.

Когда мы проходили по степи, люди всегда были напряжены, ожидали чего-то. Чувство близкой опасности не покидало отряд в степях. Но как только мы втянулись в массив Цуманского леса, колонна сразу разболталась. Мы вошли в лес, как в свой дом. Где-то в стороне, километрах в двадцати южнее, вдоль железной дороги Брест — Ковель — Здолбуново, беспрерывно гудели транспортные самолеты. Но нас они не приметят. В лесу тихо. Боковые охранения сняты. Пройдя в глубь Цуманского массива километров пятнадцать, мы наметили стоянки.

Базыма и Войцехович расположились на перекрестке просек, размечая батальонные «квартиры». Больше по привычке, чем по нужде, наметили места для застав. Контору круговой обороны, ставшей законом каждой стоянки, решили наметить попозже.

Еще часть колонны двигалась по магистрали, как неожиданно в полукилометре влево от нас грянул бой.

— Кульбака напоролся на засаду,— сразу определил Базыма.

Войцехович вслушался в шквал огня.

— Я побежал, товарищ начштаба...

— Давай, Вася, давай! — почти прошептал Базыма.

В батальоне Кульбаки вначале почти не слышно было ответной стрельбы. Сплошные пулеметные очереди, взятые с превышением, срезали верхушки деревьев над нашими головами. Лесное эхо усиливало звуки, и уже нельзя было разобрать, сколько пулеметов, автоматов и винтовок бьют по Кульбаке. Но через две-три минуты стрельба так же мгновенно стихла. Базыма стоял бледный. Он лучше других сознавал, в какое опасное положение попал отряд. Люди были разбросаны, в батальонах еще не знали, где расположен штаб. А судя по интенсивности огня, эта случайная стычка могла стоить нам дорого.

— Если это немцы, они сразу же поведут наступление. Плохо нам будет,— сказал мне Базыма.— Давай бери пулемет, несколько конников и скачи к Кульбаке. Надо на месте на-

водить порядок. Штаб я оставлю в этом квартале. Пока что поставлю хоть роту в обороне. Скачи...

Впереди была вырубка леса, по которой только что прошел батальон Кульбаки. По ту сторону вырубки сгрудились подводы. Лежало несколько убитых лошадей, но ни цепи противника, ни цепи Кульбаки я нигде не заметил. Большая часть батальона, шарахнувшаяся, видимо, в сторону, сгрудилась на опушке.

Посреди поляны стояла группа командиров. Они размахивали оружием, кулаками, громко кричали, совершенно не опасаясь противника. Пустив коня, я подскакал к ним и увидел Кульбаку, который ругался с незнакомыми партизанами.

Произошла одна из неприятных стычек, порой случавшихся во время рейдов. Огнем нас встретил партизанский отряд полковника Медведева. Проходя по местам, где можно было предполагать действия советских партизан, мы всегда высылали вперед разведчиков и связных, чтобы предупредить заставы расположившихся здесь отрядов. О пребывании же партизан в Цуманском лесу мы даже и не подозревали.

Медведев встретил огнем батальон Кульбаки, почти все бойцы которого носили немецкую форму. К счастью, дело обошлось пустяковыми потерями: было убито несколько лошадей да легко ранен начальник штаба Кульбаки Лисица.

11

Зеленый лес у Цумани, ох, и зеленый лес!

Широким сосновым полуостровом врезается он в пшеничное море. Выходит за железную дорогу и шоссе между Ровно и Луцком. Может быть, давно не было бы его: вырубили, выкорчевали бы, как вывели леса под Дубно и Берестечком, но польскому графу Радзивиллу не было нужды вырубать лес. Охраняемые графскими лесничими от браконьеров, сохранились под Цуманью дикие козы, лоси, водились тут медведи и волки. Веками стоят сосны и ели вдоль старинных трактов. Железная дорога Брест — Ковель — Здолбуново и шоссейная Луцк — Ровно проходят здесь дремучим лесом.

В тени елей, дубов и грабов расположился на стоянку полковник Медведев. Он стоит тут лагерем уже несколько недель. А не видались мы месяца четыре. Впервые мы встретились с ним еще ранней весной на Случи.

Отряд этот был не обычный.

Мелкими диверсиями Медведев не занимался. Приберегая силы для главного удара, бои вел лишь тогда, когда их ему навязывал противник. Но зато осведомлен был Медведев о немецких делах на Украине, пожалуй, лучше всех.

Главная задача этого отряда — глубокая разведка. Медведев понимал толк в этом деле. Вел ее культурно, тщательно, умело. Он ограничивал свою деятельность только несколькими крупными центрами; вцепившись в них, опутывал эти города и городишки сплошной сетью агентов и диверсионных групп. Не всегда данные разведки служили материалом для действий самого отряда, чаще всего они лишь передавались на Большую землю. Но уж если занимались диверсиями ребята Медведева, то всерьез! Не где-нибудь на глухом полустанке разогнать гарнизон и испортить связь на полчаса, не какой-нибудь первый попавшийся эшелончик подорвать, а если уж закладывать мину, так прямо под офицерским залом в городе Ровно; или подрывать эшелон, так уж с большим гитлеровским начальством.

О таком человеке говорят: чисто работает!

Высокий, стройный, худощавый, в коверкотовых военных бриджах, с двумя орденами Ленина на гимнастерке, подтянутый, Медведев на первый взгляд производил впечатление штабного офицера, только что прилетевшего с Большой земли. Но я встречался с ним ранее, еще в двадцать пятую годовщину Красной Армии, в районе Людвиполя, подробно беседовал о всяких делах и хорошо знал, что это не так.

Второй год бреется каждое утро в тылу врага этот совсем не партизанского вида полковник. Непривычный для нас запах одеколона дразнит ноздри. Месяцев двадцать назад где-то на Центральном фронте пересек он немецкие оборонительные рубежи, прошел на лыжах Брянщину, Орловщину, Белоруссию и Украину, а бриться не переставал, белые воротнички не растерял, не сгорбился, не одичал в лесах и болотах, ставших для него жильем и местом трудной работы.

Когда мы встретились с ним в феврале сорок третьего года, щупальцы Медведева были протянуты к Луцку и Ровно. Теперь уже за более крупным зверем — Кохом и его подручными — охотится подтянутый и твердый полковник.

Вот почему так скрывал он свое местопребывание в этих лесах, где всего пять лет назад имел право охотиться только польский граф Радзивилл.

Штаб Медведева — такие же подтянутые майоры и подполковники. Выделялся среди них толстяк-подполковник в армейской одежде, вахлаковато сидящей на его грузной фигуре. Гимнастерка — не по росту, карманы оттопырены, они всегда полны разных бумажек. Подполковник словоохотлив. По крайней мере, со мной. Правда, после того как Медведев, познакомив нас, сказал:

— Все, что вас интересует на юге, на западе и востоке в зоне ста пятидесяти километров, можете узнать у него.

Подполковник молча вопросительно поднял брови, и Медведев кивнул ему.

— Все, что иитересует товарищей. Все! Понятио?

Я отмечаю про себя: «Подчииеиные Медведева привыкли держать язык за зубами. Пожалуй, такое приказаиие они слышат от начальника впервые».

Но, получнв разрешеиие, подполковник разошелся. Вндимо, по натуре это разговорчивый н добродушиый человек.

Мы пошли в лес. Неподалеку оказалась хорошо замаскированная землянка.

Рассказы подполковиика иа миогое открыли мне глаза. Глубокое проникновеиие Медведева во вражеские дела, размах днверснй и качество их исполнеиня (хотя и не часты были онн) вызывали восхнщеиие и даже завнсть.

Я сндел в шалаше, с удивлеинем слушая рассказы добродушного толстяка. Его агентура ходнла в гостн к самому Коху, мины же в несколько десятков килограммов тола тщательно заделывались под офицерскнм залом ровенского вокзала, а провода выводились в сторону, где верные хлопцы по неделям ждали удобного случая и нужиых пассажиров.

Медведевскнй разведывательиый офицер явио расточнтелен и щедр, как грузииский тамада. Он разрешает брать что угодно нз его обильиой разведывательной каптеркн.

Вот ои нзвлек из кармаиа своей гнмнастеркн фотографию.

— Ну, как вам иравится этот фрукт?

С открыткн, окрашеиной в тои сепин, смотрят на меня холодные глаза. На плечах нзвнвается канитель майорскнх погон, с рукава подмигивает мертвым глазом эсэсовский знак. Над кармашком френча два железных креста.

— Где вы его ухлопали? — спросил я безразлично, отдавая фото.

Подполковннк довольно ухмыльнулся:

— А зачем мне его хлопать? Это мой... Тот самый, который был на приеме у рейхскомиссара Коха.

Я вннмательно смотрю то иа открытку, то иа своего собеседника. Не могу удержаться от похвалы:

— Вот это работа!

— Правда? — спроснл подполковник, с удовольствием потнрая рукн.

— Где же вы его завербовалн?

— Да нет, зачем... Вы думаете — фашнст? Нет, это наш. Он вместе со мной прилетел. Язык у иего, разговор, с этакнм восточнопрусскнм выговором. Говорит — иикакой иемец не подкопается. Ну, и документы... Все в порядке.

— Зачем же вы его к Коху посылалн?

— Да вот, выручал одну польку. Тоже наша.

— Интересно. И стоило рисковать?
— Как видно, стоило,— ответил он.
— О чем же у них была беседа?
Толстяк стал рассказывать:
— Попал он к Коху по рекомендации жандармского генерала, как ветеран восточного фронта. Вот этот крест у него за битву под Москвой, это — за Крым. Так надо понимать, по крайней мере...
— Ну, и о чем же они говорнли?
— Вначале Кох интересовался, в каких частях служил наш фон дем... Фриц — Кузнецов. Затем спросил: «Правда ли, что мы были разбнты под Москвой?» Вот тут-то мой парень чуть не засыпался. Еле нашелся: «О нет, партейгеноссе Кох! Армия фюрера непобедима!» — и понес еще какую-то чепуху. Кох взглянул на него внимательно, презрнтельно прижмурился... А затем сразу: «Чем могу служить?» — и так далее. Парень наш встает н, изобразнв смущение, в меру своих сил стесняясь, говорит нерешительно: «Разрешите говорить как мужчина с мужчиной?» И, получнв милостивое разрешение, рассказывает о своей-де любвн к польке. Рейсхкомиссар сух и офнциален. Выслушав до конца н не подавая рукн, подходит к дверям. «Еслн уж вам так нужна эта полька, то нз уважения к этому,— и он указал на крест,— мне ничего не стоит... Но все же не понимаю, не поннмаю...» — И, кивнув головой, отошел к столу, нажал кнопку звонка. Аудиенция окончена. Проходя по корндорам, мимо мертво стоящих часовых, наш парень думает: «Переборщил, чуть было не засыпался!» Но девушка, нужная нам дозарезу, арестованная во время облавы и только поэтому не подвергавшаяся обыску, в тот же день была на свободе.
— А еслн бы обыскали?
— У нее в волосах был на кальке один план... Понимаете?
Еще много разных событий рассказывал мне Луковкин. Я уже не так внимательно слушал его. Сопоставляю все виденное до сих пор в другнх отрядах с деламн Медведева. Какая разнница в техннке! Какне разлнчные приемы!
Прощаясь, Луковкнн сказал мне озабоченно:
— Как бы ваши ребята не встретили Кузнецова? В гестаповском мундире на дорогах из Ровно?!
— А он на чем разъезжает?
— На оппель-капитане...
— Да, может выйтн камуфлет...
Мы, встревоженные, поглядывалн друг на друга. Я вспомнил, как накануне встретили медведевцы наш батальон Кульбакн. Встревожился тем более, что знал: наши хлопцы по

машинам, тем более офицерским легковым, бьют наверняка. Очень было бы жаль, если бы Кузнецов напоролся на засаду ковпаковцев.

И, еще раз вглядываясь в фото Кузнецова, я сказал Луковкину:

— Пойду доложу командиру. Надо принять меры.

— Какие же?

— Приказ по заставам: легковые машины пропускать без огня.

Луковкин пожал мне руку на прощанье очень горячо.

По его лицу видел я, что он не только руководит работой талантливого разведчика Кузнецова, но и любит его, как родного брата.

Задав еще несколько вопросов о южном направлении и получив подробные данные, я возвратился к своим.

Проходя по лагерю нашего отряда, я как-то по-новому смотрел на обозы ковпаковских рот.

Да! Разные вещи творились в тылу у немцев.

12

Новый марш вывел нас на край радзивилловских угодий. Словно срезанные под линеечку, кончались дремучие леса. Двухсотлетние сосны и ели выстроились по ранжиру зеленой шеренгой.

Сразу за ними начинается степь. Чуть холмистая, будто тронутая легкой зыбью гладь озера, уходит она на запад и юг. А если взобраться на дерево, видна она на десятки километров.

Это уже плодородная Волынь.

Словно проконопаченные густозеленой смолой садов, рыбачьими баркасами темнеют разбросанные в ее штилевой зыби хуторки... Села в ложбинах плывут кораблями, дрожат в мареве белые мачты церквушек.

Я оторвал от глаз бинокль и слез с сосны.

Через день-два и мы должны были броситься в это море. Что ждет нас там?

Ковпак не горевал.

На вопрос Медведева: «Куда пойдете?» — дед широким жестом показывает на карте неопределенное направление. Не то на юг, не то на запад.

— Туда. А там видно будет...

Медведев вежливо улыбается.

— Нет, ты не думай чего... Я не конспирируюсь,— спохватившись, уверяет полковника дед.— Гей, гей, братику, свет великий. Дело само покажет.

В гражданскую войну было в ходу слово «братишка». Ковпак говорил мягче: «братику».

Они отошли в сторону и о чем-то дружески разговаривали. Руднев сидит на пеньке. Освещенный пятнистым лучом солнца, прорвавшимся сквозь сосны, он задумчиво вынул из полевой сумки толстую тетрадь. Уже около двух месяцев не расстается Руднев с этой тетрадью в дерматиновом переплете. Каждый день исписывает в ней по нескольку страниц.

Еще во время пребывания в нашем отряде товарища Демьяна начал он мережить эту тетрадку. Ближе познакомившись с нами, товарищ Демьян упрекнул командиров в том, что мы мало записываем.

— Не думаете об истории, ребята,— сказал тогда секретарь ЦК КП(б)У.

А нам и в голову не приходили никакие другие истории, кроме ежедневных кропотливых будней войны. Несколько человек под влиянием этих слов стали вести дневники.

Потом бросили. Только Руднев упорно продолжал вести свои записи. Меня подмывало любопытство. Но обнаружить его перед Рудневым не хотелось. Да и уверен был: ничего он мне не покажет; разве, шутя, пошлет к чорту.

Закончив записи, Руднев долго вглядывался в степь. Затем повернулся ко мне:

— Петрович, дай-ка «стратегическую»!

Долго сидит он над картой, то и дело поглядывая на горный кряж кременецких возвышенностей. На карте они нанесены коричневой краской. Комиссар провел курвиметром по направлению кряжа, а затем быстро взглянул на горизонт. Может быть, это Кременетчина и синеет в тумане?

А затем, резко отбросив карту, он ушел в лес, к бойцам. Я знаю, так всегда поступает комиссар, когда его одолевают заботы и планы. Остановится у какой-нибудь повозки, заговорит с двумя-тремя, и сразу вокруг него образуется кружок. И начнутся разговоры. Люди расскажут ему о своих делах. Всегда получат совет, помощь, а то и твердый приказ. Он рассеет сомнения, пошутит, пожурит, направит на верную жизненную тропу. А они и не понимают, что своими солдатскими горестями помогают ему самому. Так, наверное, легче справиться со своими сомнениями, которые ведь могут быть и у Руднева.

Вернувшись, чтобы взять с пенька оставленную комиссаром карту, я увидел Ковпака и сына Руднева Радика. Они животами вниз лежали на траве, между ними была расстелена моя «стратегическая». Дед положил руку на плечо юноши. Они о чем-то оживленно беседовали. Я был удивлен. Ковпак даже со своими помощниками редко делился мыслями, появлявши-

мися у него во время работы над картой. А тут вдруг разоткровенничался перед мальцем. Они так увлеклись, что не обратили на меня внимания. Я остановился позади них. Они склонились над зеленым массивом Цуманского леса. Дальше, где кончается лес, белеет степь. Только красные жилки указывают сеть шоссейных дорог. Черные прямые линии — символ железных нитей, снабжающих фронт. По карте, направляясь на юг, деловито ползет муравей с талией восьмерки. Он тащит хвоинку и, видимо, пыхтя и обливаясь своим муравьиным потом, трудится, не замечая наблюдающей за ним четверки глаз. Двух старых и двух молодых, но одинаково зорких и озорных.

— Гляди, гляди, Радя,— шепчет Ковпак.— К железке подходит.

Радик, кося глазом на Ковпака, хочет убедиться в том, что старик не разыгрывает его. Нет, собеседник его увлечен путешествием муравья всерьез.

Боясь сдвинуть карту, прославленный командир сочувственно шевелит губами:

— Эх, трудно бедняге... Трудно...

Радик все еще вопросительно смотрит на Ковпака. Затем переводит взгляд на карту.

Ковпак крякает с восхищением. Тихонько подталкивает пальцем муравья. Тот уронил хвоинку и быстро побежал на юг.

— Пошел. Пошел дюжей! — кричит Ковпак.— Давай, давай! Ох, темп набирает! Форсирует, с-у-кин кот!

Не обращая внимания на угрожающий ему палец, муравей вдруг круто повертывает назад. Опять приближается к брошенной ноше.

— Во, брат, петлю загнул какую!

К муравью подбегает второй. Быстро шевелит лапками.

— Ох, партизаны...— восхищается Ковпак.— Смотри, смотри... А это — командир. Это — связной ему донесение из разведки принес.

Радик смеется веселым детским смехом. На карту уже ползут другие муравьи. Видимо, первый, наиболее шустрый, действительно был разведчик. Посновав немного, муравьи наладили путь через карту. Они ощупали ее юго-западный край, побегали по нему, нашли дорожку и, проложив на карте свой маршрут, стали деловито проделывать прерваный людьми путь.

— Ну, вот тебе и колонна построилась,— вздохнул Ковпак.

Долго сидели они над картой и судачили, наблюдая трудовую жизнь муравьев. Вот черно-вишневые восьмерки деловито ползут одна за другой от Киева до Ровно. Они совершают марш куда-то в направлении Львова, на Перемышль. Вот уже

перемахнули они Карпаты, ворвались в Чехословакию; отдельные разведчики сворачивают налево — в Венгрию; другие забирают правее и ползут по горам со странным названием «Катценберге», а там сваливаются с ровной кромки карты на землю; пробившись к свету, они весело идут дальше, к своей, не видимой нам муравьиной цели, исчезая в хвойной затененной земле.

Руднев, обойдя лагерь, подошел к Ковпаку. Остановившись за картой, он вместе с сыном и самим Ковпаком посмеялся над выдумкой деда. Но Ковпак сразу стал серьезным. Вскочил, отряхнул бриджи и отошел с комиссаром от карты. Они недолго поговорили о чем-то.

— Це добре,— сказал громко Ковпак.— Мы с Базымой помозгуем еще раз. И маршрут и обеспечение я проверю сам.

— А я проведу партсобрание в ротах. Панина и Горкунова беру с собой.

Через несколько минут комиссар шагал по просеке, и мне показалось, что, пряча улыбку в усах, он проговорил:

— Раздувай пожар революции, Сеня!..

13

В эту ночь начался наш рывок на юг.

Форсирование Ковельской железной дороги прошло без приключений. Было немножко стрельбы — и все. За короткую ночь мы отмахали километров тридцать пять.

Лесов здесь нет. Отряд стал на дневку.

Недалеко от Дубно, параллельно железной дороге, проложен асфальт. Близ Ровно он заворачивает к юго-западу — на Львов.

Только на вторую ночь мы достигли его. Шоссе занимала разведка второго батальона во главе с Шумейко. Она уже резала столбы с большим количеством проводов. На перекрестке чешская деревушка — давно поселились здесь чехи-колонисты. Ночь замазывает чернилами и степь, и лес, и уже близкие Кременецкие горы. Деревушка с двухэтажными домами появляется как-то сразу, и так неожиданно, что кажется,— на миг мы попадаем в город, с асфальтом, тротуарами, каменными домами. Но, не успев оглядеться, снова вырываемся в степь. Всего пять-шесть домов — и снова поля, поля... ночные, однообразные.

Шумейко хозяйничал возле проводов, ругался и требовал усилить заслоны бронебойками, сетуя на невозможность вдолбить противотанковые мины в шоссе. Я остался на переезде. Когда же бо́льшая часть колонны проскочила, Шумейко успокоился и прикорнул на скамеечке у ворот дома. Асфальт при-

глушал грохот колес. Связные рот и батальонов расположились у наших ног в придорожной канаве. Кое-кто из них курил, кто-то тихонько, с присвистом похрапывал, а Шумейко начал свой бесконечный рассказ о разведке под Чернигов.

— У меня была стратегия поезд захватить. Хоть часть фашистов в плен забрать. А они прямо с моста в воду сиганули,— объяснял он связным.

Те поддакивали и причмокивали с деланным удивлением. «Подхалимство» их объясняется большим запасом трофейных сигарет у Шумейко.

Пока он увлечен рассказом, хлопцы тянут их вовсю, накуриваясь за чужой счет досыта и даже про запас. Скамеечка по своей конструкции предназначена разве для терпеливых влюбленных. Узенькое ее сиденье неудобно. Я уже не раз слышал этот коронный номер Шумейко и к тому же человек некурящий — отхожу в сторону.

Колонну немного лихорадит. Она то срывается рысью, то переходит в галоп, а если что застопорится впереди, то, перейдя на шаг, останавливается. Несколько минут переезд забит столпившимися в темноте людьми и повозками. Остановка вызывает тревогу. Но вот галопом вперед выскакивает Войцехович, и через минуту снова начинается шорох по асфальту.

Я лежу в канаве, до меня долетают слова Шумейко насчет того, какая стратегия водила его под Чернигов и на Днепр, какая — к Киеву, и думаю: «А какая стратегия ведет нас сюда?»

За несколько дней пребывания на Большой земле мне удалось прихватить кое-какую литературу по истории партизанских войн и, главное, изучить исторические приказы товарища Сталина, определившие цели и задачи партизанского движения советского народа. Много нового, до тех пор неизвестного нам, практикам партизанского дела, узнал я в эти дни.

Такова уж, видно, судьба партизан, что каждому поколению, которому с оружием в руках суждено бороться за независимость своей Родины, приходится начинать партизанить как бы сначала. Мало кому известно, что великий русский полководец Суворов партизанил в молодые годы, правда уже будучи подполковником.

В Отечественной войне 1812 года сочетались различные формы партизанской борьбы. Организованную борьбу вели отряды драгун и казаков, предводительствуемые опытными офицерами. Отпочковавшись от главных сил русской армии, они выходят на фланги и в тыл противника, где начинают активную разведывательную и диверсионную деятельность. Отбитым оружием и боеприпасами они пополняют свои запасы,

а остальное раздают населению. Но еще задолго до выделения армией «партий» Давыдова, Фигнера, Сеславина, Дорохова, Кудашева и других вожаков войсковых отрядов началась стихийная борьба народа против «великой армии» Наполеона. Она возникла еще на территории Литвы и Белоруссии. Крестьяне литовские и белорусские истребляли отдельных французских фуражиров.

Руководили крестьянскими партизанскими отрядами либо запасные офицеры, либо сметливые солдаты. Известен рядовой гусар Елисаветградского полка Федор Потапов (по партизанской кличке — Самусь). Он был ранен в бою под Валутиной горой и по этой причине отстал от своего полка. Его подобрали крестьяне из лесных лагерей. Подправив немного свое здоровье, он организовал из крестьян, не пожелавших покориться французам, партизанский отряд, выросший до трех тысяч человек. За счет захваченного у французов оружия Самусь сумел вооружить довольно сильно свой отряд. Он имел даже одну пушку. Самусь проявил незаурядный талант военного организатора. Он создал ударную группу отряда (до двухсот человек) и одел ее в латы французских кирасиров. Общее количество уничтоженных французов превышало три тысячи человек.

Известны также вожаки крестьянских отрядов — рядовые Еременко и Четвертаков. В Сычевском же уезде действовала старостиха Василиса, имя которой вошло в историю партизанской борьбы в Отечественной войне 1812 года.

В городе Сычевка сражался еще отряд из жителей города под командованием Корженковского. Он сильно потрепал отряд польских улан, действовавших в составе наполеоновской армии. Уже к началу сентября почти вся территория Сычевского уезда была недоступна французам. Образовался своеобразный партизанский край. Движение быстро распространилось и на соседние уезды.

В арьергардных боях с армией Кутузова Наполеон беспрерывно терял свои войска. Партизаны помогали русской армии смелой борьбой в тылу французской армии. «Из 600 тысяч войск, отправившихся в поход на Россию, Наполеон довел до Бородино едва 130—140 тысяч войск. Это все, чем он мог располагать под Москвой» (Сталин).

Михаил Илларионович Кутузов был не только искусным командующим войсками, но и вождем вооруженного народа. Народный полководец своим светлым умом глубоко проник в чаяния простых русских людей. Он направлял все усилия армии и народа на полное истребление врага, строил свой стратегический план войны, исходя из освободительного, справедливого ее характера.

Ставка на партизанскую войну была частью военной стратегии Кутузова. Кутузов сочетает все действия регулярной армии с народными восстаниями и с действиями партизанских отрядов войскового типа.

Два генерала русской армии — истинные патриоты — Багратион и Ермолов горячо поддерживали Кутузова. Еще до возникновения «плана» Давыдова, сразу после сдачи Смоленска, Багратион писал: «Если враг приблизится к столице, всем народом на него навалиться, или побить, или у стен Отечества лечь. Вот как я сужу: иначе нет способа. Ежели уж так пошло — надо драться, пока Россия на ногах, ибо война теперь не обыкновенная, а национальная».

Понятно поэтому такое горячее участие Багратиона в посылке первой партизанской партии в тыл врага под командованием Давыдова.

Сразу после Бородинского сражения и оставления Москвы Кутузов стал деятельно осуществлять план развития партизанской войны.

Несмотря на сопротивление царя и помещиков, Кутузов не боялся вооружать крестьян. В письме адмиралу Чичагову он называет крестьян «истинными сынами Отечества, которые, невзирая на все ухищрения неприятеля, поражают его при всякой встрече».

Народ был главным действующим лицом этой борьбы. Это русский народ поднялся на борьбу против чужеземцев. И не только отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина и других отважных партизан, имена которых оставила нам история, были страшны Наполеону. Они, посланные в тыл наполеоновской армии командованием вооруженных сил России, еще сильнее всколыхнули народное движение, которого боялись одинаково и в Петербурге и в ставке французского императора. Только он, русский народ, заставил Наполеона сделать Кутузову 23 сентября через Лористона предложение «о прекращении народной войны, которая, возбуждаемая и поддерживаемая партизанами, причинила толикий вред неприятелю». Кутузов на это ответил: «Народ разумеет войну эту нашествием татар и, следовательно, считает всякое средство к избавлению себя от врагов не только не предосудительным, но похвальным и священным».

В уездах Московской и особенно Смоленской и Калужской губерний число отрядов и ополчений насчитывалось десятками, а участников было десятки тысяч.

Опыт народа и войск, предводительствуемых Кутузовым, послужил Денису Давыдову материалом для ряда теоретических изысканий по тактике партизанских действий и к созданию системы партизанской войны.

Поэт, вдумчивый военный теоретик, талантливый Денис Давыдов выразил это в замечательных патриотических словах, как бы предвосхитивших нашу народную партизанскую борьбу:

«Россия еще не поднималась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется... Не развеется ли прахом с лица земли все, что ни встречается на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбой с миллионной нашей армией, первой в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству».

Так сказать мог только поэт, у которого слова не расходились с делом, и патриотизм его статей, мемуаров и теоретических трудов был лишь результатом и выражением патриотизма, проявленного в боях и походах. Сознание своей чистой совести перед народом и родной землей продиктовало Денису Давыдову эти патриотические слова.

Во весь свой исполинский рост Россия поднялась в эпоху Ленина и Сталина.

Еще в гражданской войне 1917—1920 годов руководимое Лениным и Сталиным партизанское движение показало образцы героизма, преданности делу трудящихся и выдвинуло ряд героев партизанской борьбы, имена которых вошли в историю: Чапаев, Щорс, Лазо, Котовский, Кочубей и многие другие.

Всем известно, что партизаны Украины, Сибири, Дальнего Востока, Урала, Белоруссии, Поволжья, подрывавшие тылы белогвардейцев и интервентов, оказали Красной Армии неоценимую услугу.

Если дела партизан кутузовских времен были лишь славным прошлым нашего народа, то с опытом партизан гражданской войны нас связывали крепкие традиции, живые люди, близкий и во многом еще не устаревший опыт.

Как правило, в первый год Отечественной войны успешно воевал тот партизанский отряд, в рядах которого были партизаны гражданской войны. Нам в этом отношении повезло. Во главе отряда был Ковпак, партизанивший еще в 1918 году против кайзеровских войск и гетманцев, Ковпак, живо помнивший не только героику, но и способы действий Пархоменко, Чапаева, Котовского, Лазо.

Руднев многое знал о борьбе дальневосточных партизан. В нашем отряде действовал краснознаменец — военком гражданской войны Михаил Иванович Павловский, партизанивший под командованием Николая Щорса. Дед Мороз — Коренев, Кучерявский, Кульбака и многие другие рядовые партизаны действовали в краснопартизанских отрядах и против

кайзеровских войск, и против синежупанных гайдамаков, гетмана и Петлюры, и против Деникина, и против банд Махно.

Часто простая задушевная беседа у костра превращалась в импровизированную лекцию, в которой огненное слово ветерана подкреплялось задушевным объяснением правил, законов, обычаев, уловок, хитростей партизанской войны. И это товарищеское общение с людьми — которые так же близко, как все мы знаем друг друга, знали и общались с легендарным Василием Ивановичем Чапаевым и Дмитрием Андреевичем Фурмановым, с храбрейшим среди храбрых Григорием Ивановичем Котовским, с выдающимся героем-партизаном Пархоменко,— было и школой, и закалкой духа и вселяло уверенность в непобедимости нашего дела.

Эти ветераны щорсовцы и чапаевцы сближали нас с славным прошлым борьбы за революцию. И даже тем, которые родились после гражданской войны, казалось, что они сражаются плечо в плечо в одном строю и с Щорсом, и с Котовским, и с Чапаевым, и с Сергеем Лазо.

Народное партизанское движение возникло в первые же дни Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков.

В своей исторической речи от 3 июля 1941 года товарищ Сталин говорил:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

В ответ на призыв товарища Сталина в тылу врага создавались тысячи небольших партизанских групп и подпольных организаций. Разрастаясь, они становились отрядами, крупными партизанскими соединениями, а иногда сводились в полки, бригады, дивизии.

Верные солдаты партии Бумажков, Козлов и Заслонов в Белоруссии; Ковпак, Руднев и Федоров на Украине; Дука, Ромашин, Бондаренко на Орловщине и многие другие в первые месяцы немецкой оккупации с именем Сталина на устах и с пламенной любовью к Родине, по заданию партии большевиков, подымали и вели за собой народ против врага.

Первый год войны ознаменовался бурным ростом отрядов и поисками наиболее действенных методов и приемов борьбы. В это время закладывались основы партизанской организации и тактики. В первые месяцы войны, когда войска Красной Ар-

ми, ведя маневренную оборону, отходили перед превосходящими силами врага, в партизанском деле характерны поиски наиболее эффективных способов борьбы с техникой врага, в которой на этот период он имел преимущество... Широкое развитие получило подрывное дело. Диверсионная работа никогда ранее не применялась в таких массовых размерах и так технически и тактически остроумно, как уже в первые месяцы Отечественной войны. Катились под откос фашистские эшелоны с техникой и войсками, летели в воздух мосты, горели подорванные танки и автомашины, белели кресты на могилах уничтоженных партизанскими засадами вражеских солдат. Отряды росли, объединялись, налаживалась регулярная связь с фронтом, с Большой землей. Это был период организации и становления, расширения баз и районов действия, поисков тактики и оперативного искусства партизанской борьбы.

Второй период определяется важным событием в жизни партизан. В начале сентября 1942 года командиры белорусских, орловских, брянских и украинских партизан прибыли через фронт в Москву и были приняты товарищем Сталиным и руководителями партии и правительства. Герои Советского Союза Ковпак, Сабуров, Бондаренко, Дука, Ромашин, Покровский, командиры крупных отрядов Кошелев, Гудзенко, Шмырев и другие доложили Верховному Главнокомандующему о результатах своей годичной борьбы. Товарищ Сталин интересовался бытом, тактикой, возможностями, резервами партизан и поставил перед партизанскими соединениями ряд важных задач.

Это историческое совещание определило новый этап партизанского движения. Для оперативного руководства партизанским движением еще весной 1942 года были созданы штабы: Центральный штаб партизанского движения, Белорусский, Украинский и другие. Товарищ Сталин прозорливо наметил дальнейший путь развития партизанской войны. Действия партизан заняли свое место в общем стратегическом плане войны, в сталинской науке побеждать. Целые районы стали основой партизанского движения, его базой.

Большое значение для центрального участка фронта в этот период имел партизанский край в Брянских и Хинельских лесах. Расположенный на стыке РСФСР с Украинской и Белорусской ССР, он явился местом, где собирались и откуда действовали советские партизаны разных республик и областей. Такие же края возникли в Ленинградской области, на Смоленщине, в Полесье, Пинской, Брестской областях, в Налибоцкой пуще, под Шепетовкой и в других местах.

Но не везде в тылу врага была возможность создать партизанский край. Часто наиболее важные объекты, интересующие партизан,— железнодорожные магистрали, крупные авто-

дороги, города, промышленные объекты, штабы и органы управления врага, склады горючего, аэродромы,— находились вдали от партизанского края. Кроме того, партизанский край, как правило, блокирован противником, и трудно мелким диверсионным группам совершать набеги на эти важные объекты. Так, например, летом 1942 года Брянский партизанский край был блокирован группой, в состав которой входили 102-я, 105-я и 108-я венгерские дивизии (8-й венгерский корпус), полк майора Вайзе,— всего свыше тридцати тысяч штыков с танками, авиацией, современными средствами связи. Все это — в период пассивных и, я бы сказал, профилактических мер противника, в начале войны недооценившего партизан. А летом 1943 года, прежде чем начать боевые действия на Курской дуге, гитлеровское командование вынуждено было снять с фронта еще три кадровых дивизии и бросить их на этот же Брянский партизанский край.

Такой же партизанский край, с использованием «фронтовых ворот», был создан на Витебщине. В августе 1942 года штаб 1-й Белорусской бригады, командиром которой был т. Шмырев, находился во вражеском тылу — в деревне Заполье, Суражского района. Отсюда тянулись провода связи во все отряды 1-й Белорусской партизанской бригады, которая стояла вдоль берегов Западной Двины: от города Велижа до витебских предместий.

Фронт в те времена проходил севернее и северо-восточнее Витебска — через Усвяты и Велиж. Между этими городами, среди дремучих лесов и топких болот, шел большак, превратившийся в результате февральского наступления Красной Армии в нейтральную зону: немцы отсюда были изгнаны, полицейские гарнизоны истреблены и вся эта территория шириной в сорок километров была захвачена партизанами бригады Шмырева. Таким образом, в линии фронта образовалась брешь, которая соединила партизанский край с советским тылом; этот коридор, сыгравший исключительную роль в истории партизанского движения, получил наименование «Витебских ворот». О своем вызове в Москву на совещание партизанских командиров товарищ Шмырев так рассказал в газете «Віцебскі рабочы».

«Рядом с Запольем находится деревня Пудать. Это была наша «вторая столица». Здесь размещался Суражский райком КП(б) Б и райисполком. В следующей деревне — Тимохи, лежащей в шести километрах от Пудати, стояли регулярные воинские части. Еще немного севернее, в деревне Бор, находился Витебский областной комитет партии.

С открытием «Витебских ворот» Москва значительно приблизилась к нам. Армейцы сделались нашими частыми го-

стями. В августе мои радисты приняли радиограмму из Витебского обкома. В ней сообщалось, что меня вызывают в Москву.

Несколько дней продолжалось мое путешествие по земле, недавно отвоеванной у гитлеровцев. Приходилось проезжать через десятки сожженных деревень, видеть страшные опустошения, произведенные фашистами в Осташкове, Торжке, Калинине и Клине. Наконец, в туманной дымке раннего утра встала передо мной родная Москва. Я, высунувшись из автомобиля, с тревогой посматривал вокруг, боясь увидеть следы немецких бомбардировок. Но Москва, как и прежде, была прекрасна. Только на стенах некоторых зданий в целях маскировки были нарисованы маленькие домики и яркозеленые деревья, да на перекрестках кое-где виднелись противотанковые ежи.

Москва тепло и радушно встретила гостей из партизанских отрядов. А нас, партизанских командиров, съехалось в столицу немало. Были здесь орловские и брянские партизаны, были товарищи из Ленинградской области и Крыма, приехали сюда и легендарный Ковпак и знаменитый Сабуров.

Нас разместили в гостинице «Москва». Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко беседовал об обстановке в зоне «Витебских ворот». Он придавал нашему коридору очень большое значение, используя его для переброски во вражеский тыл новых партизанских групп и отрядов.

— Готовьтесь в Кремль. Пропуска уже заказаны. Поедете вместе со мной.

Не буду рассказывать, что пережил я, услыхав эти слова. В Кремль были приглашены восемнадцать партизанских командиров. Сперва нас принял Климент Ефремович Ворошилов. Он внимательно расспрашивал о наших нуждах, обещал всемерную помощь оружием и боеприпасами. В конце беседы Климент Ефремович сказал:

— Сегодня вас примет Иосиф Виссарионович Сталин. Будьте ровно в девять часов вечера.

И вот, возбужденные предстоящей встречей, мы открыли дверь и вошли в кабинет Сталина.

Иосиф Виссарионович стоял посреди комнаты; он о чем-то беседовал с Молотовым и Ворошиловым. Увидев нас, Сталин сделал несколько шагов вперед, каждому подал руку и спросил фамилию и район дислокации отряда.

Товарищ Сталин пригласил нас садиться. Я оглянулся по сторонам, стараясь запечатлеть в памяти обстановку кабинета, где происходила эта историческая встреча вождя с народными мстителями.

Кабинет был просторным и поражал исключительной скромностью убранства. Посреди — письменный стол и стулья,

в углу, около окна,— маленький столик со множеством телефонных аппаратов. На стенах, отделанных светлым дубом, висели портреты Карла Маркса, Энгельса и Владимира Ильича.

Беседа приняла деловой, непринужденный характер. Товарищ Сталин задавал вопросы, партизанские командиры отвечали. Некоторые товарищи, видя на себе внимательный взгляд Иосифа Виссарионовича, вставали с места, по-военному вытягивались и начинали рапортовать тоном официального донесения. Мягко улыбаясь, Сталин говорил этим товарищам, что докладывать не нужно; он просил сесть и запросто отвечать на вопросы.

Из вопросов товарища Сталина, из его отдельных замечаний я понял, что он отлично представляет себе условия партизанской войны. Если кто-либо из командиров начинал приукрашивать обстановку в своем отряде, он чуть-чуть улыбался, и эта улыбка заставляла командира рассказывать только правду, пусть трудную и горькую. Когда партизан товарищ Емлютин начал говорить, что его отряд ведет непрерывные бои против семи немецких дивизий, товарищ Сталин указал, что лобовые сражения — не дело партизанских отрядов.

— Против немецкой армии,— сказал товарищ Сталин,— у нас есть Красная Армия. Тактика партизанской борьбы должна быть совсем иной: внезапные налеты, взрывы поездов, уничтожение мостов и складов, перерыв вражеских коммуникаций. Партизаны должны появляться там, где их меньше всего ожидают, и бить противника без потерь или с самыми малыми потерями.

Я вышел из Кремля, пораженный величием и простотой товарища Сталина, его удивительной способностью проникать в самую сущность жизненных явлений. Ведь он не был в тылу врага, а послушаешь его — ни один партизанский командир не сможет так коротко, четко и исчерпывающе правильно определить специфические особенности партизанской тактики.

Через три дня мы были вторично приглашены к товарищу Сталину. На этот раз в Кремле собралось только пять партизанских командиров. Среди них были Ковпак, Сабуров и я.

Здороваясь, товарищ Сталин каждого из нас называл по фамилии. Я был очень удивлён: среди тысячи государственных дел он все же не забыл, помнит, знает.

— Ну, товарищ Шмырев,— негромко проговорил Иосиф Виссарионович,— расскажите, как у вас дела в Белоруссии.

Мы сели за стол. Вот и наступила долгожданная минута: я беседую со Сталиным! В голове пронеслось: надо рассказать и об особых условиях партизанской борьбы в нашей зоне, о «Витебских воротах», о взаимодействии партизан с частями Красной Армии.

— Обстановка у нас,— начал я,— совсем не похожа на ту, о которой рассказывали товарищи Ковпак, Сабуров и Емлютин. Мы стоим в непосредственной близости к фронту. Я имею свободный выход в советский тыл и поддерживаю живую связь с двумя ударными армиями. Ко мне в штаб из-за линии фронта ежедневно ходят автомашины из дивизий и обкома партии.

Мои слова вызвали живой интерес у товарища Сталина. Он придвинулся ближе, внимательно глядя мне в глаза.

Я продолжал:

— От передовых советских частей без единого выстрела можно проехать в наш партизанский край, а он тянется до самого Витебска. Но мы проникаем значительно дальше — советские автомашины ходят до Полоцка, а пешие группы пробираются западнее Минска и Барановичей.

Мое сообщение вызывало все большее внимание.

— Только за весну,— говорил я,— нами отбито у немцев и передано в третью и четвертую ударные армии сорок тысяч тонн сена, пятнадцать тысяч тонн картофеля, четыре тысячи тонн хлеба и более двух с половиной тысяч голов крупного рогатого скота. Кроме этого, витебские партизаны провели во вражеском тылу мобилизацию и дали Красной Армии до двадцати пяти тысяч бойцов.

Когда я кончил, товарищ Сталин обратился к Пономаренко:

— Это правда?

— Да, товарищ Сталин,— ответил Пантелеймон Кондратьевич,— это правда. С марта и по сей день мы переправили из советского тыла через «Витебские ворота» несколько тысяч партизан, радистов и подпольщиков. Товарищ Шмырев снабжает их продовольствием, дает проводников и направляет дальше.

Иосиф Виссарионович расстелил на столе топографическую карту Витебской области. В левом углу на ней была отмечена линия фронта. Я показал товарищу Сталину, где находится Заполье, где Пудать, отметил ширину и глубину «Витебских ворот».

— Это необходимо использовать,— задумчиво сказал товарищ Сталин.— Нужно проложить витебские коммуникации...

Он спросил у меня, что необходимо нашей бригаде, чтобы максимально активизировать свои действия.

— Оружие и боеприпасы,— ответил я кратко.

— Дайте заявку товарищу Пономаренко,— сказал Иосиф Виссарионович.— Вы получите все, что нужно...

... Через несколько дней я выехал из Москвы в Заполье, а в конце сентября к моему штабу подкатило двадцать четыре

грузовика. Они привезли сталинские подарки. Мы получили много автоматов, противотанковые ружья, взрывчатые вещества. Заботливые руки уложили в посылки большое количество медикаментов и обмундирования...»

На этом же совещании товарищ Сталин поставил перед Ковпаком и Сабуровым задачу — рейд по тылам врага из района Брянских лесов по территории Сумской, Черниговской, Гомельской, Полесской, Житомирской и Ровенской областей в район Сарны. Через несколько месяцев в этом же западном направлении рейдировали соединения Наумова (по южному маршруту), Федорова, Мельника и других.

Рейдами партизаны постепенно передвигались на юг и к западным границам нашей страны, а партизанские края, иногда охватывающие территорию в тысячи квадратных километров, помогали наступающей Красной Армии с тыла. И если напомнить дату исторического совещания в Кремле (сентябрь 1942 года), ясно станет, что еще в момент, когда немцы были в зените своего наступательного порыва, Верховное Главнокомандование имело свой стройный стратегический план изгнания врага силами Красной Армии с советской территории. Партизанским краям в этом плане предназначалась роль ударов с тыла по отходящему противнику, а рейдовым отрядам — нарушение нормальной работы глубокого тыла врага. Так определились основные пути, по которым шло развитие искусства партизан в Великой Отечественной войне.

Партизанское движение получало значительную материальную помощь.

В тылу врага были организованы аэродромы и посадочные площадки. Налаживалась регулярная связь с Большой землей. Все тяжело раненные эвакуировались самолетами в глубь страны, в стационарные госпитали. Рейдовые отряды имели возможность отправить раненых лишь тогда, когда рейд окончен и отряд прибывал в партизанский край. Роль транспортной авиации в деле снабжения партизан, налаживания живой связи неизмеримо возрастала.

В начале войны оружие приходилось брать исключительно с боя. Начиная с конца 1942 года, значительный процент оружия и боеприпасов, особенно автоматического и противотанкового, а также взрывчатки доставлялся в партизанские края по воздуху.

В разные периоды Отечественной войны партизанское движение принимало различные формы, продиктованные жизнью, борьбой и контрмерами врага.

Но так же как и во всех областях военной науки и военного искусства, опыт поднявшегося на борьбу в тылу врага народа был направляем гением Верховного Главнокомандую-

щего товарища Сталина и организован партией большевиков.

Товарищ Ворошилов в самые напряженные месяцы войны являлся главнокомандующим партизанским движением. Крупнейшие деятели нашей партии — товарищи Жданов, Хрущев, Пономаренко — руководили партизанскими фронтами. Товарищ Коротченко вылетал в тыл врага, где практически осуществлял руководство украинскими партизанами. Сотни коммунистов возглавляли партизанские отряды. Они стали мастерами партизанской тактики и оперативного искусства.

Вещие слова товарища Сталина, сказанные им 3 июля 1941 года, подхватил весь советский народ, поднявшийся в тылу врага на беспощадную партизанскую войну.

И эти слова громом партизанских битв отозвались в тылу врага. Осуществляя сталинские планы, наш отряд стремительно двигался на юг.

14

Нас волнует не только то, что мы вырываемся летом на юг. Впереди, кажется, уже нет никого своих. А как будет на обратном пути?

В памяти всплывают слова Руднева: «Раньше, чем войдешь в эту обитель, подумай, как из нее выйти».

Километров пять за асфальтом — железная дорога. Не доходя до переезда, мы остановили колонну на полчаса. Нужно привести ее в порядок.

Дорога охранялась еще слабее, чем Ковельская. Сразу же, как только разведка заняла переезд, галопом начали переход. Безмятежно шло движение через коммуникацию врага. И лишь когда последние роты двигались через переезд, на западный заслон напоролся поезд. Заслон обстрелял его. Ответной стрельбы почти не слышно. Паровоз шипел, как Змей-Горыныч, выпуская пар из пробитых бронебойками дыр. Начали сниматься заслоны.

Дорога пройдена.

Вдруг все осветилось красным пламенем. Полыхнуло небо. Взрыв огромной силы оглушил нас всех. А через несколько секунд откуда-то от звезд полетели на колонну горящие головешки, остатки вагонов.

Состав был с авиабомбами. То ли шальная пуля бронебойщика пробила нутро смертоносного груза, то ли сами немцы, опасаясь захвата партизанами огромного количества боеприпасов, подорвали его, но весь эшелон взлетел на воздух.

Долго еще позади нас рвались отдельные авиабомбы. Звуки эти нам, оглушенным первым взрывом, казались пистолетными хлопками.

Дорога у переезда четверть километра шла параллельно железнодорожному полотну. По меньшей мере половина отряда погибла бы, не проскочи мы во-время этот участок.

Еще слышны паровозные гудки ремонтных поездов, спешащих к месту катастрофы, еще доносятся винтовочные выстрелы и пулеметные очереди немецкой охраны, а на востоке уже брезжит заря.

На фоне светлеющего неба вырисовываются огромные курганы. Они бегут вдоль горизонта черной волной. Таинственная опасная земля Дубенщины раскрывает перед нами свои ночные секреты: холмы из черных становятся синими, зелеными, желтыми. Приближаясь, они поднимаются к небу, как таинственные предвестники девятого вала. Это первые горы на нашем пути — Кременецкий кряж.

Но в то утро нам казалось, что наш девятый вал уже вздыбился взрывной волной огромной силы, там, позади, на переезде, чуть не поглотив смельчаков, бросившихся на утлом суденышке в опасное плавание.

Кременецкие холмы и леса начинаются у Шепетовки. Полосой тянутся они на запад, через Славуту, и далее — от Шумска к Кременцу. Оборвавшись долиной у Дубно, леса снова тянутся сплошным массивом почти до Львова. Из зелени выглядывают меловые ребра кряжей.

Мы вошли в Кременетчину с севера. В этом месте холмы уже превращаются в небольшие горы. Всего сто километров прошли мы степью на юг, а как разительно не похожи эти леса на Цуманские! Здесь растут преимущественно дуб, граб, береза; кое-где попадается предвестник Карпат — бук; редко-редко — заблудившаяся группка сосен и елей.

Чем дальше мы уходим в глубь Западной Украины, тем резче меняется пейзаж. Одежда полей и лесов совсем не та, что на севере: все наряднее, богаче. Пока нас еще не обнаружила немецкая авиация. Поэтому мы проходим степью, проходим свободно, днем, часто без выстрела. Но стоит нам войти в лес, и сразу начинают стучать дятлы — пулеметы. А ночью и в степи выскакивают из хуторов полицейские разъезды.

При входе в Кременецкий лес — мимолетная стычка. Застава неизвестного врага. Она ведет огонь не из стремления задержать нас, а скорее для того, чтобы предупредить своих. Конники Саши Усача уже выскочили к лесу. Прострочили из автоматов. Через несколько минут — тишина.

В лесу не везде можно делать стоянку. И не там, где взбредет в голову партизанскому командиру. Не только соображения обороны диктуют место лагеря: нужно учесть и близость населенных пунктов, найти сухую, не болотистую почву и, главное, позаботиться, чтобы была вода. Надо подумать

о том, как напоить несколько сотен лошадей, вода нужна для питья и пищи людям. Да и постирать и искупаться необходимо бойцам. Поэтому километрах в пяти от опушки, обнаружив небольшую лесную речушку, мы решаем разбить лагерь. Лесные дороги веером расходятся по кварталам Кременецкой пущи. Дороги скрещиваются у брода, образуя хорошую оборону. Штаб расположился под соснами. Вот уже ротные костры подняли над лесом седые клубы дыма. Ездовые гонят коней на водопой. Лошади весело пофыркивают, блестя мокрой шерстью. Ездовые, искупавшись, возвращаются верхом — кто голый, кто — натягивая на ходу рубаху. И как будто не было перед этим утомительного сорокакилометрового марша; ожила, загомонила партизанскими песнями кременецкая лесная тишь.

Утром следующего дня к нам прибыли связные партизанского отряда имени доктора Михайлова. Командовал этим отрядом народный учитель Одуха. Мы продвинулись настолько на юг, что уже не предполагали встретить здесь крупных отрядов советских партизан.

С Одухой я встречался еще в феврале у Медведева. Это был подпольщик, пришедший из-под Шепетовки и Кременца на север. Он пришел к Медведеву, сохранив в своей цепкой учительской памяти десятки адресов и фамилий подпольщиков Каменец-Подольской и Житомирской областей. Одуха порядком походил по немецким тылам. Со многими подпольщиками был он крепко связан и пробрался поближе к партизанскому краю за помощью. Помню, я записал себе в книжечку с десяток его адресов. Там были и учителя, и колхозники, и попы — фамилии, клички, пароли. Удивительно, как это все вмещалось в память Одухи.

Еще тогда Одуха говорил нам, что в концлагере под Шепетовкой есть у него знакомый врач, который ведет подпольную работу среди пленных бойцов. Врач Михайлов очень умело пользовался своим положением. Заслужив доверие врага, он под всякими предлогами выпускал на волю военнопленных, предварительно вербуя их в партизанский отряд. Он знал, что рано или поздно его деятельность должна открыться. Так и случилось.

Фашисты повесили Михайлова. Выпущенные им на волю бойцы и командиры организовали отряд, назвав его именем своего освободителя.

Во главе отряда, а затем и нескольких отрядов, сформированных благодаря подвигу врача Михайлова, стоял учитель Одуха.

Мы обрадовались присутствию здесь постоянно действующих советских партизан. Совершив по лесу небольшой полусуточный марш, разбили лагерь вблизи отряда.

Командование отряда имени Михайлова пригласило нас к себе в штаб. Расположен он был в густом орешнике. Одуха отсутствовал. Его замещал комиссар, историк по образованию.

Через лес проходила одна из самых важных магистралей врага — Шепетовская. Ее-то основательно и тревожили михайловцы. Для того чтобы наносить по ней удары, надо было большую часть отрядов держать на железной дороге. Следовательно, штаб, санчасть и «тылы» — жены, дети — все это оставалось незащищенным.

Вот почему и лагерь их резко отличался от обжитых землянок партизан, действовавших на севере. Основным оружием самозащиты были у них осторожность, хитрость, маскировка и надежда на собственные ноги.

Оружие у товарищей было сборное, то, какое им удалось захватить у врага. Подрывным делом занимались они хотя и примитивно, но с немалым эффектом: подрывали поезда на немецких противотанковых минах, закладывали фугасы из неразорвавшихся немецких авиабомб.

Мы совершили еще два лесных перехода и остановились на южной кромке Кременецких лесов.

15

Простояв несколько дней в Кременецких лесах, мы приготовились к дальнейшему маршу. Впереди снова степь. Ночью отряд Ковпака бросится в нее, как пловец в холодную воду. Подтянулись к южной кромке леса еще с утра.

Весь этот день разведчики и заставы, расположившиеся на опушке леса, наблюдали уже знакомое нам явление. День был ясный, безветреный, жаркий. На протяжении нескольких десятков километров в небо медленно поднимались черные столбы дыма.

Руднев велел оседлать коней. Мы выехали на заставу. Лес сразу кончался, как каравай черного хлеба, отрезанный огромным ножом.

Позолота зреющих хлебов рябит зеленью садов и белизной хат. Далеко внизу степь опутана паутиной дорог. Узелками сел, хуторов, экономий, усадеб она образует замысловатую сеть.

В каждом селе тонкая ножка дыма вздымается ввысь, чертит и растушевывает угольным карандашом голубизну неба. Так бывает лишь зимой в морозные дни. Только сейчас дым чернее да тишина зловещей.

Разведки, высланные на пожары, принесли точные сведения: все это следы работы лжепартизанского отряда. Раз-

ведчики Одухи назвали имя его командира — «Черный Ворон». Не имея достаточно сил, чтобы напасть на нас в открытую, он демонстрировал свою наглость бесцельной жестокостью: жег во всех селах хаты поляков, убивал советских активистов.

Кое-где разведчики разогнали отдельные группки поджигателей. В других местах наши появлялись слишком поздно. Там они заставали лишь трупы мирных жителей — женщин и детей.

А Федор Мычко привел из разведки двух подростков. Это были почти дети: шестнадцатилетний парнишка и дивчина на вид лет четырнадцати. Оба худые и бледные. Брат и сестра. Мычко, как бы оправдываясь, сказал комиссару:

— Вот пристали по дороге. Никак не мог от них отвязаться. Пойдем с тобой, говорят.

Ребята эти, видимо, показались суровому разведчику такими беззащитными, что у него нехватило духу оставить их. Понимая, что никакой пользы от них отряду не будет, а командованию — одна морока, Мычко виновато стоял в стороне. А дети с мольбой заглядывали в глаза партизанам.

— Возьмите нас с собой,— сказала девочка.

Комиссар спросил мальчугана:

— Как зовут тебя?

— Франек.

— Кто хаты жег? Знаешь?

Франек хмуро, ломким мальчишеским голосом отвечал:

— «Черный Ворон». Он немецкий эсэс... А теперь прикинулся партизаном. Брешет он все! Вы ему не верьте, он всех евреев перебил. Теперь за наших взялся.

От Франека мы узнали некоторые подробности о «Черном Вороне». Сброшенный немцами в первые дни войны как парашютист-диверсант, «Черный Ворон» действовал в районе Славуты, Кременца и Шепетовки по тылам Красной Армии в момент ее отступления. Затем стал начальником шуцполиции в Кременце. Недавно ушел в леса. С фашистами и сейчас поддерживает связь. Вылавливает по лесам бежавших из лагерей советских военнопленных и расстреливает их на месте. В последние месяцы (по немецкому приказу, конечно) переключился на террор против польского населения.

— А тебя как звать? — обратился Руднев к девочке.

— Зося-а...— склонив набок голову, ответила она.

Зося — совсем еще ребенок. Тонкая талия делает ее похожей на стебелек цветка. В руках небольшой узел. Кокетливая мордочка доверчиво оглядывает нас всех. Мы думаем: что делать с детворой? Комиссар показывает на узелок:

— Это что у тебя?

Зося молчит. Франек смотрит на сестру исподлобья.

— Ат... дурненька... Это ее посаг.[1] Какая она кобета[2] без посагу? Мувил тобе — кинь его до дьябла!

Зося ударяет маленькой лапкой брата по плечу:

— Цихо, Франек, цо ты панам мувишь?

Она краснеет и закрывается узелком. Но через секунду из-под рукава на нас глядят ее хитрые, смышленые глазки. Удивительно, как напоминала она в тот миг белку с еловой шишкой в лапках, приученную нашей радисткой.

— Ладно. Найдем жениха тебе,— засмеялся Руднев.

Франека послали в роту, а Зосю отдали на попечение Карповны, командовавшей в этом рейсе особым — девичьим отделением разведки. Долго грозные командиры смотрели вслед уходящим ребятам.

— Радуются, словно папу с мамой встретили,— усмехнулся Базыма.

Видимо, горькая судьбина крепко посолила утро жизни этих детей, если наш лесной лагерь показался им раем...

На закате колонна уже вытянулась из леса. Предвечерний ветерок рассеял дымы по всему горизонту и превратил их в сплошную тучу. На фоне потемневшего неба она уже не казалась такой зловещей, а серела, как крыло огромной подстреленной птицы, безжизненно свисавшее сверху. На нем кое-где поблескивали красные блики заходящего солнца. Чем дальше мы уходили в степь, чем больше чернело небо, тем ярче багровела туча, остававшаяся позади. Уже не солнце, а огонь пожарищ отражала она.

Мы вышли из Шепетовских лесов. Дальше, до самого Днестра, тянется степь. Впереди лишь небольшие рощицы в Тернопольщине да узкие полоски леса по краям Збруча зеленеют на карте.

Где-то сбоку черной нитью извивается второстепенная железнодорожная ветка, ведущая из Тернополя на Шепетовку через Лановцы. Изредка ночью летний ветерок доносит свист паровоза. Ковпак на ходу послал в сторону от колонны диверсионные группы. Взрывами мин и фугасов они должны прекратить существование железной дороги.

Еще от михайловцев мы знали, что на юге проходит некая граница. Знали, что немцы объявили ее границей государства. Порылись с Васей Войцеховичем в нашем штабном сундуке: там, на всякий случай, хранились самые разнообразные административные и топографические карты. Наконец мы поняли, в чем дело. Именно здесь недалеко проходила старая граница

---

[1] Посаг — приданое (*польск.*)
[2] Кобета — женщина (*польск.*)

русской империи с Австро-Венгрией. По реке Збручу, отделяя Каменец-Подольскую губернию от Тернопольского «Подилля», а затем по сухопутью заворачивая на северо-запад, извиваясь змеей, она тянулась к Берестечку-Бродам и дальше на Владимир-Волынск.

— Неужели немцы восстановили ее? Зачем? — недоумевали штабисты.

Разведка, высланная вперед, и опрос жителей села, в котором на второй день остановился отряд, подтвердили это. Конечно, не присутствие немецких пограничников, парами ходивших по условно отчужденной полосе, остановило Ковпака. И не колючая проволока в один кол.

Нет, не граница остановила нас! Проходили мы границы и поважнее и пострашнее: границы, ощетинившиеся огнем пулеметов; выбирались из «мокрого мешка»; форсировали под минометами Припять; брали Лоев на Днепре; рвали мосты на Тетереве. А уж сколько этих речушек, Случей да Горыней, было пройдено нами!

В селе, в котором, по приказу Ковпака, стали размещаться мы на рассвете, люди отвечали одно:

— За тем кордоном — «дистрикт»!

— Чего, чего? — прищурился Руднев.— Какой такой «дистрикт»?

— Галычина,— отвечали дядьки.— Дистрикт — по-немецкому.

— Это что такое? — спросил меня комиссар.

Но ни я, ни учитель Базыма, ни инженер Войцехович ни архитектор Тутученко никогда в жизни не слыхали подобной премудрости. Я стал расспрашивать мужиков о значении этого слова.

— Ну что там, за той проволокой? Там что, порядки другие?

— Ага ж, ага ж! — отвечали мужики.— Други порядки, други гроши, друга власть.

— Как другая власть? Тоже ведь немцы?

— Та немцы ж. Только власть друга. Там полицаев нема.

— Это уже интересно! — сказал Руднев.

Он особенно не любил эту пакость. Порядочно надоели они нам на Ровенщине и Волыни.

— А какие деньги?

Из толпы выдвинулся усатый крестьянин, видимо бывший солдат. Откашлявшись, он стал вежливо и толково объяснять:

— Там, проше пана товарища комиссара, польски злоты ходят. У нас, к примеру, украинские карбованцы, а там польски злоты. У нас за одну марку десять карбованцев надо платить. А злотых всего два на одну марку. Там цукер, газ —

карасина. Значит — и одежа есть. Туда за контрабандой ходят.

— Вот как? А ну, давай контрабандистов!

Ко мне привели вскоре бабу и двух мужиков. Один из контрабандистов был заика, говорил нараспев, помогая себе протяжными звуками «а-а-а-а», затем, как бы соскочив на какую-то вторую скорость речи, говорил «да-а». И только тогда уже залпом выпаливал нужные слова. Присутствовавшие при этом разведчики так и назвали его сразу «Ада». Скользкий и трусливый парень из обозников, он был контужен в первые дни войны и долгое время валялся где-то по концлагерям для военнопленных. Потом сбежал. «Пристал» в этом селе к одной вдове. Через нее, снюхавшись с немецкими пограничниками, занимался контрабандой. Ходил в галицийский «дистрикт», тащил оттуда соль, керосин, сахар, спички. Выменивал этот товар на хлеб. С хлебом ездил под Шепетовку. Менял карбованцы на злоты и снова ходил за границу.

Я слышал гогот кавэскадронцев, которых почему-то очень забавляли рассказы «Ада», но мысли мои были далеко.

«...А все же, почему многоопытный дед застопорил ход отряда перед этими колышками?» Была здесь какая-то необъяснимая причина. Спроси сейчас об этом Ковпака — он и сам, пожалуй, не ответит. Но я видел на рассвете тревожный блеск его умных глаз. Опыт старого солдата подсказал ему: «Не трожь». И дед предусмотрительно отдал приказ на дневку.

А сейчас, когда пригрело солнце и пощупали мы дядьков, когда вовсю брехал «Ада», дед сказал бы: «Эка невидаль — граница! Чихал я на нее... Просто впереди була степь. Брезжил рассвет...»

Но я-то видел на рассвете его хитрые, умные, любопытно-удивленные и немного растерянные глаза.

16

В селе много пустых домов с выбитыми окнами и поросшими чертополохом дворами. Часть хат сожжена. Это все следы «Черного Ворона». Банда уничтожила все польские семьи.

Закончив отрядные дела, после полудня я вышел в поле. Хотелось уйти от запаха пожарищ, человеческих голосов, возни, шума. Ночи на марше, бессонные дни растревожили меня. Хотелось разобраться. Я перешел дорогу, опустился в пологую лощину и врезался в волны желтеющей пшеницы. Пересекаю две-три межи с огромными будяками и глажу рукой живые колосья.

Поля перерезаны убранными полосами жита. Копны рассыпным строем ползут на меня. Волнуется желтеющая пшеница, бежит она по ветру, только солнце поблескивает на ее волнистых хребтах. Нигде ни души, а страдная пора. Народ не идет на поле, исхоженное вооруженными людьми. Только на бугре маячит фигурка женщины. Блеснул бы серп на солнце, взметнулся бы тяжелый пучок колосьев! Я иду по направлению к ней. Ах, это Зося — наша партизанка... Но не серп на солнце... и не сноп в руках, а букет васильков держит она. И такой же голубой венок на маленькой головке.

Кончилась пшеница, и нива переспелой ржи между нами. Узкая, сухая... Она перерезает зелень овсов и золото пшеницы своей пепельно-желтой полосой.

— Зося!

— Цо пан хце?

Хотел спросить, кому собирает она букет, а сказал:

— Почему не жнут жито?

— Нема кому. То польске,— просто отвечает Зося.

— Осыпается...— Подхожу к ней по мертвеющей ржи.

— Сыплется... Людей поубивали... Другие в город утекли. Нема кому. Люди и свое не соберут, а это — нельзя... боятся...

Зося наклонила набок головку и провела лапкой по колосьям. Они мертво затрещали...

— Так и наше житочко там... И татко и мамуся...— махнула рукой назад, и слеза блеснула, сбегая по бледной щеке.

Зося уходит межой. Я стою среди колосьев. Ветер замер. Затих и шелест сухих стеблей.

Прислушиваюсь. Только один звук улавливает ухо: ржаные зерна с тихим стоном осыпаются на сухую, потрескавшуюся землю. Я прилег на меже. Гляжу в вышину. А между мной и небом зерна шуршат, шуршат, осыпаясь: «Гниу, гниу! Ратуйте, люди добрые...»

Всплыл в памяти случай, еще свежий...

Мы пересекали Кременецкие леса. Два дневных марша двигались по глубоким пескам. Пришлось менять уставших коней. На подмогу брали подводчиков из окрестных деревень. Я ехал верхом за одним из таких возов по широкому лесному тракту. С болот поднимались туманы. Не старый еще возчик, с седыми, по-казацки свисавшими вниз усами, угрюмо постегивал коней. На возу сидело человек шесть молодых ребят. Среди них я узнал и Васыля, парубка с Горыни, перешедшего к нам из подпольщиков. Хлопцы дремали. Я соскочил с усталого коня, ослабил подпруги. Сел на повозку. Ехали молча. Незаметно

исчез туман. Солнце стало припекать. Колеса тихо, по-гадючьи, шипели, лошади высоко взмахивали головами, с натугой ступая в глубоком, измолотом обозом песке. Оводы роем вились над ними, жалили нестерпимо.

Возчик уставился странным взглядом в круп левого коня, словно не видел, что лошадям тяжело тянуть воз по сыпучей пепельной колее. Наконец кони остановились, тяжело поводя потными боками.

— Може б, вы, хлопцы, слезли? А то, видите...— и он повернулся к нам. Под усами блуждала усмешка. Большие усталые глаза, не моргая, смотрели куда-то вдаль.

Бойцы нехотя спрыгнули с повозки.

— Вы, пан, сидите... Один ничего,— вдруг обратился он ко мне.

Мы проехали немного молча.

Затем, снова повернувшись ко мне, он с какой-то виноватой улыбкой, опустив глаза, сказал:

— Не помню, когда и спал вдоволь... Каждую ночь вожу. То наших возил... А теперь ваших...

— Кого?

Он безнадежно махнул рукой.

— Они — ваши?

— Привык так говорить. Наши...— он криво улыбнулся.— Эти «наши» у меня жинку и двух детей... дивчину двенадцати лет да хлопчика... о пятом годочке...

— За что?

— Жинка была у меня полька...

— А дети?..

— Ну, тоже... по-ихнему — нечистая кровь. Мазуры, кажуть, вы... Всех порешили.

Я соскочил с повозки и зашагал по твердой обочине, прибитой дождями, поросшей подорожником. Ко мне подошел Васыль с Горыни. Похлопывая моего коня по шее, он тихо сказал:

— Добрый коник. А возница наш вам уже рассказал? Про детей и про жинку?

— Рассказал. Как они могут... детей...

— Так он же сам их и убил...

Я остановился пораженный. Возчик резко повернул к нам лицо, искаженное гримасой безумия. Подняв кулаки над головой, он прохрипел:

— Васылю-у-у...— дальше в его горле заклокотало, и он упал лицом в солому.

Мы отстали. Васыль тихо заговорил:

— Я знаю его. Он у «Черного Ворона» связным был. Я до вашего Швайки, по заданию Сабурова, в цих краях был. Тоже

по связи работал. Он у них образованным считался. Книги про «вильне казацтво» читав. Пошел было даже на повышение... А потом вышел у них приказ: резать поляков... А у него жена Рузя... Кругом всех вырезали. Он своих на первых порах спас. Еще и сестру жены и матку к себе перевез. Это их и погубило. Думали — никто не тронет. А тут приехали эти главные. Куркульские сынки — они все по штабам сидят. «А ну, дружэ, доказывай нам, что ты щирый украинец...» И заставили: сначала жинку своими руками... А потом в раж вошли: «И детей рубай!» — говорят. А он не смог. Так они на его глазах ребятишек кончили. Он долго потом вроде сумасшедшего был, два раза его из петли вынимали. Така-то у нас тут самостийна Украина! — сказал он с горечью и презрением. — И кто ее выдумал? Не знаете?

Впереди нас тарахтела по корневищам сбитыми шинами телега. Колеса, подпрыгивая на корнях, подбрасывали голову возчика с глухим стуком.

Этот мертвый стук и сейчас перекликается в ушах с жестким шорохом ржаных стеблей.

Вспоминаю об этом возчике и думаю свою думу.

Какой же дьявол развязал эту бессмысленную резню?

Еще не отгремели в памяти выстрелы гражданской войны, еще волочили по закоулкам Европы широкую петлюровскую мотню неудавшиеся атаманы и гетманы, но уже идеологические преемники Скоропадского, Петлюры, Коновальца заварили вновь свою вражью отраву. В алхимических застенках фашистской Германии, на «кресах» панской Польши готовила ее буржуазия, подправляя смердячий этот душок парижской парфюмерией. Политический хамелеон Грушевский с бородой шамана скулил уже в 1925 году о том, что «уничтожаются старые формы техники, привычки, методы труда. Образы старого и связанные с ними верования жалобно погибают». А петлюровские молодчики, такие, как Евген Онаций, хлебнув фашистской «культуры» Муссолини, пропагандировали по образу и подобию «дуче» галицийский фашизм.

Он вопил: «На Восток! На Востоке находятся народы потенциально богатые... Они представляют чудесное поле экономической и интеллектуальной экспансии. Они дадут нам то, чего у нас нет...»

Так пути неудачных петлюровских атаманов сходились с дорогой ефрейтора, заварившего дьявольское варево второй мировой войны.

А пока что наследник Петлюры и Коновальца Степан Бандера осваивал в окрестностях Берлина сложное ремесло диверсанта, шпиона и провокатора. В школах, подшефных полковнику Николаи и фрау Доктор, фашистствующие типы «изу-

чали» историю Украины. Словно об этом выродке украинского народа пророчески писал сто лет назад Тарас Шевченко:

...Що ж ты такее?
— Нехай скаже
Німець. Ми не знаем.—
Отак то ви навчастесь
У чужому краю!
Німець скаже: — Ви моголи,
— Моголи! Моголи! —
Золотого Тамерлана
Онучата голі.
Німець скаже: — Ви слав'яни.
Слав'яни! Слав'яни! —
Славних прадідів великих
Правнуки погані!

На плечах немецкого фашизма, в обозе немецкой империалистической армии ворвалось на плодородные земли Украины это жадное воронье. Захватить, грабить, жрать, богатеть. Они поклялись верой и правдой действовать только так:

...Як німець покаже,
Та до того й історію
Нашу нам розкаже.
Отоді ми заходимось!
Добре заходились
По німец'кому показу...
І заговорили
Так, щой німець не второпа,
Учитель великий,
А не те, щоб прості люди.
А гвалту! а крику!

Но предел украинского фашизма — шуцполицайский черный мундир. Убийства евреев, поляков, угон в Германию миллионов украинских юношей и девчат, пытки комсомольцев и коммунистов в Киеве, Полтаве, Ровно, Львове, расстрелы военнопленных в лагерях — вот их дело. Виселицы и провокация — вот слава Степана Бандеры, верного лакея Гиммлера.

А когда глубокая народная ненависть к оккупанту созрела и дала свои плоды, тогда простые люди Западной Украины забыли старую примитивную философию «моя хата з краю» и взялись за оружие. Поруганная справедливость привела народ к советским партизанам. Из этого родника не раз уж рождался народный гнев. Он породил и Байду Вишневецкого, и Богдана Хмельницкого, и Стеньку Разина, и Пугачева; он дал Колиевщину и Кармелюка.

Он вызвал к жизни и всенародное партизанское движение.

Есть на свете народы, миллионы людей, которые хотят жить, сеять, любить, творить, но пока существует фашизм — уродливое, зловещее создание ненависти и зла, пока оно

живо, — не видать народу добра; так думалось мне ясно и уверенно.

Я встаю с межи и иду к селу. «Вот оно как. Это оно, это уродливое чудище фашизма, сушит эти плодородные поля! Это оно осиротило таких, как Зося, оно загубило Рузю и задушило ее детей... Это на кровавых руках подручных Гиммлера, всех этих бандер, кубийовичей, донцовых, малюиюков, кровь детей и женщин!»

Как через кладбище темной ночью, брел я поперек несжатой полосы жита.

Сухие стебли уже ие поднимаются за моей спиной, бессильио опустив покрытые мертвой сединой пустые колосья. Они навеки поникли головами к сухой земле. Кончается и мертвая рожь и расстрелянная пшеница.

Широкие ланы ячменя, зеленого и остистого, пересекали мой путь. Я медлеино шел, вдыхая запахи живого поля, поглаживал соболиную шерсть ячменей.

Тихий смех долетел с выгона. Это опять Зося... А кто же рядом? Васыль из-под Горыни. Она надевает ему на голову венок из синих васильков. Пареиь краснеет, увидев меня, и неловко улыбается...

Я иду мимо них в село и думаю, что скоро вернется разведка, что нам все же придется с боем прорываться через границу, что во Львове «профессор» Кубийович формирует эсэсовскую дивизию «Галиччина», что вся эта провокация лыком шита, что все равно на этих землях будут цвести и зреть хлеба, что придет час — и закачаются на виселице и Бандера и Кубийович, и что нежные польские девчата все равно будут влюбляться в чернобровых украинцев, и что Зосина судьба будет намного счастливей, чем судьба Рузи, убитой рукою собствеиного мужа, отца ее детей.

17

Еще во время пребывания в Москве я узнал о крупной карательной операции фашистов против Брянского партизанского края. На брянских партизан Гитлер бросил часть своих резервов, подтяиутых к фронту, да две дивизии снял с фронта из-под Орла. Дивизии эти гитлеровское командование хитроумно замаскировало под другими номерами. Но разведка разгадала маневр противника, а советское командование приобщило и этот факт к ряду других, говоривших о том, что летняя битва сорок третьего года начнется имеино в районе Курска — Орла.

Перелетая через фронт, я видел подготовку к крупному сражению. Я рассказал об этом Ковпаку, Рудневу и Базыме.

Но все же, когда радист Вася Мошин прибежал со своей «библией» не в обычный час, сводка произвела впечатление грома среди ясного неба. Это было именно в тот день, когда мы остановились в раздумье перед границей галицийского «дистрикта».

Как обычно, откашлявшись, Мошин читал:

«Вечернее сообщение от 5 июля. С утра 5 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанными большим количеством авиации. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями и лишь в отдельных местах небольшим отрядам немцев удалось незначительно вклиниться в нашу оборону.

По предварительным данным, нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 586 немецких танков, в воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 203 самолета противника.

Бои продолжаются».

Вася кончил. Руднев впился глазами в карту. По старой привычке Базыма держал под рукой две карты: одна — района наших действий — километровка или двухкилометровка; вторая — меньшего масштаба — с нанесенными наспех обозначениями фронтов. Руднев, лихорадочно примеряя масштаб, приказал:

— А ну, прочти еще раз!

Внимательно следя за названиями населенных пунктов, мы еще раз прослушали сводку. Семен Васильевич снял фуражку.

— На фронте уже началось!

Мы тогда еще не знали, что там, за Брянскими лесами, которые мы покинули десять месяцев назад, началось грандиозное сражение, которое войдет в историю войны под названием «Битва на Курской дуге». Но сердцем и мыслью, солдатским чутьем поняли значение того, что началось.

Бои на фронте интересовали нас не только в общем плане войны. Теперь и партизанские шансы на удачу возрастали. Станет ли гитлеровское командование интересоваться отрядом, маленькой песчинкой, залетевшей куда-то за тысячу километров от линии фронта? Там, на востоке, сражались десятки отборных дивизий, вооруженных всеми видами техники. До нас уже долетали грозные названия: «тигр», «пантера», «фердинанд». Там, на фронте, шла непрекращающаяся борьба брони и снаряда.

Какую угрозу для фашистов по сравнению с грандиозной фронтовой техникой представляют наши два полковых орудия и десяток противотанковых пушек-сорокапяток?

Руднев вслух высказал наболевшее:

— Третье лето войны. Первые два были временем неудач на фронтах. В этом году, после Сталинграда, должно быть иначе...

— А Базыма рассудил:

— Пока что — наше дело шестнадцатое. Пролезть подальше, нашебаршить побольше. А там видно будет.

Руднев улыбнулся Ковпаку.

— Недальновидный у нас начштаба, старик. С такой тактикой только яблоки воровать из чужого сада...

— Да я с точки зрения отряда... А не в смысле общей стратегии...— Базыма вытер сразу вспотевший лоб.

— Оторванные от стратегии точки зрения на войне не нужны, старина. Каждый солдат в отдельности выполняет общий план... либо тормозит, задерживает выполнение его...

— Да ладно. Не так сказал, а вы уж...

Все засмеялись. Руднев повернулся к Васе Мошину.

— Следить непрерывно за сводкой. Ничего не пропускать.

Тот, козырнув, пошел к своей повозке, из-под которой тянулась на соседние сосны сеть антенн.

Теперь полагаться на путаные сведения о «дистрикте» и интуицию нельзя было. Руднев долго говорил о чем-то с Ковпаком. Вскоре он объявил нам решение командования:

— Ночью переходим границу.

— Переходим все-таки? — устало покачал головой Базыма.

— Ну конечно. Не можем же мы всерьез полагаться на разговоры местного населения.

— А «языки»? — упорствовал начштаба.

— Два контрабандиста? Из которых один безбожно заикается? Это же больше для смеху...

Базыма внимательно смотрел на комиссара.

— Семен Васильевич! Я же совсем про другое. «Языки» нужны из пограничников...

— Некогда. Времени для разведки нет. А упустим время — потом намаемся. Решено. На фронте начались дела. Не можем же мы сидеть сложа руки — это преступление!

Все замолчали.

Руднев быстро ходил взад-вперед, искоса поглядывая на недовольного начштаба. Затем подошел к нему. Покачивая головой, Григорий Яковлевич трудился над картой.

— Что, не нравится, старик?

— Да чего там? Так или не так — перетакивать не будем,— вздохнул Базыма и стал готовить приказ.

Вошел Ковпак. Он был неспособен долго колебаться. Он верил своему комиссару и другу, как самому себе.

— Готов приказ?

— Нет еще...

— Что так долго возитесь? Надо дать время хлопцам помозговать...

Базыма укоризнеино посмотрел иа комаидира.

— Накладут иам господа геиералы за тем кордоиом. Не найшов броду, не суйся...

Ковпак иахмурился.

— А ты що предлагаешь: руки — в брюки, коли на фронте такие дела?..

Базыма стал оправдываться:

— Так это же пословица такая...

— Пословыця, пословыця... Я тоже, брат, пословыци зиаю,— не унимался Ковпак.

Руднев сел и положил Базыме руку на плечо.

— Начштаба, понимать надо! Если хочешь действовать дельио, то есть с наибольшим эффектом, в помощь армии и всей стране, совершай свои нападеиия во время активиых действий на фроите. Решено?

— И подписано,— сказал Ковпак, ставя свою подпись под приказом.

Я залюбовался комиссаром. Не зиаю, о чем он говорил с командиром, ио я видел, как он убедил иачштаба. А честнейший Григорий Яковлевич был из тех людей, которые не стесияются высказывать свои миеиия, но, будучи разубеждеиы, уже иикогда к иим ие возвращаются. Идеи комаидования Базыма проводил в жизнь преданио и иастойчиво, как свои собственные. Только этим я объяснил себе этот иеобычайный среди военных разговор, когда старший по положеиию терпеливо «уговаривал» подчииеииого там, где, казалось, достаточно одного слова приказа.

Вечером, захватив с собой коитрабандистов, отряды перемахиули через граиицу «дистрикта». Особых препятствий иа кордоне никто ие чинил. Двух часовых-пограиичииков сияли разведчики. С боковых постов раздались по три тревожиых винтовочиых выстрела.

— Вот и все приключеиие! — смеялся Рудиев.

Телефоииые провода, тянувшиеся вдоль граиицы, мы вырубили на расстояиии иескольких километров. Не особеиио торопясь, покатили дальше иа юг, уже по Галиччиие.

Различия — ни в пейзаже, ии в облике людей — на первый взгляд ие было. В лавчоиках — соль, мыло, кероснн, спички и какие-то сигареты в длиииых сотеииых пачках, иачииенные табаком, похожим иа морскую траву, ио зато в красивой упаковке. Хлопцы выкуривали зараз по десятку этих сигарет.

— Толку нет от этого «дистрикта». Ни в голове, ни в животе, ни на душе — никакого накуру.

— Одна слеза и пакость на зубах. Эрзац.

— И к чему бы фашисту эти игрушки с границей?

Уже в лесу нагнал меня Вася Войцехович и, показывая толстый словарь, радостно сказал:

— Петрович! Кажется, раскусил я эту премудрость... А?

Словарь был латино-русский.

— У местного попа одолжил. Говорят — слово это происхождения греческого, а скорее на латынь смахивает. В этих краях немцы больше на папу римского упор делают... Вот оно, словечко мудрено. А теперь давай думать, к чему бы оно галицийскому дядьке...

В словаре значилось: distracto — разъединяю.

— Отсюда, не иначе, пошел этот самый «дистрикт». Там политика кнута, а здесь пряника. И все для того, чтобы властвовать над хлебом и салом Украины,— закончил Вася свои исследования.

Я согласился с Войцеховичем и на время выкинул из головы эту «проблему», возникшую у нас только потому, что мой Миша Тартаковский, видно, неважно знал немецкую административную терминологию и не мог растолковать слово «дистрикт».

И снова стоянка, довольно безмятежная, без особых угроз со стороны врага. На заставах кое-где попадались заблудившиеся жандармы. Ребята подбили одну грузовую автомашину с несколькими жандармами.

Большинство из нас в этих краях впервые. Кое-кому довелось побывать тут в тридцать девятом, когда воссоединена была Западная Украина с Советским Союзом; были и такие, которые прошли эти места с конницей Буденного еще в гражданскую; несколько стариков, и Ковпак в том числе, прошли здесь еще в первую мировую войну.

Впереди — особо интересующий нас объект — дорога Львов — Тернополь — Жмеринка. Она пересекает извилистую глубокую реку. По обе стороны моста прилепилось два небольших местечка — Волочиск и Подволочиск.

Вынув свою «стратегическую», по черной нитке железной дороги пробираюсь взглядом на восток, к фронту: туда бегут поезда — через Проскуров и Жмеринку с развилкой на Фастов и на Одессу, и дальше — под самый Курск (через Киев — Бахмач — Ворожбу) — тянется эта стальная магистраль.

Но мысль почему-то отрывается от черной нити на карте и перескакивает к далеким детским воспоминаниям. Еще в восемнадцатом году приходилось мне, мальчишке, ездить по этой дороге от Вапнярки, через Жмеринку, на Проскуров, на Ду-

наевцы, под Каменец-Подольск и Волочиск. Украина тогда тоже была в руках немецко-австрийских оккупантов. Помню, под Дунаевцами немцы в касках сняли нас, мирных жителей, с поезда. Двое суток держали в подвале. Тогда впервые от немецкого часового я услыхал непонятное слово «партизаны».

— Ферфлюхтер партизан! — бормотал немецкий часовой, широким штыком поддевая кофточку у женщины с ребенком на руках.

Она стояла перед ним, дрожа, как осиновый лист. Не зная немецкого языка, я все же понял. Партизаны — это, наверное, мы — русские и украинцы; понял, что одного этого слова боится вооруженный до зубов враг. И слово это врезалось в детскую память на всю жизнь...

На Тернополь-Волочискский участок дороги я выслал несколько разведывательных групп. Конечно, в первую очередь нам требовалось лучшее место для перехода через железную дорогу на юг. Но партизан, кроме разведки на себя, всегда обязан вести разведку в интересах действующей армии. Поэтому интересовало меня также и то, как работает дорога. Каждому из разведчиков я ставил задачу добыть «языка».

— И не обязательно немца! Берите по возможности железнодорожников!

То ли разведчики постарались на совесть, то ли неожиданно подвезло, но уже к середине дня у штаба сидела солидная группа железнодорожников — двадцать два человека. Их форменные мундиры чернели под зеленой листвой. Ковпак, проходя мимо, неодобрительно кивнул головой. Затем остановился, подозвал меня и, закуривая, спросил:

— Та куды их столько? На дьявола они здались? Расстреливать их не будешь. Вроде наши люди. А отпустишь — наболтают...

— Да я и сам не ожидал... Наволокли хлопцы. Перестарались, товарищ командир...— оправдывался я.

— Перестарались? А не знаешь хиба? Недосол на столе, а пересол...— добродушно журил меня командир, скручивая цыгарку.

Я не знал, что ему ответить.

— Ну давай, давай допрашивай! Выпустишь их пораньше. Отправить километров за пяток на север. А там пускай добираются кто как может.

Я вернулся к железнодорожникам. Опросил бегло для того, чтобы выяснить, с кем имею дело, стал по одному, по два отзывать их в сторону.

Тут представлены были почти все виды железнодорожных профессий: и служба тяги, и служба пути, и служба дви-

жения. Под кустами сидели два начальника станций, пятеро или шестеро будочников, три стрелочника и один машинист. Остальные — путевые рабочие. Большинство — поляки, часть — западные украинцы. Говорили они на том западноукраинском наречии, которого, не только Володе Лапину, ивановскому ткачу, но, пожалуй, и многим украинцам не понять. Не понял бы и я, если бы не увлекался когда-то чтением Ивана Франко, Стефаника и Кобылянской.

День близился к вечеру, а допросу конца не видно.

Убедившись в том, что мне не удастся допросить каждого в отдельности (да и факты стали повторяться), я созвал моих «языков» в кучу.

Теперь это был уже не разведывательный допрос, а скорее производственное совещание железнодорожников. Только тут, во время «совещания», и выяснились многие неизвестные нам вопросы.

Дело в том, что уже начиная с весны 1943 года на севере, в партизанском крае, приходилось от многих диверсантов слышать странные вещи, да и самим встречаться с непонятными фактами. Уже полгода среди пущенных под откос эшелонов не было ни одного ни с военной техникой, ни с боеприпасами. Очень редко перевозились на севере и войска. Что ни поезд, спущенный партизанами под откос, то либо железный лом, либо доски, лес, сено, захудалый скот.

— Да что он, дровами воюет? — удивлялись партизанские диверсанты.

Почти такая же картина была и на Шепетовской дороге. Только на странном «совещании» железнодорожников мы поняли наконец хитроумную и в то же время простую тактику врага. Имея три дороги — Ковельскую, Шепетовскую и Тернопольскую, противник две из них, подверженные ударам партизан, перевел на перевозку второстепенных грузов.

Это разъяснила пустячная реплика начальника станции, щупленького, худощавого поляка в каком-то странном кепи на голове. Он на мои вопросы отвечал:

— Проше пана товажиша, наша дорога — першей клясы.

Вместе с Базымой и Рудневым мы уцепились за этот «первый класс» и все поняли. Это значило, что артиллерию, танки и другие военные грузы немцы гонят только по Тернопольской дороге. Из сорока пар поездов, проходивших здесь ежесуточно, ни один состав не возил ни угля, ни дров, ни досок.

— А санки немцы возят по вашей дороге? — спросил Базыма.

Железнодорожники с удивлением посмотрели на него. Начальник станции изумленно переспросил:

— Проше пана, цо то ест «санки»?

Базыма жестами стал объяснять ему, думая, что поляк не понимает русского слова «сани». Тот рассмеялся:

— Я то понимаю, проше пана товажиша: сани — то ест сани. Но для чего их герману возить? Танки, летаки и снаряды он возит по нашей дороге.

Теперь-то я понял, что за железная дорога была перед нами!

Дело шло к вечеру. До сегодняшнего дня мы не думали наносить крупных ударов по этой магистрали. Но обстоятельства менялись.

— Пощупать ее надо бы,— сказал я комиссару.

Ковпак и Руднев, озабоченные дальнейшими перспективами рейда, поручили это дело нам с Базымой. Я предложил взорвать мосты через Збруч у Волочиска, а для «крепости» — и второй мост западнее Тернополя.

Начальник штаба долго водил пальцем по карте, скрипел пером, сдвигал на лоб очки. Затем снова сажал их на нос. Он вызывал минеров. Заглядывал в ведомости, подсчитывал наличие взрывчатки и почесывал затылок.

— Пожалуй, одного моста хватит. Волочиск далеко. Диверсионная группа может от нас оторваться. А ждать нам некогда и негде.

Он молча указал мне на южную часть Подолии, совершенно свободную от зеленой краски лесов.

— Там работы хватит.

Эх, Базыма, Базыма, если бы ты знал тогда, что самую крупную по результатам диверсию, какую доводилось когда-либо совершать отрядам Ковпака, мы совершаем в эту ночь! Причем случайно, как часто бывает на войне, не придавая делу большого значения. Подорвали только один из небольших мостов, их уже сотни взорванных осталось на нашем пути, но подорвали его на железной дороге «першей клясы» и в те часы, когда Гитлер начал наступление на Курской дуге.

А могли бы взорвать два!

18

За час до захода солнца Володя Лапин вывел всех железнодорожных «языков» на дорогу. Показав рукой на проселок, извивавшийся за ржаным полем, Володя весело крикнул:

— Тикайте, паны! И не оглядайтесь! Да прибавляйте шагу! Сейчас тут бой будет!

Отпустив их, он прилег под копной. Подождав, пока они отошли на сотню метров в сторону болота, Лапин проворчал про себя:

— Медленно идут, черти... Этак, чего доброго, колонну приметят! — и запустил вверх длинную очередь из автомата.

Те поприседали, а затем вскочили и вмиг растаяли в степи.

Колонна уже строилась. Гомон голосов, треск сучьев, крики заполнили лес, пугая слетавшихся к гнездовьям птиц. Ночь наступила быстро и как-то сразу. Солнце провалилось в огромную свинцовую тучу, надвигавшуюся с запада. Оно погасло, как гаснет кусок железа, опускаемый кузнецом в воду для закалки.

Тут же, на выходе из леса, от колонны отделился четвертый батальон и взял курс на Тернополь. Это ему была поставлена задача пощупать железную дорогу «першей клясы».

Четвертый батальон, или, как раньше он у нас назывался, «Кролевецкий партизанский отряд», только незадолго перед рейдом вошел в силу. Лишь недавно стали всерьез называть его батальоном. Отрядик этот пристал к Ковпаку еще в начале сорок второго года, но долго не мог выбиться в люди. До конца Сталинского рейда в нем не насчитывалось и ста человек... Дело не ладилось с командованием отряда. Командир его Кучерявский был человек безусловно храбрый, но не умел ладить с подчиненными. В отряде его крепко не любили и бойцы и командиры: первые — за излишнюю придирчивость, вторые — за «ячество».

Но его терпели, так как в бою он вел себя безупречно: всегда был впереди. А за это партизан многое может простить. Ведь не кто иной, как Кучерявский со своим отрядом принял бой в конце Сталинского рейда под Бухчей, неравный бой в критический для всего соединения момент. Там он был тяжело ранен и эвакуирован на Большую землю.

После отъезда раненого Кучерявского на Большую землю батальоном командовал молодой лейтенант Валя Подоляко. Начальником диверсантов-подрывников Ковпак назначил еще более молодого, только перед войной окончившего военную школу Платона Воронько.

Ребята старались, из кожи лезли и действительно поставили батальон на ноги. Но к началу Карпатского рейда вылечился и снова прибыл с Большой земли Кучерявский. По праву организатора отряда и ветерана он снова занял место комбата. Приезд Кучерявского был встречен бойцами и командирами без всякого восторга. Но он вернулся в свой отряд, имея инвалидную книжку в кармане и насквозь продырявленную в десятке мест шкуру. И то и другое давало ему право не только не возвращаться в тыл к немцам, но

и вообще больше не воевать. Ну что было делать командованию?

Ковпак и Рудиев, посоветовавшись, вызвали к себе Подоляко и Воронько.

— Ну как, ребята, сработаетесь?

Лейтенант Подоляко, еще в офицерской школе приученный к военной дисциплине, и подрывник Воронько дружно ответили:

— Как будет приказано!

Итак, четвертый батальон пошел в этот рейд с Кучерявским во главе. Подоляко был назначен его заместителем, а Воронько попрежнему оставался командиром подрывников батальона.

Предстояла крупная диверсия — взрыв моста на железной дороге «першей клясы». Туда пошла вся боевая часть четвертого батальона во главе с Подоляко и Платоном Воронько.

Не успел батальон оторваться от главных сил отряда, как туча накрыла поля. В глубине ее изредка полыхала молния. Впереди черного фронта неслись серые облака. Жара сгустилась, застыла. Зашелестели колосья хлеба, залопотали что-то тревожное придорожные кусты. Пошел дождь.

Движение батальона замедлилось. По дороге уже бежали ручьи. Люди скользили, падали.

Каждая телега обросла шестью-восемью бойцами, пристроившимися к обозу. Мокрая упряжь натирала коням спины. Некованые кони скоро выбились из сил. А ливень все усиливался.

Когда колонна так растянулась, что стала разрываться на части, Валя Подоляко и Платон Воронько остановили взвод разведки. Накрывшись плащ-палаткой, по которой барабанил дождь, они фонариком осветили свои аккуратные лейтенантские планшетки. С тревогой рассчитали по карте все более и более замедлявшийся темп движения.

До цели было еще далеко. А дождь все льет и льет... Хлопцам не так страшны немцы, где-то впереди поджидающие их,— уже давно эти ребята потеряли всякий страх перед ними,— а обидно, что они опаздывают. Так недолго и до срыва задания.

Завтра ехидный Кучерявский, пощипывая бородку, доложит, нашептывая, Ковпаку: «Вот, мол, положились на молодежь... Если бы я был на их месте, было бы совсем другое дело. А так...» — и разведет руками, с сожалением указывая на ребят.

И до слез обидно, что именно в эту ночь случился проклятый, не предвиденный никем дождь.

Бойцы шлепали по грязи, изредка злобно переругиваясь. А дождь все лил... К двум часам ночи командир и начальник подрывников поняли, что если они будут двигаться вперед, то только загонят лошадей и людей. Свернув по жнивью в поле, где было много копен, Подоляко дал команду остановиться. Вмиг поле покрылось повозками. Коней разнуздали. Ездовые трудяги, не знающие ни отдыха, ни покоя, уже тащили своим коням снопы овса. Люди, наскоро протерев оружие, забрались под копны. Обогревшись и немного отдохнув, двинулись дальше. Рассвет застал четвертый батальон в пятнадцати километрах от цели.

Час-другой сна освежил людей. На только что прошедшую невзгоду все смотрели уже более весело.

Когда вдали показались телеграфные столбы железной дороги, было уже совсем светло. Только непогодой можно объяснить, что находившиеся в полукилометре от партизан немцы прозевали колонну. Хлопцы вначале думали форсировать железную дорогу в бездорожном месте. Затем, движимые каким-то озорством, решили напропалую, на галопе, без предварительной разведки и заслонов, перемахнуть через переезд под самым носом у немецкого гарнизона.

Подав команду «за мной!», Подоляко выскочил на переезд и, козырнув шагавшему невдалеке у пакгаузов часовому, крикнул какую-то тарабарщину и повлек колонну за собой.

Повозки с грохотом и тарахтеньем покатили через полотно. Бойцы облепили их, как мухи. В пятнистых немецких плащ-палатках, с оружием разных систем, они мелькали мимо станции, и часовой сонно поглядывал на мчавшуюся ватагу вооруженных солдат. Возможно, он думал, что это по приказу областного шуцкоменданта карательный отряд спешит на уничтожение появившихся в здешних местах партизан. Свернув параллельно пути, колонна прошла по шоссе, так же без всяких затруднений, еще километров пять. Ее обгоняли поезда. Один прошел навстречу. Поняв маневр командира, партизаны сдерживали друг друга, чтобы не запустить по окнам классных вагонов хорошую очередь.

Мост, который надо было взрывать, находился в селе Борки. Подробных данных о нем не имелось. Когда село было уже на виду, Подоляко придержал колонну, чтобы успели подтянуться и немного отдышаться кони. Тем временем командир подрывников Платон Воронько уже готовил взрывчатку.

Разведка доложила, что постоянного немецкого гарнизона в селе не было, но мост охранялся.

Командиры решили занимать его с ходу, боем.

Переложив ящики с толом на лучшие повозки, прикрепили

к минерам несколько автоматчиков, и батальон на галопе ворвался в село. Но неожиданно движение застопорилось. Навстречу шло стадо. Бабы с удивлением смотрели на невиданное войско. Многие, уже не испытавшие немецкие облавы, кинулись в огороды. Мычали коровы, разгоняемые ударами плетей, и батальон рысью двинулся по кривой сельской улице. Из-за поворота блеснула река, а над нею навис виадук железнодорожного моста. Сейчас оттуда ударит очередь, а может, и скорострельная зенитка.

Кинув лошадей ординарцам, командир и начальник подрывников осторожно осматривались из-за угла хаты.

— Мост как мост. С двумя быками.

— Железный, не тронутый войной.

Но почему нет никаких следов усиленной охраны, ни окопов вокруг насыпи, ни дотов — танковых башен, применявшихся на северных дорогах немцами? Башни танков, установленные над окопом по краям насыпи, были серьезной помехой для партизан. Здесь этого нет. Не было колючей проволоки, опоясывавшей подходы к мосту. Не видно было казармы для охраны.

Самый паршивенький мостишко на Ковельской дороге караулила рота, иногда батальон, а здесь, на довольно-таки важном мосту через реку Гнилячку, всего в четырнадцати километрах восточнее областного города Тернополя, не было никаких признаков сильной охраны.

— А говорили нам в штабе — дорога «першей клясы»,— недоумевал, поглядывая то на мост, то на карту, подрывник Платон Воронько.

— Странно, очень странно! — ворчал по-стариковски Подоляко, передавая бинокль своему дружку.

— Неужели фашисты со станции успели предупредить охрану?

— Может быть, скрылась где-то в стороне?

— Да. А попробуй сунься. Полосиут огнем, когда станем мост занимать, так, что дорогу назад не найдешь.

Но разведчики уже успели поговорить с здешними мужиками и двоих, наиболее словоохотливых, притащили с собой во двор. Командир слушал их, не веря своим ушам. Выяснилось, что мост охраняется всего-навсего тремя постовыми из местной полиции. А караулят они поодиночке!

Пока командиры уточняли эти данные, минеры уже рассчитывали заряд для подрыва.

Воронько, одетый в немецкую форму, вытащил из повозки фуражку с пышным орлом, распростершим крылья на весь околышек, и нахлобучил ее на свой чуб. Щегольская фуражка с задранным передком и огромным блестящим козырьком

сразу преобразила его. Он вразвалку, как бы нехотя, пошел к насыпи, осмотрел ее. Затем подал знак подрывникам. Они тоже взобрались на насыпь. Постояли. По мосту мерно шагал взад и вперед часовой. Вдали показался поезд, шедший на Тернополь. Хлопцы пропустили его. Затем пошли к часовому. Ломая язык на немецкий манер, Воронько крикнул часовому по-украински:

— Комиссиен прибываль на ваш мостишек. Проверяйт! — и пошел навстречу.

Два разведчика уже стояли по краям моста. На всякий случай они прислонились к железным балкам, держа автоматы наизготовку. До их слуха долетел лишь голос Воронько, что-то объяснявшего часовому...

Поболтав с часовым несколько минут и убедившись, что тот ничего не подозревает, Платон вернулся к насыпи. На ходу шепнул хлопцам:

— Часового не трогайте. В разговор не вступайте. К телефону не подпускайте. Если что заметите — уложить на месте!

К минерам с таким видом, словно он главный в комиссии, деловито подошел Валя Подоляко. Только обильно струившийся из-под фуражки пот выдавал его волнение...

Спустя несколько минут к мосту подкатили две телеги, накрытые брезентом. Минеры четвертого батальона, опоясавшись шнурами, стали таскать на мост ящики.

Все тревожнее и тревожнее оглядывается на работу «комиссии» часовой. Но было уже поздно. Рядом с ним стояли четыре человека. У двоих пистолеты зачем-то были вынуты из кобуры и заткнуты за пояс, автоматы взведены, и хотя разговаривали они весело, но пальцы их лежали на спусковых крючках.

Часовой уже не отвечал на вопросы. Он обмяк, приуныл и тоскливо поглядывал то на реку, то на автоматы, направленные дулами в его живот. Круглое лицо его посинело. Он часто дышал, боясь хоть одним словом выдать свое волнение.

А на мосту кипела работа. Один пролет моста был опоясан ящиками. Детонирующий шнур соединял их. Когда же последний из оставшихся на мосту — Платон Воронько зажег шнур и кивнул разведчикам, Подоляко небрежно крикнул дрожащему часовому:

— Ну вот и добре! Комиссия кончила свою работу. Теперь — тикай!

Оцепенев, полицай не двигался.

— Ну, чего хлопаешь моргалками? Тикай! — крикнул Валя Подоляко.

И лишь когда он сам сполз на каблуках по крутой насыпи в канаву, часовой кубарем скатился на другую сторону.

Полтораста килограммов тола тряхнули мост. Земля вздрогнула, насыпь поднялась и осела вниз. Эхо взрыва прошло по реке, и сквозь басовитый его окрик взвизгнули вылетавшие в хатах стекла. Мост сдвинулся с края пролета, съехал с быков в сторону, но не рухнул. В расчетах минеры промахнулись. Мост оказался с большим запасом крепости. Только часть перебитых железных балок свисала вниз. Верхние крепления все еще держали ферму. Она прогнулась и широкой раскоряченной ижицей повисла над водой. Пришлось взрывать вторично.

Лишь после этого пролет рухнул в воду.

Закончив свое дело, четвертый батальон беспрепятственно продолжал путь на юго-восток. В двадцати километрах от села Великие Борки он должен был соединиться с отрядом.

19

Ночной дождь и грязь причинили немало хлопот не только четвертому батальону.

Головная колонна отряда тоже опоздала к железной дороге. И хотя особых происшествий при переходе не было, но все же мы не успели дойти за ночь к намеченному пункту. Рассвет заставил нас раскинуть лагерь в ближайшем лесу. Люди вымокли до нитки. Страшно хотелось спать. Прикидывая место для стоянки, ни начальник штаба, ни его помощники Войцехович и Горкунов, ни я не обратили внимания на то, что лес подходит почти вплотную к кружку на карте — к кружку, который должен обозначать город или местечко.

Короче говоря, мы расположились в трех километрах от бывшего уездного города Скалат. Наскоро наметили круговую оборону и стали сушиться у костров. Люди тут же засыпали. Дремали измученные кони. Не спали лишь одни ездовые. Они скосили всю траву вокруг стоянки и рыскали в поисках сухого корма для лошадей. Ротные кашевары стряпали незатейливую партизанскую снедь.

Я проснулся около полудня. Земля, нагретая солнцем, парила. Тело ломило. Вдали, где-то за лесом, тихо ворковал пулемет, ему вторила разболтанная пишущая машинка Войцеховича.

Базыма участливо спросил меня:

— Ну как, легче? А мы думали, захворал всерьез. Ты, брат, бредил все утро. Такие речи закатывал...

Только сейчас я сообразил, что болен. На вопрос об обстановке начштаба отвечал озабоченно, водя пальцем по карте;

— Это четвертый батальон приближается. Для связи с ним выслал отделение конников.

— Перехватить его на пути? — сонно спросил я начштаба.

— Ну да, надо сообщить изменение стоянки.

— Вернулись конники?

— Вернулись. Подоляко доносит: батальон выполнил задачу на ять. Взорвал мост и сейчас отходит.

Несколько длинных очередей дробно застучали на западе.

— Немцы преследуют Валентина. Прибыли к мосту на автомашинах. Похоже, что у противника есть и броневички.

Мы, ориентируясь по карте, видели: четвертый отходил лощиной, без дорог, прямо к лесу. Пулеметные очереди звучали все громче. Несколько раз солидно ударила бронебойка, и потом все затихло.

Солнце уже стояло в зените, но на кустах еще дрожали капли дождя. Лесная дорога была разбита колесами и копытами. Грязь загустела, но не подсохла.

Руднев, как всегда после отдыха, полулежал на телеге и писал карандашом в тетради. Так прошел еще один час. Жарко. Нету хорошей воды. Ее таскают из вырытых в болотах колодцев либо из луж. Напился из «копыта». Вода теплая, невкусная. Меня снова начало трясти, и я забылся. Проснулся от толчка. Базыма тычет меня в бок. Вблизи от штаба хлопали винтовочные выстрелы. Но стреляли совсем с другой стороны, чем в полдень. Пули взвизгивали вверху. Некоторые щелкали звонко, разрываясь. Это первый признак — стреляют немцы. Руднев, спрыгнув с повозки, подбежал к Базыме:

— Какая рота держит заслон?

— Третья, Карпенки,— ответил Базыма.

— Черти. Опять проспали! — выругался Руднев.— У них же никогда толковых караулов нет.

Базыма, озабоченный, отошел от меня.

— Я ж говорил. . .

По лесу длинными очередями бил немецкий станкач.

По дороге промчалась сорвавшаяся с привязи лошадь. Кровавая полоска капельками яркокрасной росы блеснула по ее следу.

Пулемет все строчил по лесу. Пули чиркали и хлопали по деревьям. А с нашей стороны — ни одного выстрела.

Руднев побежал к своей телеге, схватил автомат и устремился в лес. За ним вслед побежал и Радик.

— Дежурный! Бери с собой трех человек из комендантского взвода. Бегом за комиссаром!

Я поднялся и, разминая затекшую ногу, побрел за Семеном Васильевичем.

— Ручной пулемет захвати! — донесся возглас Базымы.

Винтовочные выстрелы — частой дробью, а с нашей стороны — ни одного. Вражеский пулемет кончил ленту и замолк. Немцы уже подходили к самому лесу. По выстрелам можно было определить: шли они широкой цепью, захватывая не менее двух километров.

Мелькавшие между деревьев зеленые фигуры немцев двоились у меня в глазах. То они достигали опушки, то, наклонившись вперед, с винтовками наперевес, брели по жнивью. Вот уже, кажется, прошли мимо меня, прочесав кусты. Теперь позади в лесу, у штаба, щелкали их пистолетные выстрелы.

— Атака, Радя, атака,— услышал я голос комиссара рядом с собой.

Звонкий щелк отведенного затвора и голос комиссара заставили меня встряхнуться. Немецкая цепь только подходила к опушке. Затуманившееся сознание от быстрого бега и жара, минутный бред заставили остановиться. Я прислонился к дереву. Если б каплю холодной воды!

Еще миг, и цепь немцев бегом бросится к лесу. Уже отдельные солдаты добежали к опушке. А может быть, это мне почудилось? Но нет, рев автоматов полоснул по ели из канавы, окаймляющей панскую рощу.

Радик закричал отцу:

— Карпенко подпустил. Ну и молодчина! Папа, смотри, смотри — на выбор бьет! Ура!

— За мной! — раздался голос Карпенко невдалеке от нас.

Искусно замаскировавшиеся автоматчики третьей роты поднялись в контратаку. Они в несколько минут смяли врага.

Руднев, Радик и я выскочили на опушку.

Равнина полого уходила вниз. Автоматчики перебегали от копны к копне. Пересекая полоски еще не сжатых хлебов, они стремительно гнали оставшихся в живых фашистов вниз. Бежать им легко. Но постепенно огонь наших автоматов слабеет.

— Карпенко увлекается! У автоматчиков патроны на исходе,— взволнованно сказал Руднев.

Вырвав из блокнота листок, он на спине Радика написал записку начальнику штаба:

«Конное отделение ко мне. Повозку с автоматными патронами. Быстро! Руднев».

Карпенко азартно преследовал фашистов. Высоко держа автоматы, оберегая их от грязи и сохранившейся в хлебах росы, его орлы нажимали на врага.

Как только подошли подводы, я вскочил в одну из них на ходу. Колотилось сердце, но азарт боя влечет вперед. Комья грязи от конских копыт перелетали через повозку. Выстрелы

все ближе. Пули взвизгивали высоко в небе. Мы поскакали лощиной. Но вот она изогнулась коленом. Впереди, как в сказке, выросли каменные здания, утопающие в садах.

— Третья рота уже в городе! — позавидовал ездовой.— Эге. Это по нас! — закричал он весело и потянул кнутом по лошадиному крупу. Кони взяли в галоп.

Пулеметная очередь гулким эхом отдавалась в лощине. Мы влетели в сады во-время. Немцы стали оказывать сопротивление.

Плохо пришлось бы роте Карпенко — как раз сейчас кончались запасные диски. Но уже заговорил пулемет комендантского взвода, сопровождавший Руднева. Десять наших автоматов поддержали третью роту. Хлопцы тем временем разбивали прикладами ящики, загребали патроны россыпью в шапки, карманы, за пазуху.

Комиссар послал Мишу Семенистого в штаб с приказом Базыме выслать еще две роты на телегах.

Я прилег на командном пункте Руднева и больше ничего не помню. Очнулся лишь тогда, когда на площади толпились партизаны.

Через дорогу, нагибаясь, выскочил помощник Карпенко Гриша Дорофеев, ленинградец, физкультурник, циркач, лихой автоматчик, по прозвищу «артист». Он выбежал из погреба и, обнимая Карпенко, что-то весело говорил ему. Из раскрытой пасти погреба выбегали один за другим хлопцы с оттопыренными карманами. Веселые, они бросались вперед в бой. Руднев заметил, что каждый несет с собой несколько бутылок вина.

А около погреба уже хозяйничал Павловский.

— Обоз, обоз давай! Сюда! — хрипел от ярости помпохоз.

Встретившись лицом к лицу с комиссаром, он остановился и по взбешенному взгляду Руднева все понял без слов. И сразу, без перехода с высоких нот, стал говорить спокойно, вполголоса, оправдываясь:

— Понятно. Все понятно, товарищ комиссар! Но уж больно его много. В корзинах, бутылками. И-и-эх... От самого... ну як его... пола до того самого, ну, до потолка,— рядками стоят. Невозможно удержаться. Но я с-с-ча-с это дело покончу одним махом. Можете на меня положиться,— и Павловский скрылся в щели погреба.

Через минуту мы услышали из-под земли хриплый голос помпохоза, подкрепленный руганью:

— Выходи! Все выходи! Сейчас подрывать буду!

Из погреба выскочили карпенковцы и, смущенно поглядывая на комиссара, отходили в сторону. Еще полминуты — и

под землей глухо затарахтели длинные очереди автомата. Руднев усмехнулся:

— Расстреливает бутылки!

Указав место подошедшим командирам восьмой и четвертой рот, комиссар в сопровождении связных пошел через площадь. Хлебнув немного вермута, я почувствовал себя лучше.

Бой затихал. Только на западной окраине изредка тявкал пулемет. Пулеметчик берег патроны.

Руднев, сопровождаемый связными, подошел к старинному парку. Чугунная решетка, бронзовые барельефы львиных голов с кольцами в носу на километр тянулись вдоль шоссе.

В раскрытые ворота ползком пробирались автоматчики. Аллея простреливалась пулеметом. Перебегая от дерева к дереву, хлопцы кольцом охватывали большой белый дом с колоннами. Это под его лестницей кашлял вражеский пулемет.

Сквозь редкую поросль парка видно было, как на ослепительно белой стене дворца появились желтые точки. Это автоматчики Карпенко расписались на княжеских стенах — только известковая пыль летела по ветру. Пули взвизгивали на рикошете, им вторил звон разбитого стекла.

Вот между деревьями мелькнула шляпа Гриши Дорофеева. Перебежал к круглой клумбе. Упал. Приподнялся. Раз за разом взмахнул рукой, кидая гранаты. Одна разорвалась у самой лестницы, скрежетнула осколками по пулемету. Вторая влетела на веранду и рявкнула где-то там, в середине. Фашистские пулеметчики кончены. Звон разбитого стекла затихает в глубине коридора. Только в неожиданно наступившей тишине из дворца донесся истошный детский плач.

— Не стрелять больше! Не стрелять! — крикнул Руднев.

Пройдя через ворота, он пошел по аллее. На веранду уже бежит Гриша Дорофеев. Как всегда, он в фетровой шляпе, модном пиджачке, еле-еле застегивающемся на его мощной груди физкультурника.

Руднев быстро взбежал по ступенькам на веранду. Хрустит битое стекло под ногами.

За верандой длинный коридор. Белые стены, голубизна дверей, высокие потолки и длинная красная дорожка по всему коридору. Двери направо распахнуты. В палатках белеют пустые кровати. Партизаны, вбежавшие с Дорофеевым, заглядывают под них с пистолетами в руках.

Но в палатах пусто.

Где-то в дальней комнате громко, захлебываясь, плакал ребенок и женский голос причитал:

— Хильда... Хильда...

Руднев шагнул по коридору. Его опередил Карпенко. Прикрывая собой комиссара, отталкивая его плечом, он побежал

к двери. Распахнул обе половины и, держа гранату в руках, вскочил в палату и остановился, оглушенный визгом и криком.

Заглядывая через головы комиссара и Карпенко, мы увидели: вдоль стен стояли и лежали женщины. Посреди палаты на полу сидела бледная рыжеволосая немка. Она держала на руках надрывно орущего ребенка. Гришка-циркач свистнул удивленно.

— Последний номер программы. Родилка...

Руднев вышел вперед.

Карпенко опустил руку с гранатой, сунул ее в карман. Он только что с боем прошел три километра по грязи и мокрой ржи, пробирался под забором, сквозь колючую проволоку. Одежда висела клочьями. Немки стояли, прижавшись к стенам. Одна, с огромным животом, вдруг вскочила на кровати и, забившись в угол, громко, истерически кричала что-то по-немецки. Другая, очевидно из фольксдейчей, закричала по-русски:

— Штреляйт! Штреляйт скорее!

Руднев глядел спокойно, уверенный в своих людях.

Я слышал сквозь шум крови в ушах его слова:

— Не надо кричать. Не надо. Мы уходим. Слышите, мы уходим...

Карпенко стоял, прислонившись к дверному косяку, со взведенным автоматом. Плечи его мелко дрожали.

Я вспомнил. В третьей роте была медсестра Наталка. Перед рейдом Наталку отправили на Большую землю. Она должна была родить Федору сына. Вспомнилось, как, проводив жену на аэродром, Карпенко, смахнув непрошеную слезу, говорил мне:

— Вы думаете, почему я такой? Ведь я без батьки рос. Вот жду сына и боюсь. Был у меня отчим. Так уж лучше не знать такой жизни. Боюсь, как бы и моему сыну без отца не расти.

— Мы уходим, слышите? — продолжал Руднев.— Если есть у вас хоть капля, одна капля совести... Когда у вас родятся дети, когда они вырастут и смогут понять эти слова: совесть и великодушие,— скажите им, что своей жизнью они обязаны русским партизанам. Слышите? Скажите им это.

Карпенко, выйдя на веранду, остановился на лестнице и снял шапку. Руднев, подойдя сзади, шутя провел рукой по его непокорной шевелюре.

— Пошли, Федя!

Я вышел на улицу последним.

У ворот с чугунными львами уже строилась третья рота.

— Становись! — скомандовал Карпенко. — За мной!

Как всегда, он зашагал впереди роты, положив руки на черную сталь автомата.

По городу сновали обозники, возглавляемые Павловским. Они везли со склада сахар, консервы и всякую другую снедь. Уже высыпали на улицу мальчишки. Дымился и чадил винный погреб. Третья рота вышла из города. Кончились тротуары и мостовая. Карпенко поручил Грише Дорофееву вести роту. Сам приотстал, пошел рядом с комиссаром. Они долго шли молча. Как бы продолжая начатый разговор, комиссар задумчиво сказал:

— Не для них же, не для них мы делаем это!

Федор благодарно взглянул на Руднева.

— Понимаю, Семен Васильевич! Для себя!

Комиссар продолжал:

— Каждому солдату приходится убивать. Но советский солдат — не убийца.

От роты по одному отставали бойцы — кто скрутить цыгарку, кто подтянуть голенище, перемотать портянку. Они пристраивались позади, чутко прислушиваясь к тому, о чем говорил их командир с комиссаром.

И я вспомнил наш разговор с комиссаром в начале рейда насчет солдатского азарта.

Как хорошо, что среди нас есть люди, способные ему не поддаваться и владеть рассудком и волей даже в напряженные минуты боя!

20

Среди убитых ротой Карпенко фашистов был труп коменданта шуцполиции города Тернополя. Его документы, а также солдатские книжки других фашистов, дополненные показаниями пленных, разъяснили нам картину происшедшего. Узнав о подрыве железнодорожного моста партизанами, комендант Тернополя по тревоге наспех поднял гарнизон.

Погоня, пожалуй, и перехватила бы наш батальон на марше, но грязь, до этого препятствовавшая нам, теперь была нам полезна. Машины буксовали, и автоколонна немцев не успела перерезать путь четвертому батальону. Но все же комендант Тернополя догнал батальон Подоляко почти у Скалата. Перестрелку между ними мы и слыхали около полудня.

Заметив, что партизаны скрылись в роще и что их не особенно много, ретивый комендант решил обойти лесок и внезапно ударить с другой стороны. Он вернулся в Скалат, поднял весь гарнизон и двинулся на лес как раз с той стороны, где заставу держал Карпенко. Дальнейшие события развивались совсем не так, как ожидали фашисты. Да и не по нашему плану.

Не напорись тернопольский комендант на третью роту, мы и не думали бы трогать городишко. Увлекшийся контратакой Карпенко захватил Скалат. Третья рота вернулась лишь перед заходом солнца.

Павловский умолял командира и комиссара задержаться хотя бы на час. Он захватил несколько грузовиков, на которых приехали немцы из Тернополя, нагрузил их сахаром, мукой, мануфактурой и гнал это добро в лес. Хозяйственное сердце старика трепетало при мысли, что все это ускользнет из его рук. Но продовольственные и вещевые склады Скалата были велики, и даже при мертвой хватке Павловского использовать их для отряда полностью мы не смогли бы. Пришлось помпохозу раздать большую часть добычи населению. Вначале брали неохотно, опасаясь, повидимому, расправы немцев. Но лишь сгустились сумерки, все, что было в немецких складах, вмиг растащили по домам городка.

— Народ, як море, все снесет,— мрачно и завистливо заметил Павловский по этому поводу.

— А тоби що, жалко? — спросил Ковпак.

— А то как же? — удивился тот.— Когда еще так повезет? Конечно, жалко. Остались бы до ранку, я бы все чисто вывез... и сахар... и...

— Иди ты к чорту со своим сахаром! Базыма, давай команду! Трогаем... Не лезь ко мне зараз со своей горилкой... Я шо сказал — не лезь! ..

И голубая литровка хряснула о пень, отозвавшись по лесу жалобным звоном и тихим смешком связных. Хлопцы любили втихомолку посмеяться над интендантскими «трагедиями» Павловского.

Но Скалат остался в нашей памяти благодаря еще одной случайности.

Каким-то чудом к лету сорок третьего года там уцелело еврейское гетто. Вернее говоря, остатки его. За колючей проволокой жили евреи-ремесленники: портные, сапожники, шорники. Немцы отсрочили им смерть. Они держали этих людей на голодном пайке, они заставляли их с утра до ночи работать на себя. Свыше трехсот человек, в том числе женщин, детей, стариков, выпустили из гетто на свободу хлопцы Карпенко.

Следом за третьей ротой приплелась к нам в лес большая толпа оборванных, изможденных людей.

Появление их в лагере поставило нас втупик. Мы прекрасно понимали, что если они останутся в городе, то на следующий же день фашисты перебьют их всех. Но брать этих несчастных с собой тоже не было возможности. Мы ведь были военной единицей, совершающей сложный рейд. Сможет ли

выдержать трудности похода толпа слабосильных стариков, истощенных женщин? Марш — это ведь еще самое малое испытание. Но другого выхода не было.

Ковпак приказал Павловскому выделить из обоза несколько телег для слабосильных, а здоровым маршировать за колонной.

— Що робыть з ними дальше, подумаем за ночь.

Эту новую заботу командир и комиссар оставили до следующей стоянки.

Колонна тронулась. За ней следом брели скалатские евреи. Мы спешили. Надо было к утру зацепиться за лес. Он узкой зеленой полоской тянулся с севера на юг вдоль берегов Збруча.

Перед рассветом я задержался с разведкой. Мы догоняли колонну на трофейном «оппеле». Он часто буксовал. Пришлось изменить маршрут и выскочить на шоссе, чтобы по нему вырваться вперед и наверстать потерянное время. «Оппель» поддал газу. Колеса машины скользили по новому, построенному уже при советской власти шоссе. Ритмичная, без толчков, езда навевала сон. Небо все больше светлело. С запада ползли по нему длинные бороды туч; по обочинам дороги, надвинув лохматые шапки до бровей, дремали копны жита, тяжелая от дождя пшеница, словно задумавшись, стояла по сторонам. Толпами подбегали к дороге сады и, поклонившись нам своими темнозелеными головами, стремглав шарахались прочь.

— Светло. Надо сматываться подальше от шоссейки! — наклонившись из кузова ко мне в кабину, крикнул комвзвода Черемушкин.

— Ладно. Не прозевай поворот,— сказал я шоферу, ориентируясь по карте.

Мы во-время выехали на проселочную дорогу. Еще не скрылись телеграфные столбы за буграми, как по шоссейке засновали машины. Через полчаса мы выехали на маршрут колонны, подходившей к Збручу.

Скоро Збруч! Грозная река Збруч!

О Збруче я слыхал еще в детстве. В четырнадцатом-пятнадцатом году название этой реки звучало как выстрел. Там, на Збруче, в те годы шла война; оттуда к нам в село возвращались безрукие, одноглазые люди; на Збруч от нас гоняли подводы; бывалые солдаты рассказывали мальчикам, что вода в нем часто текла пополам с русской кровью. Вопреки книжным сведениям, сообщавшим, что это только небольшой пограничный приток Днестра, некогда отделявший Россию от Австро-Венгрии, я до сих пор представлял себе Збруч огромной, широкой, многоводной рекой.

Утро было пасмурное. В колонне шли и ехали люди, накрывшись с головой плащ-палатками. У кого их не было, те напяливали на головы мешки из-под муки и сахара. Мы так бы и проскочили мимо, приняв эту узенькую извилистую речушку, в которой и лодке негде развернуться, за небольшой ручеек. Но по Збручу, волей немцев, проходила «граница дистрикта». На пограничной заставе вспыхнула мимолетная перестрелка. Разведчики убили трех пограничников. Остальные разбежались. Обыскав помещение заставы, я нашел немецкую карту и, ориентируясь по ней, понял, что небольшая речушка в пять метров шириной, которую мы уже переехали по гнилому мостику, и есть знаменитый Збруч. Разогнав машину в овраг и полюбовавшись, как она летела по камням, мы снова переключились на пеше-колонный строй.

К полудню выглянуло солнце. Пока роты располагались в зарослях кустарника, мы с Мишей Тартаковским пошли на луг. Хотелось поближе взглянуть на Збруч. Я улыбался, глядя в мирно журчавшую по каменистому дну воду.

Казавшийся раньше во много раз больше многоводного Днестра — вот он у моих ног. И вдруг этот грозный, с кровавыми отсветами войны Збруч — всего только мутный извилистый ручей. Смешно и грустно.

Мы с Тартаковским забрались на стог сена. Не замечая моего лирического настроения, Миша вытащил из полевой сумки последние захваченные документы и рылся в них. Тут были и окровавленные «зольдатенбухи», и обязательные семейные фотографии вперемешку с порнографическими открытками, и записные книжки, и дневники. Изредка Миша пересказывал мне смысл какого-нибудь документа. Я слушал его молча, лежа на спине.

А тучи уже застилали полнеба. Погромыхивал гром. Там, откуда мы пришли, бушевала гроза.

Не прошло и получаса, как хлынул дождь. Мы зарылись с головой поглубже в стог. Заснули на полчаса. Сквозь шорох разгребаемого сена доносился шум. Казалось, это колонна ковпаковцев, громыхая колесами и копытами коней, мчится по шоссейке. Сняв с головы последний клок сухой травы, я замер от удивления. До самой зеленой подошвы леса с ревом мчался сплошной поток воды. Там, где еще недавно было узкое русло Збруча, вода ворочала огромные камни. Ближе к нам плыли вырванные с корнем кусты; лениво, как бы нехотя, переваливались с боку на бок стога сена. Все неслось туда, на юг, вслед побледневшей, но все еще блещущей молниями туче. Нашу копну тоже подмывало волной. Мы прыгнули в воду по пояс и выкарабкались на глинистый берег. Миша пыхтел.

— Вот чертовщнна! Так и потопить могло бы. Что за история?

И тут вспомнилась мне родина, юношеские годы и быстрая река Днестр, разливающаяся дважды в год. «Как Нил!»— с гордостью говорили мне в детстве.

Именно июльское половодье там часто бывает гораздо длительнее, чем весеннее. В родной Каменке в июле Днестр выходит из берегов. Он рвет преграды, заливает сады и катит мутные воды по улицам и огородам.

— Ну что это такое? Безобразие! — выкручивая штаны, ворчал Тартаковский.

— Это горная река, Миша! — выливая воду из сапог, успокаивал я его.— Еще немного побушует, а к вечеру снова войдет в свои берега.

21

На второй день наш отдых был прерван налетом авиации. Мы уже немало дней шли, забыв об этом самом опасном для рейдового отряда враге. Поэтому и противовоздушная оборона стала хромать... Люди разболтались, перестали маскироваться во время стоянок. Естественно, что фашистским летчикам легко удалось обнаружить нас.

Звено двухмоторных истребителей «мессершмитт-110», бросив бомбы, перешло на штурмовку. Затрещали по лесу мелкокалиберные снаряды, зафыркали скорострельные пулеметы, поливая кустарник и поляны огнем.

Сразу же после налета в санчасть начали прибывать раненые. Их было немного. Большинство из группы еврейского гетто, освобожденной нами в Скалате. Одетые в светлое, женщины демаскировали всю группу. После первой упавшей бомбы они стали метаться по лесу, чем и привлекли внимание самолетов.

— От мороки мени с бабами! Ну що це за война? — неодобрительно качал головой Ковпак, проходя мимо санчасти.

Медсестры наскоро перевязывали стонавших женщин и детей.

Ковпак пришел в расположение беженцев. Они еще до сих пор не пришли в себя после бомбежки. Дед шел неровной походкой, опираясь на большую суковатую палку. В длинной своей шубе он был похож на попа.

Через несколько минут я услыхал команду его: «Становись!» Движимый любопытством, я подошел поближе.

Серия бомб, положенных немецкими летчиками, вырвала «под шнурочек» кусты, образовав длинную полянку. На ней в две шеренги было построено это довольно странное воинство. На правом фланге стояли древние старики в длинных

лапсердаках; позади, во второй шеренге,— женщины, некоторые держали за руки детишек. На левом фланге собрались девчата. Вдоль фронта взад и вперед ходил старый командир, за голову которого фашисты обещали пятьдесят тысяч золотом, и, обращаясь то к одному, то к другому, спокойно и вразумительно говорил. Иногда он тыкал палкой в землю или показывал вверх, в небо. Люди внимательно и удивленно слушали его.

— ...Вы слухайте, что я вам кажу. Это же не сопляк какой с вами разговаривает. Вот гляньте...

Он снял шапку, и пробившееся сквозь ветви солнце осветило лысину.

— Я поседел и полысел на войне. Кое-чего видел. И смерти в жизни своей насмотрелся — во, по самое горло. Так что можете положиться. Самый главный закон на войне — никогда не сигай от нее. Смело иди навстречу. Она тоже пугливая, смелых не берет. А самолет, это же дело не мудреное. Чего тут от него бегать? Ляжь — и лежи. Еще платочки всякие квитчастые, и юбочки, и тому подобное прикрыть надо. Как прикрыть? А очень просто. Веточку отломай и накройся.

Ковпак оторвал висевшую на одной кожуре перерубленную осколком ветку орешника и, подойдя к крайней девушке, взял ее за руку, отвел в сторону и поставил перед шеренгой.

— А вот теперь глядите.— Он дал ей в руки ветку.

Девушка взяла кривую, еще свежую ветвь и закрылась ею. По шеренге, недавно в паническом ужасе метавшейся по лесу, прошел шопот удивления и восторга. В рядах молодежи послышался смешок. Древние правофланговые евреи утвердительно и серьезно, как при чтении торы, закивали бородатыми головами. Ковпак махнул рукой девушке.

— На левый фланг! — И она с веткой в руках побежала на свое место.

Победно оглядывая новых подчиненных, командир кинул свое любимое словцо: «Поняв? Ну, то-то». Затем снова пошел вдоль шеренги. Посмотрел на нее неодобрительно, подумал, опять пошел к правому флангу.

— Теперь вот какой у меня будет сурьезный разговор. Мы люди военные. Идем на важные дела. Хоть жалко мне вас, а всех принять в отряд не могу. Каждый сам по себе пусть взвесит свои силы, примерится к этой военной жизни: по плечу она ему или нет. Решайте сами. Вот вам так прямо, по-честному, и ставлю вопрос. Кто хочет и может носить оружие — оставайся. Кто фашистов ненавидит — оставайся! Кто смерти не боится и жизнь свою за отечество положить готов — оставайся! А кому не по силам или не по нутру это дело — не ходи с нами: так прямо и говорю — не ходи! Сейчас мы поможем

всем оставшимся — разошлем по селам, у народа вас приютим. Харчей оставим. Но если в отряд поступишь, присягу примешь и тогда не выдержишь — на нас чтобы не был в обиде. У нас суд один для всех, кто бы ты ни был — русский или украинец, татарин чи еврей. Вот такой уговор! До вечера думайте. Посоветуйтесь со стариками. Перед вечером я к вам командиров пришлю. А теперь — р-ра-зойдись!

И, повернувшись по-военному, Ковпак быстро зашагал к штабу. Шеренга рассыпалась.

А в штабе обсуждались другие дела. Несмотря на бомбежку, мы все же решили не уходить сегодня из этого леса, а лишь передвинуться километра на два-три в сторону.

— Сменить место стоянки,— приказал комиссар Базыме.

— Правильно! — поддержал его Ковпак.— Большой марш не вытянем. Мешает грязь. Люди заморились. Запутаем след — и хватит.

22

Мы стояли на Збруче еще два дня. Накрапывал мелкий дождик. Рваные низкие тучи ветром относило на восток.

В полуденные часы облака поднимались выше. На миг выглядывало солнце. И, сразу вырвавшись из небесных окон, сваливались на нас фашистские самолеты. Они рыскали вдоль Збруча, шарили по опушке леса, снижались в узкую долину и с воем уходили ввысь. Издалека доносились глухие разрывы бомб и отдельные очереди пулеметов.

— Значит, немцы знают о нашем пребывании в лесу, но не могут нащупать точное место лагеря,— слышал я разговоры в ротах.

— Не так-то легко обнаружить. Все-таки лес — наш дружок, а не германа.

Народ повеселел.

После первой бомбежки бойцы без команды находили себе хорошую маскировку. Отряд вмуровался в лесную зелень, и хотя летчики наверняка знали, что где-то здесь скрываются ненавистные партизаны, но «близок локоть, да не укусишь». Фашисты попусту тратили бензин и бомбы.

На третий день тучи исчезли. К полудню листва деревьев и кустов высохла и ярко зеленела, омытая дождями. Лишь в тени желтела липкая глинистая грязь, размешанная колесами.

После полудня разведчики, рыскавшие все эти дни вокруг, пришли к штабу с добычей: на дороге, идущей с запада, они подбили две грузовые автомашины и одного оставшегося в живых фашиста привели в штаб. Допросом было установлено: немец принадлежал к тринадцатому эсэсовскому охранному полку; машины шли за боеприпасами в Тернополь из

какого-то села. Название села немец не хотел или не мог сказать. В селе этом находился батальон тринадцатого полка. Прибыл он туда вчера вечером. Больше ничего от пленного добиться не удалось.

Но и этого было довольно. Это значило, что мы долго загостились в долине Збруча. Еще два дня назад был решен дальнейший маршрут в пользу западного варианта. Разработку маршрута на первую ночь командир и комиссар поручили Васе Войцеховичу.

На берегу Збруча в штабной палатке Вася быстро орудовал курвиметром. Поглядывая на циферблат, он заносил в приказ названия сел и хуторов, отмечал перекрестки дорог, где ставить маяки, переезды, где нужны заслоны, и рассчитывал время.

Через час командование подпишет приказ.

Еще полчаса — и его прочитают все, кому положено. Сверенный с картой комбатов и начальников частей колонны (ГПЗ, «маяки», авангард, заслоны, арьергард), приказ станет реальной силой. Как пружина вертит шестеренки часов, так и эта бумажка двинет вперед полторы с лишним тысячи вооруженного народа, повозки, груженные снарядами, патронами, толом. Наступит вечер, и снова затарахтят тачанки, зафыркают кони и потянется по равнине длинная, извивающаяся пока на карте, вот по этим лощинам и буеракам, змейка отважных партизан...

Голова колонны вытягивалась на опушку леса, когда вдруг из-за копен ударил по ней скорострельный пулемет. Расстреляв несколько сот патронов, он замолк. В сумерках мы увидели бронемашину. Она мелькнула серой тенью по стерне между копен и скрылась. Как будто ее слизнула своим черным шершавым языком южная ночь.

Потерь от обстрела не было.

Колонна вытянулась из леса. Опять степь. Километрах в четырех — квадратик, обозначенный на карте буквой «ф». Это «фольварк» — небольшое панское имение. Здесь нас ожидали разведчики. Их сведения были мало утешительны. Находящееся впереди село Рожковцы час назад было занято немцами. Точного количества грузов и машин разведчики сообщить не могли. Они обнаружили врага, когда наступила ночь. Противник двигался без фар. Но не менее сотни моторов прошло за полчаса мимо лежавших в хлебах разведчиков. Задержавшись немного в селе, часть машин двинулась на север и на юг.

— Дело походит на окружение,— смущенно бормотал Базыма.— А ну, Михаил Кузьмич, сбегай за командиром и комиссаром.

Противник занял центральное село и разбросал вправо и влево сильные заслоны. Имея в своих руках шоссейную дорогу, проходившую через Рожковцы, и выигрыш в быстроходном автомобильном транспорте, он в этот момент уже охватывал нас своими крыльями. Долго думать не приходилось — был один только наиболее легкий вариант. Колонна обойдет Рожковцы с севера. Тут мы можем встретить лишь отдельные машины на шоссе. Перерезать шоссейку, уйти дальше в степь — дело привычное. Но надо обеспечить себя от удара основных сил противника, расположенных в этом селе.

Кроме сильного левого заслона, защищающего проходящую колонну от нападения врага, решили на Рожковцы ударить в лоб одним батальоном. Задача его — разгромить неожиданным налетом противника. Если же это не удастся, то отвлечь врага боем от основных сил отряда с его громоздким обозом, боеприпасами. Выполнив эту задачу, батальон либо пробьется через село, либо, обогнув его, двинется вслед за нами.

Выбор пал на четвертый батальон. Фольварк мигом превратился в штаб. Тут явились Кучерявский, Валя Подоляко и Платон Воронько. Задачу им ставил сам Ковпак. Она ясна и понятна, как часто ясна и понятна бывает молниеносно движущаяся прямо на тебя смерть. Против нас действует тринадцатый эсэсовский охранный полк. В Рожковцах по меньшей мере находится один, а может быть, и два его батальона. На них мы бросаем наш небольшой четвертый батальончик, насчитывающий не более двухсот человек. Расчет — на внезапность и смелость партизан. Может быть, поэтому Ковпак сказал Кучерявскому:

— Батальон поведешь сам.

— Есть! — не дрогнув ни одним мускулом лица, ответил тот.

Взглянув озабоченно на Платона Воронько, комиссар переспросил:

— А вам задача ясна?

— Так точно, товарищ комиссар.

Комиссар перевел взгляд на Валю Подоляко, сидевшего в углу. Всегда смелый, веселый перед боем, Подоляко сидел сгорбившись и молча вглядывался в маленькую черную надпись «Рожковцы», видневшуюся на карте. Комиссар подошел к Вале и участливо коснулся плеча.

— Что, Валя, нездоров?

— Нет, ничего, товарищ комиссар! — поднял Валентин свои большие глаза на комиссара.

— Может быть, не пойдешь сегодня в бой? Тут надо обоз прикрывать. Сегодня сам командир поведет батальон. А ты останься.

Подоляко вскочил, вытянул руки по швам, умоляюще взглянул на комиссара.

— Нет, что вы, товарищ комиссар?! Я пойду. Не обижайте меня.

— Ну, как хочешь,— и Рудиев повернулся к дежурному и связным: — Готовиться к движению.

Войцехович поднял лампу. Базыма уже складывал карту гармошкой так, чтобы на лицевой стороне планшета был маленький черный значок с надписью «Рожковцы».

От еще не просохшей земли в небо тянулись легкие туманы. Тишина. Только в колонне слышно было звяканье оружия и тихие, сквозь зубы кинутые слова команды. Вот влево отделилась черная масса. Мерно отбивал шаг четвертый батальон. Шаги быстро таяли в ночной тишине. Лишь в стерне, где-то возле самого уха, стрекотали цикады, и что-то шуршало и возилось в траве.

Но вот по всей колонне пробежала судорога. Движение приведет нас сейчас в долину, а в долине узкая полоска дороги, занятой немцами. Там, на шоссе, распустил свои широкие черные крылья хищный фашистский коршун.

Колонна шагала вправо, огибая село. Считанные минуты — и она рубанет по этим крыльям так, что перышки посыплются. А левее наш четвертый батальон во главе с Кучерявским, Подоляко и Вороньком, тихо подкравшись, всадит фашистской птичке в горло свой острый партизанский нож.

Колонна набирала ход. Уже не было звезд на небе и кузнечиков в стерне: был лишь враг и война.

Сейчас грянет бой. Во всем тысячном теле колонны чувствовалась и удаль, и отвага, и тревога, и ожидание: когда же и где грянет он, первый выстрел?

Колонна набирала ход.

Резким треском залпа и пулеметных очередей слева была разрублена тишина. Это четвертый батальон напрямик, раньше нас подошел к селу, всадил нож между лопаток тринадцатому эсэсовскому охранному полку. А может быть... и сам напоролся на нож.

Огибая село, мы прошли расстояние на километр-полтора больше. Это в нашу пользу. Даже если и были на шоссе немецкие заставы, то, чувствуя огонь у себя на фланге, они все-таки не так уверенно встретят нас. Колонна рысью пошла вперед на переезд.

На шоссе уже хозяйничали разведчики. На переезде немецкой охраны не оказалось. Но раньше чем наш авангард перескочил через шоссе, из Рожковцев, поблескивая огненными глазами машинных фар, выползла другая колонна. Немцы! Они выходят на север, огрызаясь от четвертого батальона

огнем. Похоже было, что Кучерявский, Подоляко и Платон неплохо начали. Наш заслон еще не успел развернуться. Он встретил передние немецкие машины всего в нескольких десятках метров от колонны хотя и сильным, но не особенно организованным огнем. Сразу погасли фары машин, но через несколько секунд со стороны немцев раздались отдельные, разрозненные выстрелы. Их становится все больше и больше. Начавшиеся в селе пожары бросают красные отблески на машины. Медленно, как железный червяк, выползают они из горящего села. А заслон все рубит голову зверю, но на ее место выползает из туловища другая, третья. Фашисты, подгоняемые Кучерявским, ползли и ползли. Слышны были их крики, вопли и команда.

Из последних сил мчался через шоссе ковпаковский отряд. Над горящим селом скрещивались тонкие нити разноцветных трассирующих пуль.

Немцы усиливали нажим вдоль шоссе.

На ходу спрыгнув с коня, стоял под огнем на переезде Ковпак. Заслон, прикрывающий переезд, под натиском врага начинает отходить. Штаб мчался через переезд. Выскочила, запряженная цугом, шестерка артиллерийских коней. Им наперерез бросился Ковпак. Он поднял руку с автоматом над головой.

— Стой! Разворачивайся по шоссе! Картечью! И осколочными! Действуй! Быстро!

Кони сделали крутой поворот на шоссе, и короткокрылая семидесятишестимиллиметровая наша пушчонка круто разворачивается. Вот она уже устремила свой тупой хоботок вдоль шоссе, и только успели снять ее с передков, как наводчик Вася Алексеев быстро, наугад навел пушку на шоссе.

Первый выстрел. Неокопанная пушка откатилась назад и загородила переезд. Номера снова выдвинули ее вперед. Небольшая поправка — и снова гремит выстрел по черной голове автомобильной колонны. Картечь сметала на своем пути все живое: она с воем и визгом неслась вперед. От басовитого выстрела пушки шарахались кони. Но весело становилось на душе. И когда раздался третий выстрел, санчасть помчалась через переезд. Раненые кричат и машут костылями:

— Давай, давай, артиллеристы!

Нащупав цель, Вася Алексеев прямой наводкой слал вдоль шоссе снаряд за снарядом. Они рвались в двухстах метрах от нас. Вой, визг и смятение в рядах фашистов.

Повеселела партизанская колонна Ковпака и скрылась в спасительную темень. Позади остался в ночи лишь огромный огненный хвост.

Догорали крайние избы села. Пылали немецкие машины на шоссе. Вскоре колонну догнал Воронько. Держась обочины дороги, рядом с тачанкой комиссара он вскинул руку к козырьку и перегнулся в седле:

— Разрешите доложить: четвертый батальон выполнил задание. С боем заняли село и разгромили два батальона и штаб тринадцатого эсэсовского охранного полка. Часть немцев разбежалась в степь в темноте. Уничтожено свыше сотни немецких машин.

А затем, склонившись ниже:

— Убит Валя Подоляко...

— Что? Что ты сказал? Убит?

— Так точно, — ответил из темноты ездок. — В самом начале боя... наповал убит... Валя Подоляко. Остальные потери подсчитываются. Разрешите выполнять задание дальше?

Комиссар молча махнул рукой. Воронько круто повернул коня, поскакал вдоль колонны назад.

Никто не видел лица Руднева. И лишь ездовой Дудка изредка озабоченно оглядывался. Ему чудилось, что комиссар про себя шептал слова солдатской песни:

— Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой...

На тачанку вскочил Радик и спросил у отца:

— Папа слыхал? Убит Валя Подоляко.

Комиссар молча кивнул ему головой. Положил руку на плечо семнадцатилетнего сына, прижимая его к себе...

— Если смерти, то мгновенной...

А партизанская колонна Ковпака уже переходит на спокойный шаг. Она движется на запад уже по Галицкой земле.

23

Рассвет застал нас на марше, километрах в тридцати пяти западнее Збруча. Протянуть хотя бы еще с полчаса. На небольшом пологом бугре, где на карте обозначена роща, лишь невысокий дубняк прикрывает плешину. Но делать нечего, это единственное место в степи, где можно замаскировать колонну. Вместе с Васей Войцеховичем, Горкуновым и Базымой мы быстро осмотрели этот зеленый пятачок. Базыма и Войцехович дали указания связным, где размещать роты.

Связные, почуяв власть, покрикивали на ездовых. Все понимали: быстро втянуть колонну в лес, спрятать ее от появления корректировщиков — единственное спасение. Если же немцы узнают с утра, что мы скрываемся здесь, жиденькие ветви дубняка не спасут нас.

Я остался на опушке. Пропуская мимо колонну, передавал на ходу командирам рот и батальонов указания начштаба и

подгонял их. Последним втянулся в лес батальон Кучерявского. По выходе из боя он двигался в арьергарде. За повозкой комбата медленно ехала телега. На ней покрытое плащпалаткой лежало тело Вали Подоляко. Рядом дочь комбатачетыре Женя Кучерявская. Бледная, убитая горем.

Она пришла в отряд Ковпака добровольно. Совершенно неожиданно встретила здесь отца. Ковпак послал ее в батальон Кучерявского. Глядя на ее скорбную фигуру, я вспомнил вечер где-то в Пинских болотах. Мы с Ковпаком приехали в четвертый батальон, стоявший заслоном от Ровно. Там и заночевали. Женя просилась тогда, чтобы ее перевели из четвертого батальона. Ей, видимо, хотелось быть просто партизанкой, а не дочкой комбата. Но затем она перестала просить об этом. Стороной я узнал, что молодое девичье сердце осталось в батальоне отца, на привязи у лихого Вали Подоляко. Вот еще одна трагедия мелькнула перед глазами. Телега, тихо громыхнув колесом по корневищу дубовяза, скрылась за поворотом лесной дороги.

Я сидел на пне срезанного дерева. Невидимая сила земли гонит вверх зеленые побеги. Буйная листва шевелится над ухом задумчиво и печально.

На женщин и девушек смотрели у нас по-разному. Были такие, которые, в бесконечных походах, может быть боясь, что бродящая вокруг смерть вот-вот заденет и их крылом, свивали свое непрочное семейное гнездо; были и такие, которые хранили память о своем родном, единственном и долгими вечерами у партизанских костров вспоминали синие, серые, карие глаза, помнили тепло рук и ласковые губы; были и такие, которые, не сдержав зова плоти, находили себе на дорогах войны зазнобушку на день, на час, на миг — и сразу забывали, а если и вспоминали, то одни с горькой усмешкой, другие со стыдливой печалью; а были и такие, которые глубоко в сердце хранили память о своих семьях; они были угрюмы с чужими женщинами и ласковы с чужими детьми. А были и такие, что умирали в пятнадцать-семнадцать лет. Исчезали, как чистая роса, так и не узнав, что есть на свете радость и печаль женской ласки, так и не изведав, что такое жаркие объятия любимой. Этих особенно было жалко. Жалко было всех, кого сразила неумолимая спутница войны, но этих особенно.

Может быть, только для того и свил Валентин свое хрупкое партизанское гнездо, чтобы в последний путь провожала его женщина.

А где-то у каждого из нас есть мать. Есть она и у Вали Подоляко. Вещует ли ей материнское сердце, что другая женщина провожает ее сына в последний путь?

А ведь придется же нам, тем, которые останутся в живых, встречать матерей. Получать их письма. Они будут спрашивать: «Где мой сын?» Что мне ответить матери Вали Подоляко? Чем утешить ее материнское горе?

Да и можно ли утешить его?

Но если можно, то лишь тем, что в эту звездную ночь в далеком селе Рожковцы, где сложил свою буйную голову ее Валя, был разгромлен тринадцатый эсэсовский полк фашистов, да тем, что бойцы, которые были под командованием ее сына, уничтожили свыше сотни машин, полтысячи фашистов остались там навеки.

...Батальоны прошли. Колонна втянулась в лесок. Авиация не показывалась. Похоже было, что мы успели упрятать свое громоздкое тело на весь длинный летний день. Он обещал быть ясным и солнечным.

В лощине виднелась не то церквушка, не то кирха, не то костел. Белели хаты. В село направлялась наша застава.

Село оказалось польским. Не поп, а ксендз жил рядом с костелом. Я попросил разрешения остановиться у него. Бритое лицо, длинная сутана с кожаным поясом. Он, любезно и, как мне показалось, униженно кланяясь, проводил в горницу. Молодые парни с прическами, похожими на те, что носят у нас футболисты, повели под уздцы моего неказистого коня. Кожаные пояса охватывали их осиные талии. Подрясники были похожи на юбку клеш. Странные люди!

— Как ваше село зовется, пане ксендз? — спросил я сонно, лишь бы что-нибудь спросить у собеседника.

И даже ахнул, когда услыхал в ответ:

— Вёска называется Старая Гута.

Опять Старая Гута?!

Сколько их уже пройдено на нашем пути!

Старые Гуты на Черниговщине, в Белоруссии, под Киевом, и вот снова, где-то у предгорий Карпат, неизвестная Старая Гута, вдруг возникаешь ты на завьюженном моем пути!

Для одного из нас ты уже последняя Старая Гута. Его похоронили под корневищами дубов.

Оправившись от первого смущения, ксендз, подмигивая мне, поводит шаловливо бровью в сторону куцего шкафчика.

«В чем дело? Ага! На столе стоят маленькие рюмочки».

Он вынимает из шкафа графинчик. Наливает, кланяется.

Услышав слова партизана, обратившегося ко мне «товарищ подполковник», ксендз с изумлением смотрит на меня. Быстро меняет наперстки на большие рюмки, разглядывает ордена и медали, прикрепленные к лацкану штатского пиджака.

— Пане пулковнику! Чекнемось за здоровье вашего войска, пане пулковнику!

Улыбочка не покидает его лица.

— Что знает пан ксендз о немецких гарнизонах?

Ксендз так же подобострастно, но уже более точно отвечает мне.

Затем спрашивает:

— А ве, пан пулковник, пржед вчорай и тамтего дня через мястечко Бучач великой валкой[1] двигались немецкие машины?

— Куда?

— На захуд, проше пана пулковника.

— Войско? — спрашиваю у ксендза и лезу за картой.

Отрицательно замахал он руками и захихикал тихо, угодливо.

— Не, нет, проше пана пулковника. То не войско. Цивильдейч утекали до Львова.

По карте Бучач в пятнадцати километрах от Старой Гуты.

Ага! Гебитскомиссары, ландвирты, сельскохозяйственные офицеры и вся эта полуштатская саранча, высасывающая из народа кровь, снимается с насиженных мест и мчится на Львов.

— А не может ли пан ксендз узнать, что делается в Бучаче?

— Тераз?

— Сегодня. Да.

Остановившись на секунду и впившись мне в переносицу каким-то белесым взглядом, ксендз вдруг произносит польское слово, впервые услышанное мною.

— Так. Пан пулковник делает мне честь и просит провести для него вывьяд?

Не понимаю. Несколькими словами, сопровождавшимися выразительным, «лисьим» жестом, он поясняет.

— А-а... Вывьяд — это по-нашему разведка?

И, глядя в глаза уже твердым, откровенным взглядом, он повторяет:

— Пан просит провести вывьяд?

— Да, если можно.

Ксендз преобразился.

— Можно!

По-военному щелкнув каблуками, он повернулся к двери:

— Вацек, ходзь тутай!

В голосе его звучал приказ. Из боковых дверей выбежал молодой монах, подстриженный под этот монашеский «бокс».

---

[1] Большой колонной.

Стал у двери. Ксендз прошелся по комнате, что-то обдумывая. Вацек следил за хозяином, не сводя глаз. Подойдя вплотную к молодому монаху, ксендз медленно и внушительно прошипел:

— Вацек! Ты тераз поедешь до Бучача. Вацек! Ты зробишь для пана пулковника вывьяд. Так зробишь, как бы зробил то для войска польскего.

И он поднял руку с двумя пальцами вверх.

Ей-богу, если бы не темные сутаны на них, я дал бы голову на отсечение, что передо мною стоит офицер армии, для которого внешний лоск и шик, металл в голосе, поворот, щелк каблуков и умение вскинуть руку с двумя пальцами, обозначающими «гонор и отчизна», — выше всего.

Внимательно выслушав приказ ксендза, Вацек повернулся и, щелкнув каблуками, скрылся. Чуть-чуть сгорбилась фигура ксендза, опустились плечи, и он вихляющей, бабьей походкой подошел к столу. Налил из графинчика и захихикал.

Мне уже не хотелось спать. Наблюдая за своим собеседником, я думал: «Как же вывести тебя на чистую воду?»

Он поднял руку. Я остановил его и сам поднял высоко рюмку.

— Первый раз, пане ксендз, вы выпили за наше войско. А позвольте и мне тут, на земле, которую топчут швабы, удирая от нас через Бучач на Львов, сказать вам свое слово. Удерут и за Краков и за Варшаву. «Еще Польска не сгинела!» — и, чокнувшись, залпом выпил.

Казалось, ксендз бросится обнимать меня. Уже не хихикает, а громко хохочет он басом. В голосе его снова зазвучал металл.

Я следил за ним. «Кажется, я размягчил тебя».

— А как же пан ксендз посылает простого монаха и поручает ему такое важное дело, как разведка?

— Цо то ест развьедка? — переспросил мой захмелевший собеседник.

Я напомнил:

— Разведка — то же самое, что вывьяд.

Закивав головой и наклонившись ко мне через стол, он тяжело задышал.

— Нех пан пулковник вежит мне. Вацек носит сутану сейчас, когда швабы топчут нашу землю. А когда тржеба, Вацек — капрал войска польскего.

— То все может быть, Вацек — капрал! Но почему же капрал войска польского слушает вас, служителя господа бога?

— Потому что для капрала ксендз есть его командир.

— Будущий? — спросил я.

— И бывший и будущий,— ответил он, уже не скрываясь.

«Так вот откуда военная выправка и командный голос у человека в сутане и с бабьим лицом».

Я спокойно лег спать, попросив ксендза разбудить меня только через два часа.

— Если ничего не приключится,— добавил я с улыбкой.

Приключений никаких не было, и, проснувшись, я почувствовал себя бодрым и здоровым.

24

Еще один ночной марш на запад и еще один день в степи, где только небольшие лесные пятачки. Рыскают над Тернопольщиной «мессеры», шарят по лощинам и лесочкам, сваливаются из облаков, обстреливают наугад села и скопления возов у мельниц. Но теперь им не найти Ковпака. Маскировка стала идеальной.

Мы знаем — начальство галицийского «дистрикта» серьезно обеспокоено нашим появлением. Но разгромленный тринадцатый полк уже не в силах преградить нам путь. Значит, нет больше у губернатора Франка и львовского генерала полиции Кацмана войск под рукой. Вот почему «прикомандировали» они к нам авиацию. Расчет простой: если даже не удастся нанести потери, то авиация должна сковать наше движение, замедлить ход, расстроить планы и измотать нервы.

Начиная с рассвета и до позднего вечера, беспрерывно сменяя друг друга, висит над нами эскадрилья «мессершмиттов-110». Они действуют то парами, то тройками, кружатся полчаса-час, нащупывают, выбирают цели, бомбят; на бреющем обстреливают лесочки. Они не видят нас и не знают, где, в каких кустах замаскирован наш обоз. Но пущенные наугад снарядики нет-нет да и выводят людей из строя. Особенно достается коням. Отбомбившись, звено уходит на запад. Тогда сразу зависает над рощицей корректировщик — «стрекоза». Через полчаса приходит новая тройка. Снова то же самое.

И так весь день, пока сумерки не окутают Галицкую землю...

Ковпак, расстелив свою шубу под кустом, исподлобья смотрит на беснующихся в небе «мессеров».

— Добро було Денису Давыдову партизанить. Его авиация не чипала. А хай бы отут покрутывся. А про маскировку той твий гусарын и не чув, мабуть? Ну куды ты замаскируешься от того проклятого «костыля». О, бачишь, хвоста задрав. Завис. Выглядае, чертяка.

Я как-то подсунул деду «Дневник партизанских действий» Дениса Давыдова. Оседлав нос очками, он долго и внимательно читал его. Затем вернул.

— Наче псалтыр. Про войну, а по-церковному писано. Не разберу — разучився.

Но в самые трудные минуты он все чаще тревожит память своего предшественника и с подковыром дискутирует с ним:

— Как чертяка за тобой хвостом ходит. А боевая — як защучит в голом степу. Куда денешься? Невесело тоби буде... Ага?

Ночь короткая, мимолетная. Всего пятнадцать-двадцать километров можно сделать под ее крылышком. Чуть забрезжит на востоке рассвет — и снова лопочет немецкая «стрекоза». Надо сидеть целый день в зелени листвы. Изматываются и к вечеру падают с ног охрипшие от ругани дежурные рот и батальонов. Их дело следить за маскировкой. Они весь день гоняют ездовых. Но те, даже под угрозой самолетов, водят своих коней к водопою.

А немецкой пехоты все нет и нет.

Это еще больше внушает нам тревогу. Ковпак и Руднев понимают, что нами уже заинтересовалось крупное немецкое командование. Неизбежен бой, серьезный бой. Хотелось бы, чтобы он был поскорее, пока не измотались в непрерывных маршах люди.

— Он выматывает нас авиацией,— задумчиво говорит Руднев.

— А может быть, определив наше движение в сторону Львова, он уже где-то там, на хорошем рубеже, подготовил нам встречу?

— Милый мой, все это только догадки. Для того чтобы провести дальнюю разведку, нужна остановка. А останавливаться негде: степь и небольшие зеленые пятачки среди равнины.

Только на пятый день решено круто свернуть к югу. Мы уже вышли в район древнего Галича. Извилистой лентой петляет быстрый Днестр. Там, за Днестром, другая область — район Станислава. У Галича несколько мостов.

Воспользовавшись тем, что к вечеру самолеты оставили нас в покое, мы за час до сумерек взяли курс на местечко Большовцы. Боя не было. Только короткая перестрелка, и вот уже гремит по мостовой и тротуару наш обоз.

В километре от днестровского моста — остановка.

Разведка принесла не особенно утешительные вести. Мост охраняется. На нем слышна немецкая команда. Это либо местная полиция с немецкой жандармерией, либо какое-нибудь подразделение из эсэсовской дивизии «Галиччина». Ее формируют в Галиции «профессор» Кубийович и «генерал» Карманович. Это старые прожженные петлюровские волки. Они, по заданию немцев, в содружестве с бандитами и полицаями, про-

водят мобилизацию в Галиции. Я уже вторую неделю регулярно читаю «Львівські вісти». Дрянная газетка, набитая всяческой дребеденью. Там и про брачные и коммерческие дела. И про «разрешение фюрера» галицийским фашистам иметь свою дивизию «СС».

Разведчики доложили:

— На том, южном берегу копают окопы.

— Устанавливают пулеметы.

Базыма сделал вывод:

— Немец только под вечер нащупал наше движение и подбросил на машинах войска. Значит, занимают оборону наспех.

— Ударить по не успевшему окопаться врагу!

— Третьей роте в разведке двигаться по обочинам шоссе!

Базыма, при свете фонарика, нанес распоряжения на карту.

— Ударить огнем на фланги. Мост с этой стороны шоссе оставить свободным. Его брать кавалерийскому эскадрону. Так и быть — в конном строю! — разрешил комиссар.

— Конная атака! — Усач торжествовал.

— Не мало будет, Семен Васильевич? — тихо спросил Базыма.

— Охотников бери. Только быстро, не копаться!

Сегодня в авангарде третий батальон.

Комбат Матющенко до сих пор незаметно стоял позади начальства.

— Да где охотников быстро наберешь? — развел руками Базыма.

Матющенко кашлянул в рукав.

— А зачем тебе охотников, старик? Мой батальон в авангарде.

— Батальон? Многовато. Ни к чему...

— Это дело поправимое. Дам две роты. Хватит?

Базыма молчал. Матющенко обратился к Рудневу:

— Разрешите, Семен Васильевич!

— Хорошо!

Матющенко хлопотал у своих рот. Приглушенная команда, и вот они бесшумно исчезают по левой стороне шоссе. Так же по правой растаяла и третья рота и разведка.

Комиссар смотрел на светящийся циферблат часов.

— Двадцать — двадцать пять минут нужно, чтобы пехота добралась по лугу к реке.

Через четверть часа дал знак Ленкину.

Эскадрон тронулся тихим шагом. Пройдя полкилометра и почти поровнявшись со своей пехотой, Ленкин остановил коня. Прислушался. Уже слышны крики немцев и звон лопат. Роют окопы. Ленкин поднял плеть над головой. «Эх, ночка

темная. . .» — и сразу перешел на галоп. Разведка, третья рота и роты Матющенко одновременно поднялись в атаку. Минута, вторая — и эскадрон уже на мосту. Еще миг — и он будет на правом берегу. Но тут немцы опомнились. Злобно выдувает из ствола смертельиую малиново-синюю морзянку их пулемет.

Разведчики и автоматчики Карпенко уже у воды. Коиникам пора бы проскочить на тот берег. Но на мосту каша. Половина эскадрона только вырвалась на дощатый иастил и сразу же повернула обратно. Кони падают посреди пролета. Трещат перила под напором лошадиного крупа, конь с седоком полетел в воду. Карпенко в тревоге подбежал к иасыпи и закричал мне:

— Что же это такое? Неужели одного пулемета испугались кониики Леикина?!

Ко мне прибежал без седока с болтающимися стременами всхрапывающий тонконогий коиь. Схватил его под уздцы. Это коиь Саши Леикина.

— Неужели убит Усач?

Коиь дрожит и всхрапывает. Немного успокоившись, нагибает голову и трется мордой о мою грудь.

На мосту горячий бой. Видио, не взяли его с ходу. На насыпь выползли раненые.

— Товарищ подполковник... Вы? Эх, беда. На полном ходу выскочили на мост... А посередь его — такая хреновина...

— Эскадрон напоролся на ежи. Деревянные крестовины. Поставили возы поперек дороги:

— Колючим дротом все опутано...

— Где командир?

— Усач? Он впереди скакал... Так и влетел через голову коня в эту проволоку...

Леикин напоролся иа баррикаду... Он за ней... между своими и чужими. А по всей этой каше хлещет немецкий пулемет.

Вот когда пригодились роты Матющеико. Это иастоящие пехотинцы. Ужом, по-пластуиски, они ползли между повозками, трупами коией. Полетели в воду ежи.

— Карпенко! Огием поддержать эскадрои!..

Но Карпенко и сам уж догадался. Его минометчики иаладили свою карманную артиллерию. Были у него боевые хлопцы — миномехчики ротных минометов. Все ближе и ближе к вспышкам иемецкого пулемета подбирались огнеиные шлепки мин. Пулемет замолк.

Возы, опутаниые проволокой, полетели в быстрину Диестра. Еще немного — и путь расчищен. С моста раздался крик Лен-

кина: «По коням! За мной!» Почти добежав до края, он упал и застрочил из автомата по мечущимся на том берегу врагам. А вдоль настила стучал галопом эскадрон.

Ленкин прижался к перилам моста. Мимо него мелькали и грохотали по доскам копыта коней.

Срывая голос, Ленкин заорал в нашу сторону:

— Карпенко! Прекрати огонь! Мои орлы на этом берегу...

Я отдал Ленкину коня.

— Вот спасибо. Думал — погиб мой Васька.

Следом за промчавшимся эскадроном мимо нас пробежали разведчики Бережного и Черемушкина. Веселые и возбужденные. А скромная пехота Матющенко шире расчищала прорыв. Тихо поднимали с моста убитых и раненых и относили в сторону.

Медсестры накладывают жгуты, делают перевязки. Ранен в руку и комбат-три Матющенко.

А назад, к штабу, вихрем пролетел Михаил Кузьмич Семенистый.

— Товарищ генерал-майор! Командир эскадрона приказал доложить вам, что мост взят...— и добавил: —...лихим кавалерийским наскоком!

— Так и приказал доложить командир эскадрона,— переспросил Руднев: — «лихим кавалерийским наскоком»?

— Нет, это я от себя,— уже тише ответил Михаил Кузьмич.— Не удержався... товарищ комиссар,— добавил он виновато.

Он знает — не любит комиссар пышных слов. Не хочет смышленый Семенистый подводить своего любимого командира.

Позади уже шумит команда. Затарахтели колеса. Обоз двинулся по занятому мосту через Днестр.

Я вспомнил мельком прочитанные в дневнике Руднева слова: «А люди все идут и идут... Вот уже два года не имея ни крова, ни землянок. Идут все вперед. Кто они — эти люди? ..»

Вот они идут через Днестр. Он бежит, извиваясь, туда, ко мне на родину.

Уже светает.

Смотрю вперед: голова колонны с конниками Ленкина исчезла за туманным поворотом извилистой реки. Равномерно проходят возы с боеприпасами, тачанки с ранеными. Они медленно выползают на мост, как бы рождаясь из предрассветной дымки Заднестровья.

Семен Тутученко замешкался на мосту, он собирал трофеи: ящики с гранатами, патроны. Обыскивал убитых по долгу службы — штабной архивариус! Мы ехали рядом. Всегда

веселый Тутученко был сейчас задумчив. Он смотрел на загорающуюся зарю, изредка оглядываясь назад.

— Ты что, Сэмэн? Чего зажурывся?

Взглянув на меня недоверчиво, Тутученко потрепал по ушам своего конька.

— Хотите, скажу. Увидел город. За два года — в первый раз. Это моя стихия. Я ведь архитектор! Я же мечтал строить красивые, уютные дома, клубы, театры, парки, санатории, дворцы. Новые советские города.

Солнце выглянуло из-за Днестра. Оно осветило его возбужденное лицо.

— Говорят, Киев разрушают. Я знаю его планировку, хотя никогда в нем не был. Я изучил много городов мира; я не заблужусь в Париже, Риме, Венеции, Милане, Генуе,— я знаю их планировку до мельчайших деталей. Но Киев! Это же город-сад. Хоть вырос я в Москве, но если останусь жив, то обязательно Киев буду строить! Ох, какие удобные и уютные дома я буду строить. Для наших людей, что идут и едут перед нами... Честное слово, товарищ подполковник, они этого заслуживают!

И снова задумался. Я смотрел, как его руки, руки будущего зодчего, перебирали гриву коня. Дождутся ли они своего дела?

И уже совсем другим, веселым голосом архитектор продолжал:

— ...А на мосту было жарко. Вот еще что придумала фашистская сволочь... рогатки. Поливал ихний пулемет жарко. Старшина эскадрона рядом упал. Прямо в сердце. А меня чиркнула.

Он показал простреленную полу черного клеенчатого плаща.

Воздух сотрясли взрывы.

— Все в порядке. Все наши переправились,— совсем уже весело заключил Тутученко.— Все в порядке. Пускай теперь львовские полицаи сидят на своих рубежах! Пускай...

Люди устали. Но все были возбуждены и веселы. На ходу — разговоры.

Володя Лапин, задержавшийся на мосту со своим отделением, пристроился к штабу. Он торопится рассказать радистке Анюте Маленькой, как брали мост.

А люди все идут и идут.

Кроме гитлеровцев и прочей швали, с которой приходилось нам скрещивать оружие, был у партизан еще один враг. Руднев называл его «враг номер два». Выпьет партизан перед боем лишнее, то ли для храбрости, то ли просто подвернулась

она, проклятая, не во-время,— и погибнет нелепой смертью. Да оно и понятно. Бежит пьяный человек вперед смелее, но видит врага хуже, глаза у него неверные, внимание рассеянно, слух притуплен. Трудно «под мухой» заметить замаскировавшегося противника. Вот почему называл комиссар водку «враг номер два».

Особенно требователен он был к командирам. С них взыскивал за пьянку вдвойне.

Когда после боя в обоз санчасти приносили раненых, распевавших в бреду пьяные песни, судорога гнева искажала лицо комиссара. Он вызывал командира роты и строго ему выговаривал:

— Не командиром тебе быть, шляпа. Не умеешь людей воспитывать. Если у тебя бойцы пьяные идут в бой, значит трусят. Только трусы хотят водкой одурманить себя.

В дремучем бору, на берегу Днестра, мы хоронили убитых конников Саши Ленкина. Хоронили без слез. Только «мессеры» завывали на этой тризне.

По просеке медленно проехали три повозки с ранеными. На четвертой, словно обнявшись, лежали два убитых партизана. Руднев остановил повозку. Он приподнял простреленную навылет голову старшины эскадрона Гриши, долго смотрел в его мертвые глаза. Затем, резко повернувшись к уныло стоявшему рядом Ленкину, процедил сердито сквозь зубы:

— Если еще раз от бойца спиртом разить будет, я с тобой не так поговорю! — и пригрозил ему плетью.

Ленкин отшатнулся. Как будто не взмахнул плетью, а ударил его Руднев. Твердо глядя в лицо комиссара, Ленкин крикнул:

— Оставьте, Семен Васильевич! Не тревожьте душу. Не надо, понимаете, не надо...

Они стояли друг против друга, оба высокие, стройные, один с черными, другой с каштановыми пышными усами.

В этот миг над лесом возник быстро нарастающий звук. На нашу длинную, узкую просеку с воем несся бомбардировщик.

— Ложись,— крикнул комендант Петро Скрыльников.— Пикирует.

Четырехголосым визгом нарастал смертельный звук. Все шарахнулись в лес.

Лишь два усатых человека застыли друг против друга. Вдруг Ленкин ловкой подножкой сбил комиссара с ног. Шепнув или крикнув «лежи», он прикрыл его собой. Треск веток раздался почти одновременно с его словами. Рядом с просекой, повалив две ели и вырыв четыре воронки, грянула серия бобм. Удивленно ахнуло и пошло перекатами по лесу эхо разрыва. Несколько секунд падали комья лесного чернозема и срезан-

ные ветки. А хвоя еще долго осыпалась, покрывая ровным зеленоватым инеем лица двух убитых на возу.

Ленкин и комиссар поднялись на ноги. Постояв немного, не глядя друг на друга, разошлись каждый в свою сторону.

Комиссар молча шел лесными квадратами к штабу.

«Мессеры» обнаружили только приблизительное место нашей стоянки и взяли на прицел окружающие четыре-пять квадратов. Они бесновались и бомбили лес по «площадям» и без особого эффекта. Правда, бомбы ложились близко, но благодаря хорошей маскировке лагеря — мимо цели!

Шагая рядом со мной по лесу, Руднев говорил смущенно:

— Нервы, понимаешь, нервы. Не столько вреда и потерь от этой авиации... Но выматывает, сволочь, людей. Видно, не привыкли мы еще к такому виду войны. Вот набросился я на Усача напрасно. Оскорбил его...

— А ведь он... Мост взял сегодня...

— Знаю. Тем более досадно. Не сдержался...

Мы забрели в гущу леса. К штабу из батальонов приводили пленных. Нужно было заниматься своим делом.

Спросил коменданта:

— Пленных много?

— Хватит,— самодовольно отвечал Петя Скрыльников, комендант штаба, высокий, складный, всегда веселый сержант, попавший в наш отряд месяцев десять назад.

Поручив Мише Тартаковскому выслушивать вранье всех пленных, я отобрал себе только двух. Один был лакей из бучачского ресторана, неизвестно почему задержанный кем-то из наших партизан. Второй — лысенький австриец небольшого роста, без кителя, в «мирных» подтяжках. На подтяжках висели полувоенные штаны, все в карманах с металлическими кнопками.

Хлопцы уже сообщили первые сведения о нем: это был шофер, ездивший в последние дни между Львовом и Станиславом. Разъезжал он неспроста. В первую мировую войну он был в плену и сносно говорил по-русски. Погоняв австрийца-шофера различными, ничего не значащими вопросами, чтобы запутать его, я быстро спросил:

— Войска возил?

— Яволь! — торопливо ответил австрияк.

— Много? — не сбавляя темпа допроса, продолжал я.

— Яволь.

«Не дать ему передохнуть и одуматься»,— была мысль. И сразу в упор:

— Какие части?

— Четвертый и шестой эсэсовские полки,— без запинки отвечал шофер.

— Смотрите, говорите только правду,— пригрозил я.
— Яволь, только правду.
— Почему вы скрыли тринадцатый полк?
Прямо глядя мне в глаза, австриец ответил:
— Тринадцатый полк разбит под Тернополем.
— Разбит? — облегченно вздохнул я.
— Яволь.
— Откуда вам известно это?
— Мне говорили шоферы. Они пешком пришли в Тернополь.
— Где они сейчас?
— Их пересадили на наши машины. Они работают на смену с нами.
«Попробовать схитрить, проверить».
— Вы говорите, третий и восьмой полки перевозили из Львова в Станислав.
— О нет. Я сказал — четвертый и шестой эсэсовские охранные полки.
— Где они расположены сейчас?
— Четвертый полк выехал из Станислава на юг. Село Рус... Рус...— и он запнулся.— Не помню точного названия. Оно начинается слогом «рус»...
«Ты делаешь на этом «рус» передышку! Нет, я тебе ее не дам!»
— ...и остановился там?
— Яволь.
— А шестой?
— Кажется, остался в Станиславе.
— Попробуйте вспомнить название села.
Он усердно рылся в памяти. Напряженно раздумывал. Даже испариной покрылась лысина. Наконец виновато развел руками.
— Не могу вспомнить.
— Вы были в этом селе?
— Яволь. Два раза.
— Опишите мне его.
— В глубокой лощине большое село. Справа огромный лес. Слева и впереди синие горы.
— Село у подножья Карпат?
— Да, да! Карпаты видны оттуда.
Я отошел в сторону, лег под елью, развернул карту и стал искать. Вот зачем неизвестный еще нам генерал выматывал нас авиацией все эти дни. Тринадцатый эсэсовский полк, разгромленный партизанами, заставил его призадуматься. Уже наперехват, а не вдогонку, бросает он свои полки. Пока что их два — четвертый и шестой. А сколько этого добра у него

еще в кармане? Этого пока не узнаешь. Теперь выпытать, где, в каком селе остановился четвертый полк. Карта. Впереди на нашем пути в пятнадцати-двадцати километрах южнее Днестра областной город Станислав. Западнее его, огромным зеленым языком облизывая коричневые хребты Карпат, таится лес. «Чарны ляс» — написано на карте. Поперек проходит красная артерия шоссейной дороги, по бокам — синие вены рек. «Быстрица» — написано на одной. Вокруг черная россыпь сел. Сколько их здесь? Двадцать один населенный пункт. В каком-то или во многих из них расположился четвертый эсэсовский полк. Он где-то здесь поджидает нас у предгорий Карпат. Какое же село начинается страшным для фашиста слогом «рус»? Ах, вот оно! Только немного иначе звучит: не «рус», а «рос». Есть такое село Россульна. А рядом — Черный лес.

Снова подошел к австрийцу:

— Вспомнили название села?

Он опять виновато развел руками. Не сводя с него глаз, я спросил:

— Может быть... Россульна?

Обрадовавшись, он кивнул головой:

— Яволь, яволь! Россульна!

Еще две-три минуты, и я привел в порядок свои мысли. Не дойдя до штаба несколько шагов, я понял, что иду с радостной вестью. Наконец-то она появилась, немецкая пехота! Теперь не будет неизвестный генерал выматывать нам нервы. Теперь — в бой с этими полками!

Ковпак обрадовался не меньше меня. На радостях он даже приказал отпустить австрияка на все четыре стороны.

В комендантском взводе царило недоумение, больше — растерянность. И не удивительно. Кажется, это был единственный случай, когда гитлеровец уходил от нас живым и невредимым.

25

Самолеты к полудню отвязались от нашего леса и стали бомбить западнее.

Ковпак и комиссар торопились. Впереди еще одна река — надо было ловить каждый миг короткой летней ночи. Сегодня мы делаем последний напряженный рывок. В Черный лес, который зеленеет западнее Станислава!

И хотя рядом с ним в Россульне сосредоточен полк немцев,— не беда! В лес стремимся мы, в большой лес! Там можно будет дать передышку людям. День, два. А там еще один рывок — и Карпаты! Карпаты — это горы! Это нефть и туннели на железных дорогах.

Это, может быть, новый партизанский край.

Еще днем, под вой самолетов, Базыма и Руднев, Ковпак, Горкунов и Войцехович с тревогой поглядывали на карту. Несколько километров южнее, параллельно Днестру, протекает Ломница — горная речушка с высокими берегами. Тропы и узкие дороги ущельями сбегают в долину. Мостов на реке нигде нет. Одни броды. Штабники отметили их на карте крестиками.

— Что будем делать, если немцы поставят у бродов сильные заставы? — тревожно спрашивал Базыма несколько раз у комиссара.

— Значит, снова на прорыв! — жестко прокартавил Руднев.

Сидевший задумчиво Ковпак повернул голову.

— Дило крепко запохаживает на «мокрый мешок».

— Только в отличие от припятского он гораздо меньше,— вымерил по карте Войцехович.

— Да, всего ширины — десяток километров.

— Не разгуляешься,— ворчал командир.— Маневрировать в мешке негде.

— Да и некогда. Противник посильнее.

— Сколько его? Разведка?

Я ответил, что два полка разведаны.

— А сколько их у него еще?

— Неизвестно. . . — вслух подумал комиссар.

— Поглядим, что даст сегодняшняя разведка, и тогда решать будем.— Ковпак хлопнул плетью по голенищу и пошел по лагерю — оглядеть людей, потолковать с ездовыми.

По шоссейной дороге южнее реки весь день шло интенсивное передвижение противника. Машины быстро проносились мимо разведчиков. Выгружали солдат и скрывались в лесу... Было замечено несколько машин с пушками на прицепах. Враг, видимо, ни за что не хотел пропускать нас на юг.

В сумерках группа Черемушкина по оврагу спустилась в село, раскинувшееся на северном берегу реки Ломница. У села еще днем разведчики нащупали брод. Следом за ними по дну оврага поползла колонна. Голова ее уже втянулась в узкие улочки села. В это время от берега ударила немецкая артиллерия. Немцы стреляли наугад, снаряды ложились и за лесом и в селе. Но все же часть из них доставала по колонне; стиснутая ущельем, лишенная возможности двигаться, колонна на миг оцепенела.

— Остался только один выход — на прорыв! И как можно быстрее! — доложил я командованию.

Прорыв Ковпак и Руднев поручили восьмой, девятой, шестой, четвертой и третьей ротам и разведке под моим командованием.

Пока позади подходили повозки, а по огородам, проскакивая через ворота и заборы, подтягивались роты, мы изучали место, где придется вброд форсировать реку. Ритмично чередовались вспышки орудийных выстрелов на вражеском берегу, сопровождаемые воем снарядов и резкими взрывами у нас за спиной.

До сих пор мы еще не показывали врагу нашего «бога войны». Понаблюдав за гористым берегом противника, мы определили, что обстреливает нас батарея из четырех орудий. Яша Михайлик, командир пушки, ловкий артиллерист, подавил врага. Резво мигавшая смертельными вспышками, южная гора удивленно замолчала. Только разрыв наших снарядов эхом и басовитым гулом отозвался за рекой.

— Заткнулись! Надо ловить момент,— обрадованно крикнул Михайлик.

В конце улицы роты уже подготовились к броску.

— Бережной, Карпенко — справа! Бакрадзе, Сережа Горланов — слева! Бегом! В атаку! Захватите брод!

Не оглядываясь и не пригибаясь, люди двинулись с места бегом.

Через три минуты роты, достигнув брода, станут видны вражеской засаде. По рядам ударят немецкие стрелки и пулеметы. На том берегу видна была узкая полоска воды, а за ней одинокое дерево. А может быть, это машина?

На фоне неба и реки выделялась черная точечка. Рискованно, но надо было поддержать ребят.

— Яша! Перенеси огонь ближе! Вон к этой точке!

— К этой?

— Нет, правее! Вот!

— Там залегла немецкая засада?

Что ответить: да или нет?

С реки донеслось «ура» — словно детские голоса, приглушенные шумом реки. В ответ заговорили вражеские стрелки.

Яша, тщательно целясь, выпустил по указанной точке пять снарядов.

Роты уже были на другом берегу. Широким веером расходясь во все стороны, они захватывали шоссе. От Бережного мчался связной.

— Захватили шоссе. Только что снялась на передки немецкая пушка.

С того берега слышен сухой треск. Это Карпенко и Бакрадзе ломились на запад, в Черный лес, сквозь валежник немецких застав и заслонов.

И уже через брод, по ступицу в воде, двинулся обоз.

Одной из первых шла тачанка Ковпака. Дед, кажется, по-

дремывал на своем ложе. Но все же он заметил меня и приподнялся на локте:

— Меняй маршрут! Время нотеряли, два часа. Поняв? Шпарь по шоссе! Напрямки!

По взволнованному голосу командира я понял, что ленивая дремотная его поза тоже «стратегическая». Раз Ковпак спит — значит нет опасности, значит нет тревоги в обозе, не паникуют в хозчасти, спокойнее на душе у раненых, следующих за штабом. Ведь недаром даже тяжело раненный за ночь десяток раз спросит приставленную к нему сестру:

— Ковпака видишь?

— Бачу.

— Ну шо?

— Едет.

— Верхи? С автоматом? — и если ответ утвердительный, раненый лезет рукой под подушку, нащупывает холодную сталь пистолета.

Поэтому только в самые рискованные минуты хватался Ковпак за автомат. А чуть прошла опасность, он уже снова на тачанке.

— Ну, що командир?

— На тачанку сел.

— Що робыть?

— Задремав.

— А ты добре видишь?

— Ага. Ось чуть даже як хропе...

И раненый успокоенно закрывает глаза.

Вот почему «дремал» Ковпак даже тогда, когда ему совсем не до сна. Дремал, и из-под рукава все видел, и кричал нам вслед:

— Шпарь по шоссейке, хлопцы! Напрямки!

Обогнав роту Карпенко и Бережного, я передал им приказание командира. Гремит по щебню шоссейки Станислав—Калуж наша колонна. Кони непривычно ступают по камням. С тревогой поглядывают командиры на восток. Вот-вот забрезжит рассвет. Мало ночного времени, ох, как мало! Медленно движется колонна, и нет сил подогнать ее.

Рассвет застал нас в селе, оно тянется к Черному лесу длинным рядом опрятных хат. Ободренные свежим воздухом, кони и люди сами, без приказания, перешли на рысь.

Мимо удивленных гуцулов, поглядывавших из-за заборов, калиток, окон, пронеслась, вздымая пыль, эта сказочная рать. И хотя уже полчаса шло движение по селу, никто из партизан не промолвил с жителями ни слова — некогда. Из переулка на дорогу выскочил велосипедист. Он изумленно остановился недалеко от моей тачанки. Колеса сильно запылены,— видимо,

ехал издалека. Я подозвал его. Выяснилось, что он вчера вечером выехал из Станислава. Поляк, родом из этого села. Работает на паровозоремонтном заводе. Еще вчера рабочие бросили работу на заводе и разбежались по домам. В городе паника. Гестапо то ловило людей, то выпускало их. Наиболее важные гестаповцы на легковых машинах укатили куда-то. Всю ночь в городе никто не спал.

Позади моей тачанки гарцевал неутомимый Базыма.

— Так. Интересно. Да оно и понятно. Артиллерийскую канонаду услыхали тут впервые,— сказал он.

Это верно. Бои в сорок первом году прошли мимо. Они не только пощадили, а совсем не затронули стоящий в стороне городок. Главные силы молниеносно сцепились севернее, за Днестром, на магистралях Львова, Ровно, Киева. И первые пушки, заговорившие под Станиславом летом 1943 года, были партизанские.

Связные, слышавшие мой разговор с рабочим-паровозником, уже понеслись по ротам. Они ведь были не только связными, развозящими приказы командиров: они были еще и «внештатными» политработниками. А уж кто-кто, а Мишка Семенистый знал, как важно во-время ободрить бойцов, рассказать им пусть и не совсем достоверную новость.

— Не спится гестаповцам в областных городах. Хлопцы, веселей!

И я видел, как следом за маленьким всадником уставшая пехота вскидывала повыше ремни автоматов и прибавляла шаг. Бодрее смотрели бойцы вперед.

Как ни странно, но при форсировании брода у нас совсем не было потерь. Всего один или два легко раненных. Помогла ли ночная темь, или наш партизанский «бог войны» — полковая пушка, выпустившая всего двадцать-тридцать снарядов, ошеломила врага, — никто не знал. Но все хвалили Яшу Михайлика. Ласково глядела пехота на короткорылую пушку.

Вот где цель сегодняшней ночи! Черный лес уже за селом. Но дорога круто заворачивала влево и уходила в долину. Тут еще лежали синие тени. Село от леса было отрезано высокой насыпью с виадуком железнодорожного моста. Он траурной решеткой окаймлял затененную гору. Горизонт казался зубчатым от елей и сосен; словно черно-зеленые башни сказочного замка вырастали перед нами на фоне нежнорозовых перистых облаков.

— Дорога под мостом? Новая морока! — ворчал Базыма.— Кто разведывал?

— Да он не охраняется,— оправдывались разведчики.— Взорвать его надо, раз он попался на нашем пути.

— Взорвать-то взорвать, да сначала и подумать надо! — Войцехович показал на узенькую дорогу. Она вилась под мостом серой гадюкой.

Действительно, всем ясно, что взорванный мост упадет на дорогу и преградит путь нашей колонне. Разведчики смущенно покидали лакомую добычу. Мы с Войцеховичем остались на мосту. Внизу, под нами, словно горный поток, журчал колесами обоз.

Глядя вниз, Войцехович развел руками.

— Первый раз вижу. Ковпаковцы переходят под мостом и не пытаются его «отремонтировать»...

— Да, действительно. Чепуха какая. В этих горах, поди, и тронуть ничего нельзя будет.

— Но ведь это еще не горы, Петрович! Это игрушки. Так, овражек несчастный.

— А иначе не пройдешь.

Войцехович все так же весело продолжал:

— Вспоминается военное слово «дефиле»...

— До сих пор не употреблявшееся нами за ненадобностью,— добавил я.

Войцехович закричал вниз разведчикам:

— Эгей, хлопцы! Привыкать надо. Где кончается насыпь и начинается выемка, обязательно должен быть переезд.

Но те уже и сами догадались и поскакали вдоль пути.

Минеры уже тащили ящики с толом на мост.

Это единственный случай запечатлеть взрыв на пленке,— мосты мы всегда рвали ночью. И я погнал связных по колонне за кинооператором Борисом Вакаром. Он страшно сетовал на меня за то, что я не послал его с четвертым батальоном.

Пока мы возились у моста, солнце уже заглянуло в ущелье. В утреннем небе раздалось стрекотанье. Временами снижаясь и припадая на крыло, «костыль» все ближе и ближе подходил к железной дороге. Сомнений не было. Заметил. Закружил над мостом. Я знал — пройдет полчаса-час, и немецкому генералу положат на стол фотокарту железной дороги и колонны партизан, движущейся по ней. Увидит генерал и минеров, кончающих подготовку к взрыву. Ах, скорее бы! Мы с Борисом Вакаром стояли наготове со своими аппаратами: он с «аймо», я с «лейкой». Вот уже подожжен шнур — и кубарем скатился вниз с насыпи минер Абрамов. Через десять секунд у моего уха застрекотал киноаппарат Вакара, заглушая ворчание мотора «костыля». Резкий взрыв сотряс горы. В окнах сторожевой будки жалобно заплакали стекла. Взрывная волна дошла и до немецкой «стрекозы». Хвост легкого самолета подкинуло вверх. Качнув несколько раз крыльями, выравниваясь, летчик дал полный газ.

Я глядел на наших бойцов в колонне. Уже не унылым взглядом, в котором глубоко запрятана усталость, а смехом, веселыми шутками провожали они немецкий самолет.

Колонна головой своей вползала в Черный лес.

26

Черным лесом, старой заросшей дорогой, заваленной буреломом, по гнилым мосткам двигалась колонна. Сомкнулись ветвями над нею дремучие сосны и грабы, по бокам ласково кивали листвой орешник и невиданных размеров крапива. А позади глухие удары разрывов и фырканье пулеметов. Это «мессеры» бомбили отдельные замешкавшиеся подводы и группки. Главные силы нам удалось втянуть в лес до их прилета.

Теперь нам сам чорт не брат. Пускай там где-то сосредотачиваются полки, пускай в селе Россульна, у самой кромки Черного леса, расположился эсэсовский полк. У нас несколько дней резерва в этом большом лесном массиве. На карте он выглядит зеленым спасительным прямоугольником.

Небо обложили тучи. Полил дождь. Помрачневшая природа служила нам. «Мессеры» еще немного повертелись над лесом и отстали. Лишь на второй день немного прояснилось. Но грязь и роса мешали движению. Все промокли до нитки, и хотя запрещено было разжигать костры, все же отряд отдыхал. Нет передышки лишь разведчикам — во все стороны разослали их мы с Горкуновым.

Вернулись сначала те группы, задача которых — прощупать лесные деревушки. Они принесли вести о том, что в большинстве сел еще нет войска противника. С нетерпением ждал я разведки из Россульны.

Неужели соврал австрияк? Обидно, если он ловко надул меня, а с моей помощью — и командование.

Коротая время, я пока что занимался изучением быта гуцулов. С начала стоянки в Черном лесу мы нашли себе несколько проводников — лесника ближайшего лесоучастка, лесорубов. Мы их задержали на порубке, не отпускали. Их могли допросить немцы. Голодные, худые, как скелеты, они исподлобья поглядывали на партизан.

По внешнему виду люди эти резко отличаются от жителей Западной и Восточной Украины. Черные изможденные лица, где их не увидишь во время немецкой оккупации! Но гуцулов узнаешь не только по лицу. Они отличаются и одеждой. Задеревеневшие в труде руки — как сучья буков и низкорослых горных берез. В руках топирець — искусно сделанная горная палка, украшенная замысловатой резьбой; на ногах ходаки из

свиной кожи с узкими кожаными обмотками; из ходаков видны красные онучи; поверх вышитой домотканной рубахи — меховой жилет, расшитый нитками и кожей, это киптарь; на голове войлочная шляпа — кресаня.

Подсаживаясь к ним, я затевал разговор, так, ни о чем, «о жизни»; просто, чтоб немного поупражнять язык на гуцульский манер и приучить ухо к их выговору. Пригодится... Но гуцулы, пожаловавшись на свою долю, неловко замолкали. Лишь когда я уходил от них, слышал позади тихий посвист горной свирели (вспоминаю Коцюбинского — *флояра*) и грудной женский голос, напоминающий звуки флекгорна.

Скочив козлик у город...—

заунывно начинала гуцулка запевку. Угрюмо в унисон отвечали ей мужские басы:

...комарыки, мухы, комары-ы...

Вот она — Гуцулия. Точно такая, удивительно такая, какой она описана Коцюбинским, Стефаником.

Словно сошедшие со страниц «Кленовых листков» Стефаника, оживали сейчас в Черном лесу, будто воскресшие «Тени забытых предков» сидели предо мной в Черном лесу.

Что еще там у Коцюбинского, у Стефаника? Ага, флояра — это по-нашему сопилка или просто дудка. Что еще? Есть еще трембита — это я совсем не знаю что; а потом полоныны, колыбы, ватаги, бескиды, смереки,[1] и еще много чудесных певучих слов придется ощутить во всей их жизненной правде. И, словно угадывая мои мысли, худой, как жердь, гуцул отчаянно заводил высоким фальцетом:

Ой, пойду я в полонину —
Там затрембитаю...

А лагерь ковпаковцев жужжал, как улей. И своим гомоном властно возвращал к реальной жизни. Устали люди. Вот уже десять дней, от самого Збруча, никто не спал больше одного-двух часов в сутки.

Наконец пришла разведка из Россульны. Да, Россульна была полна немцев. Это 4-й охранный полк СС.

— Значит, боятся пустить нас в горы,— сказал задумчиво Базыма.

Ковпак нахмурился.

— Не в горах тут дело. От що...— и, взяв в руки карту, он надел очки.

---

[1] *Полонына* — альпийский луг; *колыба* — пастушечий домик в горах; *ватага* — старший чабан; *бескиды* — горы; *смерека* — ель.

Все замолкло.

— Там, южнее Россульны, нефтяные промыслы. Солотвинская и биткувская нефть. Ее не так уж много, но она высокого качества — почти чистый бензин,— пояснил свою мысль Ковпак.

— Тогда сто́ит итти напролом. Здесь уже сто́ит. Попробуем наступить Гитлеру на самую любимую мозоль! — засмеялся комиссар.

Все присутствовавшие в штабе с полуслова поняли командира и комиссара. Нефть! Вражеская нефть! Вот она, любимая мозоль Адольфа!

На радостях штаб блестяще разработал план боя. Вася Войцехович блеснул своими способностями.

— Не боевой приказ, а поэма! Молодец,— подписывая вслед за Ковпаком приказ, сказал Семен Васильевич.

По приказу 3-й батальон Матющенко обходит Россульну с юга и устраивает крупную засаду на шоссе. Три роты первого батальона, под общим командованием Бакрадзе, должны выбить немцев из села и погнать их на засаду. Мы были уверены в том, что немцы легко подадутся на юг, стараясь прикрыть от наших ударов нефтяные промыслы. А в это время главные силы, обойдя полк с востока, нанесут удар по промыслам.

Движение началось ночью, лесом, по грязи.

Все шло хорошо, но вдруг Матющенко напоролся на вражескую засаду. Дело могло обернуться плохо, если бы хоть немного опоздал Бакрадзе. Но его роты проникли в центр разбросанного села почти незамеченными. Услышав стрельбу на юге, Бакрадзе дал ракету, и хлопцы навалились на штаб полка и его охрану; автоматный огонь, гранаты — вот что решило дело! Село было занято молниеносно. Батарея не успела сделать ни одного выстрела. Штаб полка с охраной, засевшей в каменном здании школы, разгромили немецкой же артиллерией. Когда мы вскочили в городишко Солотвин, позади горели нефтяные вышки. Мост через реку прошли без выстрела. Но в центре городка, на перекрестке улиц нам пришлось задержаться.

— В угловом каменном здании почты засели немцы. Держат дорогу под обстрелом! — прохрипел Кульбака и выругался чуть не со слезой.

Мы провозились с ними до рассвета. Правда, за это время в хвост колонны пристроились вышедшие из боя роты Бакрадзе. «Главком» Бакрадзе с жаром рассказывал, как громили штаб полка захваченными у немцев пушками. Он ворвался в здание школы со своими хлопцами из 9-й роты. Прочесав классные комнаты, они собрались уже уходить.

В последней комнатушке Бакрадзе направил луч фонарика под кровать. Оттуда выскочил немецкий оберст, в руке у него блеснул «вальтер».

— Но моя пуля была быстрее! — торжествуя, закончил Бакрадзе свой рассказ.

Я не смог удержаться от упрека.

— Напрасно! Такого «языка»...

Руднев нахмурился.

— Разведка не самоцель, а средство, Петрович! Не увлекайся...

— Да я и не увлекаюсь.

— Ну так просто жадничаешь. У тебя в руках несколько офицеров полка. Чего тебе еще?

Действительно, пленных было много. Среди них оказалась важная жандармская птица. Поймали ее в доме владельца нефтяных промыслов Гартмана. Офицер назвался сыном хозяина, совал в руки семейные фотографии, пытаясь уверить, что висевший в шкафу эсэсовский мундир принадлежит вовсе не ему. Взяли мы «сынка» раздетым. Штатской одежды в комнате не оказалось. Офицер не обманывал, он действительно был сыном хозяина дома, но и эсэсовцем. Отпускной билет, который не успел спрятать папаша, попал в мои руки. В нем значилось: Гартман служит в охранных войсках и выбыл в отпуск из части по семейным делам.

Мы двигались на запад; выступая из мглы, вырастали горы. Первый лесистый кряж. Черный и мрачный.

— Карпаты! — радостно закричал Горкунов.

— Подожди радоваться. Ты доберись сначала до них,— ответил ему опытный в горной войне разведчик Журов.— Тут все рукой подать. А попробуй — полдня протопаешь.

— Чепуха! Вперед, за мной,— скомандовал лихой Горкунов.

Мы шли в направлении села Манява.

Утро застало колонну в поле. Дорога все больше забирала в гору, извивалась, пока совсем не исчезла, штопором ввинтившись в туманную даль двух горных хребтов. Завеса ночной темноты тихо откатывалась на запад. Навстречу нам прибоем морской волны вырастали горы. Сине-зеленые гребешки этого невесть откуда вздыбившегося моря набегали на наш утлый караван. Он плыл навстречу гребням скал и зеленой пучине лесных диких громадин. Только пена туманов белела в ущельях.

Еще час-полтора, и мы достигнем заветной цели. Горкунов ориентировался по карте.

Впереди, в межгорье, зернышками рассыпанного на пахоте ячменя прилепились хатки первого горного селения.

— Манява. Названия-то какие чудные! — усмехнулся Горкунов.

— Доберемся до села — придется дневать там,— сказал я.

— Пройдем еще немного, во-он дорога в лес.

Он был по-своему прав. По приказу мы должны пройти до рассвета еще километров десять.

— Не успеем. Эта дорога — на подъем.

— Ничего. Надо втянуться в горы,— упорствовал Горкунов.

Горы впереди были покрыты дымкой.

— Так бывает у нас на Вологде, когда горит лес. Только здесь дышать легче, веселее,— заметил, очевидно, о горном пейзаже шагавший рядом с нами Митя Черемушкин.

— Погоди веселиться, наплачешься,— откликнулся Журов. Он из пограничников. Война застала его на венгерской границе, в Карпатах.

Но Черемушкин не слушал Журова.

— Интересно, как тут зазвучат пулеметные очереди и взрывы гранат. Минометные налеты.

— Еще наслушаешься,— в такт шагу ответил Журов.

Тут я вспомнил, что никто лучше Черемушкина не умеет по звуку определить систему оружия, направление стрельбы, а по количеству патронов и ритму очереди он даже ухитрялся угадать, кто стреляет — немец или партизан. Мечтательные замечания Мити, оказывается, имели профессиональную окраску.

— Эх, чорт... «Стрекоза»! — с досадой сказал Журов.

Мы придержали коней. Воздушный разведчик, заваливаясь на крыло, проходил вдоль колонны. Он то снижался, то набирал высоту. Я крикнул Горкунову:

— Федя! Надо размещать колонну.

— Чепуха! Вперед! Рысью в горы! — глаза у него заблестели.

Я знал этот блеск и не любил его. Беспредельно смелый помначштаба обладал одним крупным недостатком — он не понимал разницы между риском солдата и командира. Личная отвага — безусловно, хорошее качество. Но когда ты рискуешь собственной жизнью — это одно, а рисковать чужими жизнями — совсем другое дело.

Поговорив как-то с Базымой, я понял: Горкунов был любимцем Руднева. Приглядевшись поближе к отношениям комиссара с Горкуновым, я не нашел в себе силы осуждать за это Руднева. Это была настоящая дружба, основанная на благодарности. Горкунов спас семью Руднева от неминуемой смерти. Это он был тем пулеметчиком, который про-

вез жену комиссара и сына Юрку сквозь огонь полицейских гарнизонов.

Подъезжая к Маняве, я снова посоветовал Горкунову:

— Давай размещать отряды, Федя. Село удобное.

— Никаких размещений! Приказ! В горы — и точка! Колонна, за мной! Рысью! — И голова колонны протрусила по кривой улице Манявы. Разведчики, высланные Горкуновым, уже нашли проводника. Но старый гуцул с топирцем в крепких, мозолистых руках на все наши расспросы отвечал одно и то же:

— Дороги в горы нема. Таких дорог, чтобы войско прошло, нема. Ниц!

— Не может быть,— сказал Горкунов.— Скот в горы гоняете?

Старик снял шапку.

— То не дороги, а стежки. А для войска дорог нема. Каноны[1] не пройдут.— Говоря это, старый гуцул смотрел на нас из-под лохматых бровей недоверчиво и хитровато.— Дороги в горы ниц нема,— твердил он.

Горкунов размахнулся нагайкой и... опустил ее со свистом на круп коня. Конь взвился и заплясал, чуть не сбросив седока. Удерживаясь шенкелями, помначштаба поднял руку с нагайкой и отпустил крепкое слово. Тужурка его распахнулась. На гимнастерке сверкнул орден Красной Звезды. Гуцул так и впился взглядом в грудь седока.

— Эх, пропадай моя качула,[2] як це не наши хлопци! — и он с размаху хлопнул бараньей папахой об землю так, что пыль поднялась.— Есть дорога! Чего паны-товарищи сразу не признались? А я гляжу, що за войско таке?.. Есть дорога!.. Еще за цесаря побудована... Заросла вся, забыли ее гуцулы. Не знают о ней мадьяры. А герману она не по силе. Пуп у него тонкий.

— Проведешь? — успокаиваясь, спросил Горкунов.

— Кто? Я? Старый гуцул щоб не повел русске войско? Проведу! Щоб подо мною земля луснула, если не проведу. Русского солдата хоть на Говерлю, хоть на Поп Иван...

— Пошли! Давай вперед, дед! Колонна, за мной!

Горкунов махнул плетью. Колонна тронулась. Пропустив мимо себя авангард, я тоже начал подъем. Вскоре седло съехало на круп коня. Я спешился и повел коня на поводу. Подъем становился все круче. Непривычные к горам кони быстро выбились из сил. Люди еще брали подъем, подгоняемые манящей синевой горных кряжей. Люди эти были роман-

[1] Каноны — пушки.
[2] Качула — высокая шапка.

тики и патриоты. Одного вида Карпат, на которые нацеливал нас приказ командования, было достаточно, чтобы увеличились наши силы. Но обозным и кавалерийским конягам недоступны эти чувства, которые удесятеряют силы человека. Когда передние ноги становятся на почву, приподнятую на полметра выше задних, лошадь останавливается, тяжело поводя боками, а то и падает на колени. А задние все напирают. Вскоре движение совсем застопорилось. Образовалась пробка.

В это время из-за горного кряжа, заходя со стороны солнца, появилось первое звено самолетов. Сначала мы услышали только гул моторов. Лишь когда самолеты один за другим пошли в пике, мы узнали «нашу» тройку «мессеров».

— Защучили-таки. Теперь дадут пить,— беспокойно озираясь, сказал Журов.

Площадь в Маняве между зданием школы и церковью была забита обозом и пехотой. Нам с горы видно было, как на ладони, это скопление. Туда-то и направили вражеские летчики первый бомбовый удар. Затем самолеты зашли на штурмовку. Теперь досталось и передним.

Половина стояла на подъеме, не имея хода ни взад, ни вперед, ни в сторону. Люди разбегались по оврагам, но обозу не было пути. Обреченные кони стояли, понурив головы. Скошенные пулеметным огнем, они падали, преграждая путь уцелевшим.

За первым звеном пришло второе. Отбомбившись, и оно перешло на штурмовку. Только в десятиминутный перерыв между вторым и третьим налетами командирам удалось организовать ружейно-пулеметный отпор. Но еще две волны безнаказанно косили беззащитный обоз.

Самолеты перенесли весь огонь на голову колонны. Появились раненые бойцы. Падали убитые. В десятом часу удалось сбить один самолет. Он рухнул вниз, и взрыв, донесшийся из ущелья, заглушил возгласы ликования.

Бойцы вернулись к обозу. Растаскивая трупы лошадей, освобождая дорогу, мы изо всех сил тянули израненную колонну вверх. Туда манила своим зеленым шлычком бархатная шапка первой высоты, занятой нами в Карпатах.

Достигнув вершины, мы разбили временный лагерь.

Все занялись своим делом: кто перевязывал раненых, кто искал сена для коней, кто подсчитывал потери взвода, роты, батальона, а кто заглядывал в карту, нащупывая, куда вести отряд дальше.

Мы с Базымой и Горкуновым, ориентируясь по старинной двухверстке, нашли рядом с высотой цифру 936. Она означала, что гора, стоившая нам стольких усилий, крови и труда, была высотой всего в 936 метров над уровнем моря. С ее вершин

открывался вид на Карпаты. Дальше на юг, запад и восток в хаосе вздыбленной земли уходили кряжи, хребты. Горы казались нам маленькими. Но карта говорила другое: рядом — 970, немного дальше — 1204, еще дальше — 1656, а где-то там, в далекой синеве, возвышалась лысая вершина. Указывая на нее, старый гуцул торжественно снял шапку.

— Говерля! То есть Говерля! Наивысша гуцульска верховына!

— А рядом?

— Поручь Говерли — Поп Иван. Тоже верховына не мала... «Верховыно, смутку наш...» — запел старик речитативом.

— Ничего, заберемся и туда,— сказал Горкунов.

Меня возмутило это лихачество. Но я сдержался.

— Так. Неприветливо встретили нас Карпаты,— процедил сквозь зубы Руднев.

Базыма оседлал нос очками. Уже делая выводы, он рассуждал сам с собой:

— Это наша большая удача, что ночью в Россульне хлопцы пощипали 4-й полк СС. Ударь он после штурмовки... Стоил бы нам дорого этот урок...

«Мессеры» отстали. Часа в три дня, грозно гудя пропеллерами, на большой высоте прошла девятка «юнкерсов». Они солидно покружились, но не обнаружили замаскировавшуюся колонну и ушли на запад.

Все затихло.

Базыма закончил подбивать итоги. Я взглянул через его плечо:

Потери:

Убито бойцов	10
Ранено бойцов	29
Убито лошадей	148
Разбито повозок	12

Я глядел на бойцов. Люди призадумались, глаза их затуманились, исчезла удаль. Словно горы, ставшие на нашем пути, навеяли хмурь и безрадостную думу.

— Надо же было случиться, чтобы именно в первый день встречи с Карпатами нас защучили эти «мессеры»,— ворчал озабоченно Базыма.

Напряженный день окончился настолько глупо, что даже нельзя было рассердиться: за час до темноты, из-под охраны сбежал пленный офицер, сбежал из лагеря, битком набитого партизанами, на глазах у всех.

Самолеты больше не гудели над головой. Люди стали подремывать. Очевидно, задремал и часовой. Затем посреди штаба раздался вопль: «Держи, держи его!», и дежурный

вскинул автомат к плечу. Но фашист точно рассчитал план своего бегства. Петляя, вприпрыжку, он бежал по направлению к палаткам Руднева и Ковпака.

Он, конечно, слышал, что подчиненные называют их генералами, и рассчитал правильно: никто не будет стрелять в сторону командиров. Проскочив меж генеральских палаток, он скрылся в кустах, росших по краю глухого оврага. Все это случилось так мгновенно, что пока успели организовать погоню, эсэсовца и след простыл. За него крепко попало от Базымы и от комиссара и караульному начальнику и часовому, а заодно — и мне.

Один Ковпак только ни разу не выругался. Он молча глядел на нас, укоризненно качая головой. Затем сказал примирительно:

— Поспали бы вы, хлопцы, часок. А то вечером опять марш. А чтобы спать было спокойней, допросите всех остальных. Усилить караул — щоб не разбегались.

Негромкий голос командира, услышанный мною впервые за этот тяжелый день, подействовал, как холодный компресс при горячке. Я почувствовал, что Ковпак внутренне собран, спокоен и оценивающим (чуть-чуть насмешливым!) взглядом наблюдает за всеми. И достаточно было этих нескольких спокойных слов, чтоб немного застопорившийся механизм заработал снова.

А через час по приказу командира были посланы роты под командой Михаила Ивановича Павловского на противоположный склон Манявского кряжа. Там находились Биткувские нефтяные вышки.

Еще не спустилась вечерняя темень, как оттуда повалил дым, глухо зазвучали взрывы и зарево озарило потемневшее небо за хребтом. Это неунывающий, упрямый Ковпак задымил на зло врагам свою цыгарку на Карпатах. Цыгарку весом в десятки тысяч тонн нефти и бензина.

На следующий день показались клубы черного дыма из-за другого горного хребта.

— Под Яблоновом горит добре,— доложил Вася Войцехович, ориентируясь немного дольше обычного по карте.

Мы недолго ломали себе голову над происхождением пожаров.

Как известно, ночью 20 июля батальон Федота Матющенко вместе с ротой Бакрадзе, прикрывая переход всего соединения через шоссе Станислав — Дрогобыч, вел бой в Россульне.

После этого боя батальон Матющенко исчез.

Соединение, перейдя шоссе, с ходу овладело Солотвином и двинулось дальше через село Маняву в Карпаты. Здесь

немцы нащупали колонну соединения и подвергли ее бомбардировке, что и вынудило нас поспешно уйти в горы. Подоспевшие из Станислава немецкие войска вслед за нами вошли в Маняву. Путь батальону Матющенко на соединение с главными силами был отрезан.

Матющенко, нащупав врага в Маняве после боя в селе Россульна, вернул свой батальон назад в Черный лес. В следующую ночь батальон перешел шоссе в другом месте и уже утром направился прямым путем в горы. Батальон был вынужден взбираться на гору по бездорожью между селами Яблонов и Манява. Положение батальона было бы не только серьезным, но прямо отчаянным, но Ковпак дальновидно приказал Матющенке не брать с собой в Россульну своего обоза.

Вероятно, немцы догадались, что это какая-то отставшая от соединения часть. Они пытались попробовать ее силы, но, получив отпор заставы, откатились, ожидая подкрепления. Партизаны батальона, углубившись в горы, расположились передохнуть после долгого пути. Только комбату было не до отдыха. Его очень смущали вышки Яблоновского нефтепромысла, которые отсюда, с горы, видны были как на ладони. Насчет их Матющенко не получил от деда никаких указаний. Их даже на карте не было.

Наконец он не выдержал и вызвал к себе опытного чернобрового диверсанта Александра Евграфовича Лукашенко.

— Видишь? Вышки?

— Точно.

— Бери отделение Хайталиева из второй роты и своих минеров. Нужно сейчас же взорвать нефтепромысел. Пока немцы не очухались. Иначе нам тут конец.

Лукашенко почесал затылок, подражая своему комбату, и выждал положенную паузу. Без нее Матющенко никогда не поверит, что командир обдуманно принял приказ. А «недумающих» командир Федот Данилович терпеть не мог.

— Будет выполнено. Разрешите итти?

— Иди. Только будь осторожен. Береги людей! — на всякий случай сказал Матющенко, сам думая о своем: похвалит или поругает его Ковпак «за инициативу».

Через полчаса диверсанты вышли из лагеря. Взяли по пути гуцула-проводника. Тот повел группу к нефтепромыслу кратчайшим и незаметным путем. Приблизившись вплотную к промыслам, группа услышала шум моторов автомашин. От рабочих нефтепромысла, с радостью встретивших наших минеров, группа узнала, что немцы собираются уезжать «за подкреплением». Короче говоря, фашисты струсили, услышав о приближении партизан.

— Не нужно и вышибать их,— доложили разведчики через несколько минут.— Сами уехали!

Расставив посты и наблюдателей, Лукашенко вместе с Хайталиевым и минером Андреем Штукарем вошли в главную контору.

Они решили действовать на новом поприще «строго научно» и потребовали к себе управляющего или инженера.

Разыскали инженера-поляка. Между Лукашенко и инженером завязался разговор:

— Знаете, кто мы?..

— Догадываюсь, проше пане товажиша!

— А догадываетесь, зачем пришли к вам?

— Не ведаю...

— Хотим посмотреть, как вы немцам нефть добываете. Показывайте свое хозяйство. Главным образом нас интересует основное оборудование.

— Пожалуйста, проше пана. Пойдемте,— заторопился инженер.

Как экскурсантов, он повел диверсантов по нефтепромыслу, охотно рассказывая об устройстве и назначении оборудования отдельных деталей. Когда нащупывали что-нибудь важное, Лукашенко подмигивал Штукарю: «Андрюша, заметь эту деталь». Андрюша с минерами отставал на минутку. Заминировав эту деталь, он догонял «экскурсантов» и снова получал на «заметку» новую. Так, обойдя почти весь нефтепромысел, группа нашпиговала минами, снабженными взрывателями замедленного действия, основное оборудование нефтепромысла: вышки, насосы, помпы, моторы, большой бак с выработанной нефтью, вместимостью примерно в 750 тонн, а главное, был заминирован нефтепровод, по которому шла нефть со всего промысла к железной дороге.

Войдя обратно в контору, группа партизан объявила, что через несколько минут начнутся взрывы.

— А вы,— обратился Лукашенко к главному инженеру,— отберите нам основную документацию нефтепромысла... и будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому, до хаты... Слыхали такую песню?..

— Так вы, проше пана, с Бялоруси в Карпаты дошли?..— вытаращил глаза инженер.

Лукашенко молча прислушался к чему-то. Может быть, к шуму ветра в горах, а может быть, к гулу советских самолетов, которые уже чудились инженеру. Иначе как советским десантом не могли быть эти дельные и веселые хлопцы, свалившиеся в ущелья Карпат, как с неба.

— Я разумем пана товажиша...

— Що вы разумнете? — машинально спросил Лукашенко.

— Цо то ест секрет войсковый,— отвечал поляк.

В это время грохнули взрывы.

— Ось и ниякого секрета. Бувайте здоровеньки. Спасибо! Нефть пылала.

Вскоре весь нефтепромысел превратился в огромный костер, черный дым которого был виден за десятки километров.

Этот дым видели не только бойцы батальона Матющенко. Видели и обрадовались ему все бойцы соединения.

— Батальон Матющенко живой, действует! — сразу определил Ковпак.

Это зарево было видно всему населению Станиславщины, оно будило в нем силы к сопротивлению ненавистным немецким захватчикам, топтавшим родную Украину.

Вскоре группа благополучно добралась в расположение своего лагеря. Лукашенко доложил комбату о выполнении приказа. Но Матющенко остался недоволен тем, что группа не захватила с собой инженера, от которого можно было бы узнать многое. Он приказал вернуться за инженером. Группа вернулась обратно к горящему нефтепромыслу, разыскала инженера и привела его в лагерь. Комбат допросил его и отпустил домой.

Ночью батальон тихо прошел окраиной Манявы и на следующий день, 22 июля, догнал соединение около села Пасечное.

И тут наступила очередь Матющенко. За инициативу и смелость его похвалил комиссар и Базыма. Начал было хвалить и Ковпак, но, узнав, что поляк-инженер остался на промыслах, нахмурился. Когда же никто из командования батальона Матющенко не смог назвать даже фамилию человека, оказавшего нам неоценимую услугу, дед рассердился.

Он стал распекать комбата:

— Ты що, не понимаешь, как ты промазав?

— Та вже теперь понимаю,— скреб затылок Федот Данилович.

— От же ничего ты не понимаешь. Нам такие помощники сейчас дозарезу нужны.

— Та який вин помощник! Так, нейтральный панок.

— А що? Зразу щоб вин тоби руки по швам та щей козырнув: явился по вашему приказанию. Нехай и не по охоте, а помогав...

Матющенко был объективный человек и любил это подчеркнуть.

— Так не, чого же. Лукашенко казав: пан охотно все показував. И толково так: що и к чему...

— От и выходить Лукашенко твий молодец. А ты?

Матющенко молчал удрученно.

— Те дядьки, що под силой оружия Сарнскую дорогу охраняли, потом сами же стали пускать поезда под откос?..

— И в моем батальоне есть из них двое.

— А тут человек сам на помощь к тебе пришов? Пришов. И який чоловик. Инженер — раз. Польской нации — два. А ты его назад до фашиста. Вешайте его на здоровьечко. Ой, Федот, Федот... Ну, шо мовчиш?

— А шо ж говорить...

— Ну хоть ошибку свою признаешь?

— Признаю.

— Какая ошибка? — спросил Ковпак.

— Первая — тактическая. От помощника отказався...

— А ище какая?

— Вторая — политическая. Национальный момент пропустив скрозь пальци,— упавшим голосом сказал Матющенко.

— А ище?

— Та хватит и цых двух, товарищ командир,— взмолился Матющенко.— И на чорта було мне те вышки зачипать. Так и знав — не будет добра...

Все засмеялись.

— Оце и есть твоя третья ошибка,— тоже смеясь, сказал Ковпак.— То, що ты промысла сжег,— твоя великая заслуга перед нашими братами на фронте. Тебе грудь вперед держать надо. А з инженером — прохлопали, верно. Объявляю батальону благодарность. А комбат хай подожде... Та не журысь — в приказе про це не буде написано. Это я так для твоего сведения. В общем, объявляю благодарность.

Матющенко под предлогом подготовки к новому маршу поспешил ретироваться.

Через полчаса начался марш.

27

Горы преподносили нам сюрприз за сюрпризом. Оказалось, что спускаться с крутой горы ничуть не легче, чем взбираться на нее. Если же вспомнить, что спускались мы ночью по забытой со времен первой мировой войны дороге, то понятно, сколько проклятий услышали горы за одну ночь и по адресу старого проводника гуцула и солдат, почти тридцать лет назад проложивших здесь этот головоломный путь.

Аварии были на каждом шагу. Ломались колеса, летели куда-то в пропасть ящики со снарядами, патронами. Ездовые дострeливали лошадей, поломавших ноги. А уж сколько шишек и синяков наставили себе и друг другу люди за эту проклятую ночь — и не счесть.

По спуску с высоты 936 (всего пять километров, если провести прямую по плоскости карты!) ползли мы около шести часов. Меньше километра в час — вот темпы ночного горного марша.

Затем дорога стала более пологой, и колонна втянулась в ущелье. На дне его бежал ручей. Дороги там тоже не было, но ехать можно и по дну мелководного ручья. Мы потом поняли, что сделали непростительную глупость: пересекали кряж, в то время когда в горах надо ходить только вдоль кряжей. За эти сутки мы перекочевали всего-навсего через первый небольшой горный рубеж.

Ручей привел нас в долину реки Быстрицы. Вдоль берегов ее проходит шоссе и узкоколейная дорога. Противник, отвлеченный разгромом 4-го полка и бросивший остатки имевшихся под рукой резервов на охрану нефтяных промыслов, отстал.

В долине Быстрицы уже светало. Вчерашняя бомбежка была всем хорошо памятна. Народ, поглядывая на небо, усердно погонял коней по шоссе. Большая часть их вышла из строя. Они посбивали себе копыта на каменистых дорогах. Непривычные к горам, еще два дня назад такие резвые, кони еле тащились по каменистому шоссе. Обоз вышел из строя, пройдя по горам всего десять-пятнадцать километров.

Только пара небольших лошадок Павловского бойкой рысью обогнала колонну. То ли коняги родом из этих мест, то ли старый хозяйственник нашептал им какие-то колдовские слова, но «выезд» Павловского показывал класс резвости и быстроты. Помахивая хвостами, кони неслись, обгоняя уныло бредущий обоз, телеги с ранеными.

Сидя верхом на огромных битюгах артиллерийских упряжек, ездовые пушек изнемогали. Они устали понукать своих слоноподобных тяжеловозов и с завистью провожали глазами повозку Павловского. Артиллерийские кони с усилием переставляли ноги с пудовыми копытами только под ударами кнута. А через секунду, жалобно опустив огромные, добрые головы, они еле плелись по каменистой дороге.

— Расчахнулись, проклятые,— кричал, оборачиваясь на возу, Павловский.— Це вам не Пинские болота. И не степя-а-а... Тутечки дело поскладнее. И для германа тоже. Но и для нас.

Велас — повозочный санчасти (он же конский хирург и «фармацевт») проворчал:

— Добре тебе языком молоть. Эх, нема правды на свите... Як у начальства, так и кони ноги не подбивают. Богатому чорт дитей колыше.

Но оказалось, что правда еще существует на свете. Обгоняя обоз по краю обрыва, ездовой Павловского не рассчитал и

вывалил своего хозяина в речку. К счастью, обрыв был невысок, дело окончилось синяками и шишками. Побарахтавшись с минуту в быстрой, но мелкой реке, Павловский под смех ездовых выбрался на берег. Из телеги вывалилось в реку: два мешка сахару, мешок соли, несколько ящиков с мылом, литров тридцать водки, одеколон, мануфактура и еще множество бакалейных и галантерейных товаров.

— И де воно вмещается? Не меньше чем пивторы тонны. Не повозка, а пульмановский вагон,— разглагольствовал довольный Велас, кнутовищем показывая на черный ком шубы Павловского: словно расшалившийся щенок, ее рвала и метала Быстрица.

Народ повеселел.

— Ну что, злая река? — спрашивал, смеясь, Базыма незадачливого помпохоза.

— Они ее подсластить хотели,— не удержался от насмешки Семенистый.

Намек на утонувшие два мешка сахара переполнил чашу терпения Павловского. Семенистый сразу после ядовитой реплики погнал коня в галоп. А вслед ему неслась отчаянная ругань помпохоза. Немного успокоившись, Павловский согласился с доводом Базымы.

— Река действительно злая!

Минер 4-го батальона Платон Воронько, взорвавший мост под Тернополем, ехал рядом со мной. Откинув непослушный поэтический чуб, он вдруг громко проскандировал:

По высоким Карпатским отрогам,
Там, где Быстрица — злая река,
По звериным тропам и дорогам —
Пробирался отряд Ковпака.

Базыма хмыкнул себе под нос:

— Ничего. Получается! Мотив надо подобрать.

А когда совсем рассвело, мы, памятуя наши вчерашние приключения в Маняве, стали быстро размещаться в селе у реки Зеленой.

Уже ходили по рукам в листках коряво переписанные куплеты вновь сложенной песни:

Он шумел по днепровским равнинам,
Там, где Припять и Прут голубой,
Чтобы здесь, на Карпатских вершинах,
Дать последний решительный бой.

А так как в отряде, в рядах которого были и учителя, и агрономы, и архитекторы, и кинооператоры, и поэты, не нашлось ни одного композитора, то ее пели в ротах на мотив «Казака Голоты».

«Последний ли? — подумал я.— И знают ли эти люди, всего полдня, за этот месяц, прожившие без боя, что им еще предстоит?!»

Дорога сворачивала влево, вдоль улицы села Зеленого. А справа все шумела река Быстрица.

Кто знает, как она покажет себя, эта река.

А пока что:

По высоким Карпатским отрогам,
Там, где Быстрица — злая река... —

гремит по колонне песня,—

Дин н ночн стрельба-каноиада,
Только эхо по сопкам ревет —
Партнзан ие желает пощады
И иа помощь к себе не зовет.
Не зовет он далекого друга,
Что на фронте за тысячу верст,
Из-за Дона и синего Буга
Ты прндешь к нам, наш сменщик, на пост.

Так пели партизаны в нескольких километрах от государственной границы Советского Союза в июле 1943 года.

28

В селе у реки Зеленой мимоходом была разгромлена немецкая погранзастава. Пограничники отошли в горы без боя, побросав свои пожитки и чемоданы. Уничтожили только рацию и боеприпасы. Немецкая застава прикрывала широкую долину Быстрицы и ущелье Зеленой и Зеленички. Таким образом, выход на венгерскую сторону был открыт. По приказу Ковпака на заставе был оставлен батальон Кульбаки. Все соединение ушло в ущелье реки Зеленой.

После изнурительных маршей, закончившихся двумя головоломными переходами в горах, стоянка нужна была дозарезу. Но почему Ковпак выбрал ее в ущелье Зеленой? — спрашивали мы себя.

Молодой разведчик Журов, бывший пограничник, робея и волнуясь, доказывал, что остановиться здесь — значит нарушить границу государства.

— Это же не какого-нибудь бургомистра или гебитс-комиссара пощупать! О нарушении границы через несколько минут будут знать в Будапеште.

Почему осторожный Ковпак не внял здравому голосу? Только позже я понял, что и Ковпак и Руднев крепко надеялись: заварим кашу, а тем временем подойдут Сабуров, Олексенко и Шитов, ударят на Бессарабию молдавские парти-

заны Андреева и Шкрябача, на Винницу пойдут Мельник и Буйный. Это был план одновременного удара многими отрядами на юг Украины. Федоров еще раньше нас ушел на запад под Ковель.

А сейчас, карабкаясь по склонам к ротам, тренируя старые ноги в ходьбе по горам, командир как бы говорил хлопцам всем своим видом:

— Проходили мы не раз границы и похлеще! Брали под пулеметным да минометным огнем рубежи Днепра и Припяти, выпутались и из «мокрого мешка». Держи голову выше, хлопцы!

Не мог же Ковпак перед всеми раскрывать тайну важнейшего плана, в котором его отряд выполнял только одну составную часть задачи — роль авангарда. Ковпак знал: нехватит у Гитлера резервов, чтобы ликвидировать тот мощный удар главных сил партизанских, который был подготовлен под руководством товарища Демьяна летом 1943 года на юге Украины.

Вот почему отряд остановился в ущелье реки Зеленой. Остановился надолго.

Может быть, здесь и будет положено начало будущему партизанскому краю?

Первые три дня прошли спокойно. От батальона Кульбаки к штабу вела узкоколейка, предназначенная для вывоза леса. Шла она под значительным уклоном. Небольшие вагонетки катились от штаба до батальона Кульбаки сами собой километров семь-восемь.

Командование приняло решение: приспособить обоз к горным условиям. Не знаю, кому первому пришла в голову эта мысль (кажется, Павловскому), но осуществили ее очень просто. Парные телеги резали пополам, превращая один воз в две одноосные арбы. Назрела и вторая трудность: добыча продовольствия. На равнине, богатой хлебом, вражескими продовольственными складами, все делалось само собой: роты и батальоны жили на «подножном корму», а централизованное питание распространялось только на редкие, дефицитные товары: соль, табак, мыло; изредка на сахар и мясо. А в горах даже кукурузная мука оказалась редким продуктом. Правда, в селе у реки Зеленой мы взяли склад немецкой погранзаставы, там был сахар, табак и мука. Но Кульбака не мог изменить своему щедрому «равнинному» характеру и большую часть муки и сахару роздал гуцулам окрестных деревень. Уж очень бедно жил здесь народ. На детей — золотушных, с огромными животами и лихорадочно блестевшими глазами — жаль было смотреть. В том же селе я услыхал пословицу, сложенную, может быть, сейчас, на лету, а может, су-

ществовавшую со времени освобождения Красной Армией в 1939 году. Старая гуцулка приглашала отведать ее скудный обед. Я отказывался.

— Заходьте до хаты. Теперь мы все живы. Як русский в сели, то и хлиб на столи.

Это мне напомнило случай на Припяти. Там старушка на вопрос разведчика: «Кто есть в селе?» —ответила: «Там Иосыпови диты».

Разведчик не понял и переспросил:

— Кто, кто?

— Идите смело, не бойтесь. У них звездочки горят на шапці и в сердцах. Там Иосыпови, Сталинови диты.

А тут гуцулка говорит: «Як русский в сели, то и хлиб на столи».

Пока еще имелись кое-какие продовольственные запасы, мы не обращались за помощью к населению, а, наоборот, раздавали гуцулам захваченные у фашистов продовольственные склады.

Так прошло несколько дней. Рабочая, обозная часть отряда трудилась с утра до ночи над переделкой повозок. А боевики, державшие заставы на вершинах сопок, штаб, разведка и санчасть были не особенно загружены.

Здесь мы не ожидали самолетов. Отряд прошел в Карпаты все-таки без крупных боев. Он донес сюда запас патронов, взрывчатки и снарядов. Командование решило Большую землю пока не тревожить. Да и беспокоили перебои радиосвязи с Москвой: то ли мы забрались слишком далеко и рации работали на пределе, то ли радисты еще не приспособились к работе в горах. Радиограммы принимались с искажением. Без начала, без конца. Часами возились радисты, но безрезультатно. А то вдруг появлялся немецкий разведчик, начинал кружить вокруг сопки. Приходилось прекращать работу раций.

Ковпак удерживал отряды у реки Зеленой еще и потому, что на запад к Дрогобычу и Бориславу был послан Лисица. Небольшая, но хорошо вооруженная группа под командованием хитрого разведчика и диверсанта получила задачу разведать, а если представится возможность, то и «пощупать» нефтяные промыслы. По расчетам Ковпака, Лисица должен был вернуться. Рация его молчала. В других условиях это встревожило бы нас, но в горах не слышно было и Москвы. Поэтому молчание Лисицы еще не значило гибели его группы. Мы поджидали Лисицу со дня на день. Вторая причина стоянки — переход на облегченные средства транспорта. Люди приспосабливали арбы, повозки к горным условиям, ковали коней. А на это требовалось время.

29

Сокращение обоза, кроме препятствий материально-технического порядка, встретило трудности иного характера.

Ездовые пытались как-нибудь объегорить комвзвода и старшину. Те сообща втирали очки командиру роты, эти соответственно обрабатывали комбатов. Комбаты умоляли штаб накинуть еще хоть что-нибудь поверх строгого лимита на повозки. Но штаб был неумолим. Паломничество комбатов началось на третий день. Они по очереди являлись к Базыме. Тот сидел подобно каменному изваянию, не моргая слушал получасовую адвокатскую речь Кульбаки, насыщенную доводами, примерами наиубедительнейшими. Наконец красноречие истощалось, и, вытерев пот с лица, комбат умолкал. Базыма откладывал в сторону ведомость с разверсткой арб и вьюков.

— Все?

— Кажись, все.

— Теперь слушай команду. Кру-гом! К себе в батальон — шагом марш! — Уже вслед уходившему Григорий Яковлевич говорил, все повышая голос: — Ты шо думаешь, я сам не знаю того, с чем ты меня агитировать пришел? Знаю. Нельзя — и точка. Не можем мы в горы таким табором влезть. И ты должен своих людей агитировать, а не меня. Чтоб массы сами поняли. И сокращались. А ты в хвосте плетешься. Ко мне лезешь. А я что — господь-бог! Я эти горы сотворил? Нет... В общем ступай!

Но «массы» не поддавались. Не так-то легко было убедить людей отказаться от последнего удобства в этой и так мало уютной походной жизни.

У Базымы начинали сдавать нервы, но старик держался изо всех сил. А на пятый день разыгрался из ряда вон выходящий скандал. Повозочный Велас чуть не избил главного хирурга Ивана Марковича и грозился его застрелить.

Серьезный, вдумчивый врач Иван Маркович Савченко, уже около года работавший в отряде, пришел в штаб просить защиты.

— Управы на него нет. Совсем взбесился, старый чорт.

— Да в чем дело? — спросил врача Базыма.

— Обоз мы сокращаем? Приказ ваш был?

— Ну, был...

— А тяжести, грузы?

— Это как сами считаете.

— Вот я и считаю. Надо раненых спасать, а у нас аптека и медикаменты да перевязочные материалы на трех тяжелых возах еле вмещаются.

Базыма понял: главврач просил надбавки.

— Приказ — и точка. Никаких. Сколько у тебя там? Кроме тех, что для раненых?

— Две арбы.

— Ничего не прибавлю.

— Да я и не прошу. Стал я сортировать всю аптеку. Не могу же я препараты бросить! Сульфидин, стрептоцид... Да и не столько там веса. Индивидуальные пакеты — тоже. Вот и набралось. Хирургический инструмент — тоже... Все лишнее я выбросил долой.

— Значит, можно обойтись?

— Можно.

— И сколько получилось?

— Ровно две арбы. Полные до верха. Но если упаковать хорошо, все необходимое вмещается. С трудом, но...

— Ну так в чем же дело?

— Да опять же с Веласом.

— А что он — отказывается везти?

Комиссар, присутствовавший при разговоре, сказал:

— А ведь верно. Трудно старику по горам. Можно назначить ездового помоложе.

— Да нет, наоборот.

— Что такое? В чем же у вас главная трудность?

— Автоклав...

— Не понимаю.

Я давно замечал пристрастие повозочного Веласа к странному предмету, похожему на огромный самовар, какие мне приходилось видеть лишь в детские годы на станции Жмеринка. Звалась эта махина — автоклав. Предназначенный для стерилизации инструментов и бинтов в стационарном госпитале, он был невозможно громоздок и неудобен для перевозки. Еще первый партизанский врач Дина Маевская каким-то образом внушила старику Веласу, в течение всей своей шестидесятилетней жизни и не подозревавшему, что на свете есть такие штуковины, что от этой громоздкой и несуразной вещи зависит чуть ли не существование отряда. И если бы не забота Веласа, уже давно раздобыли бы мы автоклав, более подходящий для рейдовой хирургии. Но Велас возил этот громоздкий, неуклюжий чан безропотно, больше того — самоотверженно, уже два года. И довез-таки в Карпатские горы. Я не раз видел на переездах старика, под обстрелом прикрывавшего собственным телом огромный автоклав. Ездовые посмеивались над Веласом, затем бросили: упорство в выполнении долга, даже если речь идет о самом маленьком, всегда вызывает, в конце концов, уважение. Люди видели — фашисты могут убить любого из нас, могут растрепать отряд, могут бомбить, обстреливать, накрывать минометным огнем, но

пока жив Велас, автоклав будет цел и невредим. И к началу работы полевого хирурга будет он весело шипеть, выпуская парок, блестеть надраенными боками, в которых отражается лохматая стариковская голова Веласа... Это стало уже привычкой, бытом...

И вот сейчас сам главный врач Иван Маркович приказал оставить автоклав! Велас не соглашался. На повторный приказ он ответил руганью, назвал врача «вредителем», а когда тот прикоснулся к заветному автоклаву, набросился на него с кулаками и даже схватился за карабин. Вызванный командованием, Велас молчал, сопел, поглядывая исподлобья...

— Вредитель он. И враг народный. Все. Точка.

— Вот видите! — махнул рукой хирург.

Командиры, знавшие Веласа, вначале улыбались. Ковпак спросил шутя:

— Що, може вожжа под хвост попала?

Велас пропустил замечание командира мимо ушей.

— Снимем с санчасти, старик,— серьезно пригрозил Базыма.

— Не имеете никакого права. Я з самого сорок первого года в ней состою. Есть хоть какое за мной замечание? Ага! Нет? Как же ты снимать меня будешь? За что?

— Почему не подчиняешься?

— Потому — вредительский приказ!

— Ладно, ступай. Ступай! Я шо сказав? — закричал Ковпак.

Велас, пожав плечами, медленно, как бы делая одолжение, отошел шагов двадцать и остановился, поглядывая на штаб.

— Займитесь своим делом,— обратился к Ивану Марковичу комиссар.

— Так он опять в меня стрелять надумает...

— И застрелю... Ты що думаешь? — как расшалившийся мальчишка, выглянул из-за сосны старик.

— Арестовать,— кивнул дежурному на Веласа Ковпак.

Велас сам подошел к Ковпаку.

— Арестуешь? Это можно. Гляди, не раскайся только.

Все заулыбались. Чудачества Веласа все же иногда скрашивали однообразие походной жизни на стоянках.

Иван Маркович ушел.

А я, пытаясь понять поведение своенравного старика, вспоминал его историю.

О своем приходе в отряд, как немногие из ветеранов 1941 года, Велас не любил распространяться. Только один раз мне пришлось услышать его историю. Село Веласа было полностью сожжено фашистами. Велас был в лесу на работе. А всю его семью, состоявшую из жены — Пелагеи, двух доче-

рей, снохи и семерых внучат, постигла тяжелая, мучительная смерть. Молодух постреляли. А старуху с внуками загнали в сарай-клетушку и заживо сожгли. Велас вернулся с делянки лишь на третий день. Помню, он ровным голосом рассказывал:

— Пришел я. Гляжу, заместо нашего села одна степь, а на ней дымочки курятся. Дошел до своей дедызны: може, думаю, кто из семейных в ямке сидит. Побродил — нема никого. Глядь на тае место, где плетух коровий у нас стоял. А они, мои милые — все семейство,— как сели в уголочке того плетуха, так и сидят. Все восьмеро. Посреди никак моя Палашка, а кругом ее — детки, внучата. Скинул я шапку с головы: «Здравствуйте, мои дорогие...» — говорю. А они молчат. «Здравствуй, жена моя Палага»,— и за плечо ее взять хотел... Она и рассыпалась. Тут уже я больше ничего не помню. Только в ковпаковском отряде до памяти пришел. Говорили хлопцы — встрели на просеке: лесом я шел и песни все пел...

Люди разных знаний и опыта лечили партизан.

Первым хирургом отряда Ковпака была Дина Казимировна Маевская, по образованию физкультурный врач. Она окончила институт перед самой войной, пришла в отряд без единого инструмента, без лекарств.

Но если у кого-нибудь из нас, выживших наперекор всему, и сохранилось чувство уважения и благодарности к самой человечной из наук — медицине, то оно связано с образом этой девушки, физкультурного врача. Спасать жизнь человека в больницах, госпиталях и специально оборудованных кабинетах, конечно, благородное дело. Но попробуйте это делать при керосиновой лампе в лесной избушке, в сарае или на марше под дождем...

Раненый партизан — самая трудная и неразрешимая военная проблема. Даже в местных отрядах, где есть возможность организовать в лесной глуши партизанский госпиталь или на крайний случай оставить раненого в деревне у верных людей, это не легкое дело. В рейдовом же отряде вылечить или просто спасти жизнь раненого во много раз труднее. Единственная возможность — отправить его самолетом на Большую землю — бывает только к концу рейда, то есть раз в три-четыре месяца. А в самый трудный период ранения его возят за собой.

Были выработаны строжайшие законы внутриотрядной морали. Раненым мы отдавали все. Командир или боец, оставивший раненого на поле боя, покрывал себя позором. В отдельных случаях виновных в таком преступлении расстрели-

вали. Для раненых предназначались лучшие повозки, кони самые выносливые, ездовые самые опытные и умевшие править так, чтобы повозку не трясло. К одному тяжело или двум легко раненным прикомандировывалась девушка-партизанка. Ее обязанность — при любых условиях (из-под земли!) достать раненому подушку, одеяло; кормить маслом, сметаной, печь для него белый хлеб и лепешки; и чтобы все это было без мародерства. Походные нянюшки (многим из них было пятнадцать-семнадцать лет) умели ласковым словом разжалобить сельских старух. Были среди этих девчат и такие, что даже божественные речи держали в церквах. И потрясенные их красноречием семидесятилетние старухи жертвовали из своего приданого рушники и грубое крестьянское полотно. Оно, оказывается, лучше гигроскопической ваты, лучше корпии, но полотно это надо продезинфицировать.

А для этого именно и нужен автоклав.

Каким магическим способом Дина Казимировна сумела убедить Веласа, что от этой штуковины — автоклава зависит жизнь раненых, я не знаю. Но он усвоил это крепко. И вот сейчас на все дело его жизни посягнул человек со званием врача!.. И этого человека поддерживали командиры!

Сидя под арестом, Велас жаловался часовому:

— Була б Динка — мы б этого в жизнь не допустили. Срамота! Отряд — и без автоклавы.

— Да на чорта он тебе сдался? Раз приказывают...

— Эх ты... зелено-белено... Приказывают!.. А кому? Веласу? Мы еще первую медицину в отряде открывали.

Но здесь, на Карпатах, не было Дины. Она надломила здоровье на непосильной работе, свалилась в тифу и была эвакуирована с Князь-озера...

Правда, теперь, в 1943 году, уже несколько врачей было в отряде.

Но что же делать с Веласом?

— Надо их как-то помирить,— сказал я комиссару.

— От я зараз их помирю,— решительно заметил Ковпак.— Пошли, Велас!

У Веласа блеснули надеждой глаза, и с удивительной прытью он пустился на гору.

— Показывай свою медицину! — скомандовал Ковпак в санчасти.

Велас взял на руки автоклав.

— Неси сюда,— Ковпак показал место на краю обрыва.

К ним подошли медсестры Дуся Черненко, Галя Борисенко.

— Нужен для медицины цей самуварь? — спросил у девушек Ковпак.

— Конечно... Как в степях, то чего же... Нужен, конечно...

— А в горах обойтись можно?

— Можно, конечно.

Ковпак повернулся к хирургу.

— Иван Маркович, можно обойтись?

— Я сказал уже. Можно. Заменим кастрюлей, ведром...

— Ну, глядите...

И Ковпак с размаху ударил ногой по чану. Тот перекатился, загудел и с грохотом полетел по скалам в обрыв.

— Что — опять бомбят? — затревожились раненые.

— Лежите, лежите, хлопцы,— мимоходом успокоил их Ковпак.

А над пропастью стоял старый Велас, и на глазах его блестели слезы.

Он повернулся и погрозил вслед Ковпаку:

— Тоже... Так и сказал бы... Раз нельзя лишних коней, так и сказал бы. Можно було б на плечах, пока по силе возможности. А то сразу... Думает, как генерал, так и можно уже фыр-фыр, ногами брыкаться... От стрельнет фашист тебя, генерала, тогда узнаешь, как без а... а... асептики, будешь знать тогда, шо есть партизанская медицина... Як червы заведутся... тогда не дуже забрыкаешь...

В штабе я внес предложение перевести Веласа из санчасти. Базыма согласился.

— Верно. Переведем от греха подальше. Старик такой, может натворить делов. Да и делать ему теперь в санчасти нечего. А куда его ткнешь?

— Давайте на радиоузел.

— Верно, дедок на медицине образовался малость. Пускай еще техники понюхает.

На этом и порешили.

Новое назначение пришлось Веласу по душе. Вот только развернуть в эфире свою деятельность ему не довелось.

Не успел.

30

Противник неожиданно и крупными силами начал нажим вдоль долины Быстрицы. До трех батальонов с артиллерией навалилось на наш самый малочисленный отряд — отряд Кучерявского. Он держался два дня, затем стал понемногу пятиться. Обоз был реконструирован только наполовину, а уже встал неумолимый вопрос: «Куда двигаться дальше?» Командование собрало штаб.

— Думайте, хлопци! Яки у кого есть варианты? — спросил Ковпак.

— Мы ожидали наступления, но не так скоро,— сказал задумчиво Руднев.

— Можно через Руфайлову шарахнуть на юг: прямо в Закарпатье, а можно свернуть круто на восток и выйти к Пруту от так: на Делятин, Коломыю, Черновицы,— соображал над картой Базыма.

— Этот вариант наиболее подходящий,— сказал Руднев.— Какие еще? Докладывайте!..

— Есть и третий вариант,— сказал помначштаба Горкунов.

Это был, по-моему, самый неподходящий вариант: выбираться по ущелью реки Зеленички вверх на кряжи, в сторону венгерской границы — на Яблонов и Поляничку.

Командование, выслушав всех, не приняло ни одного из предложенных маршрутов.

Казалось, и Руднев и Ковпак берегут свою душевную энергию и творческие силы для будущих решений. А что дела будут серьезные, уже никто не сомневался. Об этом говорило и количество войск, и активность наземных разведчиков врага, шнырявших по горам, и появление «стрекоз» — воздушных разведчиков. На следующий день противник нажал еще сильнее. Он сбил наш заслон. Отряду оставалось либо втянуть все силы в серьезный бой, либо немедленно сняться и двинуться по пути, придуманному Горкуновым.

— В горы, дальше в горы! — вот была мечта Феди Горкунова. Там вдали синел в дымке огромный Поп Иван. Над ним высилась стройная Говерля. Именно туда и прокладывали мы свой маршрут.

— В горах основа тактики — борьба за высоты,— говорил часто в эти дни Руднев. Он раньше всех призадумался над недельным опытом горной войны.

А горы на нашем пути громоздились все выше и выше.

Разрабатывая горный маршрут, старый учитель Базыма, подпадая под общее настроение, лихо насвистывал солдатскую песню Ковпака.

«Горные вершины, я вас вижу вновь!»

Иногда на миг он переводил изумленный взгляд с карты на синевшие кряжи.

Подняв на лоб очки с дальнозорких стариковских глаз, говорил мне восхищенно:

— Не горюй, дед-бородед. Безумству храбрых!..

Повторив припятский маневр с ракетами, отряды за ночь оторвались от противника и ушли по ущелью реки Зеленички дальше в горы.

Ночь марша была очень трудной для обоза. Люди шли пешком. Они уже убедились, что здесь это самый легкий способ передвижения. На рассвете докарабкались до кряжа.

В сумеречном свете застрявшей в ущельях иочн мерещились преследующие нас по пятам вражеские полкн. Горный хребет мрачно синел за спиной. Впереди туманы окутали широкую долииу. Над белосиежным месивом тумаиов вырастали еще более неприступные кряжи н скалистые хребты. Казалось, что мы все еще стонм у самого подиожья гор. Но это был обмаи зреиия. Весь оргаиизм ощущал большую высоту. О ней сигнализировали легкие, сердце и подгибавшиеся колеии.

— Перевал,— сказал проводиик.

Зиакомое слово, но не встречавшееся раиее в моей жизни поиятие — перевал. Для меия сейчас это была только самая высокая точка, до которой докарабкались дрожащие иоги и достукалось готовое лопиуть сердце.

Впереди — пологий спуск. Позади — подъем, теряющийся в рассветной мгле.

Там из последиих сил ползла на гору колониа Ковпака.

Горы позади н горы перед нами! Иди разберись в этих горных тактическнх дебрях. Ведь мы все впервые вышли иа такие вершиины, зиачит все учеиики.

— Колоиia подойдет ие раньше, чем через два часа. Есть время отдохиуть,— говорит Горкуиов, с удовольствием растягиваясь прямо на каменистой тропе.

Спустя десять миiут ноги перестали дрожать. Но сердце стучит так же громко н легкие хватают не нахватаются прозрачиой пнщн.

Гуцул-проводиик прервал мон думы.

— То есть Веигрня! — указывает он своим топирцем иа соседнюю высотку.— А то — Украииа!

Начииать спуск, пока не подтяиутся отставшне роты н батальоны, мы не решаемся. Я отошел в стороиу н сел у подножья огромиой скалы. На ней глубоко вырублеииые, заросшие мхом таииственные обозначеиия: крест, стрела н выведеиное славянской вязью имя: «Олекса Довбуш».

Вспомиилось это имя. Олекса Довбуш — национальиый герой Гуцульщниы. Отсюда, с вершнн Карпат, на север и восток, на запад и юг, славяиство, нзливая в песиях и легендах свои свободолюбивые мечты, звало иа борьбу с чужеземцами. «Дранг нах Остен» вызвал к жнзин н этих сказочных героев славяиских сказаиий.

Здесь, в Гуцульщиие, он — Довбуш, иа Подолнн — Кармелюк, в Бессарабии — Кодряи, а у чехов — Яношек. Трогательиые варнацин одной и той же иародиой мечты в подъяремиых странах. Непобедимый герой, грудью встающий на защиту бедиых от богатых, славянина от ковариого германца.

Гуцул-проводиик сиял шапку, перекрестился на камень и низко поклоиился ему.

Я слыхал сказания о Довбуше в стихах и прозе. Заглядывал в тома собирателей фольклора. А каким его видит сам народ?

Гуцула просить долго не надо. Старик присел на пенек и, опершись подбородком на свой топирец, стал рассказывать. И оказалось, что Довбуш — из их села, и хата отца Олексы Довбуша стояла рядом с хатой кума нашего поводыря...

Уверившись в том, что он заинтересовал нас, старый гуцул, обводя топирцем вокруг, таинственно снизил голос:

— Это было ось тутка. На цему перевали. Водораздел тутка спокон веков. Сюда воды бегут на Днестро, а туда — до Прута. Це самый высокий кряж. С него дорогами без спуска в долины люди до Попа Ивана и на самую Говерлю когда-то ходили. Были такие чабаны, что все стежки верховынские знали, як свою полонину.

— «Полонино, смутку наш...» — запел он речитативом и задумался горько.

Поддаваясь обаянию задушевного голоса, притихли и партизаны. Гуцул продолжал:

— Теперь уже повывелись. Немае таких людей. А в те годы серед тех чабанов наймоцнищий гуцул был ватаг Олекса Довбуш. Был Олекса один, як палец, у отца с матерью. А родился он хворый, слабый. «Не выйдет из него добрый чабан»,— с горькой журбою си признавав батько. А матенька — она матенька и есть: она сынка бесталанного в травах купала, слезой его умывала, черными косами лыченко болезное коханого Олексика свого утирала. «Слабый хлопец, кволый хлопец,— не выйдет из него чабан»,— говорили про него ватаги. Ох, горенько отцу, матке з кволым сыном. И выливалось то батьковское горе песней-музыкой.

И снова запел старик речитативом про свою смутную полонину.

— Играв песни Олекса на флояре так дивно, словно вся его мужицкая сила в ту флояру ушла. Играв жалобно, да так файно, шо люди слезой умывались. А еще мог из батьковой стрельбы[1] попадать молодой Довбуш в яблочко-кислычку на сто-сот шагов. И решил батько Олексы, что не судила доля его сыну чабаном быть, а выпала ему доля на свадьбах музыку играть и на верховынах за зверем полювать.

Старый гуцул затянулся дымом коротенькой люльки и, взглянув на горы, продолжал:

— Было то как раз среди знойного лета — остался хворый Олекса в горах. Заснул он в колыбе. Сколько спал — не помню. Но раптом прокинувся он от сильного грома. Видит

[1] **Стрельба** — кремневое ружье.

Олекса Довбуш возле скалы маленького чоловичка. Приглянулся он к нему позорчей, а у того маленького чоловичка заместо ног копыта. Глянул еще раз, а у того чоловичка из-под кудрявой чупрыны — рожки блестят. А в горах — туман, гром, туча надвигается. Олекса сразу смекнув: нечиста сила возле скалы вытанцовуе. Глянул Довбуш на небо и на колени стал — на белой, белой хмаре-облаке тихий-тихий бог сидит, а сам словно кислыцю съел, аж губы ему свело.

Разведчики, подмигивая друг другу, слушали побаску старика с усмешкой, но с интересом.

— А чертяка той под скалою веселый такой да юркий скачет-прыгает, бога языком дразнит, дули ему тычет. Кривится, бог кривится, а ниц ему зробыть не в силе. А потом чортеня штаны как скинет и давай господу-богу голый зад показывать...

Казалось, в горах загремело от хохота партизан-ковпаковцев и скала Довбуша вторит им.

— А що ж бог? — держась за живот, спрашивал Бережной старого гуцула.

— А що ж бог? Гневается бог. Загремит-загремит, молнии в чертяку пустит, но пока тая стрела-блисковка с неба долетит, чорт уже за скалу заховався. А через хвыльку опять голым чертячим задом бога дразнит. Тучи грозовые бог напустил. Молнии в чертяку пускает, а ниц ему зробыть не в силе.

— Так и не может? — серьезно спрашивает деда Черемушкин.

— Не может. Слыхал, бог-то древний, старый, из него песок сыплется. А нечистая сила — вроде нашего Михаила Кузьмича, попробуй слови его,— объяснил разведчикам Бережной.

— Жалко стало молодому Довбушу старого бога,— продолжал гуцул.— Перекрестил он свою стрельбу. Зрывает з киптаря он срибный гудзык,[1] заряжает им стрельбу, ладно так прицелился и, как только чертяка знову выскочив, он той освященной пулей-гудзыком и убил нечистую силу. И подался к себе в село со стрельбой за плечима.

Слушатели огорченно вздохнули. Помолчав немного, старый гуцул продолжал:

— И видит ночью Олекса сон. Приходит к нему бог, борода до пояса, на ногах новые лычаки, с золотым топирцем в руках. Приходит и говорит тихим голосом: «Спасибо тебе, Олекса Довбуш, за твою веру-службу. Проси у меня, что хочешь». И взмолился во сне Олекса: «Ничего не прошу у тебя, господи, только выгони ты из меня хворь. Прошу тебя, шоб был я самым сильным гуцулом на свете».— «Добре,— говорит

[1] **Гудзык** — пуговица.

ему по мовчанке господь,— будь по-твоему». Прокинувся Олекса на ране, стрельбу на плечо вскннув и пошел себе на полоныну. Походил, походнл н думает: неправда все, что мн прнснилось. И только он тое подумав, как слышнт тихнй голос: «Берн, Олекса, скалу на плечн н несн ее на саму высоку гору». Подставил плечо Олекса, и навалнлась скала сама ему на крыжн. Крякнул Олекса, подправил скалу и понес ее в гору. Вынес ее на саму верховыну н поставив на водоразделе Днестра н Прута. Имя свое на ней сн вырубав. И занграло сердце у него, могутность свою почуявшн. Вырубав однним махом себе Олекса Довбуш трембнту невнданной довжины в три чоловическнх роста. Рубав он ее с песней. Рубав ее нз разбнтой громом смереки. А обвивав он ее березой, что росла над горным ручьем. А как подняв ее к губам и ся затрембнтав — огой, гой,— полыныни все карпатскне на голос Довбуша сн отозвалн. Услышалн Карпаты ту трембиту, н голос у нее был громовый, а в ее трембнтании звучал шум волны. Песня ее лнлась, як горный потик. Выйшов с той трембнтою Олекса на борьбу з ляхом, мадьяром н германом. И нихто его победнть не мог через то, шо за его добрую душу дал бог ему силу велнкую. Таку силу, шо удар его руки равнялся силе всего народа. Это был самый могучнй гуцул на светн. И никто не мог Олексу в открытом бою взять, а только обманом и хитростью...

Долго еще рассказывал гуцул о борьбе Довбуша с венгерскнмн н немецкнми панамн. О благородном воннстве-дружине Олексы. О любвн его к Маричке.

Но подтянулась колонна, н, прерывая легенду, которую гуцул мог рассказывать весь день, я спросил его:

— А сможешь, дедуню, провести нас по хребтам до самой Говерлн?

— Нет, не смогу,— вздохнул он.— Нет такнх людей сейчас. Забылн дорогн.— Затем хнтро улыбнулся нз-под лохматых бровей.— Не надо нтти вам по хребтам. Это дорога вдоль границы. Вам я знаю, куда надо. Надо вперед, в долнну закарпатскую, на поля и вннограднники дунавские. А как Дунаву-реку перейдете, там снова пойдут горы. Только горы те уже не Карпатамн звать. То суть Балканы. То суть Татры. То суть Альпы.

— Ого,— сказал Черемушкнн.— Это дед политическнй. А что там, на тех Татрах да Альпах?

— Не знаю, не слыхал,— запрятал улыбку в усах гуцул.— Про горы гуцул знает, про Карпаты, про Татры. А больше — ннц!

Солнце поднялось, и колонну разместнли в лесу. Я остался с гуцулом. Теперь уже не он мне, а я ему рассказывал. Он

спрашивал меня о сражении на Курской дуге, спрашивал — горы или степи в том далеком краю.

Все, что я рассказывал, он понимал по-своему.

Но он хорошо понял, что там шла непрекращающаяся борьба брони и снаряда, борьба свободы с насильем. И хотя мои слова звучали на не совсем понятном ему языке, но чувства и мысли у нас были одни.

31

Невдалеке от камня Довбуша разместился штаб. Ковпак на двенадцать часов назначил совещание командиров.

Обсуждался вопрос о дальнейшем движении. К концу совещания подошли разведчики. Стало ясно: для того чтобы итти вперед, нужно с боем занять село Поляничку, разбросавшее свои хаты вдоль речушки — притока Прута.

О том, что я был против приграничного варианта, Руднев знал, но все-таки командовать ударной группой он поручил мне. Назвал тоном приказа мою фамилию и молча испытующе взглянул на меня. Я сразу понял его. Готовясь к бою, долго сидел я над картой 1898 года, изображавшей извилины Карпатских гор. И на корешке карты вывел, так, на всякий случай, может быть потому, что бой предстоял серьезный: «Раньше, чем начнешь командовать,— научись подчиняться».

Начав спуск с перевала, мы напоролись на венгерскую заставу...

— Пограничный пост приспособили на скорую руку к бою. В горах камня много,— доложил Черемушкин, уже залегший в ста шагах от венгров.

Одной нашей роты было достаточно, чтобы разогнать заставу. К ночи мы вышли на Поляничку. Противника там не оказалось. Село напомнило мне родную Молдавию. Есть там заброшенное в каменном ущелье село Валя Дынка, что означает — Глубокая Долина. Такие же хаты, прилепившиеся к скалам, такие же извилистые, похожие на овечью тропу улицы — и рослый люд.

— Народ здесь не дюже гостеприимен. Или до смерти чем-то напуган. Не хотят говорить,— докладывали разведчики, побывавшие в крайних хатах.

— А на окнах хат выставлены кувшины с молоком. Кукурузные лепешки и брынза. Непонятно,— говорит Карпенко.

— Что-то здесь не то. Но от гуцулов не добьешься ни слова,— подтвердил и Черемушкин.

Осторожно, выдвигая на огороды боковое охранение, колонна двинулась по селу. Миновали церковь и небольшую

площадь перед ней. Пересекли овраг и продвинулись почти к самой околице.

Враг не заставил себя долго ждать. Как только роты авангарда вышли из села в расширявшуюся, почти похожую на горное плато долину, сверху, прямо в лоб нам ударило несколько пулеметов. Сразу за ними, разрезая колонну пополам, бил шестиствольный миномет. Несколько связных, посланных назад к штабу, были убиты. Конник, пытавшийся проскочить этот огненный шквал, возвратился ползком, весь израненный мелкими осколками, лошадь под ним сразу убили наповал.

— Перерезаны,— проговорил Карпенко, лежавший рядом в канаве.

— Откуда бьет?

— Со всех высот и с церкви.

Это была великолепно организованная засада.

— Ну, не приведи бог, захватит нас день в этом проклятом мешке,— сказал нам опытный пограничник Журов.

— Тогда ни одному не выбраться живому, братва,— подтвердил Иван Иванович Бережной.— Приберегай патроны, хлопцы! — передал он по цепи.

— Давай отходить влево, Карпо! — крикнул я на ухо Федору, стараясь перекричать вой и скрежет металла.

Он нагнулся ко мне:

— Правильно, командир!

И мы быстро вывели из-под губительного огня третью роту, а за ней и разведку к реке, в сторону от пристрелянной дороги. Но у реки тоже был противник.

— Только один пулемет и несколько автоматчиков,— доложил командир отделения Намалеванный.

— Вперед, хлопцы! — прозвучала Карпенкова команда.

Мы сразу смяли вражеский заслон. По пояс в быстром, сбивавшем с ног потоке перебрались на другой берег.

— Пока рассвет не захватит — на гору! — скомандовал я.

— Зацепиться хотя бы за этот пятачок, хлопцы! — передал дальше команду Карпенко. Но это легко сказать — зацепиться. Кровь била в висках, как колокол, пока роты допыхтели до вершины лысого бугра с крохотной рощицей на хохолке. И когда стало светать, я понял, зачем с тех пор, как воюют люди стрелами и копьями, пищалями и автоматами, они карабкаются на вершины. Чтобы удержать за собой превосходство наблюдения!

В селе сновали взад и вперед машины, связисты врага тянули провода. Там шла деловая жизнь войск, готовых к бою.

Уже совсем рассвело, в лесок с другой стороны вползла восьмая рота. Ее послал Руднев на помощь нам. Она не

могла ночью пробиться сквозь минометный огонь. Опытный командир Сережа Горланов свернул под гору и, прижимаясь поближе к минометной позиции врага, обогнул село. Он успел обойти смертельную стену огня.

Под горой его хлопцы захватили немецкую штабную публику. Сережа докладывал:

— Штаб застукали... Мы к нему по проводам пришли. Финками взяли. Чистые немцы.

Фашисты были свеженькие, только что прибывшие.

Документы пленных и солдатские книжки убитых не то что удивили, а просто поразили меня.

— Ого,— сказал Миша Тартаковский.— И карта со свежими отметками. Против нас действует тридцать второй немецкий эсэсовский полк. А вдоль границы, кроме пограничников, выставлена фронтом на север, товарищ командир, обратите внимание, венгерская горнострелковая дивизия.

Действительно, бумаги убитого офицера и карта ясно говорили об этом.

Бой шел за селом, откатываясь все дальше и дальше. Мы поняли, что Ковпак большую часть колонны отвел назад, на перевал.

О нашем присутствии здесь, на этой высоте, противник, видимо, не подозревал. Обнаружить себя теперь, с небольшой группой, оторванной от обоза и боеприпасов, было бы безрассудно. Прорываться с горсткой храбрецов еще можно, тем более с таким замечательным командиром, как Карпенко. У меня было время и поразмыслить. Если прорываться, так к вечеру,— решили мы. Но Карпенко думал совсем о другом.

— Подполковник! У тебя есть рация? — спросил он меня неожиданно.— Давай выводи на равнину.

— Ты что, сдурел, что ли?

— Ну, как хочешь. Только потом, чур, не каяться!

Итак, оно прозвучало, это впервые сказанное слово — на равнину! В душе и я был согласен с ним. Но «раньше чем начнешь командовать, научись подчиняться». Тем более, что в моих руках карта положения войск противника да еще трое неопрошенных пленных. Я знаю о враге много, он обо мне — ничего. Но я хочу знать еще больше. С того момента, как ударил по колонне шестиствольный миномет, я все время чувствую себя как канатоходец, сделавший над пропастью первый шаг по тросу.

Пора заняться пленными.

— Миша! Начал допрос?

— Нет еще.

— Давай, дружок.

— Минутку. Займитесь пока сами, а я кончу с документами.

— Что-нибудь интересное?
— Очень!
Я не придал значения его возгласу.
В последние дни во мне постепенно глохло шестое чувство разведчика — любопытство. Сейчас я был командиром отрезанной группы. Малейшая оплошность — и моя группа ляжет костьми на этой несуразной голой высотке, на макушке которой только пучок хилых «смерек» скрывает нас от глаз врага.
Пленные, опять пленные... Приволок их командир восьмой Сережа Горланов на мою голову.
И вдруг, приглядываясь к ним издали, я заметил в группе опустивших головы немцев того самого солотвинского гестаповца, что сбежал от нас на Манявской горе.
— Гора с горой не сходится...— начал я допрос.
— К сожалению, да,— отвечал по-немецки «мой» гестаповец.
Повозившись с ним и с другими фашистами полчаса, я убедился, что эта птица много знает, но говорить ничего не хочет. «Долметчер», а попросту переводчик, пулеметчик восьмой,— Козубенко знал немецкий только по пребыванию в лагере военнопленных. От его «перевода» мне захотелось спать. Я пошел к Мише Тартаковскому. Он лежал неподалеку на животе, подстелив под себя несколько еловых веток, и копался в штабных документах тридцать второго полка. Наиболее ценные были отсортированы, и беглым переводом их он как раз занимался. Я прилег рядом.
— Какие новости?
— Очень интересные...
Я заглянул через плечо и, не мешая ему работать, прочел: «Диспозиция сводной группировки войск СС». Диспозиция была длинная, написанная удивительно невоенным языком. Но даже и по ней я мог понять главное: в составе группировки были названы 4-й, 6-й, 13-й, 24-й и 32-й эсэсовские полки, 273-й горнострелковый полк и пять батальонов особого назначения.
— А где же венгерская дивизия?
— Одну минуточку,— перебил меня Тартаковский.— Сейчас...— и, закончив перевод, в конце вывел подпись: Гиммлер.
— Ты не напутал ли чего, Миша?
— Зачем путать? Пожалуйста.
Моего знания немецкого языка было достаточно, чтобы прочитать последние строки и подпись.
— Не по поручению, как всегда у них бывает. А личная подпись. Это еще не все,— торжествуя, сказал Тартаковский.— Обратите внимание...

Он перелистал еще несколько документов. Кроме обычного «гехейм», что означает «секретно», стоял еще штамп, тиснутый зеленой мастикой: «По личному указанию фюрера».

Это были ценнейшие разведывательные документы. Многое теперь становилось ясным. Кроме одного: чем мы заслужили внимание такого высокого начальства?

Не сомневаясь больше в подлинности документов, я думал: с кого бы начать? И снова остановил свой выбор на солотвинском эсэсовце. Приказал часовому привести его к нам, припрятал пачку штабных документов разгромленного эсэсовского полка и на всякий случай переложил парабеллум из кобуры в карман.

Допрос эсэсовца Гартмана разъяснил многое. Правда, повозиться с ним пришлось довольно долго. Это был упорный фашист, к тому же, как я и подозревал еще на Маняве, неплохо понимавший русский язык. Тогда он молчал. Не много выманил я у него и сегодня. Но сейчас у нас с Мишей был сильный резерв: знание нумерации полков и обстоятельств разгрома двух из них — тринадцатого и четвертого. Жонглируя этими цифрами и попутно называя ряд знакомых по документам фамилий немецких офицеров, за добрых полтора часа допроса мы окончательно сбили эсэсовца с толку. Устало дыша, вытирая рукавом и травою вспотевшую грудь, он наконец сдался.

— Не трудитесь так с переводом, господин полковник,— сказал он на довольно чистом русском языке.

— Подполковник,— поправил я его.

— Я все расскажу. Но только лично вам.

Мы с Мишей переглянулись и не могли удержаться от улыбки. Пожалуй, такое одолжение мы могли ему сделать. Миша отошел в сторону. Переходя на официальный тон, я иронически сказал фашисту:

— К вашим услугам...

Но он опять стал путать. Теперь ему не хотелось, чтобы нас видели остальные пленные.

— Ну что ж, отойдем подальше,— сказал я.

Он стал уводить разговор в сторону, воровато бегая глазами.

— Я вижу, вы не хотите отвечать на вопросы, а желаете опять сбежать. Но на этот раз вам это не удастся. Будем придерживаться того похвального стремления, которое вы сразу проявили, перейдя на русский язык.

— Вы правы,— вздохнул Гартман.— Я расскажу вам все, что знаю. Я открою вам, кто я.

— Это не требуется,— перебил я его.— Вы офицер связи. Да, да... офицер связи при группировке, созданной...

Я говорю умышленно задумчиво и растягивая слова. И это помогает: видимо, боясь, что мы знаем слишком много и ему не останется никаких секретов, чтобы за них купить себе жизнь, он перебивает меня:

— Офицер связи группировки, созданной Гиммлером по личному указанию фюрера.

Так вот что означали подпись и штампы на документах 32-го полка. Но надо играть дальше. Теперь он выболтает все.

Не глядя на него, я продолжал так же безразлично:

— И это все нам давно известно. Мне интересно другое: детали, подробности. Вы мне ничего нового, видимо, не можете сообщить в области фактов. Но я еще интересуюсь военной психологией.

— О да, да, понимаю! Это очень тонкие и мало понятные нам вещи. Но я постараюсь для вас восстановить все детали этого необыкновенного с военной точки зрения дела.

Удивительно, как близко друг от друга находятся спесь, лицемерие и подхалимаж!

И Гартман начал рассказывать. Конечно, его сентиментальные охи и вздохи я пропускал мимо ушей. Меня интересовали как раз факты, но я изо всех сил старался показать ему обратное.

Самый важный факт был самый простой. А мы-то и не придавали ему почти никакого значения. Самый важный факт — это мост, взорванный по приказу Базымы четвертым батальоном под Тернополем двадцать восьмого июня 1943 года на дороге «першей клясы». Мы взорвали его шутя, не придавая делу рук своих особого значения. Но именно он, этот поганый мосточек, оказался любимой мозолью Адольфа Гитлера.

Офицер связи описывал во всех подробностях гнев фюрера, находившегося в то время на Восточном фронте. Оказывается, взрывом этого моста мы прекратили движение эшелонов к фронту по единственной дороге, снабжавшей его боеприпасами. Дорога «першей клясы» гнала по сорок два эшелона в сутки. После взрыва моста их пришлось возвращать обратно на Львов и Краков, перегонять через Румынию, Бессарабию, делать большие обходы. Железнодорожное начальство не могло скрыть причину разлада движения и опоздания поездов. Узнав о причине, ефрейтор пришел в ярость. Он вызвал к себе Гиммлера, устроил ему истерику и приказал во что бы то ни стало уничтожить отряд Ковпака.

Позже, неоднократно сталкиваясь с последствиями этих сообщений, я часто думал: «А все-таки нам здорово помогла гестаповская спесь Гиммлера!» Оказывается, он отказался взять для этой операции фронтовые части. Он дал слово Гитлеру

привести в исполнение категорический приказ своими охранными полками. Группировку начали создавать из отдельных частей и эсэсовских полков, находившихся в Польше. Два полка были переадресованы на нас на пути из Парижа на Восточный фронт. Расшифровав направление движения отряда Ковпака на Карпатские горы, противник затруднял авиацией наш марш по степи. Кроме этого, три полка — 26-й, 6-й и 273-й горнострелковый, специально приспособленные к охранной и полицейской работе в горных условиях, спешно перебрасывались из Норвегии и Греции. Но они запаздывали. Это дало нам выигрыш во времени. Сейчас выяснилось, что потрепанные нами полки были лишь первыми ласточками Гиммлера. И то, что они при первой встрече с нами потерпели фиаско, было очень утешительно.

— Теперь все туманные места на нашей разведывательной карте мне совершенно ясны. Ага, вот! ..— хмыкнул Миша.

— Да, но в них мало веселого,— отвечал я.

— Тоже верно,— согласился со мной Тартаковский.— Но теперь мы хотя бы не играем втемную. Мне сейчас понятно, почему нас две недели так упорно преследовала авиация. Понятно, почему с начала июля 1943 года Гиммлер сидел во Львове.

— Из-за нас, думаешь?

— Не только из-за нас. За нами еще придут веселые хлопцы.

— Да, это верно. Память им не отшибло. После рейда Ковпака и Сабурова за Днепром партизан прибавилось. Теперь они ждут того же на Карпатах. А за Карпатами что?

— Известно: Балканы, Чехословакия, Польша, а там и до Гитлера рукой подать. Да, есть из-за чего побеспокоиться подручным фюрера. Не из-за одного Ковпака, а из-за партизанского движения сидит Гиммлер во Львове.

Мы призадумались.

— До сих пор это были только цветочки...

Где-то далеко позади, за водоразделом у камня Довбуша, еще глухо бубнила канонада. Ввязываться в бой, не зная, где наши, не было никакого смысла. Тем более, что именно сейчас я не имел права рисковать своей группой. Сведения, добытые нами, были очень нужны командованию. Это были оперативные сведения. Они должны определить поведение, решения и приказы Ковпака и Руднева на дальнейший рейд.

Подошел Карпенко. По его лицу я понял: парень решился на серьезное дело.

— Подполковник, пошли на равнину... Ну их... горы эти...

— Брось бузу, Федя!

Есть такие упорные характеры, которые все могут выдержать, кроме неизвестности. Я решил рассказать ему все.

Недоверчиво глядя мне в глаза, он свистнул.

— А не врешь? Ей-богу! Шо? Сам Адольф нами заинтересовался! Вот это я понимаю... Верно Митька говорил. Мы теперь отряд стратегический...

Все мысли о самовольном «маневре» мигом вылетели у него из головы.

Я хорошо знал этого хлопца. Есть люди, колеблющиеся в бою. От них надо избавляться или выколачивать из них строгими мерами эту опасную черту характера. Есть такие, как лейтенант Горкунов. Они не колеблются ни минуты ни в бою, ни перед боем. А есть такие, как Карпенко, для которых самый страшный момент — ожидание. Мертвая тишина перед боем вызывает у парня колебания, сомнения, и чем дольше продолжается эта тишина, тем большую опрометчивость и слабость духа он способен проявить. Но как только выяснится обстановка, станет ясно виден враг, размеры опасности — лучшего солдата не найдешь. Таким людям надо говорить всю правду, какой бы страшной она ни была. В беде они не подведут.

Рассказав обстановку Карпенко, Бережному, Горланову на тот случай, если мы не все дойдем до отряда, я приказал любым способом пробиться к отряду и доложить эти сведения. Никого из хлопцев не испугала, а только обрадовала весть о том, что нами заинтересовано высшее немецкое командование, хотя они и понимали, что нам поэтому придется еще туже.

— Пойдем не по кряжу и не по долине, а по склону. Там, где меньше всего шансов встретить немцев! — сказал я.

Командиры сразу поняли мою мысль.

К вечеру мы обошли Поляничку почти на автоматный выстрел. Пробираясь по склону, голодные люди быстро выбились из сил.

— Километров тридцать отмахали,— сказал Горланов.

— Если считать, как ноги гудуть, то тридцать. А в действительности по горам-то не больше пяти,— проворчал Бережной.

— Это тебе не в степи топать,— отозвался лежавший под сосной Черемушкин.

Темень, бездорожье, отсутствие проводника... Где-то под соснами мы попа́дали на землю и так, толпой, уснули. Проснувшись часа через два, я ползком выбрался на тропу. Часовых не было.

Когда стало светать и люди проснулись, вдруг обнаружилось, что среди нас нет Карпенко.

«Неужели сбежал?» — подумал я. Подождав минут пятнадцать, я дал команду к движению. Но в это время появился Карпенко, весь обмотанный пулеметной лентой с немецкими патронами. Он и не подумал хвастать, даже не говорил об этом прямо, но я понял из его разговора с ротой, что он всю ночь простоял на часах. Ползая на четвереньках, ощупью обнаружил тропу и на ней следы кованых подков. Когда чуть-чуть забрезжил рассвет, он увидел пост горных стрелков с пулеметом, преспокойно сидевших в трехстах шагах от нас. Как мы не напоролись на них накануне, одному богу известно. Пулемет был направлен в сторону долины, горный, станковый, основательно укрепленный и защищенный с трех сторон блиндажиком из бревен и камней. Конечно, это были опытные егеря. Но думаю, они и не подозревали, что на расстоянии самом лучшем для действия их пулеметного огня ночевали две с половиной роты партизан.

И пока разведчики рыскали по кустам и тропам и наблюдатели зорко высматривали врага, я думал о Карпенко.

Такой уж это был человек. Говорил он часто чепуху несусветную, а поступки совершал благороднейшие. Никому не колол он глаз своим «геройством», как никогда и не обижался за справедливые упреки. Словом, если можно допустить расхождение слова и дела и оно может быть расценено как случай положительный, то Карпенко как раз и есть этот редкий случай.

«Благородные дела и неблаговидные слова — это не то, что надо. Но все же это гораздо лучше, чем наоборот»,— думалось мне на опушке леса, на горе Поляничке.

Карпенко прервал мои мысли. Он тихо ругал Дорофеева, своего помощника, за то, что тот не проверил ночью караулы. Затем крепко хлопнул его по плечу:

— Дорофей! Пошли двух хлопцев. Вынуть пулемет. Или пусть уничтожат, если не смогут,— усмехнулся Карпенко. Он вытер финку о ветку хвои и спрятал ее в ножны.

Когда хлопцы принесли пулемет, роты двинулись в путь. Прислушиваясь к доносившемуся изредка шуму боя и ориентируясь на самолеты, летевшие туда, куда нужно было нам дойти, мы начали дневной марш по высотам.

32

Второй день, отрезанные от своих, пробирались мы к главным силам Ковпака. К полудню все почувствовали: дальше итти невозможно. Люди третий день ничего не ели. Не помню, сколько мы прошли километров за полдня. Помню только, что и в этом ненавистном состоянии бессилия тоже была веселая минута: карабкаясь на пятый, а может быть, двадцатый уклон,

мы обнаружили поляну, почти на тридцать градусов сходящую вниз. Она была усыпана небольшими камнями. Камни торчали из травы и скатывались вниз, как только нога выталкивала их из гнезда. Издали они были почти незаметны, словно кочки на болоте. Их маскировала высокая трава, похожая на одичавшую рожь. Мы заметили, что ползущее в стороне от рот боковое охранение начало отставать. Колонна, гуськом пробираясь вдоль опушки, опередила его. Сережа Горланов, ведущий колонну, поднял руку. Колонна остановилась. Горланов пополз в траве и, примостившись за камнем-кочкой, стал глядеть в бинокль. Затем оглянулся на меня и беспомощно прошептал:

— Пасутся, сукины сыны. Перестреляю подлецов! — и быстро пополз к нарушившим правила марша бойцам. На полдороге он остановился, спрятал в кобуру пистолет и крикнул: — Карпенко, иди сюда!

Когда мы доползли до Горланова, у него был полон рот ягод. У каждого камня земляника росла целыми гроздьями. Ее не нужно было собирать по одной, а можно было хватать пригоршнями и, выплевывая листья и корешки, наслаждаться сладкой питательной массой. Не менее получаса люди жевали молча. Затем послышались возгласы, шутки. Народ развеселился и уже подтрунивал над своей бедой. Она казалась теперь смешной. Я приказал рвать землянику про запас. Люди наполняли ею манерки, фляги.

В это время из-за кряжа, возвращаясь с бомбежки, показалось звено самолетов. Один самолет отделился и повернул к нам. Облетев гору, он вышел с другой стороны.

— Прижмись к камням, не двигайся! — раздалась команда Карпенко. Так мы пролежали несколько томительных минут. Самолет несколько раз прошел на бреющем, но, видимо, приняв нас за своих, сбросил вымпел и прибавил газ, догоняя напарника.

В вымпеле был приказ роте мадьяр удержать эту высоту, так как «банда Кольпака» окружена со всех сторон превосходящими силами. Приказ предупреждал, что «Кольпак» будет пробиваться именно через эту высоту. Мы поняли, что прошли кольцо врага и подходим к отряду.

Собрав у бойцов несколько рваных немецких шинелей, я нарядил в них три елки и с десяток кустов. Этим «солдатам» мы дали в руки палки. Оставив на видном месте взятый утром пулемет без замка, я двинул свой отряд через кряж. Под вечер мы были уже в лагере нашего кавэскадрона, стоявшего заставой от Полянички.

Подоспели к своим мы в трудную минуту. Отбиваясь от венгерской дивизии, полукольцом охватившей отряд, и от три-

дцать второго эсэсовского полка, бившего в лоб, соединение второй день вело большой бой.

Грозовая туча разразилась ливнем и хоть на несколько часов отогнала самолеты.

— Пришлось бросить обоз,— нахлестывая плетью свой мокрый сапог, сказал мне Саша Ленкин. Я и сам видел это: всех раненых перекладывали на самодельные носилки. Количество раненых за последние два дня увеличилось почти вдвое и перевалило через сотню.

Тут же, в эскадроне, я услышал печальную новость: ночью погибло целое отделение конников. Командир взвода Толя Филиппов, разведчик Михаил Кузьмич Семенистый и еще восемь кавалеристов.

Когда Усач рассказывал о том, что произошло ночью, меня мороз подирал по коже: конники выгнали совершенно обессилевших в горах коней на полонину. От усталости все скоро уснули. Задремал и часовой. К ним подкрались егеря-пограничники и втихую кинжалами стали колоть спящих. Маленький, тщедушный Семенистый проснулся во-время. Скрываясь между пней, он добрался до коня, вскочил на него и, гикнув, думал умчаться к своим. Но обессилевшая лошадь не могла итти даже шагом. Семенистого вместе с конем срезала очередь ручного пулемета.

Утром хлопцев нашли товарищи. Трех-четырех человек можно было узнать. Два трупа были обезглавлены и без одежды. Остальных — живыми, ранеными или мертвыми фашисты унесли с собой.

Ленкин провожал нас к штабу.

— Вот на этой полонине их побили...— кивнул он грустно головой.

— Давно здесь стоите? — спросил я комэска.

— Вторые сутки.

— Авиация бомбила вас здорово. Мы слышали.

Кривая улыбка гримасой скользнула по его исхудалому лицу и спряталась в усах.

— Ничего. Это они на дедову приманку попались. Новую хитрость командир придумал. Сами увидите!

Переждав ливень, я двинулся к штабу.

Туча, изошедшая полчаса тому назад хорошим ливнем, обрывалась грязной бахромой, а дальше на западе голубело удивленное небо.

Часа через два мы подходили к лагерю, раскинутому на склоне горы. Летчики немецких «мессеров», уже второй месяц прикомандированные к нам, хорошо изучили наши повадки. Они искали колонну либо на вершинах, либо в долинах у воды. Накануне, когда мы, оторванные от отряда, бродили вокруг

Полянички и «паслись» на горных лугах, Ковпак придумал новый маневр: живую силу отряда он расположил на крутом склоне, очень неудобном для движения и даже для отдыха. Лежать тут приходилось почти стоя. На вершину, по приказу Ковпака, втащили остатки обоза, обломки телег, тряпки, искалеченных, никуда не годных коней. Грубо все замаскировав, Ковпак оставил эту «приманку» для самолетов. Этот ложный лагерь и молотила уже вторые сутки вражеская авиация. А люди лежали там, где стремглав сбегали к водопою гуцульские буки.

Я сразу смекнул, в чем хитрость Ковпака. Понял потому, что и я во время головоломного двухсуточного выхода из «окружения» применил этот же маневр. Понял, обрадовался и даже возгордился. Возгордился за себя: вот и я, кажется, окончил курс партизанской академии.

Пристально глядя на своего профессора, я отрапортовал о прибытии. Лицо Ковпака изменилось за эти два дня до неузнаваемости: заострился нос, нависли брови над лихорадочно блестевшими глазами, шея вылезала из воротника гимнастерки.

— Все равно нам цей обоз кидать,— мрачно сказал мне Ковпак и отвел глаза в сторону.— А вот артиллерия...— губы старика дрогнули, и он отвернулся.

Все знали пристрастие Ковпака к нашему «богу войны». Любил старик воевать с шумом и грохотом. Пока была хоть малейшая возможность послать десяток снарядов по врагу, дед чувствовал себя как бравый кавалерист на хорошем коне. С довольным видом пропускал он батарею мимо себя на марше и в трудные минуты, когда бой затягивался на несколько часов, сам выезжал с батарейцами, выбирал позицию, требовал, чтобы хлопцы учились стрелять без пристрелки, прямой наводкой, и за каждый промах пилил наводчика несколько дней подряд; при метком же попадании был способен тут же на огневой плясать гопака и целоваться с батарейцами.

Хлопцы рассказывали, что накануне, став перед необходимостью бросить все тяжести, даже не ругаясь, а лишь поскрипывая зубами, вызвал Ковпак командира батареи и спросил, сколько осталось боеприпасов.

— Полтора «бе-ка», товарищ командир.

Старик махнул рукой.

— Ты мне по-человечески говори. Бо, може, это твой последний артиллерийский день. А там пойдешь в пехоту!

С Аксенова сразу слетел его обычный форс.

— Можно и по-пехотному. По сто восемьдесят снарядов на орудие.

Разведчики Горкунова точно подтвердили и установили данные о сосредоточении венгерской дивизии и полка СС.

Ковпак долго объяснял на местности командиру батареи, где именно скопление вражеской пехоты, где минометные батареи.

— Все снаряды по противнику выпустить! — выкрикнул он и, повернувшись, заковылял вверх по склону.

Аксенов догнал его.

— А как же позиция для прямой? Неподходящая.

— Ладно. Бей по площадям. Дождался-таки.

Аксенов с недоумением смотрел на командира. Уже год отучал его дед от этой «вредной» артиллерийской привычки.

Ковпак повернулся резко к командиру батареи.

— Не понял? Пушки взрывать будем.

— А как же с обозом? С личным составом?

— Обоза нема. Батарейцев — в пехоту. А сам уйди с глаз моих и душу мне не тревожь.

Мы подошли к отряду уже тогда, когда этот жестокий, с кровью сердца отданный приказ был выполнен.

— Когда батарея вела огонь,— рассказывал мне Панин,— дед сиял. Лазил на вершину сопки, которую бомбили фашистские стервятники. Когда же смолкли выстрелы с нашей стороны, долго прислушивался. Но вот раздалось и несколько последних взрывов, разнесших пушчонки на куски. Гляжу: старик сел на траву. Долго так сидел, задумавшись. Затем встал и, опираясь на палку, побрел к лагерю прямо через оголенную вершину сопки, через щепки разбомбленного обоза.

Семен Васильевич тоже вышел нам навстречу. Остановил меня жестом.

— Ладно, не рапортуй. Знаю все главное. Детали потом расскажешь. Пойдем ко мне, посидим.

Мы долго сидели молча.

— Ну как? Плохо дело? — прервал я молчание.

— Да, неважно.

Опять помолчали.

— И какое решение?

— Решения пока нет. Мысль есть.

— Назад?

Руднев молча пожал плечами.

— На равнину?

— Пока не будем предрешать это. Подумаем.

Я доложил комиссару о добытых сведениях. Он слушал меня рассеянно. Даже развеселившая ребят Карпенко весть об истерике «фюрера» не произвела на него впечатления. Он думал о другом. Мы долго молчали.

— Семен Васильевич, а не кажется ли вам, что мы сами рубим сук, на котором держимся?

— Пояснее нельзя? Ты что, в стиле Кольки Мудрого решил выражаться? Какой сук?

— Обоз. Свободу маневра — степь и просторы!

Рудиев иахмурился и сказал:

— Ладио. Иди к иачштаба. Отдыхай!

Через полчаса ои уже обходил роты, пришедшие со мной. Весело, как ни в чем ие бывало, говорил с бойцами.

— Ну, как отдыхаете? Лежите, ребята. Трудновато пришлось?

— Да нет, ничего, комиссар Семен Васильевич,— за всех ответил Митя Черемушкин.— Нам что? Мы, вроде как в сорок первом году, пару дней поболтались: ни иемцу вреда, ни себе пользы — только страх да паника из этих окружеиий выходит.

— Неужели даже паника была, хлопцы? Ай-ай-ай, не ожидал,— укоризнеиио закачал головой комиссар.

Ребята загалдели:

— Да не. Это он так, к примеру.

— Ну, а претензии есть? — усмехнувшись, спросил комиссар.

— Имеются,— громко сказал Черемушкин, хватаясь за деревцо, у которого лежал до сих пор.

— Сиди, сиди, Митя,— остановил разведчика Руднев.— Если насчет харчишек, так эти претензии пока невыполнимы,— вздохнул ои.

— Да вы шо, Семен Васильевич? Товарищ комиссар,— загалдели кругом.— Разве ж мы не поиимаем?

— Какого чорта треплешься,— цыкнул кто-то на Черемушкина.

— Да нет, ребята. Тут совсем другая претензия.

— Тихо, хлопцы, не шуметь. Говори свою претензию,— нахмурился комиссар.

Черемушкин серьезнейшим тоном, глубоко в хитроватых глазах скрывая смешинку, заговорил громко:

— Претеизия вот какая. От всех нас: а нельзя ли, товарищи командование, хотя бы для лежания место поровиее? Не привык я в таком положении. Три дня не спал и никак усиуть не могу. Дерево ногами уже наполовину подсек.

Кругом засмеялись.

— Поиятио,— улыбиулся комиссар.— Но это же, хлопцы, военiая хитрость.

— Ну, раз военная — другое дело. На всякий случай, буду и на голове привыкать ходить и на веточке отдыхать, как петух,— миролюбиво закончил свою «претеизию» Черемушкии.

— А что, еще выше полезем, товарищ комиссар? — шутливо спрашивали разведчики. Но в шутке этой комиссар уловил тревогу.

— Все может быть, хлопцы. Отдыхайте.

Он быстро ушел к штабу. А через полчаса, подойдя к Базыме, я узнал, что решение принято.

— На север. Поворачиваем на север,— шепнул мне начштаба.

— Но ведь ущелье Зеленой уже занято противником!

— Пойдем по кряжам,— ответил Базыма.

— А проводники?

— Проводников пока нет. Попытаемся по азимуту. А там, может, и чабанов в горах найдем.

К вечеру глинистая земля раскисла. Двигаться стало невозможно, ноги скользили, люди съезжали вниз, как на салазках, всем телом. Решено было ночь отдыхать. Бесчисленные ручейки бежали по склону, затекая под тела лежавших на земле бойцов.

Сейчас мы могли и днем не бояться авиации. При появлении самолетов люди в любой момент могли спрятаться. Несколько десятков лошадей, оставшихся от обоза и артиллерии, все равно были обречены. Тяжести перегрузили на этих вьючных коней. Люди лежали под дождем, штыками прорывая канавки, чтобы отвести от своих тел ручьи, журчавшие вокруг. Они готовы были в любой момент по приказу взвалить на себя десятки килограммов груза: патронов, тола, медикаментов, взять на плечи носилки с ранеными и снова двинуться в путь.

Я лежал рядом с Базымой, старался не шевелиться, чтобы не впустить на согретое место ручей холодной воды. Но только мы начинали согреваться, начштаба дергался и задавал Васе Войцеховичу очередной вопрос:

— А «маяков» не забыл?

— Не забыл, товарищ начштаба. Четвертый батальон, товарищ начштаба.

Сквозь хлюпанье воды голос Васи, приглушенный натянутым на голову плащом, был еле слышен.

Несколько минут прошло в молчании. Все слышнее журчала по бокам вода.

— Резервные заслоны выделил? — снова поднимал голову беспокойный старик.— Чорт их знает, эти горные тропы...

— Ладно, выделю,— бубнил из-под палатки Войцехович.

Последнее тепло было поглощено целым водопадом, хлынувшим в пространство между мной и Базымой. Я встал и, обняв дерево, покачивался взад и вперед, стараясь поскорее стряхнуть воду со спины. Затем, примостившись под ветвями, нашел местечко, где вода не лилась ручьем, а только капала.

Наука изобрела хитроумнейшие приборы: есть среди них, вероятно, и такие, что способны измерить силу мускула комара и слона, человека и лошади. И наверняка волокно чело-

веческого мускула не из самых сильных. А все же битюги, тянувшие тяжелые пушки и нагруженные возы, падали в изнеможении. А люди все шли вперед.

Есть у нашего человека сила, неизмеримо более мощная, чем сила физическая. Это сила идеи, долга, товарищества, сила, не поддающаяся никаким измерениям, словно не материальная, но, как убеждаемся мы, более реальная, чем двужильная сила животного и мудреная мощь мотора.

На рассвете мы двинулись в путь. Чтобы отвлечь хоть на время внимание авиации, перетащили по хребту на километр остатки разгромленного обоза. На той высотке, где паслись не столь давно мои хлопцы и где сбросил вымпел самолет, снова нарядили в партизанское тряпье кусты и деревца, а сами двинулись в обратный путь. Через час появились самолеты и, пикируя, понеслись к противоположному склону горы.

Значит, пока что — номер удался.

— Партизанская инфантерия,— с горечью сказал мне Базыма, глядя на вытянувшуюся змейкой колонну пеших, оборванных людей.

— Ничего, Суворову не легче было,— подбадривал комиссар.

— А авиация?

Руднев с досадой махнул рукой.

— Хватит. И без тебя тошно.

Двигались скачками, с перерывами. Дорога спускалась небольшим уклоном, и итти было сравнительно легко. Но около полудня авиация перестала бесноваться на оставленной нами высоте. Видимо, наземная разведка немцев достигла ложного лагеря и успела предупредить летчиков о напрасной трате бомб и горючего.

Значит, двигаться осталось час-два. Вскоре начнут рыскать разведчики в воздухе. Это еще полбеды. Но, вероятно, по нашему следу уже двигались наземные войска противника. Вот это похуже. Надо было укреплять арьергард. Я мотался взадвперед по колонне, выполняя обычные дела, хлопотливые, мелкие пустяки, без которых не обходится никакая жизнь. Но на сердце было другое.

Я никак не мог забыть Михаила Кузьмича Семенистого, Его не смогли, не успели похоронить.

Вот прошли годы... и никак мне не забыть этого...

Отряд уходил на север... А там, в Карпатских горах, остался лежать мертвый партизан пятнадцати лет от роду. Ночью шел дождь. В глазницы набежала вода... Солнце встало на востоке и испуганно заглянуло в эти маленькие озерца... А глупый утренний ветерок шептал ему на ухо что-то ласковое и тихо шевелил пушок на губах.

Вырываясь из смертельного кольца, отряд весь день с небольшими перерывами двигался по кряжу. Внизу, параллельно нашему маршу, вилось ущелье Зеленой, занятое врагом. По следам рыскала вражеская разведка. Люди не ели уже четвертый день, но были еще способны двигаться, нести тяжести и раненых товарищей. Часу в четвертом дня мы пересекали небольшое плато. На полонине еще недавно паслись гуцульские стада. Разведка принесла листовки, в которых был приказ немецкого командования населению: согнать стада вниз, в долину. Кончалась листовка угрозой расстрелять стада с самолетов. Угроза, видимо, была приведена в исполнение. Посреди полонины валялось несколько овечьих трупов, над которыми вились тучи мух.

Руднев поманил нас с Базымой и Паниным в сторону.

— Враг взялся всерьез за наше уничтожение,— мрачно показал он на овечьи туши.

— Сосредоточивает крупные военные силы. И вдобавок вызывает к себе в союзники голод,— шепнул мне Панин.— Нужно форсировать движение.

— Да, вырваться из тисков. Пока еще последние силы не израсходованы отрядом,— заключил комиссар нашу общую мысль.

За полониной путь преграждало ущелье. Спуститься вниз и напрямик перерезать ущелье — можно только рискуя сломать себе шею. Подъем на противоположный склон был еще круче.

— А грузы, а раненые?

Ковпак. Он опирался на палку, длинную, как посох.

— Надо шукать обхода. Он должен быть. Куда-то девались же отары?

Разведчики веером рассыпались на километр впереди. Первым вернулся Рыбальченко. По давней привычке пограничников приносить вещественные доказательства — погоны или солдатские книжки врагов, удостоверение полицая или обрез бандита, он и на этот раз притащил полную пригоршню овечьих катышков.

Ковпак подставил ладонь и задумчиво перекатывал их на руке.

— Горячие от солнца. А по запаху видать — прошли еще на рассвете,— заключил он. Никто не улыбался, дело было серьезное.

— И не вернулись. Значит, путь свободный,— заключил Базыма.

Это было рискованное решение — провести тысячную колонну по овечьей тропе.

— Как идет тропа? — спросил комиссар.

— Ущелье кончается тупиком,— ответил Горкунов.

— А Зеленичка?

— Ручей бежит с гор. Нагородил камней. Вот меж них и проложена тропа,— доложил Рыбальченко.

Справа высился каменистый пик, похожий на шпиль готического собора.

— А на горе? Были? Если там немцы, они могут уничтожить колонну не только пулеметным огнем, но и просто камнями.

— На горе немцев нет!

— Сразу же в обход через вершину послать роту боевого охранения! — скомандовал Руднев.— Начштаба! Поставь задачу прорваться с боем, любой ценой пробить вершину или отвлечь огонь на себя, пока пройдет колонна.

Роту повел Горкунов, мы наверняка знали, что она, если нужно будет, погибнет, но спасет отряд.

В это время из разведки левого склона кряжа вернулся Черемушкин.

— Что слева? — спросил комиссар. Голос его дрогнул.

— Ущелье,— отвечал запыхавшийся разведчик.

— Профиль?

— Извилистое. Каменистое. Скалы и обвалившиеся камни.

Мы все понимали: окажись в ущелье противник, угроза была бы еще страшнее. Он прижал бы нас к скалам и не дал бы ходу ни взад, ни вперед.

— Доложи яснее,— строго сказал комиссар.

— Ущелье свободно от противника,— весело сказал Митя.

— Это точно? — спросил Ковпак.

— Ручаюсь! — тряхнул чубом Черемушкин.

Ковпак махнул своим посохом.

— Голову колонны вперед!

Змейкой втянулась она в крутое ущелье и скрылась за камнями. Впереди, как всегда в самые опасные минуты, прихрамывая, опираясь на суковатую палку, шел начштаба Базыма, за ним Войцехович и третья рота.

ГПЗ, авангард и штаб прошли беспрепятственно и уже скрылись в роще по другую сторону ущелья. Выбираясь на кряж, прошел батальон Кульбаки. Движение продолжалось около часа. К овечьей тропе уже подошла санчасть. Это бесконечное шествие напоминало похоронную процессию. На самодельных носилках из палок четыре-шесть здоровых бойцов несли одного раненого товарища. Следом шла вторая смена

носильщиков. Затем следующий раненый... И так больше сотни носилок.

В момент прохода санчасти в ущелье слева заговорили пулеметы. Кто-то бросил раненого и залег. Пулеметы били не по овечьей тропе, а по узкому, извилистому горлышку ущелья.

Взобравшись на скалу, свисавшую над самой тропой, я увидел внизу три маленькие фигурки. Подняв бинокль к глазам, различил среди серых камней яркозеленое пятнышко фуражки. Верно, это Рыбальченко! Раненный в руку разведчик здоровой рукой перевязывал себе рану. В нескольких метрах от него лежали два человека. Вокруг, вздымая каменную пыль, чертили свои смертоносные пунктиры вражеские пулеметы. Я крикнул носильщикам:

— Бегом по тропе! Вперед! Там ведет бой заслон...

Меня поняли. Колонна ускорила движение.

— Надо хоть чуть-чуть задержать противника, не дать ему прорваться,— крикнул Бережной Павловскому.

— Выставил на всякий случай пару пулеметов,— закричал ему в ответ Михаил Иванович. Но пулеметы врага вели огонь из-за извилины. Чтобы обстрелять овечью тропу, по которой двигалась санчасть, немецкому пулеметчику нужно было пробиться туда, где лежали три маленькие фигурки. От наших глаз противник тоже был скрыт поворотом ущелья.

Как же прикрыть отход Черемушкина? Добраться до дна ущелья напрямик невозможно.

С тремя отделениями разведчиков Бережной бросился в обход. Мы карабкались между скал, лавировали вдоль обрыва. Но немецкая цепь, как назло, залегла в мертвом пространстве. Причудливые изгибы скал скрывали ее от наших глаз и мушек. Только отважные разведчики да каменная пыль, вздымавшаяся вокруг, были видны простым глазом.

Бережной крикнул:

— Отходи! Митя, отходи! Мы прикроем...

Но Черемушкин не оборачивался.

— Не слышит... или уже не может,— вздохнул флегматичный Журов.

Мы стали подползать ближе.

— Товарищ подполковник! Кричат... Вот они,— указал мне на тропу Журов.

Теперь я понял, почему не отходил Черемушкин. Он прикрывал Рыбальченко и его напарника. Их на канате уже тащили хлопцы из арьергарда на овечью тропу.

Надо было прикрыть отход Черемушкина. Но он где-то скрылся за камнями. До нас еле слышно донесся его голос:

— Батальон справа! Батальон слева! Вперед!..

— Командует! Ох, и Митяй,— восхищенно шепнул Бережной.— Узнаю корешка...

Фашисты, видимо, боялись обхода. На миг стрельба затихла. Затем они повели огонь на фланги. Пули густо посыпались на наши скалы. Это затруднило продвижение. Но перебежками мы все же добирались к обрыву. Дойти бы только до края. Не дать отважному парню погибнуть. Но противник понял, что его обманул этот отчаянный смельчак. Никаких батальонов ни справа, ни слева не было. Прижав наш взвод к вершине, противник наседал снизу. В ответ ему все резче звучали короткие очереди. Затем одиноко захлопали выстрелы из пистолета. Еще два взрыва гранат — и все затихло. Только слышно тяжелое дыхание карабкающихся рядом со мной Бережного и Журова.

Когда мы добежали до обрыва, ущелье открылось перед нами все сразу. Мы увидели толпу фашистов под ногами. Они топтали и били сапогами бездыханное тело Черемушкина. Извилина ущелья, недоступная нашим пулям с овечьей тропы, была тут видна как на ладони. Между валунами, наворочеными горными потоками, валялись десятки трупов фашистов. Наш губительный огонь заставил врагов разбежаться. Но мы пришли слишком поздно.

До взвода фашистов, сраженных метким вологодским охотником наповал, и спасение всего отряда — вот цена его жизни! Мы подошли и подняли тело товарища. Его нельзя было узнать. Он был ранен несколько раз. Только забросав его гранатами, врагам удалось на несколько секунд взглянуть в глаза русского человека, выдержавшего поединок с двумя ротами фашистов.

В отряде были сотни коммунистов. Из них многие погибли. Здесь описана героическая гибель одного — молодого коммуниста Дмитрия Черемушкина. Не все имена погибших моих товарищей станут известны. Среди них были в один миг разорванные авиабомбами; растерзанные минами на куски; были раненые, долго и тяжело умиравшие: но и на носилках, скрипя зубами, сдерживая ругательства, они так же были в первых рядах; некоторые падали в цепи, сраженные пулей, едва успев в последний раз крикнуть товарищам: «Вперед! За Родину! За Сталина!», но их призыв подхватывали другие, и уже шли и звали народ за собою вперед! Были и такие, как Гомозов: уходили в разведку и никогда больше не возвращались, но все мы знали — смерть настигла их на боевом посту, на честном деле.

И вот я, оставшийся в живых зоркий очевидец этих смертей, посильный участник этих боев, благодарный ученик этих людей, свидетельствую перед людьми всей земли, перед нашими сыновьями и внуками: ни один из них не умер позорной смертью. Ни одного не сразила пуля в спину, ни один не дрогнул, не опустил долу глаза перед ней, проклятой.

Все сражались достойно, все своей смертью отстаивали жизнь.

И на смену упавшим вставали в строй новые и новые коммунисты. Народ питал нашу силу.

34

Ночь застала отряд в седловине двух голых вершин. Они напоминали хребет двугорбого верблюда. Рыжая, выгоревшая жесткая трава довершала это сходство. По южному склону росли альпийские цветы. Люди пробовали жевать эти цветы, пахнущие медом. Голод заставлял высасывать из них сок с медовым запахом, а на странный горький вкус никто не обращал внимания.

Через полчаса захлопотала санчасть — у многих бойцов началась рвота. Врач Иван Маркович обнаружил следы отравления. Видимо, овцы и козы много лучше нас разбирались в горной флоре и оставляли эти ядовитые цветы нетронутыми. Смертельных случаев не было. Но те, кто не удержался и наелся цветов, были обессилены до крайности. Это вынудило Ковпака согласиться на ночевку посреди седловины.

Люди спали на земле, тяжело дыша и вскрикивая во сне. А на рассвете подъем и снова марш.

Хребет все время шел на подъем. Сориентировавшись по карте перед высотой, Войцехович объявил:

— Высота 1713.

— Теперь и до неба недалеко,— мрачно шутили бойцы, глядя на вершину, поблескивавшую на утреннем солнце. Мы уже научились разбираться в цифрах, стоявших рядом с коричневыми жилками на карте. Они означали, что голод здесь усилится, голова закружится еще больше, сердце дробно застучит и неодолимо захочется есть и спать. Жажду можно утолить в ручьях с удивительно вкусной и чистой водой. Но врачи, обнаружив у многих бойцов отеки, запретили пить воду. А хлеб и мясо были внизу, в селах и курортных поселках. И все же мы упорно карабкались на высоту 1713.

Это не было ни ошибкой, ни «безумством храбрых». Может быть, читателю покажется, что я рассказываю о каждом шаге этого пути для того, чтобы показать, как трудно было отряду.

Честное выполнение долга труженика и солдата перед своей родиной всегда сопряжено с трудностями. В муках рождается военный, научный и технический прогресс. И каждый бросок вперед больших человеческих коллективов требует жертв. Когда в мирной обстановке видишь, как на ходу перестраивается конвейер Горьковского автомобильного завода или Сталинградский тракторный выпускает свой десятитысячный трактор там, где еще земля кишмя кишит невыловленными минами и так нашпигована осколками, что, кажется, никогда не расти здесь деревьям и цветам,— то я всегда вспоминаю высоту 1713, на которой мы еще глубже поняли, что наши страдания не напрасны, поняли, что из усилий больших и малых, усилий миллионов наших братьев и соотечественников рождается победа над врагом.

Совершая ошибки и на ходу исправляя их, мы упорно двигались вперед и вперед и овладевали тактикой горной войны. Еще на водоразделе Днестра и Прута мы нашли ее главный смысл: мы научились ходить в горах по хребтам. Это написано было не только на измученных и одухотворенных лицах штабных командиров; бойцы, голодные, с дрожащими руками, часто на четвереньках карабкались на небольшие подъемчики, с улыбками, похожими на гримасы, говорили друг другу:

— Главное найдено! Нужно ходить вдоль горных хребтов. Теперь дело у нас пойдет.

Это экономит силы, хотя, на первый взгляд, крадет время и увеличивает пространство. Хребет петляет, извивается, но его никогда не пересекают ущелья. С любой горы можно перейти на противоположную, не спускаясь в долину, занятую противником. Правда, иногда нужно исколесить десятки километров, чтобы попасть туда, куда может долететь пуля с вершины, которую ты покинул позавчера.

— На хребтах очень удобно занимать оборону,— сказал Войцехович.

— И главное — можно ходить днем,— «подытоживал опыт» неунывающий Горкунов.— Хватит блуждать по ночам.

— Верно. Хлопцы валятся от усталости, на ходу спят. Днем все видно, за эту привилегию я согласен и поголодать малость,— мрачно шутил Базыма. Последние дни начштаба походил на библейского старца. Он смастерил себе два огромных посоха и, опираясь на них, довольно быстро карабкался по горной тропе.— Дневной марш — это экономия сил, внимания, наконец, нервов,— продолжал он вполголоса свои рассуждения.

— Экономить можно то, что есть в запасе! — сказал я тихо.

— Эх, ты! — Базыма остановился. Подперев палкой подбородок, словно ему трудно было держать голову на плечах, он

задумался.— Верно... силенки уже нема... Значит, тем более надо итти по хребту,— и, выбросив вперед, как весла, свои посохи, он зашагал в строю.

Авангард готовился начать спуск по второму склону хребта. К высоте уже привязались две «стрекозы». «Мессеров» мы не видели второй день. Их заменяли разведчики. Они привозили с собой несколько мелких бомбочек. Совсем не громкие по звуку разрывы, но удивительно точные попадания. Они причиняли немалый вред, но зато совсем не вызывали паники.

На высоте 1713 прямым попаданием одной из таких бомб был убит корешок Мити Черемушкина, также кавалер ордена Ленина — Чусовитин. Бомба весом в пять килограммов разнесла тело разведчика на куски. Мы вместе с Рудневым и Воронько похоронили его останки в скалах.

— Чусовитин погиб шагах в пятнадцати от комиссара,— встревоженно шепнул мне Воронько.

Руднев забрался на самую вершину высоты 1713 и долго стоял там во весь рост.

Мы вслед за комиссаром вскарабкались на огромный осколок застывшей лавы.

Захватило дух. Вокруг горы на десятки километров — горы как на ладони. Воздух, ранее подернутый синей дымкой, был прозрачен, как хрусталь. Кряжи отбежали далеко. Высот стало неизмеримо больше. Звуки уже не таяли в мягкой вате тумана.

— Гляди! — насмешливо сказал Руднев.

Недоумевая, Базыма молча пожал плечами.

— Не замечаете? Звучащее приблизилось, видимое отдалилось,— сказал раздельно Семен Васильевич.

— Да, пошли все измерения вверх тормашками,— поддакнул Базыма, не понимая еще, куда клонит комиссар.

— Ножницы звука и плэнера...— важно изрек поэт Платон Воронько.

Руднев с улыбкой поглядел на поэта.

— Я не для поэзии говорю, Платон. А по военному расчету. В этих условиях попасть в цель дальше двухсот метров невозможно.

Мы молчали, соображая, что означает для нас и для врагов это новое обстоятельство.

— Кому же на пользу это преимущество? — шопотом спросил меня кинооператор Вакар.

Руднев обратился к Базыме:

— Григорий Яковлевич! Только отсюда, с высоты 1713, можно понять до конца нашу допотопную карту. Внимательно ориентируйтесь. Отсюда видны все наши промахи и ошибки, вызванные неумением ходить в горах.

Базыма, Воронько, кинооператор Вакар смотрели на комиссара. А он продолжал:

— Вы видите только одно — мы в опасности. И я вижу это. Но ведь знаешь еще что. . .— Он сбросил фуражку и задумчиво провел ладонью по лбу.— Моряк во время бури руководствуется не волной, которая ему угрожает, а звездой, указывающей ему путь.

— Красивые слова,— сказал Воронько, по привычке вынимая затрепанный блокнот.

Руднев вытер лоб и сказал тихо:

— Великие слова, Платон! Это здорово, друзья, что Чусовитин вывел нас на такую высоту. Теперь мы хоть не будем плутать. Маскируйтесь! Штаб, за работу! Ориентируйтесь. Это, может быть, судьба дает нам последнюю возможность командирской рекогносцировки. Не надейтесь на память. Ориентируйтесь! Записывайте, наносите на карту. Рисуйте кроки. Иначе нам не выбраться.

Штабники поняли комиссара с полуслова. Закипела работа, благо «стрекозы», отбомбившись, улетели.

Через полчаса минер Воронько вырвал из блокнота листок и протянул мне. Там было написано следующее:

Він тут стояв на чорній скелі
У жовтім гумовім плащі,
І сонця промені веселі
Квітчали золотом кущі.
Він тут стояв стрункий, плечистий,
Мов з бронзи литий на віки.

Із гір, по стежці комянистій,
Неслась вода на лотоки.
Немов шукаючи двобою
Із тим що в бронзі, на горі
Стояв і бачив під собою
Віки у щасті та добрі...

Таким именно запомнился Семен Васильевич Руднев всем нам, участникам этой памятной командирской рекогносцировки. Кинооператор Борис Вакар снял на пленку эту группу. Пленка уцелела, а храбрый оператор погиб. (Затем и пленка затерялась — не в Карпатских горах, а в дебрях киностудий.)

Руднева запомнили мы все именно таким, каким увидал его поэт. . .

Він бачив мир такий, як тиша
Після грозової пори,
И край його тим миром дише,
А він на виступі гори
Стоїть у бронзі молнолітній
Серед Карпатских верховин.
Після грозовий вечір літній
Над ним разгортуэ... свій плин...

На высоте 1713 разведчики обложили камнями останки славного разведчика Чусовитина и начали спуск по кряжу. Хребет вел нас в урочище Шевка.

С этой высоты мы по-иному увидели Карпатские горы. Мы оценили их сквозь призму двухнедельного опыта и вступили в новый этап борьбы.

35

Перевалив через высоту 1713, по хребту пошли на снижение. Вправо, мимо бурелома, зигзагообразно извивалась горная тропа. Влево — старая вырубка. Она заросла кустами и молодым ельником. Дальше шла более свежая вырубка. Сваленные оранжевые сосны лежали на крутом склоне. Ветви их торчали, как ребра павших коней; на пнях — крупные слезы смолки.

Километра два снижалась тропа, а затем уходила в пологую долину. Сверились по карте.

— Шивка. То есть Шивка,— сказал молодой гуцул, чабан из Яремчи, взятый нами проводником на верблюдоподобной вершине.— Од камня Довбуша праворуч пойдете шоссой на Яремчу; прямо — на Сэнэчку, леворуч будет Пасечная и Зеленая.

— Опять камень Довбуша! Сколько же их? — спрашивает проводника Горкунов.

— Го-го! Их богато! Все эти верховины Довбушем исхожены.

— А который самый главный?

— Самый главный — наш яремчанськнй. Он-но-но... попереду нас,— уверенно ответил молодой гуцул и протянул вперед герлыгу.[1]

Гуцул в Зеленице считал свой камень самым главным. Будь у меня время, я бы услыхал новый вариант Довбушиады. Этот Довбуш обязательно был бы родом из Яремчи. Ангелы, и черти, и силы небесные, дающие возможность хилому от рождения человеку таскать на крутую гору огромные скалы, где вы? Что делать нам, не верующим ни в чох, ни в сон, ни в птичий грай?!

Фантазия народа, живущего в этих горах, заставляет его таскать на вершины камни, которые не под силу сдвинуть и слону, только потому, что народ верит в благородство человеческого сердца. Кто знает, пройдут годы, и, может быть, творчество этого своеобразного, талантливого народа создаст новые легенды. В них Ковпака объявят братом Довбуша.

[1] Герлыга — длинная палка с крючком на конце, которым чабан ловит овцу за ногу.

Появятся новые памятки, вырезанные из бука и граба, высеченные из гранита.

А сейчас нужно было вести колонну вперед. Скорей отводить ее от лысой вершины 1713, пока не заправились на неизвестном нам аэродроме «стрекозы» и не привели с собой «мессеров».

Пройдя еще километр, мы вышли к опушке. Тропа круто спускалась вниз. Несколько лысых холмин слева были совсем свободны от растительности. У подножья их явно чувствовался перекресток троп. Скала на перекрестке была словно нарочно заброшена сюда карпатским великаном. На ней издали угадывались те же надписи — символы упорства и веры народной.

— Камень Довбуша! — голос гуцула звучал торжественно и молодо.

— Что за люди там, на холме?

Я поднял бинокль в сторону левого холма, указанного Горкуновым. Люди были увлечены какой-то работой и не видели нас.

За готовым бруствером хорошо видна самоварная труба миномета.

— Ясно. Немцы!

Пока связной мчался (конечно, он мчался, хотя и еле передвигал от голода и усталости ноги) к Ковпаку и Рудневу, мы с Горкуновым быстро приняли решение.

— Что у нас под рукой? — спросил я Федю.

— Только одна восьмая рота Сережи Горланова.

— Ее надо бросить в обход. Задача: сбить немецкую группу с лысины холма.

— Хорошо, если у камня Довбуша нет второй такой же,— вслух размышлял Горкунов.

Подошел Базыма. Вынул карту. Он одобрил наш план. Рота Горланова скрылась в вырубке.

Правой стороной, настолько ниже тропы, чтобы оставаться не видимой для немецкой группы на холме, колонна продолжала свой путь.

— Другого выхода нет,— бормотал Базыма.— Если у камня Довбуша немцы выставили роту, батальон, даже полк — чорт возьми! — если они выдолбили там окопы, построили дзоты, все равно — мы прорвемся. Потому что другого выхода нет.

Мы напряженно прислушивались. Стук топора на холме, где укреплялись немцы, звучал, подобно раскатам грома, лай собак напоминал рык дикого зверя, простые доски звенели, как колокола,— так удивительно деформировался здесь звук.

Колонна двигалась очень медленно. По нашим расчетам, голова ее уже достигла камня Довбуша. Боя впереди не слышно было. Но вот слева эхо донесло до нас выстрел вин-

товки. И вслед за ним — рев бури. Сначала казалось, что это где-то внизу, в глубине ущелья Зеленой, поднялся ветер необычайной силы, но громче ветра в горах завизжала пастушьей флоярой автоматная очередь и сразу оборвалась вырвавшимся из ущелья отчаянным воплем минометного разрыва. Еще миг — и громкая трембита зазвучала в горах. Словно ватаг, скликая свое стадо перед грозой, громко трубил и звал.

— Ура...— шептал Базыма.— Восьмая пошла на ура! Теперь возьмет.

Прислушиваясь к звукам горной атаки, мы с трудом расшифровывали их.

— Атакуем высоту с тыла,— нервно шептал Горкунов.

— Верно. Эхо доносит стрельбу от противоположного хребта.— Базыма приложил ухо к земле.

— Тут и автоматная очередь арфой зазвучит,— сказал Воронько.

Я вспомнил слова комиссара о новой трудности в горах: ведении прицельного огня. Как я не предупредил об этом Сережу? Вот досада. Плохо, если сразу не нанесут фашистам чувствительных потерь.

Базыма послал на помощь Горланову подошедшую роту Бакрадзе.

Проходили минуты. Мы слушали странные шумы боя восьмой. Начали привыкать.

— Только один раз ударил немецкий миномет. Значит, враг застигнут врасплох,— словно выпытывал у карты Базыма.

— Но в центре, в центре, чорт возьми? Ведь камень Довбуша — это ключ дорог. Не может быть, чтобы немцы его не оседлали. Что же случилось? — спрашивал у нас Горкунов.

Молчал камень Довбуша.

К нашему случайному, но очень удобному НП подошли Ковпак, Руднев. Не маскируясь, группа командиров вышла на поляну.

Вечерело. Далеко справа, в промежутках между выстрелами, которые становились все реже, доносилось далекое журчание моторов.

— Маскироваться! Команду по колонне! Маскироваться! — отчеканил Руднев.

Все подняли головы к небу. Из-за какой горы зайдут на нас немецкие самолеты? Но они не показывались. Шум моторов слышался низко, как из-под земли.

— Шось не то, не то...— говорит Ковпак.

К нам подошел гуцул.

— Авто гудуть, господин товарищ.

— Новая морока. Откуда оно тут в этой богом проклятой земле?— спросил Ковпак.

— Из Яремчи.

Теперь уже всем было ясно, что из Яремчи. Отчетливо слышался рев моторов. Автомашины, а может, и танки двинулись в горы. Откуда так некстати появилось на нашем пути шоссе?

— На карте никакого шоссе нет,— разводил руками Базыма.

— А карта у тебя какого года? — спросил Руднев.

— Тысяча восемьсот девяносто восьмого.

— Чудак старый. Так тут же война с четырнадцатого по семнадцатый шла. По каким-то дорогам патроны, снаряды и солдатскую крупу возить надо было?

— Верно, пане товарищу. В шестнадцатом году мы сами этот гостинец строили.

— Какой гостинец?

У Франко слово «гостинец» означает: мощеная дорога — шоссе. Но сейчас, кажется, этот гуцульский «гостинец» может стоить нам жизни.

— А камень Довбуша молчит,— сокрушенно говорил Горкунов.

— В одном наше спасение — уже вечереет,— успокаивал его Базыма.

Мы обсуждали положение.

Все столпились вокруг единственной карты 1898 года.

— За царя Тымка, когда земля была тонка, твоя карта...— мрачно шутит Ковпак.

Длинная очередь на полдиска разрывными прижала нас к земле. Но немец нервничал, и взятые с превышением пули срубили только около десятка веток... Да одна сшибла шапку с головы Ковпака. Сидя в яме, куда затащил его Политуха, дед молча и виновато потирал лысину, выслушивая выговор своего ездового.

— Ладно, ладно,— успокаивал его Руднев.— Никто ж не знал, что он так близко подберется. Не зацепила?

— Та не. Шкуру обожгла,— и Ковпак опять крепко потер лысину.

Темнело в горах быстро. Проходящая невдалеке колонна забирала все больше и больше вправо.

— Кто там ведет? — уже озабоченно спросил Руднев.

— Войцехович и Анисимов,— ответил Базыма.

— А проводники есть у них? — задал вопрос Ковпак.

Выяснилось, что колонна ушла без проводника. Маскируясь от залетавших со стороны Горланова пуль, не участвующие в бою люди забирали все больше вправо.

— Надо выходить, пока хоть что-нибудь видно на перекрестке,— сказал Ковпак.

Послав связного к Бакрадзе и Горланову, мы двинулись по тропе, уже не опасаясь немцев. К камню Довбуша вышли в совершенную темень, почти наощупь.

— Немцы прозевали,— устало говорил Руднев.— Замысел у них был правильный — с двух сторон сомкнуть кольцо. С Яремчи — танками, а с Зеленой — пехотой и артиллерией.

— Но выполнить не удалось, товарищ комиссар,— весело откликнулся Володя Лапин.

— Теперь надо путь держать на эту привлекательную гору впереди нас. Ту, что днем видели.

— Это где стада днем паслись?

— Эге ж. Гуцул ее звал Сэнэчка.

Разведчики уже прозвали ее ласково «Синичка». Ох, гора Синичка. Что-то милое, заманчивое есть в твоем имени. Может быть, потому, что южный склон, обращенный к нам, не крутой, а пологий. И весь в полонинах. На них так живописно были рассыпаны днем пасущиеся отары. На самой большой полонине все видели пастушечью колыбу. В промежутках между бомбежками и боем можно было заметить, куда гнали свои стада на водопой гуцульские ватаги.

— В этой тьме не только колыбу — носа собственного не увидишь,— ворчал Горкунов.

— В долине еще темнее, Федя. Остановка. Будем ждать колонну.

Через несколько минут уже раздавался храп. Люди улеглись вокруг скалы Довбуша и сразу уснули. Теперь, чтобы продолжать движение, нужно будет полчаса ходить вдоль колонны, гонять связных и командиров, взывать к партийной совести парторгов. Иначе не поднять смертельно уставших людей.

— Пускай часа два-три поспят,— сказал Руднев.— Петрович, поручаю тебе вести. Направление — на пастушью хатку. А пока подразведай и нащупай путь. Сориентируйся. Двинемся на заре.

Я искал проводника, но он где-то застрял среди навалом лежащих между камней человеческих тел. Может быть, уснул, а может, и сбежал.

В разведку пошел сам с Володей Лапиным. Мы прошли шагов двести. Ломали ветки и выкатывали на тропу камни. По ним наощупь будем возвращаться обратно. Иначе не найти колонну.

Володя остановился.

— Перекресток. Вкопан в землю столб.

Мы осветили его фонариком.

— Столб верстовой. Или пограничный,— определяет Лапин.

— А может быть, лесничество? — почему-то сказал я.

Может быть, потому, что смертельно хотелось обнять этот серый столб и прикорнуть хоть на несколько минут.

— А какая разница? — удивленно спросил Лапин.

В самом деле. Мы осмотрели столб с винтообразными полосами. Доска с бляхой сбилась набок и заржавела. Только какая-то птица, не то польский орел, не то немецкая курица, проступала сквозь ржавчину.

— Нет, это не лесничество,— заключил Володя.

— Ну, хватит разглядывать столб, Володя. Вперед! — сказал я из опасения, что через минуту свалюсь и не встану.

Ползем. Вправо начинается дорога. Я слышу веселый шопот своего напарника:

— Эге, это уже не горная тропа, товарищ подполковник. Это дорога, лесной просек. По ней свободно может пройти и конь и обоз. А с трудом — и машины.

Влево, немного поднимаясь в гору, вилась тропа.

— Володя! Дальше мы не пойдем. Тропа найдена. Можно возвращаться.

— Стоп! Что-то есть. Нашел, товарищ подполковник,— зашептал Володя.

Он взял меня за руку и потянул вперед. Посреди тропы я нащупал не то тоненькое деревцо, не то воткнутую в землю палку. Как будто разыгрывая, кому из нас начинать смертельную чехарду, мы переставляем на палке кулаки. Верхушка палки расщеплена. Моя рука сверху. Ощупываю ладонью — бумага. Выдернул ее из расщелины. Мы сели и ощупали землю вокруг. На расстоянии полуметра эта довольно высокая жердь окружена небольшими колышками.

— Погоди, Володя. Давай разберемся. На бумаге должно быть что-то написано. Свети.

Лапин долго возился с фонариком, ворчал, открыл его, что-то вертел, поплевывал на контакт. Наконец лампочка дала еле заметный, похожий на светящегося червячка блик. Его хватило лишь на то, чтобы осветить одну-две буквы. Так, повозившись с четверть часа, от буквы к букве, мы наконец прочли: Vorsichtig, Minen». [1]

— А чего это — «форзихтиг, минен»? Похоже на фамилию,— сказал Володя.

Глаза слипались. Слушая товарища, я соображаю в полусне, ворочая мысли, как жернова: «Пожалуй, действительно, это фамилия. Где-то в немецкой классике это есть. Что-то такое. «Мина фон Берлихинген»? Кажется, Гёте писал что-то? Или Лессинг? А есть еще Гец фон... фон... Барнгейм... Или наоборот? Э-э, да чорт с ними!»

---

[1] «Осторожно, мины» (*нем.*).

— Я знаю,— сказал Володя.— Форзихтнг — это эсэсовское звание такое. Помните, изучали мы как-то. Гаулейтер, ландвирт, форзих... Это какой-нибудь большой или самый меньший начальник.

«Но почему же колышки в земле?»

Словно электрнческий ток пробегает по телу.

— Скорее! Фонарик! — н я крепко, до боли в пальцах, прижал кнопку, как будто угасающнй свет мог от этого разгореться ярче.

Нагнулся к кругу, утыканному колышками. В центре круга я нашел три усика. Рожки, похожне на щупальцы улитки, торчали из землн. Так и есть: это противопехотная «лягушка». Самая страшная для человека, взрывающаяся дважды мина. Первым взрывом она выбрасывается из землн. Подпрыгнув на уровень полутора-двух метров, разрывается. Она наносит поражение двумя сотнями шрапнелей, заключенных в ней. Редко убивая, она страшно ранит. Чаще всего в грудь и голову. Такая штучка, взорвавшаяся посреди колонны, может одна вывести из строя полсотни людей... Опытные минеры знают не только, как ее втыкать, но и как вынимать... Были среди нашнх ребят и такне, которые не раз подрывалнсь на ней, но оставались живы и невредимы... Нужно только после первого скрежещущего взрыва моментально упасть на землю, и смертоносная шрапнель пройдет поверху... Но для этого нужно обладать быстротой реакции летчиков-истребителей.

— Ну ее к чорту, товарищ подполковник! Поползли обратно,— шепнул Лапнн.

И, задним чнслом испугавшись, мы поползли назад к спящей колонне. Благо так удобнее нащупывать оставленные ветви н камни. Казалось, вот-вот грянет сзади взрыв.

— А лежачего «лягушка»-то и не берет... Ага! — смеется Лапин.

— Ладно, ползи... пока живой.

36

На рассвете мы с Володей Лапиным вывели роты на полонину Снннчки. Освеженные сном и прохладным ночным воздухом, люди бодро брали подъем. Колонна даже подпирала нас сзади.

— Володя, побыстрее! Прибавь шагу,— шутнл я.

— Это они стада на Синнчке увидели, товарищ подполковник. Жмут нз последнего.

Действительно, люди, предвкушая еду, набирали темп.

На Синичку выбрались роты Горланова, Бакрадзе и та

часть отряда, которая перед боем была в хвосте. Подошел уставший Руднев. Под глазами у него легли большие фиолетовые тени.

— Нашли отары? — спросил он, тяжело дыша.

— Стада исчезли, товарищ комиссар.

— Так и знал. Это мираж...— он вытер платком крупные капли пота со лба.

Следя за его усталым жестом, я впервые заметил несвежий воротничок на его гимнастерке. С усилием поднявшись, он отозвал Базыму и меня в сторону.

— Большая часть колонны оторвалась. Никто не знает, где остальные...

— Остальные с Войцеховичем и Аксеновым,— виновато кашлянул Базыма.

— Это я знаю. А где они? Когда оторвались?

— Вчера, когда Горланов и Бакрадзе вели бой. Колонна взяла вправо,— смущенно докладывал начштаба.

— А дальше? — допытывался комиссар.

Базыма пожал плечами.

— Вот видишь. И никто не знает. Машины-то гудели также с правой стороны. Может, они перерезали путь колонне.

Базыма возразил неуверенно:

— Не должно бы. Бой слышен был бы.

— Да где его тут, к чорту, услышишь.

Базыма повернулся ко мне.

— Надо срочно посылать разведку.

Я согласен с начальником штаба, но никак не мог решиться на такую жестокость: посылать людей в разведку, когда они только что дорвались до еды.

Разведчики, подошедшие сюда несколькими минутами раньше, обнаружили на чердаке колыбы бочонок брынзы. Кашицкий и Землянко выгнали из лесу овцу и ягненка. Животные мигом очутились в котле...

Руднев приказал немедленно выделить разведке первые порции. Через двадцать минут хлопцы были готовы к выполнению задания. Мы с Базымой тоже хлебнули из котелка жирного бульона. Захватив с собой по куску полусырого мяса, покарабкались на вершину организовать оборону.

Обороняться мы пока рассчитываем только ротами, благополучно ночевавшими у камня Довбуша и дошедшими с нами на Синичку. Большая часть отряда блуждает где-то в горах.

Наиболее опасный участок — со стороны Яремчи.

Базыма прикинул по карте и на местности и необычайно ласково глянул на меня.

— Веди туда Горланова и Бакрадзе. Сходи сам. Хлопцы подкрепились, должны держаться,— говорил он, странно растягивая слова.

Затем, расстелив карту, что-то начал показывать на ней. Но глаза его слипались, и он, клюнув носом, виновато улыбнулся.

— Разморило. Солнце, понимаешь... Ну, вали... Потом я тебя сменю,— он сладко вытянулся и хрустнул стариковскими рабочими пальцами.— Светит вовсю, а до зенита еще, ох, далеко...

Веду роты Горланова и Бакрадзе.

Горьковатый привкус дыма, прокоптившего колыбу, исчез. Солнце настолько яркое, что просвечивало даже сквозь закрытые веки. Можно итти с закрытыми глазами, надо только протянуть руки, чтобы не напороться на сучья.

Еще с вершины мы с Базымой отметили удобный для обороны небольшой кряжик, пологими уступами опускавшийся к самой Яремче. Оттуда изредка доносились свистки паровоза. На рассвете я слышал там пение петухов. Туда и вел я роты вдоль хребта. Во всю длину его тянулся невысокий, шириной в полтора-два метра, каменный барьер. С одной стороны его извивалась канава. Извилины канавы каменная ограда повторяла ритмически правильно. Это сделано руками человека. Но зачем?

К Яремче барьер утолщался, образуя настоящую каменную стену. Место для обороны идеальное.

Вопросительно взглянул на Бакрадзе.

— Приставить ногу,— скомандовал он.

С Бакрадзе и Горлановым прошли немного вперед. Горланов нагнулся и поднял зеленовато-ржавую гильзу, забитую землей.

Прошли еще несколько шагов.

В очередном выступе обнаружили целую гору гильз. Еще дальше груда ржавых консервных банок.

— Окопы, ей-богу, кацо, окопы!

Горланов внимательно осматривается по сторонам. Да, это полуразрушенные, завалившиеся старые окопы.

Как мы сразу не догадались? Вот откуда этот ритм углублений и каменного бруствера. Мы уже уверенно ведем роты за собой вдоль окопов, вырытых руками русских солдат первой мировой войны. Мы подымаем патроны, пулеметные ленты, стреляные гильзы и целые обоймы; ручки старинных гранат системы Новицкого и истлевшие противогазы; головки снарядов и разбитые вдребезги винтовочные и пулеметные стволы: по этим костяшкам сцепившихся в смертельной схватке прошлой войной полков мы определяем стыки взводов, рот

и батальонов, командные пункты, где сидели штабс-капитаны и фельдфебели; мы установили пулеметы точно в тех местах, где стояли двадцать семь лет назад знаменитые «максимы».

Оборона была занята во-время. Через полчаса со стороны Яремчи показались немцы. Впереди шла сильная разведка... Позади двигались колонной главные силы.

Давид долго вглядывался в цепи противника. Затем схватил бинокль. С изумлением опустив его, поманил меня пальцем. Нагибаясь, он зашипел мне в ухо:

— Кацо! Ишаки! Ей-богу! Глазам своим не верю. Но точно вижу — с ишаками идут. Откуда они их здесь взяли? Проклятые фашисты!

Дальше я ничего не могу понять. Он ругается по-грузински. Беру у него бинокль. Действительно, в колонне много длинноухих животных. На их спинах болтаются вьюки. Минометы и пулеметы. Я прикинул в уме. Против наших двух неполных рот двигалось по меньшей мере полтора-два батальона. Но у нас преимущество обороны. Посмотрел на ребят. Растерянных лиц, бегающих глаз не видно.

— Понимаешь, генацвале? — спросил Давид.

Я понимал. Только внезапность и только большие потери в первую минуту могли заставить врага откатиться назад. Я объяснил командирам задачу. Горланов и Давид пошли вдоль цепи.

— Если кто-нибудь, кацо, выстрелит раньше, чем сможет различить, какой цвет глаз у фашиста,— застрелю на месте. Будь ты мне брат или самый лучший друг на свете — застрелю,— приблизительно так командовал Давид.

— Давид, маскироваться! Хватит!

Три сотни немцев карабкались на гору уверенно и быстро.

— Ничего не замечают,— шептал Сережа Горланов.

Он заволновался. Я сделал ему замечание.

— Не сорвись, товарищ лейтенант! Поближе, только поближе. Иначе нам каюк!

— Обувь у них специальная,— восхищенно шептал пулеметчик Бывалин.— И горные палки в руках.

— Оружие облегченное,— с завистью вздохнул его второй номер.

Да, против нас специальные горные войска. Это я вижу по их уверенному, быстрому подъему.

— Хорошо идут. Быстро,— шептали бойцы.

Впереди шел высокий офицер. На его пилотке сбоку беленький цветок с кокетливо изогнутыми лепестками. Он похож на ромашку.

Нет. Это не мирная ромашка. Это — эдельвейс, отличительный знак немецких горных стрелков.

— Вижу глаза фашиста,— шепчет кто-то рядом.

Какие глаза у офицера с эдельвейсом на пилотке?

— Погоди еще,— хотел шепнуть Бакрадзе.

Но шопот не удался его широкой глотке. В этот миг и я различил глаза своего немца. Они серые. Нет, голубые. Голос Бакрадзе заставил его удивленно поднять левую бровь. Глаза голубые, они забегали и сразу остановились.

Оглушительный треск. Это во весь рост поднялся Бакрадзе.

— Хлопцы, огонь!

Швырнув одновременно две гранаты, он прыгнул в окоп.

Здесь уже нет доблести. Доблесть была в том, чтобы выдержать и подпустить фашистов на десять-пятнадцать шагов. А сейчас происходило просто избиение врага. Из всей роты фашистов вниз сбежали считанные егеря. Остальные легли перед каменным бруствером. После первого же залпа, предоставив автоматчикам добивать немецкую разведку, я побежал вдоль окопа. Надо было перенести огонь всех пулеметов на главную колонну. Она в недоумении остановилась за полкилометра внизу. Скучилась.

— Пулеметы! Огонь по колонне!

Это не так легко — на ходу побороть инерцию и в нужный момент изменить стихийный бешеный скок боя. Да еще ближнего, на десяток шагов. Но все же удалось! По толпе мулов и фашистов уже вели огонь наши пулеметы. Может быть, там вдали и нет больших потерь. Но есть бегство. Пусть бегут. Им потом труднее будет подниматься. Они поскользнутся на собственной крови. Своя кровь ведь очень скользкая и тяжелая.

Несколько минут — и все кончено.

Передышка кстати. Люди протирали накалившиеся стволы, задымленные затворы, перезаряжали диски. Я тоже снял диск своего ППШ. Открыл его. Что такое? Всего израсходовано восемь патронов. Не помню, когда я менял диск в бою. И запасный диск тоже тяжелый, он полон патронов. Значит, за весь бой я дал всего одну очередь. Интересно! Что из этого следует? А то, что всего год назад, в первой своей засаде, я израсходовал все свои патроны, то есть был в бою стрелком. А теперь? Сам стрелял мало, но направлял огонь бойцов. Не в этом ли смысл командирского искусства? Обуздать свой законный азарт бойца и этим усилить огонь подчиненных? Так или не так, но одно знаю наверняка: теперь вражеских трупов было больше раз в десять. Прибежавший от Руднева связной дал мне записку:

«Колонна нашлась. Продержитесь еще немного, орлы!»

Когда стало ясно, что атака окончательно отбита, я пошел к колыбе.

Подошли Войцехович, Аксенов, Павловский.

— Они вчера взяли слишком вправо,— сказал Базыма.

— Куда вас понесло? — пошутил Руднев.

— В преисподню,— ответил Войцехович.

— Булы у чорта в гостях,— мрачно говорит Павловский.— Если бы не немецкие танки, дошли б до самой Яремчи. Теперь нам как раз курорт требуется.

Оказывается, Яремча — курортный городок на берегу Прута.

— Как же выбрались вы с этого курорта? — спросил Ковпак.

— По азимуту Войцехович вывел, шоб его на той свит такой азимут выводил! — ругался Павловский.

Связные — злые гении Павловского — объясняли причину его злости. Заметив колонну немцев, стоявшую на шоссе с зажженными фарами, хлопцы свернули с тропы. Стали выходить напрямик, по азимуту. Озлобление Павловского было вызвано тем, что по азимуту Вася вышел на обрыв. Почти все лошади свалились в пропасть. Ночью никто не обратил на это внимания. У всех была одна цель — выйти, выбраться, найти своих, догнать командование, ушедшее вперед. Но, дойдя до колыбы, достигнув цели сегодняшней ночи, все поняли: свалившиеся в пропасть кони — это не только груз, но это и последняя надежда на пищу.

Вот когда слово «азимут» показалось людям, попавшим в тяжелое положение в горах, чем-то чудовищным. Азимут — прямой путь, прочерченный мысленно по земной поверхности, здесь, в горах, мог погубить отряд. Еще один такой ночной «марш по азимуту» и...

— Как же это ты, Вася? — тихо укорял своего помощника Базыма.

— Я старался вывести. Тут на половине стада были...

— Оставь, Григорий Яковлевич. Вывел — и молодец. А стада... это мираж...— устало сказал комиссар.

— Как, Семен Васильевич? — слова застряли в горле у Войцеховича.

Он смотрел остекленевшим взглядом куда-то поверх наших голов Я повернулся по направлению его взгляда. Три бойца подошедшей по азимуту группы, собрав кости уже съеденной нами овцы и ягненка, скрылись в глухом ельнике.

37

Немцы больше не пытались нас атаковать со стороны Яремчи. Противник был замечен с другой стороны Синички. А через час после отбитой первой атаки на Бакрадзе и Горланова обрушились немецкие самолеты. Они как будто с ума со-

шли от бессильной злости. Бомбовые удары сыпались один за другим.

По приказу Руднева, я направился к старым окопам. Горланов закусывал в пятидесяти метрах от окопа. Он пил из немецкой фляги кофе. Перед ним лежала гора немецких документов. Он весело засмеялся.

— Никакой жалости не имеют воздушные гансы. Не успели мы фашистов выпотрошить как следует, налетели и давай молотить своих мертвецов. Вы поглядите — ни одного целого нет.

Действительно, погибшая немецкая рота привлекала внимание немецких самолетов.

Трупы, лежавшие впереди старых окопов, представляли собой жалкое зрелище. Вероятно, на каждого убитого фашиста было потрачено несколько бомб; земля была изорвана в клочья, изрыта воронками, части тел заброшены на кусты и деревья, лохмотья одежды и кишок свисали с веток сосен и буков.

— Боевые деревья стоят на склонах Карпат,— подмигнул мне Сережа Горланов.

На всем склоне до самой Яремчи не было видно движения немцев. Самолеты бомбили от бессильной злости. А может быть, отвлекали наше внимание, подготовляя атаку на другом склоне горы. Скорее всего и то и другое.

Уверившись, что наша оборона здесь крепка, я возвратился к штабу.

Но в центре обороны было плохо. Большая часть отряда, измученная хождением по Васиному «азимуту», лежала замертво. Лихорадочный румянец на щеках, опухшие руки и ноги, болезненный сон с открытыми глазами.

Что всего хуже — люди иногда вставали и брели куда глаза глядят, забыв взять с собою оружие.

Руднев с тревогой сказал:

— Побросали ящики с патронами и толом.

— Как? Все?

— Нет, конечно. Но были такие случаи. И что делать — не знаю. И наказать-то руки не поднимаются.

Но в этот день пришло спасение. Не гуцульские стада, не трофеи, даже не манна с неба. Спасение пришло от чудовищной скаредности Павловского. Кто-то пронюхал: Павловский тащит по горам три мешка сахара. Панин побежал к Рудневу, требуя чуть ли не расстрела старого скупердяя.

Комиссар несколько мгновений безразлично слушал ругань Панина, а когда наконец понял, в чем дело, устало рассмеялся.

— Чудак. Ему в ноги за это поклониться надо!

— Как поклониться?
— Для кого он его тащит! Для себя?
— Еще бы для себя...
— Зови его сюда.

Установив, что сахар действительно есть, комиссар создал под руководством Павловского и Панина чрезвычайный комитет, комиссию или что-то в этом роде. Быстро произвели расчеты. Получилось на каждого бойца по триста граммов сахару.

Медсестры, старшины и парторги рот разнесли по лагерю сахар. И совершилось чудо: лежавшие до сих пор без движения люди, съев две-три горсти сахарного песку, запив его карпатской ключевой водицей, почувствовали, как живительная сила разбегается по жилам.

Одни, повернувшись на бок, засыпали, другие садились, ощупывали автомат и патронташ. А иные уж согласны были и песенку затянуть.

— Это же чудеса! — уверял своих хлопцев комвзвода Деянов.— Это же тебе не Павловский, а сам господь-бог, Иисус Христос и все сорок святителей!

— Действительно, вроде как Иисус Христос. Тот, слыхал я, пятью хлебами накормил пять тысяч,— поддакивал меланхолично мрачноватый майор Дегтев.

— Это що? Иисус Христос накормить-то накормил. А вот были ли они сыты — вот вопрос,— сказал Деянов.

— Ну, а мы не то что после свадьбы или крестин, но все же,— сказал старшина Бычков. Разглаживая рыжие усы, он нашел на них несколько песчинок сахара.

И хотя до вечера по лагерю без конца молотила авиация, были убитые и раненые,— все мы понимали: кризис миновал.

38

Кроме боя и бомбежки, а также библейских чудес Павловского день на горе Синичке для командования был знаменателен еще многим. Во-первых, прояснилась обстановка. Горные стрелки, боевую разведку которых полностью уничтожили Бакрадзе и Горланов, принадлежали 26-му эсэсовскому полку. Из документов и допросов единственного пленного я выяснил, что полк этот только вчера разгрузился из эшелонов на станции Яремча. Десять дней назад его спешно погрузили на пароход в Норвегии (он стоял там с сорокового года!), перебросили через проливы и уже эшелонами через Германию и Польшу примчали в Карпаты. Были данные, что он не единственный, что следом за ним из Норвегии движется еще один горный полк. Пока что группировка немецких войск, раскры-

тая нам Гартманом на горе Поляничка, вплоть до нумерации полков, подтверждалась.

Мы уже несколько дней ощущали: войсками, брошенными на Ковпака, командует умный и хитрый военачальник. Сегодня на горе Синичке мы кое-что узнали о нем. Генерал Кригер из «вермахта», попавший в немилость за излишне трезвую оценку событий на фронте, а также сил и возможностей противника, был отозван в резерв ставки еще перед Сталинградом. Но его заслуги и незаурядные знания охладили гнев начальства, и, продержав его полгода в немилости, оно решило дать ему исправиться на этой сравнительно легкой операции против «зарвавшихся» партизан. Генерал Кригер не имел равных себе знатоков горной войны и знал Карпатский театр еще со времени первой мировой войны. Новый пленный из 26-го эсэсовского полка подтверждал, что официальным командующим этой «пустячной» операции был Гиммлер. Но он предпочитал сидеть во Львове, поджидая, когда опальный генерал, которому милостиво дали последнюю возможность поправить свою репутацию, положит к его ногам у подножья горы Лемберг венок победы над «бандой» Ковпака.

Эти сведения помогли нам разобраться. Стало очевидно, что противник долго следил за нашим движением, изучал наши слабые и сильные стороны. Это было в то время, когда мы беззаботно двигались через Тернопольщину и так неосторожно перескочили через Днестр. Это помогло ему определить нашу цель — Карпаты. Я теперь был уверен, что Кригер разгадал ее заблаговременно. Поэтому именно горным войскам был дан приказ о сосредоточении еще тогда, когда мы не достигли и Черного леса. И третий вывод, уже без прямых фактов: противник не собирался оттеснить нас или блокировать, как это случалось на севере. Он ставил себе одну цель — полностью уничтожить отряд. Понятно, почему вначале он дал нам возможность «разыграться». Даже позволил такую роскошь, как разгром отдельных своих частей. Теперь-то мне стало ясно: 13-й и 4-й полки — это была только разведка боем.

Пощупав силы врага и определив, что Ковпак гораздо сильнее, чем кичливо объявило ему его начальство, Кригер решил дать бой в Карпатах, не без основания полагая, что этот очень маневренный и хорошо натренированный в степях и лесостепных равнинах отряд в горах должен потерять часть своих боевых возможностей.

Пленный рассказал, что среди офицеров были разговоры о том, что во Львове уже проявляли беспокойство по поводу медлительности вермахтовского генерала, слишком осторожно ведущего доверенное ему эсэсовское дело. Но Кригер настаи-

вал на своем и требовал войск, приспособленных для горной войны.

«Если не хочешь споткнуться, всегда в мыслях своих поставь себя на место врага»,— часто повторял Ковпак. Моя собственная практика подтверждала, что в военном деле это неплохой метод. И, уйдя в сторону от Горланова и Бакрадзе, забравшись в какую-то яму, я перебирал несколько десятков солдатских книжек, залетевших сюда из Норвегии, просматривал адреса писем и думал: «Этот Кригер уже сейчас подсек нас под корень. Он лишил нас маневра, вымотал наши силы. А ввел в действие, пожалуй, только половину своих войск».

Окружая нас всего лишь третью или даже четвертью наличных у него батальонов, генерал остальные свои силы располагал двумя крупными резервами на полюсах кольца. Таким образом, кольцо окружения не получалось двойным. Нет! Просто при прорыве два кулака резерва моментально превращались в следующее кольцо этой беспрерывной цепи.

«Хорошо ему, сволочи, выстраивать свою цепочку, имея десятикратное превосходство в людях и полное превосходство в технике,— думалось горько.— А может быть, это просто паника. Может быть, и не стоит лезть с этими невеселыми мыслями к Ковпаку и Рудневу? Им и без того нелегко. А тут еще с Гартманом возни не оберешься».

Мы доволокли его с ущелья Полянички живым и невредимым до самой Синички.

По строжайшему приказу Ковпака, лучшие и самые выносливые караульщики, хлопцы, способные по нескольку ночей не смыкать глаз, стерегли неустанно этого фашиста, будь он трижды проклят. Опытный гестаповец мог бежать каждую минуту, и это приводило в бешенство не только коменданта, но и нас с Мишей Тартаковским. Мы хотя и понимали, зачем он нам нужен живой, но он был непосильной тяжестью для всего отряда.

— Не сбежал еще? — тревожно спрашивал Базыма караульщиков.

— Не. Хай ему грець. Заморил нас той гестап горше, як гитлеровски летчики,— отвечали караульщики.

И вот, казалось, наступила минута, оправдавшая все наши усилия и мытарства.

Еще вчера, когда загудели моторы у камня Довбуша, гестаповец навострил уши. За ним следили десятки глаз. Он знал, чувствовал это, но все же не сумел сдержаться.

А сегодня как будто бы кто-то подменил Гартмана. Он подтянулся. На угодливо заискивающем лице появилось нагловатое выражение.

— Двадцать шестой? Из Норвегии,— сказал он, подойдя ко мне после боя.

А сегодня по другим источникам подтвердилось. Это был действительно 26-й эсэсовский полк.

А ну-ка, последуем совету Ковпака и поставим себя на место врага. И я приказал дежурному привести Гартмана в мой блиндажик.

Он заговорил первый.

— Вы убедились в том, что против вас выступил двадцать шестой полк? И теперь у вас имеются основания доверять мне...

Да, это было так. И он, видимо, прочел на моем лице смущение.

— Господин подполковник. Я имею сообщить вам свои важные условия.

Я насторожился.

— Я могу принять капитуляцию господин генераль Ковпак и господин генераль Руднев.

— Вы что, в своем уме? Кажется, не первый день видите наш отряд.

— О да. И я рад буду засвидетельствовать перед генераль Кригер и даже перед лицом господин рейхсминистр личные заслуги военачальника этого выдающегося воинского отряда... Но...

Я не сдержался и послал в адрес фашиста несколько нецензурных слов.

— О, я понимаю ваше положение... Но есть вещи, о которых я могу сказать вам прямо. Они уже не станут достоянием советского командования от ваших уст. С западного фронта идет колоссаль перегруппировка войск. Десятки новых дивизий будут брошены или уже вступили в бой за Днепр. И германские силы снова будут на берегах Волги. Да, да...

— А если на Западе будет второй фронт?..

Немец засмеялся.

— Наивные люди, как и полагается быть героям. Второго фронта никогда не будет. А если он будет, так это будет фронт томми и джонни вместе с нами. И против вас. Двадцать шестой полк из Норвегии и еще несколько полков из Франции и Голландии — это лишь часть сил, брошенных на советский фронт. И фюрер мимоходом разрешил Гиммлеру использовать их на ваш отряд. Их вполне достаточно, чтобы даже сегодня я мог предложить вам почетную капитуляцию. Сегодня для вас еще не поздно...

Все это возмутило меня так, что я выхватил из кобуры пистолет. Но действовать самостоятельно не мог.

Нужно немедленно доложить Ковпаку и Рудневу. И я приказал часовым увести Гартмана.

Руднев пришел сам. Без палки, к которой уже несколько дней прибегало, карабкаясь по горам, большинство партизан, все такой же подтянутый, хотя и сильно похудевший, с запавшими глазами, еще больше подчеркивавшими внутреннюю красоту его лица, он набрел на мою яму. Постоял немного, тяжело дыша, а затем, как всегда, улыбнувшись собеседнику, с которым хотел поделиться мыслями, сказал:

— Неплохо устроился. Вероятность попадания бомбы небольшая. Поражение пулей исключается. Разве минометом. Но немецкие минометы пока что далеко внизу и не достанут. Тут и думать можно, — и, легко спрыгнув в яму, усаживаясь, спросил:— Фашистскую психологию все изучаешь? Не надоело?

«Нет, надо рассказать, — подумал я,— тем более, он один».

И, решившись, я четко и ясно рассказал Семену Васильевичу о генерале Кригере. О нем и раньше говорили мы с комиссаром. Но до сих пор употребляли частое на войне местоимение «он». Даже немного обрадовавшись, что наконец «он» приобрел вполне конкретные формы, фамилию, звание, я рисовал Рудневу его привычки, характер, планы.

Когда я закончил информацию и остановился, роясь в бумагах, Руднев резко отшвырнул ногой кипу немецких документов:

— Ну, а выводы, выводы?

«Стоит ли их докладывать?.. Ведь вправе я сказать, что выводов пока не имею».

Нет, не вправе!

Комиссар закрыл глаза и, откинувшись головой на траву, долго сидел так. Резко выдохнув, он вскочил на ноги.

— Хорошо. Я поговорю с командиром. Мне думается, что ты прав. Болтать об этом пока не стоит. Хлопцы и так, кажется, падают духом. Но поговори с Базымой. Только не так уж прямо безжалостно.

— Логика борьбы — безжалостная вещь, товарищ комиссар.

— Я понимаю, но ведь, кроме ума, есть еще у людей и сердце и нервы. — Поставив ногу на камень, чтобы выпрыгнуть наверх из блиндажика, он вдруг повернулся ко мне:— Ну, ладно. Думай, думай. А Гартмана — расстрелять немедленно!..

Затихла шуршавшая под его сапогами земля, ручейками ссыпаясь вниз.

Повторив подошедшему Базыме те же выводы, я вслух думал:

— Это наверняка так. В основном — наверняка. Может быть, есть еще неизвестные нам детали. Но и они, вероятно, не в нашу пользу. Но выход, выход где?

Базыма развел руками и уткнулся в карту.

— Брось, Базыма! Как будто она может о чем-то рассказать, кроме того, что все высоты вокруг нас заняты войсками, в долинах, пересеченных шоссейными и железными дорогами, тянутся составы и гудят автомашины резервов генерала Кригера. И второй месяц надоедливо воют уже привыкшие к нам «мессеры».

«Добре было Денису Давыдову! Его авиация не чипала», — вспомнилась ворчливая дискуссия Ковпака со своим предшественником. Мысленно соглашаюсь с дедом: «А что бы действительно Давыдов делал в нашем пиковом положении?»

И, улыбнувшись сравнению, не слушая Григория Яковлевича, толковавшего мне, что высота 996 намного выгоднее для обороны высоты 1006, хотя она и ниже, я, напрягая память, вспомнил знаменитый «Дневник партизанских действий». Как будто бы эта истрепанная, плохо изданная книжечка могла заменить нам сейчас и потерянные в горах Полянички пушки и брошенный тол, воскресить Семенистого, Черемушкина и Чусовитина, исцелить раны товарищей или хотя бы спасти живых от неминуемой гибели.

И вдруг показалось, что сможет.

Я вспомнил применявшуюся казаками Дениса военную хитрость, настолько простую, что во время чтения, вероятно, никто из нас не восхищался ею. Но, кажется, это был единственный способ для отряда Ковпака вырваться из безнадежного положения.

Нападая в конном строю на обозы и колонну отступающей французской армии, Давыдов всегда назначал место сбора своим казакам в стороне от главной дороги. Обычно это было село всего в двадцати-тридцати километрах от тракта. Лихие налеты давыдовских партизан вносили панику и смятение в ряды врага и чаще всего кончались полной победой. Но иногда в пылу боя люди увлекались. Нарвавшись небольшой группой на сопротивление еще не потерявшей боеспособность большой группы французов, Давыдов оказывался лицом к лицу с угрозой полного разгрома отряда. Иногда перед Денисом Давыдовым было несколько тысяч пехоты и кавалерии, способных не только отразить удар нападавших партизан, но и преследовать и уничтожать их. Часто это были ветераны наполеоновской гвардии в высоких медвежьих шапках. От этой гвардии, по словам самого Давыдова, отскакивала казачья удаль давыдовских партизан, как горох от железного щита. И вот в такой опасный миг раздавался условный свист,

и по этому сигналу казаки рассыпались во все стороны — кто куда. Преследование прекращалось, окружение становилось невозможным, так как нападающий таял, по одиночке скрываясь в лесах, болотах. А через сутки отряд вновь собирался в условленном месте.

— Только давыдовским маневром можно вырваться из цепких лап Кригера. Надо разбить отряд на пять-восемь групп, во главе их поставить доверенных и опытных командиров. Прорвавшись в одну ночь всем отрядом в одном направлении, рассыпаться во все стороны. Расходиться на юг, на север, на запад и восток. Распылить внимание и силы врага. А затем через две недели, ну, месяц в крайнем случае, собраться в условленном месте. Как думаешь, старина?

Базыма недоверчиво покачал головой.

— Так-то оно так. Но это тебе не французы... И не леса Смоленщины... И не зима 1812 года.

Мы задумались. И снова, подвергая сомнению только что возникший план, я почти реально услышал скрипучий голос Ковпака: «Добре було тоди Давыдову, его авиация не чипала».

Обдумал еще раз план в деталях.

— Нет, другого выхода нам не найти.

— Ну ладно. Пойдем к комиссару, — и Базыма аккуратно сложил карту, сунул очки в карман и, кряхтя, покарабкался из ямы.

Руднева мы нашли на вершине Синички. Так же, как и высота 1713, она была увенчана огромными гранитными скалами. Как будто дети великанов, играя, натаскали их, рассыпали огромными пригоршнями эту небесную гальку на верхушке заросшего травой муравейника и назвали ее именем маленькой птички — синички.

Комиссар лежал на скале в своей любимой позе. Подложив обе руки под голову, он молча глядел на небо. Там кружились «мессеры».

Базыма кашлянул.

— Тут дед-бородед кумекает насчет давыдовского маневра. Думаю, Семен Васильевич, что-то в этом деле есть.

Комиссар молча кивнул головой.

Базыма по привычке расстелил карту, пододвигая ее к Рудневу. Тот отстранил его рукой:

— Погоди, не надо,— и затем ко мне: — Я говорил с командиром. Он почти согласен. Ну, давай! Что ты придумал?

Не дав мне кончить, Семен Васильевич, как только уловил смысл предложения, перебил меня:

— Нет, только не это. Рано еще, — с болью сказал он и крепко сжал ладонями голову. По лицу его мелькнула тень.

Солнце светило ярко. По склону Синички захлопала очередь скорострельного пулемета. «Мессеры» прошли один за другим, обстреливая оборону.

— Уходите! Не демаскируйте меня!

— А как же с маневром? — кашлянул Базыма.

— И ты тоже, — покачал головой комиссар. — Ну, ладно. Перед вечером соберем командиров, посоветуемся. Ступайте.

Совещание было созвано наспех за час до захода солнца. Базыма сказал мне и Войцеховичу:

— Разведчики все-таки нащупали лазейку. Появилась надежда выбраться.

— Это из окруженной плотным кольцом врага Синички? — удивленно спросили мы.

— Надежда призрачная, конечно. Но все же есть.

Уже вытянулась часть колонны. Теперь это был не грандиозный обоз, а просто шедшие гуськом вооруженные люди, нагруженные до предела мешками, ящиками, тяжелым оружием и боеприпасами, с карманами, битком набитыми кореньями, грибами, горькими горными ягодами.

На совет собралось человек двадцать с лишним — командиров батальонов и отдельных рот. Тут были комиссары, начальники штабов батальонов и политруки. Они молча выслушали несколько слов Ковпака, в которых командир осторожно предупредил подчиненных о том, что положение наше становится все хуже.

Слово взял Руднев. В двух словах охарактеризовав маневр, он сказал:

— Вы уже знаете это предложение. Я думаю, что оно нам сейчас не подойдет. Может быть, там, впереди. Еще есть время. Не все исчерпано. Кто за? И кто против?

Командиры видели, как больно комиссару итти на этот крайний шаг. И даже те, кто в душе был согласен со мной, молчали. И я промолчал. Почему — не знаю. Вероятно, из чувства долга и уважения к авторитету комиссара. А также и потому, что понимал: такие совещания на войне командование созывает только для того, чтобы проверить себя. Решает же оно все-таки единолично. А решение уже было принято.

Вынув карту из полевой сумки, я молча поковылял в свой блиндаж времен первой мировой войны. Вначале была обида. Затем я и сам не заметил, как она сменилась гордостью за комиссара. И я понял: он боялся гибели боевого коллектива, с таким трудом и любовью сколачиваемого им и Ковпаком вот уже на протяжении двух боевых лет войны. И, сознавая, что этой последней меры не избежать, он (я и сейчас убежден, что Семен Васильевич по-своему был прав в тот день) думал «Неизбежно, но рано!» Сделать еще одну попытку разбить

врага одним общим ударом и вырваться из клещей Кригера всем боевым отрядом.

Но кто из нас тогда мог думать, что, боясь — да, да, боясь! — рисковать существованием и славой отряда, он рисковал не менее всем нам дорогим — собственной жизнью!

Из оцепенения меня вывела карта, лежавшая на коленях. Как чужую, я прочел свою собственную надпись, сделанную на ней перед боем в Поляничке: «Раньше, чем начнешь командовать, научись подчиняться!» Как во-время зазвучали сейчас эти слова здравого рассудка и самодисциплины...

Выступать решили до полной темноты. Тропинка проходила по лесу, и хотя самолеты до вечера кружились над нами (отмечена была новинка — три венгерских самолета: два легких бомбардировщика и один разведчик), но все же пехоте можно было двигаться. Через две минуты после того, как мы вышли на тропу, посреди маленькой полянки, где только что происходил совет командиров, взорвалась 250-килограммовая бомба.

Когда осели копоть и хвоя, мы с Базымой подошли к воронке. Бомба угодила в то самое место, где только что сидели кружком Ковпак, Руднев, Базыма, Матющенко, Бережной, Бакрадзе, Фесенко, Шульга, Шумейко, Швайка, Ленкин, Горланов, Дегтев и другие командиры.

— Здорово благодарил бы меня генерал Кригер за речь в защиту проекта! — хлопнул я Базыму по плечу.

— Пошли, дед-бородед. Не хвались бестолку!

Осколками этой проклятой бомбы был легко ранен в руку капитан Бережной. Второй осколок раздробил пятку Косте Стрелюку.

39

Ночь на 3 августа прошла относительно спокойно. Лазейка, найденная разведчиками, выручила нас. Северный склон Синички не занят немцами. Отряд ужом выходил на внешнюю сторону кольца, охватившего высоту. Боевое охранение обнаружило пулеметные гнезда на ближайших буграх, но немцы, с вечера бросавшие там ракеты, сейчас сидели тихо и не открывали огня.

Рассвет застал нас на седловине, покрытой кустарником. Старые лесные вырубки перекрещивались многочисленными овечьими тропами. Они полого сбегали к Пруту. Там, внизу, не видимый нам угадывался город Делятин.

Люди отдыхали, промышляя себе пропитание. Искали ягоды, грибы или выворачивали карманы, надеясь, что в них, может быть, остались крошки хлеба или сахарного песку.

Бодрствовала только разведка. Никто не удивлялся, откуда берутся силы у разведчиков. Им даже многие завидовали. Несмотря на повышенную нагрузку и смертельную опасность, разведчикам все же везло. В поисках нет-нет да и встретят они чабана, выпросят у него кусок сухой брынзы. А более шустрые добывали молока или хлеба. Правда, часто вместо хлеба из хат раздавались очереди фашистских автоматов. Иногда падали разведчики.

В эти дни люди больше всего боялись ранения. На Синичке было шесть случаев, когда раненые, обезумев от боли и видя, каких усилий и труда стоит товарищам нести их, покончили с собой.

И все же разведка действовала. Не так безотказно, как мы к этому привыкли, но все же она давала нужные сведения.

В этот день, впервые в Карпатских горах, дала связь наша рация. Старший радист Божченко сиял. Но хотя сеанс продолжался более трех часов и все радисты работали, что называется, до седьмого пота, удалось принять только обрывки одной радиограммы.

Ковпак взял из рук Божченко листок бумаги, на котором были написаны какие-то обрывки фраз. Точки, слоги, отдельные слова, опять точки... Повертев его в руках, он протянул комиссару. Я заглянул в листок через плечо Семена Васильевича. Там значилось: «Поздравляю выполне...ания...меры... помощи... учтите... детали... нехватает ночи... сентября...»

Только подпись была ясной: «Хрущев». Наконец радиограмму расшифровали, вернее, сочинили наново. Может быть, не так, как она была послана, а по-своему, но расшифровали.

Это было радостное сообщение. Руководитель большевиков Украины поздравлял нас с выполнением задания. Но и предупреждал: помощь нам может быть оказана только через месяц, когда ночи станут длиннее.

К вечеру радисты принесли вторую радиограмму. В ней давалось командованию право действовать по своему усмотрению, сообразно обстановке. Мы перенеслись мысленно за тысячу шестьсот километров, в Москву. Стоило только возобновиться искре связи, и Хрущев, получив первое донесение от Ковпака, сразу дал ответ. Значит, там волновались за нас. Конечно, ни тогдашние наши военные познания, ни необходимость сохранения военной тайны не позволили знать во всех деталях о грандиозной задаче, поставленной товарищем Сталиным перед партизанами, и о той роли, какую играл в этом плане наш Карпатский рейд. Недаром во время встречи с партизанскими командирами товарищ Сталин назвал нас — «второй фронт». Теперь, в 1943 году, этот «фронт» вступил в полную силу. От Ленинграда до Смоленска, в Бело-

руссии и на Украине действовали в тылу врага партизанские отряды, диверсионные группы, бригады, батальоны, полки. Сотни тысяч патриотов били фашистов на оккупированной земле «автоматом и винтовкой, топором и камнем, колом и ломом», как говорилось в партизанской присяге. Мы еще не знали тогда, что именно Карпатским рейдом Ковпака, так же как и Винницким рейдом Мельника, Ковельским рейдом Федорова, рейдом Капусты под Гродно, Главнокомандование расширяло на пятьсот-шестьсот километров к югу и углубляло на столько же к западу этот советский «второй фронт». Много было партизанских отрядов в лесной полосе Припятского бассейна. Враг бросал на компактные массы партизанских районов и краев регулярные войска. Этим он надеялся если не уничтожить, то, во всяком случае, локализовать активные наступательные действия партизан.

Командование советских партизан учло и это. Одним из результатов пребывания товарища Демьяна в партизанском крае было рассредоточение партизанских сил. Этим самым наносились чувствительные удары по немецкому тылу как раз в тех местах, где еще до сих пор не ступала нога советского партизана и не стрекотал, как весенний жаворонок победы, его автомат.

Как бы ни было трудно людям в эти дни, их ни на минуту не покидало чувство гордости за выполнение порученного им дела. Часто на Карпатах вспоминали они прошедшие в огне жестокой борьбы два военных года и путь своего отряда, предводительствуемого опытными командирами.

Отряд был Путивльским, районного масштаба. Степные условия, размах партизанской борьбы, особенно после разгрома немцев под Москвой, заставили Ковпака выйти за рамки района, рейдировать по Сумщине в Брянские леса. Но не забывал он наведываться в Путивль. Тянуло в родные места. Это был первый год войны.

Но только тогда, когда отряд стал выполнять задачи, поставленные ему товарищем Сталиным, его действия получили государственный размах и значение. Отряд стал действовать по указанию Главнокомандующего. Уже не просто бить врага, а бить его там, где это в данный момент всего нужнее партии, командованию,— вот в чем дело. И сознание этой целеустремленности, близости к вождю повышало ответственность любого командира, любого партизана.

Они теперь были партизанами в самом высоком смысле этого слова, они действовали по прямым указаниям партии большевиков, своими подвигами помогая выполнять приказы товарища Сталина. Это была гордость и великая ответственность партизан Ковпака. И это спасало нас в самые трудные

минуты, вселяло уверенность в самом, казалось бы, безвыходном положении.

Прорвавшаяся сквозь блокаду гор волна наших партизанских раций приносила все новые и новые вести.

В одной радиограмме были такие слова: «Задачу выполнил. Вертаюсь назад. Иван Лисица».

Все радовались возвращению Лисицы. Никто из нас не предполагал, что эта бумажка обозначает десятки тысяч тонн уничтоженной нефти. Пока немцы не обнаружили проделку Лисицы, десятки тысяч тонн ушло в реку.

Кроме утешительной радиограммы Лисицы, были и другие новости. Уже второй день возвращались наши диверсионные группы. Высланные на задание еще на Зеленой дней десять назад, они достигли Станислава, Коломыи, Долины и ковыряли толом и минами поезда, мосты, подрывали автомашины. Каждый батальон отправлял тогда по нескольку групп. Грохот взрывов не долетал до нас в горы. Но он тревожил немецкое командование, он заставлял Кригера и торопиться и разбрасывать свои силы.

Из высланных на железные дороги диверсионных групп больше половины вернулось уже в свои подразделения. Остальные тоже выполнили задание, но еще где-то бродили в горах в поисках своего отряда, путая своими следами и вражескую разведку и командование.

Словом, начались новые карпатские дела.

Руднев и Ковпак, по-особенному собранные и энергичные, с утра ходили по лагерю. Внимательно поглядывали на отдыхающих бойцов. Затем долго совещались.

Комиссар собрал политработников. Шульга, Фесенко, Москаленко тесным кольцом обступили комиссара. Он сказал им что-то веселое, и на хмурых лицах проступили улыбки. Затем не более минуты он вполголоса ставил им задачу.

— Ясно? Мы с командирами займемся сами. Потолкуйте с бойцами. Что сейчас главное, когда народ передохнул немного? Поднять дух. Прочитайте по ротам радиограмму товарища Хрущева. Задание выполнено, товарищи!

Во второй половине дня собрали командиров.

— Опять на военный совет? — отрапортовав, тихо спрашивали Базыму комбаты и командиры рот.

— Нет, совещания не будет,— блеснув в их сторону воспаленными глазами, отвечал комиссар.

— Рекогносцировка, хлопцы. Пошли со мной,— почему-то ухмыляясь и словно обещая победу, поманил нас за собой Ковпак.

Пройдя около трехсот метров, мы вышли на поляну. Отсюда видна была извивающаяся лента Прута. Дымки хат

да верхушка часовни, торчащая словно со дна пропасти, указывали на большой населенный пункт.

— Ориентируйтесь по карте,— слегка картавя, сказал Руднев.

Но занятие это, такое привычное с тех пор, как вошли мы в горы, было прервано.

Над долиной Прута стройной девяткой шли «юнкерсы». Гул моторов особенно грозно звучал в ущельях.

По сравнению с мощным звуком сами самолеты казались удивительно маленькими и безобидными.

— Не уползать в кусты. Жаль терять время. За мной,— весело скомандовал Ковпак и перебежал к странному сооружению посреди полонины.

На четырех высоких и хорошо выструганных жердях, вбитых по углам, была насажена тесовая крыша. Особыми приспособлениями она передвигалась по жердям вверх и вниз, в зависимости от высоты стога, и прикрывала сено от дождя. Сейчас сена не было. Быстро подняв на несколько колышков крышку, мы залезли под нее, продолжая наблюдение.

Самолеты сделали несколько кругов, а затем один за другим пошли на бомбежку. Бомбили они довольно далеко от нас. Разрывы доносились глухо, только откуда-то изнутри земли доходило к нам вздрагивание почвы.

— Определи место бомбежки, Вася,— сказал нетерпеливо Войцеховичу комиссар.

— Бомбят гору Синичку,— крикнул Войцехович, ориентируясь по карте.

— Тоже неплохое дело,— осклабился Ковпак.— Пускай, на здоровье...

Комиссар сразу начал с плана предстоящей операции.

План был прост и ясен. Он опирался на добытые вчера сведения. Но комиссар сделал из них другие выводы:

— Противник имеет во много раз превосходящие силы. Он измотал нас,— жестким голосом говорил Руднев.— Он почти уверен в близкой победе. Об этом свидетельствует вот эта листовка,— комиссар показал вчетверо сложенную розовую бумажку.

Листовка пошла по рукам. В ней сообщалось населению о том, что «банда» Ковпака разбита. Обещались награды за поимку партизан. Кончалась листовка на обычный фашистский лад: угрозой расстрела за сочувствие и помощь «разбитым» партизанам.

Руднев продолжал:

— По всему видно, что сегодня судьба дает нам передышку. Может быть, последнюю. Люди голодные, это правда.

Но все же отдыхают и уже сутки не ведут боя. Политруки и парторги, командиры! От вас требуется навести порядок в строю. Кригер обнаглел и бросил на нас почти все свои войска. Они вылезли на вершины гор. Значит, нам выгоднее всего бить их — где? — в долине. Штаб группировки генерала Кригера находится в Делятине. Он уже натренировался окружать нас. Вчера было которое окружение? — требовательно спросил он у начштаба.

— Двенадцатое,— хмуро отозвался Базыма.

— Ну вот. А к утру готово будет тринадцатое,— словно нанося удар, объяснил Руднев.

— Значит, что нам и выхода нет? — сокрушенно спросил Кульбака.

— Выхода нам нет. Кроме как рвать кольцо через штаб немцев. Через Делятин,— торжественно сказал Ковпак.

Комиссар молчал. Люди поглядывали то на Ковпака, то на карту. Соображали. Недолго сидели молча. Заговорили все сразу, излагая друг другу свое понимание замысла предстоящего боя.

Ковпак подмигнул комиссару одобрительно. Он был доволен произведенным впечатлением.

— Это же скольких мы зайцев бьем? — нетерпеливо спрашивал Федора Карпенко коротконогий, загорелый Матющенко.— Из окружения вырываемся по-настоящему — раз, Кригера к ногтю — два.

— В степя выходим — три,— поддакнул Карпенко.— И горные войска в Карпатах к фюреровой матери оставляем — четыре...

— А не много ли зайцев вы насчитали? — оборвал комиссар.

— Раз на охоту итти, так чего ж церемониться, товарищ комиссар? — не моргнув глазом, сказал Карпенко.

— Давайте, хлопцы, сойдемся пока на первых двух. А теперь разрабатывайте со штабом детали. А мы с разведкой пойдем пока...

И Руднев, легко вскинув на плечи свой ППД, зашагал по краю кустарника. За ним заспешили мы с Горкуновым.

Уже возле лагеря мы встретили бежавшего навстречу Радика. Сняв шапку и утирая вспотевшее лицо, он издали радостно крикнул:

— Папа! Вот здорово получилось!..

Заметив нас, Радик запнулся.

— Товарищ комиссар, разрешите доложить?

Руднев скрыл улыбку под черным усом.

— Я с донесением от шестой. Она от Синички заслон держит. Два часа назад мы обнаружили колонну немцев. Идет

по нашему следу. Все горные стрелки. Много вьючных животных. Майор Дегтев определил: не менее двух батальонов. А может быть, и весь полк.

— Двадцать шестой оправился после вчерашнего,— заметил комиссар Горкунову.

— А может быть, и тот, второй, сформированный в Норвегии...— отозвался помначштаба.

— Ну что же тут веселого? — нетерпеливо осведомился комиссар у сына.

— Так это ж они свою колонну бомбят. Не менее получаса. Похлеще, чем нас в Маняве,— засмеялся Радик.

— Ну, это еще проверить надо,— негромко сказал комиссар.

— Да все же как на ладони, отец. Вот здесь, за рощицей, видно. Здорово! — не унимался Радик.— Пойдем. Не больше ста шагов.

Руднев повернулся к Горкунову:

— Ставь задачи ребятам. И пошли ко мне один пулеметный расчет... Мы будем на опушке.

Горкунов козырнул. Предводительствуемые Радиком, мы пошли вперед.

— Здесь надо маскироваться,— таинственно шепнул Радик и повел нас овечьей тропой.

Через небольшой овражек мы вышли на опушку. В крайних кустах, замаскировав ветками небольшие брустверы из камней, лежали бойцы шестой роты.

Народ веселился не меньше Радика. Отойдя немного в сторону, чтобы не демаскировать оборону, мы воочию убедились, что Радик говорил правду.

Кряж Синички, голый, похожий на хребтину лежащего коня, здесь был усыпан маленькими зелеными точками. Среди них лежали другие, побольше. В бинокль было видно: это убитые люди и животные.

Изредка, оставляя за собой белесый дымок, зеленели анемичные при солнечном свете ракеты. Вдоль горы все еще бесновалась девятка «юнкерсов». Они уже сбросили бомбы. Прицельно и точно по колонне. Об этом красноречиво говорили трупы горных стрелков 26-го полка, валявшиеся на склоне. Сейчас самолеты обстреливали бегущих, скатывающихся в ущелья альпийских стрелков.

По прямой это было так близко, что, казалось, немцы могут услышать наши крики.

Извилистыми горными тропами и долинами, да еще после такого угощения, деморализованным остаткам полка сегодня уже не добраться к обороне нашей шестой роты.

Руднев взглянул на часы.

— До темноты еще далеко,— сокрушенно покачал он головой.

Мы взглянули на запад. Солнце уже скрывалось за Синичкой; Руднев словно забыл о немцах и стоял во весь рост, освещенный его лучами.

— А солнце светит как ни в чем не бывало... Полежим, подумаем...— чуть слышно сказал Семен Васильевич.

Я постелил плащ-палатку и лег в стороне. Мы долго молчали. Затих и Радик, израсходовав весь свой восторг.

Через четверть часа я подошел к комиссару, сидевшему на камне. На коленях его лежала курчавая голова сына. Радик спал.

— Ну, как, Петрович, дрейфишь?

— Нет. Вообще... нет. Одного только боюсь.

— Чего же?

— Чтобы не ранили... в ноги.

Руднев участливо улыбнулся.

— А-а-а... Понимаю. А ты как, разве не сможешь? — и приставил, как дуло нагана, указательный палец к виску.

От неожиданного вопроса холодок пробежал по спине.

— Н-не-е знаю... Как-то... ни разу в жизни не приходилось...

Руднев рассмеялся. Проснулся Радик и взглянул на нас.

— Что, опять своих бомбят?

Солнце уже скрылось за горой. Тонкой полосой расплавленного металла бросило оно нам последний привет и спряталось за гребешком.

— Пошли, хлопцы! Скоро марш,— сказал Руднев, поднимаясь с камня.

Быстро карабкаясь и убегая от тени горы Синички, на миг мы снова догнали солнечный луч.

А еще выше лагерь третьей роты был освещен так ярко, что даже слепило глаза.

Остановившись, утишив стук сердца после быстрого подъема, комиссар вытер рукавом пот. С сожалением глядя на исчезавшее за горой безжалостное светило, тихо спросил:

— Хотел бы ты знать, кому из нас светит оно в последний раз?..

Да, если бы знать — кому! — стоило бы добиться отмены приказа, по которому ковпаковцы через час двинутся на тяжелый и славный бой. Бой, в котором понесут они самую тяжелую утрату за два года войны.

Но тень горы Синички синим своим крылом уже приголубила кусты и полонины. Погасли последние блики на стальной поверхности оружия. Люди вставали, с трудом разминая ноги. Наступала тихая ночь.

Последние трудные дни я как-то особенно сблизился с Рудневым. Выслушивал он мои невеселые разведывательные доклады и догадки очень внимательно. Часто пытливым вопросом или усмешкой наводил меня на совсем другие выводы. Особенно после прихода группы, отрезанной под Поляничкой. Где-то на Шевке или на высоте 1713 во время рекогносцировки ему попалась на глаза моя карта. Прочитав написанную перед Поляничкой фразу: «Прежде чем будешь командовать, научись подчиняться», он поднял на меня засветившиеся лаской и радостью глаза. И старый коммунист, пришедший в партию еще в дни, когда Ленин выступал на Финляндском вокзале, стал относиться ко мне с еще большим доверием.

Не знаю, потому ли, что характер человека лучше всего познается по его поведению в решительные минуты, или потому, что опасность выявляет скрытые силы и способности человека, но я знаю теперь наверняка — именно опасность сблизила нас.

Может быть, поэтому, а может, и по другим соображениям, Ковпак и Руднев поручили нам с Горкуновым командование ударной группой. Захватить Делятин, разгромить штаб генерала Кригера и овладеть мостом через Прут — вот в чем была наша главная задача.

Удар наносился с западной стороны.

Для этого мы должны были пройти напрямик по лесу, спуститься в долину.

С бойцов ударной группы приказом Ковпака были сняты все запасные грузы. Обходным путем по широкой тропе двигалась остальная колонна с грузами, вьюками, ранеными и штабом. Ночь была темная. Густой лес, покрывавший восточный склон крутой горы, усиливал темень. Тропы, вытоптанные дикими кабанами и козами, переплетались и расходились по лесу во все стороны. Не удивительно, что одна из них вместо долины вывела нас к какому-то обрыву. Два человека свалились в пропасть. Разведка после этого шла вперед на четвереньках. Шла наощупь, ориентируясь по компасу и тому не поддающемуся никакому измерению чутью, которое можно назвать интуицией разведчика.

Часто, когда я вспоминаю эту ночь, мне приходит на память один случай, рассказанный мне капитаном Семченок. Капитан этот через год после Карпатского рейда ходил со мной в Польшу и в Восточную Пруссию. Диверсант и десантник, партизанивший до самого конца войны, он впоследствии выбрасывался и под Берлин и под Харбин накануне наступления наших войск.

Это было не то в Западной Белоруссии, не то в Польше. После тяжелого ночного перехода небольшая группа развед-

чиков вошла в лес. Жиденький, березовый, рос он на топи. Из-под мха и жесткой, ослепительно зеленой травы выступала рыжая вода. Посреди подсохшего болотца стояли стога сена. Разведчики подошли к ближайшему стогу. Десяток крепких рук по команде всунул под него колья, затем, подняв весь стог на плечи, разведчики понесли его к лесу. Так они делали и раньше. Перед самым лесом стог вдруг разъехался. Сено развалилось огромными клочьями, и из него вылупился, как цыпленок из яйца, страшный человек. Он был в лохмотьях когда-то кожаной тужурки. Жалкое подобие танкистского шлема покрывало голову, лицо обросло длинной бородой. Он глядел на всех, скаля зубы.

Не то улыбка на лице, не то бросится сейчас по-волчьи и вопьется зубами в человека, — рассказывал капитан Семченок.

Заговорили. И вскоре поняли друг друга. Это был танкист, обгоревший в танке в первые дни войны. Он долго спасался у сердобольных крестьянок. Подлечился. Затем скитался в лесах. Привык жить на сырой пище. Пробивался несколько раз к фронту. Но каждый раз терпел неудачу. Попадал за проволоку. Бежал. Затем снова и снова пытался перейти линию фронта. И каждый раз неудачно. В первый год он ходил по югу, где не было партизан, затем взял к северу, но уже не искал их, а жил и боролся одиночкой, скрываясь от немцев.

Это был не единичный случай в нашей партизанской жизни, но что поразило нас всех, это то, как танкист рассказывал о себе.

— У меня выработалось звериное чутье. Я нюхом чувствовал опасность. Узнавал о присутствии человека в лесу за километр. Звуки слышал издалека. Мог точно определить по дыму — большое село или хутор лежит на моем пути. Запах молока, жареной картошки и лошадиного помета долетал до меня на расстоянии получаса хода. Мог по особым свойствам воздуха точно сказать, что впереди меня: болото или зреющие хлеба.

Когда разведчики подходили к роще, он, по его словам, задолго чувствовал приближение, но надеялся, что не обнаружат в копне. Этот человек, не согнувший перед фашистами головы, был стойким и мужественным одиночкой. Потом он стал замечательным разведчиком.

При воспоминании об этом танкисте в моем сердце часто бледнеют наши карпатские злоключения. Нам было чертовски трудно, но мы были не одни. Мы ни на миг не переставали быть советским коллективом. Во главе у нас были Руднев и Ковпак. В самый критический момент радист приносил небольшой лоскуток бумаги, на котором стояла подпись — Хрущев,

и, несмотря на 1300 километров от линии фронтов и двенадцать окружений в Карпатах, мы были еще более сплоченным коллективом, одним из многих боевых коллективов советской армии. И это удесятеряло наши силы.

Позже мне не раз на ум приходил и капитан Семченок и его танкист. Перед Делятином у наших разведчиков и у меня также стали обостряться зрение и слух. Сквозь смолистый запах леса обоняние различало сотни других запахов. Вот тропа, по ней сегодня днем, хрюкая и брызжа слюной, прошел дикий кабан; следом за ним шло стадо, разбрасывая по тропе свои следы... Вот тропа двоится: это уже овечья, следы копыт, катышки, легкий оттиск палки чабана, выбившего железным наконечником на камне искру, и запах сыворотки из свежей брынзы на траве.

Колонна бойцов ударной группы шла вслед за разведкой длинной цепочкой, держась за руки и концы плащ-палаток. Чтобы не терять друг друга при неминуемых разрывах, люди насовали в карманы, прикрепили на спинах гнилушки. Они тускло светились в кромешной тьме горной лесной ночи. Но и это не всегда помогало. Слишком крутой спуск заставлял передних ускорять шаг чуть ли не до бега. Каждые четверть часа где-нибудь позади или сбоку раздавался хрипящий шопот: «Разрыв! Остановить колонну!»

Команда передавалась по цепочке. Разрыв ликвидировали. Через несколько минут получался затор. Движение рывками раздражало людей. Соседи ругали друг друга. Задние кричали передним: «Не спеши!», передние огрызались: «Заснули, черти!»

Поглядывая на циферблат, мерцающий под рукавом, я видел: мы запаздываем. Я пытался обогнать часть колонны, чтобы вырваться вперед, — там чувствовалось что-то неладное. Но за минуту обгонял только одного-двух человек.

Обремененные оружием, боясь растерять боеприпасы, люди наощупь, по одному карабкались через огромное дерево, преградившее путь колонне. И тут случилось событие, и потрясшее и ободрившее нас. В ту ночь суждено нам было еще раз почувствовать и запомнить на всю жизнь, что значит быть членом советского коллектива, сыном великой непобедимой страны. Обгоняя колонну и нарушая порядок движения, меня вскоре догнал Вася Мошин.

— Товарищ комиссар? Товарища комиссара не видели? .. — спрашивал он, ощупывая каждого бойца, обнимая и обгоняя по одному человеку в полминуты.

Я узнал его голос. Он был возбужден и, мне показалось, встревожен.

— Ты, Мошин? .. Зачем тебе комиссар?

— О, это вы?.. Фу, упарился... Дайте передохнуть...

Он тяжело дышал... Я дал ему хлебнуть из своей фляги.

— Надо мне комиссара найти до боя... Понимаете? Сообщение я принял важное. Для областных газет передали. Красная Армия на Курской дуге прорвала фронт... Наступают наши... Ворвались в Орел. Бои идут на подступах к Белгороду.

Да, действительно, нужно было сделать все, чтобы эта радостная весть распространилась по боевым порядкам до начала боя. Мы стремглав помчались вниз, обгоняя цепочку и передавая шопотом на ходу о новой победе наших на фронте.

Наконец разведка нащупала горный ручей. Параллельно ему извивалась дорога. Она и вела нас на Делятин.

В излучине дороги стоял Семен Васильевич. Пропуская мимо себя боевые роты, он шутками, в которых чувствовалась скрытая тревога, подбадривал бойцов. Услышав впереди голос комиссара, люди подтягивались, стряхивали сонливость и прибавляли шаг. Мы с Васей Мошиным подбежали к нему...

— Молодец радист! Ай, молодец! — сказал Семен Васильевич.

Мы двинулись с ротами вперед. Вслед нам веселый ободряющий голос комиссара звучал сталью приказа, радостью победы.

— Вперед, орлы! Красная Армия наступает. Да здравствует Красная Армия!..

На Делятин наступали мы вместе с перешедшей в наступление армией Советской страны.

40

Ударная группа на походе к Делятину разделилась на три части. Третий батальон Матющенко и комиссара Фесенко должен был захватить железнодорожную станцию. Он вытягивался влево. Несколько рот первого батальона ударом вправо ликвидируют штаб генерала Кригера. Но главная задача — захватить мост через Прут и удержать его, пока не пройдет весь отряд.

Ущелье ручья подвело нас к Делятину. На карте, которую мы тщательно изучили, все казалось простым и ясным. Когда же мы подошли туда, где ущелье вливалось в долину Прута, то увидели, что самое узкое место его перегорожено крутой железнодорожной насыпью с арочным каменным мостом старинного образца, похожим на те, которые встречаются на открытках с видами Швейцарии.

— Горлышко бутылки, — шепнул Горкунов.

Глаза, привыкшие к темноте в лесу, сейчас остро разли-

чали все детали моста. За его арками смутно угадывался город.

— Хорошо, если оно не закупорено, это горлышко! — продолжал Горкунов. — Стой! Слышишь? — он схватил меня за руку и поднял левой рукой ракетницу.

Наверху слева был слышен шорох. Изредка скатывались камешки.

— Погоди. Это Матющенко по горе выводит свой батальон на станцию.

Отделению Антона Петровича Землянко я приказал подобраться к мосту по насыпи. Роты подходили по дну ручья. Где-то вверху над нами что-то железное звякнуло по рельсе.

— Гляди! — присел от неожиданности Горкунов.

На фоне неба на мосту ясно видно движение. Четыре или пять фигурок что-то тащили.

— Остановились!

Слившись в один клубок, они замерли на месте.

— Пулемет, станковый пулемет устанавливают, — шептал возбужденно Горкунов.

Нельзя было медлить ни минуты. Я взглянул на насыпь. Хлопцы на фланге достигли только половины ее.

Подав шопотом команду, мы бегом бросились под мост. Арка красивыми линиями чернела над самой головой. Уже не менее полусотни человек достигли узкого горлышка. Только тогда зашипела где-то в небе ракета. Бегущая толпа партизан проскакивала теснину. Мы были уже в мертвом пространстве. Над самой головой бил немецкий пулемет. На нас со звоном сыпались гильзы.

— Еще теплые — бормотнул к чему-то Горкунов.— Как бы не бросил гранату...

Трассы немецкого пулемета перекрестились с очередями наших. Вдоль полотна ударили автоматы. Это отделение Землянко вскарабкалось на мост. Лай немецкого пулемета смолк. Словно бешеный пес поперхнулся сунутой в глотку палкой.

В сорокаметровой высоте хрип, возня, и к нам вниз один за другим шлепнулись три фашиста.

— Два сбежали. Пулемет наш! — крикнул сверху Антон Петрович.

— Оставаться до подхода обоза! Удерживать мост! Антон Петрович, слыхал? — командовал Горкунов снизу.

Выскакивая из ущелья, ударные роты, как бурный пенящийся поток, уже разливались по улицам Делятина.

— Теперь они сметут все на своем пути! Я пошел с третьей! С тобой восьмая. Горланов! Чуешь? — крикнул Горкунов. — В распоряжение подполковника.

Задержались всего на две-три минуты. Иногда это нужно, чтобы хоть на миг почувствовать, охватить слухом всю картину боя, а не только стреляющий рядом пулемет. Стрельба уходила вправо, и по множеству автоматных очередей я определил, что именно туда быстро двигался Карпенко со своей третьей.

— В чем дело? — спросил я Горланова. — Мост через Прут должен быть левее!

Горланов тоже с тревогой прислушался к стрельбе.

— И мне показалось. Но что здесь, в суматохе, разберешь?

Осмотрелись. Взлетали ракеты. Стрельба быстро удалялась. Наши шли без заминки. Начались пожары. Со мной были лишь Горланов и один взвод его роты. Да Женька, мой четырнадцатилетний адъютант, прикомандированный комиссаром в последние дни ко мне.

— Нужен проводник, товарищ подполковник, — твердил мне Горланов. — Время теряем!

Мы стали стучаться в ближайшие хаты. Но перепуганный выстрелами народ сидел тихо и не отвечал.

— Что же делать? Эх, была не была...

Размахнувшись, я прикладом высадил первое попавшееся окно. Сунул голову в хату. У самого окна стояла широкая семейная кровать, вздыбившаяся перинами. Такие бывают в Польше. Под периной лежала женщина. В самом уголке кровати я заметил худощавого мужчину, дрожавшего от страха.

Крикнув что-то успокоительное женщине, от чего она, вероятно, испугалась еще больше, мы с Горлановым пытались вытащить бормотавшего католические молитвы хозяина. Стараясь изо всех сил убедить его, что ему ничего не угрожает, мы совали ему под нос автомат и просили, умоляли об одном:

— Выведи нас на мост через Прут. Быстрее! Кратчайшим путем. Понимаешь?

Наконец он понял.

— Маричко! Я зараз. Покаже панам, цо им тржеба, — и вылез к нам через вышибленное окно.

Предводительствуемые этим белым «привидением», мы бросились к мосту через Прут.

— Скорее, пока его не заняли немцы!

Я взглянул на часы. Бой продолжался не более десяти минут.

К мосту мы поспели раньше немцев. Дали три условные ракеты. Понимая, что Руднев, ведший сзади колонну, может не поверить такому быстрому захвату моста, я пустил в небо несколько очередей. Пусть услышат звук советского автомата.

— Цо пан каже робить далей? — спросило белое «привидение».

— Беги домой! Беги скорее к себе и кричи: «Передать комиссару: мост захвачен!»

Повторяя про себя, как молитву, эти четыре слова, обрадованный проводник исчез в темноте.

Горланов со своим взводом уже занял оборону на противоположном берегу Прута. Третья рота в городе весело перекликалась озорным фырканьем автоматов. Через полчаса к мосту стали подходить выходящие из боя группы.

Станция была захвачена Матющенко почти без сопротивления. Минутная задержка произошла из-за подошедшего в это время эшелона. Но он шел порожняком. Небольшая группа фашистов на вокзале была перебита. Штаб группировки генерала Кригера охраняли всего одна рота немцев и два танка. Они были сожжены во дворе, где ночевали танкисты. Попутно хлопцы разбили несколько магазинов с продуктами. Наголодавшиеся в горах бойцы бросились на еду, забыв о генерале Кригере, и выходили к мосту, жуя на ходу.

Откуда-то из переулка выскочил Володя Лапин с огромной банкой варенья в руках. Рядом с ним бежала радистка Анюта.

— Подполковник! Варенье настоящее, малиновое... Попробуйте! — кричала она мне, еще не дойдя до моста.

Мне было не до варенья. Что-то неладное почуял я впереди.

Из боя стали выходить все большие группы бойцов. Я направлял их вперед за двести-триста шагов от моста с приказом занять оборону. В конце Заречья образовалась внушительная цепь. Теперь уже была полная уверенность, что мы удержимся. Но вот пробьемся ли?

Вскоре на шоссе показался комиссар. В кожаном пальто, подтянутый и бодрый.

— Здорово вышло с мостом! — радуясь успеху, крикнул он. — Я даже не поверил ракетам. Но потом слышу очереди нашего автомата. Это ты стрелял?

Руднев остановился и пожал мне руку.

— Да, что за психа в кальсонах ты прислал ко мне? Хлопцы чуть было его за фашиста не приняли. Но он так радостно кричал: «Передать комиссару: мост захвачен», что я понял — это твои штучки.

На возбужденных лицах стоявших вокруг бойцов была написана радость победы. Это была победа Руднева, его военного таланта, его ума и сердца, учета психологии врага и понимания души своих партизан!

Мы простояли на мосту четверть часа. Руднев, провожая взглядом уходивших за мост бойцов, все больше хмурился.

Мы не сразу заметили новую угрозу, нависшую над отрядом. Было в эту ночь одно обстоятельство, которое даже и комиссар не мог учесть.

Как только прошла первая вспышка нервного подъема, на людей напала страшная сонливость. Мы видели, что никто не в состоянии побороть ее. Многие бойцы ложились тут же у моста, другие, свернувшись калачиком в кювете, сразу засыпали. Командиры рот, пытавшиеся разбудить людей, беспомощно разводили руками. Это был даже не сон, а какое-то оцепенение.

— Ночи осталось не больше полутора часов. Надо вырываться вперед! — вздохнул Семен Васильевич.

Собрав остатки двух рот, комиссар двинулся за Прут. Он весело хлопнул меня по плечу:

— Передай Ковпаку, чтобы форсировал движение! Наша взяла! Мост держи до последнего, — и, махнув приветственно рукой, он ушел вперед с Бакрадзе и Горлановым.

41

Встречный бой!

Эти два слова часто повторял Ковпак на совещаниях, на командирских разборах. Лицо Руднева при этом всегда становилось суровым.

Встречный бой за Делятином — это была роковая ошибка нашего комиссара.

Как часто вспоминаю я первое знакомство с этим богатырем русского народа и его слова: «И мертвым не прощаем ошибок».

Дорого дали бы мы, ковпаковцы, да и не только мы, чтобы ты не ушел тогда вперед после Делятинского боя.

«Мы и мертвым не прощаем ошибок», — учил ты нас, но тут я не могу следовать твоему правилу. Мы простили бы тебе еще многое, не прощаем одного: зачем ты ушел вперед. Ушел и погиб, умный, талантливый человек, комиссар моей жизни, Семен Васильевич!

А больше всего не прощаем этого себе.

Встречный бой! Он был навязан нам врагом сразу же за Делятином.

К Делятину по дороге из Коломыи, куда мы держали путь, шло подкрепление: 273-й горнострелковый полк, выгрузившись у Коломыи, на машинах двигался к штабу генерала Кригера. Колонна до сотни машин подходила из-за Прута как раз в то время, когда мы ворвались в Делятин.

Не в стройной колонне, шедшей на марше в боевом порядке, пришлось комиссару принять этот бой. Партизаны вы-

ходили из Делятина, как всегда из боя, отдельнымн группами: командиры растерялн свонх бойцов, бойцы шли без командиров. Только небольшая группа в пятьдесят-семьдесят человек — в основном из рот Горланова и Бакрадзе — двнгалась впереди. Их объедннил н повел вперед Руднев.

Услышав стрельбу н взрывы, полк остановнлся в трех кнлометрах от города. Возможно, он двигался без штаба и офицеров, а может быть, немцы вначале послали разведку. Во всяком случае, сразу онн не ввязались в бой, а остановнли машнны на дороге.

Группа Руднева, Горланова, Бакрадзе, вынгрывая время, спешным маршем двигалась вперед. Через полчаса ходьбы от Заречья они напоролнсь на колонну автомашин, стоящих на дороге. Возле машин — ни души. Была еще темень, та темень, которая так сгущается перед рассветом.

— Не стрелять и не жечь машнн, — услышалн команду Руднева.

Видимо, у комнссара возннкла мысль сесть в машины н умчаться вперед. Но очень медленно подходили нашн.

Ковпак н Павловский, шедшие с обозом, где-то замешкались.

На западе небо еще чернело. В предрассветной мгле горы переклнкались еле заметными огоньками ракет. Это главная группировка Кригера, остановленная нами в горах, пришла в двнжение и спешила на помощь своему штабу.

Кто-то нз ребят, подошедших позднее и не слышавших команды Руднева, дал очередь по мотору машины.

Надо же было случиться, чтобы нменно этот автомат был заряжен зажигательнымн пулямн. Бензин вспыхнул. Машина загорелась и осветила группу бойцов. Это была часть роты Горланова. Сам Горланов с несколькнмн бойцами стоял, освещенный горящнм мотором.

Завороженные темнотой и напуганные неизвестностью, немцы пришлн в себя. Целый немецкий полк ударил залпом по группе Горланова. Начался бой, жестокнй и смертельный.

Комнссар не был нн убнт, нн ранен этим первым залпом. Но Горланова скосило вместе с семью бойцамн.

Только теперь к мосту подошли наши главные силы с Ковпаком, Павловским и санчастью. Пока они выбиралнсь из города, прошло не меньше часа. Светлело. Вот-вот взойдет солнце. А я, выполняя прнказ Ковпака, все держал и держал мост, надеясь пропустить через Прут весь отряд. Вперedн густо подннмались клубы черного дыма. Не доходя до машин метров двестн, под огнем немецкнх мнnометов и пулеметов, Ковпак повел свою колонну налево, прямо через рожь. За

Прутом резко менялся ландшафт. Не было крутых гор. Холмистое плато слева и широкая долина справа окаймляли наш путь по шляху на Белые Ослявы.

Урочище Дил — называется место, где застопорил ход своих девяноста шести автомашин немецкий горнострелковый полк.

Ковпак вел колонну по полю, носящему ласковое гуцульское название — Дилок. Сбоку раскинулась пологая гора Рахув. К ней и были прижаты осмелевшим немецким полком роты Бакрадзе и Горланова. Руднев принял над ними командование. Оставив себе группу в восемнадцать бойцов, он стал дожидаться колонны. Она вот-вот должна была подойти. Бакрадзе во главе двух рот по приказу комиссара кинулся на высоту. Село Белая Ослава, видневшееся впереди, он захватил с ходу. Уже взошло солнце, появились немецкие самолеты. Они долго кружились над горой Рахув, Дилом и Делятином, в недоумении накреняясь на борт и разглядывая горящие машины. Немецкие летчики долго не могли понять, кого же им бомбить и обстреливать.

Колонна все тянулась через мост. Мы несколько раз готовились взорвать его. Но каждый раз из-за Прута показывалось несколько бойцов. Они несли раненых, и я давал команду пропустить их. А впереди, за горой, отвратительно чавкал немецкий миномет. Наперебой с ним резко перекликались пулеметы. Только в 10 часов утра, выполняя ранее намеченный приказ, я взорвал мост и стал отходить с ротой Карпенко. Сразу за Делятином нас встретил огонь немецких пулеметов. Недалеко от догоравших и чадивших автомашин след, вытоптанный во ржи, и трупы коней указывали, что Ковпак прошел через Дилок. Отстреливаясь от наседавших фашистов, рота Карпенко стала отходить вдоль горы Рахув.

Надо было подобрать раненых. Затем откуда-то прискакал связной. Он кричал на ходу:

— Занимайте оборону на опушке. Приказ командира — не пускать фашистов к лесу.

Но налетевшие в это время самолеты заставили меня залечь. Затем долго не давал подняться миномет, пристрелявшийся по овражку, где я лежал. Немцы вдруг перенесли огонь на Рахув. Когда я опомнился и поднялся, оглушенный, с земли, третьей роты не было вблизи. Она уже достигла леса. Надо было использовать передышку и догнать наших. Бросившись бежать вдоль оврага, я наскочил на раненого. Он лежал возле одинокой ели, широко и щедро раскинувшей свои траурные ветви над полем. Я нагнулся. Раненый тихо стонал. Ему оторвало полступни. Почти мальчишка. Плачет. Соображая, как бы лучше оттащить его к лесу, я пополз к оврагу.

— Не бросай меня! — закричал малец дико и пронзительно.

— Молчи! — шепнул я ему, прислушиваясь.

На Дилке слышны были голоса немцев.

— Нет, не замолчу, ты меня бросишь... Застрели меня, — тихонько заскулил раненый. — Застр-е-ли... тогда уходи...

— Не брошу, — сказал я, отстреливаясь от ползущего к нам нахала-автоматчика.

— Нет, бросишь, бросишь! — капризно, как ребенок, подвывал раненый.

Автоматчики отклонились. Их отрезал огнем своих пулеметов Карпенко.

— Стреляй меня скорее! — опять от страха заныл малец.

Я сел и взял его за шиворот.

— Ты чего скулишь? Не брошу, слышишь? Есть, понимаешь, совесть у человека... Ну! — и я злобно тряхнул его.

Парень вскрикнул от боли и затих. Затем успокоенно, глядя в глаза, сказал:

— Вот теперь вижу, что не бросишь. Товарищ дорогой, спасибо...

Я смастерил ему костыль. Мы заковыляли к кустам. Затем переползли к лесу. Карпенко заметил мое отсутствие и послал трех бойцов на розыски. Мы встретились в кустах и догнали роту.

Наскоро окопавшись, наладили связь.

— Справа от нас занял оборону Матющенко. Слева — никого, — весело, словно радуясь этому, доложил Карпенко.

Только сейчас я вспомнил, что батальон Матющенко не проходил по мосту. Значит, перешел вброд. Вскоре подошла вторая рота. Бойцы ее успокоили нас. Ковпак ушел в горы, в лес.

— Матющенко, разгромив станцию, вышел напрямик через Прут, — объяснил мне Карпенко.

Прошло несколько часов. По сторонам, как зарницы, вспыхивали и гасли перестрелки.

— Темная обстановка, — говорил мне, зевая, Матющенко.

— Но ясно хотя бы, что фашисты растрепаны? — ответил я вопросом.

— До вечера, думаешь, не полезут? — спросил меня вместо ответа Федот Данилович Матющенко.

Я посмотрел в его карие глаза. Они показались мне даже веселыми.

«Значит, вот на кого можно положиться в беде?»

Вдоль дремавшей цепи третьей роты взад и вперед ходил Карпенко. Странное дело. Не было в бою спокойнее человека.

Но вот четыре часа нет врага перед глазами, и он взвинчен, больше того — растерян и зол. То ворчал на своих бойцов, то подбадривал их.

Карпенко подошел ко мне, кивнул головой, и мы отошли в сторону.

— Давай уходить из этих мест. Пока не поздно. На равнину. Умрем, так хоть на ровном месте.

Я не мог понять, шутил или всерьез предложил он мне снова такой ход.

— Немцы перестали нажимать, — говорю я ему.— Видимо, потери их немалые.

Карпенко что-то хмыкнул в ответ и отошел. Только отдельные выстрелы около догоравших машин говорили о присутствии врага. Может быть, это рвались остатки патронов. Может, озверев, фашисты достреливали наших раненых, оставшихся на поле боя.

Связные и разведчики, разосланные во все стороны, не обнаружили Ковпака. Со мной были только батальон Матющенко, рота Карпенко и несколько разрозненных групп бойцов. К полудню мы решили итти лесом к урочищу Раховец.

Пройдя густым сосновым бором, перевалили через высоту и очутились на пологом склоне. Впереди виднелась равнина. Прут, вырвавшись из теснин Яремчи и Делятина, в крутой излучине замедлял свой голубой бег на восток. Здесь мы с Матющенко и Карпенко решили делать дневку.

42

За Делятином Прут огромной лукой огибает Карпаты. Левый его берег уходил на север холмистыми полями и рощами к Станиславу и Коломые. Справа лесистые горы, нахмурившись, глядят в его голубую муть. Усталые от боя и разомлевшие от еды, наши люди отдыхали.

А в эти же часы у подножья горы Рахув шло совещание штаба генерала Кригера. О нем я узнал позже. Генералу туго пришлось в эту ночь. Он еле ускользнул от нашей третьей роты. На двух легковых машинах и броневичке он успел проскочить через Прут несколькими минутами раньше, чем нас вывел на мост мой проводник в нижнем белье.

Не веря, очевидно, в то, что резервный полк поспеет вовремя, Кригер сразу за мостом свернул в глухие улочки Заречья. Это и спасло его. Он забился на окраину Заречья. Как жаль, что мы не узнали об этом во-время! После взрыва моста и оставления нами Делятина генерал, в сопровождении двух офицеров штаба и подобранных им на пути отдельных солдат, пробился к полку, ведущему бой.

Вот почему немцы так активизировались после десяти часов утра.

Не знаю, пришел ли на память генералу сошедший с ума пулеметчик, который на горе Дил вдруг стал стрелять и по партизанам и по своим, пока его не добили прикладом, или генерал вермахта бравировал своей объективностью, но переводчик — фольксдейч, попавший к нам в плен на следующий день, много раз почти дословно повторил рассуждения Кригера.

Когда они прибыли к подножью горы Дил, генерал, уважающий себя за «объективность» мнений, говорил приблизительно следующее:

— Я уже дал шифровку рейхсминистру Гиммлеру с просьбой прислать срочно подкрепление. Анализ обстановки и наша личная встреча с врагом... (Штабные офицеры подтянулись и геройски выпятили грудные карманы мундиров; они старались не смотреть друг на друга, чтобы не вспомнить, как в парадном мундире, при орденах, в высоких ботфортах, но без верхних штанов, их командующий сидел всю ночь в бронемашине.) ...Противник наш опрометчив. Но выдающаяся храбрость его солдат может компенсировать многое... Поведение врага достойно удивления. И если бы не немцы были моими солдатами, я бы отказался продолжать борьбу.

Судя по тому, как переводчик таращил с усилием глаза, пытаясь передать эти рассуждения Кригера, генерал явно нервничал. Он даже забыл, что среди офицеров его штаба есть доверенные Гиммлера. Кригер стал произносить «крамольные» речи.

— Это невозможно понять! Прорваться в тыл врага! За тысячу километров от своей армии! Второй месяц, как я зажал их в горах. В горах! И до сих пор не имею ни одного пленного. Чорт возьми! Все это заставляет меня заявить, что на свете нет наград, которыми можно было бы вознаградить храбрость этих солдат. И как жаль, что она не в пользу оружия фюрера...

«Ага! Сдает! Он сдает!» — хотелось крикнуть переводчику, который с натугой уставил на меня свои буркалы, с немецкой пунктуальностью стараясь воспроизвести напыщенную речь Кригера.

И я подумал, что генерал, пожалуй, прав. И еще подумал, что тысяча людей с пылкой верой и решимостью сильнее миллиона. Но откуда надувшемуся спесью генералу вермахта знать это?

Много и очень внимательно беседовал я с этим переводчиком. Хотелось хоть что-нибудь узнать о судьбе комиссара и Ковпака. Этот глазастый фольксдейч из бессарабских немцев-

колонистов «переводил» н немецкие документы н речи Кригера на язык, составленный из румынских, полунемецких и невозможно перевранных русско-болгарских слов. О Ковпаке и Рудневе он, вндимо, ничего не знал. Ни наводящие вопросы, ни, наконец, поставленные в упор требования не помогли. Он мотал отрнцательно головой и все бормотал о том, что генерал Крнгер созвал офицеров на совещание, но так и не спросил ни у кого мнения, не отдал нн одного приказания. Кригер шагал по полю, вдоль кукурузной полосы. Узенькое гуцульское поле пересекала вытоптанная колонной партизан дорога. Она-то, видимо, и гипнотизировала Кригера.

— Ви вндель единственный ель? Елка такой черный, как зонтик. Этот елка стоял среди рожь н папушой... как его порусску... ну да, кукуруз, — бормотал, словно в бреду, фолькс-дейч.

Я вспомнил. Действительно, у подножья Дил на урочище Дилок росла могучая ель. Это возле нее я укрывался с раненым мальчишкой-партизаном, когда нас прижал к земле автоматчик.

— Кора на ней быль весь нахлестан из пулеметных очередь...

— Знаю. Продолжайте.

— Вы знает? — переводчик застыл, хватая воздух не носом, а всем горлом, тараща глаза, словно карп, вытащенный из воды.

Я даже улыбнулся.

— Так... это быль вы? — взвизгнул он, словно встретил старого знакомого на улицах Рени или Букурешта.

Действительно, было похоже на то, что он и Кригер наблюдали за копошившимися у корней могучей высокой ели людьми.

Кригер не выдержал и после совещания с офицерами все же подошел к этой елн, росшей на Дилке. Ее толстый и могучий ствол был весь нссечен пулями и осколками н блестел крупнымн слезами, выступившими из раненых капилляров. Пахучая густая смола стекала по стволу лнпкой еловой кровью.

— «Глядите! Это они!..» — вскрикнул Крнгер.— Он хваталь меня за рука. Я думаль — партнзан наступаль нас из-за гора. Но герр генерал Кригер, как завороженный, во весь глаз смотрель на этот черный елка. По кора с пахучая смола ползал муравей. Они умираль тысячами, но сзади упорно напираль другой. По трупам они перелезали на сантиметр форверт и тоже погибаль. Так продольжался лянге цайт, ошень дольго. А потом они махен... этот через река по-русску... Как?

— Мост?

— О я, я!.. Они сделаль мост, а по мост шель все новый и новый орд, и уже он не имель пре... пре... путствий на самой вершин, — переводчик вздохнул и, умоляюще глядя на меня, замолчал.

— Ну, а что же было дальше? Что сказал вам Кригер?

— «Это они!» — с ужас в глазах сказаль генераль. Против нас только первый, но за ними идут новый. А ми с вами — вот эта смола.

Переводчик вновь переживал сцену у ели... А может быть, он только искусный актер?.. Может быть, весь рассказ — досужая выдумка.

«Но все рассказанное им довольно правдоподобно», — думал я, роясь в письмах немецких солдат, взятых вместе с фолькcдейчем. Он ездил на машине полевой почтовой станции штаба группы Кригера. Машина взлетела на мине-нахалке, которую из густой кукурузы подсунули под нее перед самым носом водителя наши минеры. Переводчика вышвырнуло взрывной волной в кювет, а рядом с ним лежал иссеченный осколками кожаный мешок с письмами. Я выбрал из них пачку. Во многих были подчеркнуты зеленой тушью целые фразы и абзацы...

— Это что? — спросил я у фолькcдейча.

— Письма наших зольдат...

— Кто отмечал?

— Оберст фон Кюнце. Для цензур. Там, где зольдатен писал много о партизан.

— Кто такой Кюнце?

— Личный представитель рейхсминистра на штаб группен генерал Кригер.

Я повертел в руках несколько писем. Выбрав конверт и бумагу получше, протянул его переводчику.

— Переведите.

— Весь писем?

— Нет, только нецензурное...

Переводчик начал читать нараспев, словно псалмы, подчеркнутые оберстом фразы.

— «...Герр лейтенант Винтер Вестель на свой добрый старый друг...»

— Что он пишет?

— Мы снова уехаль из Южная Франция. Ми сейчас выехаль на путь к своей старый могиль... На участок сорок первый, сорок второй яар. Но ми пока еще находимся в путь. Все еще может изменяться. В этом весь наш... гофнунг... надежд. В такие время никому не стоит верить, даже самим собой...»

— Ого, этот Вестель из полка, который повернул с марша из Франции на советский фронт!

— Вы зиаете?

— Да, да, продолжайте... Все подчеркнутые фразы...

Пока переводчик возился с письмами, видимо подыскивая такое, что не может разозлить меня, я думал все о том же:

«...Но тогда чудак сам генерал Кригер... Ему не понять даже такой простой вещи. Люди же не муравьи. Нет, господа фашисты, мы, советские люди, не муравьи, а куцая ваша формальная логика и грошовая философия немецкого солдафона нам не подойдет...

— Обер-ефрейтор Липат Адольф на ефрейтор Виттенгаузен, — поет над моим ухом фольксдейч. — «...Сейчас ми находимся на ощень приятный местность. Но и здесь опасность от бандит ошень велик. Это еще шлехт, чем передовой позиций. Там ждешь противник только с один сторон. А здесь партизанен идут на всех сторона. Они сейчас ошень нахальный...»

Переводчик запиулся и умоляюще взглянул на меня.

— Что случилось? Переведите.

— Здесь написан такой слов, что я не мог, шестный слов, не мог... Вот...

— Ничего, переводите, как написано.

— Здесь написано «не-го-дяй»...

— Продолжайте. Не обращайте внимания на выражения.

— «и негодяй становится ошень смелый»...

Угодливо хихикая, думая, что мне нравится, как нас честят немецкие солдаты, он роется в письмах и сам предлагает новые.

«Нет! Кригер ни черта не понимает. И не ему, солдафону, разрушить невидимую связь славянских народов. Она расцветает на пролитой нами крови...»

— Вот интересант писем...

— Валяйте.

— ...От ефрейтор Фридрих Рольф на Фриц Бауер... На новая позиция. «Это настоящий край земли. Однако и здесь можно штэрбен на один геройский смерть и даже на два простой смерть. Наши престаль давать отпуска. Это вирклих цвейтер фронт. Но борьба и сражений здесь совершенно другой, чем на гроссе фронт. Против этот враг нельзя применяль тяжелый артиллерий, люфтвафе... Этот враг не идет на открытая борьба. Но я пишу писем, а мимо везут убитых зольдат вермахт. Эти хундшвейн действуют очень нахаль. Я живу пока хорошо. Русский водка много... Напьешься «цум тейфель» и забываешь все на свете, кроме партизанен...»

Переводчик протягивает мне письмо.

— Так и написано: «хундшвейн»... Это будет по-русску сучьи свинь...

Я молчу.

Смысл нашего похода на Карпаты совсем не в том, что мы ляжем костьми на этих скалах. Нет, дорогой генерал Кригер. Он в том, что мы еще на полтысячи километров дальше на запад пронесли и вселили в сердца народов идею победы правого дела... Он еще и в том, что в умы немецких фашистов одно только появление наше на границах вассальной Венгрии и Румынии, порабощенной Словакии и Польши вселяет ужас перед неминуемым возмездием свободных народов. Вот это, пожалуй, понимает если не Кригер, то подручный Гиммлера оберст Кюнце, подчеркивающий эти слова в письмах своих солдат. Недаром же Гиммлер торопит, торопит... нервничает, требуя от Кригера: «Дайте мне голову Кальпака».

Немец читал, переводил, но я уже не слушал его.

Невеселые мысли вселял наш Карпатский рейд в фашистские головы. И плохо дело Гиммлера. Чтобы угодить фюреру, надо было стягивать войска из Норвегии и Греции, Франции и Польши. Может быть, легче вздохнули «маки» в Тулузе и греческие партизаны в Пелопоннесе, потому что так туго было нам под Делятином. Туго партизанам Руднева и Ковпака! Но ведь есть же на свете и карело-финские, и ленинградские, есть псковские и витебские, есть минские, есть барановичские партизаны; живы на зло и смерть врагам брянские, орловские, гомельские, пинские и брестские партизаны; есть на свете ровенские, киевские, сумские, крымские и молдавские партизаны.

А там, по ту сторону фронта, лавиной огня и стали, ненависти к врагу и любви к порабощенным фашизмом народам неудержимо движутся на запад Московские и Ленинградские, Сталинградские и Ростовские, Орловские и Белгородские дивизии. Идет могучая советская пехота, гремит советская артиллерия, сметают фашистов на своем пути советские танкисты, кромсают их советские соколы, и нет силы на земле, способной остановить эту могучую поступь армий народа-исполина.

Пусть помнит и знает трудовой человек в поверженной ниц Европе, что пока есть на свете мы, советский народ и его непобедимая армия, луч надежды, сверкнувший у стен Москвы, разгоревшийся под Сталинградом и пылающий сейчас под Орлом и Курском, — это спасение мира, свободы и самой жизни от мрака фашизма. А мы только разведчики и предвестники победоносной поступи Советской Армии.

Нет, эти немецкие письма с подчеркнутыми зеленой мастикой строками я оставлю себе на всю жизнь.

Ведь превосходство сил — это не только количество оружия и солдат, но также и превосходство ума. На войне важнее всего внушить веру в наши силы не только своим солдатам, но и неприятелю. Это уже сделано.

Это прежде всего плоды нечеловеческих усилий героев Севастополя, Ленинграда; это озарившая весь мир надеждой кровь великого Сталинграда. Это дела рабочих Урала и Караганды. Это дела колхозниц и доярок. Это мины и автоматы ленинградских, белорусских, крымских, греческих хлопцев. Это сделано Корицким и Гришиным, Ковпаком и Рудневым, Македонским и Заслоновым...

Отряд Ковпака — только маленькая частица общего второго фронта, найденного, организованного и направляемого гением Сталина.

43

Перед вечером стало ясно, что нашей группе не удастся наладить связь ни с Ковпаком, ни с Рудневым. Разведки и связные возвращались, не напав на их след. Я провел перекличку командиров и выяснил, что со мной около четырехсот партизан. Из них не менее пятидесяти раненых. Перебазировавшись километров за пять на соседнюю холмину, мы остановились лагерем. Без проводников очень трудно было ориентироваться. Где-то вблизи бродили немцы. Рядом паслись стада. Активных намерений противник пока не проявлял: Надо было во что бы то ни стало найти своих, пока не поздно.

В половине второго дня пикеты привели старого гуцула. Широкоплечий, с большими мозолистыми руками, в бараньей шапке, надвинутой на хитрые глазки, он походил на полтавчанина. Несколько километров отделяли Белую Ославу от Делятина и Карпатских гор. Но тип гуцула был уже другой. Передо мной стоял не горный, поджарый, с впалой грудью и землистым лицом гуцул, а украинец-степняк.

— Мыкола Струк из Бялой Ославы, — загудел он басом.

На вопрос: «Есть ли немцы в вашем селе?» — сразу утвердительно закивал головой.

— Есть, пане, есть. Полно село. Как прошли вчора утром ваши «колпаки», следом за ними немцы ворвались. Восемьдесят два человека наших гуцулов упало от ихних пуль. Вижу я такое дело и говорю старухе: «Чем от немецкой пули свою жизнь кончить, пойду лучше в лес. Может, я нашим хлопцам-колпачкам сгожусь».

Дальше он стал говорить прибаутками. Я смотрел на него и думал: верить или не верить? Все это как будто и так, ну а если он подослан врагом?

Поговорил с Матющенко.

— Искушеиие большое, — сказал Федот Данилович. — Пожалуй, только при помощи этого проводника удастся связаться с Ковпаком.

Я подошел к старику и завел разговор издали. Прищурив хитрющие глаза, дядько Мыкола сказал:

— Я разумею, шо хочет от меня пан начальник. Я знаю, что вам треба. Но прежде хочу говорить с вами на четыре ока (он говорил: «иа штыре ока»), — и оглянулся, подмигнув на часовых.

— Ну давай на четыре ока.

Мы отошли в лес.

— Я понимаю паиа иачальника. Можете шо хочьте со мной робыть, но до немца я не пойду. Я знаю, куда пошел пан Ковпак. И выведу вас. А шоб вы ие сомневались, я расскажу вам про себя такое. Есть у Мыколы Струка три сына, самого меньшого тем летом герман до его дейчланда на шахты погнал; серадущего сына недавно полицаи забили, а старшего сына еще до войны в Армию Красную призвали. Вот его портрет.

Старик снял шапку и, порывшись в подкладке, показал фото сержанта, стройного и подтянутого, сфотографироваиного иа фоне гор.

— Прочитайте, шо иаписано на этой карточке, — улыбнулся Мыкола Струк.

На обороте значилось: «Сержант Иваи Струк, апрель 1941 года. Город Гори Грузинской ССР».

Вытерев шапкой иабежавшую слезу, старик говорил

— Рассудите сами, как мудрость ваша. Служит старший сын Мыколы Струка в городе Гори, иа Кавказе. А теперь сами решайте, можете вы мне верить или нет.

Он поднял на меня свои умные глаза, полные слез.

И хотя не было произнесено имя человека, родившегося в далеком городке Грузии, я понял по глазам старика, что привело его к нам.

Как символ нашего правого дела, в часы смертельной опасности иарод идет нам на помощь с именем Сталина в сердце...

И я не колебался больше...

44

Вечером того же дня вернулась разведка, предводительствуемая Струком. Она вывела нас по горному кряжу к головному отряду, стоявшему в лесу под названием — Урочище Черный поток.

Немцы ие трогали Ковпака второй день. Люди отдыхали.

Я отрапортовал командиру, лежавшему у костра. Он выслушал меня полулежа на земле. Сзади стояли Базыма и остальные штабники.

— Ладно, ступай,— устало сказал Ковпак.

Я подошел к Базыме и тихо спросил:

— А где комиссар?

— Так вин же с тобой, Петро, — хрипло сказал Сидор Артемьевич.

Я взглянул на Базыму. Начштаба, охватив левой рукой тонкую ветку, смотрел на меня в упор, не моргая.

— Как со мной?

— С тобой, говорили хлопцы! — крикнул Ковпак.

— А я думал — с вами,— с ужасом, начиная понимать, какое лихо стряслось над нами, прошептал я.

Ковпак рывком подошел ко мне.

— Ты шо мелешь? Говори толком! — вдруг вспыхнул Ковпак.

В первый раз за полтора года он говорил гневные слова шопотом. Я почувствовал, что он держит меня за шиворот и трясет и ругается умоляюще и безнадежно.

Затем, отпустив меня, командир зашагал прямо мимо костров, мимо бойцов и скрылся в лесу.

— Нет комиссара с нами, — шепнул мне Базыма.

Я много видел горя на своем веку: остался трехлетним мальчуганом без отца; на моих руках, когда мне было всего двенадцать лет умерла мать. Я видел скорбь людей в жизни и изображение ее на полотнах мастеров, но лицо Григория Яковлевича, освещенное догоравшим костром, врезалось мне в память на всю жизнь. Теперь уже не было надежды. «Комиссара нет с нами... — говорили глаза, морщины, губы Базымы. — Нет Семена Васильевича! Нет!»

Но отряд был жив. И надо было жить, бороться, двигаться дальше.

Как все эти два года, прошедшие в тылу врага, верный своим привычкам, начштаба записал в памятную книжку:

«Как выяснилось впоследствии, противник до 24.00 3.8.43 с направления гор. Делятин и Коломыя в районе села Ослава Белая подбросил живую силу на 96 автомашинах общей численностью до 1000 человек, где и занял оборону. Данные такой обстановки для командования в/части были совершенно неожиданны.

В бою 4.8.43 пал смертью храбрых комиссар 4 СБ т. Шульга и пропал без вести комиссар в/части генерал-майор т. Руднев Семен Васильевич.

Всего в бою под Делятином и в самом городе уничтожено солдат и офицеров противника 502 человека, автомашин — 85,

танков — 2, мотоциклов — 3, велосипедов — 2, складов — 2, гараж — 1, железнодорожных станций — 1, железнодорожных эшелонов — 1, железнодорожных мостов — 2, шоссейных мостов — 3. Взято трофеев: минометов — 2, станковых пулеметов — 5, ручных пулеметов — 10, винтовок — 15, пистолетов — 35, патронов — 11 000».

Но это писалось «для истории», потому что жили и боролись мы для будущего. А в настоящем снова и снова перед командирами вставал вопрос о военной хитрости. И уже без всякой подсказки с моей стороны многими овладела мысль о давыдовском маневре. Мы с Базымой, как бы боясь потревожить память комиссара, не упоминали о нашем плане ни единым словом. Но мысль упорно возвращалась к тому же. Сказав первое слово, Григорий Яковлевич замолк. Мне казалось, он вспомнил лежащего на спине с закинутыми под голову руками Семена Васильевича, и тень самолета на его лице, и крик душевной боли: «Нет, не это, только не это!»

Но упрямая живая мысль снова и снова возвращалась к постылому, но спасительному маневру. Нет, мы не видели другого выхода.

Доложили свои соображения Ковпаку.

Он долго и внимательно слушал. Затем, помолчав, сказал коротко:

— Робить. Я согласен.

Весь день штаб лихорадочно трудился. Мы разрабатывали маршруты, разбивали соединение по группам. Их было шесть.

Первую поведет Ковпак с начальником штаба Базымой, вторую — Матющенко со своим штабом, третью — Павловский с Горкуновым, четвертую — Кульбака с Лисицей, пятую — Кучерявский и Воронько и шестую — я с Васей Войцеховичем.

Были продуманы звездные маршруты, распределены боеприпасы и взрывчатка, определены задачи дальнейшей борьбы, назначен пункт сбора и написан последний приказ.

Было решено: вывести часть из окружения мелкими группами.

Первый батальон — тремя группами, под командованием Ковпака, Вершигоры и Павловского.

Всех раненых, которые не могли передвигаться пешком, оставить в районе урочища Мочар-Осеродок, с последующим выходом в районе Шевки, под прикрытием десятой роты, оставив обслуживающий персонал и бойцов из рот для переноски. Командиром сводной санитарной группы и прикрытия назначить старшего лейтенанта Курочкина.

Второй батальон выходит в район леса Горный Поток,

Черногора, между Ослава Бяла, Ослава Черна, район высоты 1117.

Третий батальон выходит на запад между Делятином и Лойова.

Четвертый батальон выходит на Баню в районе высоты 1114.

Все командиры батальонов были предупреждены, что соединение разбивается на группы с целью выхода из окружения с последующей задачей соединения в районе высоты Шевка, Лазек, Артечиы и дальнейшего выполнения поставленной товарищем Сталиным задачи.

Отпечатав один экземпляр приказа и созвав командиров групп (только они должны были знать маршруты и место сбора), Базыма дал каждому расписаться.

На поляне горел костер. В него бросали второстепенные штабные документы. Войцехович взял за раму штабную машинку и изо всех сил грохнул ее об пень. Со звоном разлетелись в стороны колесики и рычажки «ундервуда».

Командиры групп и начальники их штабов сидели нахмурившись. Каждый, казалось, думал: «Нет, еще не поздно. Еще можно вернуть. Нехай будет все по-старому. Еще мы не разошлись. И хотя надежды нет, то все же хоть погибнем вместе. А так по одному...» Тишину нарушил резкий голос Ковпака:

— Що зажурылись, хлопцы? Выполняйте приказ! Выполняйте по совести, как следует коммунистам!

Командиры зашагали к своим группам. Через полчаса в звездном порядке они разойдутся в разные стороны.

Направился за ними и я.

Ковпак остановил меня, подняв руку с клюкой, похожей на костыль.

— Эгей, Петро... Почекай минутку... Дело есть.

Подхожу ближе, вглядываюсь в осунувшееся, побледневшее лицо командира.

Он долго, не сводя лихорадочно блестевших глаз, смотрит на меня.

— Ну що, радый?

— Чему, Сидор Артемьевич, радоваться?

— А шо по-твоему вышло... Як тая козачня... Свыснув, гикнув — и кто куда.

— Так по вашему же приказанию, товарищ командир...

— Товарищ командир, товарищ командир... Ты не крути хвостом, як тая... Мы с тобой, може, последний раз говорим, как перед...

Я подумал, что мы действительно надолго, а может, навсегда расстаемся.

— Не пойму никак, Сидор Артемьевич, в чем моя вина...

— Вина, вина... А если неманиякой твоей вины, то я шо, по головке тебя гладить должон? Ты плечами не жмы, не жмы, я говорю... От думаешь — командование на нашу з Денисом сторону перекинулось... И радый... распушив хвоста, як той индюк... Думаешь, уже бога за тое... ну, за бороду схопыв... Да? А того не понять, шо идем мы врассыпную совсем не так, як тая козачня... Они кидались по свисту, а мы як? По приказу-у... Да они кто куда попало. А мы?

— А мы звездным маршрутом...

— Правильно... Звездным. Значит, по плану. Поняв разницу?

— Понял, товарищ командир.

— Ни чорта ты не поняв... Тоби только тактика этого дела известна и понятна. А стратегия? Яка? Ну, говоры...

Я с удивлением посмотрел на расходившегося командира. Он действительно загнал меня своими вопросами в тупик.

— А стратегия — народная. Вот оно, брат шо... Мы не утекать от него сегодня решили. Мы по-новому наступление ведем. Был один отряд — стало шесть. Были большевики на одной горе, угрожали они одному городу, а завтра будут угрожать шести городам, шести станциям, шести мостам. И в своих действиях щоб каждую минуту думав, как нас учит товарищ Сталин в своих приказах... Щоб бить врага крепко, умело. И не выпускать ни одного врага, прорвавшегося на нашу землю в качестве...

— В качестве оккупанта...

— Ну да. И щоб не дрогнула у тебя ни рука, ни душа, ни сердце. Яка бида бы ни случилась з тобою и з хлопцями... Поняв?

— Понимаю, Сидор...

— От же ни чорта ты не понимаешь... Я ж усю твою тактику до горы... ну, да з головы на ноги, то есть, поставив. Шо главное?

Я молчал.

— Кажи, шо главное в нашем деле?

Из-за деревьев выглядывали связные, интересуясь, почему командир так распекает своего заместителя. Повернув голову за моим взглядом, Ковпак махнул на них рукой...

—А киш-ш... Ну, говори, шо главное?

— Главное — народ Сидор Артемьевич! Потому что...

— Правильно, ну, ступай... Позови мне Павловского. Но ты не на словах... ты на деле про это думай. От тогда я буду знать наверняка, поняв ты меня чи не поняв. Теперь так: начальник штаба у тебя Васыль? Ничего. Грамотный. Карту

добре читает. Лейтенант. А комиссаром назначаю Мыколу, того, що з пушки на Припяти стриляв.

— Москаленко?

— Ага. Ничего парняга. Случаем на подполье придется перейти, так лучшего и не надо. Можешь на него положиться. Я его еще с до войны знаю.

К нам подходил Павловский. Вся хмурость сразу куда-то сошла с лица Ковпака. Разгладились морщины, подобрела бородка, из-под бровей заблестели улыбкой глаза.

— Ну, Петро, ни пуха тебе, ни пера... До встречи на условленном месте...

Он крепко обнял меня, и мы расцеловались.

Уже уходя, не оборачиваясь от волнения, я все же услышал, как тем же скрипучим голосом Ковпак спросил Павловского:

— Ну, радуешься, Михайло?..

— А на дядька лысого мне радоваться, товарищ командир,— загудел Павловский.

Дальше я не слышал, о чем они говорили...

Только проходя мимо минут десять спустя, Павловский посмотрел на меня неодобрительно...

— З тобою, бач, як ласково балакав... А мене вже навхрест и навпоперек... И так: поняв? И разэтак: не поняв? Эх, и на чорта тая война? Уже скорей бы кончилось все... Пускай бы по хозяйству меня ругали... Пускай хоть дручком по шее бьют — на все согласен... Но шоб за поганого фашиста я от своего любимого командира нагоняи получав? Несогласен.

— А попрощался он как, Михаил Иванович? — перебил я Павловского, зная, что его длинные ворчливые речи кончаются всегда после первой паузы...

— Попрощався?! Ну, как попрощався... По-солдатськи попрощався... Троекратно расцоловались. Мы же, брат, одни тут еще с гражданской солдаты... Прощались как полагается... — и Павловский отвернулся от меня, голос его дрогнул.

Взглянув между деревьев, я увидел Ковпака и Матющенко. Ковпак сердито чертил палкой по земле, а Матющенко с виноватым видом стоял перед ним. Одна рука его усиленно чесала затылок.

Его я уже не стал дожидаться и пошел к Базыме.

Еще когда в общих чертах рождалось это рискованное дело, мы в штабе пришли к выводу: из шести групп обязательно должна погибнуть одна. Немцы, увязавшись за первой попавшей в их поле зрения группой и приняв ее за весь отряд, навалятся на нее всей силой. Но тем временем

остальные пять уйдут. Кто будет этой жертвой — никому не известно.

Пять маршрутов было горных, а шестой — в степь. Давая возможность каждому из командиров выбрать себе маршрут, я с волнением ожидал, что мне выпадет... «Неужели придется итти в горы?» — думал я. Но, к моему удивлению, все пять горных маршрутов были разобраны. Я сказал Базыме:

— Ну что ж. Значит, моя группа пойдет в степь.

И поймав мимолетный взгляд, брошенный Базымой на Матющенко, я понял: на нас смотрят как на смертников. Но Вася, мой начштаба, глазами сказал мне: «Если жив комиссар, значит он будет с нами».

Комиссар! Он и сейчас незримо присутствовал здесь. И, глубже проникая в суть нашего маневра, я думал: «Там, на Синичке, Руднев сказал: «Еще рано». А тут бы он, как и Ковпак, сказал: «Пора!»

Нет, мы должны найти его.

Кем же был для партизан Ковпака этот человек?

Путеводной звездой прошли через нашу молодость герои борьбы за Октябрь, люди восстановления, герои пятилеток. Стахановцы, пятисотницы, ударники, герои и рекордсмены труда и воинского подвига. Страна знает Стаханова, Чкалова, Изотова, Хетагурову и многих других, давших свое имя движениям, порывам, взлетам ввысь, вперед. Но не всегда известны имена истинных творцов, которые воспитали этих людей. Это люди партии, люди, остающиеся часто безыменными. Так мозг часто говорит: это сделали мои руки, а сам остается в тени. Инициаторы многих дел — они-то и есть движущая сила истории. У них есть свое великое имя. Это большевики.

Они не умирают! И даже если падают на поле боя, все равно не умирают! И даже если комиссар погиб... Нет, не может быть. Ведь с ним были Соловьев, Деркач, комендант Петя Скрыльников, Дудка, Галя Борисенко... Они могли унести его, раненного, в горы.

Я подошел к Радику. Возле него сидели разведчики. Они последние два дня не отходили от юного Руднева, стараясь отвлечь его от тяжелых мыслей.

Базыма, словно понимая мою мысль, спросил:

— Радя! У тебя нет биографии комиссара?

— Есть...

— Дай мне...

Радик порылся в сумке. Начальник штаба стал торжественно читать ее примолкшим бойцам.

Я передаю ее так, как она записана, эта боевая характеристика, строгая запись жизненных фактов,— передаю без единой литературной завитушки, они ни к чему здесь.

Семнадцатилетним юношей в Февральскую революцию пришел Руднев в большевистскую партию. И с того времени все его силы, помыслы, активная деятельность посвящены проведению в жизнь бессмертных идей Ленина — Сталина.

Родился Руднев в 1900 году в семье крестьянина-бедняка. Родина — село Мосейцы, Путивльского района, Курской губернии. Семья состояла из четырнадцати человек. Мальчишкой, одновременно со всеми многочисленными родичами, работал он на помещичьих землях. Отец своей земли не имел, приходилось брать ее исполу. Нужда прогнала старшего брата в город. Уже в четырнадцатом году Сеня Руднев начинает работать посыльным, а потом учеником слесаря на Русско-Балтийском заводе в Петербурге. На этом же заводе работал мастером двоюродный брат Руднева, активный деятель большевистского подполья Тверитинов. Семен Руднев стал выполнять небольшие поручения революционной организации на Русско-Балтийском заводе.

В 1916 году во время забастовок, Семен Руднев, наряду с другими подпольщиками, был арестован за распространение листовок. Выборгская тюрьма — вот первая школа молодого рабочего. Общение с вожаками революционного подполья подняло его классовую сознательность. Пытки и побои царских жандармов вызвали ненависть к царизму. После Февральской революции молодой Руднев вступил в красногвардейский отряд Выборгского района. Отряд рабочих-выборжцев охранял Финляндский вокзал во время приезда Ленина в Петроград в апреле 1917 года. С глубоким волнением слушал Руднев выступление вождя.

Руднев принимал участие в Февральской буржуазно-демократической революции, был в колоннах демонстрантов на улицах Петрограда 3 июля 1917 года, в рядах красногвардейцев Русско-Балтийского завода; он действовал против Корнилова, дрался на улицах Петрограда против юнкерских и офицерских полков Керенского, принимал участие в боях под Пулковом, в Царском Селе и в Гатчине. Красногвардейцем Петроградского отряда боролся за власть Советов против немцев и гайдамаков на Южном фронте.

Во второй половине 1918 года Руднев работает в 4-м Петроградском продовольственном отряде. Он — уполномоченный по заготовке хлеба в Пензенской губернии и секретарь партийной организации отряда. В войне с белогвардейщиной на Южном фронте Руднев командовал взводом и был секретарем парторганизации 373-го полка 42-стрелковой дивизии. После ранения он учится на партийных курсах. По окончании учебы назначен инструктором Политотдела Донецкой трудовой армии. Затем он — помощник комиссара 44-го полка 15-й

стрелковой Сивашской дивизии. По окончании гражданской войны учился в Военно-политической академии в Ленинграде. Окончил ее в 1929 году. С Балтики по приказу партии едет на Черное море. Комиссара 61-го артиллерийского полка береговой обороны Семена Руднева знали все черноморцы. Жизнь комиссара проходила среди красноармейцев, на политзанятиях, в беседах. Их он всегда насыщал примерами недавнего прошлого, действиями на фронтах гражданской войны. В свободные часы он собирал вокруг себя любителей петь песни. Сам знал много песен и очень любил хороших певцов. Морем он увлекался не меньше, чем физкультурой и шахматами. Книжка была постоянным спутником Руднева. Ленин и Сталин, Тургенев и Толстой, Гоголь и Горький — вот с чем приходил комиссар к краснофлотцу.

С февраля 1932 года Руднев — комиссар и начальник Политотдела Декастринского укрепленного района на Дальнем Востоке.

Кто помнит Хетагуровское движение жен командного состава на Дальнем Востоке? Оно зародилось и выросло в Декастринском укрепленном районе, где комиссаром был Руднев. В Декастринском районе девять месяцев свирепствует зима. Лето холодное, хмурое, дождливое; за лето приходят три-четыре парохода, они привозят все самое необходимое, а потом снова начинается длинная жестокая зима. Людей там мало, культурные потребности человека удовлетворить было нечем. Из-за недостатка овощей среди населения распространялась цынга. И Руднев находит резерв — женскую заботливую руку. Так родилось движение жен комсостава. Жены командного состава помогают бойцам, создают им необходимые культурные условия жизни. Они организуют библиотеки, оборудуют клубы, руководят работой кружков самодеятельности, помогают тем, кто хочет повысить свое образование.

С начала Отечественной войны Семен Васильевич Руднев уходит в тыл врага, в партизанский отряд...

Когда Базыма кончил читать, свыше сотни человек молча, без шапок стояли вокруг.

— По группам, разойтись! Выполняйте приказ...— тихо, словно попросил, а не скомандовал Ковпак и, прихрамывая, пошел к своей группе.

45

Еще до полной темноты мой отряд в составе ста семидесяти человек начал спуск в долину Прута. Вот уже конец горы. Впереди — холмы с рыжей кукурузой и пепельными полями, с небольшими заплатками скошенной ржи.

Вдруг скрежет железа, набатный звон и дикий вой, похожий на песню первобытного человека, окружили нас со всех сторон. Колонна остановилась, затаив дыхание. Мыкола Струк, взявшийся проводить нас за Прут, улыбаясь, спросил:

— Чого сталы, паны-колпачки? Это нашн гуцулы гоняют диких.[1]

Через пять минут какофония утихла. Мы двинулись дальше. К полуночи подошли к Пруту.

Гнетущее чувство разлуки с отрядом постепенно исчезло. Легкий марш на уклоне, ритм ходьбы успокаивали. Мы рвались вперед, в будущее нашей небольшой группы. Нацеливались в степь. Там, словно маленькие светляки, мерцали далекие огни города Станислава, вырисовывался авиационный маяк аэродрома. Ближе, сразу за Прутом, в местечке Ланчин, через который мы проложили с Васей свой путь, ласково мигала красными и зелеными фонарями железнодорожная станция. Изредка на шоссе загорались фары автомашин.

— Это генерал Кригер производит перегруппировку. Он готовится к последнему, решительному удару. На полный разгром! — сказал мне тихо Вася.

И мне показалось, что он улыбается.

Полный разгром или бессмертная слава дерзкого отряда, осмелившегося забраться за тысячу триста километров в тыл вражеского фронта?

Я шагаю и думаю:

«Почему хромал Ковпак? Наверно, натер ногу...»

Но он хромал сильно... В памяти возник образ командира в тот момент, когда он проковылял к своему отряду.

Если бы я тогда знал причину, то повернул бы назад. И так сделали бы все пять групп. Это очень хорошо понимал Ковпак. Вот почему сразу после делятинского боя, перевалив с отрядом и ранеными через гору Рахув, он организовал оборону. Лишь когда успокоились немцы и крепко стали кольцом обороны наши роты, он привстал с земли и пошевелил ногой в хлюпающем, липком сапоге. Откинул рыжую кожанку и глянул на скоробившиеся от крови генеральские бриджи. Затем вызвал к себе Дусю, рыжую дивчину, хирургическую сестру.

— Пойдем, «чернявая»...

Бойцы комендантского взвода спали. Они не видели куда уходил командир.

В лесу Ковпак снял кожанку.

Скинул и все остальное. Дуся замерла. Ужас был в ее широко открытых глазах.

---

[1] Дикими называют здесь кабанов. Они по ночам стадами выходят на кормежку, уничтожая в несколько минут годичный труд гуцула.

— Ой, товарнщ командир... Пропали мы без вас... Конечно...

— Перевязывай...

Но опытная н бывалая Дуся растерялась. Она заохала, как квочка...

Тогда старнк сквозь зубы ласково ругнул ее.

Быстрые руки споро сделали нужное дело. Дуся обмыла рану, перевязала...

— Кость, не задета, товарнщ командир... Ой, товарищ командир, кровн богато вышло...

— Знаю... — Ковпак полежал несколько минут молча, отдыхая.

Дуся заботливо вытирала марлей пот с его лица и лысины.

Придя в себя, Ковпак вынул из кобуры пнстолет и сунул его под нос медсестры.

— Гляди... Если хоть кому слово пикнешь... Поняла?

— Поняла... конечно...— залепетала дивчина не столько от страху, сколько оттого, что она ничего не могла понять.

Ковпак, передохнув, вернулся к штабу незамеченным. И на следующий день, когда подошла моя группа, он уже ходил, изо всех сил стараясь не хромать. Он скрыл от всех свое ранение, потому что знал — не уйдут группы от своего раненого командира, а в разбивке на группы он уже видел единственную возможность продолжения борьбы и выполнения заданий Главного Командования.

В тот день, когда мы расходились звездным маршрутом в разные стороны, ему стало хуже. Он крепился н не спускал глаз с Дусн — медсестры... И добился своего — отряды разошлись.

Не подозревая ничего, н мой отряд спускался все иже. Далекий шум быстрого Прута нзредка прорывался, а затем снова сливался с оглушнтельным шорохом ног. Колонна шла навстречу своей судьбе. На марше думалось н легко н свободно.

«Вот я и окончил партизанскую академию генерала Ковпака. Сейчас держу экзамен на зрелость. В трудную минуту выпускаешь ты меня на диплом, партизанский академик! Но есть еще и другой экзамен. Кончается кандидатский стаж в партию большевнков».

Это более строгий экзамен. Как выдержу я его?

Неведомые горные деревушкн Гуцульщины, хутора Галиции и села Закарпатья... Как звезды Млечного Пути, неясные, расплывчатые, сливаетесь вы в однн страдный путь!

Но все же — вперед!

Вот начался переломный момент Карпатского рейда. В чем же военная целесообразность жертв, страданий?

Никакие жертвы не проходят даром, если они принесены во имя великой цели, во имя будущего. И только сумма преодоленных препятствий на пути к достижениям благородной цели служит истинным мерилом подвига человека или коллектива, его совершившего. А ведь во имя будущего обессиленный, истекающий кровью отряд тащил за собой по карпатским хребтам добрых два десятка тысяч врагов. И они — а не мы начали морально сдавать.

Все ближе электрические светляки железной дороги.

Мы подходим к Пруту... Разведчики уже в Ланчине. Ни выстрела, ни лая собак. Значит, путь свободен.

Много жертв принес и много мук перенес наш народ во время войны. И самое страшное из всех жертв, и мук, и горя, пережитых за войну (да и после войны),— это чувство жен и матерей, родные которых пропали без вести.

Призрачная надежда и отчаяние долгих-долгих ожиданий.

А для нас всех, для нашего отряда, самый дорогой нам человек пропал без вести.

«Был бы убит — дали бы салют над могилой. Попал бы израненным в плен — пошли бы выручать. Раненного — несли бы на руках, лечили бы... Эх, Семен Васильевич, дорогой ты наш...»

Впереди тихо шумел еще не видимый Прут. Замерло местечко Ланчин, шоссейка и железная дорога. А за ними — равнина. Там приветливо зеленели днем лесочки вокруг села Горохолина, на которое мы взяли прицел.

Все это было в ночь на 6 августа 1943 года, за тысячу триста километров на юго-запад от Курской дуги.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Шорох трех сотен ног хлопцев, шагающих позади меня, не мешал думать.

Никто из нас не знал тогда удивительно точных слов о партизанах, сказанных почти сто лет назад основоположниками марксизма еще о герильерах — испанских партизанах, сражавшихся против Наполеона. Оказывается, и сто лет тому назад в горах Испании партизаны носили свою операционную базу в самих себе, и всякая военная операция по их уничтожению кончалась тем, что объект ее исчезал. Но и не зная этого вывода, думали мы приблизительно так же. Мы крепко надеялись, что нам тоже удастся исчезнуть. Хоть на два-три дня, на недельку... А там видно будет.

Одобрительно и ласково подталкивая нас, последняя карпатская гора полого поднималась за спиной. По сторонам, охраняя скудные поля от «диких», заунывно поют гуцулы. Впереди — Прут, местечко Ланчин, шоссейка и железная дорога.

А за ними — равнина.

Но до нее еще далеко. И хотя наш отряд шел «умереть на равнине», как мы тогда думали, что-то внушало мне надежду на успех.

Только бы добраться до Черного леса!

Но и до него еще не менее трех ночных переходов. Главная задача — дотопать до Горохолина. Но для этого еще нужно пройти Прут, Ланчин, шоссейку и железную дорогу. Пройти тихо, незамеченными.

В колонне шум. Это стонет раненный на горе Синичка Костя Стрелюк. Парень он геройский, но оказался очень чувствительным к боли. Стонет, зовет «сестричку»...

— Бредит Костя, и что с ним делать, не знаю,— озабоченио говорит Вася Войцехович.— Не вынесет он перехода.

У нас с вновь назиаченым комиссаром группы Мыколой Москаленко уже образовался временный штаб группы: Усач — Леикии, Ефремов, Сердюк.

Оии тоже были озабочены.

— Придется оставить,— подсказывает Сердюк.

— По эту сторону Ланчина есть хуторочки, лучше не иайти места,— говорит Усач.

— Но где его можно оставить? У кого?

Усач оживился:

— Уже нашли хлопцы. Еще днем. Только нужно будет приплатить что-нибудь: все они падки на вещи.

— Какие же у нас могут быть вещи?

— Есть шуба Ковпака. Больше ничего,— виновато теребя ус, сказал Усач.

Шуба Ковпака! Длинная, до пят. Две зимы путешествует она. Побывала и в Бряиских лесах и в Пинских болотах; нагоняла страх на немцев под Киевом; чуть не пропала в «мокром мешке» и пробралась сюда, на Карпаты, к самой веигерской граиице.

После Рафайловки командир щеголял в подаренной ему Ганькой кожанке цвета кофе с молоком. Кожанка эта чуть не стоила ему жизни на горе Дил.

Уже по выходе из Карпат Ковпак весело рассказывал нам эпизод, связанный с этой одежиной:

— Выскочил я в кожанке на бугорочек,— там жито ра́стет. Чешу между бойцами. Хлопцы перебежками скачут, уже раиеные есть. Пули, как шмели, гудуть. А тут разрывными прямо по мие ударили. Хлопцы залегли. Я на меже пристроился, голову поднимаю и кричу: «Ну как, хлопцы?» — «Ничего, товарищ командир!» Я опять вперебежку... И снова он меия накрыл. Упал на межу, слухаю — не меньше трех пулеметов по мне бьет. Хлопцы мои дальше поползли, а я только поднялся за ними — опять меия к земле прижали. Тут только и сообразил: «Так это ж кожаика тая, будь оиа неладиа!» Заприметили меня по ией немцы — видят, что кто-то из офицеров. Треба меиять маскировку. Скинул я кожанку, вывериул ее подкладкой вверх. Житом прополз метров двадцать, оглянулся назад. Эге-ге, на том месте, где я лежал, только колоски да солома, да земля вверх летит. «Ну, пускай, думаю, молотят». Встал себе, руки в брюки и пошел посвистывая.

Но и тут о ранении не промолвил Ковпак ни слова. В задушевной беседе, уже гораздо позже, там, на Большой земле, Ковпак сам рассказывал об этом:

— И шляпа и дурак под пулю попасть могут... Рана, брат, это совсем не заслуга. Не за всякую рану человека жалеть надо. Старый солдат сотни раз под пулей ходит, а цел и невредим. Вот за шо я тоже придумав бы якусь-небудь видзнаку...

Смолчал о своей ране Ковпак совсем по другой причине... Так же как и Руднев, он бросал свою жизнь на чашу весов потому, что для него тоже спасение и честь Красного знамени отряда были дороже собственной жизни. Разные по возрасту, по натуре, по образованию и характеру, они оба в главном были удивительно похожи друг на друга, потому что основное в их жизни — борьба за великое дело коммунизма...

Мы должны были оставить на Ланчинских хуторах разведчика Костю Стрелюка.

— А где же Ганька? Вот кто бы сейчас нам пригодился для разведки,— спросил я Войцеховича.

Тот пожал плечами.

— А ты разве не знаешь? — Он махнул рукой. — Еще вчера, уже после боя, карабин чистила и сама себя в ногу ранила. В группе Курочкина осталась.

Склон становился все круче. Люди почти бежали вниз. Шорох камешков под ногами словно обгонял нас и, казалось, вырастая, несся навстречу.

— Что мы — в пропасть катимся, что ли? Эй, кто там ведет?

— Это Прут шумит,— успокоил нас Землянко.

Он ходил днем в разведку прощупывать дорогу к Пруту.

Теперь ясно, почему на той стороне реки, в Ланчине, фары вражеских машин так бесшумно скользили на восток. Вытянув в темноту блеклые щупальцы света, они ползком пробирались по шоссе.

А Прут шумел все громче, играя волной по каменистому дну, заглушая и моторы и стоны Кости Стрелюка.

Подошли к первым хатам... Возле крайней, еще не достроенной халупы столпились разведчики. Темный киптарь скрадывал фигуру хозяина. Только белые рукава мелькали в темноте да изредка поблескивали зубы. Зябко куталась в платок женщина, прислонившаяся к плетню.

— Тихо, хлопцы! — умолял хозяин.— Зайдемте во двор. Там я вам все скажу.

Я никак не могу решиться. Человек этот либо, рискуя собственной жизнью, спасет, либо через несколько часов выдаст, а может быть, и продаст жизнь нашего товарища.

Мы зашли во двор.

— Как фамилия? — спросил я хозяина.

— Иваночко,— ответила женщина, прижавшись к гуцулу.

Что же за люди перед нами?

— Это муж ваш?

Мне показалось, что она назвала его по имени, так, как привыкла называть дома, ласкательно. Но выяснилось, что зовут его Михаил. А Иваночко — фамилия.

Еще днем разведчики договорились, что оставят раненого партизана. В недостроенной халупе на чердаке уже была приготовлена для него постель.

Но я все еще колебался. Шуба Ковпака окончательно решила дело. Хлопцы притащили ее и, как в меховом магазине, вывернув полы, показывали товар. Накинув ее на плечи гуцулу, Володя Лапин уговаривал:

— Бери! Знаменитая шуба! В ней сто лет проживешь!

Вдруг гуцулка умоляюще сказала мужу:

— Не бери, Михасю! Где же это видано, чтобы мы, Иваночко, за добрэ дело гроши или друге якое майно[1] брали. Отдай хлопцам кожушину...

Я увидел, как Михась без сожаления сбросил шубу с плеч на руки Лапина, и я решился.

2

Через десять минут наш отряд перешел Прут по узким пешеходным мосткам. Мы попали на каменную, сложенную из широких плит лестницу, которая вела к шоссе. Теперь уже не видно было машин. Сквозь удаляющийся шум реки из-за поворота доносилось сердитое урчание моторов.

Машины шли с интервалами в двести-триста метров. Пробравшись к шоссе, я увидел, что немецкой колонне нет конца. Мы и так потеряли много времени. Дал команду:

— Перебежками — через дорогу!

Группами по двадцать-тридцать человек мы «форсируем» шоссе в середине районного центра Ланчин, в интервалах между машинами генерала Кригера.

Удалось проскочить, не вызвав тревоги.

Пройти железнодорожный путь было уже совсем легко.

Тропа привела нас к глубокому оврагу. Несколько вьючных коней, которых мы взяли для того, чтобы везти на них груз и легко раненных, могущих сидеть на лошади, сильно сковывали движение.

Вот и сейчас. Через овраг перекинули два бревна. Препятствие это легко преодолеть человеку. Но лошади упирались и не хотели входить на шаткий мостик. Опытные ездовые, завязав им глаза, проводили по одной; но последняя, не удер-

[1] Майно — имущество.

жавшись, сорвалась в овраг. Пройдя полкилометра, Войцехович вспомнил, что конь, упавший в овраг, был с седлом. Пришлось гнать ездового назад с приказом снять седло. Конь в овраге — не улика. Оседланный же конь завтра на рассвете привлечет внимание жителей Ланчина и покажет противнику наш путь. А сейчас наша общая и главная забота была — получше замести за собой следы.

Пройдя железную дорогу, мы вышли в чистое поле. Итти было легко, хотя местность все время небольшим подъемом уходила от Прута на север.

В степи трещали цикады, звезды казались ласковее, гораздо ласковее, чем в мирные дни. Воздух был плотен и весом, вдыхать его сладостно, словно пьешь густой медовый напиток.

— Прибавьте шагу! — весело раздавалось по колонне.

С удивлением заметил, что команда эта, в горах дававшаяся только для того, чтобы люди не валились с ног, теперь исполнялась безукоризненно: люди действительно прибавили шаг, послышались веселые восклицания, и все чаще передавалась по колонне шутливая эстафета — прибаутка Федора Карпенко: «Ну, теперь хоть и умереть, но на ровном месте».

Сельцо обозначено на карте одно, а на самом деле их оказалось два: Горохолына-лис и Горохолына-поле. Словно коварная судьба говорила: налево пойдешь — лес дремучий, направо — степь зеленая, а позади Карпатские горы. Мы выбрали Горохолыну-лис.

Рассвет застал нас на подходе к лесочкам, обступившим сельцо Горохолына. Зацепившись за опушку, мы дали передохнуть людям часок-другой.

Лес под Горохолыной густой, дремучий. Растет он на торфяном и песчаном грунте. Мы уже отвыкли за время карпатских скитаний от тенистых, влажных лесов. Здесь нет ни камешка, ни ручейка, а только высокая трава и огромные ели. Даже коренные волжане и уральцы за последний месяц привыкли называть их «смереками».

Мы с Мыколой и Васей ждали преследования. Подготовились к бою, выбрали место для обороны. Позаботились и об отходе. Но вот уже девять, десять часов утра, а противника нет. Вот и двенадцать часов, а боя все нет. Лишь ежечасно шли звенья самолетов в горы, туда, где мы бились все эти дни. Туда, откуда в звездном порядке разошлись и остальные пять групп.

И в том, что впервые за последний месяц вокруг нашего отряда только тишина и пенье птиц, было что-то тревожное. Тишиной нас не обманешь. Тем более, что гул самолетов напоминал нам: это Ковпак и Павловский, Кучерявский и Матющенко отвлекают немцев от нас.

3

Под моим командованием была третья часть 1-го батальона Путивльского отряда, то есть 5-я и 6-я роты полностью и остатки давно спешенной «иисусовой конницы» Саши Ленкина. Главную штабную разведку при дроблении отряда на группы мы с Ковпаком и Павловским, словно буханку черного солдатского хлеба, поделили на три равные части.

Это войско и очутилось на равнине. Кроме Войцеховича, с отрядом шли такие проверенные командиры, как Ленкин, майор Дегтев — командир шестой роты, командир пятой роты Степан Ефремов, Лапин, Сердюк, Антон Петрович Землянко. На них я надеялся крепко.

И больше всех — на комиссара Мыколу Москаленко и начштаба Васю Войцеховича.

Но сумеют ли они удержать в своих руках подчиненных? Вот вопрос...

Трудно было поверить до середины первого дня, что мы проскочили благополучно. Последующие два дня подтвердили: немцы потеряли нас из виду. Случилось так, что та из шести групп, которая, по общему мнению, шла на верную гибель — на равнину, первая ускользнула от немцев. И свалившаяся в овраг лошадь и протоптанная двумя сотнями пар ног дорожка через огороды Ланчина, казалось бы, не могли остаться не замеченными противником. Но факты говорили другое: вот уже третий день шли мы, уже подходили — без боя и даже без перестрелок — к Черному лесу; часто встречали вражеские машины, разъезды, обходили их, но нигде не наталкивались на засады. Как будто противник не решался трогать нас на равнине. Это немного успокаивало... если можно назвать спокойствием настороженное чутье вырвавшегося из облавы ослабленного отряда.

Но были другие причины и поводы, вызывавшие у нас тревогу.

В первые два дня держать отряд в повиновении было просто: близкая опасность сплачивала людей; но на третий-четвертый день, почувствовав свободу, степные хлопцы попали в «свою колею».

— И противник случайно не чипает!

Кое-кто не понимал, что от былой рейдовой мощи нашей очень мало осталось — пообщипали ее в горах немцы, да и оружие было уже не то. Я поделился с командирами своими сомнениями.

— Хоть бы удержать людей до Черного леса, а он уже совсем не за горами,— разделял мою тревогу начштаба Вася.

Остальные молчали. Я видел: им тоже не терпелось тряхнуть былой славой, размахнуться удалью.

Симптомы распада дисциплины обнаружились еще в первый день. Застрельщиком оказался любимец шестой роты, парнишка лет семнадцати, известный в отряде под именем Тольки-ленинградца. Стройный, высокий, большой физической силы, с немного придурковатым взглядом черных глаз, Толька отличался бесшабашной удалью и легкомыслием. Партизанская молва несла о нем целые легенды. Говорили, что он сын знаменитого профессора-хирурга, чуть ли не академика, что он добровольно сбежал на фронт, а потом в партизаны. Парень он был честолюбивый и всегда многозначительно помалкивал, когда заходил разговор о его знаменитых родственниках.

Уже в первую дневку в лесу, под Свентым Иозефом, он успел отоспаться и забыть все горести карпатского быта. Не доложив командиру, а повинуясь только приказу своего голодного желудка, он подбил в компанию двух других хлопцев, с которыми и отправился в хутор разведать, нет ли там какой добычи. Как раз в это время мы приводили себя в порядок. Мыкола Москаленко — новоиспеченный комиссар — еще немного неуверенно инструктировал людей, как надо конспиративно вести себя.

— Надо сдерживать свой аппетит. До Черного леса надо забыть, что на свете есть печеный хлеб, вареная пища, а питаться только картофелем, нарытым в поле, или кукурузными початками...

Мыкола довольно туманно, как высшую награду, обещал, что при благоприятных обстоятельствах можно будет зажечь костры, и в результате красноречия и логики за первые полчаса инструктажа достиг успеха.

Но надо же было случиться, что именно в это время Толька притащил в лес несколько килограммов колбасы, сахару и еще какой-то снеди. Он налетел на лавчонку незадачливого колбасника-фольксдейча.

Достаточно было запаха колбасы и расплывшейся в улыбке рожи Тольки, щедро раздававшего направо и налево добытые харчи, чтобы вся агитмассовая работа комиссара пошла насмарку. А через час с заставы уже сообщили:

— На шоссе заметно движение машин. Движутся по направлению к Свентому Иозефу.

Где-то вдали послышались пулеметные очереди.

Когда я узнал о происшедшем, впервые за всю карпатскую эпопею я почувствовал, что прихожу в бешенство.

— Арестовали его? — спросил я Мыколу, хватаясь за автомат.

— Да. Вон он сидит.

Действительно, шагах в тридцати от меня, охраняемый двумя девчатами из очередного «наряда», сидел Толька. Он исподлобья поглядывал в нашу сторону. Заметив жест, которым я схватился за автомат, он заерзал, забегал глазами, и стоило мне сделать пару шагов по направлению к «караулке», как «арестованный» вдруг вскочил и, не оглядываясь, кинулся наутек. Это было так неожиданно и смешно, что весь мой гнев как рукой сняло. Нужно было всерьез подумать об обороне. Мы с Мыколой пошли по цепи, стараясь не замечать, как хлопцы жуют немецкую колбасу, а сами глотали слюнки.

— Сорвав, байстрючина чортов, весь мой полнтчас,— почесал затылок Мыкола. Смеясь, поглядел на меня и добавил тихо: — А ковбасы не дав и понюхать.

Немцы не успели или не решились итти в лес в этот день. Скоро наступил вечер.

Ночью во время движения, останавливаясь в стороне, пропуская мимо себя шестую роту, я замечал долговязую фигуру Тольки, шмыгавшего за спинами товарищей. Он явно старался не попадаться командиру на глаза.

На вторые сутки я сказал майору Дегтеву:

— А ну, вызови ко мне этого!..

Через полчаса Дегтев явился ко мне один:

— Не хочет итти!

— Да что он, в самом деле! Дисциплины не понимает?

— Мальчонка еще, товарищ командир,— добродушно сказал майор Дегтев, человек пожилой, служивший в армии третий десяток лет. Но в его интонации я уловил просьбу.

— Ну ладно... чего там... Давай его сюда!

Разговор был недолгий. Наблюдая за подчиненным, которого я вынужден был «подтягивать» по всей форме, я боялся рассмеяться. Он стоял навытяжку, руки по швам, водил глазами по кустам и деревьям. И я был уверен: стоит мне поднести руку к кобуре — и он бросится бежать, как нашкодивший пятилетний мальчик, прячущийся под кровать или за шкаф, спасаясь от отцовского ремешка.

— Ты что, не понимаешь, что в нашем положении конспирация — это то же оружие? И очень важное...

— Теперь понимаю...

— А зачем пошел в село?

Молчание.

— Говори...

— А чего говорить? Прошляпил. Виноват...

— Ну, какое же тебе наказание?

— Ваше дело... какое заслужил.

— Если еще раз повторится...

— Не могу я голодным сидеть... Лучше пристрелите или задание какое мне дайте отчаянное...

— Теперь самое главное задание — дисциплина и точное выполнение приказов. Понятно?

— Понял.

— Ну, ступай!

Вот уже пятый день как мы гостили в Черном лесу. Эти пять дней очень ободрили нас. Мы отъелись и отоспались. Трудное, но радостное раздумье охватило людей. Рядовые бойцы вспоминали о пройденных опасностях. Командиров же грызла другая забота. В то время, когда вся область была наводнена вражескими войсками, рыскавшими за партизанами Ковпака, мы нашли спокойное место всего в семи-десяти километрах от областного центра. Враг искал партизан по всей области, но только не под носом у областного начальства.

Голова все время была занята планами, как бы подольше продержаться без боя, навязываемого нам врагом.

Только сейчас я до конца осознал, что мы с Васей и Мыколой повторили рудневский вариант с Делятином — «рвать окончательно кольцо вражеского окружения через штаб вражеской группировки».

Почему-то мне все вспоминалось, как Ковпак однажды обучал маленького Юрку Руднева:

«Первая тактика — научиться молчать; вторая партизанская тактика — не шуметь и третья — научиться ходить, как тигр. Самый лютый зверь, а лапки у него мягкие...»

Внимательно приглядываясь к своим ребятам, мы видели, что они уже несколько окрепли физически после Карпат, но выдержат ли они бой — вот в чем не было уверенности. Как разведчик Ковпака, я знал, что в этих краях работать в открытую нам не удастся. По крайней мере так, как мы привыкли за последние два года на территории восточных областей Украины и Белоруссии.

Ну что же! Может быть, придется перейти и на подпольные способы борьбы. Во время рейда по Житомирщине, Киевщине, Волыни мимоходом встречались мы с подпольщиками. Теперь перед нами самими реально встала и эта проблема. Как это, без автоматов, без пулеметов, без привычной солдатской амуниции выйти один на один на сражение с врагом?

На Украине и в Белоруссии к 1943 году партизанская борьба давно приняла формы всенародного восстания. Там партизаны действовали в условиях широкого движения, подготовленного другими, первыми пионерами партийного подполья, действовавшими осенью и зимой 1941 года.

Сейчас, оторвавшись от основной группировки отрядов украинских, белорусских партизан, мы были вынуждены начинать с азов кропотливой, рискованной, часто неблагодарной работы.

Словом, у моих хлопцев в эти дни на душе было так, как у кавалеристов, переведенных в пехоту или в обоз.

Но при всех формах партизанской борьбы разведка — главное. Даже не для того, чтобы убить врага, подсечь его под корень, но просто чтобы подойти к нему, чтобы его увидеть; даже чтобы спрятаться от него, и то не обойтись без разведки.

Но с чего в этих условиях начать ее?

Вот на расстоянии полутора часов ходьбы от нашего расположения находился областной город Станислав.

На рассвете, когда временный наш лагерь еще спит, мы с Мыколой ходим, проверяем посты и слышим звон колоколов в городе.

Что там делается?

Может быть, он полон войск, которые через несколько часов навалятся на нас? А может быть, достаточно нескольких пулеметных очередей наших хлопцев, чтобы вызвать там панику? Ведь всего месяц назад фашисты этого городишка, впервые услышав наши партизанские пушки, отчаянно струсили.

Но это было так давно... И пушки взорваны в Карпатах.

Помощь пришла неожиданно. В первый раз, проходя через Черный лес в полном блеске нашей боевой славы, мы мимоходом слыхали от батальонных разведчиков, что в Черном лесу, где-то в самой чащобе, скрываются остатки станиславского гетто. Народу в этом лесном лагере было около сотни — это все, что осталось от восьмидесяти пяти тысяч согнанных за проволоку евреев Станиславщины.

Меняя лагерь (а мы через день обязательно делали это), как-то на рассвете подходили мы к ручью. Выбрали место поудобнее. Я позвал с собой Сердюка, с которым мы в последние дни как-то особенно сдружились.

— Пойдем по обороне!

Продираясь в кустах, я ухмылялся. Смешно, конечно, называть это «обороной». Но была привычка так называть то условное кольцо вокруг лагеря, от которого никто, пока он жив, не посмел бы ступить шагу назад.

За лесом на холмах блистало солнце. Но в лесу было еще сыро и темновато; изредка чирикнет проснувшаяся птаха, треснет сучок. Сердюк вдруг кинулся к сосне. Вскинув на плечо автомат и крикнув привычное «стой!», он замер за толстым стволом граба.

Тишина.

— А ну, выходи!

Опять тишина.

— Выходи! На мушке держу!

Осторожный треск сучьев. Сопение.

— Кто такие? — строго спрашивает у соседнего куста Сердюк.

И куст отзывается дрожащим голосом:

— Люди-и...

— Вижу, что люди.

От кустов отделился человек. Несмело шагнул в нашу сторону. В робком его взгляде я уловил любопытство.

— Ну, что вы за люди? Признавайся!

— Доктор Циммер,— представляясь, сунул мне свою руку лысый, в лаптях, но при засаленном цветном галстуке человек. Огромные заплаты были на коленях и на локтях его некогда с «искрой» костюма.

— Доктор?

Он сразу затарахтел быстро и радостно.

Чересчур правильно построенные русские фразы, но с небольшим акцентом, подсказали мне: польский или чешский еврей. С высшим образованием, несомненно. Так и оказалось: двадцать лет назад он окончил в Праге медицинский институт, жил в Польше, в Западной Украине, занимался частной практикой. Был и зубным врачом и гинекологом.

Что-то мне в нем понравилось: пытливые глаза, любознательность и волнение, от которого даже капельки пота блестели на огромной лысине.

— Куда вы шли?

— Я уже давно к вам собираюсь, товарищ полковник. Мы уже третий день вокруг вас крутимся.

— И что же?

— А то, что я решился наконец пойти один. Все-таки нехорошо.

— Что же тут нехорошего?

— Мы же с вами соседи. А вы, можно сказать, перехватили наш обоз. Небольшой, всего одна подвода,— виновато укорял меня он,— но все ж таки! Как это у вас говорят: какой пароход, такое и плавание...

Разведчики, возвращаясь как-то из бесплодных поисков по безопасной и незаметной тропе из-под Станислава, на опушке Черного леса обнаружили повозку без лошади. На возу были: два мешка свежих огурцов, несколько бутылок водки, колбаса, свежеиспеченный хлеб, медикаменты (правда, странный набор их еще тогда обратил мое внимание: тут были сплошь «штатские» медикаменты: от поноса, гриппа, капли датского

короля), несколько батареек к карманным фонарикам и газета «Дас Райх» за первую неделю августа с передовицей доктора Геббельса. Я пожалел, что со мной нет моего переводчика — Миши Тартаковского. Он погиб в делятинском бою.

— Это ваш «обоз»? — улыбнулся я.

— А что ж тут смешного? — обиделся доктор Циммер.— Конечно, наш. А как же иначе мы могли бы жить в этом лесу?

— А кто вам доставляет все это?

— Нет, вы скажите лучше, увижу ли я свои товары?

— За огурцы не ручаюсь, водки и колбасы наверняка не увидите — они давно уже пошли в дело. Медикаменты могу вам вернуть. Они у медсестер. А это — пожалуйста,— и я протянул ему газету.

Дальше происходило что-то совершенно комическое: развернув газету и сидя на пне, как в кресле, доктор Циммер небрежно читал передовицу Геббельса и бегло ее комментировал.

Мы предполагали простоять здесь несколько дней. Пригласив соседа заходить в гости, мы с Сердюком пошли дальше. А через день доктор Циммер совсем перекочевал к нам в отряд.

— Я сказал своим, чтобы они уходили подальше от вас. Жаль все-таки было покидать насиженное место. Уже и шалаши были тут в кустах. Но для них так будет лучше.

— Почему?

— Вы же невозможно шумите!

Я опешил. Мне казалось, что я уже научил свою группу ковпаковской тактике: «мовчать и ходыть так тихо, як тигра». Сидеть, оказывается, нужно еще тише.

Нет, определенно мне нравился этот доктор.

Но самыми ценными качествами доктора Циммера были не знание немецкого языка и даже не его медицинские познания, а то, что вместе с доктором Циммером в отряд перешла его обширная «агентура» из лесных деревушек. Вначале гуцулы, работавшие на доктора, опасались связываться с «политикой», но когда за нас поручился сам доктор Циммер, они стали ходить и по нашему заданию в Станислав.

После Карпат, где пришлось бросить все, по нашим партизанским понятиям, материальные ценности, мы очень неплохо устроились в Черном лесу. В штабе сохранилось достаточное количество денег. Мы давали марки и злотые, добытые при разгроме погранзастав в Зеленой и Рафайловой, и агенты Циммера приносили нам водку, колбасу и газеты. Затем стали носить медикаменты и сообщения, какие передвижения войск замечены в городе. А дальше вошли во вкус и стали заниматься настоящей разведкой.

— «Теперь мы носим свою базу в карманах»,— сказал бы Колька Мудрый, если бы он сейчас увидел доктора Циммера.

Когда питание нашей радиостанции стало подходить к концу, мы вспомнили о батарейках к карманному фонарю, найденных в «трофейной» повозке доктора Циммера. Выяснив у радиста Николая Смирнова возможность их использования для связи с Москвой, мы дали «агентуре» заказ: достать полторы тысячи таких батареек. Вместе с гуцульской «агентурой» в город стали захаживать и наши разведчики. Будь у немцев в Станиславе опытные контрразведчики, они схватились бы за эту нить. Вдруг во всем городе в один день во всех магазинах были закуплены батарейки, лежавшие там по году и больше.

Но в Станиславе, видимо, не было опытного и наблюдательного контрразведчика. Радист Николай Смирнов, с бритым юношеским лбом, который поцеловала немецкая пуля еще в Делятине, долго колдовал над сотнями батареек, мастерил из них нужные ему комбинации, пока наконец ему не удалось восстановить угасшую искру связи.

Проходил я как-то мимо радистов. Чтобы не мешать работающим в поте лица юным друзьям, спрятался за толстой сосной.

Николай достал антенну, попробовал на язык анод... и махнул рукой Анюте...

Я залюбовался ими. Радистка даже на ключе работала грациозно.

Долго стучала. Затем слушала. По ее сияющим глазам я увидел — поймала Москву.

Через час, возвращаясь, я увидел Смирнова, сворачивающего антенну, и услышал, как Анюта шептала:

— Белка! Белочка моя!..— так ласково называла она свою радиостанцию.

Ребята докладывали:

— Товарищ командир! Передали ваш рапорт на Большую землю.

Доктор Циммер остался в отряде. И, вспоминая те веселые времена, когда Карпенко еще был с нами и наделял всех приходивших в отряд прозвищами, мы с Васей между собой прозвали в шутку доктора «маклером по агентурно-разведывательным делам».

4

За десять дней пребывания в Черном лесу люди отдохнули. На лицах бойцов заиграл румянец, кожа лоснилась, и у многих даже появилось самодовольство в глазах. Только у нас с Мыколой и Васей не было душевного покоя.

Выходя на поляну, за которой лес полого спускался вниз, открывая вид на Карпаты, мы смотрели вдаль.

— А самолеты все идут в горы,— виновато говорил комиссар Мыкола.

Мы избегали смотреть друг другу в глаза. Конечно, бойцам казалось, что это их командиры так ловко вывели группу из-под носа врага. Но мы-то понимали: группы, оставшиеся в горах, принимали весь удар на себя. И может быть, Ковпак, Павловский или Кульбака выручали нас, оттянув войска Кригера на себя.

На одиннадцатые сутки патрули доложили: в Черный лес вошла группа Павловского. А через несколько дней после нее — третий батальон Матющенко.

Люди Павловского, небритые, с ввалившимися щеками, отличались от наших бойцов, как гуцул от равнинного жителя. Мы израсходовали половину своих запасов, откармливая 2-ю и 9-ю роты, вырвавшиеся из Карпат с Павловским и Горкуновым.

Теперь большая часть Путивльского отряда была сосредоточена под моей командой. Пора было начинать боевые действия, чтобы помочь блуждавшим еще в горах товарищам. Тем более, что я кое-что уже знал о группе Ковпака. Вслед за Павловским и Матющенко в Черный лес пробились Аксенов, минер Абрамов и с ними две девушки-партизанки. В том, что они рассказали, было мало утешительного. В первую же ночь, когда разошлись группы, немцы навалились на отряд Ковпака. Они устраивали засады, перехватывая Ковпака на горных тропах, дорогах, перевалах. Они отрезали от отряда отдельные группы, шедшие в авангарде. Так откололась от Ковпака группка Бережного с Радиком Рудневым, так оттерли во время перехода железной дороги Базыму. Аксенова и Карпенко тоже отрезали на одной из засад. Они целый день бродили неподалеку, надеясь найти свой отряд. Аксенов отсиживался в кустах, а Карпенко пошел в разведку. Отойдя не больше полукилометра от кустов, он напоролся на немцев. Дальше Аксенов что-то путал. Совестно было слушать, как он завирался, явно пытаясь обелить себя.

— Як можу я знать, паникер, чи трус, чи просто растерявшийся чоловик передо мной? — спрашивал меня комиссар Мыкола после очередной «беседы» с вновь пришедшими.

Вот это были как раз те вопросы, решить которые и мне было не под силу.

— Оставим разбирательство этого дела до встречи с Ковпаком, Мыкола. Да?

И мы отправили Аксенова в роту.

Командир 3-го батальона Матющенко несколько завидовал

положению нашей группы. Но соединиться, а тем более стать под нашу команду Федот Данилович не захотел.

В этот день мы с Мыколой и Васей решили для своего отряда самое главное. После прихода Павловского мы, по очень неясным данным и всего по одной-единственной, наполовину прерванной радиограмме Ковпака, принятой рацией Павловского, поняли: противник навалился на ту из шести групп, которую мы все были обязаны защищать. Хотя вначале каждому из нас это казалось случайностью, ход которой мы не в силах были изменить, но, оставаясь наедине, мы все больше и больше задумывались. Чем можно ему помочь там, в Карпатах, куда ежедневно идут вражеские самолеты? Итти самим в горы — бессмысленно. И вот в эти немногие часы раздумий, когда рядом ворчал Павловский, упрекая нас за расточительство (он уже с удовольствием передал мне свои командные бразды и принялся за хозяйство), я ходил по «штабу», изредка встречаясь взглядом с Мыколой Москаленко. Мы понимали друг друга.

Этот допрос совести был не так-то прост. Он начался давно, гораздо раньше, чем узнал я о существовании Ковпака и встретился с ним на войне. Больше того, он начался еще до начала войны.

Это было время, когда легкомысленные люди, вроде меня, еще не представляли себе, какое пятилетие предстоит всем нам, нашей родине. Если я и думал о войне, то только с точки зрения монтажа стреляющих и перебегающих на экране людей и комбинаций кадров, изображающих красноармейцев, убивающих врагов. И это уже было время, когда в центре Европы были посеяны зловещие слова: «Я освобождаю вас от химеры, которая называется совестью».

Но мы родились в другой стране, где слово «совесть» имеет иной смысл, где совесть человека-гражданина и совесть народа освящены многими десятилетиями честной, суровой и благородной борьбы нескольких поколений борцов за счастье человечества, за дело великого Ленина, под водительством Сталина.

Как-то после обычного рабочего дня в Москве я забежал в кафе на углу Пушкинской площади. Это были те памятные морозные дни, когда у всех честных людей нашей страны глубокой горечью в душе отозвалась задержка на линии Маннергейма.

В кафе было пусто. Только за крайним столиком сидел угрюмый человек в военном костюме, но без знаков различия. Он долго смотрел на меня, а затем подсел за мой стол и в упор спросил:

— А ты был в Петсамо? — и громко, хотя и совсем беззлобно, выругался.

Потом уже более спокойно и по-дружески он рассказывал, что это такое за Петсамо. И в воображении одна за другой возникали картины, как замерзают раненые, как падают срезанные «кукушками» и гаснут в глубоком пушистом снегу жизни моих соотечественников.

Тогда я был наивным человеком в вопросах войны. Хорошо запомнилось одно: мне было очень неловко смотреть в глаза солдату и даже как будто стыдно.

И я молчал. Еще немного поговорив, он безнадежно махнул рукой и ушел.

А я еще долго сидел за остывающим ужином и прислушивался к тому, другому, который надолго остался сидеть рядом со мной. Он тихо царапал душу все тем же упреком: «А ты был в Петсамо?» — «Не был же, не был,— отвечал я ему, разозлясь.— Да что, я виноват, что ли? Подумаешь, всем там бывать?»

Мне тогда непонятной еще была та простая истина, что настоящие герои никогда не колют другим глаза своим геройством и что бахвалятся боями, кровью и лишениями только мальчишки.

И вот через три года, в ста пятидесяти километрах от Карпатских гор, где немцы, может быть, добивают Ковпака, я вспомнил этот укор.

Мне надоело один на один вести допрос совести, и накануне прихода Матющенко я поделился со своим новым комиссаром сомнениями насчет нашего «курорта» в Черном лесу.

Облегченно вздохнув, Мыкола Москаленко сказал мне, устало улыбаясь:

— Выручить товарища на войне — это не доблесть, это долг.

— А тем более командира.

— Правильно, Петрович!

Оказалось, нет ничего удивительного в том, что мы с Мыколой приняли такое решение. Начштаба Вася понял нас с двух слов. Он был умный начштаба и настоящий солдат.

Вызвав все диверсионные группы и разведчиков, мы дали им приказ и радостно вздохнули. Приказ был простой: сжечь мосты вокруг Черного леса.

Сжечь в одну ночь все мосты!

— А кому нужно это? Ведь речушки все обмелели, и мосты эти никому никакого вреда не принесут? — ворчали командиры, пожимая плечами.

Но ничего более целесообразного с военной точки зрения мы не смогли придумать. А действовать надо было быстро и с максимальным шумом.

В ротах подымал бузу Аксенов, подводя «тактическую базу» под сомнение в целесообразности этого дела, военную нелепость которого мы понимали не менее других.

Но хлопцы пошли выполнять «несерьезный» приказ. С двумя группами пошли Войцехович и я. По дороге я отозвал Аксенова и показал ему свой парабеллум.

— Слушай-ка, кажется в этой машинке девять граммов припасено для тебя.

— За что? — глухо сказал он.

— За то, что ты бросил в горах командира. Но меня ты уже не бросишь. Даю возможность смыть позор... Ты пойдешь вперед и будешь жечь мост с боем или без боя — как твое счастье. Только на таком условии мы потерпим тебя в отряде.

— Слушаю,— прошептал он в ответ.

И я не услышал в его голосе ни злобы, ни страха.

Аксенов взорвал и сжег самый крупный мост. Там не было охраны, и рвал он его почти без боя. Только издали постреливали полицаи.

Но это уже было его «личное» счастье.

В полночь в десятках мест запылали пожары. Мы с нетерпением ждали «агентуры» доктора Циммера. Во второй половине дня она принесла радостную весть: с гор через Станислав проследовало не меньше четырехсот машин с войсками. Разведка доносила: намечена облава в Черном лесу.

— Облава!

Вот они, фашисты! Эх, напрасно пришел ты, Матющенко, в Черный лес в этот день.

Но мы не виноваты. Мы не для Федота Даниловича устраивали этот «концерт», а для себя. Успеем ли? И поймет ли старик? Сумеет ли использовать передышку? Все попытки связаться по радио с Ковпаком ни к чему не привели.

Вон они, фашисты! Недолго пришлось нам с Васей и с Павловским отдохнуть в Черном лесу... Правда, дороги еще не перекрыты противником, еще можно уйти. Но это-то как раз и не входило в наши планы.

Я проходил по лагерю, вглядывался в глаза бойцов. Многие из них уже знали от разведчиков о появлении крупных сил немцев в Станиславе. Отряд мой увеличился вдвое: с Павловским пришли 8-я и 9-я роты, часть главразведки и 2-я рота автоматчиков. С ними подошли минер Виктор Островский и Горкунов. Занимались обычным делом: варили пищу, чистили оружие, штопали и чинили белье, сушили его после стирки. Вражеских самолетов давно не было над нашими головами. Уже разрешалось жечь костры (только из сухого валежника).

Разведка — и агентурная и наша — работала на славу. Но самое удивительное, что немцы сами предупредили о своем намерении.

21 августа в селах, расположенных по кромке Черного леса, появилась легковая машина. Офицер, приехавший на ней, говорил по-польски и по-украински. Он ходил по хатам, хозяева которых были заподозрены в сочувствии к партизанам. При солдатах, сопровождавших его, он, явно для виду, строго допрашивал хозяев. Затем, уловив удобную минуту, говорил внушительно и членораздельно: «23 августа много войск придет окружать партизан. Мы их всех разобьем». Его видели в нескольких селах. Разведчики сразу напали на его след и принесли эту весть из нескольких мест. Сомнений не было: человек в лагере врага сочувствовал нам, говорил он все это для того, чтобы нас предупредить. Наверняка, предупредить.

— Бывает же такое. Именно тогда, когда мы совсем не нуждаемся в этом предупреждении и помощи, она появляется! — улыбаясь, сказал начштаба Вася.— Чудак немец! Где ты был на горе Поляничка, на Шевке или на Синичке!

— Да. Почему не предупредил он нас о резервном полке, двигавшемся на Делятин из Коломыи? А теперь ведь эти войска придут и окружат Черный лес потому, что мы так хотим. Правда, Вася?

— Так точно,— ответил начштаба Вася.— Матющенко явился для переговоров.

Побыв немного в Черном лесу, Федот Данилович пришел в себя после Карпат.

— Матющенко форсит,— сказал Войцехович.

Мы с Мыколой видели по всему: Матющенко рвется в бой.

— Если он начнет, не поддержать его — это уже будет свинством.

— Поговори с ним на чистоту, Петрович!

22 августа я сказал Матющенко, пришедшему к нам с разведчиками:

— Давай, Федот Данилович, по душам поговорим. В бой вступать мы не будем. А тебе советуем уходить сегодня же из Черного леса.

— Хо-хо! Хлопцы у меня сейчас как звери!

Ну что было ему сказать? Мы выложили ему все данные, рассказали о немцах, назвали дату — 23 августа. Он внимательно слушал. Затем, хитро прищурившись, спросил:

— А почему сам не уходишь? Эге! Хитрюга!

— Ну, как хочешь. Только имей в виду — боя мы принимать не будем.

И все же Федот Данилович перехитрил нас. Когда, точно по расписанию, 23 августа появились вблизи его лагеря немцы, Матющенко подсунул нам всех своих раненых, чем еще больше утяжелил наш маневр. А маневр по лесу — это было пока единственное оружие нашей группы. Мы поставили задачу приковать к себе хоть на два-три дня группировку Кригера. Не может быть, чтобы этой передышкой не воспользовался Ковпак. Если только он еще жив.

А Матющенко путал и путал наши карты. Он все-таки дал короткий бой. Затем оторвался от противника и ушел на север. Но Черный лес уже был в кольце.

В партизанском деле соотношение сил не всегда такое, как на фронте. Там оно тоже колеблется, но никогда не бывает столь разительным. Полторы дивизии, более десяти тысяч войск, не считая их тылов, навалилось на нашу группу численностью в четыреста человек, из которых семьдесят было ранено.

После боя, данного Матющенко немцам, я послал разведку. Получив ясную картину о силах и огне немцев, мы поняли: нам не выдержать и получасовой перепалки.

Гораздо позже, когда я после войны изучал документы противника, часто на ум приходила именно эта необычная «операция», в которой мы не произвели ни одного выстрела. Во всех инструкциях и наставлениях немцы жалуются: «Партизаны не принимают открытого боя» (Браухич); «Надо заставить врага принять открытый бой с нашими превосходящими силами» (Иодль); «Большевики воюют не по правилам»,— обижался толстый Геринг. Но где, в каком военном законе написано, что мы обязаны делать то, что хочется врагу? Кригеру очень хотелось навязать нам бой. Не естественно ли, что в нашу задачу входило как раз обратное — уклониться от него? И мы готовили этот маневр как самую сложную и самую боевую операцию.

Успех партизанских действий основывается на великом преимуществе хладнокровия над растерянностью, на впечатлении, вызванном неожиданностью появления партизан там, где их не ожидает враг. Нравственная сила армии — великая сила.

5

Вначале подпортив нам маневр, Матющенко спас его. Немцы начали прочесывать лес в 8 часов утра. До вечера мы кочевали. Но не в гущу леса — там шла двойная может быть тройная немецкая цепь. Наоборот, поближе к врагу, в кустарник, подходивший почти к самому городу Станиславу.

— Там наверняка не будут шукать нас. Не будут же пар-

тизаны скрываться в небольшом кустарнике рядом с огромным лесом. Правда, Васютка? — шутил комиссар Мыкола.

Войцехович понял нас с полуслова, и к 12 часам дня мы сидели в кустах, слушали трескотню автоматов, чесавших Черный лес, и звон колоколов и лай собак в областном городе Станиславе. До вечера нам удалось остаться незамеченными.

Ночью Матющенко нарвался на засаду врага в селе Майдан. Отряд его был рассеян. Часть из его группы (в том числе и радисты) прибилась к нам. Разведка, посланная утром, узнала у населения, что среди убитых был человек, похожий на Матющенко или Горкунова. Но все это были пока догадки.

Маневрировать по лесу было трудно. Прочес немцы приостановили, но блокада не была снята. Мы решили не выдавать пока своего присутствия.

— Петрович, подождем, пока немцы не начнут снимать блокаду? — спрашивал Войцехович.

— Конечно. Но тогда я снова привлеку внимание врага к Черному лесу. И снова ускользну от него.

— Понятно! Заставить еще раз чесать уже пустые массивы. Так.

— Ну, конечно!

Мы улыбались друг другу, как двое мальчишек, легко объегоривших хлопца с другой улицы во время игры в палочку-стукалочку.

К концу второго дня к нам прибился партизан Мирошниченко из группы Матющенко. Он шел в голове колонны, когда батальон Матющенко напоролся на засаду. Противник подпустил близко и, осветив колонну ракетами, сразу нанес потери. Люди шарахнулись в стороны, и рядом с Мирошниченко оказались командир батальонной разведки Швайка и еще два бойца. Разведчик был ранен навылет в оба плеча и совершенно не мог двигать руками. На рассвете видели, как Швайку живого взяли в плен немцы.

«Теперь генерал Кригер может наконец торжествовать,— думал я.— Наконец у него есть пленный. Вероятно, в этот час он уже любуется им. Но вряд ли Швайка что-нибудь скажет».

Швайку в 3-м батальоне шутя звали «немецким старостой». В последнее время, когда он стал командиром разведки, при бойцах не употребляли этого оскорбительного названия. Но меж собой ветераны батальона изредка говорили: «Поручим Швайке. Немецкий староста зробыть». Швайка не обижался. Я спросил однажды у Матющенко, в чем дело.

— А отчего же ему обижаться, когда оно чистая правда,— сказал Матющенко.

— Как правда?

— А как же? Действительно всю зиму сорок первого года

Швайка служил у немцев старостой.— И тут Матющенко рассказал его историю.

Вспомнив ее теперь, я подумал: «Нет, не опасно. Это парень с хитрым украинским юмором. Не выдаст он нас. Тем более, бывший подпольщик. Знает все правила и уловки».

Кандидат партии Швайка, колхозный активист, тракторист, был оставлен в подполье. Задача была: как можно скорее войти в доверие к немцам. Швайка так талантливо играл свою роль, что уже в сентябре сорок первого года был назначен немцами старостой. Отряд Матющенко, тогда только начинавший действовать, держал с ним связь. Швайка вошел в доверие к глуховскому коменданту.

Дело кончилось тем, что те из селян, которые наивно предполагали, что немец «добрый», на собственной спине почувствовали «доброту» фашистского режима. Так продолжалось почти всю зиму. Но кто-то из полицаев донес о двойной игре старосты. Как-то ночью Швайка прибежал в лес и сообщил Матющенко, что завтра в 9 часов утра районная жандармерия приедет забирать его. Матющенко слушал его молча. На подпольном языке это называется «провал». В таком случае провалившегося подпольщика надо забирать к себе в отряд. Но в селе оставалась семья Швайки. Как спасти ее? Старика-отца, детей и беременную жену Швайки брать в отряд было нельзя. А даже если и возьмешь, немцы отомстят более дальним родичам, а то и всему селу. И тут два хитрых украинца придумали такую штуку. Немцы приехали в 9 часов утра, а за три часа до их приезда к Швайке, преспокойно «спавшему» всю ночь дома, ворвались партизаны. В хате были выбиты все окна, в черепки превращена посуда, распороты подушки и пух из них выпущен на улицу. Тихонько извиняясь, сам Матющенко насажал старику — отцу Швайки — фонарей под глазами. Затем Швайку связали, с угрозами повели через все село в лес «на расстрел».

Приехавший через час гитлеровский комендант клюнул на партизанскую удочку: он велел арестовать доносчика-полицая, а «пострадавшему» Швайкину отцу выдать денежную компенсацию.

И вот сейчас Швайка попал в плен к немцам...

6

Через два дня начался второй прочес, а еще через день — третий.

— Вот этот третий уже совсем не входит в наши расчеты,— ворчал Вася Войцехович, выводя через буреломы по азимуту отряд к спасительному кустарнику под Станислав.

— Кажется, можно було б немцам остановиться и на двух,— подхватил комиссар Мыкола.

— Тем более, что если жив Ковпак, то он уже успел проскочить,— поделился я сокровенной мыслью со своим «штабом».

— Проскочил дед. Надо и нам сматывать удочки,— сразу уточнил наши мысли Усач.

— А может быть, и окопался где-нибудь в горах? — охладил его пыл комиссар Мыкола.

Усач замолчал.

Мы подошли к спасительному кустарнику на рассвете.

— Третья облава совсем нам ни к чему,— ворчали командиры.

Хлопцы, видно, всерьез начали привыкать к тому, что немцы действуют по нашему заказу. Ползком, на животе продираясь сквозь кустарник, приблизился радист Соколов. Он протянул мне бумажку.

— Большая земля обещала самолеты. И один самолет вылетал к нам как раз в ту ночь, когда Матющенко напоролся на засаду,— доложил он хриплым шопотом.

— Но мы же не могли принять его, Коленька! — словно оправдываясь перед радистом, сказал начштаба Вася.

— Да. Трудное дело сейчас принять самолет! В таком положении. . .— опять намекнул на выход из Черного леса Усач.

С гор, из-под Ланчина, вернулась разведка Володи Лапина. Где-то в душе у каждого из нас все еще теплилась надежда: жив комиссар Руднев. Володя Лапин раздул эту искру. Дня четыре-пять назад через Ланчин, почти по нашему маршруту, проходила группа, в десять-пятнадцать человек. Жители рассказывали, что эти люди несли на носилках раненого командира. Командир был усатый, в армейской форме, при орденах.

— Черные усы, ей-богу! — бил себя кулаком в грудь Лапин.

— А как же они ночью видели — черные усы или нет? — спросил я у Лапина.

— Это-то обстоятельство и вызывает у меня сомнение,— шепнул мне начштаба Вася.

Рядовые бойцы в отряде не хотели верить, что комиссар погиб. Мне припомнились рассказы ветеранов отряда о том, как зимой 1941—1942 года раненного в горло Семена Васильевича перевозили в Брянские леса. На ухабах, поворотах идущие со всех сторон саней бойцы подхватывали их на руки и переносили вместе с ранеными через опасное место.

— Эх, найти бы хоть ниточку, след, а уж мы бы его выпесли! — сокрушались в ротах.

Лапин принес из Ланчина письмо от Кости Стрелюка, адресованное всем нам. Костя поправился и ушел с группой наших партизан всего за два дня до прихода Лапина. С кем? С Ковпаком? Или с комиссаром? В письме об этом не было ни слова. Но все же на душе полегчало. Вспомнилась ночь, когда мы шли «умереть на ровном месте», и мягкий, ласковый голос гуцулки со странной фамилией Иваночко, уговаривающей мужа ничего не брать с нас за спасение раненого. И стало легко на душе. В такие трудные дни особенно важно знать и чувствовать поддержку народа.

Спасибо тебе, гуцулка Иваночко!

Вернулась разведка из глубинных кварталов и диких урочищ Черного леса. Вася мотал головой, как добрый конь, которого замучили слепни.

— Видимо, в третий раз нам так легко от немца не отвязаться,— доложил он нам разведсводку.

— Из агентуры доктора Циммера кто-нибудь работал двойником,— уверенно сказал Мыкола Москаленко.

— И это может быть. А скорее, просто за первые два прочеса Кригер изучил наши повадки,— успокаивал я подозрительного Мыколу.

— Хоть так — хоть этак, а в Черном лесу расположилось лагерем несколько батальонов.— Вася показал нам карту с нанесенной дислокацией врага.— По всему видать, это уже не облава. Вот тут батальон, вот две роты. Снова батальон.

— Это длительная блокада, Вася! — сказал я Войцеховичу.— Берут за глотку мертвой хваткой.

— Надо уходить! — заключил начштаба свой «доклад-справку».

— Ну что ж, на выход так на выход,— что-то очень уж быстро согласился комиссар Мыкола.

Мы совещались в кустарнике. Невдалеке перекресток дорог был занят ротой фашистов. В хате лесника сейчас у них был узел связи и управления.

Заходило солнце. Закончив очередной прочес, немцы пели. Хоровая солдатская песня эхом разносилась по лесу.

Мы готовили свою группу на выход. Я был почти уверен, что мы проскользнем под носом у поющих немцев.

— Да, тигр начал ходить тихо на лапках. Лапки-то мягкие. А острые ли когти? Как думаешь, комиссар? — спросил я у Москаленко.

— Решили взять нас упорством, измором,— ворчит Мыкола,— на это они молодцы.

— А как иасчет хнтростн? Так и ие додумались? На это у немца кишка тонка,— ворчал Усач, похлопывая плеткой по голенищу. С плеткой он не расстался, хотя давно, еще в Карпатах, мы съелн его коня.

Выходнлн мы из Черного леса ие по тропам. Там дежурили засады. Через самые глухие переезды трех шоссейных н двух железных дорог тоже не пройдешь. Седьмые сутки водя за нос полторы дивнзии немцев н не нстратнв ни одного патрона, иабралнсь духу. Мы рискнулн уйтн по шоссе, проскользиуть через окраниы города Станнслава. Это было едннственное безопасное место.

Выход прошел опять без еднного выстрела.

Дневалн под Галичем, на высотах, обрамленных мелколесьем. Целый день иаблюдалн бомбежку самолетов, слышали артиллернйскую канонаду. Да, выход был совершен вовремя! На этот день Крнгер, вндимо, назначил генеральиый прочес.

Привязаниые к этому могучему лесному массиву, немцы еще несколько дней утюжнлн н очнщали его. А мы спокойио отдыхалн за Быстрнцей, в тылу немецкой главной группнровки. Пока что основным нашнм оружием былн хитрость н умение скрыться от врага. Оии иам прнносилн спасеиие н... больно уязвлялн самолюбне...

Когда же мы с Васей и с Мыколой, уверенные в победе, сможем иавязать врагу первый бой?

Наладнлась связь. Мы узиалн, что 23 августа ночью к нам вылетал с Большой землн самолет. Ои долетел до Черного леса. Не обнаружнв костров, вернулся обратно. Еще бы! В эту ночь иачался первый прочес. В эту ночь Матющенко напоролся на засаду. Где он теперь, Федот Даннлович? Если жнв, воднт лн за иос немца нлн бегает от него.

Радно принесло еще одну радиограмму. Это был прнказ. Мне предпнсывалось действовать самостоятельно. Сообщалось, что с Ковпаком последняя связь была только в начале августа. А сейчас уже 2 сентября... Неужелн погиб старнк? Неужели Крнгер разгадал нашу хнтрость? Может быть, он бьет нас по частям? Расчесал в горах Ковпака, затем навалнлся всей снлой на нашу группу!

Я вчитывался в строкн раднограммы.

«...Действуйте самостоятельно сообразно обстановке. Случае встречн с Ковпаком передайте ему, что Командованне считает задачу Карпатского рейда выполнеиной. Передайте всем группам приказ о выходе к базам партнзаиского края. На явку в горы не являться. Возможиы засады протнвника. Вывезем раненых, снабднм боеприпасамн...»

На вторые сутки после выхода из Черного леса мы подошли к Днестру. Вода была уже холодная, брод широкий, а спуск к реке крутой. Разведчики не обнаружили врага на той стороне.

В подмытых быстриной глиняных берегах живут птицы с рыбьим названием «щур». Они вылетают при появлении человека быстрыми стайками, как картечь из старинной митральезы. До появления разведки норы были битком набиты птицей.

— Значит, немец по северному берегу не проходил, не окопался. . .— соображал Сердюк.

— Щурячий выстрел — смеялись разведчики, не умея скрыть своей радости оттого, что путь за Днестр открыт.

Но командирам не до смеха.

Надо форсировать Днестр! На север тянула непреодолимая сила. Ей поддались и майор Дегтев, и Бакрадзе, и Саша Ленкин! На выход, на выход, туда, в партизанский край! И хотя исполнительный начальник штаба Вася еще помалкивал и «объективно» докладывал мне свои соображения и выводы, но по его глазам я видел, что и он стремится туда же. За Днестр! Один лишь Сердюк согласен хоть к чорту в зубы, хоть обратно в Карпаты. Ну что за парень этот Сердюк!

А как Мыкола? Мыкола пока тоже помалкивал.

Всю ночь пожары, блестевшие за Днестром, неодолимо притягивали к себе взоры четырех с половиной сотен человек.

Кто же там? Иногда нам даже чудилось фырканье родного ППШ. Пожары на востоке, на севере... Неужели наконец подошли с севера соединения? Кто же? Сабуров или Мельник? Шитов или Грабчак? А может быть, молдавские партизаны Андреева?

На рассвете все ясно услышали треск автоматов. Сомнений не было. Там, за рекой — и близко! — были наши.

— Наши за Днестром! — уверенно сказал Москаленко.

Мы дали приказ форсировать Днестр.

Отряд, бредущий через быструю реку с одеждой и оружием в руках, мутил волны реки.

Но северный берег встретил нас лишь стайкой птиц, испуганно проносившихся над головами.

За Днестром быстро разместились в первой рощице, в самом неприспособленном для обороны месте, не думая больше о тактике марша, о маскировке. Скорее бы связаться. Нужно почувствовать «плечо». Была надежда и вера в то, что Сабуров или Андреев пришли на юг.

Но пройдет еще два дня, и мы узнаем.

Это был Ковпак, раненый, получивший передышку на два-

три дня. Перебравшись через Днестр, он сразу дал приказ: жечь немецкие экономии.

Ковпак жег скирды в экономиях. Чтобы призвать смертельно уставших бойцов делать это, он ссылался на приказ товарища Сталина.

Нам казалось в те дни, что у Верховного Главнокомандующего хватало дел поважнее. Через полмесяца после начала наступления огромных армий, гнавших немцев от Курской дуги к седому Днепру, неужели товарищ Сталин мог найти время думать и о нашем отряде?

Так думал кое-кто из нас.

А еще через месяц начальник Украинского партизанского штаба генерал Строкач рассказывал об этих днях, когда нам часто приходилось обрывать связь на половине сеанса или по нескольку дней и вовсе не получать никаких известий с Большой земли:

— Ну и волновались мы за исход вашего рейда. Часто раздавался звонок, и голос товарища Сталина слышался в трубке: «Доложите, где Ковпак»; «Как дела у Ковпака?»; «Что нового известно о судьбе Руднева?» И не проходило дня, чтобы не спрашивали доверенные люди: «Верховный Главнокомандующий требует ежедневно давать координаты и донесения рейдирующего на Карпатах отряда...»

Удивительно, как он успевал обо всем подумать, позаботиться.

Оказывается, это по личному приказу товарища Сталина летал специальный самолет к Черному лесу...

Жаль только, что мы не знали тогда об этом. Значительнее, весомее и ответственнее чувствовали бы себя люди, в трудном своем положении, может быть, и недооценивавшие того, что одно только их пребывание за Днестром было подобно ласточке, принесшей в эти края весенние ветры победоносной армии Сталина.

Вспоминая ночь, освещенную пожарами, я думал, что Ковпак, как всегда, был прав. Враг уже кинулся в бегство от Курской дуги. Там наши братья переломили ему хребет. И хоть очень далеко до нас было от тех славных исторических мест и героических деяний могучей советской армии, но мы чувствовали: наш долг каждую минуту помнить, что мы ее помощники в глубоком тылу врага. Только в этом единении цели наша сила.

Ковпак нашел тактический ход в своих партизанских, не писанных пока правилах, как ему действовать за Днестром, за тысячу километров от фронта: жечь, бить, гнать, не давать передышки, сеять панику. И, в конце концов, он был прав — он жег вражье логово по приказу товарища Сталина.

Зарево пожаров властно потянуло нас за Днестр. Оно освещало нам стальные волны реки. После форсирования Днестра группой овладела инерция выхода в партизанский край. Наши уловки хлопцы поняли как отступление. Я соображал: пока не придется дать бой и выиграть его, переломить это настроение не удастся.

Вспоминая «партизанскую академию» Ковпака, мы с Мыколой повторяли одно из главных его нравоучений: «В партизанском деле самое главное — выиграть первый бой. Потом может быть с тобой всякое, могут тебя и поколотить — оправишься; может быть и так, как часто бывает на войне: постреляли, постреляли и разошлись — и не поймешь, кто кого побил. Но первый бой ты обязан выиграть!»

Каждую ночь горели немецкие экономии. Теперь уже и мы включились в это дело. Пожары удалялись все дальше на север. Но мы упорно вертелись на одном месте. Для того чтобы не дать немцам захватить отряд врасплох, мы каждую ночь совершали небольшие марши: переходили километров двадцать на север, а затем, круто повернувшись, обратно — на юго-восток.

Изредка в лесах слышны были пулеметные очереди; иногда дробным звоном отзывался родной автомат.

Однажды на марше возле шоссе пришлось переждать, пока проходила колонна вражеских автомашин. Посреди колонны было два или три танка. На ожидание ушло более часа; рассвет захватил нас подле небольшого леса.

Нам с Васей очень не понравились ни этот лесок, ни близость шоссе. Но солнце уже взошло, в воздухе стрекотал «костыль», и людям требовался отдых.

Я согласился с доводами начштаба: двигаться дальше рискованно. Раскинули лагерь. Не успели уснуть, как пикетчики принесли несколько головешек, окровавленные бинты и патроны «тэтэ».

— Ясно, тут стояли наши,— задумчиво рассматривая эти предметы, сказал Войцехович.— Которая же из групп?

— В Черном лесу это была не новость, все группы проходили через лес. Но тут...— думал вслух комиссар Мыкола.

— А может, комиссар Семен Васильевич? — настойчиво спросил Лапин.

Что ему сказать? Дал приказ усилить наблюдение и разведку. Может быть, разведчики и обнаружат своих. Около полудня пикеты обнаружили с трех сторон цепи немцев, залегавшие по бокам. Скоро одна стала продвигаться. Стрельбы еще не было. Но вот-вот начнется бой. Под огнем переходить шоссе

бессмысленно. Даже если там нет противника... За шоссе начиналось поле, степь. Машин и танков, замеченных нами раньше, пока не видно было. В цепях только пехота.

— Надо давать бой,— сказал мне Мыкола.

Мрачно смотрят Бакрадзе, Ефремов, Павловский.

Все мы понимали: другого выхода нет.

— Оборона. Держаться в цепи до конца. Командиры, по местам,— проходя по лагерю, скупо ронял слова команды начштаба Вася Войцехович.

Но почему так быстро обнаружил нас враг?

В цепи уже гремели выстрелы. Линия обороны была всего в ста метрах от штаба. Пули, взятые чуть с превышением, били по деревьям, под которыми расположился штаб. Уже убило несколько лошадей. В санчасть носили раненых. Здесь сидеть было бесполезно, и я побежал в цепь. На полдороге встретил Бакрадзе. У него руки в крови.

— Ранен?

— Нет. Убит! Мой помощник Сухоцкий убит. Полез на офицера. Вот... Я его, этого фашиста...— он показал мне планшет.

Щелкали разрывные в ветках...

— Ложись, командир... Хлопцы оправились. Оборону держат твердо. Вот патронов только...

Давать патроны из последнего резерва было еще рано. Машинально полез в планшет, вымазанный кровью врага.

Карта... На карте — занятая нами опушка, шоссе, цепи, залегшие по бокам. Химическим карандашом черточки. Синяя стрелка, проведенная наспех, разрезает наш лагерь пополам, проходит через штаб, санчасть.

По карте видно — наступает не больше роты. По бокам расположены редкие цепи. Пулеметов много. Но они еще молчат.

— Конечно, по своим лупить им расчета нет,— говорил Бакрадзе. Он внимательно следил за моим пальцем.

— Теперь шоссе. Так и есть.

Мы увлеклись разбором немецкой карты.

— Боковые — это невода. Рота хауптмана — это ведь загонялы!

— Понимаешь? Она должна выгнать нас на шоссе, где рогульками отмечены минометы, станкачи, танки. Им хочется выгнать нас на открытое место. В поле, в степь.

Подполз Мыкола. Показал ему карту. Он понял наши догадки с двух слов.

— Значит, ловушка? Но мы здесь всего полчаса? Это невозможно, чтобы моторизованная часть даже при хорошей разводке так быстро...

Но Бакрадзе не дал договорить:

— Тогда эти сети расставлены кому-то другому, кацо!

— Да, да, головешки, патрон, марля... Здесь были наши. Это их окружали.

— Значит, отряд попал в чужую ловушку. Ай, ай! — Мыкола почесал от досады затылок.

— Ложись, командир. Брось шутки! — раздраженно сказал Бакрадзе.

Если бы я вздумал отмечать ход боя по немецкой карте, то в этот момент синяя стрелка нападения сильно изменила бы свое направление. Она загнулась назад. На шоссе — ни звука. Это понятно. Засада не выдаст себя, пока мы не напоремся на нее вплотную. «Загонялы» отползли просто потому, что убит их офицер.

— Час-полтора уйдет на перегруппировку. А затем ударят, и совсем по-другому,— делился я своими соображениями.— За час надо вывести группу, Мыкола, дорогой!

— Куда? — с досадой спросил Москаленко.

— Слушай, кацо,— толкнул меня Бакрадзе.

— Что?

— Эх! Задумался. Сзади немцев — наши! Не слышишь?

— Кто? Какие наши?

— Наши автоматы, геноцвале! Пэпэша...

Действительно, позади одного «невода» что-то неладное. Изредка, сберегая патроны, короткими очередями и одиночными постреливали пэпэша...

— Кто же? Матющенко?

Но выстрелы раздавались все ближе, все явственнее, и сомнения больше не было.

— Посылай взвод. Во фланг, Давид!

— Сам пойду.

Он вдруг остановился и замер с горящими глазами, затем, потрясая автоматом, выпрямился во весь свой огромный рост.

— Да! Я знаю! Я сразу узнал. Это он...

Мы вскочили вслед за ним, пораженные одной мыслью.

— Семен Васильевич! Комиссар! Его атака! За мной!

И вся девятая, услышав имя комиссара Руднева, бросилась к Бакрадзе.

— Вперед! Вперед!

Рота пошла на прорыв. Но наша оборона оголилась в этом месте. В том, что девятая прорвет немецкие цепи, мы не сомневались. Но это будет через 15—20 минут. А сейчас? Войцехович, поняв сложность положения, уже подал команду связным боковых рот:

— Приказ: бегом! Командирам рот расширить прорыв и выходить за штабом и санчастью. Не терять видимости.

— Бери на себя управление, Вася! Штаб, санчасть — в прорыв! Вперед! За мной! Там комиссар Руднев идет на помощь!

Кажется, во всем отряде я был единственным человеком, не верившим в галлюцинации Бакрадзе. Но в пылу боя и я скомандовал санчасти и ротам: «Там комиссар!»

Через час мы, оставив далеко позади прорванную немецкую сеть — ловушку, вырвались лесом на север. Колонна наскоро построилась и уходила по бурелому, пыхтя и отдуваясь. Все устали. Но были веселы. На бегу мы встретились с группой, пришедшей нам на помощь. Это были 17 разведчиков во главе с помкомвзвода Тетеркиным и политруком Исацким; они оторвались накануне от Ковпака. Их появление сначала очень обрадовало нас.

Хлопцы докладывали на ходу:

— Вчера мы оставили Ковпака здесь, в лесочке. Возвращаясь, услышали бой и решили ввязаться.

— Значит, это Ковпак шел на север?

— Мабуть, он самый...

Значит, мы, сами того не зная, сунулись в ловушку, предназначенную Кригером для старого волка. Капкан щелкнул и зацепил хвост волчонку.

Я видел немые вопросы в глазах своих ребят: «Опять не комиссар?»

— Опять не комиссар! — угрюмо и печально сказал Володя Лапин Ане Маленькой.

— А где же он? — робко спрашивала она разведчиков, как будто они могли ей на это ответить.

Но комиссара не было с нами.

Хлопцы все более мрачнели, протаптывая тропу через бурелом.

9

От Исацкого и Тетеркина мы узнали о происхождении пожаров.

Запросив на следующий день Большую землю о местонахождении Ковпака, я получил оттуда лаконичный ответ: «Действуйте самостоятельно. Строкач». Следовательно, нам нельзя соединяться с Ковпаком.

Еще добрые полторы недели топтались мы взад и вперед в районе Бучача и Монастырска. Это были как раз те самые места, где полтора месяца назад мы похоронили Валю Подоляко. Я в первые же дни попытался послать к знакомому ксендзу агентурных разведчиков. Но ксендз, осведомленный тенденциозными сообщениями немцев о том, что Ковпак раз-

бит в Карпатах, теперь не пожелал уже говорить со мной на том основании, что я большевик.

Во время маневра из рощицы в рощицу мы наткнулись на небольшой польский отряд. И полтора месяца назад действовал здесь польский отряд, но о нем не было сказано ни слова в те дни, когда монах Вацек делал для нас «вывьяд» по приказу ксендза.

Настоящий бой — с танками и пехотой — пришлось нам все же выдержать вместе с поляками.

Поляки прибыли под Старую Гуту вечером. Командир польского отряда пан Анджей обещал нам, в случае чего, «выдающуюся позицию». На рассвете мы заняли ее.

С трех сторон это было действительно очень удобное для боя место. Об этом же свидетельствовали старые окопы. Высота, на которой мы укрылись, была хорошо защищена с трех сторон. Только с четвертой, выходившей на горное плато, она была легко уязвима. Мы успокаивали себя тем, что все же лучше защищать одну сторону, нежели четыре.

Немцы двумя танками рассчитывали прижать нас именно с этой, четвертой, доступной танкам стороны.

В отряде сохранились еще две-три бронебойки. Одной из них мастерски владел Толька-ленинградец. Первым же выстрелом он поджег один танк.

— Горит, командир! — гаркнул он мне, стараясь перекричать шум боя.

Я по старому, заросшему бурьяном окопу шел к нему. Но не успел: снаряд второго танка разбил в его руках бронебойку и осколком снес Толе голову.

Так погиб честной смертью солдата Толька-ленинградец, для которого долг, и совесть и честь отряда были выше страха смерти.

Атаки немцев на наше плато кончились в сумерки. Они еще немного постреляли, а затем, бросив догоравший танк, отошли.

Была еще попытка забросить нам в тыл группу автоматчиков. Она просочилась к самому штабу, но без труда была сброшена вниз.

Ночью мы ушли.

Карабкаясь на ближайшие небольшие сопки, я сравнивал их с Карпатами и думал: как все-таки жалко выглядят они по сравнению с Синичкой, Шевкой и хребтом, ведущим на Говерля и Попа-Ивана!... Сравнивал и бой, только что отгремевший. Как все это мелко по сравнению с былыми делами...

Но все-таки это была вторая победа нашего маленького отряда.

Это был второй бой после приказа, самого лаконичного, который когда-либо получали мы на расстоянии 1300 километров от Москвы.

Мы были спокойны. Наш отряд «действовал самостоятельно». Он выполнял приказ партизанского штаба.

10

Разведка давала точные сведения: на плато брошены небольшие силы — не больше одного-двух батальонов. Большая же часть группировки Кригера, не обращая на нас внимания, снялась и ушла на восток к Збручу.

Неужели Ковпак повернул на восток?

Правда, все данные говорили о том, что он пошел на север. От Бучача до Тернополя и дальше, почти до самого Ровно, можно держаться кромки лесов. Перекочевывая из рощи в рощу, можно пройти партизанской тропой меж реками Золотая и Гнилая Липа с их прибрежными лесами и рощами до самого Полесья.

Зная хорошо повадки своего командира, я был почти уверен: он выберет именно этот путь. На востоке же была степь. Так называемая Тернопольская Подолия.

— Куда пойдем, Вася? — спросил я начштаба.

— Ковпак пошел лесом. Если пойдем следом, так и будем все время принимать на себя его хвост.

— Да, в лесах нас ждут,— буркнул комиссар Мыкола.

— Это верно. А в степи?

— А в степи вряд ли ожидают. Если не считать пятнадцати танков, брошенных недавно на Збруч,— поспешил закончить Войцехович.

Как мы ни измеряли нашу карту, получалось: чтобы перемахнуть эту Подолию, нужно не меньше пяти ночных пеших маршей. И вот здесь родился план — перейти на коней.

Вначале мы отбрасывали от себя мысль о коннице. Но кавалерийская затея, этакий назойливый зуд, похожий на помешательство, все больше и больше овладевал нами. Окидывая взглядом участок между Львовом и Проскуровом, я представлял себе: по всей ширине этого «фронта» сейчас проходят наши группы. Вероятно, их сейчас не шесть, а больше. Многие дробились, теряли взводы, отделения, а то и просто по два-три человека пробиваются в партизанские края. По всей Галиции проходят наши люди. Немцы бросаются от одних к другим. Значит, нужно идти самым прямым путем — через степь.

Но теперь это был уже не голый риск, а трезвый расчет. Именно в степи нас никак не ждет противник. Кригер, следуя

за нашим маневром, осуществленным еще на горе у Ланчина, разбросал свои засады, заставы, пикеты и гарнизоны во всех «партизанских» местах. Он ищет нас в лесах, балках, в горах. Везде — только не в степи. Но если и обнаружит нас в степи, то, пока соберет свои войска в мощный кулак, мы проскочим.

Основательно разведав несколько гитлеровских имений и прикинув, что достаточно будет трех, чтобы посадить всю группу на коней, перед вечером, в середине сентября, мы свалились с высоток. Но нужно было случиться, что в двух имениях коней погнали в ночное. Я спросил Москаленко:

— Возвращаемся обратно, Мыкола?

— Нельзя,— сказал твердо Войцехович.— Все равно мы раскрыли свой маневр. Показали противнику свою заинтересованность в четвероногих.

Поэтому, как ни избегали мы этой крайней меры, пришлось прихватить и крестьянских коней. И когда совсем смерклось, мы проходили уже кавалерийским маршем по Тернопольской Подолии.

Первая дневка была в открытой степи. Лишь на второй день под вечер настигли нас немецкие танки. Но они тоже были ученые: подходили долго. Уже добрый час слышали мы урчание моторов, но ничего не могли заметить. Танки, маскируясь снопами, по одному заходили в обход хутора.

Уже вечерело. За ночь мы думали доскакать к долине реки Серет.

— Поздно, голубчики! — приветливо помахал рукой Вася Войцехович.— Посадили группу верхами! Ночка темна, танков не боюся, провожай, тернопольска Маруся...

Мы рвались на север к Шепетовским лесам. Но до них оставалось все еще не меньше 300 километров.

Ночью на дороге попались два фольварка. Там мы заменили усталых коней подолян свежими. Не знаю, нашли ли своих лошадей дядьки-подоляне, которые, по словам разведчиков, шли по нашим следам, или, перепугавшись танков, они разбежались по домам. Мы бы их вернули сегодня, если бы не чортовы танки. Но нам очень хотелось, чтобы они их нашли.

По кладбищам первой мировой войны мы три ночи проходили «лихим» кавалерийским рейдом. От разрывных немецких шпокалок спасали нас осыпавшиеся, но еще глубокие окопы, вырытые лопатами русских солдат. Кости их давно лежали в земле, а труд солдатский, пот и опыт войны помогал нам, разведчикам Советской страны.

Ночью над Серетом поднимались туманы, и в топоте конских копыт нам слышались атаки казацких полков и мощное «ура» русской пехоты.

11

Тернопольская Подолия уже осталась позади. Еще переход — и мы зацепимся за кромку лесного массива. Степное море словно хлестнуло прибоем и отпрянуло назад, оставив прогалины-лужицы полей среди лесочков и рощиц.

Нас волновала близость границы «дистрикта», она должна была проходить где-то недалеко. Но посылать дальнюю разведку не хотелось: жаль было потерять хлопцев, лучших, самоотверженных бойцов. Да и устали они. Сразу после марша итти в далекую разведку им не под силу. А где-то здесь вблизи (мы чуяли ее нюхом) — граница. Карты с отметкой старого австро-венгерского кордона у нас не было. Проходили же мы сейчас километров на полтораста западнее Збруча. Ориентировались по памяти: здесь должна заворачивать граница на Берестечко и Дубно.

Но случилось то, чего мы больше всего опасались: мы напоролись на кордон в конце ночного марша, почти на рассвете. Справа и слева, словно тревожная дробь барабана, раздалось по три условных выстрела. Они передались дальше, к следующей паре часовых; через несколько секунд третья пара отозвалась еле слышным сигналом. Дорога была перегорожена рвом, похожим на противотанковый, и проволочным заграждением в один кол. Да еще «ежи» на дороге. «Ежи» полетели в канаву. Мы вышли на север. Пока мы проскакивали через границу, сигнальные выстрелы, должно быть, дошли до условного пункта. Сейчас по проводам и эфиру понеслось, должно быть, во Львов и Краков (а может быть, и в Берлин) сообщение о нас.

— Усатый, прибавь шагу!

— Теперь ничего. Теперь мы на своей, партизанской территории,— подкручивая ус, подмигнул мне легкомысленно Ленкин.

Уже ночь отходила на запад. До восхода солнца оставалось полчаса. Усатое лицо Ленкина розовело справа от далекой ранней зари. Еще 20—30 минут, и в воздухе появится разведчик. А леса все нет. Кругом изрезанная лощинами степь. И в этой степи нам совсем ни к чему встретиться с немецкими самолетами. Я вспомнил Маняву — первую гору в Карпатах, где нас бомбили «мессеры». Отвоевав ценой выигранных двух боев моральное превосходство, мы можем за один час потерять его.

Очертя голову мы сунулись в ближайшее село. 50—60 хат прилепились на крутом склоне оврага. Степные украинские мазанки, крытые черепицей и жестью, заборы из колючей проволоки старинного образца и опять линия окопов, осыпавшая-

ся и поросшая травой. Тут тоже проходила позиционная война наших отцов.

Сердюк, преобразившись после боя с танками, в эсэсовской петушьей шапке на голове и в офицерской шинели, на прекрасной лошади, с ленточками, вплетенными в гриву, влетел в село первый и выслушал рапорт старосты. Тот явно принял нас за немцев, униженно кланялся и пытался поцеловать руку Сердюка. Подмигнув хлопцам, Сердюк благосклонно разрешил ему это. Но терять время некогда.

— Быстро рассредоточить колонну! Тщательная маскировка! — командовал Вася.

Я поглядел на старосту. Он недоуменно слушал русскую речь. Что-то начинал подозревать. Приставив к нему одного из связных, чтобы не сбежал, я быстро разослал дозорных на выход. Не дать никому выйти из села. Ставка на то, чтобы противник как можно дольше не обнаружил нас. Выиграть хоть полдня. А боя не избежать. Я в этом уверен.

Тихо и медленно тянулся день. Отдыхали, дремля, бойцы. Только когда солнце подошло к зениту, часовой привел ко мне старосту.

— Все к командиру добивается. Я ему уж и под ребро сунул. А он все свое: «Веди до командира, дело секретное»,— говорит.

Староста мял шапку и молчал. Напомнил мне Мыколу Струка там, в Карпатах.

— На штыре ока?

Глаза заблестели. Радостно закивал:

— Ага, ага, пане начальнику.

— Я говорил ему: доложи мне. Не буду командира тревожить. А он все свое...

— Ладно, отойди на минутку.

Часовой отошел.

— Шо за секрет?

— Пане начальнику! А как же вы это тут стали? Или нарочно, или как?

— А почему нам здесь не остановиться?

— Граница недалечко.

— Знаю.

— Пане начальнику! На границе тутай батальон стоит.

— Какой батальон?

— Хорватов. Там рота, здесь штаб — вон за горбом, видите, церковка.

Быстро прикинул расстояние: до шпиля или до колокольни, торчащей в волнистой степи, не больше трех-четырех километров.

— Вы не думайте, що я так вас лякаю. Или чего,— борони боже. Я хоч в солдатах и не служив, но всю позицию з самого пятнадцатого году при офицерах состояв. Тут у нас артиллерия на хвартерах стояла. Села не было. Одни землянки. И капониры — и позиции закрытые. Дуже файные позиции были.

Он продолжал излагать мне свои познания, пересыпая их перевранными военными терминами русской армии.

— А почему же в вашем селе никого нет?

— Квартиры неподходящие. И дурная болезнь у нас с той войны.

— Приезжают?

— Редко. Но из третьей роты раз в неделю за продуктами на склад ездят — по воскресеньям. Сегодня как раз будут.

— В котором часу?

— Давно уже должны быть. Чего-то забарылись.

«Засада. Скорей организовать засаду! Впустить в село! И перехватить! ..»

Там, со стороны хорватского батальона, караулил Ленкин. В шестидесяти шагах от села под копнами ржи уже были вырыты окопчики для стрельбы лежа. Скорее туда! Но мы не успели. К цепи Ленкина уже подъезжали две подводы. На них до десятка солдат. На заднем возу пулемет. Хлопцы, не зная, что мне дозарезу нужно, чтобы они пропустили подводы в село, подождав, сколько положено, открыли огонь из автоматов. Сопротивления почти никакого. Тут же на месте у раненых несколькими вопросами выяснил: староста говорил правду. Очертя голову, без разведки, мы влезли в центр батальона хорватских предателей. Ну конечно, в районе церквушки от штаба уже взлетела в небо красная ракета. Это означает — «противник».

Занимать жесткую оборону и вести бой — другого выхода не было.

И через час начался бой. Хорваты напирали слабо, видно нащупывали наши силы. Открывали огонь издалека и не особенно выскакивали вперед. Ребята наши держались стойко. Почти не стреляли. Бой вошел в обычный ритм затяжной перестрелки, прощупывания сил. Поручив Васе следить за изменениями его, более подробно побеседовал с пленными.

Ну конечно. Они из группы генерала Кригера. Больше того, всего три дня назад он посетил батальон. Унтер-офицер, раненный хлопцами Усача, рассказал: распекал командира, кричал на него, а затем, схватившись за голову, сказал: «Это же второй фронт. А у меня нет даже четырех дивизий». А в конце, провожая генерала к машине, майор, приложив дрожащую руку к козырьку, спросил что-то насчет наград за

бои в Карпатах. Кригер так посмотрел на него, что всем стало ясно: награды пропали.

Перестрелка шла нудно, как зубная боль. Ясно, у противника не было тяжелого орудия. Только один раз со стороны штаба поднялась в атаку цепь хорватов. Но после двух-трех перебежек, срезанная нашим пулеметным огнем, стала отползать назад.

Ничего. Мы оттянули время. Но как еще далеко было до вечера...

Появились «стрекозы»: одна, вторая. Изображая из себя пикировщиков, начали бомбить село. Но это чепуха. Погреба глубокие, и, укрыв в них живую силу и оставив только редких постовых на обороне, мы тянули и тянули время.

Когда же солнце скрылось за горизонтом, я опять вспомнил Ковпака: «Самое главное для партизанского командира — это выиграть первый бой. Потом может быть так, что и тебе накладут по шее, может быть и так, как чаще всего бывает на войне,— непонятно, кто кого: постреляли, постреляли — и разошлись. Враг думает, что он побил, ты думаешь, что твоя сверху».

Уже сгустилась быстрая южная ночь, когда мы вывели колонну, и я сказал Васе:

— Это был, кажется, тот самый третий случай из партизанского устава: «постреляли, постреляли — и разошлись».

— Будем думать, что все-таки наша сверху,— ответил Вася.— Тем более, что потери хорватского батальона только убитыми, большую часть которых я лично видел, не меньше тридцати человек. Это кроме раненых. У нас же только у Кульбаки убито два бойца. Ранен политрук Исацкий, тот самый, кого мы приняли за комиссара, и разведчик Мизерный. Оба в ноги. Оба разрывными, с переломами. Тяжелые ранения.

— Да, все же будем думать, что наша сверху. Так легче.

И снова, набирая ход, не глядя на все удаляющиеся вспышки ракет позади,— рысью на север.

— Опасаются нападения. Ишь ты, светят как,— бурчал недовольно Ленкин.— Напоролись бы вы на нас два месяца назад — летели бы от вас перышки.

— Ничего, Саша! И так неплохо.

— Ба, выскочили. Но шо я вам скажу, товарищ командир... Надоела мне эта заячья тактика.

— Так что, может, повернем обратно на Карпаты?

Молчание. Звон стремян.

— Не... Давайте пока не надо. До сих пор меня мутит от них. А я вроде не самый боязливый в нашем кооперативе.

— Ну, не надо, так не надо,— согласился я с Усачом.

Задача этой ночи была проста: уйти как можно дальше от границы.

Рассвет застал нас недалеко от станции Лановцы, той самой станции на дороге Тернополь — Шепетовка, которую мимоходом, по пути на Карпаты, ковырнули мы накануне Скалата.

Для дневки попался лесок — кругленький, небольшой, но с естественным окопом. Это была, видимо, помещичья роща, и панок окопал ее, предохраняя от крестьянского скота.

С утра нащупалась разведка, полицейская. Нагловато подойдя на расстояние слышимости голоса, полицаи что-то кричали. Вспомнился Черный Ворон и другие... Но теперь они вели себя нахальнее, угрожали и предлагали сдать оружие.

Переговоры кончились тем, что Сердюк схватил ближайший пулемет-дегтярь и выпустил полдиска. Парламентеры удалились. А спустя час появились немецкие «стрекозы». Бомбили наудалую, «по площадям». Хотя «площадь» была не так уж велика, но вреда от самолетов не было никакого, кроме разве того, что они не давали нам отдыхать: приходилось держать людей начеку.

Враг не наступал.

— Тесно связаны с немцами. Уже успели вызвать авиацию! — ворчал Сердюк.

Сомнения рассеялись быстро. В роту Бакрадзе прибежала дивчина. Испуганная и путаная ее речь смутила Давида. Он сам привел ее ко мне.

— Командир, поговори с этой девчонкой. Что она говорит! Ты послушай...

— А что говорит, Давид?

— Да говорит, что она партизанка. Я ее спрашиваю: какой отряд? Она говорит: Мельника. Какого такого Мельника? Говорит: полкового комиссара. Откуда здесь полковой комиссар? Говорит: из партизанского края пришел. Как так пришел? Говорит: рейдом пришел. Куда рейдом? Каким рейдом? Говорит: в Винницу рейдом пошел. Ничего не понимаю! Допрашивай сам. Я пошел на оборону.

Полковой комиссар Мельник — старик, приблизительно одних лет с Ковпаком. Шел он из-под Брянских лесов вместе с Федоровым. Встречались мы с ним впервые в «мокром мешке». Здесь же, на юге, под Проскуровом и Тернополем, нам казалось возможным встретить кого угодно: Сабурова, Андреева, Бегму, Олексенко, Шитова, но только не Мельника.

Девушка была совсем молодая, зеленая. В отряде только с начала рейда. Знала она очень немного. Кроме Мельника,

командира всего соединения, и своего командира взвода, не могла назвать никого. Но все, что она говорила, было похоже на правду.

Мельник вышел в рейд по тому же плану, по какому двинулся на Карпаты и Ковпак. Вышел, правда, недели на две позже нас. Но смелым и дерзким был этот рейд. Направление его было на юг от Шепетовки на Проскуров — Хмельник. Мельнику удалось достичь ставки Гитлера на Восточном фронте под Винницей. Он растревожил эту огромную гитлеровскую навозную кучу. Конечно, под Винницей ему всыпали по пятое число. Соединения авиации и мотомехчастей растрепали отряд в ожесточенных боях. Но это была большая честь для его отряда — привлечь внимание таких крупных сил.

Мельник, огрызаясь от наседавшего врага, стал отходить на запад.

Сравнивая его рейд с Карпатским рейдом Ковпака, мы часто и позже, с уважением и гордостью за наших стариков, думали о них. Героизм офицера — в его инициативе. И у одного и у другого настоящей большевистской инициативы было достаточно.

Эти мысли отвлекли меня было от расспросов партизанки Мельника. Под Збручем девушка отстала от отряда при выполнении агентурного задания. Пробираясь к своим одна, без оружия и документов, она жила у крестьян. Ее задержала полиция как беспаспортную, не подозревая, что она партизанка; она стала работать уборщицей у начальника жандармерии, надеясь таким образом стать полезной отряду. Но у нее не было связи. Узнав о нашем продвижении и услышав знакомое имя Ковпака, девушка решилась бежать к нам.

— А сколько времени как ты в жандармерии?

— Вторая неделя.

— Что делала?

— Подметала, мыла полы...

Кое-что полезное она сообщила нам. Мы оставили ее у себя, поручив, кому полагалось, проверить ее поведение в отряде.

Я лично верил ее рассказам о смелом рейде полковника Мельника, и, как показало будущее, не зря.

13

Когда остаешься наедине с картой, даже если лес бомбят немецкие «стрекозы», забываешь о взрывах, и кажется, что беседуешь с другом и советником, подсказывающим самое хорошее, спасительное решение. А то вдруг карта обернется

коварным и хитрым недругом, подсовывающим тебе лживые ходы.

Вот и сейчас, когда уже было ясно, что немцы могут достать нас в этой зеленой крепости только с воздуха, швыряя пятикилограммовые бомбы, я внимательно глядел в позеленевшее, с красными склеротическими жилками шоссеек изменчивое лицо моего собеседника.

Он шептал мне, шелестя на ветру своими старческими бумажными губами:

«Погляди: до Шумских и Кременецких лесов остался один переход. Правда? Всего одна ночка, и ты выведешь на отдых свой уставший отряд. Ты спасешь раненых, выручишь товарищей».

Не поймешь никак — искренняя, дружеская улыбка засветилась в морщинах кременецких кряжей или коварный блеск предательских глаз.

«А что дальше на севере?» — спрашивал я недоверчиво.

Блеснули зубы и скрылись под хмурью холмов у Луцка, Ровно и Ковельских лесных бровей.

«А что же на севере? Ровенская степь на севере!» — наивно отвечает карта.

«Э, брось, не подведешь! Кременецкие леса? Один переход — это верно. А Черный Ворон, по-шакальи нападавший на Ковпака, когда тот шел еще во всей силе? Как он поведет себя сейчас?»

Задумчиво продолжал шептать мой старый и коварный друг образца 1898 года:

«Ну, не хочешь — пожалуйста, вот другой вариант. Шумские леса. Тоже можно перемахнуть за одну ночь. Если напрячь все силы».

—Нет, не верю тебе! Подведешь. Еще тогда, среди лета, стоял под Шумском полк, отряд полицаев. Именно там чуть не погиб Швайка со своей разведкой».

«Вот какой ты упрямый! Ну что ж, я могу предложить последний вариант. Но он опасный. Гляди. Вот — степями (не меньше двух ночей!). Но зато тут уже наверняка можно будет отдохнуть. Смотри: зеленые гостеприимные Шепетовские леса. Но к ним еще, ох, как далеко! Подумай! Может быть, завтрашний день будет последним для твоей группы. Самолеты опять привязались к тебе. Возможно, следом за ними перебрасываются из-под Тернополя танки. А где будешь устраивать дневку? В голой степи?»

«Возможно. Весьма возможно».

Я вспоминаю, как Ковпак, оседлав нос очками, прощупывал карту всегда внимательно и недоверчиво. А нащупав чтото свое, торжествующе смотрел поверх очков на собеседника:

«А це шо?» — показывал он на карте еле заметные значки кустарника, болота либо лесной тропы, оглядывая всех победоносным взглядом. И сразу снимал очки.

«Це шо?» — говорил и я своему молчаливому собеседнику.

Он смеялся. Синие вены рек стали тоньше... Морщины высот и холмов разгладились на добродушном старческом лице.

«Заметил-таки? Да, действительно есть на моем теле, на полдороге до Шепетовских лесов, маленькое родимое пятнышко леса. Но ведь лес-то маленький. Окружен рекой и болотами с одной стороны. Смотри! Загонят в реку, потопят в болоте. Но, как знаешь, дело твое. Моя хата с краю. Я только карта — зеленая, белая, красная. Постаревшая в своем честном, беспристрастном труде. Решай сам. Убьют тебя там. Может быть, послужу еще кому-нибудь».

— Мы двинемся на Шепетовку,— свернув карту, сказал я начальнику штаба.

— Решил, товарищ командир? — спросил Вася.— Можно разрабатывать маршрут?

— Давай.

К утру мы подошли к небольшому «родимому пятнышку» леса на полдороге до Шепетовского массива.

Нет, не врал мой старый бумажный друг! Слева — речушка, обмелевшая, иногда похожая на ручей. Не утопят нас здесь фашисты. Справа — болото. Только вот лесок редкий. Еле скрывала нас листва высоких дубов и грабов. Но другого выхода нет. Стоянка. И сон, спокойный сон. Может быть, во второй половине дня не удастся подремать, надо поспать с утра.

Проснулся около полудня. Тихо было в лесу. Изредка стонали раненые. Большая часть лагеря спала. Только где-то далеко журчал мотор.

— Давно? — спросил я у Мыколы.

— Да почти с самого утра летает.

— Обнаружил?

— Кажется, нет. Ни разу над лесом не пролетел. Все вокруг кружится.

— В степи ищет, что ли?

— Похоже.

И так почти до вечера летала «стрекоза».

Удивительно — на протяжении почти 30 километров нет ни единого лесочка, только лощины и небольшие колхозные села. И почему немец-летчик ни разу не пролетел над лесом? Не искал нас здесь, заглядывая через борт или стараясь проникнуть своей оптикой сквозь листву? Странно!

И только за час до захода солнца все вокруг пришло в движение.

За болотами видны были телеграфные столбы — там проходил шлях. И внезапно, как по команде, на шляху показались колонны машин, танков. За ручьем, на бугре, появилась цепь пехоты, достигла высотки и сразу залегла. Только комья земли взлетали возле каждой точки.

— Окапываются. Что такое? — спросил Усач.

— А что там на выходе из леса на северо-запад?

Бакрадзе донес: появилось до двух десятков машин, два танка курсируют взад и вперед. Ни одного выстрела. Ни ракеты. Только сейчас, впервые за весь день, низко, почти касаясь верхушек деревьев, пронеслась над лесом «стрекоза».

«Ах, вот что! Значит, знали, что мы здесь. Или догадались, но не хотели нас тревожить. Здорово!»

Летчик полчаса ходил над нами, дразнил, играл на нервах, вызывал на поединок: «Ну дайте хоть один выстрел. Подтвердите, что я был прав»,— просил, молил, завывал мотор. Но хлопцы, сбитые с толку необычайным маневром врага, молчали.

— Кто отдал высотку? — спросил Мыкола у начштаба.

— Майор Дегтев.

— Без боя?

— Уже готовились к маршу, сняли заслоны. Днем ведь было спокойно. Не встречалось еще такого!

Да, такого еще не было. Вся привычная, выработанная опытом двух лет, тактика борьбы с врагом подсказывала совсем другое: скрыть бы свое расположение от немцев хотя бы до половины дня. А если противник обнаружил нас после полудня, значит бой выигран. Удержимся до вечера, а там — оторвемся и уйдем.

Никогда еще не было, чтобы немец начинал охоту за нами вечером. Что-то необычное. Да и немец ли это?

Вызвать майора Дегтева! Надо выместить на ком-то свою неуверенность, злость. Я ему всыплю за высотку!

— По вашему приказанию явился.

— Почему отдали высотку? Без боя!

— Готовился к движению, товарищ командир.

— Что они делают?

— Окапываются.

— «Языка» не достал?

— Нет. Да и так все слышно — хлопцы в тридцати шагах лежат.

— Ну и что слышно?

— Матом ругаются.

— Кто? Немцы?

— Да нет. Не немцы. Только команда иногда по-немецки, и сразу вроде по-славянски кто-то переводит.

— Ах, вот что! А кто стрелял?
— Мои хлопцы. Не отвечают.
— Странно!

И только, когда небо засветилось звездами и прошумел вечерний ветерок, сразу, как по команде, со всех сторон, вокруг редкого небольшого лесочка взлетели в небо ракеты. Теперь понятно. Но как ловко они нас окружили! Перед самым вечером! И замысел так ясен и прост. Ясен знанием поведения партизан. Нет, это не немецкая тактика.

Пройдет еще несколько дней, и мы узнаем автора этой «тактики».

Майор Пеничч, бывший офицер австрийской армии, изучавший тактику комитатчей в прошлую войну, долго приглядывавшийся к советским партизанам, выработал этот новый прием: вечером окружить, чтобы не дать возможности уйти ночью. А на рассвете навязать бой и за большой летний день завершить полное уничтожение группы. По всему кольцу окружения курсировали немецкие танки. А впереди них лежали успевшие окопаться сплошные цепи вражеских солдат. Это было полное отсутствие шаблона. Я видел: маневр врага, не сделавшего еще ни одного выстрела, уже вселил в наших ребят беспокойство.

14

Помощь пришла неожиданно и совсем не оттуда, откуда можно было ее ожидать. Еще в полдень, проснувшись, я сидел и под монотонное журчание «стрекозы» читал газету. Питание рации было на исходе: пришлось отказаться от сводки «Совинформбюро». С той поры, как мы перемахнули кордон Галиции, не попадалась нам геббельсовская «Дас Райх». Вот почему я очень обрадовался, когда разведчики принесли дрянную газетку «Львівскі вісти». Номер был позавчерашний. На всю первую полосу огромными буквами красной краской, словно цирковые анонсы на заборе, были напечатаны три слова: «Немцы заняли Рим».

Дальше шло путаное сообщение, как и почему произошло это событие.

— Ось дала трещину,— подмигнул Мыкола Москаленко.

Мы вчитывались в сообщения немецкой ставки. Унылым тоном описывалась неприступность «днепровского вала». У нас уж давно выработался верный способ толкования немецких сообщений. Когда не было вестей с родины, то приходилось пользоваться перевранными фактами из уст врага, очищая их от ила и дерьма тупоголовой немецкой пропаганды.

Собравшись вместе, Ленкин, Кульбака, майор Дегтев, Войцехович, Сердюк оживленно комментировали эти новости.

Все сходились на одном — Адольфу приходится туго.

Газету давно бросили, и она валялась, забытая, на пне.

Спор только разгорался. Вежливо попросив разрешения у часового, ко мне подошел задержанный в лесу пожилой крестьянин. Такие люди во время наших «тихих» маршей бывали у нас ежедневно. Всех гражданских лиц, появлявшихся вблизи нашей стоянки, мы вынуждены были задерживать. Иногда их бывало так много, что, не успев даже расспросить, мы за полчаса до марша отпускали пленных на все четыре стороны.

И этот крестьянин на первый взгляд ничем не отличался от примелькавшихся нам за эти трудные дни западных мужичков.

Вышитая сорочка с шелковой ленточкой на шее, брыль, широкие «городские» шаровары, лычаки — искусно сделанные постолы — из сыромятной кожи. Седые виски, изморозь небритых щек, почти белые опущенные усы. Только совершенно черные, будто накрашенные брови нависали на глаза, скрывая их умный блеск. Открытый взгляд серых глаз привлек мое внимание лишь тогда, когда он сказал:

— Можно у товарища командира попросить газету?

Манера, с которой он приподнял брыль, ясно говорила, что передо мной не простой ровенский крестьянин.

Высокий с залысинами лоб, на миг мелькнувший из-под брыля, усилил впечатление интеллигентности лица. Кивнув головой, я разрешил взять газету и отошел в сторону. Ничем не выдавая своего внимания, стал наблюдать.

— Определенно — интеллигент! — подтвердил мои наблюдения и начштаба Вася.

Об этом же говорила манера, с которой тот уселся на пень и ловко, профессионально, просматривал газету. Взгляд его бегал по шапкам, заголовкам, презрительная улыбка по случаю исторического извещения о том, что «немцы заняли Рим» мелькнула и скрылась в усах.

Затем, перекинув ногу на ногу и приблизив к газете близорукие глаза, он долго и внимательно читал.

Если бы не шелест ветра да шорох начавшей опадать листвы, можно бы подумать — сидит в глубоком кресле человек, вся жизнь которого прошла среди книг, журналов, карточек.

Но кто же он? Агроном, учитель, врач?

Почему, обращаясь ко мне с галицийски построенной фразой, он в то же время не называет меня паном-начальником?

Когда он сложил газету и с вежливым поклоном, в котором чувствовалось достоинство и не было ни тени холуйской лести, столь распространенной среди «европейски образованных» людей, отошел обратно к часовому, я подошел к нему. Разговор

зашел о событиях дня, о которых мы прочитали во «Львівскіїх вістях».

Комментировал он их бегло, изредка сбиваясь в ответах, видимо желая быть понятным «восточному» украинцу. Я намеренно построил несколько фраз с нажимом на местный выговор.

Он впервые взглянул на меня исподлобья и настороженно. И сразу спрятал свой интерес в густых бровях.

— А пан... выбачайте... товарищ командир, не из нашей стороны?

— Нет... почему же? Просто копался в литературе... Изучал Ивана Франко, Кобылянскую, Стефаника...

— Ага... Цикаво, цикаво...— протянул он, разглаживая усы, и стал задавать мне вопросы по... западно-украинской литературе.

Отвечая ему, насколько мог точно, и почти не слушая его поправок, я вскоре угадал профессию собеседника. Передо мною был преподаватель литературы.

— Гимназиальный профессор! — подтвердил он мою догадку.— Выкладаю мовы: латыну, нимецку, польску и историчны заклады...

Когда же я спросил, почему мы встретились с ним здесь, вдали от города, он объяснил:

— Я живу здесь, на хуторе.

— Учите?

— Нет. Работаю лесником... За клапоть земли.

— Но вы же могли быть в фаворе, знаете немецкий язык...

— Я знаю мову Гейне, Лессинга, Фихте, Канта, Гете, но не знаю мовы Геббельса.

«Интересно! Говорит правду? Похоже... А если обманывает с таким открытым взглядом... тогда это враг опасный. Такие, вероятно, и те... изощренные в обмане, натасканные на шпионаже, предательстве, отточившие националистическую фразеологию...»

— Товарищ командир замыслился? ..— говорит он ровным баритоном опытного педагога.— Я знаю, о чем. Пан думает о том, что вот поймали мы петлюровца або ж националиста? .. Пришел к нам в разведку. Пусти его — сразу немца приведет...— и он печально махнул рукой.— Правда?

Я не выдержал и засмеялся.

Он тоже улыбнулся просто и невесело:

— Угадал?

— Угадали. Не совсем, но почти угадали... Как же это вы так?

— Я внимательно приглядываюсь к людям, которые мне нравятся,— с грустью начал он свой рассказ.— Я не могу ска-

зать, что я коммунист. Нет. Все-таки воспитание наше псевдодемократическое...

— Оно же и социал-демократическое,— поправил я его.

— Ну пусть так,— не спорю. Но если бы вы сумели понять, как мне дороги ваши высокие идеалы. Они волнуют меня, и я не только умом — умом и подавно,— а сердцем чувствую: правда на стороне ваших идей. Это самые прекрасные идеи человечества. Но...

— И все же нельзя без «но»?..— сказал я с вежливой улыбкой, стараясь вызвать его на откровенный разговор.

— Не смейтесь. Я думаю, вам должно быть интересно, что думает о вас хотя бы вот такой, как я.

— Конечно. Извините. Вы сказали — но...

— Да, я сказал — но... Продолжаю... Но чистые идеи надо проводить и честными людьми. Когда ваши войска пришли и освободили нас, здесь было ликование,— и он широким жестом обвел степь вокруг, над которой мерно журчала немецкая «стрекоза»-разведчик,— всеобщее ликование. Каждый радовался по-своему. Но радовались все...

— Почти все? — поправил я его.

— Да. Кроме будущих фашистов. Вам это должно быть понятно...

— Конечно. Итак, каждый ликовал по-своему...— усилил я иронию, все вызывая его на откровенность.

— Да, одни — потому что наконец Украина воссоединилась. Об этом мечтали и Франко, и Стефаник, и Кобылянская, и Коцюбинский. Многие наши лучшие люди. Это понятно и близко миллионам крестьян, столетия жившим то под австрийским цесарем, то под Шмиглой... Так звали наши мужички польского Рыдз-Смиглы...

— Другие? — подтолкнул я его вопросом.

— А другие ликовали, что наконец не надо будет ехать за товаром в Лодзь.

— А можно будет в Москву?

— Совершенно верно...

— Третьи?

— Третьи потому, что они русские, украинцы. И, не зная, что принесет им завтрашний день: под игом — говорили одни, под солнцем — говорили другие...

— И все-таки?..

— Все-таки все верили, что этот день — день будущего, а не вчерашнего.

— Ну, а вы? Вы как? — поставил я ему вопрос в лоб.

— Я не выражал восторгов. Не носил цветов. Я думал. И понял, что я ждал этого дня всю жизнь. Пришло лучшее, прекрасное, о чем я не смел говорить даже любимым ученикам.

Я сел за труды Ленина и Сталина. Я читал Конституцию и восторгался... А затем... Затем наробраз прислал нового директора школы, она только что окончила педтехникум. Она приходила на мои уроки и пренебрежительно глядела на меня. Я вкладывал душу в свое дело... А затем говорила своей подруге, но так, чтобы я слышал: «Недорезанный буржуй»... Это я — недорезанный буржуй...

— Это была невежда...

— Благодарю вас. Я знаю. Но она была не одна.

— Вы не ошибаетесь?

— Нет. Может быть, я ошибаюсь в арифметике. Я профессор литературы. Но разве вы не поняли, что мы тоже стали советскими гражданами? Не все — согласен. Но многие верили в это, хотели этого, стремились к этому. Вы думаете, я книги и Конституцию читал на виду у всех? Я не хотел, чтобы меня заподозрили в заигрывании с новым строем. Я читал их, как читают стихи, поэтому. Может быть, это сентиментально. Но надо считаться с людьми, такими, какие они есть. Не в лаковых же сапожках вы строили социализм? И сейчас вам строить его вместе с нами. Хотя мы и... «недорезанные буржуи».

— Сначала надо выгнать немца...— сказал я ему после паузы.— А потом исправим и мелкие промахи.

Он молча взглянул на меня испытующими глазами и так же молча показал на шапку в газете...

— Немцы заняли Рим! Значит, не за горами тот день, когда вы займете Берлин?

— Социализм строить нам с вами, а занимать Берлин без вас? — съязвил я.— Ну ладно, не обижайтесь. Но верите ли вы в это?

— Если бы не верил, я не был бы лесником в этом краю. Мы, многие из нас, готовы были в те дни поклониться вашему грубошерстному костюму... как власянице апостола! И вдруг мы с удивлением увидели погоню некоторых, и в том числе моей директрисы, за гнилым лодзинским товаром, залежавшимся в подвалах Львова. И недоумевали, не зная, как это понять...

«Ах, вот что у тебя ноет! — подумал я.— Ну, это уж не такая сложная психологическая язва. Не страшнее насморка».

— А понять ведь так просто...

— Скажите же, как? Скажите! — он схватил меня за руку, и я почувствовал, что он действительно по-настоящему взволнован этим разговором.

— На светлом фоне, на белом платье даже совсем мелкие пятнышки режут глаз...

Он долго смотрел на меня широко открытыми глазами. Затем пошевелил седыми усами и отпустил мою руку.

— Верно... Ах, как это верно. На белом платье... Так, так... Да. А у вас действительно белоснежиое платье невесты. И вот сбежалнсь поглазеть на иего н мечтателн, и завнстиикн, н стяжатели, н развратннкн старого мира... Белое платье... И вдруг кто-то один заметил: пятнышко... Заоралн, заулюлюкалн...

— А кто же этот однн?

— Вы думаете, я с этой девчонкой?

— Нет, не думаю...

— А я думаю, что так. Да, коиечно... Она ведь тоже... была расстреляна иемцамн в сорок первом году, но не поклоинлась нм... Я должен был тогда поиять ее. Послалн ее начальннком, а подчнненный — в грамматике н в снвтакснсе разбирается иа многнх языках... А я обнделся, в амбнцию... Эх, как это иехорошо, как иехорошо!

— Так кто же виноват?

— Не знаю... Наверное, те, кто посылал... Не знаю... Но сейчас я больше всех чувствую внноватым себя.

— Узнаю ннтеллнгеита... узнаю...

Он улыбнулся н печально покачал головой.

Мы довольио мнрио кончнлн с инм разговор. Дела отвлекалн меня от этого человека, и, может быть, я совсем забыл бы о ием, как забываешь о многом, что встретнлось на пути мнмоходом. Но нменно в этот деиь к вечеру началось наступленне противннка.

Когда кольцо окопавшнхся врагов все больше сжималось железным урчаньем танков, казалось уже физнческн ощутнмым, кто-то подошел ко мне н взял за руку. По особой манере брать за руку я узнал преподавателя лнтературы.

— Пане начальннку, товарищ комаидир... На штыре ока...

Опять встала в памятн фигура Мыколы Струка из Белой Ославы.

Я подумал, что опасность, угрожающая нам, волиовала и «профессора» не меиьше, раз в эту мннуту с его уст слетелн этн простые мужнцкие слова, не посеребренные «европейской культурой».

Мы отошли в сторонку.

— Через болото можно выйтн... Я знаю тропу...

— Повозки?

— Возы не пройдут... Коней в поводу провестн, пожалуй, можно. А возы — нет, ие пройдут.

Долго раздумывать было иекогда. На протнвоположной опушке леса сухо потрескнвалн автоматы. Полмннуты мы советовалнсь с Мыколой и Васей...

— Кндать возы! Ранеиых — иа носилки! Способиых сидеть верхом — иа коией! — скомаидовал я.

Команда спасительным журчаньем горного ручья пошла назад по цепочке вытянувшихся рот.

Мы прекрасно понимали, что на какие-то минуты судьбу полтысячи человек, веривших в данный момент только нам, вручаем человеку, встретившемуся всего несколько часов назад.

Тихо пробирались мы по кочковатой тропе. Иногда слышалось чавканье, бульканье, храп и стоны... Но умные, привыкшие к походам животные будто понимали: если в болоте нас обнаружат и возьмут на прицел пулеметами, пристреляют минометами — мы погибли...

По времени и пройденному пути я отметил про себя — вся колонна втянулась в болото. Топь стала все сильнее засасывать... вот уже по колено, по пояс бредут люди в вонючей, пахнущей лягушками и тиной жиже... Неужели он предатель? Но вот мы нащупали ногами под грязью твердый грунт, стали попадаться камни, галька. Вот уже и песчаный берег... На горизонте на фоне неба четко рисуются телеграфные столбы. Шоссе близко.

Командиры расположили выходящих из болота цепью.

— На шоссе — разведку! — скомандовал я Васе.

Люди начали шуметь. Выливали из сапог и штанов воду, звякали оружием... изредка раздавался смешок... Раненые стонали на носилках.

Вернулась разведка.

На шоссе — немцы. Но посты их дремлют, не подозревая вблизи врага. Уверенные в непроходимости болота, они надеялись провести спокойную ночь в затишных кюветах шоссейки.

— Натаскали снопов... Устроились надежно... Изредка курсирует по шоссе один танк,— докладывал Лапин.

История партизанского движения пестрела примерами, когда партизаны в одиночку или мелкими группами скрывались в болотах, лесах, горах от врага. Иногда это голодное, холодное бегство переходило в героическую борьбу со страхом смерти, которым враг изматывал изо дня в день, из месяца в месяц загнанных в дебри, одичавших людей.

Но для нас после трех славных рейдов в этом окружении было что-то обидное.

Хотя мы и знали, не могли не знать, что в прорыве пехоты на танки многие лягут здесь навеки, мы дали команду — в атаку!

Организовать атаку мы не успели... Нужно было еще хотя бы пять-десять минут, чтобы распределить между командирами сектора шоссе. Но в это время позади, на той стороне болота, где час назад мы бросили возы и слабых лошадей, шквальным огнем ударили пулеметы, автоматы, раздались

взрывы гранат, с высотки, оставленной майором Дегтевым, полетели в небо ракеты.

Некоторые, явно шальные очереди попали и в нашу сторону.

Думать было некогда, организовать атаку не пришлось.

Вася командовал где-то слева:

— Вперед!

Рядом со мною был комиссар Мыкола. Я крикнул ему:

— Держись за мной, подгоняй ребят, чтобы не залегли. Иначе — гибель. Только вперед! В случае чего, принимай команду. Только не останавливаться.

— Только вперед! — подхватил чей-то голос рядом. Я увидел соломенный брыль нашего проводника.

Вся группа пошла на прорыв, ориентируясь по столбам шоссе. Мы поспели во-время. Смяли, передушили, перебили прикладами и ножами еще спящих в снопах фашистов... И только проскочили шоссе, как с боков почувствовали клещи немецких танков. Но они уже не могли нас зажать. Это были клещи, хватавшие пустое место, вернее, больно прищемившие наш хвост... С каждым шагом, с каждой перебежкой мы все дальше уходили на внешнюю сторону кольца.

И уже совсем шальной снаряд из танковой мелкокалиберной пушки отомстил нам за неудачу так искусно, казалось бы, организованной врагом ловушки. Трасса, оранжевая, словно бархатный канат, преградила нам путь... и где-то недалеко, мягко шлепнувшись, погасла.

— Ой, мамцю моя! — жалобным восклицанием отозвалось впереди. Я сразу узнал голос нашего проводника. Он лежал, уткнувшись лицом в землю, раскинув белые, белые руки. На сорочке росло, расползалось темное пятно.

— Переверните меня...— попросил он.

Доктор Циммер исполнил его просьбу.

— А, товарищ командир...

В груди у него забулькало, страшно и громко.

— Умрет через две-три минуты,— шепнул мне доктор.

Мимо пробегали наши...

Танки продолжали бешено обстреливать цепь, но, выскочив на шоссе, они переносили огонь дальше. Снаряды и пулеметные трассы уже давали перелет.

Белая рука поднялась в воздухе, словно звала на помощь. Я нагнулся...

— Ну, ось... мы вместе с вами, пане-командире... брали Берлин...— еле слышно прохрипел профессор,— Берлин брали...

Через две минуты он скончался.

В лесу шла сумасшедшая стрельба. Слышалось ржание

раненых лошадей, похожее на детский плач. Молча бегом двигалась колонна...

С высоток за болотом взлетали ракеты. Но они уже не освещали нас. Танки близко, но неровности почвы спасали. Пули проходили невысоко, почти на уровне головы, но как только пулеметчик снижал обстрел, они ударялись о спасительный бугорочек, всего на полметра возвышавшийся на горизонте, и взмывали вверх. Люди, сгибаясь, перебегали в лощину.

Постреляв немного, танки перевели огонь на лес. Мы использовали передышку и ушли от шоссе.

Построив колонну и сориентировавшись по полям и оврагам, мы взяли путь прямо по азимуту на Шепетовские леса. Там будет вырыта могила участнику Карпатского рейда, «гимназиальному профессору», преподавателю латыни и германской литературы, человеку, ставшему в пятьдесят лет советским патриотом и вместе со всеми нами «бравшему Берлин».

15

Зацепившись за кромку Шепетовского леса, мы свалились отдыхать.

После пройденной степями и лесостепью тысячи километров всем казалось, что теперь мы уже в полной безопасности.

Передохнув, люди, как обычно после тяжелого пути, вспоминали прошлое. И самое страшное казалось смешным.

Уж кто-то подсчитал, что, начиная от Збруча, было двадцать одно окружение.

— Очко! — смеялись бойцы.— Ну, теперь уже больше не может быть. Хватит. А то будет перебор.

Разведки пошли, как всегда, звездным маршрутом. Но самых отчаянных я послал на север: на асфальт.

Люди, возвращаясь, приносили разные сведения, но самого главного не могли узнать. А главное для нас было: где Руднев? Проходил ли здесь Ковпак? Где-то под Тернополем затерялся его след. На третий день Лапин прикатил с асфальта на «оппельке».

— Переговорщицу поймали,— объявил громогласно дежурный, подходя к начштаба.

Пока виновник торжества возился с трофейной машиной, я вышел на просеку. Ветровое стекло было вдрызг рассечено автоматной очередью. Рядом с Лапиным восседала немка. В шляпке и дорожном клетчатом макинтоше, с ярокрасным рюкзаком в руках.

— Принимайте кралю! Кавалера ее я срезал,— чудил Лапин.

Немка оказалась секретаршей-стенографисткой майора Дормана, инспектора управления Розенберга. Ее патрон совершал инспекторскую поездку по Украине...

Вот уже второй месяц, как нет Миши Тартаковского. Я никак не могу привыкнуть к новому переводчику. Исполняющий по совместительству эти обязанности доктор Циммер выводит меня из терпения. Он прекрасно владеет немецким языком. Но допросы пленных при помощи доктора не удаются. Циммер никак не может удержаться на строго целеустремленной военной мысли: он то ударяется в психологию и быт, то вдруг со слезами на глазах вспоминает о зверствах немцев и в самый напряженный момент допроса лезет ко мне с воспоминаниями.

— Пора привыкнуть, доктор. Вы теперь военный человек. Какие могут быть нервы? Возьмите себя в руки.

— Ничего не могу поделать, пане подполковник.

— Сколько раз говорил — не называйте меня так!

— Извините, пожалуйста. Я постараюсь, товарищ командир,— говорил он виновато и замолкал.

Мне становилось жаль его.

— Давненько мы с вами, доктор, перестали «подписываться» на «Дас Райх»,— пытался я пошутить.

— О да. Еще от Черного леса,— говорил он печально.

Допрос немки он начал вяло. Затем увлекся. И если бы нас интересовали Германия и Франция, нормы пайка и настроения немок в тылу, если бы я понимал что-нибудь в парфюмерии и военных модах — лучшей информации трудно было бы желать. Но в те дни меня совсем не интересовала Германия. Я смотрел в пустые глаза немки, отворачивался от ее дрожащих рук и думал: «Ну, что ты можешь мне еще рассказать? Откуда тебе знать, где Ковпак? Что случилось с Рудневым? Как идут Фесенко и Матющенко?» — и, махнув рукой, ушел в лес.

Тихо и сочувственно шушукались высоко в небе своими кронами корабельные сосны. Словно старушки-богомолки, покачивали они задумчиво головами: «Ага, не знаешь... шь... ага...»

Доктор Циммер один еще не меньше часа продолжал галантный разговор.

На исходе второго часа, проходя по лесу, я услышал крик: «Где командир? Найдите командира». Дело было похоже на тревогу. Я быстро откликнулся. Навстречу мне бежал доктор Циммер, без шапки, лысина его искрилась на солнце.

— Вы знаете, что это за птица? Я таки докопался!

— Ну и что? Какая птица? Говорите спокойнее.

— Нет, вы знаете, куда она ехала?

— Она же вам сразу сказала: во Львов.

— Это я хорошо понял — во Львов. Но почему во Львов из Днепропетровска нужно ехать через Ровно? А? Почему бы такая топография? Не знаете? А вот теперь попробуйте мне сказать, что доктор Циммер — плохой переводчик или плохой разведчик. Майор Дорман не поехал из Днепропетровска во Львов через Каменец-Подольск и Тернополь, потому что там полно партизан. Это она мне, доктору Циммеру, говорит, что там полно партизан. Ну, как вам нравится?

Я сказал, что мне все это не так уж нравится.

— Ну и что же дальше?

— А дальше то, что на мой вопрос, каких партизан она знает под Винницей,— что, вы думаете, она мне ответила?..

— Ну, кто под Винницей?

— «Под Винницей партизанен Кальпак». А когда я спросил ее: кто же вокруг Проскурова? — она ответила: «Тоже партизанен Кальпак», и, что бы я ни спросил, какие города ни называл бы — Волочиск, Тернополь, Бучач, Злочев — всюду и ей и ее майору чудится «Кальпак».

— Чудился, доктор,— поправил я Циммера.

— Верно, верно...

— А как же вы все это выпытали?

Доктор улыбнулся.

— Эта немка — она как кошка. Кто ее по шерстке погладит, тому она и мурлычет.

— А больше она ничего не знает?

— Нет. Больше ничего.

Значит, от Львова до Проскурова широким «фронтом» проходили наши группы. Измученные, израненные, без патронов, они наводили страх на немцев. Это шорох тысяч ног наших колонн и колоннок, скатившись с гор, разносился от Днепропетровска до Львова.

Может быть, и не сразу, но через несколько минут я подумал: «Шуму от выхода нашего из Карпат было больше, чем серьезного, продуманного партизанского дела. Но наша ли в том вина? Мы — подвижные части партизанского движения. Мы выполнили свой долг. А вот партизанская пехота, закрепляющая успех... если бы она подошла! Тогда то, что было только отражением в трусливых мозгах фашистов от нашего похода, стало бы реальностью. А может быть, мы и недооценили этот свой шум?»

И, уже попав на верную колею допроса, мы вместе с доктором Циммером беседовали с немкой...

Уверившись в наших «благих намерениях» немка болтала безумолку. А я задумчиво листал толстую тетрадь-дневник майора Дормана. Чем-то необычным казался мне он... Неко-

торые страницы были сплошь исписаны под одной датой. Между датами пропуски иногда по нескольку месяцев.

— Нет, определенно это был мыслящий немец,— сказал я Циммеру.

— Одну минутку, товарищ командир,— ответил Циммер, галантно разговаривавший с немкой.

И хотя я не мог понять и половины написанного, все же видел — здесь записывались мысли, а не велся скрупулезный учет кур, индюшек, сел, деревень, городов, рек, гор...

— Бросьте немку к чорту. Она и так влюбилась в вас...

— Не шутите так, командир...

— Я не шучу... Познакомьте меня лучше вот с этим манускриптом...

Циммер минуты три читал про себя, затем, откашлявшись, перевел по-русски почти без ошибок.

«3.10.41 г.

Мы перед Харьковом. Наступление задержано. Это поразительно. Русская оборона усиливается, а разрушенные дороги лишают нас возможности массировать новые силы».

— Дальше. Дальше. Вот здесь, пожалуйста...

«5.11.41 г.

Мы в Чугуеве. Дальше мы не можем итти. Дожди сделали дороги непроходимыми. Восточнее Чугуева — бездорожье. Русские ушли, оставив ничтожный по численности, но упорный арьергард. Наш главный враг — громадные пространства без дорог. Наши полки перед стенами Москвы».

— Напрасно он валит все на дороги... А впрочем, надо же на что-то ссылаться. Все они, «завоеватели», так: чуть споткнулся — дорога виновата...

— Ага, вот уже и про нас...— с гордостью говорит Циммер.

«В Харьковской области русские установили очень много адских машин, которые взрываются в определенное время. Значительное число их было открыто нашими инженерами. Часть их была выдана перебежавшими к нам саботажниками. Многие из них погибли при удалении мин».

— Туда им и дорога...

— Продолжайте, доктор...

— Сейчас... так... вот есть интересное...

«10.11.43 г.

Русские в Харькове. Самолеты над Германией. Становится скверно на душе. Есть желание с горя пить, и мы пьем. А теперь, когда мы отступаем, встречаем только вражду».

— Что посеешь — то и пожнешь. Дальше...

«Вражда — это не так важно, но хуже то, что против наших арьергардов действуют партизаны. Они применяют самые жестокие средства, как зубами перегрызают наши внутренние связи. Мы не можем ни выехать, ни подъехать по железной дороге. Узловые станции Ковель и Ровно парализованы с августа. В разгар нашего наступления и потом, в печальные дни нашего отступления, в северной части Украины поезда не ходили нормально н часто подвергались крушению. А теперь я должен сидеть в жалкой нзбе и заботиться об охране железнодорожной линии. Музыка играет, н я в настроенин пнсать н писать. Становится страшно обозревать местность, когда едешь. Повсюду остатки разрушенных поездов. Ни одного дня в моем районе без железнодорожных катастроф. Русские партизаны устанавливают адские мины, которые мы отказались удалять и которые должны взорваться. И часто приходится самим взрывать рельсы, где только подозреваем мины. Некоторое время в Белоруссии и некоторых районах Украины было даже известное облегчение. Партизаны сотнями взрывали рельсы. Это было плохо для восстановительных работ, но хорошо для поездов. Какая паника! И вообще, если бы не было мин, партизаны не моглн бы совершать ничего особенно вредного. Они причиняют нам непоправимый вред минами и при этом сами остаются невредимыми. Каким образом так сильно развился на дорогах бандитизм? Во многом мы сами виноваты».

Дальше шли дорожные записи. Дневник съехал на обычную форму. Еда, сон... Выпито... Имена украинских девушек... Затем довольно презрительная запись о женских достоинствах спутницы майора...

— О дороге из Днепропетровска не сделано ни одной записи... Обратите вннмание, командир.

— Что ж, придется полагаться только на словесные показания фрейлейн...

— Фрау, товарищ командир...— вежлнво поправил Циммер.

Картина прояснилась... Разобравшись по дневннку майора и разговору с фрейлейн, или фрау, в душевном состояннн этих двух немцев, мы яснее поняли, каким кошмаром было для оккупантов наше движение... Страх перед дорогами! Паннка на станциях... Ужас! Кошмар!

Кто же сделал это?

Ковпак, как говорила в страхе немка. И он, конечно! Но его имя — символ... Этот ужас в черные фашистские души вселили советские патриоты. Устами старейшего большевика Михаила Ивановича Калиннна партия сказала, что фашизм — это враг, которого «надо бить много н долго для его же соб-

ственного вразумления, для внедрения в его сознание того, что партизаны — это благороднейшие граждане подвергшейся нападению страны».

А есть страны в мире, у которых, как оказалось на поверку, совесть не совсем чиста в этой войне.

И перед ними, как упрек и урок, как восхищение всем лучшим, прямодушным и чистым, что есть в человеке, стоит моя многострадальная родина и ее лучшие люди с чистой совестью, с ясным взглядом вперед, трезвым умом и пламенным сердцем, таким, каким оно было у Семена Васильевича Руднева.

Десятки крупных соединений действовали в тылу у врага. Каждое из них делало свое честное, благородное дело. К лету 1943 года картина была такая. Далеко на западе за Стоходом и Серетом Федоров стальными тисками зажал крупный железнодорожный узел Ковель. Не выпускал поездов ни из Бреста, ни из Холма, обрубал немецкие щупальцы на Сарны и Здолбуново. На Карпатах бились Ковпак и Руднев. Блестящие рейды совершали Наумов и Мельник. Еще зимой и весной Наумов пронесся ураганом по всей Украине. В степях Кировоградчины и Одесщины, по нижнему течению Днепра и Полтавщине проходили его рейды. Старик Мельник нагнал страху на гитлеровскую ставку.

Севернее — вся Белоруссия горела под ногами у немцев. Враг, проскочивший через диверсионные заставы Федорова, проходил на Шепетовку и Сарны, где его добивали Бегма и Одуха. Организованное партией большевиков народное партизанское движение действовало во всю силу, и даже наши временные неудачи в Карпатах предстали перед нами в другом свете.

Спустя два дня, на подходах к железной дороге, мы встретили партизан. Это были отряды, еще при формировании присвоившие себе славные имена Котовского, Фрунзе.

Наши маршруты совпадали.

Договорились с командованием двух отрядов о переходе ночью железной дороги Здолбуново — Шепетовка.

Еще случались перестрелки, два эшелона было пущено под откос, через асфальт мы переходили с боем, но все это уже казалось не трудным.

Выход из Черного леса через всю Галицию и Ровенщину занял без малого месяц.

27 сентября мы подошли к Городнице. Здесь начиналась зона партизанского края. Хотя мы еще не встретили стоянок партизан, но и немецким духом уже почти не пахло.

Обойдем Городницу и остановимся в лесах на отдых, решили мы с Москаленко и Войцеховичем.

— Надо все-таки поразведать городишко, где его лучше объехать,— сказал Вася.

— Торопиться надо. Пойдем в леса — большую часть людей придется разослать по разведкам. Будем разыскивать Ковпака и остальные группы.

Но в Городницу разведку все-таки послали. Вернувшись, она сообщила, что побывала в самом городе. Там не было ни немцев, ни каких-либо властей.

— Удрали от партизан немцы,— докладывали разведчики.

Гарнизон Городницы еще с лета был обречен. Еще в июне немцы с трудом подвозили питание, а связь осуществлялась только по радио и самолетами. Позже окопавшиеся здесь огромные соединения партизан полностью блокировали Городницу. А на период, когда потребовалось перебросить отряды в другие места, партизаны плотно замуровали имевшимся в избытке толом все выходы из города.

Когда я узнал все эти подробности, то подумал: «Так ласточки поступают с воробьем, забравшимся в их гнездо: плотно прикрывают выход, а затем все вместе замуровывают его в гнезде».

— Но как же вы все-таки осмелились сунуться в самый город? — спросил я разведчиков.

Лапин рассказал:

— Подходим мы к предместью. Что такое? Нет ракет. Не может быть, чтобы немцы без ракет спали. Подходим ближе. Тишина... Еще ближе... Уже на огороды вышли. Слышим, гармоника играет и дивчата хохочут. Ну, тут я хлопцам говорю: «Пошли! Нема никого!»

— Так из чего же ты это понял?

— Если были бы немцы, дивчата б не хохотали.

Действительно, город был пуст. Здесь перед войной стоял пограничный гарнизон. Казармы, отличная баня. Все сохранилось. Искушение было очень велико. Махнув рукой на предосторожности, мы с Васей решили войти в Городницу.

Попарившись в бане, на следующий день дали координаты обещанному нам еще в Карпатах самолету. Три раза переспрашивала Большая земля координаты, примеряя их, видно, к своей карте, и, конечно, каждый раз они точно совпадали с Городницей. О ней все лето имелись разведданные, что там стоит упорно не сдающийся гарнизон. Решили, что напутал наш штаб.

Наконец на вторые сутки из партизанского штаба пришла недоуменная радиограмма: «Сообщите, кто занял Городницу?» Но что мы могли сообщить? Кто занял Городницу? Да никто ее не занимал. Немцы сами еле ноги унесли оттуда.

За несколько дней стоянки мы успели отдохнуть. Наиболее

сильные роты выслали диверсионные группы на асфальт. Войцехович сидел над штабными делами. В перерывах, лежа на кровати, он говорил:

— Нехватило у немцев выдержки. Сами удрали!..

И по этому случаю день и ночь наши бойцы посменно парились в гарнизонной бане до потери сознания.

16

Однажды вечером разведчики сообщили, что севернее Городницы реку Случь с запада форсировал какой-то отряд. Разведчики не дошли до него, торопясь передать нам это известие. Были догадки, что это группа Ковпака.

Уточнив все сведения, на другой же день мы с Мыколой выехали рапортовать командиру.

Встреча с Ковпаком произошла в той самой Старой Гуте, где четыре месяца назад на митинге поляков выступал ксендз пан Адам. Сейчас он тоже угощал Ковпака. Правда, с кисло-сладкой улыбкой, но все же он сообщил Ковпаку, что стол, за которым он тогда обедал, они сохраняют как реликвию.

Я хотел было произнести рапорт по всей форме. Но Ковпак махнул рукой и сказал: «Ладно, потом отрапортуешь, на дозволье», и крепко обнял нас с Мыколой.

Пункт сбора обеих групп был назначен в районе дислокации отряда Иванова. Туда была отправлена четвертая рота и остатки третьей, пришедшей с Ковпаком.

Ковпак выехал со мной в Городницу. К его приезду жарко натопили баню. Коренные сибиряки — Ленкин, Ефремов и Тетерев — поддавали жару. Выйдя из бани, командир долго ходил по Городнице, присматривался к людям, к их выправке, любовался на коней, внимательно разглядывал тачанки.

— Ну, езжай вперед к Иванову,— сказал он мне.— А я пойду с остальным отрядом.

И уже в деревушке, резиденции Иванова, я снял с себя обязанности командира группы. Снова стал разведчиком, заместителем Ковпака. Расспрашивая Лисицу, я пытался восстановить их маршрут, который разошелся с нашим еще у Днестра.

Возле хаты штаба был устроен небольшой «парад», даже с выносом знамени отряда.

И с этого дня в партизанском крае стало известно, что не разбили Ковпака немцы. Что этот кремневый дед не только ускользнул от бесчисленных ударов врага, но и вернулся с обозом, не растеряв оружия, во главе батальона испытанных, карпатские виды видавших бойцов.

Еще говорили, что по следам Ковпака идет самый сильный батальон во главе с комиссаром Рудневым. Он должен был притти последним, задержавшись в Карпатах для выполнения особого задания.

Пикеты и разведчики партизанского края ждали с нетерпением и готовы были соревноваться в том, кто первый встретит легендарного комиссара и самыми краткими, самыми безопасными тропами проведет быстрее его батальон к Ковпаку. Уж очень хотел наш народ видеть эту встречу.

— Комиссар вернется! Щоб я вмер, вернется! — убеждал Ковпак партизанских командиров, заезжавших «в разведку» и «в разглядку» в знаменитый штаб.

Но дни шли, а батальон комиссара не был отмечен пикетами и заставами партизанского края. Разведчики успели смотаться под самую Шепетовку и вернуться обратно. Но они не принесли никаких вестей. Руднев не возвращался...

В третий раз у знаменитых уже Глушкевичей остановился на стоянку наш отряд.

17

Недели за две собрались все основные группы. «Давыдовский маневр» был проверен на территории всей Западной Украины. Он оказался правильным. Больше того. Из разошедшихся в звездном порядке шести групп ни одна не погибла. До партизанского края раньше всех дошел Кучерявский, затем наша группа, а вместе с нами Павловский и Кульбака. Затем подошел Ковпак. Последним явился Матющенко. Но, кроме основных шести групп, еще десятки мелких групп и одиночек собирались больше месяца. Отколовшиеся разведчики, отрезанные на форсировании рек и переходов шоссе «хвосты» колонны образовали небольшие маневренные отрядики. Все они, повинуясь чутью, выработанному за два года борьбы, и знанию вражеского тыла — всего того, что укладывается в понятие «партизанский нюх», прошли сотни километров. И все нашли свой отряд. Одни — с бо́льшими боевыми результатами, другие — с меньшими, некоторые просто проскальзывали, растеряв в боях либо оружие, либо боевой дух. Но все приходили в свой отряд.

Из небольших групп больше всего отличилась команда архитектора Тутученко. Он с семнадцатью бойцами еще в Карпатах ушел в разведку от Ковпака. И, вернувшись, не нашел его. Выходил на север без карты, по старому маршруту. Прошел без боев до Збруча. Тутученко был окружен у города Волочиска. Но, не растерявшись, хлопцы обманули противника, пристроились в хвост к нападающим, подошли к их колонне и

молниеносным ударом захватили машины. Затем они на двух машинах объехали другую колонну, бросая ракеты. Приняв их за подкрепление, гитлеровцы подпустили машины к своему сомкнутому строю. Напав на немцев, не ожидавших налета, семнадцать человек сумели перебить большую часть гарнизона. Был убит комендант Волочиска и еще до полусотни фашистов.

Дальше путь на север группа Тутученко совершала уже на машинах, переодевшись в мундиры жандармов и полицейских.

Вышел Бережной со своей группой. Но его группа понесла значительные потери. По дороге к Днестру она наткнулась на засаду: был убит разведчик Остроухов, медсестра разведки Лиза и Радик Руднев.

Всех нас крепко огорчило известие о смерти Ганьки, белорусской девушки, Ганьки-дипломата.

Роту Курочкина, с которой она выходила раненная, окружили немцы. Рота, согласно приказу Ковпака, прикрывала выход санчасти. Начальник санчасти хирург Иван Маркович Савченко, сын машиниста, рабочий человек, советский интеллигент, совершил свой последний боевой подвиг. Приказав Курочкину и здоровым бойцам уносить раненых, он взял шесть автоматных дисков, залег за деревьями и до конца прикрывал отход своей санитарной части.

Ганька, раненная, отдыхала в стороне. В суматохе о ней забыли. Только когда застрочил автомат Ивана Марковича, она проснулась. Хотела взобраться на коня (раненные в ногу ехали верхом), но без посторонней помощи не смогла сесть на неоседланную лошадь. А к ней уже подбежали шесть немецких солдат. Она хлестнула коня нагайкой и свалилась на землю. Немцы подбежали к ней. Но только они склонились над ней, как оглушительный взрыв разорвал лесной воздух. Вверх полетели ошметки немецких мундиров. Только тогда вспомнили хлопцы: Ганька со дня ранения всегда носила на поясе четыре гранаты — две лимонки, две противотанковые.

Иван Маркович тоже погиб на славном посту солдата-врача.

Уже закончилась война и была написана первая часть этой книги, как судьба вдруг свела меня с матерью Тольки-ленинградца.

Выступая как-то в Ленинграде, в Кировском дворце культуры, я еще с трибуны обратил внимание на худенькую старушку, не сводившую с меня глаз. Что-то необыкновенное было в ее пытливом, напряженном взгляде. После доклада я стал отвечать на вопросы:

— Над чем вы работаете?

— Где сейчас герои вашей книги?

— Что пишет Михаил Шолохов?
— Почему не сбрили бороду в Берлине?
— Сколько сейчас лет Ковпаку?

Вопросы обыденные, и, давая на них привычные ответы, я поглядывал на старушку, которая все больше и больше волновалась.

Но вот новая записка:

«Был ли у вас в отряде Анатолий... Если был, то что вы знаете о его судьбе?»

Я прочел громко вопрос и сразу взглянул на уже знакомое лицо в зрительном зале. Да, это безусловно она написала.

«Неужели мать?» — задумался я.

Не рассказывать же ей все истории о ее недисциплинированном сыне?

Я стоял, не глядя в зрительный зал, и чувствовал, что на меня направлены, как два дула, острые, вопрошающие глаза матери.

— Подателя этой записки прошу пройти после лекции в кабинет директора,— сказал я.

И вот сижу я с глазу на глаз с матерью Тольки-ленинградца. Рассказываю ей о боевой жизни ее сына. Как он пришел в отряд, какие походы совершил. Она дрожащей рукой поворачивает партизанскую медаль, которой посмертно награжден ее сын, и смотрит, смотрит на меня, внимательно, строго и молчит. Худенькое пальтишко, потертый воротник, старенький платок...

— Ну, а как его отец? — сделал я себе передышку.

— Какой отец? — встрепенулась она беспокойно.

— Профессор или... академик...— замялся я.

— Ох, выдумщик! — впервые улыбнулась она.— И вам он свои басни рассказывал, бесталанный мой!..

И задумалась.

Я тоже замолчал.

Потом она подняла на меня какие-то виноватые глаза и, тихо-тихо вздохнув, сказала:

— А я думала... не могут хлопцы без отцов хорошими солдатами вырасти...

— Н... нет, почему же! — сказал я.— Вот ваш Толя, например...

Она подняла руку, словно защищаясь от моих не сказанных еще слов, а затем сжала ее в кулачок и вдруг неожиданно энергично взмахнула ею так, как делают испокон веков все русские люди, в отчаянных положениях кидая шапку об землю.

— Ну, не криви душой, сынок. Скажи матери правду. Хоть самую горькую. Погиб он как честный солдат, как совесть и родина требовали? Скажи!

— Да. Как честный солдат. Даю вам слово, мамаша.

Она посмотрела на изображение Ленина и Сталина на партизанской медали и бережно спрятала ее.

— Спасибо вам всем, родные,— и, поцеловав меня, быстро вышла.

Веселое оживление вызвало появление в отряде двух одиночек. Первый — «воскресший из мертвых» партизан третьей роты по прозвищу Васька-порченый. Еще на Князь-озере у него был припадок аппендицита. Дина Маевская сделала ему операцию, после чего он быстро встал в строй. Но прозвище «Васька-порченый» так и пристало к человеку. С ним дошел он до Карпат. На Карпатах приключилось с ним следующее. Объевшись в голодные дни сырых грибов, Васька-порченый свалился. Вечером перед маршем к нему подошел сам еле стоявший на ногах врач. Он пощупал пульс и, махнув рукой, сказал: «Готов!»

В Карпатах мы были не в силах копать могилы в каменистой земле и закладывали убитых камнями. Скал вблизи не было, и Ваську-порченого мы засыпали листьями. А через день он пришел в себя, но отряда вблизи и в помине не было. Не было у Васьки и оружия. Парень скитался по горам, пробрался в село, но оно оказалось битком набитым немцами. Случайно вышедший из хаты гуцул увидел партизана и провел его к стогу сена. На стогу, между сеном и крышей, Васька прожил четыре дня. Хозяйка подсовывала ему туда молоко, хлеб, брынзу. На четвертые сутки немцы ушли. Парень спустился вниз и, уже совсем окрепший, устроился под образами, за столом. Хозяйка выставила вареники. В это время в избу ввалилось двое полицейских. Скомандовав «руки вверх!», они обыскали Ваську. Не найдя оружия, стали допрашивать. Малый прикинулся военнопленным. Вернуться в лагерь он с видимой готовностью согласился, и полицаи успокоились. Они подсели к столу, к вареникам. Улучив момент, Васька схватил винтовку, прислоненную к стенке полицаем, и убил обоих. Затем он один, по следу отряда, прошел из Карпат через Тернопольщину, Подолию, Житомирщину в партизанский край.

Еще больше растрогал Ковпака и всех нас Велас.

В горах, после потери обоза, грузы санчасти и радиоузла распределялись между бойцами. Велас еще в Карпатах был переведен приказом Ковпака в радиоузел. Где-то возле Делятина старший радист поручил ему нести походный движок — «солдат-мотор», тяжелую железную штуку, килограммов до десяти весом. В горах Велас потерял отряд. По его рассказам, он достиг горы Дил, с которой мы разошлись по группам, на следующий день после нас. И вот тут-то он окончательно сбился со следа. Его ввело в заблуждение деление отряда на

группы. Следы перекрещивались, путались, сбивали его с толку. Он заблудился и попал в Венгрию, а оттуда в Румынию; затем через Бессарабию, Подолию, Винничину и Житомирщину, помытарствовав на два месяца больше всех нас, он пришел в Полесье, нашел свой отряд, явился в штаб и молча положил перед Ковпаком движок.

Ковпак, серьезно расспросив Веласа обо всем его маршруте, вызвал Войцеховича и сказал ему: «Занеси маршрут на карту, как движение отдельной партизанской группы». Затем вынул из-под кровати заветную фляжку и, наполнив два стакана, чокнулся с польщенным солдатом. Потом вызвал старшего радиста и передал ему «солдат-мотор».

— Да он нам ни к чему теперь, — сказал радист. — Нам новый сбросили с Большой земли. А этот мы еще в Карпатах решили выкинуть.

Ковпак нахмурил брови. Но, к счастью, Велас не слышал слов радиста. Он давно уже был глуховат, а после карпатских лишений совсем стал туг на ухо.

Ковпак приказал ежедневно по часу работать на веласовском моторе.

Последней пришла группа начштаба Базымы. Раненный в голову и грудь под Шепетовкой, он был спасен двумя бойцами — Бычковым и Сениченко. Уже подходя к Шепетовским лесам на Тернопольщине, его небольшая группа напоролась на засаду. Миннер Давыдович был убит наповал. Оператор Вакар успел сказать только: «Пленку! Доставьте отснятую пленку в Москву», и умер на руках у Базымы.

Мы стояли в октябре на хуторе Конотоп в четырех километрах от тех же Глушкевичей, где мы 12 июня 1943 года начали рейд на Карпаты. Третий знаменитый рейд, рейд на Карпаты окончился там же, откуда мы шли в «обитель, о которой раньше подумать надо, как из нее выйти».

Как часто мы с Васей вспоминали эти слова Руднева.

18

Осень уже позолотила леса Припятского бассейна. Зелень совсем исчезла. Даже хвоя елей и сосен приобрела бурый цвет.

В эти дни золотой осени Ковпак сказал мне:

— Петро! Полетишь на Большую землю? Тебя давно твое начальство вызывало... Доложи заодно и про нас. А?

Сказано это было спокойным тоном, но я видел — старик сильно волнуется. Никто из нас не знал, как оценит руководство наш Карпатский рейд. «Задача выполнена», — радировал Ковпаку партизанский штаб во время рейда... Но как?

Ковпак страдал бессонницей... Он прислушивался к скрипу дверей в новом, только что срубленном доме.

Ясно было — Ковпак больше всех ждет Руднева... А когда и он сказал: «Петро... Полетишь на Большую землю»... я подумал про себя: «значит — все»... и стал собираться...

Сабуровский аэродром находился вблизи от Лельчиц. Вспомнились зимние ночи...

Всего только десять месяцев назад готовились мы к Лельчицкой операции. А казалось — прошли годы...

Вспомнились слова Руднева:

«Хлопцы! Это наши «партизанские Канны». Много воды утекло с тех пор. Уже даны фашистам нашей доблестной армией настоящие Канны под Сталинградом, уже завершена полной победой битва на Курской дуге... А мы? Есть ли наша доля, наша капля труда, подвига в общей победе? — спрашивали мы себя в эти осенние дни.

Вот Боровое — село, где мы стояли после «партизанских Канн»... Теперь тут расположены отряды Сабурова и Бегмы.

Мы подъезжали к аэродрому на рассвете... Подморозило...

— Щира лошадка, — почему-то, ни к кому не обращаясь, сказал Ковпак.

Встает в памяти зимний день, когда мы впервые пришли сюда.

«Отсель грозить мы будем шведу», — декламировал тогда Руднев.

— Ты расскажи там... не забудь... про Проскуровску дорогу, — твердил Ковпак.

Я вспомнил... на обратном пути из Карпат все группы докладывали об этой дороге... Вспомнил, как проходил ее и сам...

Лом машин, танков двигался сплошным потоком по Проскуровской дороге на запад... Это была гигантская работа наших старших братьев — Красной Армии на Курской дуге. Там, далеко, за тысячу километров от нас на восток, они взяли за глотку Гитлера, и хруст фашистских костей дошел до нас сюда, до Тернополя, по железной дороге «першей клясы».

— Скажи, что мало мы ее поковыряли! .. Не було чем...

Вспоминаю, как по ночам бывало не спит наш командир... скрипит зубами, ворочается... Нехватило тола, чтобы полностью закрыть дорогу «першей клясы».

И, прощаясь с командиром, я думаю о своем...

Ковпак сложен и разнообразен. Все в нем есть — и величие, и простота, и хитрость, и наивность. Что же главное в этом человеке? Главное — преданность партийному долгу... Это несомненно... Затем — требовательность к себе и к своим подчиненным... Он любит законченность мысли, отточенность

плана операции. Как всякий новатор, он иногда впадал в резкости... Не раз наскучивал он нам своей придирчивостью, и казалось, что делает он это зря. Но, вдумываясь глубже, я увидел в этом самородке ту черту, которая всегда отличает незаурядных людей.

Опыт солдата помогал ему решать серьезные задачи, отмыкая их сложный замо́к ключом «маленьких дел». На разборе этого рейда Ковпак ясно объяснил неудачу делятинского боя тем, что выход рот на исходное положение был не в том порядке, который нужен был к началу атаки. «Что недоделано, то не сделано» — эту истину понимал этот народный вожак.

Уже перед самым вылетом приехал из Конотопа связной и передал принятую после нашего отъезда радиограмму:

«Ковпаку, Вершигора.

Приветствую честные ваши заслуги... Ходатайствую о представлении ваших героев заслуженным наградам.

Хрущев».

Ковпак немного повеселел...

— Не забув наградные листы, Петро?!

И снова взмыл ввысь самолет... Уже не Лунц, а новые крылатые люди, бывалые хлопцы Гризодубовой везли нас на Большую землю.

Почти на рассвете перелетели Днепр... Пожары, пожары, пожары кругом...

— Тут сейчас фронт. Армия наша подходит к Киеву. Это немец уносит ноги с советской земли, — говорит Таран, командир корабля.

Левобережье было уже полностью свободно от немца.

Светало. Я глядел вниз из кабины пилота.

Ох, как ты постарела, заморщинилась окопами, траншеями, надулась волдырями бомбовых воронок, украинская земля...

Догорала справа Дарница...

Самолет наш не приняли в Харькове. Мы сели в Курске. Со мною Николай Смирнов — наш главный радист, Анюта Маленькая и Володя Лапин. Они, после полутора лет пребывания в тылу врага, первый раз на Большой земле. Добираемся в Харьков эшелонами... Из одного в другой... Молодые ребята были взволнованы, веселы... Я не слушал их болтовни...

Крепко запомнилось все виденное и слышанное в эти первые сутки на Большой земле. В теплушках ехали солдаты, женщины, воюющий народ. Именно воюющий народ...

И в эту ночь с предельной ясностью осознал я такую простую истину: война — это труд. Весь народ, и мы с ним вместе — совершаем величайший труд.

Вот тихо, словно воркуя, разговаривают бывалые гвардейцы... Потрескивает от глубоких затяжек махорка, выхватывая на миг из тьмы теплушки гвардейские усы...

— Полк был хороший, дружный полк...

А из другого угла недовольный голос разъясняет:

— У него, брат, не такой веселый пост, чтоб он наперед знал. Он только то может знать, что было... Должность не такая, чтобы вперед...

И снова вокруг треск махорочной затяжки.

— И начали нашу роту общипывать...

— Из зависти, что ли?

— Не-е-э, по недоумению... А у меня ж был Нестеренко, пулеметчик такого класса... Знаешь, какого? Высшего класса.

Баба цыкает на ребенка и в перерывах между его криками торопливо рассказывает соседке:

— «А ну, покажи руки», — говорит секлетарь. «У нее руки непорепанные — значит, и в партию принять не можем», — это я кажу... «Правильно», — говорит секлетарь... А я партизан передержувала... Мне вера от партии большая.

Чудная баба говорит о чем-то своем:

— Теперь ведь бога нет, ни сына божья, ни святого духа. Если бы был бог, разве допустил бы он такое?

Из другого угла басит кто-то:

— Женщины? Ох, женщины... Воны нам и велыкую службу служыли... Ох, ох... воны нам и велыкие грехи робылы... От, скажем, Ульяна... ерой... нет, именно — ерой... а що я через нее натерпелся, ох-хо-хо... брат ты мой...

В центре теплушки у гаснущей печурки толкуют два политработника еще с лазаретным запахом распарившихся шинелей:

— Пролежал я без чувств на морозе сутки. Вся душа до мосла промерзла. А дальше не помню... Раны залечил, а вот суставной ревматизм... никак его не выгоню.

— Да... плохо твое дело. Какой же ты замполит, если, скажем, полк на лыжах, а ты на тачаночке... Гнать тебя из армии надо... В армии только здоровые служить могут.

И говоривший натужно кашляет, сдерживаясь изо всех сил... Терпеливо переждав приступ кашля у товарища, ревматик продолжает оправдываться:

— В нашей дивизии многие ранены. Кто в живот, кто в руку, кто в ногу...

— Ну, тогда на турецкую границу дуй. Там тепло, с ревматизмом можно... Все ж таки там на нашем парадном входе

чужой швейцар стоит...— помолчав, он добавляет, чтобы отвлечь внимание собеседника от мучившего его кашля: — А у меня мозоли... на левой ноге, совсем замучили.

И, мстя собеседнику, ехидно смеется ревматик:

— Да, солдату, да еще в пехоте, с мозолем никак нельзя-а-а... Нельзя, брат...

В глубине вагона слышен стариковский козлетон:

— Братцы мои, украинцы! Когда мой Ванька с победой явится,— знаешь чего? Вся земля дыбом станет — вот чего. Я русский человек. Да...

— Это, понимаешь, те — ну, те, що бублики пекут...—бубнит тот, которому далась в память геройская Ульяна.

Я вспомнил... Когда Ковпак провожал меня на сабуровский аэродром, на лесной дороге лежало березовое полено... В лучах заходящего солнца оно казалось темнооранжевым... И было почему-то похоже на пачку печенья... Надо спросить Анюту, куда девала она банку с вареньем на делятинском мосту. И только стук колес на стыках и сон, как пропасть, как та страшная пропасть под Делятином.

Проснулся. Анюта и Володя Лапин спали. Светало... Теплушку покачивало. Тишина... Только в углу сидел худой нахмуренный старик. Перекинул ногу на ногу. Покачивало теплушку — качалась и нога... Словно старик «качает чорта на ноге». Слезятся стариковы очи...

Недалеко в куче тряпья возилось что-то... Тихий детский голосок лепечет спросонья:

— Мама...

— Чего тебе, сынок?

— Мама! Сейчас война стрелять будет: бух, жик-жик, бум. И наша хата пых-х-х...

— Спи, сынок. Война далеко ушла.

— А кто ее прогнал, мама?

— Наш папа... прогнал.

— А война боится папу?

— Боится... Спи, сынок.

— Не плачь, мамка, не плачь... Папка приедет и за шейку обнимет, как я. Вот так.

— Не приедет...

— Не плачь, мама...

Утро. Совсем рассвело. Остановка.

Поезд стоял в Белгороде долго. В классном вагоне ехал корреспондент английской газеты. Каким-то образом он узнал, что я партизан. Подошел, показал карточку и бумажку одной из наших культурных организаций, где просят «оказывать содействие»... Задал вопросы, касающиеся моей особы. Говорю — сколько лет, откуда... профессия... Удивленно под-

нял брови. Щелкнул зеркалкой. Решив, вероятно, что с «бывшим» интеллигентом можно говорить начистоту, спросил в лоб, приготовив вечное перо:

— Как вам нравится партизанская война? Это русское название действий в тылу противника. Командос — это английское название...

«Ну что я могу тебе сказать? Вступать в спор? Доказывать, что это совсем-совсем не одно и тоже?»

Ответил:

— Очень нравится... Все время на воздухе... Полезно для здоровья...

— Иес-сс... прошипел он с каким-то гадючим удовольствием.

Выручил машинист... Гудок... Мы — по вагонам. Я не пригласил «союзника» в теплушку, и интервью на этом оборвалось.

Стучали колеса. Из окон всюду видны следы боев на Курской дуге.

Скоро Харьков.

Все в теплушке пришло в движение.

Люди забыли свои сны, разговоры...

Мы тоже, спрыгнув на ходу, заторопились.

Надо было найти коменданта, разыскать штаб. Трамваев не было.

Пошли пешком. Какая-то опустошенная тишина стояла на обугленных улицах Харькова.

По дороге шли две старушки...

— Ох, скорее бы смерть пришла, — ныла одна, скользя по выбитой мерзлой мостовой.

— Не спеши, помрешь еще! — вызывающе бойко крикнула другая.

Украинский партизанский штаб мы нашли скоро. Обычная деловая обстановка.

Дежурный, начальник питания, часовые у входа. Явился к дежурному, получил койки и талоны... Дела всего было на полчаса...

— Вас вызывает генерал, — запыхавшись, догнал меня у выхода из столовой дежурный офицер.

Начальник Украинского партизанского штаба Тимофей Амвросиевич Строкач встал навстречу и приветливо протянул руку...

— Слыхал, много слыхал о вас...

Генерал Строкач — лицо, известное всем партизанам Украины. Нам не довелось встретиться перед Карпатским рейдом. Я вылетел в Москву тем же самолетом, каким прилетел к Сабурову и Ковпаку начальник Украинского партизанского

штаба. Когда же я вернулся и на марше догнал отряд, Строкача уже не было — он совершал поездку по Полесью из одного соединения в другое. От Сабурова к Бегме, от Бегмы к Федорову. Из вражеского тыла он выбрался на самолете вместе с Демьяном Сергеевичем Коротченко — «товарищем Демьяном», пробывшим в отрядах более двух месяцев...

Но только после войны, встретившись как-то с летчиками и с начальником штаба полка Гризодубовой, я узнал подробности того, каким образом пришлось заканчивать «товарищу Демьяну» свою служебную командировку в тыл врага.

Когда были просмотрены и составлены планы, даны задания, проверено их исполнение, несколько соединений (Ковпака, Мельника, Наумова, Шукаева, Буйного) двинулось в рейды. Народу в партизанском крае стало вдвое-втрое меньше. Половина сабуровцев действовала диверсионными группами вдалеке от штаба.

Немцы пронюхали о том, что среди партизан находятся крупные советские руководители. Враг уже давно стягивал к Припятскому бассейну свои войска. Но он опоздал. Вся колоссальная подготовительная работа ЦК КП(б)У и Украинского партизанского штаба была закончена. Основные силы партизан были уже в пути к своим, неведомым врагу целям. Пребывание в тылу врага Коротченко и Строкача сейчас уже не вызывалось необходимостью. Руководители собрались на Большую землю.

Командование немцев разработало концентрический удар и начало быстро стягивать петлю сразу со всех сторон. Бросило на блокировку подвижные части, и все устремилось к партизанскому штабу и партизанскому аэродрому. Немцы наступали и днем и ночью. Сабуровцы сражались, как львы, но немцев было во много раз больше, и на третьи сутки они уже пробивались к аэродрому.

Аэродром пришлось оставить. Около полумесяца отбивались, маневрируя, сабуровцы. Немецкое командование стремилось во что бы то ни стало разгромить отряды Сабурова. А до этого войскам была поставлена задача не дать ни одному советскому самолету совершить посадку в Полесье.

Хитрыми уловками, мелкими, но неожиданными налетами, засадами сабуровцы измотали немецкие войска. Техника немцев рвалась на минах. Солдаты обессилели в погоне за неуловимым противником. Они так же, как потом солдаты Кригера в Карпатах, стали морально сдавать.

Тайком, тщательно маскируясь, удалось нащупать площадку для приема самолетов. Неудобную, на песке, длинную поляну. С большим риском на ней можно было посадить ма-

шину. Дело осложнялось еще тем, что в обратный рейс уходили на другую ночь. На партизанских аэродромах дневало иногда по нескольку самолетов. Короткой летней ночи хватало только на один конец. В самую рискованную ночь, когда уже немецкие автоматчики подошли к сабуровскому аэродрому и невдалеке от костров шлепались мины, за час до рассвета совершил посадку наш самолет. Один из лучших летчиков полка Гризодубовой, — Феофан Родугин, привел машину по заданию товарища Хрущева. Товарищам Демьяну и генералу Строкачу было приказано немедленно вылететь на Большую землю.

В том, что удастся удержать до следующего вечера аэродром в своих руках, а тем более сохранить машину Родугина способной лететь в далекий шестичасовой рейс, уверенности не было. Где-то в лесу ворчали моторы немецких танков. Минеры кидались им наперехват, но по лесу сплошными цепями шла фашистская пехота с собаками, миноискателями, минометами. Пьяная и нахальная. Было только два выхода из создавшегося положения. Либо сжечь самолет и пробиваться, либо поднять самолет в воздух с расчетом уйти от наземной облавы, но через полчаса-час попасть в облаву вражеских истребителей. Уже когда розовела утренняя заря, Феофан Родугин поднял с песчаного грунта самолет и повел его на бреющем над опешившими от неожиданности немецкими войсками.

— Прорвались! — сказал Родугин через десять минут, выходя из кабины летчика.

Наверху сразу посветлело, а еще через несколько минут лучи солнца позолотили крылья машины.

— Запрашиваю Москву, — доложил командир корабля генералу Строкачу.

— Что дает Москва?

Родугин виновато развел руками. Это означало—связи нет.

Да Строкач и сам знал: когда брезжит заря — утомленные почти суточной работой аэродромщики, офицеры штабов, идут на отдых. Надо и им эти несколько часов поспать. В десять ноль-ноль начнется снова трудовой день, который окончится только завтра на рассвете. Только дежурный радист держит точную связь с самолетами, ночью перелетевшими через фронт и сейчас подходящими к своим аэродромам.

— Навряд ли сейчас кто-нибудь ожидает нас в воздухе на пять часов лету над немцами! — сказал Строкач командиру корабля.

— Попробую еще связаться, — словно провинившись в чем-то, ответил летчик.

— Попробуйте...

Товарищ Демьян сидел на жесткой скамье и сортировал какие-то заметки и бумаги. Видимо, смотрел, что нужно уничтожить в случае аварии, а что беречь до самого конца.

И вот тут-то и случилось то, о чем рассказывал мне начальник штаба Гризодубовой.

«Дежурила у нас в тот день радисточка одна. Все мы ее звали Наташа — Золотые Ушки.

Гризодубова отдала уже все приказания, села за руль своего «оппелька». А я остался в штабе. Прилег. Подремлю, думаю, пока. А там и экипажи соберутся. Тогда под душ и на отдых. Родугина мы всю ночь держали на особой связи: знали — обстановка напряженная, знали — приказ Хрущева Родугин повез. Но раз нет его до зари... Значит, будем ждать завтра.

Вдруг в это время вбегает Наташа.

«Ты чего, Золотые Ушки?» — спрашиваю. А она какая-то вся растерянная. «Феофан в воздухе, товарищ начштаба!» — «Как, в воздухе! Где?!» Беру радиограмму, глазам своим не верю. «Нахожусь в воздухе... На борту — ценные люди». Номер Родугина. Глянул я на его координаты — волосы у меня зашевелились. Ведь это ему, транспортнику, по вражескому тылу до полдня топать! Это все равно, что, извините, голяком через колючую проволоку в десять колов пролезть. «Когда приняла?» — спрашиваю. «Только что... Еще все спрашивал: дайте посадку! Дайте где сесть!» И тут же Гризодубова, командир наш, вбежала. Мы к карте. «Ну где ты была, Золотые Ушки, хоть на полчаса раньше?» — упрекаем мы Наташу, а сами понимаем, что она тут ни при чем. Раз вылетел — значит, другого выхода не было. Но и у нас выхода нет. Товарищи по краю гибели ходят, а чем мы отсюда помочь можем? В тылу врага партизанских площадок десятки. Но там тоже уже часа полтора как никто самолета не ждет. Костры разбросали, замаскировались и храпят себе хлопцы. Но другого выхода нет. Даем координаты на ближайший аэродром. Ближайшие к курсу Родугина площадки были белорусских партизан. Вот одна под Мозырем, другая — на реке Друть. «Давать?» — спрашиваю командира. «Давай, Наташа, стучи!» Сами пошли с ней в аппаратную. Тут она сразу его поймала. Ходит наш Феофан по немецкому тылу, между аэродромами немцев, пробирается чуть теплый. Но еще пока живой. Нас сразу услышал. «Давайте посадку!» — просит. Даем ему самую близкую. Через двадцать минут принимаем сигналы: «Сел на дневку. Маскируюсь. Все в порядке». Вот тебе и Феофан. Вот тебе и Наташа — Золотые Ушки. Ага... А немцы уже «фоккеров» своих подняли. Гоняют, гоняют. Да нет, брат,

близок локоть, да не укусишь. Уж наш «Ли-два» в кустиках сидит, на солнышко поглядывает».

На вторую ночь, поднявшись с аэродрома белорусских партизан, самолет доставил в Москву руководителей украинских партизан.

Карательная экспедиция, начавшаяся через несколько дней после нашего ухода на Карпаты, окончилась безрезультатно. Фашисты справедливо догадывались, что неспроста очутились в партизанском крае эти выдающиеся организаторы. Но — опоздали.

И вот сейчас навстречу мне, одному из многих исполнителей планов, разрабатывавшихся летом, поднялся генерал Строкач со словами:

— Слыхал, много слыхал...

Говоря откровенно, я опешил... Не помню, что сказал в ответ... Но мог ответить теми же словами. Я много слыхал о Строкаче от Руднева и Ковпака. Слыхал о нем и от врага. Немцы, наладив свою карательную экспедицию, разбросали много листовок, именуя в них генерал-майора Строкача генерал-полковником. Знал я от побывавших на Большой земле раненых партизан о том, что каждого человека лично принимает начальник Украинского штаба, расспрашивает, узнает, дополняя личным общением тоненькую и не всегда ясную нить радиосвязи... Чекист, пограничник — начальник пограничной комендатуры на Днестре, депутат Верховного Совета СССР, перед войной он был заместителем наркома МВД. Защищал Киев и оставался там до последнего дня. Затем вывел из окружения большую группу офицеров Красной Армии. Видимо, в эти дни пребывания в тылу врага своим государственным умом он понял огромные возможности партизанской борьбы. Уже осенью 1941 года Строкач организовал руководство партизанами. Сначала посылались через фронт небольшие самолеты, налаживалась связь с действующими отрядами, посылались ходоки, выбрасывались радисты, велась разведка... А к моменту, когда товарищ Сталин вызвал к себе на прием командиров наиболее известных соединений, уже действовали на Украине сотни отрядов... Ближайший помощник Хрущева и Коротченко, Строкач вел руководство партизанами Украины сквозь огонь войны...

Я хотел «по всей форме» начать доклад генералу. Он остановил меня.

— Давайте у меня на квартире погозорим...

И вот я на квартире у генерала Строкача. Солдатская койка, полевой телефон...

— Дни и ночи в штабе. А здесь только несколько часов сна и обед...

Несколько дней, в перерывах между работой, за обедом и ужином пытливо расспрашивал меня генерал о нашем Карпатском рейде... Я понял вскоре: не внешняя сторона событий, не путь движения, изображенный узенькой извивающейся полосой на карте, даже не словесное описание боев, уже известных ранее по донесениям, которые, видимо, тщательно изучал Строкач по ночам, — нет, присутствие живого человека, видевшего события во всей их противоречивой сущности: борьба ве́дения и неве́дения, работа разведки, повадки врага, уменье наших командиров (а порой и просчеты их), уловки Ковпака, взлеты таланта Руднева, предательская роль бандитов и их шакалья тактика, давыдовский маневр и авторы его применения, и выход из Карпат — все, все интересовало генерала.

Он по нескольку раз переспрашивал об одном и том же, улавливал оттенки, исправляя неточности, словно испытывая, выверяя сложный механизм, заведенный им самим и пущенный в самостоятельный полет.

— Давыдовским маневром, говорите? Это хорошо... Но ведь Давыдов пункт сбора назначал за 30—40 верст... А у вас — Полесье. От Карпат?.. Сколько? — он подошел к карте. — 600 километров по прямой? Это как понимать? Эпохи разные, говорите? Да, эпоха советская... И рейд ваш по километражу — один только рейд отрядов Ковпака и Сабурова — перекроет все прошлые достижения наших прадедов разочков в пять-шесть. Правильно? А ведь после еще были рейды не меньше. На Карпаты какой? Третий? Это у вас — у Ковпака? А, кроме вас, еще — Федоров, Сабуров, Мельник рейдировали. А рейд Наумова? Зимой по степи... Знаете? Дерзкий, очень смелый рейд. Советую изучить его результаты и ходы. Там есть свой почерк... Конечно, Ковпак на этом деле собаку съел. Но и другие в партизанском деле смыслят... Вот, например, рейд Мельника под Винницу... Ему было передано на ходу задание Ковпака, когда вас перенацелили на Карпаты... Знаете? Очень хорошо... Разведчик должен много знать?.. Согласен с вами... Вы умеете водить и немца за нос...

Генерал весело засмеялся.

Здесь-то я впервые и услышал Марксовы слова о том, что партизаны свою операционную базу носили, так сказать, в себе самих, и всякая военная операция, против них направленная, оканчивалась тем, что объект ее исчезал.

Генерал положил том Маркса — Энгельса на полочку.

— Не знали? Но чувствовали то же? Правильно. Ведь марксизм, как учил Ленин, как учит нас товарищ Сталин, не выдумывает «теории». Он изучает, объясняет и переделывает

жизнь. Но если хотите знать наше мнение... Победа не в том, что вы сумели исчезнуть. Фокус не в том, что соединение разбрелось по частям. А в том фокус, что оно собралось обратно... За сотни верст... И этот дед глухой? Ну да, Велас... через Румынию и Венгрию, говорите, прошел? Вот в чем победа. И орденов ни один эсэсовец не заработал. Даже за глухого Веласа... А хвалились самого Ковпака поймать...

Генерал опять рассмеялся. Затем сразу стал серьезным.

— А теперь скажите, фокус-то фокус, но в чем он? И чья в нем главная заслуга? Сплоченности отряда? Традиции? Верно, конечно. И это качества немаловажные. А главное что? Вот тут позвольте вас подправить... Главное — существование партизанского края. Знаю, знаю, вы, рейдовики, всегда о нем несколько презрительно так... Сидуны, мол... Даже песню слыхал вашу: «Во селении Купели цело лето просидели, удивительно...» А когда туго пришлось, куда все отряды рвались? На север. А что на севере? Партизанский край! Верно? Верно! Верно и то, что кое-кто из местных командиров считает: вот, мол, пришли и немца к нам привели... Тоже ошибка, конечно. Не понимают, что он вроде базы для вас... Что без него вы рейдировать неспособны, а он без вас не вояка. Взаимодействие. Товарищ Сталин еще в начале войны вызывал партизан разных районов и с учетом опыта партизанской войны указал в своих приказах, что партизанское движение — это народное движение. Вот что главное. А тактика может быть разная. В степи — одно, в горах — другое... А в городах? А в Донбассе? Все по-разному... Советую вам немного опыт других перенять. Все может пригодиться. В рейдах вам, ученикам Ковпака и Руднева, — первое слово. А правильно применять разную тактику — это уже будет оперативное искусство партизанского дела. Тут уже крепко надо сочетать каждый шаг с действиями армии на фронтах. Не учтешь — такое можно напартизанить! Вот смотрите — карта фронтов. Рейдами партизаны постепенно продвигаются на запад и на юг — к границам нашей страны. А партизанские края, глядите, многие из них территорией в тысячи квадратных километров, помогают наступающей Красной Армии с тыла. Вот почему и партизанами руководит лично товарищ Сталин. Вождь партии, вождь войск и вождь народа. Вот как построено это дело... На Украине командует ими Никита Сергеевич, в Ленинграде — товарищ Жданов. А товарищ Ворошилов — главком партизанский. Так-то...

В конце одной затянувшейся вечерней беседы, все более раскрывавшей мне глаза на новый мир управления, генерал спросил в упор:

— Почему вы не воспользовались нашим разрешением действовать самостоятельно? А опять подчинились... Так... Слава ковпаковцев — это и ваша слава? Интересный ответ... Ковпак был ранен... Как, вы не знали?.. Неужели скрывал от всех? Ах, старик... Какой старик! Кремень! Здорово... Да, вы правильно сделали, что опять пришли к нему, выручили старика... Он очень тепло отзывается о вас... Я обязательно расскажу об этом Никите Сергеевичу. Это новые отношения командиров.

Спустя несколько дней генерал Строкач повез меня к Никите Сергеевичу Хрущеву.

Это были дни деятельной подготовки штурма Киева. Штаб 1-го Украинского фронта работал уверенно и четко. Шла работа сложного механизма, осуществлявшего задание Ставки: взять Киев раньше, чем немцы успеют опустошить его... Уже накапливались войска на плацдармах. Генерал Армии Ватутин со своего командного пункта наблюдал видневшийся в дымке златоглавый город.

Никита Сергеевич, член Военного Совета важнейшего из Украинских фронтов, принял нас в сельской хате. К Военному Совету тянулись многочисленные провода. На огороде трещали моторы радиостанций.

— Кроме дел по фронту, у Никиты Сергеевича еще заботы об освобожденной территории... Берегите время, — сказал мне по дороге генерал Строкач.

В последний раз просматриваю «простыню», которую сунул мне на аэродроме Ковпак. Ее заботливо составляли в Глушкевичах Базыма и Вася Войцехович. Скрупулезно и внимательно суммировали они донесения командиров батальонов и рот.

«Простыня» гласит о многом...

Сводка говорит о том, что еще 4708 гитлеровцев нашли себе могилу на украинской земле; о 54 тысячах тонн нефти и бензина, которые пошли дымом; о сожженных танках и сбитых самолетах. Она говорит о том, что отрядами Ковпака уничтожено несколько железнодорожных станций и водокачек; пущено под откос 29 эшелонов, расстреляно 14 паровозов; разбито при крушении 468 вагонов, платформ, цистерн с горючим на станциях, разъездах и в пути; что к гитлеровскому фронту не доходили вагоны с обмундированием, авиабомбами, снарядами, патронами и продовольствием; уничтожены сотни пулеметов и автоматов разных систем, тысячи винтовок и пистолетов, сотни тысяч патронов и ручных гранат, рации, ракетницы и прочее военное имущество; о том, что нами взорвано 14 железнодорожных мостов и 2 бронепоезда; разгром-

лено 17 немецких гарнизонов и взято 5 райцентров; что взорвано 38 мостов на шоссейных дорогах; и о том, сколько уничтожено электростанций, лесопильных заводов, разных мастерских, хлебозаводов, автогаражей, кабеля, радиомаяков, полицейских участков, телефонных аппаратов, пивоваренных заводов, вальцовых мельниц, фольварков, молочарок, продовольственных баз; сколько захвачено на немецких складах сахара, масла сливочного, сыра, соли и табака.

Есть там и такая графа, из которой видно, что из числа трофеев, отбитых у немцев, населению Западной Украины, ограбленному немцами, партизанами были розданы: мануфактура, обувь, табак, сахар, масло сливочное, соль, зерно и мука, рогатый скот и многое другое.

В сводке еще сказано о том, что за период рейдов в Карпатах ковпаковцы прошли 2500 километров боевого страдного пути, и еще о многом, многом другом.

— Вот из-за чего терпели мы лишения в Карпатах. Стоит ли докладывать ее всю? — спрашиваю я у генерала Строкача.

Он улыбается.

— Тогда у вас не останется времени самому два слова сказать... Выберите наиболее показательные две-три цифры. Главное — расскажите о людях и их подвигах...

Но я так и не успел выбрать «наиболее показательные» цифры. Помощник Хрущева полковник Гапочка вышел к нам.

— Прошу. Никита Сергеевич ждет вас.

В дверях мы столкнулись с высоким озабоченным человеком.

— Петр Петрович, — улыбнулся он, — прибыли?

Это был «товарищ Демьян» — Демьян Сергеевич Коротченко, второй секретарь ЦК КП(б)У.

— Зайдите ко мне после... Обязательно...

Хрущев поднялся из-за стола.

Я впервые представлялся этому известному всей Советской стране человеку. Усталое лицо. Крепкие руки. Задумчивый взгляд давным-давно не высыпавшихся глаз.

Я немного робел.

Мне хотелось сказать о многом. Но я отчитывался не за себя...

— Мой командир поручил мне доложить вам...

Усталые глаза внимательно взглянули на меня.

— Я вас слушаю, — сказал Хрущев задумчиво.

Строкач легко толкнул меня локтем. Я вспомнил его слова.

Кроме дел по фронту, за плечами этого человека тысячи километров украинской земли — все левобережье уже было освобождено Советской Армией,— земли, израненной воронками бомб и снарядов, покрытой морщинами траншей и окопов... Разрушенные колхозы, тысячи вдов, сирот, калек... И как-то вдруг побледнела вся наша четырехмесячная эпопея.

— Мой командир поручил мне доложить вам о ходе рейда на Карпаты.

И я стал торопливо, перескакивая через месяцы, опуская детали, рассказывать о ходе рейда на Карпаты.

Выручила карта рейда, намалеванная архитектором Тутученко.

Никита Сергеевич жестом остановил меня:

— Вы опускаете важное... Расскажите, как брали город Скалат... Подробно расскажите...

Я поднял глаза на Строкача. И вместо боя за Скалат сказал, что не хотел бы отнимать время... Сказал, что знаю о том, что, кроме дел по фронту, у не спавшего многие ночи человека есть еще вторая забота — оставшаяся позади, постаревшая от траншей и окопов, залитая кровью отгремевших боев, обугленная земля левобережья...

Хрущев улыбнулся.

— Но у нас есть и третья забота... Это люди, настоящие советские люди, там за фронтом, на правом берегу, помогающие фронту и тылу... Вы, партизаны, — тоже прямая забота ЦК... И пока враг топчет Украину, это одна из главных забот ЦК. Докладывайте подробно... Не экономьте, а только цените время...

Неловкость мою как рукой сняло. Ободренный, я разошелся и докладывал... полтора часа. Почти не перебивая, Хрущев внимательно слушал, вникая в самую суть, словно вместе с нами совершал этот страдный и славный путь... радуясь нашим победам, печалясь нашими неудачами, озабоченно хмурясь и качая головой, когда я говорил об ошибках и промахах.

Несколько раз подходил к телефону, отдавал короткие приказания... И сразу возвращался к деревенскому столу, покрытому вышитой украинской скатертью, и, коротко бросив: «Продолжайте!», все слушал и слушал, внимательно, целеустремленно.

Мне никогда еще не приходилось докладывать такому большому человеку. Но помню, именно в одну из минут, когда Никита Сергеевич отошел к аппарату, ясно мелькнула мысль:

«Иногда недостаток вышестоящих командиров заключается

в том, что они только сами говорят... Многие из них плохо умеют слушать...»

А этот человек, несмотря на всю свою занятость, умел слушать.

Когда весь рейд, за ходом которого мы следили по карте, был мною доложен, Никита Сергеевич как бы стряхнул с лица печаль, навеянную рассказом о судьбе Руднева и других наших боевых товарищей...

— Хорошо... Я обязательно доложу об этом рейде товарищу Сталину. Он знает и следит по вашим радиограммам. Но важны и подробности... Это выдающаяся страница в истории украинского народа... Безусловно выдающаяся... Я уже показывал эту картину товарищу Ватутину... Сначала не поверил: «Группа в 15—20 человек, тайком, конечно, может пройти так глубоко в тыл врага... а чтобы отряд в полторы-две тысячи человек? С боями?» А затем командующий пообещал: «Ну, раз есть на свете такие вояки, надо им помочь. Пусть доложат, в чем нуждаются». Так что не зевайте, — улыбнулся Хрущев. Затем сразу посерьезнел: — Профессиональные военные — они ведь, знаете, требуют обеспечения флангов... А вот ваши, партизанские, фланги — это народ. Как этот — Мыкола...

— Мыкола Струк из Белой Ославы.

— Да, я его знаю. В Яремче бывал перед войной. Как-то на охоте встретил и беседовал с отцом сержанта, который служил в Гори. И профессор гимназиальный... и доктор Циммер, и Велас, и женщины. Вот они — фланги партизан. А сила — в народной вере в правоту нашего непобедимого дела. Сила в партийности наших идей... Я доложу товарищу Сталину о Карпатском рейде Ковпака.

Вскоре команда отбывала в Овруч. А оттуда — через фронт, и мы дома. Но за несколько часов до отъезда я был вызван к генералу Строкачу.

— Вас срочно вызывает Демьян Сергеевич, — сказал генерал.

— Товарищ Демьян?..

Ведь я так и не успел подробно рассказать ему о карпатских делах. Было много нового. Он пробыл у нас в соединении более двух месяцев и многих наших, и живых и оставшихся навеки в горах, знал лично... Конечно, интересуется их судьбой, делами...

Было и у меня новое. Перед Карпатами я был принят в кандидаты, а после Карпат Ковпак, Базыма и Павловский рекомендовали меня в члены партии.

Прибыв к Демьяну Сергеевичу, я было пытался развернуть свою «простыню». Он улыбнулся.

— Я знал ее наизусть, еще когда вы прилетели... Расскажите своими словами о Карпатах... Как горы? На своем месте?

И когда я, увлекшись, рассказывал о боях, Коротченко слушал меня внимательно и устало. Изредка он подходил к карте. Вскоре я заметил, что думает он о чем-то своем, и остановился.

— Куда вы дошли дальше всего на запад?..

Я показал.

— Жаль...

Помолчали.

— Ну, а разведка ходила дальше?

— Ходила, конечно. В Венгрию... По Румынии дед Велас мотался немного.

Товарищ Демьян несколько укоризненно и разочарованно качнул головой и прикрыл глаза ладонью.

И я вспомнил первую встречу в лесу, возле белорусского села Аревичи... и этот самый жест ладонью, прикрывающей усталые или досадливо прищуренные глаза.

«Неужели опять про сельское хозяйство спросит? Да и какое там, у гуцулов, хозяйство — ни колхозов, ни МТС», — с досадой думаю я, кусая ус.

Но, словно не теряя надежды на мою расторопность и догадливость, товарищ Демьян отнял от глаз ладонь, нашел на карте какой-то пункт. Я прочитал мелкий шрифт, обведенный почему-то желтым, зеленым и красным карандашами. Надпись гласила: «Дашава»...

— Сюда разведка ваша доходила?

— Кажется... Был Лисица, нефтепровод взрывал недалеко.

— Нефте- или газопровод?.. Точнее...

Но я не мог сказать точнее...

Он встал из-за стола и прошелся по кабинету, хмурясь все больше. Затем кашлянул и, потерев руки, повернулся ко мне на каблуках:

— Газопровод будем строить: «Дашава — Киев». Вы понимаете, что это такое?..

Глаза его горели так, словно уже не было немцев ни в Житомире, ни в Ровно, ни во Львове, Станиславе, Дрогобыче... По блеску его глаз я понял, что в этом газопроводе есть что-то важное, увлекательное, чертовски трудное и нужное товарищу Демьяну.

Но я думал еще о патронах, пулеметах и как провезти их через фронт...

— По инициативе товарища Сталина, еще во время войны начинается много новостроек.

— И газопровод?

— Ну конечно. Не только о войне думает сейчас товарищ Сталин. Он уже заботится о мире. О том, как его отстоять. Как украсить нашу родину дворцами, садами... О счастье народа и его созидательной мирной жизни.

И в это время я подумал о будущем. Впервые о будущем не только как о взятии Берлина. А о будущем как о строительстве коммунизма на нашей израненной войной прекрасной земле. Как-то легко задышалось, словно из дыма пожарищ вырвался в степь, на вольный воздух.

Видимо, Демьян Сергеевич заметил это и уже не хмурился, а весело смотрел на меня.

— Воюете хорошо... Вы молодцы. Но думайте, думайте уже и о завтрашнем дне. Вы— боевая разведка. Запомните, нам нужно сразу, за авангардом, вслед за батальонами везти плуги, за танками — тракторы и нефть... И из ваших партизан уже сейчас ковать бригадиров для колхозов и прорабов строительств. Так помогайте нам и в этом, чорт возьми... Народ наш заслужил, чтобы сразу после войны он имел и теплый кров и чистый угол, хлеб и культурную жизнь... Непонятно? Ну, то-то же... Должно быть понятно. Вы уже теперь не тот беспартийный романтик, каким были когда-то, четыре-пять месяцев назад! Вы уже коммунист. Молодой, правда, но закаленный в боях. Помните и не забывайте Семена Васильевича. Он ведь давал вам рекомендацию в кандидаты. Ну да, ну да, по моей просьбе. Так что за вас и я в ответе. Буду рад не ошибиться... Живите сегодняшним, реальным днем. Но думайте, всегда думайте о завтрашнем. Тогда и сегодня будет казаться лучше и красивее...

— И легче... — вставил я.

— И труднее,— поправил он весело.— Почему? Да потому, что нагрузка больше. Но все же красивее. Ну, до встречи... Где? В Берлине? Нет, давайте-ка лучше в Киеве — на открытии газопровода «Дашава — Киев»... стадиона, Дворца пионеров, метро... Когда хотите... Но обязательно на мирном поприще, в мирной обстановке. Ну ее к богу, эту войну. Да и какой вы военный? Вы и козырнуть-то как следует не умеете! Вот тогда мы достойно помянем и тех, кто не дожил до наших триумфов, но завоевал право быть помянутым на любом из наших торжеств.

Скоро через фронт прикатили на трофейных машинах Сабуров и Ковпак.

Спустя несколько дней я получил из рук Строкача решение: «Принять командование над отрядами Ковпака». Правительство Украины, учитывая ранение, оставляло Ковпака на Большой земле...

— Хватит, повоевал, Сидор Артемьевич, — сказал опечаленному Ковпаку генерал Строкач.

27 декабря 1943 года вместе с вылечившимися в госпиталях бойцами нашего отряда мы выехали к отрядам через «партизанские ворота». До Овруча, по приказу Ватутина, ехали на 22 грузовиках. Туда я вызвал по радио сто подвод. Вася Войцехович выслал в Овруч сто пар быков. Там мы перегрузили боеприпасы, оружие, шесть новых пушек, снаряды...

Помогала 4-я гвардейская дивизия, стоявшая в Овруче.

Новый год встретили мы уже в отрядах... А 3 января тронулись в новый рейд. На запад. В Польшу. Хлопцы давно мечтали добраться и до Германии. У нас было много забот. В рейде мы получили Постановление правительства Украины о переименовании нашего соединения в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза Ковпака.

Первому полку было присвоено имя Героя Советского Союза генерал-майора Руднева.

19

В Киевском театре оперы и балета собрались лучшие люди Украины.

Долгими, как-то по-особенному звучащими аплодисментами, трогающими сердце, встретил актив столицы Никиту Сергеевича.

Он поднялся на трибуну и впервые в освобожденном Киеве говорил о борьбе советского народа-победителя, о доблестной Красной Армии, теснящей врага на запад. Вот что о нас, партизанах, сказал Никита Сергеевич:

«С начала войны до 15 февраля 1944 года партизаны Украины только по сведениям, которыми располагает Украинский партизанский штаб, истребили свыше 175 тысяч солдат и офицеров противника. Наши партизаны уничтожили и повредили эшелонов — 2331, паровозов — 2230, бронепоездов — 21, вагонов — 24 121, самолетов — 64, танков и бронемашин — 527, речных судов — 30. Взорвано 792 железнодорожных и шоссейных моста.

Украинские советские партизаны захватили и удержали до прихода частей Красной Армии 25 переправ через реки: Десна, Днепр, Припять, захватили 16 районных центров Житомирской, Ровенской, Волынской и Каменец-Подольской областей.

Мы гордимся борьбой наших славных партизан и партизанок, гордимся героическими походами и рейдами партизанских отрядов.

...Соединение дважды Героя Советского Союза товарища Ковпака прошло рейдом через 217 районов, 13 областей...

Партизаны этого соединения прошли свыше 10 000 километров и разгромили гарнизоны противника в 39 районных центрах. Наиболее выдающийся рейд товарищ Ковпак провел летом 1943 года из Киевской области в Карпаты. Во время этого рейда было разгромлено 13 крупных гарнизонов противника в районных центрах, взорвано 34 нефтяные вышки, 2 нефтеперегонных завода, уничтожено до 50 тысяч тонн нефти. Одно имя — Ковпак наводило страх на немецких захватчиков.

Они делали все для того, чтобы захватить и уничтожить этого выдающегося командира партизан. Они даже объявили большую награду за его голову. Но Сидор Артемьевич Ковпак живет и здравствует и продолжает замечательное дело, дело украинского народа, дело борьбы с немецкими оккупантами. Сидором Артемьевичем Ковпаком дорожат и гордятся украинцы, потому что это верный сын своего народа, он борется за дело своего народа, борется против врагов советского народа — немецких оккупантов.

...Здесь, на сессии Верховного Совета Украинской ССР, нужно сказать и о таких замечательных командирах и комиссарах украинско-советских партизан, как комиссар соединения Герой Советского Союза генерал-майор Руднев, комиссар соединения, где командиром дважды Герой Советского Союза товарищ Федоров, Герой Советского Союза товарищ Дружинин, комиссар соединения товарищ Богатырь.

...Немцы страшились мести украинского народа, боялись советских партизан. Оккупанты построили на всем протяжении железных и шоссейных дорог на своих главных коммуникациях укрепления, держали здесь крупные гарнизоны, которые несли охранную службу. Но это их не спасало. Народные мстители брали с боем эти укрепления, прорывались на дороги и пускали под откос эшелоны. Сами гитлеровцы вынуждены были признать грозную силу ударов, наносимых украинскими советскими партизанами.

Небезызвестный немецкий генерал Дитмар говорил:

«В тылу германской армии образовался численно сильный враг. Деятельность вражеских отрядов создала серьезные препятствия германскому командованию в снабжении фронта и передовых линий, став, в конце концов, бичом в этих районах».

Красная Армия продолжает свое наступление и очищает украинские земли от фашистской нечисти. Украинские советские партизаны и партизанки должны всемерно усиливать помощь наступающей Красной Армии, громить тылы и штабы

врага, спасать советских людей от истребления и угона их на каторгу в Германию, беспощадно истреблять немецко-фашистских оккупантов и их пособников».[1]

Сбылись, сбылись вещие слова товарища Сталина, произнесенные им в сентябре 1942 года на совещании партизанских командиров в Кремле!

Обращаясь к Ковпаку и Сабурову, ставя им боевую задачу, Иосиф Виссарионович сказал еще тогда, указывая по карте на правый берег Днепра:

— Скоро там Красная Армия будет. Помогайте нашей армии с тыла. Пойдете поднимать народ...

Громом партизанских рейдов, сотнями взорванных эшелонов отозвались эти слова на правом берегу Днепра, на Украине и в Белоруссии.

Зиму, весну и лето 1944 года 1-я Украинская партизанская дивизия имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака рейдировала по тылам врага, по Украине, по Западной Белоруссии. Сеяла панику среди оккупантов, мстила за слезы нашего народа, за вдов и сирот, за смерть наших товарищей, за кровь незабвенного Семена Васильевича.

Ну, а что же было дальше?

А дальше были рейды — в Польшу, под Восточную Пруссию. Были ковпаковцы и в Чехословакии и в Австрии.

Ну, а какова судьба знакомых читателю персонажей книги? Каковы их пути? Кто из них жив, кто погиб в Карпатах? Какова судьба Руднева?

Долго мы не знали ее. И все больше и больше гасла последняя искорка надежды, что 18 бойцов и фельдшер Галя Борисенко, может быть, спасли комиссара.

Проходили месяцы, годы, а Руднев не возвращался. В 1946 году решением правительства Украины была снаряжена экспедиция в горы. Участвовали в этой экспедиции Панин, Базыма и я. На горе Дил и в урочище Дилок мы нашли могилы погибших в делятинском бою. 72 наших товарища остались там навеки. Подробно опросив гуцулов, хоронивших погибших, мы выяснили, что в двух могилах в овраге были зарыты: в одной — 18, а в другой — 22 человека. По фотографии гуцулы указали, где был похоронен еще не старый красивый человек с черными усами. Разрыв эту могилу, мы увидели череп с черными усами.

---

[1] Из речи Н. С. Хрущева на VI сессии Верховного Совета УССР 1 марта 1944 г.

«Это он!» — хотелось вскрикнуть мне, лишь только я увидел пулевые пробоины в височной кости черепа. И, как живой, встал в памяти комиссар...

«Кому из нас оно светит в последний раз?» — и жест — тот навсегда врезавшийся в память жест — движение пальцев к виску, и резкий щелчок. А затем еще целая ночь, делятинская ночь, и еще две встречи в темноте, в бою...

Гуцулы, хоронившие наших товарищей в урочище Дил, рассказали нам:

— Коли ховали мы товарища комиссара в сыру землю, вся гимнастерка на грудях была кровью залита. И левое колено перебито. Чи снарядом, чи пулею разрывною.

— Да, это он,— тихо сказал я Базыме. Вместе с комиссаром лежало 16 бойцов и Галя Борисенко. Они грудью своей закрывали раненого комиссара до последней минуты. В кармане коменданта Петра Скрыльникова были заржавевшие часы. Стрелки циферблата остановились на двенадцати.

А что сталось с остальными?

Михаил Кузьмич Семенистый, Черемушкин, Чусовитин и многие другие остались в горах навеки.

О Карпенко не было ничего известно. Лишь через полгода, во время рейда в Польшу, мне пришлось допрашивать пленных из 26-го, 13-го и других полков, входивших ранее в группировку Кригера.

Они рассказывали, что в Станиславской тюрьме сидели пленные партизаны. Один из них, раненный в плечо (это был Швайка), другой не называл своей фамилии, но Швайка звал его Федей. После долгих допросов они наконец «сдались»... Федя заявил, что он знает место в горах, где должен скрываться Ковпак... Вместе со Швайкой они вызвались указать это место. Поехали в горы и долго водили за собой гестаповцев... пока в сумерках не бежали, прыгнув один за другим со скалы. Швайка сломал ногу и был пристрелен разъяренными гестаповцами. А Федя бежал... Говорили хлопцы, что встречал его какой-то лейтенант среди чехословацких партизан. И письмо будто бы он привез к партизанской жинке Наташе и маленькому сыну.

Многие бывшие ковпаковцы живут и трудятся и по сей день.

Тысячи пройденных километров, сотни боев, тысячи убитых врагов — вот чем славен путь дивизии имени Ковпака, полка имени Руднева.

Через 9 месяцев, 14 октября 1944 года, в день освобождения Советской Украины от немецких захватчиков, на той же трибуне в Киеве Никита Сергеевич Хрущев, говоря о партизанах Украины, так оценивал наши дела:

«Много партизанских отрядов Украины прославилось своими блестящими рейдами по тылам противника. Партизанское соединение славного сына украинского народа дважды Героя Советского Союза генерал-майора Ковпака с начала Отечественной войны прошло по тылам врага свыше 18 тысяч километров. Крупные боевые рейды осуществили партизанские соединения дважды Героя Советского Союза генерал-майора Федорова, соединение Героя Советского Союза генерал-майора Сабурова, соединение Героя Советского Союза генерал-майора Вершигоры, кавалерийское соединение Героя Советского Союза генерал-майора Наумова, соединение полковника Мельника и другие.

Украинские советские партизаны вписали много славных героических страниц в летопись Великой Отечественной войны».

Но здесь в числе других отмечены уже и дела новой смены, второго призыва ковпаковцев.

Все они твердо знают: только потому, что партия послала к нам замечательных руководителей: товарища Демьяна, генерала Строкача, Руднева,— добились они успехов в борьбе против врага.

И светлый гений товарища Сталина водил нас в бой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этой книге рассказано только об одном отряде, одном боевом коллективе. В нем было и хорошее и плохое, и типичное и частное. Случай и место, где застала тебя война, определяет меру твоей ноши. Наше место было на коне, на тачанке, в походах. А ноша — Карпаты... Пусть они никому из моих товарищей, советских людей, не будут упреком: «А ты был в Карпатах?»

Есть другое мерило долга и совести. И никого из нас не освобождает от них история.

Есть у советских людей совесть — совесть всего человечества — партия большевиков... Мудрая, строгая, животворящая сила истории. Не дает она поблажки ни нытикам, ни маловерам, не прощает сюсюкающих, вдохновляет миллионы передовых людей и перевоспитывает отсталых.

Победа нашей родины — страны с чистой совестью — вот что воодушевляло и подымало всех нас, солдат Советской Армии великого народа.

Еще не кончилась война, когда я начал писать эту книгу... Многое еще было не узнано и не понято, не было связи событий, были только горькие и радостные факты, и думы о товарищах, о живых и сложивших буйные головы...

Мы знали о главном в этой войне, о подвигах великой армии, о героизме народа по эту сторону фронта, о героях советского тыла.

Но о чем рассказать раньше всего? Не лучше ли рассказать о том, что увидел своими глазами, пережил, перечувствовал?

Писалась книга легко. Мне она доставляла удовольствие: вспоминать, вспоминать и горести, и радости, и наши победы.

Была лишь одна трудность — найти в себе мужество говорить обо всем только правду. Это не роман и не повесть, а просто записки-воспоминания.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГА ВТОРАЯ

★

Редактор *Н. Куштум.* Переплет художника *О. Коровина,* титул и шмуцтитулы художника *В. Воловича.*
Технический редактор *Л. Носова.* Корректоры *М. Ильина, М. Епимахова.*

Подписано к печати 30/III 1953 г. Уч.-изд. л. 43,73. Бумага $60\times92/_{16}$=21,25 бумажного—42,5 печатного листа. НС02334. Тираж 75000. (Второй завод 60001—75000). Заказ № 11. Цена 12 р. 45 к. 5-я типография треста Росполиграфпром, Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

847
11-50

12 р. 45 к.

[illegible] СКОЕ
КНИЖ[illegible] [illegible]АТЕЛЬСТВО
19[illegible]